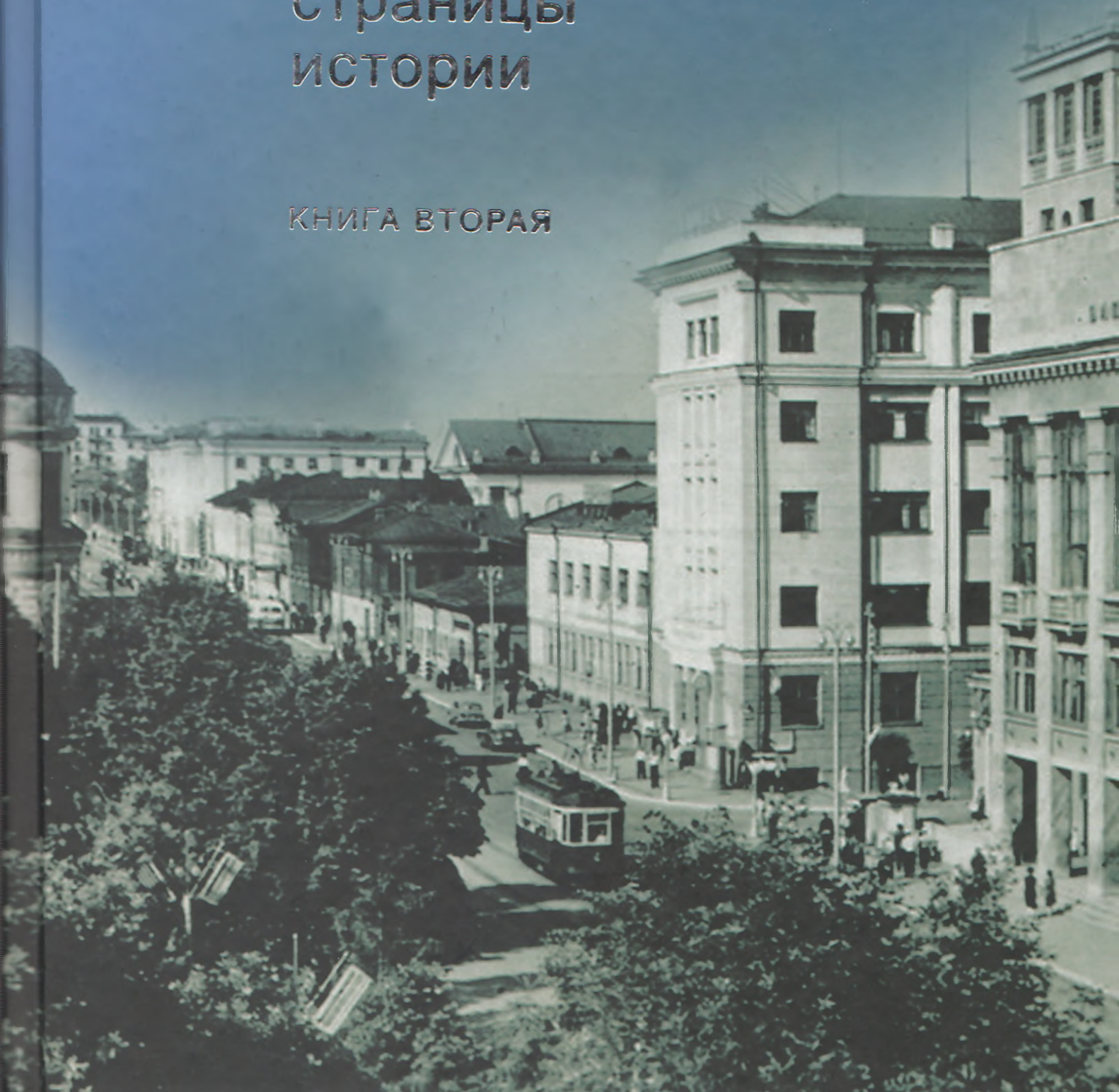

УФА

страницы
истории

КНИГА ВТОРАЯ

УФА

страницы
истории

КНИГА ВТОРАЯ

УДК 908 (470.57)
ББК 26.89 (2 Рос. Баш)
У 88

Книга издана на средства благотворительного фонда «Урал»

Под редакцией:
П.В. Егорова и А.Л. Чечухи

В сборнике использованы репродукции с почтовых карточек, а также фотографии
*А.А. Зираха, О.Ф. Германа, С.М. Прокудина-Горского, С.А. Стивы (Степанова), Н.Н. Фосса, П.Н. Фосса,
М.Л. Кожевникова, А.А. Бельского, Д.С. Юрьева, М.Г. Битюкова, П.Ф. Ищерикова, М.В. Агеевой,
П.В. Егорова, А.Л. Чечухи и снимки неизвестных авторов.*

У 88 Уфа: страницы истории. Книга вторая / Сост. М.В. Агеева. — Уфа: Инеш, 2014. — 380 с.

ISBN 978-5-903622-42-9

Сборник содержит сведения по истории Уфы и Уфимского края, отражающие период истории со дня основания города до наших дней, практически неизвестные широкому кругу читателей, а также богатый справочный материал. Очень полезен указатель имен. Несмотря на принадлежность статей разным авторам, сборник производит впечатление цельности и непротиворечивости. С этой точки зрения он вполне может служить краеведческим пособием для учащихся и любителей старины.

УДК 908 (470.57)
ББК 26.89 (2 Рос. Баш)

Краеведческое издание

УФА: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ КНИГА ВТОРАЯ

Составитель *Агеева Маргарита Викторовна*

Редактор *А. Чечуха*. Художник *С. Дмитриев*. Технический редактор *Е. Моисеева*. Корректор *О. Савичева*

Подписано в печать 14.04.2014. Формат 60х84/8. Печать офсетная. Усл. печ. л. 50,89. Тираж 2000 экз. Заказ № 2.0065.14.
ООО Издательство «Инеш». 450001, г. Уфа, проспект Октября, 2. www.inesh.ru, e-mail: inesh_ufa@mail.ru
Отпечатано с предоставленных файлов.

Государственное унитарное предприятие Республики Башкортостан Уфимский полиграфкомбинат. 450001, г. Уфа, проспект Октября, 2

ISBN 978-5-903622-42-9

© Агеева М.В., составление, 2014
© Инеш, оформление, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>К читателю</i>	5
ОНИ ПИСАЛИ ИСТОРИЮ УФЫ	
Михаил Роднов. УФИМСКИЕ АДРЕСА РУФА ИГНАТЬЕВА	8
Ирина Нигматуллина. ОНИ ПИСАЛИ ИСТОРИЮ УФЫ И КРАЯ. О краеведах города Уфы.	14
«СЛЕДОВАЛО БЫ СТАРИНОЮ ПОДОРОЖИТЬ...»	
Владимир Агте. О РАСПОЛОЖЕНИИ И НАЗВАНИИ ГОРОДА УФЫ	30
Зинаида Гудкова. ОСНОВАТЕЛЬ УФЫ — ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ НАГОЙ	34
Михаил Роднов. ПРЕДИСЛОВИЕ К РАБОТЕ Р. ИГНАТЬЕВА «МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ Г. УФЫ ДО НАЧАЛА XIX СТОЛЕТИЯ»	35
Руф Игнатьев. МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ Г. УФЫ ДО НАЧАЛА XIX СТОЛЕТИЯ	38
Николай Барсов. УФА В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА	50
Владимир Буравцов. УФА В СТАТИСТИЧЕСКОМ ОТЧЕТЕ 1837 ГОДА	54
Василий Зефилов (В. З-ф-р-въ). ВЗГЛЯД НА УФУ	55
Михаил Роднов, Владимир Буравцов. БОЖЕДОМСКОЕ КЛАДБИЩЕ В УФЕ	61
Николай Барсов. КРАЕВЕДЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП.	68
Владимир Буравцов. ЗДАНИЕ ОКРУЖНОГО СУДА	75
Владимир Буравцов. ЗДАНИЕ МАГОМЕТАНСКОГО ДУХОВНОГО СОБРАНИЯ	76
Николай Барсов. ЕЛПАТЬЕВСКИЙ В УФЕ	77
Владимир Буравцов. УФИМСКИЙ ГОРОДСКОЙ БАНК.	79
Михаил Ясенов. АРХИТЕКТОРЫ И ТАМПЛИЕРЫ	81
Павел Егоров. МЕЛЬНИЦА, ЗАВОД, ПОЖАРКА...	82
Петр Добровольский. УФА-ЗЛАТОУСТОВСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА НАКАНУНЕ ОТКРЫТИЯ	83
УФИМСКИЕ ФАМИЛИИ	
Николай Барсов. ЗНАМЕНИТЫЕ У НАС БЫЛИ ЗЕМЛЯКИ	88
Анна Маслова. ДРУГ ВАШ ТИМОФЕЙ АКСАКОВ	89
Анна Маслова. РУБАХА ИЗ СТАРИННОГО СУНДУКА	91
Анатолий Чечуха. ДОМ НА КОСОГОРЕ	100
Янина Свице. УФА И УФИМЦЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.	104
Иван Листовский. ИЗ НЕДАВНЕЙ СТАРИНЫ	106
Анатолий Чечуха. ЭХО ДАВНИХ ДНЕЙ	116

Валентина Сорокина. ЛЮБИМОЕ ДЕТИЩЕ	125
Михаил Мансырев. ПОТОМКИ ВЛАДЕЛЬЦЕВ КИЛИМОВСКОГО ИМЕНИЯ	127
Людмила Григоренко. ВАСИЛИЙ ИЛЬИЧ ВИДИНЕЕВ	130
Павел Егоров. УСАДЬБА РОССИНСКИХ	132
Люция Камаева. МАЖИТ ГАФУРИ В ПАМЯТИ НАРОДА	135
Тамара Нефёдова. СТАРАЯ МЕЛЬНИЦА	142
Павел Егоров. ПЕРШИНЫ: МГНОВЕНИЯ ЗАБЫТОЙ ЖИЗНИ. Воспоминания близкой подруги Нины Першиной Аллы	144
Павел Егоров. ПЕРШИНСКИЙ КВАРТАЛ	145
Павел Егоров. УСАДЬБА УФИМСКОГО КУПЦА М.А. СТЕПАНОВА-ЗОРИНА	162
Георгий Шушпанов. ИРИНА ФЕДОРОВНА	166
Павел Егоров. ЗДАНИЕ ЛАВКИ КУПЦА МАКСИМОВА «КАМЕНКА»	168
Александр Тимченко. ИСТОРИЯ ОДНОГО ДОМА	170
Гульназ Азаматова. ИЗ ИСТОРИИ МУСУЛЬМАНСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В УФЕ	172
Екатерина Толстая. СТАРЫЙ РАЗБИТЫЙ РОЯЛЬ	183
Анатолий Чечуха. ГДЕ ЭТА УЛИЦА?	188

СОВСЕМ НЕДАВНО, В ПРОШЛОМ ВЕКЕ...

Анатолий Чечуха. НА ПЛОЩАДИ БАЗАРНОЙ	195
Владимир Буравцов. О ЗДАНИЯХ ПЕРВЫХ ПОЖАРНЫХ ЧАСТЕЙ УФЫ	196
Вера Макарова. ПОЖАР КАК СПОСОБ ОБНОВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА	203
Николай Исаев. КУПЕЧЕСКАЯ СВАДЬБА. Из воспоминаний Л.И. Остаховой	204
Вера Макарова. ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ ИЗ ЖИЗНИ УФИМЦЕВ	208
Анатолий Чечуха. ГЛЯДЯ НА СТАРОЕ ФОТО	210
Владимир Буравцов. СТАДИОНЫ УФЫ	217
Сергей Шушпанов. С ЛЕГКИМ ПАРОМ! Из истории уфимских бань	219
Владислав Ягодников. ВАНЕЧКА-ФОРСУНЧИК, ИЛИ О БЕЛЬСКИХ БАНЯХ В УФЕ	221
Сергей Шушпанов. УФИМСКИЕ ТРАКТИРЫ	223
Владимир Буравцов. УФИМСКИЙ ЦИРК	226
Вера Макарова, Анатолий Чечуха. ВОСПОМИНАНИЯ О БЕЛОЙ РОМАШКЕ	229
Анатолий Чечуха. НЕСКОЛЬКО ОСЕННИХ ДНЕЙ	231
Люция Габитова, Андрей Егоров. ИЗ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ КРАЯ	234
Сергей Шушпанов. УФИМСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ 1918 ГОДА	240
Аркадий Шестаев. ЖИЛ-БЫЛ ДОМ	244
Владимир Буравцов. В ЧЕСТЬ ПУШКИНА. О памятниках и памятных местах на территории Башкирии, посвященных Пушкину	245
Радмир Янгиров. ОТ КОНСТРУКТИВИЗМА К НЕОКЛАССИКЕ. Архитектура Уфы 1920–1940-х гг.	248

БОГОРОДСКАЯ ВОЛОСТЬ — СТАЛИНСКИЙ РАЙОН УФЫ — ЧЕРНИКОВСК

Маргарита Агеева. ОТ СЕЛЬЦА ЧЕРНИКОВА-АНУЧИНА — ДО ГОРОДА ЧЕРНИКОВСКА	268
Маргарита Агеева. ДЕРЕВНИ БОГОРОДСКОЙ ВОЛОСТИ	297

Именной указатель	369

Об авторах	379

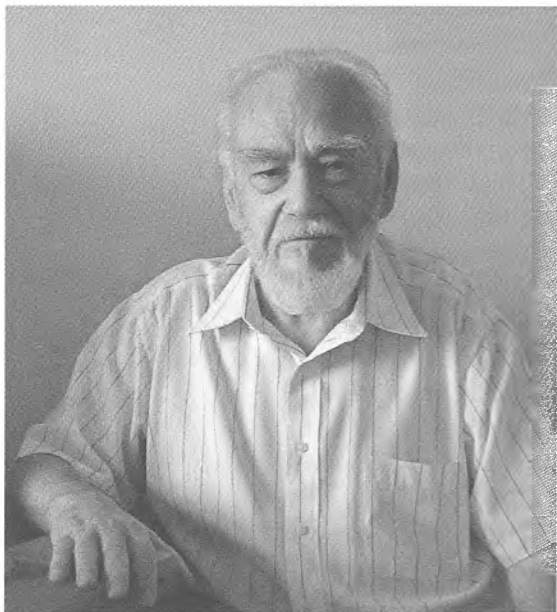
К ЧИТАТЕЛЮ

Конец декабря 1976-го. Люди суетятся, с озабоченным видом куда-то бегут — на носу Новый год. Беспокойно и на предприятиях — почти повсюду авральный режим: надо напрячься, чтобы отчитаться о выполнении плана, ведь «план — закон». Вот и в Башкнигоиздате на улице Советской с нетерпением ждут из типографии новую книгу. И в самый последний день года в издательстве получили несколько экземпляров новеньких красных томиков с прямо-таки завораживающим названием — «История Уфы. Краткий очерк». План был выполнен, тем не менее ни в первые дни 1977 года, ни даже в первые его месяцы книжка на прилавках магазинов не появилась...

Здесь уместен исторический экскурс. Почти два с половиной века назад появилась «Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым» (написана в 1755-м, напечатана в 1762-м, в 1999 году переиздана в Уфе). Ее смело можно назвать самой первой книгой об истории нашего города — хотя бы из-за главы «О городе Уфе и о всей уфимской провинции». Цитата из Рычкова: «Город Уфа построен в государство царя и великого князя Иоанна Васильевича спустя некоторое время после того, как Казань российскому скипетру совершенно покорена, по прошению башкирского народа». И еще: «По достоверным выправкам нашлось, что башкирцы о построении сего города челобитье свое имели в 7081 году (то есть от Рождества Христова 1573)».

Долгие годы после этого ни одного труда по истории Уфы не выходило, только с середины XIX века в газете «Уфимские губернские ведомости», а также в «Памятных книгах» и «Адрес-календарях» Уфимской губернии стали печататься очерки на историческую тему Василия Юматова, Василия Зефирова, Руфа Игнатьева, Дмитрия Волкова, Николая Гурвича и других. В 1870-х появились, наконец, и книги. В одной из них — «Когда и для чего основаны города Уфа и Самара» (1872) Петра Пекарского — датой основания Уфы впервые назван 1586 год. Таким образом, Пекарский оспорил утверждение Рычкова о том, что Уфа была основана в царствование Ивана Грозного, умершего в 1584 году, то есть за два года до 1586-го. Оснований не верить Рычкову, которого сам М. Ломоносов считал серьезным ученым, нет. Возможно, Пекарский не смог найти те документы, что за сто с лишним лет до него были доступны его предшественнику, ведь в 1759 году сгорел весь уфимский архив.

Вторая книга, достаточно последовательно описывающая исторические вехи города на Белой, была названа автором «Сборник материалов для истории уфимского дворянства» (1879). Автор книги Валентин Аполлонович Новиков (вспом-

Р.Г. Ганиев.
Сентябрь 2006 г.

ните Новиковку — это его деревня) являлся предводителем уфимского дворянства, тем не менее исследование его получилось вполне профессиональным. То же можно сказать и о работе преподавателя Епархиального женского училища Ивана Георгиевича Златоверховникова «История Уфимской епархии» (1899, переиздана в 2005-м), в которой имеются весьма ценные сведения о нашем городе.

В 1914 году вышла в свет небольшая брошюра Александра Гуляева «Иллюстрированная Уфа». Отпечатанная на хорошей мелованной бумаге, она, как ясно из названия, содержала репродукции со снимков — они были выполнены ателье О.Ф. Герман. Несмотря на то что еще в 1880-е годы один из петербургских журналов опубликовал гравюры с видами Уфы и уже были изданы десятки и даже сотни почтовых открыток с видами нашего города, книгу Гуляева можно смело считать в своем роде первой.

Много интереснейшей информации содержали «Материалы по истории Башкирской АССР» под редакцией Александра Чулошникова, первый том вышел в 1936 году. В 1948 году в Москве издана брошюра Н.Ю. Лермонтова и М.Н. Сахаутдиновой с коротким названием «Город Уфа», рассказывающая об архитектуре города. Вскоре появилась книга Халиля Тахаева «Башкирия. Экономико-географическая характеристика» (1950). Этот же автор и Ия Ивановна Пархоменко выпустили в 1961 году еще одну книгу: «Уфа — столица Башкирской АССР».

В 1957-м в магазины поступил путеводитель по Башкирии. Историческая часть его была подготовлена Петром Ищериковым. В середине 1960-х появился путеводитель по Уфе. Как уже сказано, в 1976-м отпечатано первое издание книги «История Уфы. Краткий очерк», в 1981-м — второе, большим тиражом — на русском и башкирском языках. В 1997-м в продаже появился и, несмотря на кризис, быстро разошелся сборник статей «Живая память» под редакцией авторитетнейших краеведов Владимира Анатольевича Скачилова и Мурата Галимовича Рахимкулова. А потом на читателей обрушился целый вал книг, брошюр и монографий, уследить за которыми вряд ли кто сможет. Не все они равноценны, многие имеют подчеркнуто узковедомственное значение, некоторые содержат большое количество ошибок и просто несуразностей. На этом фоне явно выделяются «Мариинка» Тамары Ивановны Нефёдовой, «Город над Белой рекой» Сергея Германовича Синенко и, пожалуй, еще «Старая Уфа» Ирины Владимировны Нигматуллиной. Конечно, и в этих книгах можно найти неточности, порой весьма досадные, но ведь в одиночку работать всегда труднее.

Впрочем, и авторскому коллективу книги «История Уфы. Краткий очерк» много лет назад было нелегко. В один из первых дней января 1977 года ответственного редактора этой книги Ревмира Галеевича Ганиева вызвали на Советскую, 14 — в областной комитет партии. Ганиев шел в хорошем настроении. Еще бы, ведь результат многолетнего труда наконец увидел свет. Напряженные лица руководителей Башкиргоиздата, встреченных им в приемной, сильно охладили пыл. Тогда он еще не знал, что его ждут несколько месяцев напряженной работы вместе с... Тагиром Исмагиловичем Ахунзяновым — секретарем по идеологии. Как выяснилось, Ахунзянов книгу уже прочел (вряд ли он сделал бы это так быстро, если бы книга оказалась скучной) и имеет к авторам ряд вопросов. Результатом почти четырех месяцев напряженной работы стали четыре «вырывки» из уже готовой

книги и замена их (путем вклейки вручную!) вновь отпечатанными страницами. Тогда это было обычной практикой, подобные вклейки имелись, например, даже в учебнике по истории БАССР.

А «История Уфы», едва появившись на прилавках, моментально нашла потребителей. И очень часто таковыми оказывались перекупщики (или, если угодно, спекулянты), которые продавали книгу в три раза дороже.

Нашу книгу мы посвящаем памяти Ревмира Галеевича Ганеева (1929–2007), заслуженного деятеля науки Башкирской АССР, профессора кафедры истории и экономической теории Башкирского педагогического университета. Осенью 2006 года мы встречались с ним в университете. Он подробнейшим образом рассказал, как шла работа над книгой, о людях, специалистах-историках, кто с ним делил все трудности, сказал и о том, что работа над книгой обошлась ему инфарктом.

Составляя настоящий сборник, мы не претендовали на всеобъемлемость, а старались под одной обложкой дать читателю материалы, опубликованные в газетах и журналах самых разных лет, тем самым как бы дополнить сведения книги 1976 года «История Уфы. Краткий очерк», ответственным редактором и руководителем авторского коллектива которой был Ревмир Галеевич Ганеев.

Маргарита Агеева, Анатолий Чечуха

ОНИ ПИСАЛИ ИСТОРИЮ УФЫ

*Михаил
Роднов*

УФИМСКИЕ АДРЕСА РУФА ИГНАТЬЕВА

Известный краевед-историк Руф Гаврилович Игнатъев (1818–1886) впервые появился в Уфе примерно в конце 1855 г., когда его по решению суда сдали в рекруты и отправили нести солдатскую службу. Новобранец десятого Оренбургского линейного батальона, расквартированного в нашем городе, оказался в так называемых казармах внутренней стражи, известных среди уфимцев также под именем «белых казарм». Они находились на улице Александровской (К. Маркса), прямо напротив одного из величественных храмов города — Александро-Невской церкви. Игнатъев прослужил в Уфе, видимо, не очень долго — как опытного музыканта его, вполне вероятно, командировали на Оренбургскую пограничную линию для обучения трубачей и барабанщиков, в армии был острый кадровый голод на профессиональных музыкантов. Но именно в эти первые «уфимские» месяцы жизни Руф Гаврилович начал подробно знакомиться с нашим городом и его окрестностями. Первые его публикации об Александро-Невском храме и Чертовом городище — своеобразный отчет о прогулках солдата-краеведа.

Вторично Р.Г. Игнатъев приезжает на постоянное жительство в Уфу уже по собственной воле. В 1865 г. его приглашают в местный статистический комитет для занятий по истории и археологии. На наше счастье, на целых двенадцать лет (до 1877 г.) этот незаурядный человек обосновался в Уфе. Здесь он создал многочисленные труды, отсюда отправлялся в частые поездки на археологические раскопки или проведение исследований (он вообще был очень мобильной личностью). Но где же проживал Руф Гаврилович в Уфе?

Его материальное положение было весьма скромным, небольшая зарплата в статкомитете и газетные гонорары, поступления от маленького вятского поместья — вот и все. Современники отмечали, что Игнатъев всегда был «без средств», «жил Р.Г. очень бедно» — вспоминала лично знавшая его М.В. Беляева. Поэтому купить недвижимость — дом с усадьбой — для краеведа было неподъемной ношей. Можно также не сомневаться, что значительную часть своих невеликих доходов Игнатъев тратил и на научные изыскания.

Уфимский краевед и исследователь музыкального наследия Л.П. Атанова справедливо отмечала, что Р.Г. Игнатъев мог безбедно существовать, давая уроки музыки, но тяга к истории оказалась сильнее материального достатка. В итоге приходилось снимать жилье, арендовать квартиру. Но где?

В статье об Игнатъеве Виктора Иосифовича Филоненко, краеведа уже следующего после Беляевой поколения, четко указан район, с которым был тесно связан Руф Гаврилович. Это приход Успенской церкви, что красовалась на улице Большой Успенской (Коммунистической) ниже перекрестка с Телеграфной (Цюрупы). «По праздникам, — опять слушаем М.В. Беляеву, — Игнатъев читал Апостол в Успенской церкви. И тут он был такой же оригинал. Читал наизусть, так хорошо

он знал Священное Писание, книгу держал поперек, корчил рожи — духовенство и народ хохочут. В конце концов дело дошло до владыки, и он запретил ему читать». Р.Г. Игнатьев состоял прихожанином Успенской церкви и в своих сочинениях не раз показывал историю храма и его окрестностей.

Видимо, чем-то полюбился этот уголок Уфы Руфу Гавриловичу — тихое старинное Успенское кладбище с церковью, усыпанные яблоневыми и вишневыми садами просторные дворы, основательные деревянные усадьбы, сверкавшие наличниками и резными воротами. Да и в наши дни неспешная прогулка по активно застраиваемой Коммунистической, бывшей Большой Успенской, приятна и познавательна. Кроме того, расположенные совсем недалеко от городского центра окрестности Успенского храма имели ряд преимуществ. С одной стороны, здесь проживал народ со скромными доходами (рядом лежала одна из самых бедных уфимских слободок — Солдатская — современные улицы Добролюбова и Волочаевская), что для стесненного в средствах краеведа было весьма кстати. А потом этот тихий, уединенный район, сжатый двумя оврагами, — своеобразный островок внутри Уфы. Рядом по Телеграфной и Центральной грохотали на булыжных мостовых груженные телеги, мчались лихачи, а здесь — очаровательные уфимские дворики, зеленой травкой поросшие переулки. Все выгоды именно этого уголка Уфы потом оценит... советская номенклатура: не случайно здесь вырастет изолированный (без единого магазина) райончик престижных многоэтажек для начальства, известный в народе как «остров коммунизма». Для деревенского по происхождению партхозактива создадут соответствующую обстановку, напоминающую их босоное детство.

Необходимо также отметить предположение современного военного историка Р.Н. Рахимова. Еще в 1850-е гг. во время службы Игнатьев, быстро приобретая чин унтер-офицера, стал получать весьма приличное жалованье и имел право жить вне казармы. Возможно, уже тогда, в свой первый приезд в Уфу, Р.Г. Игнатьев облюбовал этот уголок возле Успенской церкви, тем более что отсюда до казарм на Александровской совсем недалеко и в случае необходимости посыльный быстро добегал до квартиры унтера с приказом срочно явиться в часть.

Но все-таки где конкретно обосновался Руф Гаврилович? Квартиранты не регистрировались, документы не сохранились, искать оставалось только в самих трудах краеведа. Кроме обстоятельных научных статей, у Игнатьева есть немало маленьких заметочек на сиюминутные темы. Ищем, наконец удача: в 1872 г. Игнатьев публикует в уфимских «Ведомостях» объявление о сборе средств в пользу церковного братства при Троицком соборе в Златоусте, в конце которого сообщает: «Желающие пожертвовать книгами и деньгами могут адресоваться к члену братства св. Троицы Руфу Гавриловичу Игнатьеву, чрез канцелярию Уфимского статистического комитета или же по жительству его, в Уфе, на Успенской улице, в доме г-жи Вышенской».

По данным городской переписи 1879 г., по Средней (Малой) Успенской улице (Энгельса) по четной (южной) стороне от угла с переулком, что до революции именовался Михайловским, а при жизни Игнатьева еще не имел названия, третья усадьба принадлежала Петру Вышенскому. Это первый известный адрес, где снимал жилье Р.Г. Игнатьев. По рассказам местных жителей, третий участок находился перед не так давно возведенным элитным домом «канадского» стиля. Перед ним, возле забора очередной стройки, возвышается старая береза, которая, по свидетельству старожилов, как раз и росла на границе третьей с угла усадьбы. Здесь и снимал жилье Руф Гаврилович.

Воспоминания М.В. Беляевой косвенно это подтверждают. Мария Васильевна, дочь уфимского вице-губернатора, в 1879 г. она служила классной надзирательницей в Мариинской женской гимназии, сказала Филоненко, что «покойный

Р.Г. Игнатьев часто бывал у нас дома». А по переписи 1879 г., совсем рядышком, в этом же квартале, но по улице Большой Успенской (Коммунистической), третья усадьба вверх от угла с улицей Спасской (Новомостовой) принадлежала Надежде Беляевой. Среди уфимских домовладелиц было еще три Беляевых, но они имели участки на спуске в Нижегородку или в Старой Уфе, все в непрестижных районах, где семья вице-губернатора не могла проживать. Сейчас за Домом ребенка вверх по Коммунистической стоят старинные деревянные двухэтажные дома, в этом месте и обосновалось семейство Беляевых, сюда и заходил Руф Гаврилович, ходу — пять минут.

Первый уфимский адрес Игнатьева чрезвычайно интересен. Когда в середине 1860-х гг. в Уфе обосновались новые «лидеры» местного краеведения Н.А. Гурвич и Р.Г. Игнатьев, они прибыли не на пустое место. В нашем городе издавна существовало небольшое сообщество любителей старины, истории Уфы, в некоторых домах велись семейные хроники (самые известные — Ребелинских), в библиотеках бережно хранились уникальные книги о прошлом нашего края. В статьях Игнатьева нередко встречается информация уфимских старожилов, видимо, он специально расспрашивал «аборигенов», хотя не со всеми у него сложились отношения, к примеру, в работах Игнатьева почти нет материала о тех же Ребелинских.

Собранные у старожилов сведения крайне ценны. Как раз в эту пору Уфа переживала этап бурного экономического развития, открылось паровое сообщение, уже прокладывали железнодорожную магистраль. В город приезжала масса новых жителей, под наплывом мигрантов забывались старинные обычаи и предания, поэтому описания Уфы М. Сомова и Р. Игнатьева необыкновенно важны. В них сохранились картины уфимской жизни, исчезнувшие уже к концу XIX столетия.

И тем любопытнее, что среди уфимских старожилов и любителей старины мы встречаем семейство... Вышенских! Тех самых, у которых квартировал Руф Гаврилович. Когда в 1886 г. готовились праздновать 300-летие Уфы, городской голова Д.С. Волков собирал сведения у всех краеведов и старожилов, среди поступивших к нему писем оказалась и записка Вышенского. Можно предположить, что у себя на квартире Игнатьев за чаем расспрашивал хозяев, слушал и записывал их воспоминания. А вспомнить в этом доме было о чем.

Род Вышенских происходил из круга славного мензелинского дворянства. По собранным Д.С. Волковым сведениям, «предок Вышенских, Василий Вышенский, в 1654 году под Смоленском на девичьей горе, с прочими шляхтичами, приведен к вере и переведен из Смоленска за Камскую черту в пригород Мензелинск». Однако помещиков из них не получилось, и Вышенские из поколения в поколение служили на разных военных и чиновничьих должностях в крае. Некоторые сделали карьеру в Бирске, встречались они и в Златоусте. В уфимском архиве, по сведениям историка Б.А. Азнабаева, сохранилось немало формулярных списков на представителей рода Вышенских с конца XVIII века. Например, в 1829 г. встречаем среди гражданских чиновников Ивана Степановича, Дмитрия Гурьяновича, Григория Яковлевича Вышенских. Успешную карьеру сделал Яков Николаевич Вышенский, примерно 1809 года рождения, из обер-офицерских детей, начинал с простых копиистов, служил канцеляристом в 1826 г. в палате гражданского суда, а с 1827 г. был прикомандирован к губернскому прокурору. В 1836 г. губернский секретарь Яков Николаевич Вышенский — уже дворянский заседатель в земском суде. По справочнику 1873 г., почти все из Вышенских служили в Бирском уезде, в том числе коллежский асессор Александр Яковлевич, помощник Бирского уездного исправника. В 1883 г. коллежский советник А.Я. Вышенский — уфимский уездный исправник.

У кого именно из Вышенских квартировал Р.Г. Игнатьев, пока неизвестно, но важно отметить, что это старинный дворянский, хотя и небогатый, род, представи-

тели которого отличались образованностью. Что подтверждает сохранившееся в архиве Д.С. Волкова письмо от Вышенского (возможно, Петра — владельца усадьбы на Малой Успенской). Документ очень интересный, поэтому мы отвлечемся ненадолго от Руфа Гавриловича и приведем письмо полностью, чтобы показать состояние краеведческого сообщества в Уфе, которое далеко не исчерпывалось славными именами Игнатьева и Гурвича.

В ответ на запрос уфимского городского головы Д.С. Волкова о присылке сведений по истории 11 октября 1885 г. Вышенский отвечал: «Имею честь почтительнейше уведомить Вас, что все предания и сведения относительно прошедшей жизни жителей города Уфы и вообще Уфимского края, как то: основание Уфы, народонаселение, городские здания и проч. с самого основания города, известны жителям уезда и они те же самые, которые подробно были описаны в статьях, помещенных в Губернских ведомостях в конце 1840-х и 1850-х годов бывшим редактором их Иваном Прокопьевичем Сосфеновым, часть из которых помещена и в справочную книжку, изданную Николаем Александровичем Гурвичем. Кроме помещенных в сказанных изданиях сведений известны еще следующие предания: 1. За мужским монастырем, у склона горы, называемой «Чертово городище», существовала ставка ногайцев, почему некоторые из жителей города Уфы остаются и донине при убеждении, что в этой местности должны быть клады от зарывавшихся сокровищ ногайцами. 2. В Усольской улице (в Старой Уфе) преимущественно было потомство казаков, остатки которого существовали еще в 1840 г. 3. Внизу Ильинской улицы (в так называемом коридоре), при расширении г. Уфы за реку Сутолку, от нижней Базарной площади, существовали дома бывших уфимских воевод. 4. Где существуют кварталы города Уфы за верхней площадью¹, там был непроходимый лес, в особенности в так называемом Черкалихином овраге, где, по преданию, были пристанища разбойников, и овраг этот назван этим именем по фамилии жившего в начале основания Уфы казачьего атамана Черкалова, у которого разбойники похитили дочь, и чуть ли не убили ее в этом овраге. Быль эта была описана в 40-х годах XIX века бывшим учителем семинарии Васильем Васильевичем Зефиром (была рукопись, но помещалась ли в печати, не известно). Из преданий о пугачевском бунте, также описанном в Губернских ведомостях, за сказанное время и в справочной книжке, сохранилось одно о бывшей устроенной виселице на месте, где теперь здание Городского полицейского управления²».

Из письма Вышенского мы узнаем, что уфимские краеведы 1880-х гг. не только помнили имя И.П. Сосфенова, но подчеркивали достоверность опубликованных им в газете сведений. А во-вторых, наконец-то становится известным имя замечательного уфимского писателя и журналиста середины XIX века, загадочно-го В. Зефирова — Василий Васильевич. Видимо, потому он никогда не указывал свое отчество, что оно дублировало имя. Обратим внимание на высокую информированность Вышенского. Он знает о рукописи В.В. Зефирова, действительно неопубликованной, в курсе он и о вышедших сборниках Гурвича. Совсем непросто был этот Вышенский.

Далее в письме сообщается:

«Есть предание, что Государь Император Александр 1-й, в бытность свою в городе Уфе, переплыв чрез реку Белую по Оренбургскому тракту, останавливался в доме по Набережной улице (бывшем Белобородовых, 2-й от горы). До 1842 года квартировал в городе Уфе Теплярский полк, который затем был выведен на устроенную линию, лагерь которого устраивался за настоящим складом керосина (за городом по Нижегородке, ниже татарского кладбища).

Из древних обычаев и увеселений и теперь поддерживается между жителями города (Старой Уфы, Усольской, Будановой и других улиц) обычай устраивать каж-

¹ Верхнеторговой. —
Здесь и далее
примечания автора
статьи.

² Ныне пожарная часть
на ул. Октябрьской
революции, 14.

догодно, пред праздником Св. Троицы, хороводы (семик), собираясь для того на поле по левую сторону дороги к мужскому монастырю.

Из зданий учебных заведений старейшее есть Духовная семинария. Где ныне построена мужская гимназия, на этом месте была построена 1-я в Уфе гимназия, кажется в 20-х годах, старинная архитектура которой помнится еще старожилам. Здание богадельной существовало на месте, где ныне сад дворянки М.М. Топорниной, против здания Уездного училища¹. Дом для умалишенных существовал в Лазаретной улице, где ныне ремесленная управа и дом Камкова, а сад отошел к месту, занимаемому Городским общественным управлением². Тюремный замок был на площади, где теперь пороховой магазин; театр был — где теперь место под садом А.Д. Дашкова³. Из народных бедствий в г. Уфе сохраняются в памяти старожилов бывшие более опустошительные холеры в 1838 и 1848 годах. Из пожаров в 30-м году известен по преданию большой пожар, опустошивший значительную часть города от сожжения навоза по распоряжению бывшего губернатора Неврозова, за что он, как гласит предание, и лишился места; и затем бывшие в начале 1840 г. поджоги, в которых был заведен побочный сын отставного капитана Киржацкого — Александр, который был присужден военным судом к 6 т. шпицрутенов сквозь строй, каковая казнь памятна уфимцам своей страшной процессией, при громадном отряде казаков бывшего башкирского войска (которые прежде командировались по спискам городам на службу), при громадном стечении народа, запруживавшем всю Казанскую улицу, казнь эта происходила на площади от Троицкой церкви до 1-й пожарной казармы и имела печальные последствия: смерть наказанного в то же число ночью, сумасшествие и скорую смерть матери и сестры его».

В письме уфимского старожила отражена народная память о пожарах и холере, приезде императора и наказании шпицрутенами. В фонде Д.С. Волкова, однако, таких воспоминаний немного. Образованная часть местного общества в наибольшей степени отличалась мобильностью, по службе часто переезжала с места на место, «увозя» с собой и историческую память о своей малой родине. Вот и наш Руф Гаврилович в 1877 г. отправился в Минск, потом проживал в Оренбурге, и лишь весной-летом 1885 г. престарелый историк возвращается в наш город, нет, в свой любимый город.

Причиной переезда, видимо, было плохое здоровье. Тяжелый оренбургский климат, пески, степные ветры и жара плохо сказывались на состоянии Руфа Гавриловича. Скорее всего, в мае или июне 1885 г., как только установилась теплая погода, он перебирается в Уфу. По крайней мере, переписка Игнатьева с Д.С. Волковым начинается посланием от 1 июля 1885 г. Городской голова не мог не обратиться за советами и помощью к старейшему историку-краеведу Уфимского края. Игнатьев был горячим поборником празднования 300-летнего юбилея Уфы в 1886 г., но резко ухудшившееся состояние здоровья не позволяло ему взяться за работу. В письме от 26 июля 1885 г. Игнатьев извинялся перед Волковым, что «три дня тому будучи в управе я занемог, открылся сильный геморий и я ослабел от большой потери крови, так что насилу пишу это. Не знаю, не ручаюсь, буду ли в силах явиться сегодня в 7 часов вечера в Думу для рассмотрения с Вами и прочими Вашими сотрудниками программы». Р.Г. Игнатьев в это время заведовал библиотекой статистического комитета. Н.А. Гурвич в письме от 22 августа 1885 г. замечал, что «г. Игнатьев в больнице и ключи от библиотеки у него». Наконец, 6 сентября 1885 г. Руф Гаврилович извещал Д.С. Волкова: «Я вышел из больницы, лечусь дома, но, желая что-либо для Вас сделать, прошу Вас прислать мне на квартиру опись старых дел архива. Я живу на Телеграфной улице рядом с баней, дом Степанова».

¹ Угол нынешних Пушкина и Цюрупы, территория поликлиники РКБ № 2.

² И то и другое находилось на месте нынешнего МВД по ул. Ленина.

³ Место нынешнего Национального музея на Советской улице.

Так из забвения всплывает последний уфимский адрес Р.Г. Игнатьева. Вернувшись в Уфу, краевед, конечно же, отправился на поиски квартиры в свой любимый уголок города, в район Успенской церкви. Но поселиться у Петра Вышенского, видимо наследника прежней хозяйки, почему-то не вышло, и Руф Гаврилович арендует жилплощадь в доме Василия Степанова на улице Телеграфной (Цюрупы), это совсем недалеко. Наполовину погрузившись, как будто от старости, в землю, стоял 32-й дом по улице Цюрупы до весны 2013 г. Здесь, по всей видимости, и провел свои последние месяцы жизни Руф Гаврилович Игнатьев. Деревянный дом с красивыми резными наличниками находился прямо на склоне оврага, жилье как раз для небогатого краеведа. Василию Степанову принадлежала, по переписи 1879 г., и соседняя усадьба, в сторону Большой Казанской, где также стоит дом.

В конце 1885 г. Р.Г. Игнатьев очень тяжело болел и, видимо, даже соборовался, опасаясь приближения смерти. В его последнем письме Д.С. Волкову говорится: «После тяжелой, долговременной и опасной болезни, после напутствований таинства веры я несколько пришел в себя и посылаю сведения о первом театре в Уфе и начале общественных развлечений. Жаль, что я не скоро поправлюсь, и в такое время теперь не могу Вам быть полезным».

Но это было только временным улучшением, в метрической книге Успенской церкви В.И. Филоненко прочитает: «1886 г. января 2–5. Скончался титулярный советник Руф Гаврилович Игнатьев, 70 лет, от катара мочевого пузыря». В дороге для его сердца Успенской церкви Руфа Гавриловича и отпевали, местный священник Стефан Константиновский провожал его в последний путь и прочитал прощальную молитву на Ивановском кладбище. Видимо, похороны были очень скромные. Немногие пришли проститься в морозный день. М.В. Беляева вспоминала: «И умер Игнатьев вдруг, неожиданно как-то; никто даже и не знал. Не приходит к нам неделю, другую, а там слышим, его уж и похоронили».

Но осталась память о замечательном историке-краеведе и археологе, остались его труды, которые все чаще начинают использовать в своих работах современные исследователи. Остались и адреса, где жил и создавал свои произведения Руф Гаврилович Игнатьев.

ПРИМЕЧАНИЯ

Игнатьев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / Отв. ред. В.А. Лабузов; сост. М.И. Роднов. Т. I: 1859–1866 года. Оренбург, 2011.

Филоненко [В.И.] Руф Гаврилович Игнатьев. Отдельный оттиск из «Вестника Оренбургского Учебного Округа» за 1912 г. № 5. С. 1–3.

Игнатьев Р. О сборе приношений в пользу Братства св. Троицы в г. Златоусте // Уфимские губернские ведомости. 1872. 13 мая.

Гурвич Н.А. Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные. Относятся к 1882–83 гг., и только весьма немногие к прежним годам. Уфа, 1883. Отдел I. С. 36, 109; отдел IV. С. 107, 113, 115, 122, 180.

Ефремов В. Литературное наследие Д.С. Волкова. (Неизданные труды по истории г. Уфы и Уфимского края) // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа, 1912. № 1. С. 20.

Научный архив Уфимского научного центра РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 4. Л. 224–226; Д. 8. Л. 19–22, 41 и об., 56 и об.; Д. 9. Л. 286–289 об.; Д. 11. Л. 170.

Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 925 (сведения Б.А. Азнабаева).

Адрес-календарь Оренбургского Отдельного Корпуса, Оренбургской Губернии и Управления Оренбургского края по части Пограничной, с присовокуплением Кратких Статистических сведений 1836 года. Оренбург, б. г. С. 112.

Адрес-календарь лиц, служащих в Уфимской губернии / Сост. Г. Резанцев. Уфа, 1873. С. 60–62, 66.

*Ирина
Нигматуллина*

ОНИ ПИСАЛИ ИСТОРИЮ УФЫ И КРАЯ

О краеведах города Уфы

РУФ ГАВРИЛОВИЧ ИГНАТЬЕВ (1818–1886)

Одним из первых известных краеведов, кого серьезно заинтересовала история Уфы и Уфимской губернии, являлся Руф Гаврилович Игнатъев. Он исследовал источники и документальные материалы, занимался археологией, географией, историей церкви Уфы. На страницах газеты «Уфимские губернские ведомости» регулярно выходили его статьи, повествующие о прошлом. Кроме того, его работы печатались в «Памятных книжках Уфы и Уфимской губернии» и в «Адрес-календарях». Тщательным образом рассматривал он вопрос о происхождении башкир. Одним из первых описал события Крестьянской войны 1773–1775 годов на территории Башкирии, рассказал о жизни Салавата Юлаева. Работы «Губернский город Уфа», «Взгляд на историю Оренбургского края», «Осада города Уфы» и другие содержат много полезных сведений и важных выводов. Из 600 исторических трудов, которые написал Руф Гаврилович, известно название и место публикации лишь 235 работ. Студент Башкирского госуниверситета Б.И. Дудочкин в 70-е годы XX века занялся поиском остальных работ Р.Г. Игнатъева. В 1966–1967 годах он вел активную переписку с Центральным государственным архивом древних актов (ЦГАДА), Центральным государственным историческим архивом СССР, Государственной библиотекой СССР имени В.И. Ленина, Публичной библиотекой имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, Архивом Географического общества СССР, Центральным государственным историческим архивом Белорусской ССР, Центральным государственным архивом Татарской АССР, Государственным архивом Оренбургской области, Государственным архивом Пермской области, работал в Центральном государственном архиве Башкирской АССР. В результате серьезного поиска он нашел еще 33 работы Игнатъева.

Руф Гаврилович Игнатъев окончил Институт восточных языков, прекрасно владел тюркскими языками и даже пел на них песни. Его перу принадлежали две оперы — «Уфимское городище» и «Запорожцы». Игнатъев удачно переводил песни Салавата Юлаева на русский язык.

О жизни и судьбе Р.Г. Игнатъева увлекательно пишет В.И. Филоненко в книге «Руф Гаврилович Игнатъев», изданной в Уфе в 1912 году. Автор подчеркивает, что в характере Игнатъева сочетались как серьезные, так и забавные черты: он любил примерять на себя и шутовской образ, развлекать людей, великолепно танцевал и мог делать это прямо на улице, при скоплении народа, завидев молодую даму, с которой вальсировал накануне на балу. То есть иногда вел себя неординарно, непосредственно, не замечая бытовых мелочей. Для Игнатъева внешний облик человека, его положение в обществе, выражаясь современным языком, имидж или престиж, не являлись главными жизненными ценностями. Он отдавал приоритет исследовательской работе и погружался в нее с головой, без остатка.

Р.Г. Игнатъев был «определен в штат губернской канцелярии Уфимской губернии 18 января 1874 года с откомандированием его в Уфимский губернский статистический комитет», где стал работать библиотекарем. За свои археологические изыскания, а он составил уникальную археологическую карту Уфимской и Оренбургской губерний, Р.Г. Игнатъев был избран членом-корреспондентом Московского археологического общества.

Р.Г. Игнатъев много писал о прошлом башкир. В XV веке, когда распалась Золотая Орда, Башкирия оказалась раздробленной на несколько частей. Одна из них попала под власть Ногайской Орды. На крутом правом берегу реки Уфы, там,

где теперь находится санаторий «Зеленая роща», располагалась ставка ногайских ханов — Чертово городище. «Ханы жили на городище, — сообщает Р.Г. Игнатьев, — а их подданные — в нынешней Уфе, в гористой части нынешнего города, и теперь называемой Старым городом». А на месте современной Уфы было кочевье, которое тянулось на 10 верст.

Сооружение Чертова городища происходило в IV–III вв. до нашей эры, в эпоху железа. С трех сторон защищенное крутыми склонами, это место вполне отвечало требованиям обороны. Археологические раскопки подтвердили наличие здесь в древности значительного поселения. Но была ли там ставка ногайских ханов? Чертово городище занимает небольшую площадь, что дает повод сомневаться в действительности размещения на этом месте поселения могущественных ногайских ханов. Тем не менее предание, записанное Р.Г. Игнатьевым, очень занимательно и отражает настоящие исторические сведения — наличие на месте Чертова городища древнего укрепления. После строительства Уфимского кремля на поляне Чертова городища стояли стрелецкие дозоры, контролировавшие подступы к Уфе с восточной стороны.

Любопытно мнение Р.Г. Игнатьева относительно древних названий города Уфы. Вначале, как мы знаем, прибывшая московская дружина, попросту стрельцы, для строительства будущей уфимской крепости возвели укрепленный пункт на горе, поросшей дубовым лесом (ныне место монумента Дружбы). Гора называлась Тура-тау, и поселение стали называть так же — Гора-крепость. Позже вокруг поселения появился частокол из девятиметровых дубовых бревен (их наполовину закапывали в землю). Это поселение башкиры стали называть уже Имен-кола, или Дубовый город. Об этом Р.Г. Игнатьев пишет в статье «О древних памятниках в Уфимском уезде».

Р.Г. Игнатьев подробно описывал историю уфимских церквей, особое внимание уделял Смоленскому собору, который с открытием в 1842 году Воскресенского кафедрального собора (ныне на месте этого храма находится Башкирский академический театр драмы им. М. Гафури) стал рядовой Троицкой церковью. В 1876 году Руф Гаврилович Игнатьев писал на страницах газеты «Уфимские губернские ведомости»: «Так или иначе, а мы должны опять иметь в Уфе наш древний Смоленский собор. Как ни старались умалить Смоленский собор, но православный народ помнит его. Все само говорит нам о необходимости восстановления древней чести Смоленского собора».

Родился Р.Г. Игнатьев в Москве, а умер в Уфе. С историей Уфы была связана значительная часть его жизни. Вклад Руфа Гавриловича Игнатьева в изучение истории Уфимского края чрезвычайно велик. Все сочинения его отличаются свободным изложением, доступным любому читателю, язык его оригинален и живописен.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГУРВИЧ (1828–1914)

Личность Николая Александровича Гурвича, человека незаурядного, мало известна уфимцам, хотя он оставил о себе заметный след в истории нашего города. Составленные им статистические сборники поражают широтой охвата материала и читаются как увлекательнейшая книга из жизни наших предшественников.

Родился Николай Александрович в 1828 году в г. Гродно в разорившейся семье польского помещика Балтутуц, поместья которого были конфискованы после польского восстания 1830 года. Богатый еврей по фамилии Гурвич усыновил маленького Николая и в возрасте 6 лет увез в Германию. В 1846 году Николай Гурвич окончил классическую гимназию с золотой медалью. Затем была Санкт-Петербургская медико-хирургическая академия, выпускником которой он стал в 1852 году. В Уфе Н.А. Гурвич появился в 1853 году.

В 1852 году был учрежден Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, который являлся общероссийским центром статистической работы, а в 1860 году губернские статистические комитеты (в том числе Оренбургской губернии, куда в те годы входил и наш край) получили новое устройство. Многие из них в результате проведенной реформы развернули интенсивную деятельность, прежде всего в области статистики и издательского дела: из отделений канцелярий губернатора комитеты преобразовывались в особые учреждения, призванные «сосредоточить большую часть интеллигенции губернии» и стать местными отделениями Географического общества. Новые веяния коснулись и Уфы.

В 1864 году Н.А. Гурвич возглавил Уфимский губернский статистический комитет. Что заставило его, молодого врача, заняться работой, далекой от медицины? Во всяком случае, не соображения материального порядка, так как заработная плата практикующего врача того времени была значительно выше жалованья секретаря губстаткомитета. Видимо, Гурвич заинтересовался самой работой.

Качества, которыми обладал Гурвич, — кропотливость и дотошность исследователя, аналитические способности, склонность к обобщению и организаторские данные — позволили ему сделать много нужного и полезного. Он сам выполнил и опубликовал десятки работ по истории, этнографии, статистике, экономике и демографии. Под редакцией Н.А. Гурвича в 1868 году вышел в свет «Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям». Изданию этой книги предшествовала перепись населения Уфимской губернии, проведенная опять-таки под руководством Н.А. Гурвича. Это была местная, вторая по счету, перепись, организованная вслед за петербургской переписью 1864 года. Собранные данные бывали не всегда точны, неполны, иногда недостоверны, например о национальном составе и грамотности населения, но местная администрация в своей деятельности опиралась именно на программы и методики, предлагаемые тогдашней статистической наукой.

Исключительную работу провел Н.А. Гурвич и в области издательского дела. Такие книжки, как «Списки населенных мест Уфимской губернии», «Памятные книжки», «Адрес-календари», по своему содержанию и тогда оценивались чрезвычайно высоко, а теперь они являются уникальными, бесценными изданиями. Более подробны краеведческие материалы «Памятных книжек». «Русская газета» в 1877 году (№ 109) писала: «Состав “Памятных книжек” Уфимской губернии давно уже обратил на себя внимание литературы, и нет сомнения, что “Памятные книжки” Уфимской губернии в литературном отношении можно считать образцовыми. В то время, когда все наши губернские памятные книжки печатают одни только списки чиновников и разные общеординарные и общеадминистративные сведения и распоряжения, “Памятные книжки” Уфимской губернии дают читателям или жителям губернии крайне интересный материал».

Так, «Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год» включала географические очерки Уфимской губернии, климатические сведения, статистические данные (включая земли, посевы, охоту, торговлю, птицеводство, скотоводство, пчеловодство, промышленность, судоходство, учебные заведения и т.д.). Кстати сказать, Н.А. Гурвич объединил в статистическом комитете таких же заинтересованных в краеведении людей. Описание Уфы для этой книги сделано губернским предводителем уфимского дворянства В.А. Новиковым¹.

«Памятные книжки» издавались Уфимским губернным статистическим комитетом нерегулярно, но имели и до сих пор имеют большое значение для изучения истории народного хозяйства Башкирии. Впоследствии их заменили справочными «Адрес-календарями», где материал давался в сжатой форме. Как правило, статей в них не было вовсе.

¹ Нелишне будет отметить, что Валентин Аполлонович Новиков, «владелец трех Новиковок», в 1872 году выступил перед уфимским дворянством с предложением об устройстве в Уфе приюта для благородных воспитанников. И уже в июле 1873 года приют был открыт, а после смерти В.А. Новикова, с октября 1880 года, в память о своем учредителе пансион стал называться Новиковским. Кроме «Сборника материалов для истории Уфимского дворянства», В.А. Новиковым изданы и другие работы исторического и экономического направления.

Расцвет издательской деятельности статкомитета пришелся на 60–70-е годы XIX века. В то время в нем активно сотрудничали видные местные ученые, врачи, краеведы, писатели, историки, такие как Р.Г. Игнатьев, В.С. Лоссиевский и М.В. Лоссиевский, В.А. Новиков, Г.С. Рыбаков, В.Л. Ольшевский, А.А. Пекер, А.Б. Иваницкий, П.И. Добротворский и другие. Безусловно, к оценке работ надо подходить критически, но все же они являются основными источниками по экономической истории Уфы и Башкирии XIX века.

Такие начинания Уфимского статкомитета, как основание в 1864 году губернского краеведческого музея, первой бесплатной лечебницы в 1870 году, общества врачей Уфимской губернии в 1882 году, первой государственной библиотеки для населения Уфы, трудно переоценить.

В «Историческом очерке Уфимского губернского музея», составленном в 1891 году действительным статским советником А.А. Пекером, написано, что мысль об основании в Уфе музея возникла в 1864 году по инициативе нескольких членов статкомитета и доклад по этому поводу 23 апреля был сделан Н.А. Гурвичем с таким энтузиазмом, что многие члены комитета приняли активное участие в подготовке создания музея. Гурвич заботливо и бережно собирал по крупицам материалы для музея, выбивал ему подходящее помещение.

Наряду с музеем, любимым детищем Николая Александровича Гурвича была библиотека. Сам он был заядлым библиофилом, имел немало книг по различным отраслям науки на русском и иностранных языках. До сих пор встречаются еще книги с экслибрисами Н.А. Гурвича. Первая государственная библиотека по составу книг была довольно бедна. Даже мебели приличной в библиотеку приобрести не могли из-за отсутствия денег. Все же книжный фонд ее к 1890 году, благодаря стараниям Николая Александровича Гурвича, увеличился с 433 до 3785 томов.

В 80–90-е годы XIX века губернский статистический комитет Уфы начал постепенно свертывать свою деятельность. Н.А. Гурвич возглавлял Уфимский губернский статкомитет до октября 1891 года. Общее собрание членов Уфимского губернского статистического комитета 24 марта 1892 года выразило ему признательность за многолетнюю полезную деятельность.

С 1865 года Н.А. Гурвич был совещательным членом Врачебного отделения Уфимского губернского правления, редактором неофициальной части «Уфимских губернских ведомостей» (до 1897 года), а с 1871 по 1891 год — чиновником особых поручений Министерства внутренних дел, находившегося в распоряжении Уфимского губернатора. С 1878 по 1906 год он избирался почетным мировым судьей по Уфимскому уезду. Определением Уфимского дворянского депутатского собрания 9 марта 1873 года Николай Александрович Гурвич был внесен с детьми (сыном Иваном и дочерью Александрой) в 3-ю часть Дворянской родословной книги Уфимской губернии, а 6 апреля 1873 года указом Правительствующего сената был утвержден в дворянском достоинстве. В Уфе он проживал в домах по улицам Телеграфной (ныне Цюрупы), Фроловской (теперь Г. Тукая), Пушкина, последние годы на Аксаковской, 31 (дом снесен).

Умер он в возрасте 87 лет 20 мая 1914 года и был похоронен на Ново-Ивановском кладбище. Газета «Уфимский край» в некрологе писала: «Он был весьма сердечным и отзывчивым человеком; обладал редким тактом и уравновешенностью; ему был присущ и дар слова... Это несомненно крупная личность, которые рождаются редкими единицами».

Гурвич прожил долгую и насыщенную жизнь и, несмотря ни на что, не растерял запаса энергии и сил. Заслуги его оценили и современники — он являлся членом Русского географического общества, корреспондентом Главной физической обсерватории Санкт-Петербургской академии наук, участвовал во всероссий-

ских и международных съездах и конгрессах статистиков, был награжден знаком Красного Креста, орденом св. Владимира IV степени.

В.В. Латыповой удалось на основе архивных материалов ликвидировать многие белые пятна в биографии Н.А. Гурвича: «Долгие годы он был членом многих комитетов и обществ: почетным членом Комитета музея Уфимской губернии, Уфимского общества врачей, губернского попечительного комитета о тюрьмах, попечительного комитета о бедных, о глухонемых, губернского попечительства о детских приютах и о народной трезвости, членом правления отдела Российского общества покровительства животным, членом Уфимского общества Красного Креста, врачом детского приюта и приюта для бедных воспитанников и воспитанниц уфимских гимназий, лечебницы для бедных, членом губернского училищного Совета и почетным мировым судьей Уфимского округа, депутатом Дворянского депутатского собрания от Белебеевского уезда и губернским гласным».

Заключительные строки хочется предоставить самому Николаю Александровичу Гурвичу. Он написал их в газете «Уфимские губернские ведомости» от 7 января 1878 года: «Залог нашего старого счастья — в нас самих, наше старое, извечное, историческое народное счастье — это великий дух нашего народа... это жизненная неподатливая крепость народного верования не навеянного, не привитого, а глубоко в недрах народной почвы коренящегося... Будет жить в нас это старое счастье — будет неминуемо много и нового... И поведают оне нашим грядущим поколениям, как жили их деды».

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ЧЕРДАНЦЕВ (1871–1943)

А.А. Черданцев — первый библиограф Башкирии. Александр Алексеевич родился в 1871 году на уральском прииске Лисвяном в семье служащего, отец и дед его были коренными рабочими уральских заводов. Александр рос слабым и болезненным. Уже будучи взрослым, он рассказывал, как летом его выводили погреться на солнышке. Часами лежал он в сосновых стружках, любясь открывающимся его глазам видом Урала. С детских лет и появилась у него глубокая любовь к уральской природе, которую он сохранил на всю жизнь.

В 1899 году в Московском университете Черданцев получил звание провизора и, вернувшись в Екатеринбург, стал управляющим больничной аптекой. Но его неумолимо тянуло в горы. Он хотел изучать природу Урала. Вместе с проводником Александр Алексеевич исходил пешком и изъездил верхом этот суровый край. В редких деревнях, которые ему встречались во время экспедиций, он завязывал разговоры. Говорил о старине, слушал легенды и песни. С 1900 года А.А. Черданцев — член Уральского общества любителей естествознания, заведующий отделом нумизматики, позже — секретарь общества.

В 1915 году Александр Алексеевич переехал в Уфу, куда был приглашен управлять аптекой «Человеколюбивого общества». Здесь он продолжал вести очень активную научную и культурно-просветительскую деятельность. Увидев, в каком запустении находится музей местного края, он организовал из учащихся кружок юных любителей природы, под его руководством были составлены коллекция минералов и гербарий. Подключив прессу, Черданцев добился того, чтобы здание музея было отремонтировано, библиотеку привели в должное состояние и открыли для широкой публики. До 1919 года в порядке общественной нагрузки он заведовал музеем.

Когда царская врачебная управа сменилась медицинским отделом губернского революционного комитета, А.А. Черданцев был назначен заведующим фармацевтической частью. Заслуженный врач БАССР В.А. Скачилов писал в книге «Люди подвига и долга» о том, что в 1917 году в Башкирии была эпидемия тифа, на Серги-

евском кладбище Уфы скапливалось до тысячи незахороненных трупов. Лекарств не хватало, и провизор А.А. Черданцев организовал сбор трав и лекарственных растений для борьбы со страшной болезнью. Под его руководством для больных готовили отвары, настои, порошки. В Уфе он открыл лабораторию tinkтур, настоев и мазей, ставшую потом фармацевтическим заводом. В 1920 году А.А. Черданцев опубликовал книгу «Лекарственные растения Уфимской губернии».

Интересы Александра Алексеевича были столь разнообразны (а он был знатоком живописи, фарфора, скульптуры, гравюр, книг), что в 1921 году его назначили директором Уфимского художественного музея, где он и проработал в течение трех лет. Из воспоминаний Марии Николаевны Елгаштиной, бывшей тогда библиотекарем музея: «С Александром Алексеевичем нас связывало чувство преданности своей работе и особое отношение к музею. Я сказала бы благоговейное отношение к музею как хранилищу произведений высокого искусства. Александр Алексеевич очень любил книги и почти ежедневно ходил ко мне в библиотеку, просил у меня ту или иную книгу, часто вместе с посетителями присаживался тут же где-нибудь в уголке и всегда делился со мною, если находил что-нибудь интересное».

В 1925–1931 годах Черданцев вновь работал в аптеке, а с января 1932 года был приглашен на должность научного сотрудника в только что организованную в Уфе Книжную палату, где трудился почти до последнего дня жизни. Основное направление работы — библиография. Часто мы не задумываемся о том, кто создал пособия, используемые нами. Ныне, зайдя в любую научную библиотеку Уфы, мы найдем в ней подробную картотеку литературы о Башкирии. Это плод работы десятков библиографов за много лет. Однако первая научная библиография составлена в Книжной палате именно А.А. Черданцевым.

Из работ Черданцева наибольший интерес у уфимцев вызывают «Уфимские музеи» (исторический очерк в книге 1925 года «Вся Башкирия») и «Библиография периодической печати в Уфимской губернии до 1917 года». Делом всей жизни А.А. Черданцева, к сожалению им не законченным, было составление «Уральского библиографического словаря».

Он составлял справочно-краеведческую картотеку по материалам не только Книжной палаты, но и Государственной библиотеки имени В.И. Ленина, Государственной публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. Кроме того, Черданцев подготовил три краеведческих сборника и регулярно писал статьи в журнал «Хозяйство Башкирии» на краеведческую тематику.

Журналист и краевед О. Курочкин в статье «Реконструкция одной судьбы» в книге «Уральские находки» пишет: «Александр Алексеевич Черданцев — уральский краевед и библиограф, был примечательным человеком, из тех, кто скромно и незаметно, но преданно и самоотверженно служат истории, собирая по крохам то, что может безвозвратно утратиться, но без чего история не будет полной». В фондах ЦГИА РБ хранится личный фонд А.А. Черданцева, материалы сданы на хранение его дочерью Милицей Александровной.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ БАРСОВ (1901–1981)

Были в истории нашего города люди, искренне любившие его, много сделавшие для изучения документальных источников, для восстановления страничек далекого прошлого. Таковым являлся известный краевед, библиофил и статистик Николай Николаевич Барсов. Поистине каждый камень, каждый дом, любая улица Уфы были дороги ему. Его трудолюбию, скрупулезности, энциклопедичности знаний можно было только позавидовать. Николай Николаевич Барсов — имя, которое должен знать каждый житель города Уфы.

Мне приходилось встречаться с Н.Н. Барсовым. В нем прежде всего поражала готовность делиться своими знаниями. Он с упоением рассказывал об Уфе, ее жителях, зданиях, впитывая в свою очередь, как губка, сведения, которые получал от собеседника. Барсов обладал даром систематизации материала, ярко выраженной склонностью к научной работе. Наряду с этим, для него большое значение имели факты, конкретная история. «Вообще я большой поклонник “фактологии”, — писал Барсов в письме к В.А. Скачилову, — то есть описаний фактов и лиц, и всего менее ценю историко-схематические книги».

Николай Николаевич Барсов родился 19 сентября 1901 года в Уфе, в семье эсера-народовольца. С 1915 года отец его работал юрисконсультом Уфимского отделения Крестьянского поземельного банка, мать всю жизнь работала учительницей (умерла в 1944 году).

В 10 лет Николай Барсов поступил в Уфимскую мужскую гимназию № 1 и окончил ее в 1920 году, уже после преобразования в советскую школу 2-й ступени. Жизнь его была бурной. В молодости примкнул к левым эсерам, за что подвергался репрессиям, в 1926 году содержался в Бутырской тюрьме в Москве, в 1927 году — в Суздальском изоляторе. В.А. Скачилов писал о нем: «Н.Н. Барсов, коренной уфимец, был в свое время членом ЦК левых эсеров, работал в предвоенное время в Госплане Башкирского совнаркома с Марией Спиридоновой. Лично знал Бориса Савинкова. Отец его, Николай Яковлевич Барсов, в числе других членов левоэсеровского центрального комитета был расстрелян колчаковцами. В сообщении об этом вкралась опечатка, вместо Н.Я. Барсов было “Н.Н. Барсов”, что, возможно, и спасло Николая Николаевича от репрессий в 1930-е годы. Его дядя Константин Барсов был близок с Александром Ульяновым, встречался с молодым Лениным. Другой его дядя, Павел Иванович Кларк, — известный революционер. В числе его родственников были знаменитые артисты, священнослужители и другие яркие личности».

Николай Николаевич окончил курсы инструкторов промысловой кооперации в Москве и с 1923 года работал в Уфе в органах госстатистики, затем в Башкомхозе (впоследствии Наркомат коммунального хозяйства), в Госплане, в Башкирском медицинском институте. Был экспертом архитектурного совета, членом Общества по изучению Башкирии, председателем Общества библиофилов при Республиканской библиотеке имени Н.К. Крупской, членом Географического общества СССР.

В годы войны (1942 год) на базе Башкирского медицинского института был размещен 1-й Московский мединститут. Занятия в обоих институтах проводились в главном корпусе, поскольку другие учебные здания были заняты под госпитали. Барсов вел там занятия по латинскому языку, и В.А. Скачилов, будучи его студентом, отмечал остроумие, неординарность этого незаурядного преподавателя. «Николай Николаевич, — писал он, — в совершенстве знал французский язык, латынь, неплохо английский, был человеком энциклопедических знаний. Страстный охотник и рыболов, он был, прежде всего, очень скромным, доброжелательным человеком. Но когда вопрос касался истины, становился бескомпромиссным и жестким».

С 1961 года, уже выйдя на заслуженный отдых, Н.Н. Барсов стал много публиковаться на страницах газет «Ленинец», «Советская Башкирия», позже — в «Вечерней Уфе» и журналах «Уральский следопыт», «Хозяйство Башкирии», выступал на телевидении с циклами передач об истории города. В конце 70-х годов XX века наряду с другими краеведами он принял участие в подготовке книги «История Уфы. Краткий очерк».

Богатейшие материалы, заботливо собранные Барсовым, со временем становятся только ценнее. В память о нем в Уфе с 1991 года проводились Барсовские краеведческие чтения.

ПЕТР ФЕДОРОВИЧ ИЩЕРИКОВ (1892–1961)

В советское время историей нашего города занимался и Петр Федорович Ищериков. Именно он больше пятидесяти лет назад открыл знаменитое ныне городище «Уфа-II».

Родился П.Ф. Ищериков в Нижегородской губернии, в селе Янове, в бедной крестьянской семье. Несмотря на трудное материальное положение, тянувшийся к знаниям мальчик окончил приходскую школу и городское училище. С 1905 года он вынужден был сам зарабатывать себе на кусок хлеба. В 1915–1918 годах служил в армии, участвовал в сражениях Первой мировой войны, в революционных событиях 1917 года, был ранен.

В области краеведения он начал работать еще с 1909 года и на протяжении всего уфимского периода жизни продолжал интересоваться историей края и города Уфы. В 1909 году он являлся членом секции изучения местного края Уфимского семейно-педагогического общества, в 1923–1938 годы занимался библиотечным делом, археологическими раскопками, в 1945–1958 годы был научным сотрудником Института истории, языка и литературы, затем Горно-геологического института филиала АН СССР. Именно он установил факт пребывания Салавата Юлаева на каторге в Рогервике.

В годы Великой Отечественной войны П.Ф. Ищериков пошел на фронт, но в 1945 году был отозван Башкирским обкомом партии в Башкирский НИИ истории, языка и литературы им. М. Гафури.

Петр Федорович сделал множество археологических находок, среди них были весьма любопытные. Так, 10 ноября 1949 года он писал А.И. Вощининой, автору книги «Очерк истории древнеримского искусства», в Эрмитаж: «В сентябре этого года я обнаружил в Уфе высокопробную... серебряную чашу с наружным, под краями, пояском водорослевого орнамента на песочном фоне и фантастическим, тоже выгравированным, изображением на дне внутри чаши: рисунок изображает крылатого льва с грудью, шеей и голой головой грифа с хищно изогнутым клювом. На шее у него гривна в виде ровного и гладкого обруча, на ногах — браслеты. Тело покрыто игольчатыми концами, по несколько у каждого пера. Вес чаши 188 гр. (на износ пошло 12 гр., а всего употреблено серебра на это изделие 200 гр.). Это — нелишнее свидетельство древневосточных весовых норм. Размеры невысокой полоскательной чаши. Круглое, без подставки, неширокое дно. Кованая. Зверь — химера, выгравирован в движении налево с замечательным реализмом: тело вытянуто в мускульном напряжении, выступают ребра, поднята правая передняя лапа, задняя левая отставлена далеко позади. Зверь находится в зарослях, на песке... Чаша как будто уникальна. Аналогов я не нашел. Чаша найдена в 1913 году у села Андреевки, приблизительно на р. Белой в ее нижнем течении».

В 1953 году он сообщал в Ленинград о своих археологических изысканиях: «...Новые находки костей четвертичных животных на р. Сутолоке (на территории Уфы)... Благодаря большому объему земляных работ этим летом мне удалось открыть в Уфе несколько аланских и одно парное раннесарматское погребения. В сентябре я открыл в центре Уфы долговременную стоянку... Культурный слой на большом протяжении, с перерывами 2,5 метра».

Петр Федорович щедро делился своими знаниями. Вот только один пример: 28 февраля 1954 года его пригласили в Башкирский институт усовершенствования учителей сделать доклад на семинаре преподавателей истории города Уфы. Здесь, по воспоминаниям самого П.Ф. Ищерикова, он проверил пригодность своей работы о казаках, участвовавших в обороне города Уфы и Башкирии в 1630–1640 годах. Его выступление было настолько увлекательно, что ему было задано

много вопросов даже не по теме доклада. Вместо запланированных полутора часов семинар длился три часа, и атмосфера была творческой и оживленной.

Он не только многое сделал для изучения прошлого Уфы, но и активно боролся на протяжении всей своей жизни в городе за сохранение старины, за уважительное отношение к памяти предков. Не всегда ему это удавалось. Так, сохранилось письмо Петра Федоровича от 11 марта 1956 года, где он с воодушевлением пишет: «Не могу не поделиться своей радостью — победой над “отцами” города Уфы, у которых я в самый решительный момент (12–14 декабря) сорвал план подготовленного уже взрыва бывшего кремлевского Смоленского собора. Вопрос о нем уже обсуждался в Научно-методическом совете по охране памятников истории и искусства, признано несомненно важное историко-архитектурное значение этого памятника истории Уфы и древнерусского зодчества...»

Несмотря на невероятные усилия П.Ф. Ищерикова, Смоленский собор (Троицкая церковь) был, к сожалению, взорван. В ЦГИА РБ хранится личный фонд П.Ф. Ищерикова — документы были переданы родственниками после его смерти. Жаль, но немалая часть бесценных материалов П.Ф. Ищерикова безвозвратно погибла — была попросту выброшена в овраг. Среди них были почтовые открытки и фотонегативы с видами старой Уфы.

ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ СКАЧИЛОВ (1923–1996)

«Уфа. 18 декабря 1887 года. Холодный, пронизывающий ветер. Старо-Ивановское кладбище, что на краю города, запорошило снегом. Из центра города по улице Бекетовской идут с поднятыми воротниками, спасаясь от холода, многочисленные группы людей. Улица упирается в белокаменные кладбищенские ворота. За ними, построенная в виде шатра, зеленеет церковь Ивана Предтечи. На паперти гудят, поют нищие. Из распахнутых ворот церкви слышен хор певчих, иногда прерываемый голосом священника. Сегодня здесь провожают в последний путь видного общественного деятеля Урала, педагога по призванию, действительного статского советника Андрея Александровича Залежского...» Этот живописный отрывок из рукописи В.А. Скачилова и Ф.Д. Ахмеровоной «Встреча с прошлым» мгновенно погружает нас в жизнь старой Уфы, переносит на сто с лишним лет назад. Такое начало сразу же захватывает читателя, не может оставить равнодушным. Такими были и другие книги, написанные Владимиром Анатольевичем Скачиловым, например «Люди подвига и долга» и краеведческий сборник «По тропам былого», где был ответственным редактором. Он собрал документы и подготовил к изданию с комментариями и предисловиями книги С.Я. Елпатьевского «Воспоминания за пятьдесят лет» и А.И. Веретенниковой «Записки земского врача».

15 августа 1983 года на страницах газеты «Вечерняя Уфа» было опубликовано интервью с Владимиром Анатольевичем Скачиловым, в котором на вопрос, что значит для него краеведение, он ответил: «Когда я увлекся краеведением в детском возрасте, будучи в течение нескольких лет прикованным к постели из-за болезни, я просто никакими другими развлечениями типа спорта, искусства заниматься не мог. Но постепенно открытки, фотографии, географические карты, книги о родном крае, которые я коллекционировал из-за занятий как бы вынужденных, превратились для меня в минуты радостных открытий. А вообще если говорить о призвании, то в юности мечтал стать часовым мастером. Но мои школьные подруги уговорили меня вместе с ними учиться в мединституте... Смею надеяться, что и увлечение мое родным краем, его историей тоже приносит некоторую пользу. А быть полезным людям — это та высшая радость, испытывать которую я от всей души желаю молодежи».

Владимир Анатольевич Скачилов родился в 1923 году в Уфе в рабочей семье. После окончания средней школы № 1 поступил в Башкирский государственный медицинский институт, который окончил в 1947 году. Затем десять лет работал врачом в Кармаскалинском районе и рабочем поселке Ново-Александровка. В 1957 году, после объединения Черниковска с Уфой, был назначен заместителем заведующего Уфимским городским отделом здравоохранения. С 1959 года и до ухода на пенсию трудился на посту главного врача больницы № 1 Министерства здравоохранения БАССР.

За книгу «Люди подвига и долга» ему была присуждена Челябинская премия имени В.И. Бирюкова. Скачилов был делегатом Третьего всероссийского съезда Общества охраны памятников и двух всесоюзных съездов историков медицины.

Особо надо отметить работу Владимира Анатольевича в должности председателя комиссии по краеведению Фонда культуры БАССР. Большой вклад он внес в деятельность комиссии по переименованию и присвоению имен улицам Уфы. Любопытно, что еще в 1989 году студенты Башгосуниверситета предлагали назвать именем С. Юлаева одну из центральных улиц города (как вариант предлагалась улица Революционная).

Только за один 1972 год В.А. Скачилов прочитал 36 лекций! Как-то он сказал следующие слова: «К краеведению необходимо подключать каждого человека, особенно молодежь, в том смысле, чтобы человек, вступающий в жизнь, проявлял интерес к своим родственникам, к своим предкам, к своему дому, деревне, городу, в котором родился. Чтобы он осознавал, чувствовал ответственность перед предками, знал о наследии, умел беречь и приумножать это наследство для будущих поколений». Таким человеком был сам Владимир Анатольевич Скачилов.

В личном фонде кандидата медицинских наук, заслуженного врача РСФСР и БАССР, историка медицины и краеведа В.А. Скачилова имеется обширная переписка с учреждениями, организациями, краеведами, с медицинскими работниками, а также изобразительные материалы: копия плана г. Уфы 1908 года, первая карта БАССР 1928 года, многочисленные фотографии, связанные с историей и развитием медицины в Уфимской губернии (например, фотография общества врачей 1900 года) и БАССР (здания больниц, санаториев, домов отдыха и персонал больницы № 1, где он работал главным врачом). Есть два альбома с фотографиями дореволюционной Уфы и один альбом с видами природы, фотографии города Белорецка и экспонаты с фотовыставки, посвященной 400-летию города Уфы.

ВЕНИАМИН ДАВИДОВИЧ ТАИЧ (1901–1987)

Передо мной дневники Вениамина Давидовича Таича — маленькие листочки, написанные карандашом. В них — краткие записи о событиях Гражданской войны на территории Поволжья с мая 1918 по март 1920 года. Вениамин Давидович не успел, как планировал, переписать их, и разобраться в записях сложно, но не могу не привести короткий отрывок, датированный весной 1919 года: «В общем, мой дух падает, все производит гнетущее впечатление... Меня поразило, что крестьяне в тылу живут совсем неплохо. Есть корова, лошади, птица. Слухи о грабеже и обдирании ложны. Хотя в Шумовке крестьянин говорил, что коммунисты отбирают масло. Эти дефекты устраняются. ...Газет нет, что делается, не знаю».

Этот человек прошел огонь и воду, заболел во время Гражданской войны туберкулезом, был комиссован из армии. Несмотря на это, в сентябре 1941 года пошел защищать Родину, но в январе 1942-го был уволен по болезни. Он страдал туберкулезом всю жизнь, побывал во многих санаториях Башкирии.

Вениамин Давидович Таич родился 12 октября 1901 года в деревне Малая Лептиха Мелитопольского уезда (ныне дно Каховского моря) в семье фельдшера.

Отец — Давид Минович, с 1911 года работал сельским врачом в селе Охлебинине, что в 40 километрах от Уфы.

«Мать учила меня сначала дома. Она была учительница и медсестра. Умерла в 1921 году на военной должности в Уфе. Осенью 1912 года отдала меня в Реальное училище в Уфе, которое я не окончил, так как, следуя примеру ближайшего своего школьного друга Владимира Ивановича Куликова, вступил в 1-й Уфимский революционный отряд БОНВ (командир — Сычев), потом вошел в отряд Чеверева, сражались в районе Екатеринбурга, Царицына», — пишет Таич в своей биографии. Сохранились документы той поры — мандат от 22 ноября 1918 года, выданный 4-м сводным полком в том, что товарищ Таич В.Д. состоит пулеметчиком 2-го батальона.

В марте 1920 года он был мобилизован в Уфу из-за легочной болезни и в 1923 году окончил физмат ИНО (Института народного образования) в городе Уфе, работал в школах, техникумах, педучилище. Когда из-за болезни преподавание стало невозможным, В.Д. Таич обратился к науке, которой интересовался с детства, — картографии.

Самый ценный его вклад состоит в том, что он восстановил облик Уфимского кремля XVII века в виде макета, который экспонировался Башкирским краеведческим музеем. Ныне в личном фонде краеведа В.Д. Таича хранится дело «Опыт графической реконструкции г. Уфы XVII—начала XVIII веков» — фундаментальное научное исследование, которое корректировал П.Ф. Ищериков. Дело содержит подробное описание Уфимского кремля и состоит из 23 листов. В.Д. Таич собирал материал на основе работ Н.А. Гурвича, Н.Н. Барсова, альбомов А.А. Зираха, рукописной летописи Троицкой церкви 1871 года, а также планов города Уфы и Уфимской крепости 1734, 1745, 1760 годов.

Работая инженером-картографом в Геологическом управлении с 1942 по 1946 год, Таич начал составлять «Атлас БАССР» (по времени второй, первым был атлас И. Красильникова и П. Рычкова 1752 года, изданный в 1880 году).

Не остались без его внимания животрепещущие тогда вопросы о дате основания города Уфы. Он представил материал под названием «Ошибка академика П.П. Пекарского?», в котором указал, что начало города как военной крепости, основанной стрельцами по велению Ивана Грозного, связано с 1574-м, а не с 1586 годом, когда Уфа стала упоминаться в разрядных книгах Московского государства.

Семья Таича жила в трудные военные и послевоенные годы в небольшой комнате на втором этаже при краеведческом музее на улице Октябрьской революции. Часто питались мерзлой картошкой. Вениамин Давидович экономил на издание атласа БАССР, да и времена были тяжелые. С 1960 года получал пенсию — 52 рубля в месяц. В 1985 году ее повысили до 73 рублей. В 1979 году в Башкирском издательстве вышла книга «История Уфы. Краткий очерк», где копия плана А. Ратиславского, схема роста Уфы и реконструкция Уфимского кремля были выполнены В.Д. Таичем.

ВЛАДИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛУЗИН (1903–1992)

Огромный вклад в изучение прошлого нашего города, его церквей, мечетей, старинных особняков, картографического материала по истории Уфы, в дело коллекционирования уникальных фотографий внес Владислав Александрович Лузин. Доброта, желание поделиться своими знаниями и коллекцией, а имел он четыре больших альбома по истории города, чувство врожденной интеллигентности, трепетное отношение к памяти о давно ушедшем и уходящем на наших глазах отличали этого незаурядного человека. Часами он мог рассказывать о достопри-

мечательностях города, общение с ним давало заряд бодрости, энергии, которая от него исходила.

Родился он 30 сентября 1903 года в селе Дюртюли, где его отец, сам коренной уфимец, держал лавочку. Грозные революционные события 1917 года, Первая мировая, а затем Гражданская война оторвали отца от семьи, и в 1918 году Лузины переехали в Уфу. Молодой юноша мечтал стать архитектором, но жизнь распорядилась иначе. В 15 лет он уже работал в конторе пароходства, а по окончании Уфимского землеустроительного техникума — в отделе землеустройства Башнаркомзема, Башпроекте, Уфимском горсовете, и последние 16 лет, перед выходом на пенсию, — в тресте «Башнефтегеофизика».

Когда Владислав Александрович в 1970 году ушел на заслуженный отдых, стало больше свободного времени, и он целиком отдался любимому занятию. Запечатлеть, сохранить образ старого города, воссоздать его облик стало задачей неугомонного краеведа. За 32 года он собрал более тысячи видов Уфы, при этом консультировал всех желающих и интересующихся его коллекцией. Я познакомилась с ним в 80-е годы. До сих пор помню теплую атмосферу дома, радование Владислава Александровича за судьбу города, гордость, с которой он мне показывал свои альбомы, его стремление к диалогу, к обмену знаниями. И теперь, осмысливая прошлое, спустя многие годы листая личное дело В.А. Лузина в фондах ЦГИА РБ, наблюдая, как восстанавливаются и хорошеют храмы города, я вспоминаю Владислава Александровича — он был бы доволен: так часто об этом он мечтал, перелистывая альбомы с церквями старой Уфы.

Многое не успел завершить этот необыкновенный человек: доработать каталог коллекции, проаннотировать все снимки. В фондах архива хранится его биография, анкета как активиста краеведческого движения БАССР, члена Башкирского республиканского общества краеведов при Башкирском отделении Советского фонда культуры.

ЗЕМИЛЬ ШАКИРОВИЧ ЛАТЫПОВ (1910–1992)

«Мои детские и юношеские годы прошли в деревне. Хорошо помню, как отец продал на базаре мешок муки и привез домой мешок денег. Деньги вывалили из мешка на пол (места на столе не хватило) и стали всей семьей считать выручку от продажи муки. Это были бумажные деньги, в основном «керенки», еще не разрезанные, размером со скатерть». Возможно, в тот далекий момент, в детские годы, зародился у Земиля Шакировича Латыпова интерес к нумизматике. З.Ш. Латыпов являлся собирателем и хранителем множества почтовых открыток с видами старой Уфы. И регулярно публиковал статьи в периодической печати. Заслуживало уважения, с каким азартом и рвением он «раскапывал» находки, малоизвестные сведения, чтобы потом поведать о них читателю, широкой аудитории. Нумизмат со стажем, он хорошо знал историю денежного обращения в России и делился своими знаниями.

Родился Земиль Шакирович Латыпов в 1910 году в семье крестьянина-бедняка в деревне Агарды Благоварского района БАССР. В 1929 году уехал в Уфу на строительство Черниковской электростанции. Биография его насыщена событиями: в 1930–1931 годы — старший делопроизводитель Наркомзема в Уфе, затем, по окончании курсов, — лесотехник при Уфимском лесхозе, с 1933 по 1934 год служил в рядах Красной армии. Карьерный рост его был успешен — от аппарата Сталинского райкома ВЛКСМ (возглавлял отделы, затем стал секретарем райкома) до помощника прокурора Сталинского района города Уфы, майора юстиции, помощника военного прокурора округа. В 1942–1945 годы обучался в Военно-юридической академии. В 1957 году был уволен в запас.

Военная жилка помогла Земилю Шакировичу Латыпову, когда на пенсии он занялся краеведением. Он аккуратно систематизировал архивные данные и материалы, в его домашнем архиве всегда был образцовый порядок, быстро и просто можно было найти любую вещь, нужные в данный период сведения. Эта черта характера сочеталась с огромной трудоспособностью, усидчивостью, когда он трудился в читальном зале архива. На лице его всегда таилась добрая улыбка, располагающая к нему людей. Был он человеком выдержанным, мягким, исполнительным и точным, и буквально одержимым историей края и города. В глазах его загорался азартный огонек, когда он делился своими находками. К предметам старины и документам относился трепетно и бережно. Имея домашний музей-хранилище, он в любую погоду, в дождь или мороз, постоянно посещал музеи города Уфы и исторический архив, пополняя свои знания о прошлом и пропагандируя их на страницах газет и краеведческих сборников.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА НИКУЛИЧЕВА (1913–1995)

Наши пути пересеклись, когда Елена Ивановна была состоявшимся краеведом, руководителем музея школы № 11, созданного на базе материалов Уфимской мужской гимназии. Седые волосы и удивительно молодые, зажигательные глаза — в ней сразу угадывался человек духовно развитый, интеллигентный, но имеющий глубинный внутренний стержень. Она с энтузиазмом рассказывала о выпускниках школы — Акиме Юрьеве, Борисе Нимвицком, о выпускниках Казанского университета, окончивших ранее Уфимскую мужскую гимназию, об участниках революционного движения в Уфе и Башкирии и о тех, кто погиб в годы Великой Отечественной войны.

Елена Ивановна Никуличева (в девичестве Пастухова) родилась в 1913 году в Перми в семье учителей. Ее детство прошло в небольшом городке Верхотурье. В 1929–1932 годах после окончания семилетки училась в Нижнетагильском педагогическом техникуме. Еще в молодости она заболела бронхиальной астмой (ингалятор Елена Ивановна всегда имела при себе) и педагогом работать не могла. С 1934 года поступила счетоводом на Пермскую железную дорогу, к 1940 году ее перевели бухгалтером-ревизором пассажирской службы Пермской железной дороги. Так как болезнь постоянно изматывала, а лечение не помогало, врачи посоветовали сменить климат.

В 1949 году Елена Ивановна с семьей переехала в Уфу. Ее сыновья пошли учиться в школу № 11. С 1953 года она начала работать в школьной библиотеке. Летом 1967 года, случайно познакомившись с Н.Н. Барсовым, Никуличева вплотную занялась краеведением и созданием школьного музея. Работу провела колоссальную. Непростые были выпускники. Среди них революционер Павел Кларк, поэт-демократ Михаил Ларионович Михайлов, историк, библиограф и искусствовед Петр Петрович Пекарский и многие другие. Учился в этой гимназии и будущий великий русский художник Михаил Васильевич Нестеров.

В 1973 году Никуличева вышла на заслуженный отдых, но связи со школой и музеем не прерывала. Поддерживала отношения со многими краеведами и всеми интересующимися историей Уфы. Музей был ее гордостью. Я встретила с ней по поводу проведения одной из телепередач Башкирского телевидения. Участие краеведа со стажем придавало передаче особый колорит. Елена Ивановна с готовностью согласилась помочь, и мы тесно общались с ней в процессе подготовки, репетиции, проведения телепередачи, посвященной А.П. Серебровскому. Она умела удивительно интересно рассказывать о себе, о людях, о которых ей удалось собрать материал, делилась своими соображениями по поводу сохранения старины.

Есть люди, которые продолжают идти рядом с вами, живут в нашей памяти несмотря ни на что, и не покидают нас, даже уйдя из жизни. В школе № 11 продолжает функционировать основанный Никуличевой школьный музей, и нынешнее поколение уфимцев заново открывает свою историю благодаря собранным ею документам.

**ГЕОРГИЙ ФЕДОРОВИЧ ГУДКОВ (1916–1995)
и ЗИНАИДА ИВАНОВНА ГУДКОВА (1933–2008)**

Значение этой семейной пары в развитии краеведения трудно переоценить. Георгий Федорович и Зинаида Ивановна Гудковы не только написали несколько фундаментальных монографий, но и внесли огромный практический вклад в дело сохранения старинных домов, памятников истории и культуры.

*Г.Ф. Гудков и
З.И. Гудкова с
уфимскими краеведами*

Дотошный и неугомонный, яро отстаивающий истину в любом споре и на любом уровне, аргументирующий свою точку зрения фактами, неутомимый исследователь, систематизирующий архивные материалы по карточной системе и создавший великолепную картотеку персоналий, географическую и предметную (всего около 350 тысяч карточек), Георгий Федорович Гудков остался в памяти большинства знавших его людей энергичным, компетентным краеведом. Из автобиографии Г.Ф. Гудкова: «Интерес к краеведческой работе проявился у меня еще в детские годы, чему способствовала семейная обстановка. Не только родители, но и несколько поколений предков были жителями нашего края. Прапрадед Федор Иванович Гудков в 1789 году в числе первых крепостных заводских мастеров был переведен из Тульской губернии во вновь построенный Кусинский завод около Златоуста. В семейной библиотеке имелась краеведческая литература. Глубоко и профессионально я занимаюсь краеведением с 1965 года, с того момента, как краеведческую информацию стал обрабатывать и накапливать по карточной системе... В периодической печати краеведческие статьи стал помещать с марта 1966 года».

Его супруга, Зинаида Ивановна, рассказывает о себе: «Бывая по проектным делам в различных районах Башкирии, я продолжала собирать материалы по истории нашего края, что и предопределило впоследствии мою литературную, историко-краеведческую и исследовательскую работу».

Не удивительно, что эти люди, заключив брачный союз, дополнили его союзом творческим. Совместно они подготовили и издали книги: «С.Т. Аксаков. Краеведческие очерки», «Незаконченная повесть С.Т. Аксакова “Наташа”. Историко-краеведческий комментарий», «С.Т. Аксаков. Семья и окружение», «Усадьба Аксаковых в Голубиной слободке», «Из истории южноуральских горных заводов XVIII–XIX веков. Историко-краеведческие очерки», а также обобщающую работу «Краеведение. Теория и практика».

Георгий Федорович Гудков родился в Уфе 8 января 1916 года в семье служащего. Получил среднее образование в советской школе № 2 и на вечернем педагогическом рабфаке. Затем поступил в Московский инженерно-строительный институт имени В. Куйбышева, на последнем курсе которого его застала война. Последовала эвакуация в Новосибирск, затем работа на заводе в Стерлитамаке, трудармия в Уфе (в действующую не взяли по зрению). В начале 1944 года все-таки был призван в армию, служил на Карельском фронте писарем 4-й роты 133-го отдельного железнодорожного строительного батальона и в Закарпатье, демобилизовался в феврале 1946 года. Война для него окончилась в Западной Украине.

Долго работал в сфере сельскохозяйственного строительства, совмещая это с преподавательской деятельностью. Работая начальником технического отдела «Башколхозстроя», мог выделять для сугубо краеведческих изысканий в архивах не более пятнадцати минут в день. Как краеведа его интересуют не столько исторические, в академическом смысле слова, сколько коренные уфимские фамилии — Кадомцевы, Сипайловы, Гладышевы, Тарбеевы, Курчиевы, которые создали «микроисторический букет» коренных жителей Уфы. В 1972 году увлечение С.Т. Аксаковым сблизило его с Зинаидой Ивановной Труниной, которая, работая инженером проекта в «Башкиргражданпроекте», должна была сделать рабочие чертежи 9-этажного дома на месте нынешнего мемориального Дома-музея С.Т. Аксакова в Уфе, но отказалась от этого и фактически спасла дом от сноса. На третий день знакомства Георгий Федорович (первая его жена умерла в 1968 году) предложил ей руку и сердце.

Зинаида Ивановна родилась 10 августа 1933 года в селе Ключи Чембарского района Пензенской области. В 1950 году поступила в Ленинградский инженерно-строительный институт, после окончания которого была направлена на работу в Башкирию. Трудовую деятельность начала старшим инженером Мраковского дорожного участка, с 1958 по 1975 год она работала в институте «Башгражданпроект». Не все уфимцы, посещающие Сад им. С. Юлаева и любующиеся великолепным мостиком, органично вписывающимся в пейзаж, знают, что это — детище Зинаиды Ивановны Гудковой. Как и сквер Маяковского, в проектировании которого она приняла самое деятельное участие.

Фонд Гудковых, который хранится в Центральном историческом архиве республики, содержит богатейшую информацию по истории края и свидетельствует о гигантской работе, проделанной ими. Георгий Федорович фактически вернул уфимцам дом Аксаковых (причем дважды уберег его от сноса), обнаружил, в каких двух домах проживал в 1890–1891 годах известный певец Ф.И. Шаляпин. Занимался историей Дома-музея В.И. Ленина в Уфе и установил, что владелицей дома была П.И. Чоглокова. Сохранилось его письмо в Башкирский обком КПСС от 16 февраля 1975 года, в котором он сетовал, что мало изучена топонимика, генеалогия, эпиграфика, не развито краеведческое литературоведение, не создан систематический курс истории Башкирии, и предлагал создать центр при архиве из деятелей науки и культуры, студентов, пенсионеров — энтузиастов краеведения.

Сохранилась переписка Г.Ф. Гудкова. Она обширна и содержит интересные сведения. Вот только пара примеров: письмо в словарь псевдонимов, переписка с Дмитрием Ивановичем Архангельским, художником, автором книги «Уфимский

ампир». Гудков поддерживал молодых людей, студентов, увлекшихся с его легкой руки краеведением.

А сколько уникальных книг, старинных газет, брошюр, родословных хранится в фонде Гудковых! Картотека персоналий поистине бесценна. Ее география — Поволжье, Урал, Центральная Россия. Персоналии и названия населенных пунктов, промышленность, экология, пожары, наводнения, происшествия, голод и так далее. Георгий Федорович начал разрабатывать ее с 1968 года. Уже в 1972-м она насчитывала 50 тысяч карточек.

Гудковы создали микрогносеологию, суть которой — в изучении каждым желающим своих корней. По большому счету, подлинная история начинается с исследования малой родины, своей семьи, усадьбы, улицы, села, города. Любовь к истории начинается с отеческого порога, она конкретна и осязаема. Это подлинная история, а не черно-белая схема, которой грешат многие наши исторические публикации. За заслуги в области краеведения 30 июня 1990 года Георгий Федорович и Зинаида Ивановна Гудковы были удостоены почетного звания «Заслуженный работник культуры Башкирской АССР», а в 1995 году Г.Ф. Гудкову было присвоено звание «Почетный гражданин города Уфы».

«СЛЕДОВАЛО БЫ СТАРИННУЮ ПОДОРОЖИТЬ...»

*Владимир
Агте*

О РАСПОЛОЖЕНИИ И НАЗВАНИИ ГОРОДА УФЫ

До сих пор нет общепринятой версии происхождения названия столицы Башкортостана — Уфы. Вариантов много: есть версии прочтения этого слова на основе тюркских языков, есть на основе финно-угорских, есть напоминающие анекдот толкования народные. На наш взгляд, название города непосредственно связано с его расположением и имеет очень давнее происхождение — порядка трех-трех с половиной тысяч лет, и не может быть понято без рассмотрения вопроса о населении этих мест в ту далекую эпоху.

Для начала необходимо рассмотреть взаимосвязь названия Уфы с ее местоположением.

Мог ли город, основанный где-нибудь в другом месте, скажем на месте Бирска или Стерлитамака, быть назван Уфой? Нет, не мог! Любое поселение, основанное чуть в сторону от того места, где зародился наш город, никогда бы не получило такого названия. Объяснение этому очень простое.

Издревле люди часто нарекали свои города и поселения, расположенные при слиянии двух рек (на стрелке), по названию меньшей реки. Так как большая река была обычно известна всем и представляла своеобразную ось координат, то впадающие в нее речушки определяли точную координату на этой оси, мало изменявшуюся во времени, поскольку названия водных объектов, в том числе рек, — гидронимы являются одними из самых стабильных элементов любого языка и часто переходят из одного языка в другой практически без изменений. Так что такая система координат стабильно работала на протяжении веков и тысячелетий. Отсюда появились Самара и Царицын при впадении рек Самары и Царицы в Волгу; Омск и Тобольск были основаны при впадении рек Оми и Тобола в Иртыш. Река Стерля дала название городу Стерлитамаку («устье Стерли» по-башкирски). За себя говорят такие названия, как Усть-Кут в Иркутской области в верхнем течении реки Лены у места впадения в нее реки Куты или Усть-Илимск — город в той же Иркутской области, но на реке Ангаре при впадении в нее (ныне в Усть-Илимское водохранилище на Ангаре) Илима. Можно найти еще не один такой пример.

Таким образом, Уфа получила имя благодаря своему соседству с устьем реки Уфы, которая носит также башкирское имя Караидель, а окрестными жителями ласково называется Уфимкой. Даже родясь на берегах самой реки Уфы, город, скорее всего, получил бы другое название. Районный центр Караидель здесь не пример — это продукт деятельности администраторов советского периода, о чем сообщает официальный сайт администрации Караидельского района: «Караидельский район образован 20 февраля 1932 года Постановлением Президиума Башкирского Центрального исполнительного комитета. С образованием района районный центр из волостного центра Байки был переведен к судоходной реке Уфа, или по-башкирски — Караидель, что означает Черная река. До этого вре-

мени с. Караидель называлось Усть-Багазы по названию реки Багазка, которая впадает в Уфимку».

Правда, возникает вопрос: утверждение, что Уфа возникла при впадении Уфимки в Белую, не совсем логично, так как от места, где была построена русская крепость, до устья Уфимки довольно далеко. Вопрос справедливый, и первый ответ на него прост: русла Белой и Уфимки непрерывно меняются, причем весьма быстро. Вот, например, остров у железнодорожного моста в последние годы превращается в полуостров — соответственно русло Белой отходит от города, а когда-то обе реки текли прямо у подножия уфимских обрывов, собственно эти обрывы и сделав. Так, Уфимка, вероятно, текла там, где сейчас вдоль Пугачевской слободы проходит дорога к новому мосту у Каменной переправы. У правого берега река подмывала гору, вызывая осыпи в свое русло, а левый берег (внешняя сторона крутой дуги) размывался под действием центробежной силы резко меняющего направление быстрого течения. Метр за метром русло удалялось от горы, на которой стоит Уфа, и наконец образовался большой полуостров в пойме рек Белой и Уфимки, носящий сейчас название Кузнецовского Затона. Когда-то устье Уфимки располагалось, по-видимому, возле места, где впоследствии построили авторемонтный завод. Если допустить, что это было так, то всякие сомнения в том, где возникла Уфа, исчезают.

Но есть и второй ответ, не противоречащий первому, на поставленный вопрос: нынешняя Уфа получила свое название от одноименного поселения, существовавшего еще до основания русской крепости. И такая версия, которой придерживается в своей книге Р.Г. Буканова, находит свое подтверждение, о чем свидетельствует и название района на Усольской горе — Старая Уфа, хотя в 1574 году Иван Нагой заложил крепость там, где ныне расположен монумент Дружбы, а первой улицей нового города стала улица Посадская, идущая вдоль правого берега речки Сутолоки у подножия холма, на котором стояла эта крепость.

Бытующая версия, что название «Старая Уфа» появилось весьма поздно, то ли в XVIII, то ли в XIX веке, так сказать, на бытовой почве, представляется неубедительной. Обычно все-таки бывает так: народ называет старым то, что старше. Так что есть все основания предполагать, что к моменту появления «царевых» людей Ивана Нагого на Усольской горе (возможно, как раз над авторемонтным заводом) было какое-то поселение, и, возможно, оно звалось Уфой. Уместен пример: всем известен город Рязань, хотя это совсем не та столица Рязанского княжества, которую сжег хан Батый в 1237 году, — та находилась в 50 километрах от нынешней, пришла в запустение, а теперь на месте древней Рязани есть лишь городище, активно исследуемое археологами и именуемое Старой Рязанью.

Кстати, версия о существовании на Усольской горе древнего поселения, давшего имя вновь основанному городу, представлена еще в XVIII веке Петром Ивановичем Рычковым в его книге «Топография Оренбургская». В этой книге, в одиннадцатой главе, носящей название «О городе Уфе и о всей Уфимской провинции», он пишет: «О звании города Уфы можно догадываться, что оно не вновь ему придано, но паче возобновлено прежнее, и сущее то, которым ногайские ханы, исстари живучи в здешних местах, город свой именовали, ибо никакого резона не видно, чтоб городу, построенному над самой рекой Белою, коя величиною против Уфы вдвое больше, именоваться по реке Уфе, которая в реку Белую впадает с правой же стороны по течению ее, версты с три выше города, где никакого городского строения нет. К тому ж над самой рекою Уфою от города верстах в пяти, на весьма высоком и прекрасном месте, поныне видно татарское городище, где, как сказывают, ногайские ханы жилали. И так могло быть, что оное городище по реке Уфе, текущей подле него, прежде нынешнего города Уфы, Уфою именовано, а тому последую и российского построения город Уфа ж названа. Башкирцы

*Вид на Троицкую
церковь и Старую
Уфу. Гравюра по
фотографии 1867 г.*

реку Уфу называют Уфа-Идель, что значит Уфа-река, а Белую — Ак-Идель, то есть белая река». И далее: «Знатный башкирский старшина Ногайской дороги Каратабынской волости Кедряс Муллакаев в изъяснение сего объявил, аки бы задолго до покорения российскому скипетру Казанского царства и Башкирцев на самом том месте, где ныне город Уфа, был великий город, который простирался вверх по реке Белой до устья реки Уфы, и до Уфимских, то есть при реке находящихся, гор, так что жительство его распространялось по длине верст на десять». Далее Рычков приводит легенду о великом змее, который приходил в город и заражал всех своим ядом, от чего часть жителей погибла, а остальные покинули город, после чего «оный ядовитый змей спрятался в находящуюся при реке Уфе гору и исчез, так что более уж никакого вреда от него не было».

Рычков пишет, что башкиры называли реку Уфа-Идель, но редактор в примечании поправляет автора — эта река именуется по-башкирски Караидель. Полагая все же, что прав Рычков, ибо он записал то, что слышал от местных жителей, а к разгадке двойственности названия реки Уфы мы еще вернемся. В предании же о змее, умерщвлявшем жителей Уфы своим ядом, можно предположить воспоминание об эпидемии (пандемии) чумы, начавшейся (или же замеченной) в 1346 году где-то к северу от Азовского и Черного морей, принесенной ногайцами (!) в Крым, а оттуда завезенной генуэзцами в страны Средиземноморья. В последующие годы она распространилась от Испании до Норвегии и от Англии до Руси и уничтожила одну треть населения Европы. Вероятно, задела эпидемия и земли современного Башкортостана, повлекла гибель многих людей и заставила выживших покинуть зараженный город. После этой страшной катастрофы он смог восстановить свое величие и значение уже будучи в составе Русского государства.

Как бы то ни было, свидетельство Рычкова подтверждает предположение, что еще до основания русской крепости существовал город с названием Уфа и располагался он на горе над устьем реки Уфы, давшей ему свое имя. Возможно, и Усть-Уфимское городище железного века — одно из подтверждений этому, хотя свое название оно получило в Новое время.

Почему же русская крепость была основана именно в этом месте, а не где-нибудь в районе Бирска или Охлебинина, в местах очень красивых и удобных, и почему крепость поставили не на Усольской горе, не на месте, где ныне памятник Салавату Юлаеву, или не там, где ныне мусульманское кладбище? Ведь любое из этих мест в силу своей высоты дает более широкий обзор, что гораздо лучше позволяет контролировать окрестности и своевременно заметить приближение врага. Но крепость поставили фактически в низине. Почему? В месте расположения кроется и ответ, зачем, собственно, построили крепость.

Понятно, что, находясь в центре современной Башкирии, крепость не могла реально препятствовать набегам на башкир агрессивных соседей с юга — эта задача была решена лишь в XVIII–XIX веках с основанием Оренбурга и строительством пограничных линий из цепи укреплений и казачьих станиц. Не могла маленькая крепость с малочисленным гарнизоном и защитить много людей за своими стенами. Поэтому основная цель ее создания была в другом, а именно: быть опорным пунктом на водных путях Южного Урала — главных стратегических дорогах того времени. Уфимка течет с севера и своими притоками обеспечивает доступ в самое сердце Урала. Белая — течет с юга и охватывает своим бассейном огромную территорию Предуралья и Урала. А у слияния этих рек стоит город, базируясь в котором и двигаясь по самым удобным для того времени безопасным и дешевым водным путям можно было легко попасть практически в любую точку огромного богатого края — хоть для сбора дани, хоть для других целей. Можно предположить, что одной из этих «других», а возможно, главной целью была добыча полезных ископаемых Урала, прежде всего металлов — меди и железа. Поэтому-то крепость и основали не на высоких кручах, а поближе к реке, к месту, где можно было устроить пристань. Предположение Р.Г. Букановой, что «первые отряды стрельцов, строившие крепость, прибыли коротким и удобным сухим путем по Старому Сибирскому тракту, со стороны р. Уфы, а не на судах вверх по извилистому течению р. Белой», представляется маловероятным, поскольку передвигаться с тяжелым грузом (пушки, прочее оружие, строительные инструменты и т.д.) на судах по воде было намного легче и безопаснее, чем по сильно пересеченной местности через Уральские горы, а длительность пути не имела в данном случае первостепенного значения.

Замысел основателей нового города Московского царства оправдался полностью: еще во второй половине XIX века по горным рекам в паводок сплавлялись барки с продукцией металлургических заводов Южного Урала. По Белой — из Тирляна, Белорецка и других заводов, бывших ниже по течению; по Уфимке и ее притоке Аю — даже из Златоуста, находящегося фактически на гребне Уральского хребта. И пути всех этих речных караванов сходились в Уфе!

Так что тот, кто выбирал место на Южном Урале для опорного пункта Государства Российского, прекрасно знал не только географию этих мест, но и, похоже, знал о наличии в недрах уральской земли несметных богатств. Откуда? На этот вопрос пока нет четкого ответа, но его поиск подводит нас ближе и к ответу на вопрос: «Что означает слово *уфа* и кто назвал так реку?»

Для начала познакомимся с версиями В.В. Поздеева, приведенными им в книге «Южноуральская топонимика. Историко-топонимический словарь». Хотя автор не является профессиональным филологом, что вызывает скепсис профессионалов, тем не менее собранный им обширный материал заслуживает хотя бы того, чтобы с ним ознакомиться, поскольку при составлении словаря использовано свыше 200 источников, в том числе около 40 ранее неопубликованных архивных материалов. В словаре нет слова *Уфа*, поскольку рассматриваются топонимы Челябинской области, но есть статья о происхождении названия реки Уфалейки.

«УФАЛЕЙКА, река длиной 70 километров на севере области; правый приток Уфы на 853 километре от устья. Исток в горном болотистом месте на *Уфалейском хребте*; на некоторых картах образуется от слияния *Бол.* и *Мал. Уфалейки*. В 1761 г. на реке при заводе основали *п. Верхний Уфалей*, ныне город областного подчинения; в 1813 г. возник *выселок Нижний Уфалей*.

Реки Уфа, Уфалей имеют общую этимологическую базу; высказано несколько версий. Выводят имя Уфы из башкирского слова *уба* — *холм, курган*; оно известно в алтайских языках. Сравнивают с башкирским родом *упа*. Есть версия существования у башкир слова *Уфа* — *темная вода*; за основу брали литовское,

латышское слово *упэ* — *река, ручей*. А оно, очевидно, иранского (скифского) происхождения: *Балтийское море, Северный Ледовитый океан* не случайно именовали *Скифскими*. Поэтому иранская версия более приемлема. Топонимика и иранские языки сохранили чередования *а/у, в/у/б/н/ф*; явление замены звука *в* на звук *ф* для северных говоров у русских не является случайностью. И переход у осетин, прямых потомков скифов (и пуштунов), превращение слова *ав* (*аб, ов, оу, оп, ап*) — *вода, река* в *аф* усиливают версию североиранского происхождения гидронимов *Уфа, Уфалей*, при этом базовым словом может быть пуштунское *убэ* — *вода, жидкость*. Союз этого слова с другим пуштунским словом *лай* — *ил, грязь, осадок* образовали гидроним *Уфалей*, а название можно понимать как *слякиша, грязнуха, глинянка* — популярные названия рек в горах, включая притоки *Уфы*. Может быть, поэтому и башкиры называют реку Кара-Идель, т. е. Черная река?»

Зинаида
Гудкова

ОСНОВАТЕЛЬ УФЫ — ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ НАГОЙ

По желанию башкир Московское правительство в 1574 г. направило для сооружения города Уфы воеводу Ивана Нагого. Его сопровождал боярский сын Константин Голубцов и отряд стрельцов. В 1574 г. в Уфе уже существовала православная церковь, а в 1579 г. была «освящена каменная церковь во имя Смоленской Божией матери». Это означает, что уже тогда существовал небольшой укрепленный пункт. Место было выбрано в устье реки Сутолоки при впадении ее в реку Белую.

Род Нагих, родственников Ивана Грозного, хорошо известен (Нагая Мария Федоровна была последней женой царя). В разрядных книгах того периода одновременно упоминаются два Ивана Нагих. Один из них, Иван Семенович, был слишком молод и не подходил для основателя города. О нем известно, что он служил в это время вместе со своим отцом Семеном Федоровичем Нагим, который был воеводой в Васильгороде, Казани и Астрахани с 1584 по 1587 гг.

Все историки следом за П.И. Рычковым называли основателем Уфы Ивана Григорьевича Нагого. В свое время прославился он не только воинскими подвигами, но более всего своим несчастьем — ссылкой в Сибирь, конфискацией имущества и заключением в тюрьму по приказу царя Федора Ивановича. Вотчина И.Г. Нагого была в селе Макарове, недалеко от Коломны. В 1550 г. Григорий Иванович Нагой, сын боярский, числился на службе по Переяславлю-Залесскому, вместе с ним служил его родной сын «Иванец Григорьев Нагой», в 1577 г. вместе с царем участвовал в походе на Лифляндию, в 1581 г. он принимал участие в походе на Литву. В том же году состоялась свадьба Ивана Грозного. Он взял седьмую жену из рода Нагих — Марию Федоровну. Друзьями на свадьбе были Михаил Алексеевич Нагой и его жена в качестве свахи, там же присутствовали Андрей Александрович и Иван Семенович Нагие. «В кривом столе» на свадьбе сидели братья невесты и Иван Григорьевич Нагой.

В 1583 г. «при Кузьмодемьянской поставили полки... В стану у государя ночевали дворяне», в числе их был и Иван Григорьевич Нагой. В 1586 г. он — воевода в «Кузьмодемьяновском остроге» вместе с Дмитрием Мячковым, в 1587-м — в «Новом Царевом городе на Санчуре озере» вместе с головой Тимофеем Лачиновым. В 1589 г., после смерти Ивана Грозного, Нагой был послан в почетную ссылку, в Сибирь на воеводство, где служил с 1589 по 1594 гг. в «Новом городе на Елове», в 1596 г. — в Тюмени, в 1600 г. — в Верхотурье. Наконец, «наскучив служить» в Сибири, И.Г. Нагой самовольно бросил воеводство и поехал к Москве. В Казани его схватили, но вскоре отпустили и разрешили жить в вотчине.

Но еще ранее экспедиции Ивана Нагого из Казани Иваном Грозным был послан (после 1569 г.) Иван Васильевич Артемьев «по просьбе башкирцев для обчерчевания и построения Уфы». Можно предположить, что, когда Иван Нагой с отрядом стрельцов прибыл на место, оно уже было выбрано для строительства города на высоком холме в устье речки Сутолоки при впадении ее в Белую.

Константин Голубцов и его потомство оставили заметный след в истории нашего края. Родоначальником этого дворянского рода был Иван Голубцов. Его сын Степан участвовал в Казанском походе в 1552 г., внук, Константин Степанович, был переведен на службу в Уфу, где служили в числе детей боярских его потомки. К.С. Голубцов, помощник И.Г. Нагого, в Уфе служил «площадным подьячим». Он непосредственно на местах по царским указам отводил земли служилым людям и детям боярским, вел «отдельные», «поместные» и «дозорные книги». Самому Константину Степановичу Голубцову в 1613 г. было отведено огромное поле между реками Шугуровкой и Уфой. В 1615 г. ему также было отведено большое поле «за Уфой рекой на речке Шихте в его Константинов оклад». Этот последний участок в различных документах встречается под названиями Константиновская дача, Голубцовская арема, пустошь Голубцова, «сенные покосы тож». Речку Шакшу в разные времена называли Шекша, Шихта, Шахта.

Известно также, что у Константина Голубцова была жена Алена (Елена) Михайловна, сыновья Владимир, Михаил, Иван и дочь Анастасия. Константин Степанович Голубцов, помощник Ивана Нагого, умер в 1630 г., а 15 января того же года «за его женой и детьми утверждено поместье мужа на левом берегу р. Уфы, по речке Шихта».

Михаил Константинович Голубцов был женат, но детей не имел. Два других сына Константина — Иван и Владимир — положили начало многочисленному потомству уфимских дворян Голубцовых. Известный генеалог Владимир Владимирович Голубцов (1856–1892) также происходил из рода уфимских дворян Голубцовых.

Многие исследователи основателем Уфы называли Михаила Александровича Нагого, но он не мог этого сделать в 1574 г., так как его в то время в Башкирии не было. Он был назначен в Уфу «городовым воеводой» вместе с головой Григорием Онучиным и, прибыв сюда в самом конце 1586 г., прослужил здесь 1590, 1592, 1593, 1595–1597, 1599–1602, 1604 и 1605 гг. С 1614 г. Михаил Александрович Нагой в чине боярина служил воеводой Устюга Великого, где и умер в 1618 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РАБОТЕ Р. ИГНАТЬЕВА «МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ Г. УФЫ ДО НАЧАЛА XIX СТОЛЕТИЯ»

*Михаил
Роднов*

Уфа, как и любой город, постоянно меняется, хотя и не всегда в лучшую сторону. Перемены вызываются многообразным воздействием самых различных факторов — от экономики, численности населения, развития транспортных коммуникаций до информационной среды, общественных нравов или стихийных бедствий. Уфа меняется на наших глазах, и, глядя на фотографии из старых семейных альбомов, уфимцы, по сути, вызывают из памяти образы уже ушедшего города.

Но среди непрерывного потока перемен встречаются ключевые моменты, когда происходят глубокие качественные сдвиги, которые буквально переворачивают всю жизнь Уфы, — своеобразные революции. Из последних подобных революционных изменений, произошедших на памяти современных поколений, можно назвать переход к массовой многоэтажной жилищной застройке в Уфе с конца 1950-х, затем последовавшую с конца 1960-х и в 1970-е годы информационную ре-

волюцию, когда всеильный телевизор разрушил тысячелетние формы прямого человеческого общения. Да и современная поголовная автомобилизация, наступившая в 1990-х, круто изменила условия существования тысяч семей уфимцев...

В 1860–1870-е годы тихая провинциальная Уфа, маленький уютный зеленый городок, оказалась на пороге очередных глобальных перемен — началась «транспортная революция». В 1858 году по Белой до Уфы поднялся первый пароход, и закончилась географическая изоляция, веками сдерживавшая развитие края. За несколько дней житель Уфы с комфортом мог доехать до Казани или Нижнего Новгорода, а там рукой подать и до Белокаменной. Хотя бы и в течение летнего навигационного сезона достаточно состоятельный уфимец имел возможность несколько раз посетить обе российские столицы и вернуться обратно.

А в августе 1873 года в Уфу неожиданно прибыли инженеры-путейцы, проводившие изыскания будущих трасс железных дорог в Сибирь. «Нечего, конечно, говорить, — отмечал Николай Александрович Гурвич, — что наше общество с живейшим интересом и напряженным вниманием отнеслось к этой, как бы с неба упавшей для нас, новости. В самом деле, могла ли быть у нас и мечта даже о рельсовом пути чрез нашу захолустную губернию, составляющую какой-то административно-экономический особняк — аномалию»¹.

¹ Уфимские губернские ведомости. 1873. 25 августа.

Пройдет время и в сентябре 1888 года тот же Н.А. Гурвич будет с восторгом записывать для газеты подробности торжественного прихода в Уфу первого поезда.

В канун таких «переломных» моментов наиболее ясно понимающие эпоху современники начинали по-другому смотреть на, казалось бы, обыденную жизнь. Это можно назвать обостренным чувством времени: сознавая, что буквально завтра все изменится, «сегодняшнее» безвозвратно навсегда уйдет в прошлое, они судорожно пытались сохранить «мимолетное виденье» исчезающего настоящего. Так происходило в России и после 1917 года, когда сотни подвижников спасали культурное наследие рухнувшей империи.

Уфе повезло. В нашем городе нашлись люди, понимавшие, что неспешный патриархальный быт уфимцев скоро исчезнет под натиском новой рыночной экономики. Фотограф А.А. Зирах будет снимать и снимать виды уфимских улиц, оставив нам яркий зрительный образ. По заданию редактора единственной городской газеты П.Н. Чоглокова рядовой учитель М.М. Сомов создаст свое знаменитое «Описание Уфы». Из которого, например, узнаем, что, по воспоминаниям старожилов, в 1820-е годы Верхнеторговая площадь «покрыта была ковром зелени; тогда она служила местом гульбища, куда по временам собиралась повеселиться вся тогдашняя уфимская знать. На площади устраивались деревянные скамьи, ставились столы с разными закусками и сладостями, являлся незатейливый оркестр музыки, и тогда начиналось полное веселье. Молодежь пела русские песни, играла в горелки, плясала русские пляски и т.п. Люди же пожилые или беседовали между собой, попивая пунш, или играли в карты»².

² Оренбургские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1864. 2 мая.

Сменивший П.Н. Чоглокова новый редактор «Уфимских губернских ведомостей» врач Н.А. Гурвич и сам собирает различный статистический материал о жизни города, и привлекает к работе в газете местных краеведов. А главным его помощником на долгие годы и ведущим уфимским историком становится Руф Гаврилович Игнатьев. В «Ведомостях» ежегодно публикуются статьи Р.Г. Игнатьева по различным вопросам истории края. Уже в № 32 неофициальной части «Уфимских губернских ведомостей» за 7 августа 1865 года (еще при П.Н. Чоглокове) выходит статья Р.Г. Игнатьева «Канур Буга» о древней дороге через Уральские горы, проходившей по Верхнеуральскому и Троицкому уездам. В № 35 от 28 августа публикуется его небольшая заметка «Древний антиминс в г. Уфе Буйницкого монастыря из Литовской Руси», а в № 43 и 49 читатель знакомился с материалом Р.Г. Игнатьева о курганах приуральской части Оренбургской губернии.

Возглавивший в ноябре 1865 года «Уфимские губернские ведомости» Н.А. Гурвич сначала отдает предпочтение текущей статистике. В 1866 году в неофициальной части ведомостей помещены лишь три небольшие заметки Руфа Гавриловича, но со временем их сотрудничество налаживается, и с конца 1860-х годов и вплоть до самой смерти Р.Г. Игнатьев становится главным автором по историко-краеведческой тематике.

Работы Руфа Гавриловича не потеряли своей актуальности и научной ценности до настоящего времени, что объясняется несколькими причинами. Помимо того что Игнатьев был очень деятельным человеком, изучившим весь Южный Урал (он раскапывает курганы в Уфе, в преклонном возрасте обходит старообрядческие скиты Оренбуржья), Руф Гаврилович собирал сведения у старожилов, записывал их рассказы о прошлом. В его статьях до нас доходят воспоминания уфимцев о первой половине XIX и даже XVIII столетии. Кроме того, Р.Г. Игнатьев самым активным образом изучал в Уфе архивные документы, наверное, единственный из современников. Читателю тут надо обязательно пояснить, что в конце XIX века в России постепенно складывается современная система государственных архивохранилищ: из провинциальных архивов изымались наиболее ценные документы XVII и XVIII веков и отправлялись в Москву и Санкт-Петербург. Поэтому, например, в современном уфимском историческом архиве (ЦГИА РБ) сохранились лишь документы с самого конца XVIII столетия (пятая ревизия 1795 года и некоторые другие). Все более древние коллекции вывезены из Уфы, и за прошедшие десятилетия часть документов утрачена, другие неизвестно где находятся, многие просто недоступны уфимским историкам и краеведам. А Руф Гаврилович мог свободно работать со столбцами XVII века, бумагами петровской и елизаветинской эпох и т. д. О некоторых фактах мы теперь можем узнать лишь из его работ. Ну и наконец, это был вдумчивый, серьезный, критически настроенный исследователь, считавший, что главное в работе историка — доказательства!

В некрологе на кончину Руфа Гавриловича его верный соратник, редактор «Уфимских губернских ведомостей» Н.А. Гурвич, в январе 1886 года отмечал, что читателям различных изданий Уфимской, Оренбургской, Вятской, Пермской, Тобольской и других губерний хорошо известно имя Р.Г. Игнатьева, «тем же, которые не знакомы с этими изданиями, считаем долгом поведать — кто такой был Р.Г. Игнатьев.

Не громкими ранговыми титулами, не выложенным общественным положением отмечен был жизненный путь Руфа Гавриловича: нет, напротив того, тернием, трудом, иногда и непризнанным, лишениями и страданиями устлана была житейская его стезя; но жизнь его отмечена неутомимыми, бескорыстными, честными, упорными до самоотвержения, отзывчивыми на всякое просвещенное и полезное дело трудами; если житейская мудрость: наружность обманчива — более об умалении кажущегося достоинства, то о покойном нужно понимать это изречение именно в обратном смысле: под простую, иногда и странную наружностью его скрывались пылкий ум, всегда двигавшаяся мысль и громадные познания, особенно в истории, археологии, археографии, особенно церковной, служебных уставах церкви, которой он был самым ревностным слугою; он имел глубокие и научные познания в пении и музыке, которых он когда-то был отличным исполнителем»¹. Представитель Оренбургского статистического комитета П.Н. Распопов отмечал в некрологе, что «с искреннейшим чувством сокрушения приняли мы поэтому весть о кончине в Уфе 2 января текущего года одного из неутомимейших тружеников и основательнейших знатоков края Р.Г. Игнатьева». Перечисляя огромные заслуги Руфа Гавриловича для истории Оренбуржья, автор добавлял, что в делах Оренбургского статистического комитета хранятся две неизданные монографии Р.Г. Игнатьева: «Этнографические очерки Оренбургской губернии» и «Оренбургский раскол».

¹ Уфимские губернские ведомости. 1886. 11 января.

Среди поистине огромного творческого наследия Руфа Гавриловича выделяется его работа «Местоположение г. Уфы до начала XIX столетия» (1873). На основе изучения архивных документов, расспросов старожилов Р.Г. Игнатьев попытался реконструировать историю первых уфимских улиц, топографию, облик самой древней Уфы с момента возникновения в конце XVI века и до регулярных планов застройки города эпохи императора Александра I. Читая эту историко-краеведческую работу, нельзя не заметить острого «чувства времени» у автора. Руф Гаврилович пытается запечатлеть образ уходящей Уфы. Начавшийся бурный рост населения, экономическая активность стирали остатки старой «стрелецкой» Уфы. Он понимает, что город возник у реки, где в конце XIX века разворачивается строительство промышленных и торговых предприятий, растет стоимость земли, и ветхие следы прошлого безжалостно стираются. Читателю придется с определенным напряжением изучать труд Р.Г. Игнатьева, потому что та Уфа для нас — уже давно и далеко ушедший в прошлое город.

Текст Р.Г. Игнатьева публикуется в точности по оригиналу, но с учетом новой орфографии, исключая некоторые слова, специально оставленные для поддержания исторического фона. Исправлены также явные опечатки, возможно «следы» провинциальных наборщиков, слова, выделенные автором курсивом, сохранены. Некоторые необходимые пояснения к тексту даны в конце публикации.

Руф
Игнатьев

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ Г. УФЫ ДО НАЧАЛА XIX СТОЛЕТИЯ

В 1866 году я рассматривал архив Уфимской палаты уголовного и гражданского суда, где тогда были налицо теперь уже отосланные в Московский архив Министерства юстиции более 1800 дел, писанных столбцами и принадлежавших бывшим в Уфе в XVII столетии воеводам и Приказной палате, а затем было в том же архиве немало дел начала XVIII века бывших Уфимских провинциальной и воеводской канцелярий, закрытых в 1784 году при образовании наместничества. Из этих дел и затем из рассмотренных мною после того в течение многих лет документов времен Уфимского наместничества в архивах разных присутственных мест, церковных архивах и росписях приходов, где упоминаются названия домов и улиц, а отчасти в архивах Уфимской градской думы я мог составить себе точное понятие о прежнем местоположении Уфы, до начала настоящего столетия.

Так называемая 3 часть г. Уфы, естественною границею которой с 1 частью служит речка Сутолка, называется в народе Старой Уфой; но это название совершенно несправедливо. Издавна, с самого основания г. Уфы, она расположена была по обеим сторонам р. Сутолки, впадающей в городе же в р. Белую, и там, где теперь находится церковь св. Троицы, была деревянная крепость, или детинец, сгоревшая в 1759 году. Под горою, на которой теперь Троицкая церковь или где был Уфимский детинец, на берегу р. Белой, стояла деревянная церковь св. Троицы, сгоревшая в 1759 г.

Нынешние улицы, где находятся церкви Ильинская, Покровская и Спасская, существовали в XVII веке. Спасская церковь на Казанской улице в конце прошедшего столетия была на выезде из города на дорогу в Казань, которая тогда шла мимо Благовещенского завода — из Уфы же чрез Вавилов перевоз. Позади Спасской церкви за оврагом было поле, и там, где теперь церковь Успения Б[ожия] М[атери], в 1771 году назначено быть кладбищу, на месте выгонном, за городом.

Итак, по-настоящему не только 3 часть, но и более половины 1 части нынешнего г. Уфы составляли старый первобытный город Уфу. Во второй половине XVIII века в Уфе, основанной при Грозном, по числу населения заметилась уже теснота

и неудобства для построек — и тогда уже возникла мысль о возведении новых построек на пустых местах, и первую попытку сделал уфимский наместник Якобий, выстроив в 1790 году дом для себя и присутственных мест за городом, в поле, там, где теперь архиерейский дом. После того, к концу XVIII века, начались мало-помалу постройки уже не только далее Спасской церкви, но и там, где теперь гостинодворская площадь. Со второй половины прошедшего столетия местное начальство старалось и ходатайствовало о более удобном расположении города, выдвинув его из прежних обрывистых, неудобных мест и оврагов на равнину, и планы для г. Уфы утверждены были сначала 3 июля 1803, а потом 6 марта 1819 года. Быстро, при увеличившемся населении, выдвигался город на новое место в поле, так что при посещении Уфы в 1824 году императором Александром I уже вся гостинодворская площадь была застроена и уже существовали некоторые смежные улицы, а построение в новой части города новой приходской церкви св. Александра Невского, заложенной в 1824 году в присутствии самого государя, было вызвано прямою необходимостью. Город тогда разделялся уже на три части, еще в 1818 году это разделение и постройка полицейских домов совершились по проекту думы и полицеймейстера князя Василия Михайловича Маматова.

Что касается прежней Уфы, то частые пожары, в особенности же в 1759, 1816 и 1821 годах, изменили первоначальный характер построек; многие бывшие улицы перестроились уже иначе, особенно в 3 части, или Старой Уфе, но названия бывших улиц сохранились в памяти народа и в документах архивов. При изменившемся же теперь порядке построек многие вновь возникшие улицы еще не имеют особых названий.

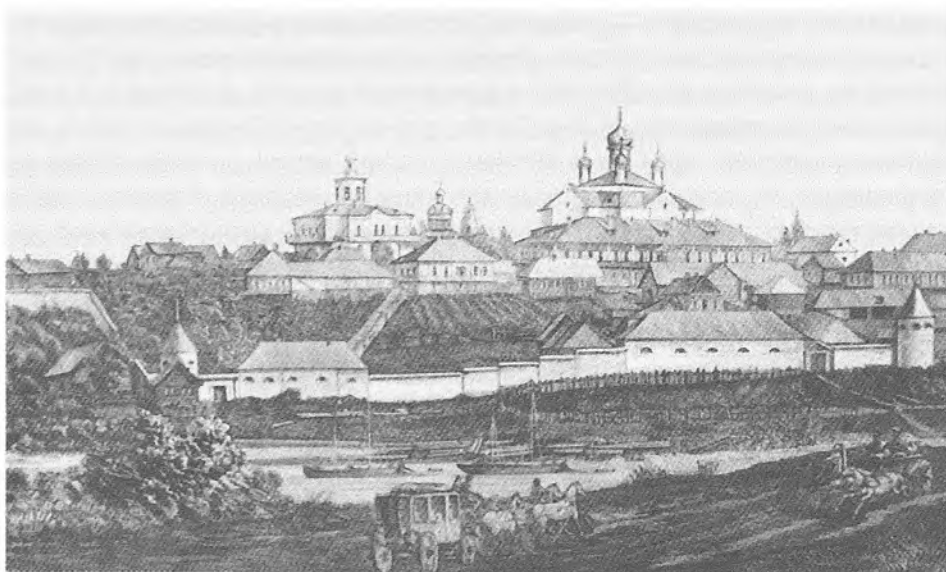
Обратив на все это должное внимание, Уфимская градская дума в присутствии господ гласных 22 прошедшего мая¹ постановила составить проект названия улиц г. Уфы, с удержанием при этом тех названий улиц, которые уже введены и существуют в настоящее время, а вместе с тем и восстановить старинные названия тех улиц, которые таковые имели в прежнее время; проект этот внести на рассмотрение и утверждение градской думы. На составление проекта изъявили готовность гласный думы, член-секретарь Статистического комитета Н.А. Гурвич и автор настоящей статьи.

¹ 1873 г. — *Прим. ред.*

Восстановить старинные названия улиц можно, на основании архивских фактов и преданий, в старом городе, где, впрочем, многие старинные названия улиц сохранились и существуют. Что же касается до вновь проведенных улиц на новых, прежде пустых, местах после утверждения планов для города в 1803 и 1819 годах, то желательно было бы, чтобы те из новых улиц, которые не имеют еще названий, получили свои названия согласно историческому своему, хотя и не давнему, происхождению: в память производившейся промышленности или в память разных учреждений, например в числе новых уже улиц есть так называемая Лазаретная — в память бывшей тут больницы, или Телеграфная — по случаю провода телеграфа. Некоторые улицы носят названия первых домохозяев, построивших здесь дома, например Бекетовская в память г-жи Бекетовой, построившей на свой счет после пожара целый квартал.

В древности собственно городом звали только крепость, или место, окруженное стеною и башнями, все же прочие постройки за стенами крепости, или города, звались посадами. Так точно было и в Уфе, которая, как известно, построена при Грозном по просьбе башкир для защиты от нападения татар и киргиз. В Уфе городом звалась крепость, а все прочее посадом. Уфимская крепость стояла на возвышенном месте там, где теперь церковь св. Троицы, бывшая соборная, в честь Смоленския Б[о]жия М[атери], занимая часть нынешних Казанской и Усольской улиц. Укрепление состояло из деревянной рубленой стены и частокола, в разных направлениях были построены деревянные башни с воротами; по направлению

Вид от Оренбургского
тракта на реку Белую
и Благовещенский
женский монастырь.
Гравюра XIX в.

этих башен, называвшихся *Покровскою, Фроловскою, Успенскою, Спасскою, Казанскою и водяною*, проходили улицы в посаде. В Уфимской крепости, кремле, или детинце, жил воевода, была воеводская, а потом провинциальная канцелярия. Здесь были два монастыря — Успенский мужеский, что теперь женский Благовещенский, и Христорождественский женский, переведенный в 1777 году в г. Слободской Вятской губернии; этот монастырь был близ дома, где теперь пожарный двор 1 части. В крепости жили некоторые служебные лица, даже и когда уже после 1759 года не было крепости, и до самого открытия Уфимского наместничества и перенесения присутственных мест на нынешнюю соборную площадь, где теперь архиерейский дом. В 1821 году в бывшей крепости сгорел уцелевший еще старый, необитаемый вице-губернаторский дом. В царствование Елисаветы Уфимскою провинциею в 1743 году велено было управлять вице-губернатору, подчиненному Оренбургскому губернатору. Я не нашел нигде никаких известий, как были расположены постройки Уфимской крепости, или собственно города, были ли там улицы, но удостоверился лишь в том, что улицы в посаде шли по направлению к крепости, как месту центральному, хотя по географическому положению крепость никогда не была центром всех прежних построек.

Но говоря о местоположении прежней Уфы, в силу архивных фактов и преданий, нужно и нам принять бывшую крепость как центр прежних построек на все четыре стороны. Так и будем говорить о прежнем городе.

* * *

С северной стороны крепости от Казанской башни шла нынешняя Казанская улица, направляясь, как мы говорили, к Казанской дороге. На этой улице была деревянная приходская церковь Благовещения Богородицы, где вскоре же после 1775 года является тут же с нею рядом в одной ограде деревянная церковь Спасская. От Спасской церкви во ста тридцати саженьях в 1779 году был построен последний на выезде из города дом жены посадского Матрены Куретниковой, которая просила тогда об этом в провинциальной канцелярии, объясняя в челобитной, или прошении, что на другой стороне Казанской улицы, тоже последний на выезде, стоит дом купца Иконникова. Итак, на основании этой челобитной в делах бывшей Уфимской провинциальной канцелярии можно заключить, что от нынешней Спасской церкви по ту и другую сторону улицы, отступя по 130 саж., дальше уже не было построек. Против Благовещенской и Спасской церквей, от

другой стороны улицы, шла улица *Просечная*, или *Засека*, которая шла мимо Голубиной слободки и, пересекая улицы Ильинскую и Фроловскую, оканчивалась близ нынешней мечети и Магометанского собрания. Название это последовало от бывшей *засеки*, или вала, шедшего, по сказанию Рычкова, от р. Уфы и перевоза чрез нее до этого места на пространстве 10 верст так, что засека защищала не только посад, но и часть поля, обрабатываемого жителями, так как первые поселенцы в Уфе — стрельцы, казаки и посадские, или мещане, были земледельцами. На задах Казанской улицы, там, где проходила Просечная, теперь Спасская улица, места за оврагом были издавна застроены, до самой засеки, по обе стороны нынешней Спасской или тогдашней Засечной, или Просечной, улицы, и даже в 1788 году несколько домов было близ нынешнего Театрального сада.

В 70 саж. от Казанской башни, или Казанских ворот, стояла Спасская башня, обращенная на нынешнюю Кладбищенскую улицу, возникшую уже в начале настоящего столетия. В конце этой улицы, близ церкви Покрова Богородицы, еще и в XVII веке были постройки, но эти постройки составляли тогда часть улицы Посадской. Посадская улица начиналась от берега р. Белой в виду водяной башни, или водяных ворот, под горой, где была крепостная стена и где теперь церковь св. Троицы; затем Посадская улица, огибая собою гору, в виду крепостной стены шла по направлению к церкви Покрова Богородицы до мостика чрез р. Сутолку, где уже, как и теперь, от самой церкви Покрова Богородицы шла большая Сибирская улица. Теперь же бывшая Посадская улица, т. е. та, что подходит к Покровской церкви и отделяется от Сибирской мостиком чрез р. Сутолку, называется *Бережною*. В старину же Бережную улицею звали ту, которая и теперь расположена по берегу р. Белой и назади Усольской улицы за р. Сутолкою, и зовется также теперь *Бережною*. Посадская улица в старину начиналась от р. Белой и тут сходилась, в виду Ильин[ской] и Фроловской башен, или ворот, с Ильинскою и Фроловскою улицами, а кончалась близ Покровской церкви и Покровской башни, откуда тоже был проезд чрез ныне называемую Бережную улицу, идущую к Покровской церкви. На берегу р. Белой под горой, где теперь лавки, или так называемый *Нижний базар*, были и в старину лавки и базар, и они были на *Посадской* улице. Тут же близ р. Белой стояла деревянная приходская церковь св. Троицы с приделом Псковския Божия Матери; церковь эта сгорела от молнии в 1759 году вместе с Посадскою улицею и крепостию, с пожаром исчезло в народе даже и самое название *Посадской* улицы.

Хотя в древности под именем посада значились все постройки вне крепости, или города, однако же исключительное название одной из всех других улиц «Посадскою» произошло в Уфе оттого, что здесь велено было селиться исключительно одним купцам и посадским, или мещанам, людям тяглым, или податным — податному сословию, тогда как на прочих улицах жили люди служилые — дворяне, приказные, стрельцы, пушкар. Улицы Сибирская, Усольская, Будановская, и теперь существующие, исключительно населяли стрельцы, на Сергиевской же и на бывшей Богородицкой улицах жили исключительно одни пушкар, или тогдашние артиллеристы.

Так, по крайней мере, было во времена более отдаленные, но потом Уфа стала населяться более и более, и именно податными сословиями. Первые же жители были или чиновники, или воины, присланные для управления и защиты города от инородческих набегов. Размножение в Уфе жителей податных сословий, пришельцев из разных мест, уничтожили обычай селиться особо от неподатных, но в 1650 году еще это разделение существовало во всей силе. В этом году бил челом в приказной Уфимской палате Уфимскому воеводе с товарищи гость Павел Степанов Куретников, чтобы ему под постройку дома, с разным надворным строением, отвести место порожнее на Посадской улице, близ церкви св. Троицы, ибо на

¹ Свиток № 849 в делах архива Уфимской гражданской палаты, челобитная гостя Куретникова от 8 мая 1650 г.

² Челобитье Уфимскому воеводе от 12 августа 1680 г. сотника Куретникова, столбец № 1209 в архиве Уфимской гражданской палаты.

той улице живут *только люди торговые и посадские*, а он, Куретников, над ними поставлен старостой и *посадником*¹. Куретников был богат; звание гостя давало большие права по торговле, сына своего Николая он уже записал в стрельцы, где его произвели в сотники. Став чиновником, он переселился на Ильинскую улицу², тот сотник Куретников в 1685 г. построил в Смоленском соборе придел св. Николая Чудотворца.

От церкви св. Троицы весь берег р. Белой был заселен — сначала почти до нынешней Случевской горы. Здесь была *Верхне-Троицкая улица*; теперь же здесь идет улица тоже Бережная, и в Уфе теперь три Бережных улицы: здесь, за женским монастырем и та, что от Нижнего базара от р. Сутолки доходит до мостика чрез нее, близ Покровской церкви; кроме того, левая сторона Фроловской улицы зовется тоже Бережною. От так называемой, по бывшему недавно дому г. Случевского, Случевской горы в прошедшем столетии образовалась *Нижняя Троицкая улица* и *Труниловская*, теперь сохранившая эти оба названия, но более называемые «Труниловской», по крайней мере, так можно предполагать на том основании, что в 1759 г. в донесении Уфимского воеводы Оренбургской губернской канцелярии сказано, что от удара молнии загорелась сначала башня Фроловская и затем крепостная, или кремлевская, деревянная стена и затем загорелась от головней Троицкая церковь, и пожар распространился по всему берегу р. Белой, где сгорели улицы *Посадская, Верхняя и Нижняя Троицкая и Труниловская, затем много погорело домов в Ильинской, Фроловской улицах в Голубиной слободке, или нынешней Голубиной улице, на Усольской, Будановской, Воздвиженской, Михайловской, Сергиевской и Богородской улицах*; а всего сгорело до 500.

От Успенской башни, стоявшей посреди нынешней Усольской улицы около самого Успенского мужского монастыря, шла улица Усольская, выходящая в поле, где гора, или сопка Усольская, от чего и произошло самое название Усольской улицы. Усольская гора, Усолье, было местом популярным: здесь по праздникам бывали народные гулянья, водили хороводы и завивали венки в семик и Троицын день. Усольская улица оканчивалась там, где теперь огороды, а в старину и даже до пожара 1805 года в конце Усольской улицы, с правой стороны, стояла деревянная церковь *св. Михаила Архангела*. Мимо церкви шла улица *Михайловская*, которая начиналась от Бережной улицы с правой стороны церкви и кончалась уже в поле в виду Сибирской дороги; словом — Михайловская улица пересекала Усольскую от Бельского побережья до поля. Там, где теперь дом 3-й полицейской части, до пожара 1805 года стояла деревянная церковь *Воздвижения Креста*, от этой церкви шла улица *Воздвиженская*, которая одним концом с правой стороны выходила на Бережную, а другим с левой стороны — в поле в виду Сибирской дороги, пересекая таким образом, также как и Михайловская, Усольскую улицу.

По левую сторону Усольской улицы от деревянной стены, или частокола, и Успенской башни начинались улицы *Сергиевская, Богородицкая и Будановская*. Рядом с Сергиевскою церковью стояла другая — в честь Рождества Богородицы, и у обеих был один причт. Улица, идущая мимо церкви св. Сергия Радонежского Чудотворца, звалась *Сергиевскою*, а идущая мимо церкви Рождества Богородицы — *Богородицкою*. На Усольской, Будановской, нынешней Сибирской и Московской и бывших Воздвиженской и Михайловской жили исключительно стрельцы, а на Сергиевской и Богородицкой — артиллеристы, или пушкарки, так как и св. Сергий считался святым патроном российской артиллерии и во всем артиллерийском ведомстве всегда ему устраивались храмы. В Москве в XVII веке пушкарки построили церковь св. Сергия в Пушкарях, отличая этим названием те из московских церквей, которые построены стрельцами, с которыми пушкарки не ладили и не хотели жить вместе на одной улице. В военном сословии древней Руси тогда еще жило предание о преимуществах физической силы, о благород-

стве рукопашного боя — грудь с грудью, и что не совсем честно убивать издали из засады или тихо. Служба в пушкарях, или затинщиках, считалась низшей степенью военной иерархии, стрельцы, как высшее войско, считали себя выше и пренебрегали пушкарями. Дворяне-помещики, выводившие в бой вооруженных крепостных, презирали и стрельцов, и пушкарей; только по крайнему принуждению высшей власти, после многих отречений, становился рядовой дворянин в ряды стрельцов или пушкарей, хотя стрелецкая служба по закону давала немало разных выгод; права, денежные и земельные оклады пушкарей были ниже стрелецких. Над пушкарями, затинщиками, смеялись, про них и песня сложена:

*А кто грабит до зари?
Затинщики, пушкари!*

Ни те, ни другие не селились вместе в одних слободах. Так было и в Уфе: пушкарки заняли себе отдельную слободку, состоящую из улиц Сергиевской и Богородицкой, прежняя Богородицкая улица теперь в Уфе зовется также Сергиевская, церкви же Рождества Богородицы уже давно не было в начале настоящего столетия, но память о ней еще жива и в Сергиевской церкви, где ежегодно празднуется день Рождества Богородицы. Сюда бывает стечение богомольцев из всего города. Покровителем, если не построителем, Сергиевской и Богородицкой церквей был сотник Буданов — человек богатый, москвич из слободы Кадашёвой и прихожанин и теперь существующей в Москве церкви Рождества Богородицы в Кадашёве. (Уфимские стрельцы и пушкарки были, как говорят, более из москвичей.) Буданов переведен был в Уфу с командой пушкарей, и сам Буданов, начальник всех уфимских пушкарей, и его пушкарки сверх своих фамилий сами себя называли, и народ их так звал, кадашёвцами: Буданов — кадашёвец, смирный — кадашёвец. И кадашёвцы взяли с собою какого-то московского попа Фёдора, и его прозвали тоже кадашёвцем. Этот поп Феодор-кадашёвец много заботился о Сергиевской церкви, при нем совершилось ее освящение. Буданов срубил себе новые хоромы на особом, пустом дотол, месте, недалеко от Усольской улицы, и около себя поселил своих кадашёвцев; так образовалась еще 3-я улица — Будановская, исключительно населенная одними пушкарями.

Одни пушкарки и были прихожанами Сергиевской и Богородицкой церквей, приходскими же церквями стрельцов были Воздвиженская, Михайловская и Покровская. В Сергиевской церкви храмовая икона св. Сергия — копия с древней, находящейся в Троице-Сергиевой лавре при самых мощах преподобного Сергия и написанной на бывшей крышке гроба, в котором был погребен св. Сергий до открытия его мощей. Икона Рождества Богородицы оказывается копией с древней таковой же в Москве, в церкви Рождества Богородицы в Кадашёве, что у каменного моста, известной там более по придельному храму под именем Козмы и Дамиана; в этой церкви другой придел — в честь св. Сергия Радонежского. Кадашёвскую церковь в Москве строили пушкарки — и они, и вдали от Москвы, не могли не вспомнить своего св. патрона. Переведенные в Уфу по воле царя навечно и потомственно и сделавшись по закону о стрельцах и пушкарях крепкими новому месту, Уфе, москвичи хотели себе чем-нибудь напомнить родину, церковь родного Кадашёва.

В старину улицы Сергиевская и Богородицкая, начинаясь от Усольской, кончались у Большой Сибирской, а Будановская — у Московской улицы.

Давным-давно забыла Уфа о стрельцах и пушкарях, но память о Буданове — кадашёвце, о его богатом доме, с вышками и теремами, еще осталась. Буданов, по преданию, жил там, где теперь дом Сергиевского священника.

При Петре Великом, в 1698 году, после подавления московских стрелецких бунтов и уничтожения московских стрельцов (в провинциальных городах они

были уничтожены позднее), прислано было в Уфу на службу до 150 стрельцов, не участвовавших в бунтах. Появление их в Уфе произвело гвалт: «Воры, собаки, изменники, разбойники!» — кричали уфимцы. Никто не пускал к себе на квартиру новых москвичей, торговцы не хотели ничего им продавать. Ни в чем не повинные стрельцы послали к царю просьбу, и Петр дал наистрожайший выговор всем сословиям Уфы, а в 1709 году, по новой просьбе переселенцев, приказал выслать в Уфу их жен и детей. Тогда отвели для новых переселенцев новые в городе места под постройки домов, и так образовались улицы *Большая*, а потом *Малая Московские*. Московские улицы сходятся теперь с Сибирской и Сергиевской, но я не мог найти ничего такого касательно расположения прежней Московской улицы, она едва ли не остается и теперь в том же самом виде — обе улицы расположены без плана и в беспорядке.

Сибирская улица начиналась от церкви Покрова Богородицы, где в одной ограде стояла другая деревянная же церковь св. Николая Чудотворца. По сторонам этих церквей, чрез овраги, где речка Сутолка, шло и теперь существующее, расположенное под горой, разветвление улицы Сибирской. Сама же Сибирская улица начиналась, как мы говорили, от Покровской церкви, а оканчивалась в виду Сибирской дороги; разделение этой улицы на Большую и Малую Сибирские едва ли не произошло впоследствии, так как из документов XVII и начала XVIII столетия значится просто Сибирская улица, без такового разделения. На Сибирской улице жили вместе с стрельцами и другие лица. Посланный при Шуйском в Уфу воеводой известный дипломат, думный дьяк и подскарбий Афонасий Иванович Власьев и потомство его имели свой собственный дом на Сибирской улице. Последний из рода Власьевых умер при царе Алексее Михайловиче. В Уфе помнят, однако же, дом Власьевых, уже принадлежавший другому владельцу и сгоревший в 1805 году.

Нынешняя *Копейкина* улица, начинаясь от Сибирской улицы и близ Московской, оканчивается в поле, в виду Сибирской дороги. Она, кажется, возникла в конце прошедшего столетия, так как о ней ни в каких архивных документах ранее настоящего столетия нигде не упоминается, а именно до пожара 1805 года, как видно из дела Уфимской городской полиции, когда эта улица вся выгорела. Предание говорит, что улица названа Копейкиной по имени первого построившего дом на этой улице — Копейкина, по словам одних — казака, а других — мещанина.

Нынешняя Архиерейская слобода существовала уже в прошедшем столетии под именем *Волновой* и *Волнушки*. Архиерейскою она же назвалась, вероятно, тогда, когда в 1799 году учреждена была в Уфе епархия Оренбургская и Уфимская и когда для услуги епархиального архиерейского дома, тут же около Волновой находящегося, поселено здесь несколько человек служителей архиерейского дома, выбранных из казенных или экономических крестьян Оренбургской губернии. В 1746 году, «слободка Волнушка сгорела от нечаянного случая вся, а было всего 20 дворов», писала Уфимская провинциальная канцелярия Оренбургскому губернатору Ивану Ивановичу Неплюеву.

Теперь в Архиерейской слободке (народ ее еще все так называет) три улицы: одна зовется *Архиерейскою*, другая по старому ее прозвищу — *Волновою*, третья же, идущая к берегу р. Белой, недавно там, говорят, образовавшаяся, — без всякого прозвища.

Итак, оказывается, что побережье р. Белой в Уфе было издавна местом населенным, так как здесь были Архиерейская слободка, Труниловка, улицы Бережная, Посадская, Верхняя и Нижняя Троицкая; все эти улицы тянулись по возвышенности берега р. Белой.

Казанская улица застроилась едва ли не позднее других уфимских улиц. В 1759 году здесь было всего до 30 дворов, с приходскою церковью Благовеще-

ния Богородицы, а в то время из них сгорело 18 дворов, как значится в донесении губернатору Уфимской провинциальной канцелярии, но сгорела ли Благовещенская церковь — о том ничего не сказано. Домохозяева Казанской улицы состояли из мещан, крестьян, подьячих. Тут же был двор заводчика Твердышева, где проживали его дворовые крепостные люди. На задах Казанской улицы за оврагом, в котором протекает р. Сутолка, здесь скорее похожая на ручей, там, где теперь Старо-Кладбищенская, Мало-Кладбищенская, Телеграфная и др. улицы, было чистое поле, или городской выгон, где в 1771 г. на месте нынешней Успенской церкви было кладбище. Точно так же за оврагом же на другой стороне Казанской улицы до самой Ильинской улицы было пустое пространство, теперь занимаемое Голубиною улицею. Во второй половине XVII века здесь, между Казанскою и Ильинскою улицами, это пространство заняла вновь образовавшаяся слободка, составленная из выселенцев Сибирских слобод, как называли тогда нынешний Челябинский уезд Оренбургской губернии, где эти слободы, как видно из челобитья жителей сибирских слобод 1698 года царям Иоанну и Петру Алексеевичам, возникли еще в XVI веке. (В челобитной были обозначены многие и теперь существующие селения Челябинского уезда, и жители Сибирских слобод жаловались на самовольный захват земель и обиды со стороны башкир, бежавших из Уфимского уезда в 1667 году, во время Сеитовского бунта, от преследования войск правительства.)

Старший из выселенцев назывался Голубиным, от чего и слобода между Казанскою и Ильинскою улицами называлась *Голубиною*, а народ, в силу старого предания, и теперь зовет Голубиную улицу слободкой. Голубиная слободка в 1672 году имела всего 15 дворов, следственно не занимала того пространства, которое теперь занято Голубиною улицею. За неимением указаний не можем даже и определить, откуда начиналась и где оканчивалась Голубиная слободка: начиналась ли она оттуда, где теперь начинается Голубиная улица, т. е. от Нижнего базара?

В 1672 году выселенец Сибирских слобод Голубин со многими однопоселенцами просил Уфимского воеводу об отводе мест для 15 дворов позади Ильинской улицы, о Казанской же в просьбе не упомянуто¹, и я полагаю, хотя, может быть, мнение мое и далеко не бесспорно, что едва ли существовали тогда в Уфе постройки на Казанской улице, или за Казанскою башнею, башня же стояла посреди Казанской улицы, недалеко от бывшего Рождественского монастыря и того места, где теперь пожарный двор 1-й полицейской части.

Улица Ильинская начиналась, где и теперь, — от Нижнего базара и, проходя мимо Ильинской церкви, доходила, по преданию, до того места, где теперь Городская больница. Ильинская улица была самая значительная и лучшая по постройкам; в 1683 и 1759 годах здесь сгорело 30 и 42 двора, принадлежавшие дворянам, приказным и разночинцам, как видно из дел воеводы и Провинциальной канцелярии.

Фроловская же улица начиналась от Нижнего базара и Фроловской башни, доходила до церкви св. мучеников Фрола и Лавра, стоявшей рядом с Ильинскою церковью. У обеих церквей был один церковный причт. Уфимские старожилы еще помнят ветхую деревянную церковь Фроловскую, сломанную в конце 1830-х годов, помнят в Уфе еще и часовню Фроловскую, бывшую на крутом спуске Фроловской улицы, где после был построен дом чиновника Тихана. Часовня была построена в 1741 году в память прекращения в Уфе сильного конского падежа и именно в день памяти св. Фрола и Лавра, 18 августа. В эту часовню был ежегодно 18 августа отправляем крестный ход. На Фроловской улице в пожар 1759 года сгорело 24 двора, здесь жили ссыльные.

Ссылка вообще в нынешние Уфимскую и Оренбургскую губернии началась издавна и окончилась после Пугачевского бунта, немало ссыльных и потомства

¹ Дела в свитках за № 1003–1005 в архиве Уфимской гражданской палаты.

ссылных жило на Бережной, Верхней и Нижней Троицкой улицах, в Труниловке и Волновой, или Волнушке, как видно из дел воеводы, бывшей Уфимской палаты и Провинциальной канцелярии за 2-ю половину XVII и 1-ю и 2-ю половины XVIII столетия.

Уфа построена в XVI веке — на основании сказания Рычкова. Первые обыватели Уфы были люди служебные — дворяне, стрельцы, приказные люди и пушкар; все они пользовались околгородными землями без всякого ограничения, помещики же доходили далее и поселяли своих, выведенных из разных мест России, крестьян даже за 30 и 50 верст от города. Словом, всякий где хотел, если мог, населял или обрабатывал землю. Стрельцы же и пушкар, по званию своему — землевладельцы вечные и потомственные, занимались земледелием, за тем в силу привилегии могли торговать беспошлинно. Стрельцам давалось преимущество в подрядах и арендах, и в 1673–1690 годах простые рядовые стрельцы Дудкин и Вавилов содержали перевозки чрез Уфу и Белую, и теперь сохранившие названия Дудкина и Вавилова перевозов. Они же, Дудкин и Вавилов, захватили в аренду рыбные ловли и мельницы, им же дали право сбора ясака, или подати, с башкир и других инородцев, они же закортомили¹ себе много земли и леса на сруб. У них же, Вавилова и Дудкина, было в городе 10 лавок. В Уфе половина лавок принадлежала стрельцам, да стрельчихам, да пушкарям. Ремесленниками были более стрельцы да пушкар. Дух коммерции в конце существования стрельцов и пушкарей поколебал прежнюю воинственность тех же стрельцов и пушкарей времен Грозного и междоусобицы.

При беспорядочности и произволе дворян, приказных, стрельцов и пушкарей в пользовании землями, никто не знал, каким числом земель может пользоваться город Уфа, о чем в конце XVII века и возбудился вопрос. Никаких актов не отыскивали, конечно; но цари Иоанн и Петр Алексеевичи в 1697 году повелели: все околгородные земли, которыми пользовалось и пользуется уфимское служилое сословие, отдать навечно городу. Царская грамота в копии теперь хранится в Уфимской городской думе и послужила в 1796 году поводом к раздаче пустопорожних земель под дома по случаю расширения г. Уфы и провода новых улиц².

В 1708 году Уфа причислена к вновь открытой Казанской губернии, имя стрелецкое и пушкарское исчезло — людей обоих этих сословий обратили, одних в казаки, других в солдаты — в регулярное войско, третьим дозволено было выйти в мещане, крестьяне и даже купцы. Стрелецкое и пушкарское чиновное сословие вышло в военную и гражданскую службу. Уфимские стрельцы улиц Усольской, Воздвиженской, Михайловской, Сибирской, Московской и пушкар Сергиевской и Богородицкой улиц составляли уфимскую казачью станицу, из пушкарей очень немногих оставили при прежней службе, наименовав их «артиллеристами», все особые стрелецкие права перешли в предание. Начинаясь с легкой руки Петра Великого новые, как говорил народ, немецкие порядки. Управление военное в городах было отделено и вверено не бывалым до того на Руси комендантам — и в Уфе, как крепости, кроме воеводы, велено быть коменданту, а над казаками Уфимской станицы — станичному коменданту. В ведении коменданта, кроме того, сформирована пешая рота гарнизона под именем «штатной», под начальством особого офицера. На поселение штатной роты дали особое место — и так образовалась в Уфе нынешняя *Солдатская слобода*. Но эта слобода первоначально была поселена за оврагом позади нынешней Успенской улицы в поле, потом уже население слободы увеличилось и заняло все пространство нынешней Солдатской слободы, где теперь три улицы без названия.

В 1735 г. множество уфимских казаков и даже жителей отправлено в Оренбургскую экспедицию под начальством статского советника Кирилова, многие

¹ *Кортомить* — брать в аренду.

² Дело в архиве думы (№ 1 по описи) о раздаче жителям в 1796 г. земель под дома.

дома опустели. Взятые на службу не возвратились: они или поселены были в крепостях вновь проведенной азиатской линии, или погибли в битвах с взбунтовавшимися инородцами. Потом население Солдатской слободы увеличилось ротою драгун, после же пугачевщины, в 1775 году, в Уфу введены были на постоянное жительство сначала драгунский, а потом пехотный, здесь сформированный, полк под именем «Уфимского».

В сведениях о пожарах в Уфе в прошедшем столетии, какие только сохранились, нигде не видно, чтобы сгорела Солдатская слобода. Неизвестно, отделение ли ее от города спасало ее от пожаров или самих сведений об этом теперь не существует?

Солдатская слобода в прошедшем столетии являлась загородною, на выго-не — выгоном звалось все пространство, занимаемое теперь Старо- и Мало-Кладбищенскою, Успенскою, Телеграфною и прочими улицами. Там, где теперь церковь Успенская, по именному указу Екатерины II, 24 декабря 1771 г., как на месте загородном, учреждено было кладбище, на которое в 1798 году бывший уфимский воеводский товарищ Сергей Иванович Аничков перенес из бывшего, уничтоженного в 1769 г., Успенского монастыря деревянную церковь, которая и освящена тогда была в прежнее имя — Успения Божия Матери. Но в это время назади Казанской улицы, или на нынешней Старо-Кладбищенской, начали уже возникать постройки.

Из названных нами в настоящей статье улиц тому, кто знаком с нынешним городом, можно дать себе понятие о прежней Уфе. Кроме одного каменного Смоленского собора, или нынешней Троицкой церкви, да еще каменной казенной кладовой, недавно еще сломанной и находившейся близ Смоленского собора, все строения были деревянными. Пожары были нередким явлением: выгорали не только целые улицы, но и третья часть и половина, и даже более половины, города — беспорядок и теснота построек при ветре способствовали распространению пламени; пожары были от неосторожности, от поджогов с целью грабежа, а в 1759 г. от грозы сгорел чуть не весь город. После этого пожара не возобновлялись уже стены и башни Уфимского кремля — времен Иоанна Грозного.

Значительные пожары в Уфе, о которых сохранились в архивах известия, были следующие: в 1663 году, когда сгорело 100 дворов и были случаи воровства, ограблена церковь Воздвижения Креста на Воздвиженской улице; в 1670 г. сгорели улицы Усольская, Михайловская, Воздвиженская и часть кремлевской стены, было, сказано, немало воровства; в 1690 году сгорели улицы Ильинская, Фроловская, почти вся, и много домов на Посадской и Верхне- и Нижне-Троицкой улицах; в 1694 г. сгорело 50 дворов на улицах Сибирской, Московской и Сергиевской; за грабеж поймано 5 человек, 3 заподозрено в поджоге; в 1703 году сгорело 25 дворов на Бережной, Михайловской и Воздвиженской улицах; в 1708 году сгорело 49 дворов на тех же улицах; в 1710 г. сгорело на Посадской и Верхне-Троицкой улицах 28 дворов, разбита церковная кружка и расхищены деньги в церкви св. Троицы; в 1718 году сгорело на Усольской, Будановской, Богородицкой, Сергиевской и Михайловской улицах 60 дворов и церковь св. Михаила Архангела на Михайловской улице; в 1724 г. улицы Ильинская, Фроловская, Посадская, Верхне- и Нижне-Троицкая все выгорели, сгорели церкви Троицкая, Ильинская и Фроловская; в 1759 году сгорело в Уфе до 440 дворов, 5 церквей и крепость, где уцелел каменный Смоленский собор, но и там было много значительных повреждений. Мы для того приводим здесь известия о бывших пожарах, какие только могли отыскать в делах архивов, что все эти пожары изменили характер прежнего расположения уфимских улиц. В начале настоящего столетия в Уфе было тоже много пожаров, и из них остались памятными и теперь, бывшие в 1816 и 1821 годах, когда сгорело около половины города. Пожары — общая в старину участь и городов, и вообще

населенных мест. Чем наиболее наполнены сказания наших летописей — как не известиями о пожарах и моровых язвах?

Пожары, однако же, наносили вред кратковременный по незавидности старинных деревянных построек; погоревшие местности скоро застраивались, хотя совершенно иначе против прежнего, так как планировки не существовало. Население Уфы от начала ее основания постепенно увеличивалось — то высылкою сюда служилых людей, то ссылкой, то добровольною колонизациею; но главною причиною увеличения города было переименование Оренбургской губернии в 1782 году в Уфимское наместничество, когда, до этого не более как провинциальный, город Уфа был назначен центром управления краем — городом наместничества. Кроме того, что в Уфу должен был перейти на жительство Оренбургский губернатор, наименованный наместником, со всем своим управлением, в силу указа от 23 декабря 1781 года об учреждении в России наместничества, произошла реформа судебных и административных учреждений, и вместо единственных присутственных мест, каковы были губернская, провинциальная и воеводская канцелярии с очень ограниченным числом служащих, вдруг в каждом наместническом городе положено было быть Наместническому управлению, уголовной, гражданской, казенной палатам, Приказу общественного призрения, Верхнему и Нижнему земским судам, Управе благочиния, Уездному суду, Магистрату городской думы. Все эти новые учреждения, до того невиданные и неслыханные, требовали значительного числа чиновников.

Уфа не готова была тотчас же для новых порядков — и первый Уфимский наместник генерал-поручик Якобий смог открыть новые присутственные места только через 4 года, в 1784 году, построив деревянные одноэтажные корпуса на месте нынешнего архиерейского дома, близ слободы Волновой. С этих пор и самый город начал увеличиваться. С прибытием очень многих новых лиц и новыми постройками город из прежних своих нагорных и обрывистых мест выдвинулся на равнину, дотоле пустую, или степь по-здешнему.

Там, где теперь проходит улица под именем Бекетовской, в отдалении от прежних построек, в поле, стояла деревянная часовня в честь св. *Великомученика Георгия на убогом дому, или Божьем дому*. Здесь, по обычаю всех древних наших городов, хоронили нищих, безвестных странников, которых так много было в допетровской Руси. Умерших насильственною или внезапною смертию, самоубийц и казненных, трупы лежали непогребенными до дня св. Георгия или же до четверга седьмой недели по Пасхе, или семика. Указ 24 декабря 1771 года по случаю свирепствовавшей чумы воспретил такого рода кладбища вместе с погребением умерших при городских церквах, но деревянная часовня Георгиевская, вновь поставленная на место ветхой, сломанной в 1775 году, усердием протоиерея Смоленского собора Иакова Неверова существовала уже при проведении Бекетовской улицы. Она сгорела в 1821 году. В этой часовне молебствовали св. Георгию о дожде и ведре и об урожае, в честь этой часовни теперь недавно устроен придел при церкви Успения Божией Матери, а сохранившийся от часовни большой деревянный крест с разными изображениями святых находится в Успенском мужеском монастыре.

Со вступлением на престол императора Павла I в 1796 году уничтожено Уфимское наместничество, и все управление было переведено в Оренбург. Тут было опять опустела Уфа, названная уездным городом, но таковое унижение и умаление в жителях Уфы продолжалось недолго. Император Павел I в 1799 году повелел быть в Уфе епархиальному епископу под именем Оренбургского и Уфимского; бывшие наместнический дом и присутственные места отданы для помещения архиерея, консистории и семинарии. Император Александр I в 1802 году наименовал Уфу губернским городом Оренбургской губернии и повелел перевести сюда

из Оренбурга гражданского губернатора и губернские присутственные места. (Государь предлагал и Оренбургскому военному губернатору Бахметеву переехать в Уфу, но Бахметев донес о необходимости остаться в Оренбурге¹.)

¹ Памятная книжка Оренбургской губернии. 1870. С. 201.

В 1803 году, 3 июля, утвержден был план г. Уфы, напечатанный в первом полном собрании законов (т. XXVII, № 20869), но этот план чрез 10 лет уже был недостаточен при увеличившемся населении города — и теперь постройки домов ведутся согласно плану 1819 года, составленному по приглашению губернатора Нелидова вызванным из Петербурга архитектором Гесте.

Из дела архива Городской думы 1797 года (по описи № 1) видно, что в том году дума возбудила старый вопрос 1698 года: каким количеством земли владеет город — и тут только отыскана грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей, объясняющая это право по живым урочищам, без приведения, однако же, в десятины и т. д., причем видно также, что там еще по преданию, по этим живым урочищам издревле владел г. Уфа во время Грозного. План Уфы 1803 года, помещенный в полном собрании законов, где обозначены, сверх тогда предположенных новых улиц, и старые улицы, — всего лучше знакомит нас с местоположением Уфы в конце прошедшего и в начале настоящего столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ²

² Примечания содержат комментарий М. Роднова к работе Р. Игнатьева.

Части Уфы. Несколько городских кварталов (от 200 до 700 дворов) объединялись в одну полицейскую часть.

Церковь Святой Троицы (до 1842 года — Смоленский собор) стояла примерно там, где ныне находится монумент Дружбы.

Вавилов и Дудкин — перевозки соответственно через реку Белую — от Нижегородки в сторону Киржацкой слободы (начала улицы Ахметова в нынешнем Затоне) и через реку Уфу — в районе нынешней Новостройки и остановки «Трамплин».

Пожар *деревянной Троицкой церкви* в июне 1797 года наблюдал 6-летний Сергей Аксаков, так что либо Р. Игнатьев в данном случае ошибается, либо церковь после пожара 1759 года восстановили.

Здания бывшего *женского Благовещенского монастыря* стоят в начале улицы Сочинской на правой (южной) стороне.

Голубина слобода, впоследствии улица Голубиная, — нынешняя улица Пушкина ниже Цюрупы.

Улица Просечная, или Засека, позже Спасская, ныне Новомостовая, до устройства в 1820-х годах насыпей через овраги фактически состояла из двух коротких отрезков (на перекрестках с Ильинской и Голубиной) и оврагов между ними.

Бекетовская улица — Мустая Карима (Социалистическая), *Будановская* — Егора Сазонова, *Ильинская* — З. Валиди (Фрунзе), *Казанская* — Октябрьской революции, *Копейкина* — Сун Ятсена, *Сергиевская* — Менделеева, *Сибирская* — Мингажева, *Телеграфная* — Цюрупы, *Усольская* — Сочинская, *Фроловская* — Тукаева.

Лазаретная улица — Ленина от Коммунистической.

Кладбищенская улица — нынешняя улица Коммунистическая ниже Цюрупы, Старо-Кладбищенская — Худайбердина, Мало-Кладбищенская — Энгельса.

Церковь Успения Б.М. (Божией Матери) стояла на нечетной стороне нынешней улицы Коммунистической, на месте нынешнего дома № 71.

Архирейский дом был выстроен в 1828 году и снесен в 1972-м. Стоял чуть ниже и на месте нынешнего Дома Республики.

Пожарный двор 1-й части находился во времена Игнатьева на том же месте, где в первые годы XX века было выстроено дошедшее до наших дней кирпичное здание пожарного депо с каланчой (улица Октябрьской революции, 69).

Театральный сад, находившийся в квартале нынешних улиц Цюрупы, Тукаева, Матросова и Валиди, назван по выстроенному в нем в 1861 году театру.

Городская больница находилась на том месте, где в 1880-е годы было построено здание Губернской земской управы (с 1941 года его занимает кабельный завод).

Дома *Солдатской слободы* находились позади Успенской улицы, за нынешней улицей Энгельса.

Николай
Барсов

УФА В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Статистическое изучение России началось в 1802 году, когда тогдашнее Министерство внутренних дел впервые затребовало от губерний систематического представления цифровых сведений. Дело это, однако, налаживалось очень медленно. Так, по Уфе, например, первые отчеты известны лишь за 1822, 1825 и 1837 годы. Последний из них, самый подробный, сохранился в Государственном архиве¹. Им-то, а отчасти тогдашним планом Уфы и некоторыми другими материалами мы и воспользуемся для характеристики старинной Уфы.

Всего тогда в Уфе, согласно отчету, числилось 14 929 жителей. При почти полном отсутствии в Уфе промышленности и очень слабом развитии торговли это вполне понятно. Но останавливает на себе внимание одно необычное обстоятельство — крайний дефицит женщин среди тогдашних уфимцев. Демографы знают, что такое соотношение полов может быть только в городах с военным значением (сильный гарнизон). Или в пришлых группах населения. Действительно, гарнизон маленькой Уфы составлял тогда примерно 3000 человек, а в семьях лиц, находящихся на действительной военной службе, на 100 мужчин приходилось лишь 33 женщины. Очень мало женщин было в семьях чиновников — только 59 на 100 мужчин. Зато среди купцов, мещан и крестьян Уфы женщин было больше, чем мужчин.

Из этих цифр надо сделать два важных вывода. Первый: военнослужащие и правительственные чиновники Уфы 1830–1840-х годов в основном были люди пришлые. Второй: Уфа тех лет, хотя крепость ее сгорела еще в 1759 году и пушки были отправлены в Оренбург в 1805 году, все еще продолжала оставаться преимущественно военным поселением.

Немаловажным было тогда и административное значение Уфы — центра гражданского управления Оренбургской губернией. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1837 году среди населения Уфы правительственные чиновники (с семьями) составляли 7 процентов от общего числа жителей. Сравнительно небольшую роль в тогдашней Уфе играли другие социальные группы. Купцы, естественно, торговали, а про «беднейшее население» города в отчете сочно сказано, что его участию были «посильнейшие труды», т. е. труд на помещиков, чиновников и купцов.

Экономическая структура старинной Уфы поражала своей простотой. Фабрик, как сказано в отчете, не было; заводов, а точнее кустарных заведений, не считывалось: мыловаренных — 1, свечных — 5, кожевенных — 27. Кстати сказать, единственной промышленной продукцией, вывозившейся тогда из Уфы, было небольшое количество выделанных кож. Богатых купцов (1-й гильдии, т. е. с капиталом свыше 50 тысяч рублей) в Уфе совсем не было; 2-я гильдия (более 20 тысяч рублей) была представлена лишь одним человеком; остальные купцы по существу являлись розничными торговцами.

Вопросам торговли в отчете 1837 года отведено порядочно места. Особенно интересны тут сведения о ценах. Особенностью старинной Уфы была изолированность ее от других рынков страны — связь с ними крайне затрудняло отсутствие механического транспорта. Для поездки на лошадях из Уфы в Москву (в одну сторону) требовался примерно месяц. На путь до Оренбурга надо было затратить 7–10 дней, добраться оттуда до Хивы — еще 20 дней, до Бухары — еще 30, и т. д. Самоходные баржи по рекам двигались тоже медленно. Зерно, например, из Уфы отправлять на Нижегородскую ярмарку не имело смысла: к основному торгу оно опаздывало и теряло в цене. Отсюда — дешевизна местных и дороговизна привозных товаров.

Сравним уфимские цены с московскими, оговорясь при этом, что они взяты не из полицейского отчета, а по литературным данным (цены по Уфе в 1812 году

¹ Ныне ЦГИА РБ. —
Прим. ред.

заимствованы из «Дневника М.С. Ребелинского» — Русский архив, 1898, № 9, а цены по Москве за 1819 год — из журнала «Отечественные записки», 1821, № 21). Пуд тростникового сахара (свекольного еще не было) обходился уфимцам в 75–100 рублей, а для москвичей — в 50 рублей. Напротив, местные товары в Уфе ценились гораздо дешевле: 1 фунт лучшей говядины в Уфе стоил 10 копеек, а в Москве вдвое дороже — 20 копеек; соответственно за пуд ржаной муки уфимцы платили 80 копеек, а москвичи в полтора раза больше и т. д. Мед ценился тогда в Уфе в 12–15 рублей за пуд.

Тут обязательно надо отметить, что история денег в России далеко не проста. В описываемые здесь годы деньги были сравнительно дороги. Дневная зарплата рабочего, дневной доход ремесленника или крестьянина измерялись тогда не в рублях, а в копейках. Вообще сравнивать тогдашние цены с нынешними нельзя без очень сложных поправок. Дешевизна местных товаров в Уфе в 30-х годах XIX века из-за дороговизны денег и малых в то время заработков была мнимой. Сравнивать тут можно лишь соотношения цен в одни и те же годы. Для изучения быта старинных уфимцев, например, совсем немаловажно отметить: чтобы купить себе 1 кг сахара уфимский производитель должен был отдать за него приблизительно 100 кг муки, или 20–25 кг говядины, или 6–7 кг меду! Также и ряд привычных ныне товаров из-за их дороговизны простыми уфимцами тогда совсем не покупался. Спички, например, уже появились: первая в России петербургская спичечная фабрика начала работать как раз в 1837 году, но ее продукция из-за цены своей, конечно, не пользовалась спросом уфимцев — один коробок спичек (50 штук) стоил тогда целых два рубля. Поневоле приходилось прибегать к давно испытанным средствам добывания огня — кремню и огниву. Керосин для освещения еще не применялся, сальные же свечи стоили по 3 рубля 50 копеек за пуд, так что встречались лишь у богатей, да и то больше по праздникам. Народ же довольствовался лучинкой.

Иногда из-за высокой цены уфимцы не могли употреблять и некоторые другие товары. Сахар, как уже говорилось, был гораздо дороже меда. Значит, для всех людей с ограниченными доходами был прямой смысл заменять сахар медом. Равно и сахарные конфеты, всякие варенья, джемы и т. п. — сласти полтора века назад были великой редкостью, доступной только богатым.

Отчет по Уфе за 1837 год содержит также сведения о землях города и его домовом фонде. Правда, город был тогда крохотным: в городской черте его числилось всего 8,2 кв. км земли, т. е. примерно 1/15 часть территории одного нынешнего Кировского района Уфы. Улиц было 67, все немоощные. Из одного конца города в другой можно было не торопясь пройти за 20–30 минут. Домов в Уфе тогда насчитывалось 1570, в том числе каменных — 29. Большинство домов принадлежало, конечно, помещикам, чиновникам и торговцам.

Территориальное расположение тогдашней Уфы показано в важнейшем для истории нашего города документе — плане Уфы, опубликованном в «Полном собрании законов Российской империи». Читатель вправе тут удивиться: почему этот далеко не самый старый и совсем не такой уж подробный, как другие планы, документ попал в «Собрание законов»? До XIX века города России, как и ее деревни, строились почти всегда не по заранее намеченным планам, а «без за-тей» — вдоль дорог и оврагов. Дома возникали обычно вдоль проходящих через город главных трактов. Так в Уфе возникли Большая Казанская улица (ныне улица Октябрьской революции), расположенная вдоль Казанского тракта, и Большая Сибирская (ныне улица Мингажева) — вдоль дороги в Сибирь. Застроив в городе тракты, жители размещали свои дома вдоль внутригородских дорог. В нашем городе так было с улицами Большой Успенской (ныне Коммунистической) и Большой Усольской (дорога на старые солеварни, ныне улица Сочинская). После это-

го жители начинали строиться где попало, но преимущественно вдоль оврагов. В результате такой хаотической застройки получалась случайная сеть кривых и узких улиц, мало приспособленных для транспорта, с вопиющими нарушениями противопожарных и санитарных правил. Конечно, это никого устроить не могло, и с начала XIX века широко началась планировка городов.

В 1803 году кто-то из присланных в Уфу архитекторов составил первый проект распланирования города Уфы, а в 1819 году для исправления этого проекта (корректировки его, как мы сейчас говорим) в Уфу прислали из Петербурга архитектора Вильяма Гесте. С этим именем уфимские краеведы и историки долго путались, пока в 1969 году ясность в этот вопрос не внес уфимский краевед Г.Ф. Гудков. Шотландец по рождению, сотрудник знаменитого Чарльза Камерона, Вильям Гесте состоял на русской службе свыше 30 лет и являлся крупнейшим авторитетом в русском градостроительстве. Им, между прочим, составлен был и проект планировки сгоревшей в 1812 году Москвы. Документально нам известен лишь один приезд Гесте в Уфу — в 1819 году «для исправления проекта 1803 года». Но можно почти не сомневаться, что он был в Уфе минимум два раза. Все говорит о том, что проект Уфы 1830 года составлен им же.

Опубликованный в 1830 году план Уфы содержит в себе два чертежа на одном листе бумаги: пунктиром показаны существовавшие тогда в Уфе кварталы и улицы, а поверх них сплошными линиями дан проект Гесте.

К моменту приезда В. Гесте в Уфу границами жилой застройки города были: на юге — река Белая, на западе — четная сторона нынешней улицы Цюрупы (нечетной стороны еще не было), на северо-востоке — четная сторона нынешней Коммунистической улицы (на месте нечетной стороны этой улицы в те годы находилось загородное кладбище), на востоке — улица Кавказская. Проект Гесте предусматривал реконструкцию существовавшей застройки (спрямление улиц, укрупнение кварталов, прямоугольные уличные пересечения, снос части овражной застройки) и расширение города по равнине на запад — до нынешней улицы Гафури, и на восток — до теперешней Революционной. Для тех времен проект Гесте был на редкость удачным. Направление и сетка улиц прекрасно увязаны с рельефом местности, старая Уфа органически слита с Уфой новой, существовавшей тогда лишь в мыслях В. Гесте. Вся нынешняя сеть улиц Уфы (южная часть) создана В. Гесте.

До последней четверти XIX века Уфа строилась по его проекту, а отдельные элементы проекта В. Гесте дожили даже и до XX века — площади южной Уфы, расположение гостиного двора и собора. Удивительно, но и запланированный В. Гесте центральный административный район (около нынешнего сквера имени Ленина) к сегодняшнему дню сдвинулся от указанного им места лишь на несколько сот метров. Вот почему имя Вильгельма (в России Василия Ивановича) Гесте уфимцами не должно быть забыто.

От 20–30-х годов XIX века нам остались не одни чертежи В. Гесте, но и живое описание внешнего вида нашего города, записанное в Сибири со слов оренбургского декабриста В.П. Колесникова. Запись вел его товарищ по каторге декабрист В.И. Штейнгель. Оно было опубликовано в воспоминаниях В.П. Колесникова, изданных в 1914 году в Петербурге П.Е. Щеголевым под названием «В.П. Колесников. Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату». Несколько странное название путешествия («по канату») объясняется «милой привычкой» тогдашних властей приковывать ссыльных в Сибирь к длинному железному пруту — «канату». Побег прикованного к «канату», даже если партия арестантов шла по лесной местности, был почти невозможен.

На таком-то вот канате и проследовала в 1827 году через Уфу в Сибирь группа членов Оренбургского тайного общества, в том числе и секретарь его В.П. Ко-

лесников. Подходили они к Уфе по Оренбургскому тракту. Вот как описывает В.П. Колесников прибытие партии арестантов на переправу реки Белой¹: «Когда мы пришли на берег р. Белой, омывающей стены Уфы, и остановились у самого перевоза, нам представилась очаровательная картина, которую мы, в ожидании паромы, имели время разглядеть до пресыщения. По скату высокой и довольно крутой горы, разделенной большим оврагом, в глубине которого струится небольшая речка Уфа², небрежно разбросано множество домов и церквей разнообразной архитектуры. Там, под железной крышей, возвышается огромное каменное здание с каланчой, по всем признакам принадлежавшее казне: тут видите и одноэтажный, с обширным двором и садом барский дом; здесь с золотыми главами величественно возвышается соборный храм; неподалеку тянутся каменные и деревянные ряды гостиного двора; виднеется деревянная полуразвалившаяся церковь, от времени уже совершенно почерневшая, местами покрытая мохом и склонившаяся к падению. Между всеми этими предметами рассеяны без всякого порядка дома зажиточных обывателей и хижина бедных ремесленников. Но главный предмет, обративший наше внимание, выглядел из-за строений в левом конце города — огромное каменное здание с четырьмя башнями: это губернский тюремный замок...»

«Величественно возвышавшийся соборный храм», который с того берега реки Белой видели оренбургские декабристы, это уфимская Троицкая церковь, когда-то стоявшая на месте теперешнего монумента Дружбы; «гостиный двор», теперь тоже не существующий, располагался тогда на площади, именуемой сейчас Первомайской. А вот тюрьма — «главный предмет», «огромное каменное здание с четырьмя башнями» (первая очередь построена в 1826 году) — частично дожила до наших дней.

Отметим, что уфимскую тюрьму 1827 года В.П. Колесников называет «главным предметом» совсем не случайно: в жизни города и губернии тюрьма играла огромную роль. Для доказательства этого вернемся опять к отчету 1837 года. Много разных сведений об Уфе содержит этот отчет, но самым впечатляющим в нем, как это не удивительно, является раздел о тюрьме. В ней числится 1402 арестанта, указаны причины их заключения.

В 1837 году обвиненных в подлинно уголовных делах было явное меньшинство: всего 551 человек, или 39 процентов от числа арестантов с известными причинами заключения. Подавляющее большинство уголовников, как и всегда, составляли воры — 381 человек, вторую по численности группу составляли хулиганы (посаженные в тюрьму «за буйство, пьянство и дурное поведение») — 69 человек, очень много обвиненных в убийствах — 65 человек (12 процентов от числа уголовников!), достаточно было грабителей — 14, поджигателей — 9, фальшивомонетчиков — 7, взяточников и за злоупотребления по службе в тюрьме сидело только 4 человека (хотя число взяточников в жизни, надо думать, было выше в сотни раз), и, наконец, корчемников (продавцов беспатентного вина) числилось в уфимской тюрьме 2 человека.

Классификация преступлений 1837 года вообще крайне запутана. В число арестантов-воров, например, мог попасть по записке помещика в полицию его крестьянин, съевший, допустим, без спроса что-либо вкусное, и т.п. Потому показанное в отчете число уголовников надо считать преувеличенным. С другой стороны, в том же отчете значится целая группа арестантов, вина которых сформулирована очень туманно: «фальшивые разного рода поступки». Конечно, если бы конкретизировать «разного рода поступки», то часть этих людей пополнила бы отчетное число уголовников. Значит, тут оно преуменьшено.

В те годы в России преступлением считалась, например, попытка совершить самоубийство, и почему-либо оставшийся в живых заключался в тюрьму за «на-

¹ Там, где ныне находятся два автодорожных моста. — *Прим. ред.*

² Это — ошибка, очевидно, В.П. Колесников имел в виду речку Сутолоку.

мерение лишить себя жизни!» В 1837-м в уфимской тюрьме таких несчастных содержалось 2 человека. Иногда для того, чтобы попасть в тюрьму, вообще не требовалось никакого проступка. Достаточно, к примеру, было заподозрить психическое заболевание. В этом случае подозреваемый «до отправления в больницу заключался в тюрьму». Проходивших такую «психиатрическую экспертизу» в Уфе в 1837 году было 12 человек. Очень странно в отчете выглядела одна группа арестованных (48 человек): на вопрос о причинах заключения их в тюрьму авторы отчета без какого-либо видимого смущения сообщают, что указанные 48 человек помещены в тюрьму «за маловажные вины» или даже «без означения оных»! Итак, начальство могло посадить в тюрьму каждого «простолюдина», не потрудившись даже указать действительную или выдуманную причину ареста! Всего в отчете 1837 года таких групп арестантов с неопределенными причинами заключения было несколько, а арестованных в них имелось 147 человек (10 процентов от общего числа).

Явных политических противников царизма тогда в уфимской тюрьме не содержали: арестованных «по секрету», как сказано в отчете, здесь числилось два человека. Мало также было и противников церкви: всего 10 человек сидели за «ересь и раскол». Тех и других власти, видимо, из Уфы быстро отправляли.

Но если политических заключенных в тюрьме было мало, а настоящих уголовников числилось лишь немногим более трети (39 процентов), то, спрашивается, кто же тогда сидел в тюрьме? Отчет отвечает: больше всех (692 человека, или почти 50 процентов арестантов, с известными причинами ареста) сидело нарушителей крепостного права и законов о рекрутчине. Тюрьма вовсе не была средством борьбы с уголовщиной и в основном служила главной цели тогдашнего государства — охране интересов крепостников. Обыкновенным средством борьбы крестьян с крепостничеством в мирные годы были побеги их от помещиков. В уфимской тюрьме в 1837 году находилось: беспаспортных — 465 человек, бродяг — 132, уклонявшихся от рекрутчины — 10, укрывателей тех и других — 19, содействовавших побегу рекрутов и арестантов — 26 и даже просто ослушавшихся помещиков — 40 человек.

Так статистический отчет 1837 года нарисовал нам картину жизни нашего города в начале прошлого века.

**Владимир
Буравцов**

УФА В СТАТИСТИЧЕСКОМ ОТЧЕТЕ 1837 ГОДА

В городе в 1837 году было:

улиц и переулков — 67;

мостов каменных — 1;

садов:

*публичных или общественных — 1,
принадлежавших*

частным лицам — 21;

кладбищ — 2;

церквей:

соборных — 1,

вновь строящихся — 1,

приходских каменных — 3,

приходских деревянных — 5,

кладбищенских

вновь строящихся — 1;

часовень — 5,

греко-римских — 1 (деревянная);

монастырей мужских — 1;

мечетей каменных — 1;

домов:

правительственных:

каменных — 8,

деревянных — 5,

разных

общественных — 1 (каменный);

благотворительных учреждений:

больниц¹ — 1,

домов умалишенных² — 1,

богаделен — 1;

¹ Пользовались 1007 человек.

² Всего на 10 человек.

*исправительных учреждений*¹:

смирительных домов — 1,
рабочих домов — 1,
городских тюрем — 1;

*учебных заведений*²:

духовных — 1,
гимназий мужских — 1,
уездных училищ — 1;

заводов:

мыловаренных — 1,
свечных — 5,
кожевенных — 27;

ремесленников:

портных — 16,
сапожников — 11,
столяров — 5,
кузнецов — 8,

оловянщиков — 1,
мебельщиков — 1,
слесарей — 1,
резчиков — 1,
серебряных
дел мастеров — 1,
золотых дел мастеров — 1;
жителей — 14 300, в т. ч.:
мужского пола — 8496,
женского пола — 5804,
монашествующих — 14,
монастырских служащих — 7,
священнослужителей — 65,
генералов — 1,
купцов 2 гильдии — 3,
купцов 3 гильдии
с членами семей — 352.

¹ Всего в
исправительных
учреждениях
содержалось за год 1815
чел., из них в тюрьме —
1784 чел.

² Всего учителей — 22,
учащихся — 273.

ВЗГЛЯД НА УФУ³

Да не хвалится сильный силою своею, а богатый богатством своим.

Текст Священного Писания

*Василий
Зефиров
(В. З-ф-р-вь)*

Необъятна природа в своем громадном пространстве, но необъятнее она для ограниченного ума человеческого! Сколько предметов дивных, предметов, полных величия и прелести, рассеяно по лицу земному, и каждый из них носит на себе свой особенный тип, особенный характер. При воззрении на исполинские горы буйного Кавказа мыслящий дух человека невольно поражается каким-то благоговейным страхом, и гордое самолюбие царя природы в прах уничтожается пред грозным величием Движителя Вселенной. При взгляде на прелестные долины Тавриды и Малороссии в душе человека мгновенно рождается невыразимое чувство тихого восторга, чувство безотчетной любви ко всему и неизъяснимого наслаждения. Точно это самое чувство согревало душу мою, когда я с высоты утеса, который носит название Чертова городбища⁴, обозревал восхитительные окрестности Уфы.

Уфа, Уфа! Кто первый положил краеугольный камень твоему первобытному основанию, кто первый осенил тебя, дитя полудикой Башкирии, величественным гербом царя русского? Последнее знаем почти положительно, но о первом нет никаких неопровержимых начал. Ищем, роемся и находим только то, что может найти отец о рождении сына своего в затхлой метрике полуразрушенного архива. Точно так, и вот доказательство моему мнению.

Наш достойный вечной памяти историк Н.М. Карамзин в первой главе X тома между прочим говорит, что «бессильная злоба Кучума, жалкого царя разрушенной Сибири, не мешала россиянам более и более укрепляться в Сибири — заложением новых городов от реки Печоры до Кети и Тары (в 1585 году), для безопасного сообщения с Пермью и Уфой, тогда же построенную вместе с Самарою, для обуздания нагаев». Но в седьмой главе VI тома он же говорит, что благодетельствованный великим князем Московским Иоанном III царь Казанский Магмет-Аминь по убеждению жены своей, желая отложиться от зависимости Иоанна, послал в 1505 году или около этого какого-то Уфимского князя для мирных

³ Публикация
М.И. Роднова.

⁴ *Чертова городбище*
(*городище*) — утес на
высоком правом берегу
р. Уфы за санаторием
«Зеленая роща».

переговоров. Это заставляет думать, что Уфа существовала ранее того времени, о котором сказано в X томе той же «Истории» Карамзина. Впрочем, подобные исследования, которые невольно соединяются с упреком древним летописцам нашего Отечества, сколько прискорбны и утомительны, столько ж и бесполезны, потому что не ведут ни к какому положительному результату.

...Было уже около четырех часов вечера. Жар июньского дня упал. С северо-востока подул прохладный ветерок, и я с чувством душевного наслаждения стоял на утесе Чертова городбища. Взор мой летал по очаровательной окрестности. Передо мной густая зелень лесов, осененных яркими лучами вечеряющего дня, покрывала большую часть видимого пространства. Красивые деревеньки как бы тонули в этой чаще. Подо мною, почти близ самой подошвы горы, текла угрюмая Уфа, невдалеке сливающая мутные воды свои со светлыми струями реки Белой. Однако ж, невзирая на всю занимательность видимой природы, мысль уносила меня во времена давно минувшие. Отчего, думал я, это чудное, восхитительное место получило такое богопротивное название? Ужели во времена древние, во времена, когда еще Святой Крест не осенял эти дикие места, его мрачности, или, говоря попросту, дьяволу, пришло злокозненное намерение из жаркого дворца своего переселиться для временной прохлады на этот утес? Но нечем основать этой мысли. Не видать ни пропасти, в которую бы он должен был провалиться по водворении святой веры в здешнем краю, нет ни недостроенного здания, которое обыкновенно не достраивается нечистой силой, потому что всякому мерзкому деянию ее мешает ранняя песнь враждующего петуха, нет решительно никакого основания! Впрочем, об этом будет речь после.

С этого страшного утеса вдаль на северо-восток виднеется село Богородское, известное в здешнем крае чудесным явлением святой иконы Казанской Божией Матери, и куда в день явления ее, т. е. 8 июля, стекаются тысячи богомольцев, просящих и молящихся Святой Заступнице о своих скорбях и болезнях. Направо виден Успенский мужеский монастырь¹, бедный посредством содержания, но с избытком награжденный теми высокими дарами, которыми благодетельная природа так щедро наделяет тихие пристанища человека, избираемые для успокоения души своей.

Монастырь этот построен в управление Оренбургскою епархией преосвященным Амвросием 1-м, а заложен был храм Успения Пресвятой Богородицы при настоятеле монастыря архимандрите Лаврентии. Строение продолжалось при преемнике его архимандрите Тихоне, а совершенно окончено при архимандрите Серафиме, будущем митрополите Киевском. Внутри обширной каменной ограды монастыря возвышаются два храма, двухэтажный полукаменный дом для настоятеля с братиею, деревянные флигеля для служителей с надворными строениями и более ничего. Устроенная на высокой горе, при слиянии Уфы с Белою, обитель эта при малом числе иноков почти во все времена года, во все часы дня, всегда окружена какою-то пустынною тишиною. Никогда почти не заметишь в нем особенной жизненной деятельности, все в нем тихо и уединенно.

Эту-то обитель, как я уже сказал, бедную по средствам, но богатую красотами природы, избрал себе местом покоя на остальном пути жизни своей, постоянным местом молитвы, преосвященный Михаил, бывший епископ Оренбургский и Уфимский.

Стоя на высокой чреде архипастыря, пользуясь полным доверием высшего правительства, окруженный истинною любовью и уважением всей своей духовной паствы, преосвященный Михаил не более 4 лет управлял епархией и, покоряясь внутреннему священному призыву, уединился в эту обитель, где более уже десяти лет в тишине и мире ведет отшельническую жизнь свою.

¹ Успенский мужеский (мужской) монастырь — ныне на его территории находится Уфимский юридический институт МВД России.

От монастыря в прямом направлении лежит дорога в город. Здесь должно проходить по каменному мосту чрез глубокий овраг и, пройдя небольшую долину, подняться на [Усольскую] гору.

Город Уфа, расположенный между оврагами, собственно сам в себе не представляет наблюдателю ничего не только любопытного, даже занимательного. Но вид на него с этой горы восхитителен. По выходе из долины первый взор ваш, при входе на гору, останавливается на соборной площади, которую окаймляют с севера превосходно отделанные здания губернской гимназии с корпусом присутственных мест, с запада 4-этажный дом семинарии, с юга — архиерейский дом со своими флигелями. В центре этой площади высится на господствующем в городе месте кафедральный собор. При дальнейшем обзоре открывается уже весь город, раскинутый между двух полугорий на довольно значительном пространстве и при параллельном взгляде как бы усеянный садами.

На юго-западной стороне города высится гора, слывущая в народе под именем Старого гульбища, расположенная между двумя страшными оврагами — одним Безымянным, а другим Черкаловым¹. Предание о последнем довольно замечательно.

В простонародии Уфа разделяется на две части: первая носит название Старой Уфы и расположена на восточном полугории за речкой Сутолкой. Здесь, как должно полагать, жили первые поселенцы города Уфы; здесь доселе сохранен весь тип старинных поселений: неправильные улицы, пересекаемые бесчисленными переулками, сколько грязными, столько и узкими. При этом отмечена редкая приверженность старожилов к жительству в этой части, несмотря на всю невыгодность ее по отдаленности торговых рынков и реки, — со стоическим терпением они не живут, а колются в полуразрушающихся домах своих. Новая Уфа, расположенная на западном полугории, состоит из улиц, выстроенных, насколько допускало местоположение, довольно правильно.

Но обратимся к рассказу. В Старой Уфе близ Сутолки жил весьма зажиточный горожанин Черкалов. Был ли он чиновная особа или торгующая, предание ничего не говорит, но вот что осталось нам от народной молвы. Если в настоящее время мы видим Уфу, окруженную лесами уже опустошенными, то за двести лет она была, как и должно полагать, недоступна по дремучим непроходимым лесам, в глубину которых не смел дровосек заносить острую секиру свою, а охотник не решался в неизвестной темноте их отыскивать медведя или лисицу, страшась людей, которые свирепее их и которые в те времена многочисленными партиями населяли берега Волги, Камы и Белой. Врагом Черкалова был атаман разбойничьей шайки Бахтияр, скитавшийся в прибельских лесах близ Уфы. Имея всю власть смелого разбойника над всею окрестностью, он думал о богатстве Черкалова и в осеннюю темную ночь напал со своими удалцами на дом оплошного богача. В одну минуту запылали надворные строения, в одну минуту все живущие в доме были перевязаны, и страшный Бахтияр с ножом в руке стоял уже перед постелью хозяина, требуя его золота. Но он жестоко ошибся в своем корыстолюбивом чаянии получить богатство старика — Черкалов был тверд. Ни нож злодея, приставленный к груди, ни угрозы бросить его в огонь не принудили Черкалова открыть, где было скрыто его достояние. Предав мучительной смерти всех живущих в доме, Бахтияр, вероятно дорожа временем, увез несчастного Черкалова с собой и в глубине оврага, устье которого выходит к самой Белой, предал его новым терзаниям, новым пыткам. Но все было тщетно: старик молчал, а потому Бахтияр в злобной ярости от своей неудачи приказал повесить его в том овраге. С того времени овраг этот и носит название оврага Черкалова. И какое сильное влияние это страшное происшествие имело на умы народа. Даже в позднейшие времена, говорят ныне старики, т. е. лет за

¹ Черкалов овраг — как видите, Зефирова несколько иначе излагает знаменитую уфимскую легенду, даже овраг у него не Черкалов, а Черкалов.

сорок пред сим, редкие осмеливались спускаться вглубь Черкалова оврага: из него веяло смертью.

С горы, возвышающейся близ этого оврага, открывается к югу превосходный вид на всю забельскую сторону. Река Белая, как змея, обвивается близ самого утеса. За ней видно пространство с лишком на 20 верст, покрытое лесами, хлебными полями с сенокосными долинами, по которым выются две желтые полосы, это две почтовые дороги: одна в Оренбург, другая в Казань. Вдали разбросано несколько селений, из которых особенно замечательно государственное имение — село Чесноковка. Здесь был стан отдельной партии бунтовщика Пугачева. В то время когда он сам с главными силами громил стены Оренбурга, начальник отдельной его шайки, по имени Чика, с толпою башкирцев, беглых господских людей и с частию яицких казаков осаждал г. Уфу. Об этой осаде и доселе ходит в народе множество анекдотов. Уфа в стратегическом отношении почти неприступна. Расположенная на горе, выход на которую весьма затруднителен, к тому же с восточной, южной, западной и частию северной стороны она окружена реками Белой и Уфой. Не только переправа чрез них, но даже приближение к ним войск видны издали. Следовательно, приступ к городу, при наблюдательном начальнике, может дорого стоить нападающим. Но Чика избрал самое неблагоприятное для осады время, когда плывущие по реке льдины делают переправу совершенно невозможною. Очевидцы говорят, что бунтовщики в злобе на неудачу бросались сотнями на льдины, желая достичь противоположного берега, но в пьяной неосторожности гибли как собаки. Уфа осталась цела и невредима, но Чика с его главными сподвижниками был повешен впоследствии на площади осаждаемого им города, и неудивительно: таков бывает конец всякому злему началу. Тот, кто восстал против царя и родины, тот не жди добра, тот проклят еще во чреве матери своей. «Добро бы было ему, еще не бы родился человек той», — сказал Христос (Матф., гл. 26, ст. 24) о предателе Иуде.

Старожилы еще рассказывают, что во время осады города Уфы Чикою, когда злодеи решались из-за Белой на непременно на него нападение, то на горе, близ Ильинской церкви, являлся на белом коне в священническом облачении поседелый старец, будто бы бывший некогда у церкви Илии Пророка священником, и грозил святым крестом осаждавшим, каковое явление наводило на них большой страх, и они снова отступали. Этот старец был виден только врагами города Уфы.

Далее к западу еще лежит утесистая гора, на которой расположено ныне татарское кладбище и в которой видны еще входы в пещеры. О них в народе ходит много рассказов. Говорят, что лет за 25 пред сим, когда еще весенняя вода не замыла отверстий, многие спускались во внутренность пещер и находили в горе огромную пустоту в виде комнат, разделенных одна от другой едва заметными отверстиями. В середине этих комнат была зола, оставшаяся, вероятно, от разводимого огня, равным образом находили старую обувь, ножи и кинжалы. Очень естественно, что эти пещеры существовали встарь, так как и ныне находят их много в горах, и нет ничего удивительного, что шайка разбойников, может быть даже Бахтияра, избирала это дикое и неприступное место себе притоном.

Вид с этого утеса так же пленителен, как и с горы Старого гульбища. В полуго-ре бьет из камня источник чистый, светлый, как хрусталь. И вода, скатываясь по желобу, наполняет две большие кади, этой водой многие из городских жителей пользуются, предпочитая ее даже и речной. Несколько севернее подошвы горы раскинута богатая слобода Нижегородка, населенная крестьянами графа Шереметева. Здесь река Белая удаляется от города на запад без малого на три версты и, описав дугу, вновь оборачивается к востоку и подходит вплоть к уфимским горам, потом снова течет на запад¹.

¹ Ныне это русло стало старицей реки: в 1854 году во время паводка Белая пробилла себе новое русло, ближе к Нижегородке. — Прим. ред.

На левом берегу ее, покрытом лесом, разбросано несколько деревень, представляющих с горы чудесный вид. Но к северу исчезает все очарование: возвышающаяся лесистая гора скрывает весь небосклон, и только на отдаленном возвышении ее красуется дом арабской архитектуры, принадлежащий ее превосходительству В.А. Балкашиной. А невдалеке от него к востоку виднеется загородный архиерейский дом, привлекающий к себе много посетителей не столько красотой своего местоположения, сколько тем пустынным уединением, которое так пленительно и которое так любит душа человека после мирских волнений.

Обозревая окрестности Уфы с той горы, где находятся пещеры, взор ваш невольно остановится на огромных курганах, во множестве рассеянных по всей горе. Мгновенно исчезает вся прелесть видимой природы, и мысль уносит вас в глубину времен давно минувших. Если христианин в отдаленных от жительства местах встретит внезапно крест, в голове его сама собой рождается мысль: здесь погребен христианин, и, благочестивый в душе, прибавит к этой мысли молитву: «Господи! Упокой душу раба твоего!». Но взгляд на курганы, не рождая благочестивой мысли, наполняет восторгом лишь душу одного археолога, жаждущего древностей.

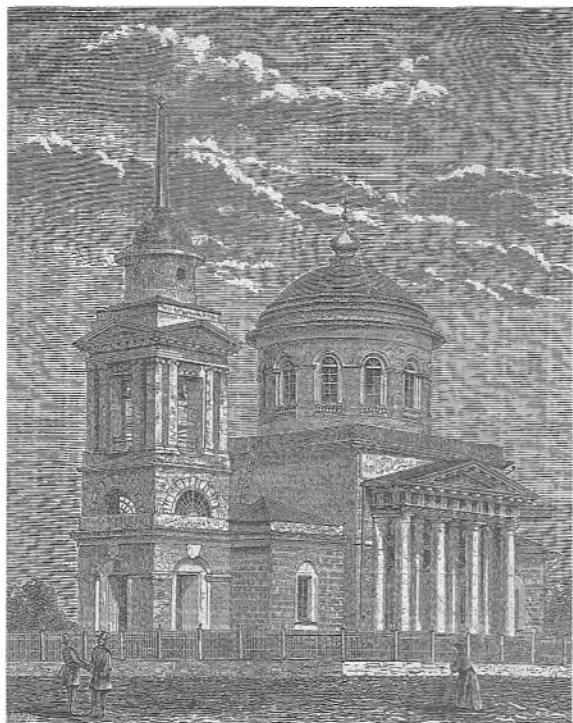
Знаем из бытописаний, что воинственные народы Азии погребали тела умерших богатырей своих с конем и доспехами и в память о них насыпали над прахом курганы. Чей же прах покоится, думал я, под этими курганами. Какой народ обитал на этом полуострове? Татары, башкирцы, ногаи? Вот догадки, около которых вьется первая мысль наблюдателя, и эта мысль заставила меня прибегнуть к сказаниям старожилов: что думают они или что слышали об этих курганах? Но безгласны мертвые могилы, безмолвно предание! То, что я мог узнать, узнал догадываясь.

Все насыпи, видимые теперь, еще не разрыты, и что в них находится, еще неизвестно, но подобные им находились внутри города и при распланировке улиц новой Уфы были скрыты. Внутри их находили конские и человеческие кости замечательной величины, огромные серебряные бляхи, вероятно служившие украшением верховой конской сбруи, копынки от стрел, сабли и кинжалы с золотой насечкой и даже украшенные камнями. Вырывая погреб, горожане находили в земле много подобных вещей, и я видел сам три серебряные бляхи величиною с десертную тарелку. Судя по их небольшой выпуклости и скважинам по краям, они должны были служить украшениями нагрудника верховой лошади. Но, вспоминая все рассказы об этом предмете, в особенности замечательно то обстоятельство, что в числе этих воинственных древностей не находили в курганах ни одной вещи, которую бы можно было отнести к женским украшениям. Что ж это значит? Ужели здесь, на этом полуострове, кочевала только одна воинственная дружина?

Не могу говорить, что эта догадка ведет к неопровержимой истине, но многое заставляет думать так, и, во-первых, вот почему: отчего, например, не видно подобных курганов в таком количестве в других местах Оренбургской губернии, но только в Уфе, отчего не видно этих многозначительных насыпей в луговых местах, но в местах гористых, неприступных, укрепленных самой природой, как Уфа.

Древние обитатели здешнего края — башкирцы — не имели прежде и ныне не имеют обыкновения насыпать курганы над прахом своих богатырей, откуда ж взялись эти курганы, это небывалое в краю обыкновение? Усиливаясь, так сказать, проникнуть в темноту времен прошедших, я искал основания своим предположениям в «Истории государства Российского» и нашел нечто оправдывающее их.

В пятой главе VIII тома Карамзин говорит, что Иоанн Грозный, разрушив столицу Казанского царства, еще не был покоен, слыша о беспрестанно возникающих мятежах, он дал повеление: «Даниилу Адашеву с детьми боярскими и вятчанами идти на Каму, а знаменитым доблестию воеводам Микулинскому, Шереметеву и

*Александровская
церковь. Гравюра
1870-х гг.*

Курбскому — в Казань. Они выступили зимою в самые жестокие морозы, воевали целый месяц в окрестностях Камы и Меши, разорили там новую крепость, сделанную мятежниками, ходили за Ашит, Уржум до самых вятских и башкирских пределов, сражаясь ежедневно в диких лесах, в снежных пустынях; убили 10 000 неприятелей и двух злейших врагов России — князя Янчуру Измаильянина и богатыря черемисского Алеку, взяли в плен 6000 татар, а жен и детей 15 000».

После этой исторической истины я смелее могу основываться на моей прежде высказанной мысли, что полуостров Уфа был последним избранным местом для сохранения своей свободы непокорившихся власти Грозного царя после взятия Казани. Разгромленные во всех местах неутомимым преследованием наших войск, враги искали уже защиты не в своих ослабевших силах, но в местах неприступных, и избрали горы Уфы, с которых, как и прежде было говорено мною, видно пространство на 20 верст. Следовательно, они были обеспечены от внезапного нападения и, заведя приближающуюся грозу, имели еще время прибегнуть к обороне или к бегству.

Нет сомнения, что, несмотря на неприступное место, избранное жалкими остатками казанских защитников для своего воинственного стана, они на возвышенностях гор имели лишь отдельные наблюдательные отряды, или форпосты. Например, упомянутое мною Чертово городбище, обнесенное рвом и валом, приметными еще доселе, включает в себе весьма незначительное количество земли, удобное только для помещения нескольких шалашей, и не могло быть лагерем значительного войска, а разве только наблюдательного отряда.

Хотя покойный В.С. Юматов в своих записках о первобытных жителях Оренбургского края и говорит, что здесь, на месте Уфы, обитали ногаи и что даже на Чертовом городбище жил последний Ногайский хан Тюря Бабату Ключов. Может быть, это и так, но почтеннейший В.С. Юматов подает сам повод к некоторому сомнению, не объяснив, из какого источника почерпнуты им эти сведения. И притом разъединенная, разбитая на части Орда ногайских татар, вероятно, скиталась по степям Башкирии со всем своим домохозяйством — с женами и детьми. Отчего же в вырытых курганах, погребках и могилах не находили ни детских костей и ни одного женского украшения, а не мне одному известно, что женщины, к какому бы народу они ни принадлежали, от начала веков любили украшать себя металлическими ценными вещами. Это обстоятельство невольно наводит на мысль, что на уфимских горах обитала одна дружина воинов, между которыми или вовсе не было женщин, или было весьма малое число.

Кроме того, на берегу р. Белой, близ нынешнего Оренбургского перевоза, есть мост, называемый и в настоящее время Ногайским. Следовательно, если бы на уфимских горах обитали ногаи, то мост этот не назывался бы Ногайским, так как все дороги получают свое название от того места, куда они ведут. Например, дорога из Уфы в Оренбург называется Оренбургскою, в Казань — Казанскою, а поэтому должно заключить, что чрез Ногайский мост лежит путь не из жилищ, но в жилища Ногайской Орды.

Так кто же здесь? Но «Что до мертвых, что до гроба, Мертвых дом земли утроба», — подумал я, утомленный этими ни к чему не ведущими умозаключениями, основанными только на одних предположениях, и с возвышенного кургана снова

обратил взор мой на окрестности Уфы. Роскошная, очаровательная картина на огромное пространство вновь раскинулась пред моими глазами. Какой вид! Какой разгул для души мыслящей! В эту минуту живешь только эстетически. Легкий, приятный воздух, кажется, сочетался с красотой природы, чтобы вновь усладить твою прогулку. И чем дольше смотришь, тем дольше хочется смотреть. К слову прибавлю, что великолепная картина окрестностей уфимских привлекла на себя не мое только бедное, ничтожное внимание, но даже монарх России, Благословенный Александр, закладывая в 1824 году церковь во имя Александра Невского, воздвигнутую оренбургским дворянством в память Его Августейшего посещения, с особенным вниманием смотрел на окрестности Уфы.

...День уже вечерел. Заходящее солнце яркими лучами озолотило зелень лесов и долин, и последний луч горел, как алмаз, на белых стенах церкви села Березовки, отстоящей на 12 верст от города. Бросив последний прощальный взгляд на все видимое, я удалился, думая в пути: «Конечно, много городов рассыпано в разных направлениях по необъятному пространству нашего отечества, из которых одни могут хвалиться величием штаб-квартиры предводителя русских войск, их воинственной музыкой, их великолепными парадами, другие — удобством пристаней своих, куда со всех концов России стекается народ с похвальной мыслью — или купить и обмануть, или продать и обмануть. Но “да не хвалится сильный силою своею, да не хвалится богатый богатством своим”. Уфа по своему стратегическому положению, по восхитительной красоте своих окрестностей едва ли уступит кому-нибудь из собратий своих в том богатстве, которое “тля не тлит, и татие не подкапывают”, она богата сама собой!»

БОЖЕДОМСКОЕ КЛАДБИЩЕ В УФЕ

Неотъемлемой частью городского ландшафта являются кладбища. Судьба их отражает все изломы нашей истории, их сносили и уничтожали, превращали в парки и просто предавали забвению. На территории города Уфы с древнейших времен существовало множество мест захоронений. В доисторическую эпоху (бронзовый и железный века), когда вдоль берега Белой тянулась целая сеть поселений и городищ разных племен и народов, жившие здесь люди оставили обширные кладбища, которые располагались вдоль высокого обрыва Белой до телецентра и магометанского кладбища, а вглубь уфимского полуострова доходили до современной улицы Коммунистической. И поныне глубоко под землей в Ушаковском парке возле «Белого» дома (ныне парк Матросова) находятся древние могилы почивших витязей.

С возникновением города Уфы в 1586 году захоронения умерших производились на небольших кладбищах возле городских же церквей и в монастырях. Если спуститься с Кремлевского холма от монумента Дружбы к небольшому пляжику возле причала, рядом с которым из большой трубы изливаются в Белую остатки бывшей речки Ногайки, то примерно как раз на этом склоне стояла небольшая деревянная Троицкая церковь, сгоревшая от грозы в 1797 году. Потом именно в честь нее и переименовуют старый Смоленский собор в Троицкий храм.

При (старой) Троицкой церкви, замечали краеведы, «было свое кладбище, и, как говорят, оно находилось у самого берега р. Белой, несколько пониже моста, где еще старожилы помнят деревянную часовню, теперь давно несуществующую и неизвестно когда и кем построенную; но как еще недавно открываемы были могилы и попадались человеческие кости, то и предполагают, что часовня была на кладбище бывшей Троицкой церкви». В 1865 году приблизительно в этом месте

*Михаил
Роднов,
Владимир
Буравцов*

обнаружили христианские захоронения, но не в гробах, а в дубовых колодах, как было принято в XVII столетии.

Самое же главное уфимское городское кладбище находилось возле Смоленского собора, на месте которого сейчас монумент Дружбы. «При Смоленской соборной церкви было кладбище, а внутри ее и в застенке под колокольною погребали людей именитых», — писал Руф Игнатьев. Смоленский собор был храмом «почетным», здесь хоронили воевод и прочих видных уфимцев. В диптике или помяннике Смоленского собора, кроме записанных в вечный помин царей от Иоанна Грозного до императрицы Анны, от первой супруги царя Алексея Михайловича Марии Ильинишны до герцогини Мекленбургской, поминались в церковные службы князья Нераковы, дворяне Артемьевы, Ахмаметевы, Пекарские, Приклонские и другие «зде лежащие».

Под сводами Смоленского собора или около него нашел свое последнее пристанище знаменитый русский дипломат, думный дьяк царей Федора Иоанновича и Бориса Годунова, потом великий секретарь и государственный казначей Лжедмитрия Афонасий Иванович Власьев, сосланный в Уфу в 1606 году после прихода к власти Шуйского. А.И. Власьев возглавлял дипломатические переговоры с Австрией, германскими государствами, Швецией, Данией, Польшей. Более того, Власьев стал любимцем Лжедмитрия и даже представлял его в Кракове, где в присутствии польского короля Сигизмунда III вместо Димитрия обручился с Мариной Мнишек.

Последних возле Смоленского собора похоронили защитников Уфы во время пугачевской осады. Но в связи с запретом погребать умерших при городских церквах, вышедшем еще в 1771 году, после мятежа были уничтожены следы бывшего кладбища внутри и около собора. Внутри Смоленского собора был ликвидирован помост из могильных плит, а существовавшие надгробные надписи на стенах забелены.

Руф Игнатьев отмечал, что «Смоленский собор, как выражались наши предки, весь стоит на костях почивших». А «в 1797 году вся Уфа заговорила, что по ночам в теплом соборе, т. е. пристройке, где были приделы во имя Апост. Петра и Павла и свят. Николая, видится огонь, но не похожий на обыкновенный, происходящий от свечей, а как будто бы от постоянной молнии. Было много свидетелей... Оказалось, что исстари здесь погребено много знатных лиц и что сверх того теплая пристройка к настоящему собору сделана чрез сто лет после его построения и на месте, где было кладбище, а поэтому свет был не что иное, как фосфорическое испарение, происходящее от мертвых тел... Остатки кладбища и теперь заметны по сохранившимся остаткам могильных памятников около бывшего собора, или нынешней церкви св. Троицы; но говорят, внутри церкви было много плит в стенах и на полу с надписями, а как все признаки кладбищ при городских церквах старались уничтожить, то уничтожены и те могильные памятники, которые были внутри и снаружи Смоленского собора». К 1860-м годам все следы главного уфимского кладбища почти исчезли, а надписи на стенах заштукатурены.

В конце XVIII века горожане хоронили усопших на Успенском кладбище, располагавшемся по современной улице Коммунистической. Екатерина II в разгар эпидемии чумы, бушевавшей в Москве, указом в декабре 1771 года запретила погребать умерших при городских церквах и велела устроить кладбища за городом, на выгонных землях. Видимо, нарушение тысячелетней традиции хоронить возле городских церквей встретило сопротивление населения, почему и принимались силовые меры по уничтожению следов старых внутригородских кладбищ, как при уфимском Смоленском соборе.

На Успенской, или Старо-Кладбищенской, улице издавна существовало кладбище, а сама улица в XVIII веке находилась за пределами города. В 1798 году,

опять возвращаемся к Руфу Гавриловичу, помещица «Аничкова купила и перенесла сюда на кладбище деревянную церковь Успения Богородицы, оставшуюся от уничтоженного в 1764 году Успенского мужского монастыря, бывшего там, где теперь женский монастырь». Но в начале XIX столетия по новому плану Уфы началась прокладка здесь улиц, и Успенское кладбище, оказавшееся в черте городской застройки, было закрыто, однако «название Кладбищенской улицы слышится в народе и теперь», добавлял Р.Г. Игнатьев.

М. Сомов свидетельствовал в 1864 году, что возле каменной церкви Успения Божией Матери, построенной в 1849 году, «было прежде кладбище, первое в Уфе, основанное в 1782 году, что еще заметно и ныне по неровностям почвы, изрытой могилами, и по некоторым сохранившимся памятникам и надгробным плитам, находящимся внутри и около церковной ограды».

В конце позапрошлого столетия Руф Гаврилович Игнатьев успел изучить остатки Успенского кладбища. Тогда возле Успенской церкви, по его словам, «сохранилось несколько памятников, относящихся от 1802 до 1823 года; только в 1824 году перестали здесь погребать умерших, так как в этом только году церковь Успения, уже застроенная кругом домами, вошла в состав города. На бывшем Успенском кладбище погребены многие из здешних дворянских фамилий, как то: бывший в царствование Екатерины II губернатором Уфимским и Симбирским генерал-поручик Пеутлинг, род Верстовских, от которых происходит известный русский композитор А.Н. Верстовский, в 1859 году скончавшийся в Москве; Дмитриевы, Березовские, Аничковы и многие другие. У входа в церковь погребен, как видно из надписи на чугунной плите, кафедральный протоиерей Фрагранский, родившийся в 1772-м, скончавшийся в 1802 году».

Бывшее кладбище еще в конце XIX века было огорожено деревянным забором с двумя воротами, плиты и насыпи хорошо просматривались из-за ограды, само кладбище было обширное. Но постепенно оно застраивалось домами, и к началу XX столетия сохранился только остаток кладбища возле самой церкви. Безбожники-коммунисты снесли Успенский храм, символично возведя на его месте так называемый дом старых большевиков, а остаток кладбища превратили... в огород, где до сих пор растут яблоньки. Авторы сами видели, как жильцы тут вскапывали грядки, растили морковь.

Остаток бывшего Успенского кладбища, обнесенный железным забором, сохранился сразу за улицей Дорофеева, если спускаться от перекрестка Телеграфной и Успенской (Цюрупы и Коммунистической). По воспоминаниям старожилов, еще в конце 1940-х годов там можно было видеть могильные памятники. Наверняка неглубоко под землей до сих пор лежат обломки постаментов и крестов. В XIX столетии функции основных уфимских кладбищ перешли к Старо-Ивановскому кладбищу (уничтожено в 1920-е) и Сергиевскому кладбищу, единственному уцелевшему. Но вернемся к Успенскому кладбищу, на знакомый почти всем уфимцам перекресток улиц Коммунистической и Цюрупы, где в 1950-е годы разбили сквер Маяковского.

Дело в том, что в Уфе, наверное, единственном крупном городе на всем Урале, существовало особое кладбище, традиции которого уходят в глубокую древность, еще в домонгольскую Русь.

По христианским канонам православная церковь благословляет в загробную жизнь таинствами покаяния, причащения и елеосвящения (соборования). Умиравший (крещеный) исповедуется священнику во всех своих грехах, после чего допускается к причащению Святых Христовых Тайн. В таинстве елеосвящения прощаются грехи неосознанные или забытые. Но ни одно из этих обязательных для православного таинств не может быть совершено над человеком уже умершим.

Однако в средневековом обществе была очень высокая смертность, и смертность часто «быстрая», когда священника рядом просто не было. Поэтому в городах Древней Руси и Московского царства возникали так называемые **божедомские кладбища, или скудельницы**. Они были в Москве и Новгороде, Пскове и всех достаточно крупных городах, где количество скончавшихся без православного покаяния было велико, а погребать «нечистых» рядом с нормальными усопшими народ не желал. И церковь с давних пор настаивала на захоронении умерших без церковного напутствия (удавившихся, утопленников, замерзших, самоубийц, странников и других) в особых местах, вдали от храмов и православных кладбищ.

На божедомских кладбищах хоронили бродяг, нищих, преступников, утонувших, убитых грозой и вообще умерших от нечаянных случаев. Трупы складывались в общие ямы, или скудельни, и так лежали непогребенными в течение целого года, до четверга 7-й недели после Пасхи, или семика. Тогда из ближайшей церкви совершался крестный ход, служилась общая панихида, засыпались ямы и вырывались новые для следующих покойников. В день поминок благочестивые люди приносили гробы, свечи, холсты, кутью, блины и пироги, устраивали поминки. Хранение тел без предания их земле служило причиной заболеваний, и в конце концов из-за санитарно-гигиенических требований императрица Екатерина II закрыла все божедомские кладбища в 1771 году.

Особенно в допетровской Руси имелась масса так называемых «гулящих людей», бродяг бездомных, находивших свой последний приют на божедомских кладбищах, которые не случайно имелись в крупных городах, притягивавших нищих и тому подобный элемент. На уфимском божедомском кладбище, возможно, хоронили казненных во время мятежей. Р. Игнатъев записал рассказ современницы пугачевщины мещанки Петровой: «Однажды из городской тюрьмы вели на экзекуцию толпы башкир, и, проходя мимо стоящего по обеим сторонам улицы народа, башкиры кланялись на обе стороны, приговаривая: *“Прощай, бачка, прощай, мачка, прощай, вольный свет”*. Это прощание многих разжалобило, но тут же несколько молодых мещан захохотало на всю улицу». Конечно, соплеменники старались забирать тела и увозить их домой для погребения, но, если таковых не имелось, трупы казненных наверняка свозились на божедомское кладбище.

Кроме того, под понятиями Божий, или убогий, дом в Московской Руси значилась богадельня. Так, в Уфе Божий дом содержался на городские средства и состоял под надзором духовенства Смоленского собора и особого смотрителя, погребавшего покойников, под именем «Божедомского прикащика». В 1691 году из государственной городской казны было отпущено на содержание в Убогом доме призреваемых 8 стариков и 10 старух три «московских» рубля, кроме этого, в поминальный и погребальный день семика из той же казны выдавалось по одному рублю на плату за погребение и помин умерших: игумену, протопопу Успенского монастыря и попам Смоленского собора и прочих церквей. А божедомский приказчик Васька Шумилин из Уфимской приказной палаты получал деньги, которые выдавались на проживание и пропитание странников.

Уфимские историки-краеведы XIX столетия М. Сомов, Р. Игнатъев, А. Гурвич, Д. Волков, а затем П. Ищерилов собрали воспоминания и свидетельства об уфимском божедомском кладбище, по которым мы и подготовили эту статью. И сразу первый вопрос: а где же находилась уфимская божедомка?

Она изначально должна была располагаться не просто за городом, а достаточно далеко от уфимской застройки XVII–XVIII веков. Обратим внимание на приведенное выше свидетельство, что «обслуживание» божедомского кладбища являлось обязанностью духовенства Успенского монастыря. Вероятно, после по-

стройки в конце XVIII века деревянной Успенской кладбищенской церкви на современной улице Коммунистической данная функция досталась этому же причту. И во всех трудах краеведов указывается конкретное направление.

В рукописных материалах уфимского городского головы Д. Волкова говорится, что в трех верстах от уфимского острога и городских стен XVII–XVIII веков в районе нынешней улицы Ленина от Коммунистической и дальше в сторону Бекетовской (Мустая Карима) находилось древнее «скудельное поле», или «Божий дом». Оно являлось кладбищем для живших и умерших в Божьем доме, а также для бродячих людей.

М. Сомов отмечал в 1864 году, что на улице Лазаретной (Ленина) «существовала в старину древняя деревянная часовня св. Георгия Победоносца, построенная при протопопе Неверове, современнике пугачевского бунта, но в котором году — неизвестно. Она воздвигнута была для молебствий во время засухи, продолжительного ненастья и неурожая хлеба; почему и совершались в такие бедственные годы из собора в часовню крестные ходы. Кроме того, при ней же погребались были, без совершения обряда отпевания, тела самоубийц. Часовня эта находилась сперва за городом, а потом вошла в черту его, где еще лет 25 тому назад виднелась в дворе одного обывательского дома. Бекетовская [улица], ведущая прямо к кладбищу, получила наименование от богатой помещицы вдовы Бекетовой, которая, после пожара в 1821 году, построила в этой улице на свой счет целый квартал для бедных, пострадавших от пожара». Обратим внимание на указание М. Сомова, что улица Бекетовская вела прямо к кладбищу (какому?, с другой стороны тоже было кладбище), то есть само божедомское кладбище располагалось чуть выше современного перекрестка улиц Ленина и Коммунистической.

Впрочем, вряд ли подобное кладбище имело четкие границы. Но местоположение его совершенно рационально. Вниз по улице Успенской (Коммунистической) лежало «нормальное» Успенское кладбище. И тамошним священникам было достаточно недалеко подняться вверх к божедомскому кладбищу по нечетной (северной) стороне Кладбищенской улицы (Коммунистической). То есть божедомское кладбище находилось напротив Верхне-Торговой площади, с его северной стороны. Видимо, это учитывалось изначально при проектировании площади в начале XIX века. В углу Верхне-Торговой площади, где сейчас памятник Ленину, будет поставлен городской фонтан, куда самотеком по деревянным трубам поступала вода из Архиерейских ключей, что били на современной улице 50-летия Октября, на месте, где теперь фотосалон «Зоркий».

Как раз в июле 1864 года усилиями и на средства Андрея Алексеевича Нефедова испортившийся фонтан был исправлен и перенесен на другое место, к северо-восточному углу площади, где к нему гораздо удобнее подъезжать. Воды в нем стало больше, потому что трубы, лежавшие прежде на 1 и не более 1,5 аршина глубины, углублены теперь повсеместно на 3 аршина, что позволяет надеяться, что и зимой трубы не будут промерзать и мы будем пользоваться водой из этого фонтана. Вместо неудобных ковшей, которыми черпали прежде воду из бассейна, открытого всем непогодам, теперь устроены в наружной стенке прочные медные краны. Бассейн окружен маленькой галереей и покрыт довольно красивой крышей, которую поддерживают деревянные колонны». Уфимцы тогда еще помнили о местоположении божедомского кладбища и, конечно же, не стали бы ставить бассейн с водой на костях, да еще сомнительных покойников.

Р. Игнатьев помещал божедомское кладбище, по-видимому, чуть в сторону. В 1871 году он писал, что уфимское божедомское кладбище «находилось на нынешней Лазаретной улице, как говорят, на том самом месте, где теперь находится дом г. Домбровской, тут же и стояла деревянная часовня в честь св. Архистратига Ми-

хаила. Место это еще в начале нынешнего столетия было чистым полем, степью, только после 1809 года начали появляться здесь строения, в силу расширения города, по новому плану».

Так где же точно располагалась уфимская божедомка? Понятно, что в квартале улиц Ленина, Коммунистической, Карима, но все-таки хотелось бы уточнить. Помог историк-краевед и защитник старой Уфы Павел Владимирович Егоров. Он поведал предания уфимских старожилов, которые совпали с нашими поисками. Дома Домбровской, по городской переписи 1879 года, уже на улице Лазаретной (Ленина) не было. От угла с Успенской (Коммунистической) на север, в сторону современного Центрального рынка, вдоль Лазаретной протянулась земля, купленная городскими властями. Здесь от угла располагались (и до сих пор стоят) здания Уфимской городской управы, ремесленного училища, а дальше до революции располагался небольшой Думский сад. Именно он, по свидетельству П.В. Егорова, и был специально разбит на месте, видимо, основных захоронений божедомского кладбища. Не хотела уфимская власть строиться на костях.

В советскую эпоху новое начальство уже не было столь щепетильным и к началу 1930-х годов на месте садика (и божедомки) возвели известный в Уфе Дом-комму — современный адрес: улица Ленина, 9/11. Наверняка во внутриворотовом пространстве и поныне сохранились нетронутые (нераскопанные) участки культурного слоя, в глубинах которого, может быть, сохранились остатки массовых захоронений утопленников, самоубийц, случайно погибших. История любит пошутить. Сюда, на божедомку, в течение нескольких веков свозили в том числе тела казненных по казенной надобности, а теперь здесь по соседству возвышается современное здание — по всем известному адресу: Ленина, 7 — Министерства внутренних дел по Республике Башкортостан.

Уточнения П.В. Егорова полностью укладываются в логику застройки этого района Уфы. Улица Кладбищенская, потом Успенская, Сталина, ныне Коммунистическая (интересно, рулетка переименований закончилась?), наверняка изначально являлась просто проселочной дорогой. К моменту принятия нового плана Уфы в 1819 году здесь была «степь», но, скорее всего, эти прилегающие к городу земли использовались в хозяйственных целях. Несколько лет назад археологические раскопки под руководством В.В. Овсянникова на месте нового современного кинокомплекса, что вырос недалеко от бывшей божедомки, дали ряд вещей, который можно датировать рубежом XVIII–XIX веков. То есть уфимцы, вероятно, здесь имели какие-нибудь хутора, косили сено, пасли скот. И вряд ли они стали бы хоронить бомжей и утопленников прямо возле дороги (улицы Коммунистической). Логично было бы несколько отодвинуть божедомское кладбище севернее, как раз на место домов по адресу: Ленина, 7 и 9/11. При этом еще раз напомним, что, видимо, точных границ у этого кладбища не имелось. Новые ямы вырывали по соседству.

Какие бы бомжи ни хоронились на божедомском кладбище, сам статус кладбища требовал наличия если не храма, то какой-нибудь часовни. Но тут мы сталкиваемся с разночтениями. В большинстве работ упоминается часовня в честь Святого Георгия, чей образ ставился на божедомском кладбище. После получения указа Екатерины II в декабре 1771 года тотчас же в Уфе был закрыт убогий дом. И в 1777 году при протоиерее Смоленского собора Иакове Неверове из материалов богадельни была построена деревянная часовня Святого Георгия Победоносца. Примерно в 1820–1830-е годы часовня вместе с иконой святого Георгия сгорела.

Праздник в честь Святого Великомученика Победоносца Георгия приходился на 26 ноября (по старому стилю), в 1864 году в память о бывшей на улице Лазаретной деревянной часовне в честь Св. Георгия был в Успенской церкви устроен

одноименный придел (уфимцы помнили о связи Успенской церкви с божедомским кладбищем). Руф Игнатъев отмечал, что «нынешняя Лазаретная улица была в старину за городом, и здесь было кладбище для самоубийц и... не было ли это кладбище так называемым **Убогим домом, или “скудельцами”**, где погребали не одних лишенных христианского погребения, но и нищих, безвестных странников и казненных, и что трупы лишенных христианского погребения в течение всего года лежали непогребенными до семика, или четверга на Троицкой неделе, и тогда уже были погребаемы, и наши предки по этому самому прозвали семик **праздником мертвецов**».

Но в статье 1871 года, вышедшей под псевдонимом «Роман Кронбейный», за которым, видимо, скрывался Р. Игнатъев, указывалось наличие на улице Лазаретной (Ленина) часовни в честь святого Михаила, чей праздник приходится тоже на ноябрь (8-е число по старому стилю). А при церкви Успения Богородицы на Успенской, или бывшей Кладбищенской, улице прихожане в начале 1860-х годов также устроили придел в честь этого святого. Вероятно, были две часовни.

При этом автор замечал, что в Уфе поминали безвестных мертвецов не в семик, а 8 ноября, в день празднования св. Архистратига Михаила. Когда в 1771 году в стране свирепствовала чума, «то, боясь ее появления в Уфе, уфимское начальство отвело для погребения умерших от чумы, если бы таковые случились, особое кладбище, близ Божедомского». В это же время протоиерей Смоленского собора И. Неверов «поставил на Божедомском кладбище вместо прежней, пришедшей в ветхость, деревянной часовни — новую, тоже деревянную, в честь св. Архистратига Михаила, заступлению которого приписали тот случай, что чума не появилась ни в городе и нигде во всей тогдашней Уфимской провинции». В народе чтит часовню с иконой святого Михаила, но в 1821 году, когда «места около бывшего кладбища застраивались», случился сильный пожар, сгорела и Михайловская часовня, из которой успели вынести только старинный деревянный крест.

Чума 1771 года стала удобным поводом для ликвидации этого древнего, но совершенно вредного «народному здравью от гнивших и разлагавшихся трупов» обычая. Про божедомские кладбища существовала в народе своеобразная загадка: «Летел зверек чрез Божий домик, сам говорит — моя сила горит». От фосфорического разложения трупов на божедомских кладбищах появлялись блуждающие огни.

Однако семик (четверг на Троицыной неделе), или праздник мертвецов, достаточно широко отмечался в народе. И дело не только в милосердии к падшим. Случайная смерть была явлением обычным в те далекие времена. Шайки разбойников, несчастные случаи на работах и т.д. приводили к тому, что нередко рядовые люди вынуждены были хоронить своих близких именно на божедомских кладбищах. Существовал определенный порядок. В четверг, или семик, в ближайшей (в Уфе в Успенской) церкви служилась литургия, затем на скудельницу отправлялся крестный ход, где и совершалось отпевание всех покойников. Известных из них поминали по именам, о неизвестных говорили: «Помяни, Господи, души раб твоих, их же имена ты сам, Господи, веши». После окончания отпевания и панихиды божедомский приказчик (смотритель кладбища) закрывал ямы холстом и затем ямы засыпались землей, после чего приказчик расплавивался с духовенством.

Р.Г. Игнатъев обнаружил, что семик, или праздник мертвецов, особенно отмечался в Сатке (современная Челябинская область). Здесь в семик отправлялась в церкви общая заупокойная литургия при большом стечении народа, в храм приносили мед, яйца, блины и пр. По окончании службы начинался крестный ход на кладбище при пении: «Не рыдай мене, мати, зряще во гробе». На кладбище служилась общая панихида и читались помянники о «зде лежащих»,

потом иконы возвращались в церковь при пении стихиры Иоанна Дамаскина: «плачу и рыдаю, егда помышляю смерть». На кладбище оставались богомольцы поминать усопших, женщины причитали, принесенную пищу съедали на могилах или относили домой.

Все мы «ходим под Богом», и где суждено упокоиться, кто знает? И наши предки в семик (четверг на Троицыной неделе) поминали известных и неизвестных усопших. Так что, выходя из почтамта или кинотеатра «Родина» на улицу Ленина, можете представить, что перед вашим взором оказывается уфимское божедомское кладбище, не самое веселое место в нашем древнем городе.

Николай
Барсов

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

Первоначальные обитатели уфимской крепости. Самым древним документом о населении Уфы являются «Переписные книги г. Казани с уездом 1647 г.» (тогда Уфа была подчинена Казани). Некоторые сведения из них опубликованы преподавателем истории Уфимской гимназии В.А. Ефремовым («Из истории Уфимского края»). Правда, население Уфы в работе В.А. Ефремова несколько преувеличено — в него ошибочно включены служилые башкиры, проживавшие в уезде, но сейчас не это нам важно. Существенно, что из общего числа тогдашних жителей Уфы (700–800 человек) примерно 450 были людьми военными (в большинстве своем стрельцы) и жили в крепости, а 250–300 человек, включая духовенство, не входили в гарнизон и проживали «на посаде» (на нынешней Посадской улице, например). Лишь очень небольшое число уфимцев в «переписных книгах» названы «новокрещенами» («татары» и «местные уроженцы») или выходцами «из смоленской и польской шляхты». Стрельцы же и большинство остальных уфимцев, безусловно, пришельцы из Москвы.

Крепость в зените. Огонь и годы не оставили от старой Уфимской деревянной крепости и следа. Может быть, поэтому и сложилось о ней у уфимцев неправильное мнение, что крепость эта была второстепенной. Не крепость, а так — укрепленный военно-сторожевой пост. Однако знакомство с цифрами о населении и гарнизонах русских городов в 1670–1680-е гг.¹ приводит к другим выводам.

¹ См. Города феодальной России. М., 1966.

Действительно, торгово-промышленное значение Уфы конца XVII века было невелико: по числу посадского населения, состоящего в основном из торговцев и ремесленников, наш город стоял на 136 месте. Совсем другим было военное значение Уфы. О величине городских гарнизонов за те годы имеются сведения по 111 городам. Почти повсюду в них гарнизоны были меньше уфимского. По численности военных Уфа среди 111 городов занимала 14 место. Только в 13 городах число «служилых людей» было больше. Что это были за города? Москва (20 тыс. военнослужащих), Астрахань (4,8 тыс.), Казань (4,1 тыс.), Воронеж (2,6 тыс.) и еще 9 городов (в основном крепостей, оборонявших Московское государство с юга). Численность гарнизонов в южных крепостях была тогда близка к уфимской. Итак, в конце XVII века Уфа являлась одной из важнейших крепостей государства.

В XVII веке, особенно после возникновения Оренбурга, военное значение Уфы уменьшилось, но продолжало оставаться еще значительным. К нему добавилась административная роль Уфы: с 1708 года наш город — центр Уфимской провинции, с 1781 года — Уфимского наместничества, с 1802 года — резиденция Оренбургского гражданского губернатора, с 1865 года — центр Уфимской губернии. Неудивительно, что среди уфимцев дворянско-чиновническая прослойка была больше, чем среди жителей других городов.

С развитием капитализма разница в сословном составе населения Уфы и других городов постепенно сглаживалась (в 1897 году в городах России дворян было 6,2%, в Уфе — 9,1%).

Значительная дворянская прослойка оказала влияние на формирование уфимского населения. Дворяне-помещики строили свое благополучие на труде крепостных. А поскольку в Башкирии, в отличие, например, от Украины, коренные жители края не были отданы помещикам в крепостные, уфимское дворянство переселяло сюда своих людей с запада.

Городская дума. Дореволюционным городом России управляла городская дума и ее исполнительный орган — городская управа во главе с городским головой. Правом избирать гласных (членов думы) пользовались не все жители, а только те совершеннолетние (достигшие 25 лет и старше) мужчины, которым в этом городе принадлежала «недвижимость с определенной стоимостью» (в Уфе — 1000 золотых рублей и более). Все без исключения женщины, как и рабочие, крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы, оставались «безгласными».

При таких порядках число избирателей в дореволюционной Уфе составляло лишь 1200–1500 человек, т. е. только 2 процента взрослого населения города, а 98 процентов населения Уфы в органах городского управления представлено не было.

Такие избиратели, естественно, выбирали в думу лишь себе подобных: все 44 места гласных Уфимской городской думы были постоянно заняты домовладельцами, купцами, фабрикантами.

Полное бессилие думы в решении важнейших вопросов городской жизни не могло не сказываться на настроениях гласных. Многим из них заседать в думе было просто лень. 10 сентября 1903 года управа докладывала: «Заседания городской думы, начинаемые в 7 часов вечера, открываются вследствие неаккуратного и несвоевременного прибытия гласных только в 8 часов вечера, а затем с 9 часов гласные постепенно начинают уходить из собрания, и благодаря этому состав думы оказывается незаконным... больше двух третей дел, вносимых на обсуждение думы, остаются нерешенными и откладываются от одного заседания до другого».

Два полюса. Богатство и бедность — два полюса. В качестве иллюстрации возьмем хотя бы квартиры дореволюционной Уфы. Сведения о них имеются по переписям 1879 и 1886 годов. В 1879 году всех квартир в Уфе было 3725. Более половины из них (около 2000) были однокомнатными, зато для богатых имелось 148 квартир с числом комнат 10 и более, а 2 квартиры имели даже по 45 комнат каждая!

Как правило, одна большая квартира занималась одной семьей помещика или капиталиста. В 45-комнатной квартире одних печей должно быть минимум 25–30. Значит, нужны истопники. Для наблюдения за керосиновыми лампами требовался ламповщик, для ухода за лошадьми и выездов — кучер и рабочие в конюшне, для кухни — повар, кухарки, чернорабочие, для личных услуг барину — камердинер и лакей, для барынь и барышень — горничные и т. д. и т. п. В соответствии с этими требованиями в 1879 году прислугу или работника имели 1204 семьи (обычно — кухарка и кучер-дворник). Но 148 семей, проживавших в больших квартирах, нанимали от 22 до 25 человек прислуги.

Для примера приведем дачные переписи 1886 года. Перечень прислуги в одном богатом семействе: швейцар — 1, кучер — 1, дворник — 1, кухарки — 3, прачка — 1, горничных — 6, всего — 13 человек. Невольно вспоминается «Пиковая дама» А.С. Пушкина: «Старая графиня сидела в своей уборной перед зеркалом. Три девушки окружали ее. Одна держала банку румян, другая коробку со шпильками, третья — высокий чепец с лентами...»

Старый Новый год в Уфе. Красочно и полно можно представить себе до-революционную встречу Нового года по уцелевшему номеру газеты «Уфимский вестник» от 31 декабря 1914 года. Уже пять месяцев шла Первая мировая война. Миллионы русских солдат вели кровопролитные бои на фронте, в тылу России быстро рушилась лишенная квалифицированной рабочей силы экономика страны. Росла дороговизна жизни. Но людям с деньгами было где повеселиться: газетное объявление приглашало их посетить «Зал Паршина на Александровской улице (ныне Дом офицеров), где в новогодний вечер устраивался «Маскарад-монстр». Плата за вход была немалая — 1 рубль 10 коп. с мужчин и по 55 коп. с дам.

Те, у кого денег было поменьше, могли сходить в кино (электротheater). Здесь шли фильмы на все вкусы и для всех возрастов. Так, вечером 31 декабря 1914 года электротheater «Большой Фурор» (на нынешней ул. Ленина) обещал показать, как гласит объявление в газете, «постепенное падение человека, вовлеченного в биржевые спекуляции». Название — «Миражи и действительность». Пожилые люди могли сходить в кинотеатр «Искусство» и посмотреть там фильм «Цыганские романсы» («Любовь цыганки»). Об этом фильме газетная реклама сообщала: «Редкая драма... для тех, кто хочет видеть реальную жизнь и переживать, уже, может быть, прошедшие, минуты восторженной любви...».

Это все развлечения для активной публики. Солидные коммерсанты, проведя вечер в отдельном кабинете ресторана, наутро шли в биржевой комитет опохмелиться. Их туда приглашало объявление, жирно напечатанное на 1-й странице «Уфимского вестника»: «Уфимский биржевой комитет имеет честь просить господ членов уфимского биржевого общества пожаловать 1 января 1915 года в 1 час дня в помещение биржи для принесения взаимных новогодних поздравлений».

Но далеко не всем уфимцам до революции жилось так сладко. Вряд ли в ресторане, маскараде или в кино встретил Новый год автор помещенного 31 декабря в газете объявления: «Молодой человек, интеллигентный, находясь в безвыходном положении, ищет какой-нибудь должности. Достоевская, 12».

Не очень, наверно, веселились и жены солдат, призванных в армию. Это о них местные власти пеклись, поместив в газете специальное воззвание: «Комитет по оказанию помощи семьям запасных» буквально умолял жителей Уфы предложить женам солдат какую-нибудь работу — «швеек-прачек, вязальщиц чулок и носок, поломоек и вообще на черную работу».

«Уфимский вестник» от 31 декабря 1914 года сообщал, что за 10 месяцев этого года в приюты подкидышей поступил 81 ребенок, а умерло в приютах 70 детей. Правда, губернские власти, ознакомившись с этими цифрами, распорядились не называть больше этих детей именем «подкидыш», а именовать их впредь «питомцами земства». Однако на величине детской смертности это вряд ли сказалось...

Меха, кони, рабы. Чем торговала раньше Уфа? На вывоз из Уфы шли только особо транспортабельные товары: пушнина, лошади и рабы. Очень долго в Московии торговля мехами была государственной монополией. Пушной ясак, собираемый с «инородцев», являлся серьезной статьей государственных доходов. В связи с этим в древней Башкирии купля-продажа «мягкой рухляди» властями неоднократно запрещалась. Однако сама повторность запрещений говорит за то, что такая торговля не прекращалась.

В прежней Башкирии для такой торговли были уж слишком хороши условия: близ самой Уфы водились соболи и бобры (соболь, по словам академика Палласа, встречался даже в конце XVII века), повсеместно добывались куница, лиса, волк, в горах — косуля, в дубовых предгорьях Южного Урала, по рекам Ик и Сакмара, по свидетельству профессора Эверсмана, еще попадался кабан. Спрос же и цены на пушнину были так высоки, что легко выдерживали транспортные над-

бавки; в XVII веке шкурка бобра официально ценилась в Уфе почти столько же, сколько тогда стоила средняя лошадь.

В свою очередь, лошади башкир и калмыков находили большой спрос в Московском государстве. Их охотно закупали частные лица и власти для кавалерии. Возможность покупать в Башкирии по низкой цене лошадей для армии приводится Кириловым в разработанном им обосновании постройки города Оренбурга в качестве одной из основных целей сооружения нового города. Понятно, что вывоз лошадей из Башкирии никакого транспорта тогда не требовал.

Почти столь же транспортабельным товаром являлись рабы. В феодальной Башкирии они были не дороги, так как здесь даже в XVII веке действовало особое законодательство, разрешавшее военным служащим продавать семьи захваченных ими «в плен». Особенно много продавалось детей калмыков, но сохранились документы и о продаже башкирских «бунтовщиков». Продавались они «для вывоза в российские города» с обязательным крещением.

Из многих сохранившихся документов приведем один: 5 сентября 1737 года в Уфимской провинциальной канцелярии зарегистрирована купчая о «продаже двух завоеванных башкирченков», мальчика 10 лет и девочки 4 лет, за которых продавец получил 4 рубля¹!

¹ См. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III.

Откуда в Уфе взялись муфтии. В Уфе должность муфтия, управляющего религиозными делами всех мусульман России (кроме Крыма), существует с 1788 года. Но почему местопребыванием муфтиев избрана Уфа?

Придумал так уфимский помещик Д.Б. Мертваго (кстати сказать, крестный отец С.Т. Аксакова), служивший тогда советником Уфимского наместничества.

Почти два века (XVII–XVIII) царизм удерживал местный край в подчинении исключительно военной рукой. В культурно-религиозном отношении русские феодалы среди местных жителей никаких опорных точек не имели. На мусульманское духовенство, тесно связанное со своим религиозным руководством во враждебных России среднеазиатских ханствах, царизм, естественно, опереться не мог.

Бухарские муллы, как пишет Д.Б. Мертваго в своих «Записках»², «употреблялись всегда турками к возбуждению российских магометан к бунту». Для противодействия им Мертваго и предложил создать в Уфе подчиненное царским властям мусульманское духовное управление во главе с муфтием, оплачиваемым русским правительством.

² Русский архив. 1867. № 8 и 9.

Окрепнув за несколько лет, духовное управление мусульман России оказало царизму ряд важных услуг. В 1797 году, например, киргизские старейшины выбрали себе хана. С помощью присланных из Уфы мулл был избран сторонник подчинения киргиз России султан Айгувак. Уфимский помещик и чиновник М.С. Рибелинский в своем дневнике, опубликованном в журнале «Русский архив», 1897, № 3, отмечает: «1798. Февраль, 16. Муфтий за избрание киргизского хана награжден четырьмя тысячами рублей, соболей шубою, и прибавлено жалования противу крымского муфтия».

Инициатор создания в Уфе Управления мусульман России Д.Б. Мертваго за удачную мысль тогда же был награжден орденом.

О чистоте улиц. Начиная с 70-х годов XIX века вопрос об очистке города обсуждался по многу раз на заседаниях городской думы и ее исполнительного органа — городской управы. Наконец, в «Памятной книжке Уфимской губернии» на 1878 год было сообщено как о крупнейшем достижении о том, что началась уборка мусора с базарной площади!

О том, какова была эта очистка базара, свидетельствуют воспоминания прибывшего в Уфу в 1880 году писателя С.Я. Елпатьевского. Писатель рассказывает,

как на Верхне-Торговой площади, где располагался базар, «утонул крестьянин с лошадью и возом, рискнувший проехать ночью через эту площадь». Запущенный вид уфимских улиц не раз отмечался и в официальных документах. Так, например, в протоколе заседания Уфимской городской думы от 26 июля 1913 года зафиксировано заявление гласного (члена думы) Быховского: «Город, как в густом тумане, стоит в тучах пыли».

Спрашивается, отчего же не маленький по тогдашним масштабам губернский город не мог справиться даже с уличной пылью? 23 июля 1903 года дума слушала вопрос об уборке улиц. В интересах домовладельцев, которые по тогдашним законам должны были убирать улицы, и в явном противоречии с действительностью городская дума тогда постановила: «Улицы г. Уфы засоряются не настолько, чтобы нуждаться в ежедневном метении».

В том же году пятнадцать домовладельцев Уфы просили думу открыть для свалки навоза и снега так называемый Черкалихин овраг на склоне Белой. Свалка среди жилой застройки — грубое нарушение санитарных норм, однако дума пошла на это.

И шло письмо 70 дней... Самое древнее из известных писем, как установил филателист Р.Ю. Эпштейн, датировано 1639 годом. Об этом первом уфимском письме стоит сказать чуть подробнее. Это «доношение уфимского воеводы» Посольскому Приказу. Из Уфы в Москву через Казань 20 июля 1639 года с ним был послан уфимский конный стрелец Гришка Погорельский. Путь этот Погорельский преодолел за 70 дней! Какова скорость! Однако винить тут некого: почты и почтовых работников тогда еще в Уфимско-Оренбургском крае не было, а проехать свыше 1500 верст по бездорожью стрельцу стоило немалых трудов.

Попробуем поставить себя на место уфимца середины XVIII века: ему нужно сообщить что-то в другой город, а один лист писчей бумаги стоил тогда примерно столько же, сколько полпуда муки. Далее: во всем городе едва ли тогда имелся десяток грамотеев. Плата писцу опять же — не ниже цены бумаги. А как отправить письмо? Почты нет, лишь от случая к случаю отправляются из Уфы воеводские гонцы (стрельцы, подьячие) с казенными бумагами. Надо ждать гонца с подходящим маршрутом и сговориться с ним. Все очень непросто.

Когда же началось регулярное обслуживание уфимцев почтой? Взяв в руки капитальные труды по истории нашего края (например, трехтомник «Очерки по истории Башкирии» или толстенную «Историю Уфы»), читатель не найдет там точной даты этого события. Зато в пояснительном тексте к коллекции почтовых штемпелей Р.Ю. Эпштейна эта дата имеется. На основе бесспорного документа филателист точно установил, что регулярное почтовое обслуживание населения Уфы и нашего края организовано в 1735 году известным русским географом и историком XVIII века И.И. Кириловым.

В условиях хозяйственного и культурного застоя дореформенной России развитие связи происходило чрезвычайно медленно. Корреспонденция получалась в Уфе и отправлялась отсюда в другие места раз в неделю; доставки писем на дом организовано не было, за ними надо было являться на почту лично, то же требовалось и при отправке письма. Лишь с 70–80-х годов XIX века почтовые порядки несколько улучшились. Вот так изменялось число дней прохождения письма из Уфы в Москву: 1639 г. — 70 дней, 1812 г. — 40 дней, 1892 г. — 5 дней.

Транспорт в Уфе в конце XIX века. Полтора века назад в Уфе никакого внутригородского транспорта, конечно, не было. Пешком из конца в конец город можно было пройти за полчаса. Внешние же связи города до возникновения пароходства (первый пароход пришел в Уфу по Белой в 1858 году) и сооружения

железной дороги (поезда пошли из Самары до Уфы в 1888 году, из Уфы до Челябинска — в 1892 году) осуществлялись гужевым транспортом и речным сплавом.

Причем главной особенностью тогдашнего транспорта была медлительность. Караванный путь до Оренбурга требовал примерно 7–10 дней, до Хивы — около месяца, до Бухары — 35–40 дней. Конечно, можно было торговать с Индией, но, чтобы добраться туда (до Кашмира), требовалось не менее 100 дней.

С такой же «скоростью» происходило движение на запад и обратно; важнейшее, например, известие о взятии Наполеоном Москвы дошло на лошадях до уфимских властей лишь 14 ноября 1812 года, т. е. через 40 дней после этого потрясшего Россию события¹.

Словом, по Белой во время половодья шел тогда через Уфу в баржах металл с некоторых уральских заводов и лес в плотах. Все же речной грузооборот был очень мал. Даже в период наибольшего развития сплава, накануне возникновения пароходства, в 1856 году по реке Белой с чугуном и медью прошло лишь 122 маленьких судна и 365 лесных плотов². Хлеб из Уфы тогда не сплавлялся, ибо он приходил на Нижегородскую и Рыбинскую ярмарки только в июне-июле, т. е. опаздывал к основному торгу и «потому терял в цене» (А. Пекер).

Следовательно, вплоть до второй половины XIX века уфимский рынок был почти изолирован от торговых центров. Важнейшее следствие этого — ничтожное развитие торговли в феодальной Уфе.

Судебная система середины XIX века. Годовой отчет за 1837 год по Уфе рассказывает, что за тот год через «исправительные заведения» нашего города, т. е. через «смирительный дом» и «рабочий дом», а также через городскую тюрьму, прошло 1913 человек. К тогдашнему населению Уфы это составляет 13 процентов! Уже одна эта цифра говорит о большой роли тюрьмы в старинном быте уфимцев.

За что же сажали людей в те времена? В «смирительный дом» попадали тогда в основном крепостные крестьяне за неповиновение помещикам; в «рабочий дом» полиция помещала нищих и лиц без определенных занятий, не совершивших конкретных преступлений; в тюрьме находилась основная масса (1865 человек из 1913) осужденных и подследственных арестантов. Относительно большинства заключенных в тюрьме (1402 человека): причины их ареста указаны в «отчете за 1837 год», и по ним можно проследить, насколько тюрьма феодальной Уфы отвечала задачам борьбы с преступлениями против личности и имущества граждан (убийства, увечья и побои, клевета, разбой, грабеж, кража и т. д.) и в какой степени она служила целям охраны феодально-крепостнического строя тогдашней России (государственные преступления, преступления против порядка управления и против веры).

Подойдя к отчету по уфимской тюрьме за 1837 год с этой точки зрения, мы видим, что убийцы, воры, грабители и другие настоящие преступники составляли только одну треть всех тюремных сидельцев: в отчетном году в уфимской тюрьме содержались за кражу и мошенничество 381 человек, убийство — 65, грабеж — 14, делание фальшивой монеты — 7, поджоги — 9, контрабанду, корчемство (беспатентная продажа алкогольных напитков) — 2.

Большинство арестантов уфимской тюрьмы (50,1 процента) сидели за государственные преступления, преступления против веры и за борьбу против крепостного права и рекрутчины. К государственным преступникам, несомненно, относятся 2 человека, про которых в отчете сказано, что они содержатся в тюрьме «по секрету». К преступникам против веры — 10 человек, арестованных за «святотатство, ересь и раскол». Преступниками против крепостного права и рекрутчины надо считать арестованных за «неимение видов» (т. е. паспортов), «просрочку оных», «побеги» — 465 человек, «бродяжничество и укрывание беглых» — 145

¹ Ребелинский М.С. Дневник // Русский архив. 1898. № 9.

² Пекер А. Очерки Уфы // Вестник географического общества. 1860. № 8.

человек, «ослушание начальству и владельцам» — 40, «уклонение от рекрутства» — 10, «отлучки от партии» (от группы солдат или арестантов) и «упуск арестантов» — 26 человек. Всего таких «преступников», спасавшихся от крепостного гнета или боровшихся с ним, насчитывалось 703 человека, или более половины всех заключенных с известными причинами ареста.

В 1837 году в уфимской тюрьме находилось 12 человек «больных-умалишенных до отправления их в больницу», 2 человека отбывали тюремное заключение «за намерение лишить себя жизни». Часто употребленные в отчете 1837 года названия причин ареста очень общи, неопределенны, например «дурное поведение», «фальшивые разного рода поступки». Понятно, что такие мотивировки давали простор для произвола больших и малых начальников. Впрочем, отчет и не особенно скрывал это: «за маловажные вины и без означения (!) оных» в уфимской тюрьме в 1837 году сидело 48 арестантов. Значит, в тюрьму наши предки могли попасть не только по судебному приговору, но и просто по усмотрению начальства и даже без записи причин ареста.

Из истории уфимского кино. В 1895 году братья Люмьер изобрели киноаппарат, и 28 декабря того же года в Париже состоялся сеанс с демонстрацией снятых с натуры фильмов. Новинка обещала большие прибыли, и кинодело с огромной быстротой стало распространяться по всему миру. Уже в следующем году фильм «Прибытие поезда» показывался в России, а еще через пять лет почти не было губернского города, в котором не побывали бы гастролеры, оснащенные примитивными «кинопередвижками».

В Уфе первый киносеанс заезжего демонстратора прошел 29 сентября 1901 года. Были показаны фильмы «Пожар театра в Чикаго», «Морской берег ночью» и «Бой быков в Барселоне». Тут следует несколько отвлечься. Тогдашняя Уфа по пути прогресса плелась, так сказать, «в обозе», а вот для кино, чтобы ему проделать путь из Петербурга в Уфу, потребовалось всего 5 лет!

Такая скорость его распространения обусловила одно странное обстоятельство: уфимцы, как и жители других российских городов, увидели «новшество» прежде, чем узнали его наименование. В уфимских газетах первого десятилетия XX века, да и в тогдашней России в целом, слово «кинематограф» (от греческих слов «кинема» — движение и «графо» — пишу, рисую) еще не употреблялось. В многочисленных объявлениях открывающиеся кинотеатры именовались «биографами» (от греческого «био» — жизнь и «графо» — пишу, рисую), «аниматографами» (от латинского «анима» — душа), иллюзиями, чуть позже — электротeatрами и т. п.

Первоначально показывались преимущественно фильмы, снятые с натуры. И не содержание фильма, а самый факт — движение поезда, несущегося прямо на зрителей, бег коней, движения волн, взрывы и облавы — поражали воображение зрителей. Известно, что при показе первого люмьеровского фильма «Прибытие поезда» произведенное на публику впечатление было так велико, что некоторые зрители в панике выбегали из зала, боясь, как бы поезд их не задавил! Лишь постепенно в кинорепертуар стали внедряться «игровые фильмы» поначалу примитивных сюжетов: «Загипнотизированный пристав», «Сонька — золотая ручка», «Знаменитый разбойник Василий Чуркин».

Первый кинотеатр в Уфе под названием «Фурор» был открыт в 1908 году (позже в этом помещении был кинотеатр «Салават»). Всего перед революцией в Уфе насчитывалось в разные годы от 3 до 5 кинотеатров. Что касается посещаемости, то, например, 17 января 1909 года все кинотеатры Уфы посетило 2608, 6 января 1911 года — 2915 человек. А вот в 1979 году в кинотеатрах ежедневно бывало от 30 до 40 тысяч уфимцев.

ЗДАНИЕ ОКРУЖНОГО СУДА

*Владимир
Буравцов*

Во время губернаторства Г.С. Аксакова (1861–1867) в Уфе было намечено учредить Окружный суд. Для нормальной работы суда необходимо было найти или построить соответствующее здание. Оренбургский и самарский генерал-губернатор в своем послании от 29 января 1865 года гражданскому губернатору сообщил: «Товарищ [помощник] министра внутренних дел уведомил его, что Государственный Совет рассмотрел представление Министерства внутренних дел о расходе на покупку в г. Уфе дома чиновника Домбровского и на приспособление его для помещения здешних *уездных* присутственных мест, получив отзыв по оному Главного управляющего путей сообщения и присутственных зданий и приняв во внимание, что покупка дома Домбровского признается выгодною, как генерал-губернатором, так и МВД, и что проект на приспособление сего дома для означенной цели рассмотрен и исправлен установленным для сего порядком».

*Улица Большая
Казанская.
На первом плане —
дом Домбровского.
Фото 1867 г.*

Двухэтажный каменный дом по Большой Казанской (Октябрьской революции) улице уже 6 лет стоял без крыши, отчего потолок второго этажа вместе с оконными и дверными колодами постепенно гнил.

Проект этого дома, первоначально приспособляемый техником Гроссом для размещения в нем Уфимских уездных присутственных мест, губернский архитектор Домбровский (вместе с Гроссом) до 7 мая 1866 года переделал.

Управляющий Министерством юстиции 20 июля 1867 года сообщил начальнику губернии, что Окружный суд можно поместить в строящемся здании губернских Присутственных мест (нынешнее здание стоматологической поликлиники УГМУ). Министр юстиции полагал бы вышеупомянутый дом приспособить для Судебной палаты, а для Окружного суда выбрать другое здание. Вследствие этого Министерство юстиции просило предоставить смету и проект приспособляемого здания губернских Присутственных мест и подробные сведения о помещениях Окружного суда. Губернское правление решило, что в представленном губернским архитектором Домбровским здании под Окружный суд выполненные изменения удовлетворяют требованиям Министерства юстиции без всяких новых переделок. По этой причине губернское правление определило: после засвидетельствования данного проекта в установленном порядке представить его от имени начальника губернии к Управляющему Министерством юстиции вместе с прежним проектом. После этого необходимо было просить распоряжения об ассигновании недостающих денег и дополнительной сметы на штукатурку наружных стен дома и окраску чистых полов.

Подрядчиками по приспособлению дома Домбровского под Окружный суд являлись С. Ларионов, Д. Хаев, Р. Душин и И. Кириллов, которые закончили работу до 17 июля 1868 года.

Однако 27 сентября 1879 года в здании произошел пожар, в результате дом сильно пострадал. Вновь возник вопрос о размещении Окружного суда.

Новое двухэтажное каменное здание Окружного суда было построено в 1894 году недалеко от дома губернатора на углу Воскресенской (Тукаева) и Садовой (Матросова) улиц. А первое многострадальное здание Окружного суда вскоре приобрел заводчик И. Гутман и использовал его в качестве заводского корпуса. Оно снесено в 2007 году.

*Владимир
Буравцов*

ЗДАНИЕ МАГОМЕТАНСКОГО ДУХОВНОГО СОБРАНИЯ

Центральное духовное управление мусульман России и европейских стран СНГ указом Екатерины II от 22 сентября 1788 года было создано в Уфе и называлось Уфимским духовным магометанского закона собранием.

Решение о строительстве здания для Магометанского духовного собрания в Уфе было принято по предложению оренбургского и самарского генерал-губернатора. Первый проект здания для Магометанского духовного собрания был составлен губернским архитектором А.А. Гопиусом в 1846 году, утвержден в 1847 году. Но не найдя нужного количества денег, муфтий порекомендовал уменьшить размер здания, что и было сделано. Новый проект и смету представили 31 декабря 1852 года в Главное управление путей сообщения и публичных зданий, а 28 апреля 1853 года утвержденные документы были возвращены в Оренбургскую строительную и дорожную комиссию. В мае следующего года коллежский асессор Каминский добился подряда на строительство суммой в 36 990 рублей, что на 3010 рублей меньше первоначально установленной властями.

Однако 21 апреля 1855 года Оренбургский муфтий Сулейманов обратился к генерал-губернатору с ходатайством о переделке составленного проекта, так как в проект не было включено помещение для муфтия.

Губернский архитектор Домбровский по предписанию представил строительной комиссии черновой проект на постройку деревянного флигеля для муфтия, цену которого определил в 5000 рублей, причем Каминский брался построить этот флигель за 3500 рублей. Муфтий с ними не согласился, и тогда строительная комиссия предложила Домбровскому пересоставить проект на постройку уже двухэтажного здания для Магометанского собрания, с тем чтобы на 2 этаже находилась квартира для муфтия.

Каминский обратился в строительную комиссию с письмом, в котором сообщил о том, что он не может за 36 990 рублей построить все требуемое, ибо вновь предлагаемые постройки будут стоить значительно больше вышеуказанной суммы.

После отказа Каминского был составлен новый проект, который после всех согласований и утверждений 16 ноября 1859 года был направлен в строительную комиссию. После проверки и исправления встретившихся погрешностей в расчетах стоимость строительства должна была составлять 42 414 рублей 18 копеек.

Торги, состоявшиеся в феврале 1860 года, не дали желаемого результата, и только 12 декабря того же года с инженер-капитаном Авдеевым был заключен контракт на постройку в Уфе здания для Магометанского духовного собрания. Для наблюдения за работами назначили инженер-капитана Сергеева.

22 мая 1861 года Авдеев приступил к работе. При рассмотрении утвержденного проекта оказалось, что в нем нет каретника, конюшни и погреб для флигеля,

Здание
Магометанского
собрания.
Фото 1900-х гг.

предназначенного имаму и кадиям, а также отсутствуют баня и ограда для заднего двора. По этой причине были составлены и утверждены дополнительные сметы.

В августе 1861 года подрядчик предложил указанный в чертеже карниз из местного камня, который чрезвычайно рыхл, заменить на железный «по примеру карнизов в Дворянском собрании и губернаторском доме». Замену Авдееву разрешили. Подобные рабочие вопросы решались благоразумно, и дело постройки здания успешно продвигалось.

22 сентября 1864 года поверенный инженер-капитана Авдеева секретарь Н.В. Поляков направил в Оренбургскую строительную и дорожную комиссию рапорт: «Имею честь предъяснить, что здание Магометанского духовного собрания постройкою кончено, вследствие чего имею честь покорнейше просить сделать распоряжение о принятии от меня означенного здания и учинении со мною окончательного расчета с выдачей залогов». Освидетельствование зданий производил «архитекторный» помощник Фон Гросс, который сделал некоторые замечания по неточному выполнению и качеству работ, а в основном все было выполнено по проекту.

Духовное собрание определило, что, не имея никаких удостоверенных строительной комиссией сведений о прочности всех зданий, оно не может его принять в свое распоряжение, по причине того, что нет денег, необходимых для отопления домов, найма сторожей и страховки от огня, а также разрешения министра внутренних дел. Об этом собрание просило сообщить: может ли оно до получения разрешения от министра принять здание в свое ведение. Наконец 29 июля 1865 года оренбургский и самарский генерал-губернатор предложил Магометанскому духовному собранию принять в свое ведение отстроенный для него дом.

ЕЛПАТЬЕВСКИЙ В УФЕ

Старые жандармские документы рассказывают, что в 1883 году уфимский губернатор писал в Министерство внутренних дел России про одного ссыльного: «Елпатьевский создал для себя в Уфе исключительное положение и пользуется большим успехом как врач, почему необходимо удаление его из губернии».

«Странная логика была у царской полиции, — скажет наш читатель, — выслать человека за одно то, что он хороший врач!» Но не за одно это злобилась

*Николай
Барсов*

полиция на ссыльного Елпатьевского — он был опасен для властей во многих отношениях.

Сергей Яковлевич Елпатьевский принадлежал к партии «Народная воля». Как народоволец, он был весьма активен и до высылки в Уфу (в конце 1880 года) неоднократно арестовывался. Как врач, он, несмотря на свою молодость, слыл великолепным терапевтом, настолько знающим специалистом, что в числе его постоянных уфимских пациентов числился даже сам глава местных жандармов полковник Англорез и члены его семьи. Как человек, С.Я. Елпатьевский был многосторонне талантлив — впоследствии он приобрел большую известность как писатель и мог влиять на общественное мнение Уфы по многим разнообразным каналам.

Однако чем же все-таки разгневал С. Елпатьевский уфимского губернатора настолько, что тот возбудил ходатайство о высылке из Уфы «хорошего врача». Поводом для этого непосредственно послужил первый съезд врачей Уфимской губернии, созванный в 1883 году. На этом съезде С. Елпатьевский, как один из самых авторитетных врачей тогдашней Уфы, должен был по поручению земской управы сделать доклад о создании в губернии постоянной организации врачей и о мерах по борьбе с эпидемиями. Оба доклада Елпатьевский и сделал. Только местные власти услышали с трибуны официального совещания неожиданные для себя вещи. Во-первых, он иронически процитировал Н.И. Пирогова, который в ответ на вопрос о мероприятиях против эпидемий рекомендовал земцам «читать Дон Кихота». Далее он рассказал про настроения деревенского врача, который «кругом видит бедность», иногда чуть не поголовное обнищание, а его пластыри кажутся ему какой-то злой иронией над этой бедностью, у него начинают опускаться руки, чаще и чаще является мысль: ему, этому народу, нужен хлеб, а не мазь, нужны школы, а не больницы. «Новейшей наукой, — говорил Елпатьевский, — созданы широкие и стройные научные теории, и нет немногого — понятия о курных избах, хронических голодовках, о больницах с одним скальпелем, об аптеках без хины, о приемах по 200 больных в день, — нет понятия о земской медицине».

Оба доклада С. Елпатьевского пронизывала мысль: необходимо не столько улучшение деятельности медиков, сколько «изменение социально-экономических условий» жизни народа. Слушателями он был правильно понят — уфимский врач Н.А. Шмитц, например, даже письменно подал съезду врачей «особое мнение»: «...не целесообразнее ли с нашей стороны указать, как на единственно рациональный способ борьбы с эпидемией, на устранение именно тех вредных моментов, которые постоянно существуют в крестьянском населении, обессиливая его до неспособности сопротивляться?»

Конечно, все это не понравилось ни губернатору, ни земцам. И молодой, способный докладчик поехал на три года в Восточную Сибирь, а его доклады и «особое мнение» врача Н.А. Шмитца губернатор запретил публиковать. Они увидели свет только через 32 года, после первого губернского врачебного съезда.

После революции Елпатьевский работал консультантом Кремлевской больницы, много печатался, преимущественно в мемуарном жанре. Широко известны его воспоминания о Чехове, Глебе Успенском, Вере Фигнер, Гарине-Михайловском, Мамине-Сибиряке. Для уфимцев важны воспоминания Елпатьевского об Уфе¹. В конце 1920-х — начале 30-х годов Елпатьевский был одним из организаторов и видных членов общества политкаторжан. Скончался в 1933 году.

Н.А. Шмитц всю жизнь прожил в Уфе. Был участником Русско-японской войны 1904–1905 годов, работал врачом в осажденном японцами Порт-Артуре. Около 1906 года выпустил в Уфе под инициалами «N.S.» свои воспоминания «Дневник артурца». Скончался он в Уфе в 1920 году на своем врачебном посту, заразившись от больного испанкой (гриппом).

¹ Былое. 1925.
№ 6. Переизданы
Башкиргоиздатом в
1984 г. — *Прим. ред.*

УФИМСКИЙ ГОРОДСКОЙ БАНК

*Владимир
Буравцов*

Одним из препятствий, существовавших в Уфимской губернии в середине 1870-х годов и мешавших развитию местной торговли и промыслов, являлось затруднительное получение кредита, составляющего основу торгового и промышленного дела. Вот почему учреждение в Уфе городского банка стало неотложной потребностью. Уфимское городское общество стало ходатайствовать об учреждении в Уфе городского общественного банка, предложив для образования основного капитала занять 20 тысяч рублей у города Мензелинска (в ту пору входившего в состав Уфимской губернии). Но правительство не признало возможным допустить открытие банка на таких условиях.

На заседании 4 апреля 1875 года Уфимская городская дума постановила перечислить в основной капитал нового банка «5000 рублей из шоссейного капитала, 2000 рублей из суммы квартирного сбора и 1000 рублей общих городских доходов, а всего 8000 рублей».

7 апреля Дмитрий Волков, городской голова (1875–1886), направил письмо Уфимскому губернатору с постановлением гордумы об открытии в Уфе городского общественного банка с основным капиталом в 11 648 рублей (для образования первоначального банковского фонда в те годы необходим был капитал в 10 000 рублей). Эти деньги, принадлежавшие Уфимскому купеческому и мещанскому обществам, были выделены на постройку в Уфе здания для банка. Они имелись с давнего времени, еще до 1870 года, когда проводились сборы с купцов и мещан на постройку общественного дома. Городской голова просил губернатора «исходатайствовать разрешение» министра финансов. Однако был получен ответ: «В силу того что в основной капитал предположенного к учреждению в Уфе общественного банка отчисляется из сумм, принадлежащих сему городу, лишь 8 тысяч рублей, то учреждение означенного банка не может быть дозволено».

18 октября 1876 года министр финансов разрешил открыть в Уфе общественный банк с основным капиталом в 11 648 рублей. Банку разрешалось производить следующие операции: прием вкладов, учет векселей, выдачу ссуд под залог

*Здание Уфимского
городского банка и
городской думы на
Большой Успенской
улице. Фото 1910-х гг.*

процентных бумаг, товаров, драгоценных и других неподверженных порче вещей и недвижимых имуществ, покупку и продажу государственных процентных бумаг, а также секций и облигаций, пользующихся гарантией правительства или городского общества. 23 ноября того же года Уфимской городской думой был избран состав правления банка, и затем городская управа передала вновь избранному правлению все суммы, счета и документы по основному капиталу банка, большей частью наличные деньги. 15 декабря 1876 года Уфимский городской банк начал работу с клиентами.

Одновременно с распоряжением об открытии банка Д.С. Волков обратился к купеческому старосте А.Ф. Мамину и другим представителям купечества и других сословий с просьбой о помощи в усилении основного капитала банка и увеличении числа операций. По проведенной подписке 16 ноября 1876 года многие из членов купеческого общества и других сословий внесли определенные суммы в банк на трехгодичный срок без получения процентов. Значительную помощь банку оказало и губернское земское собрание, которое 4 декабря 1876 года постановило внести в городской банк из свободных земских капиталов 20 тысяч рублей на 3 года с 3-процентным вкладом.

По 1881 год в состав Уфимского городского банка входили: председатель-директор — А.Д. Дашков; товарищи (его заместители) — П.С. Колмацкий, И.И. Коротков, кандидат директора — М.Н. Облецов, кандидаты товарищей — П.А. Одинцов, М.А. Полетаев.

Уфимская городская управа 10 июня 1897 года направила в Уфимское губернское правление «на рассмотрение с технической стороны чертежи разрешенного думою к постройке здания городского банка»: плановый, фасады, разрезы, генеральный план места. Составитель — городской архитектор Петр Григорьевич Ланевский.

Из формулярного списка П.Г. Ланевского.

Надворный советник Петр Григорьевич Ланевский родился 31 марта 1849 года. Отец — профессор Кишиневской духовной семинарии, магистр богословия.

Окончил в 1875 году полный курс наук в институте инженеров путей сообщения со званием гражданского инженера с правом производства строительных работ.

Работал на нескольких железных дорогах России, награжден орденами Святой Анны 3 степени, Святого Станислава 3 степени.

8 мая 1895 года Ланевский был допущен к временному исполнению обязанностей городского архитектора сроком на 3 года. За время службы городским архитектором в Уфе разработал проект здания городского банка (1897 г.). В чине коллежского советника 4 декабря 1897 года Ланевский уволен от занимаемой должности по своему прошению.

Губернский архитектор К.А. Введенский, которому было поручено проанализировать поступившие чертежи, доложил губернскому правлению, что хотя проект в техническом отношении составлен удовлетворительно, но к нему не приложены фасады по Лазаретной (Ленина) улице, копии с него и генерального плана. Кроме того, наружный балкон показан лежащим на деревянных, а не на железных балках. Из чертежа не видно, какого рода балки будут перекрывать комнаты 2-го этажа. На нем находились два зала: для заседаний думы — площадью 80,85 кв. м и банковский — 70 кв. м.

После революции 1917 года в здании на углу Егора Сазонова (ныне Коммунистической) и Зенцова (Ленина) размещались различные учреждения: Городской совет, общество «Знание» и магазин «Женская одежда», междугородный телефон. В середине 1930-х в здании появился третий этаж. В настоящее время — один из корпусов МВД по РБ.

АРХИТЕКТОРЫ И ТАМПЛИЕРЫ

*Михаил
Ясенов*

В последнее время мы стали гораздо более образованными. Точнее, продвинутыми. Во всяком случае, в плане плохих примет. А вот недоверие к числу 13 как-то приутихло. Но всегда было и есть такое, на что, похоже, никто и никогда не обращал внимания...

...Давно это было, еще в XIV веке. В 13-й день октября 1307 года, в пятницу, по приказу короля Филиппа IV были арестованы, а потом и казнены почти все рыцари ордена тамплиеров. Считается, что тот день и породил поверье о «пятнице 13-го числа». Ну а откуда взялась, собственно, примета, связанная с «несчастливым» числом 13? Ведь существует даже слово «трискайдекафобия», обозначающее боязнь числа 13. Можно вспомнить, что если изначально месяц — это время между одинаковыми фазами Луны, то в году таковых периодов окажется тринадцать. Более того, существует, страшно сказать, тринадцатое зодиакальное созвездие — Змееносец. Через него Солнце идет даже дольше, чем через предыдущее — Скорпиона.

Отвечу сразу: тринадцатым был Иуда в Евангелии. Несмотря на декламируемый атеистический дух Советского государства, число 13 не очень любили и в нем. Наряду с черными кошками. Хотя на маршрутах общественного транспорта под № 13 ездили очень многие. О других плохих приметах мы тогда и знать не знали. Потому нередко дарили на юбилеи часы, а дамам частенько преподносили (тьфу-тьфу) по два (!) цветочка. Фомам-неверующим того и другого пола советую еще раз посмотреть любимую «Бриллиантовую руку», особенно то место, где звучит незабвенное: «Идиот! Бабе — цветы, детям — мороженое!». Детей у Семена Семеновича было двое — каждому по цветку и досталось.

*Дворянское собрание.
Фото 1900-х гг.*

Но вернемся к зданиям. Давайте получше рассмотрим некоторые старинные виды Уфы. Так надежнее, ведь перестройки могли нарушить первоначальные идеи архитекторов.

Застрел я как-то в небольшой пробке на углу Пушкина и Ленина, и от нечего делать стал считать окна второго этажа бывшего Дворянского собрания. Вышло тринадцать. Не поверил — пересчитал: то же самое. Пожал плечами и повернул голову в сторону Оперного театра. Батюшки, та же история! Тринадцать же окон во втором этаже оказалось и на здании, где долгие годы был магазин «Галантерея». Что это, случайность? Или так задумано? Метод индукции подсказал, что есть смысл поискать еще нечто подобное.

Под «разбор» попали не только здания Государственного банка и Полицейского управления, но и дом, принадлежавший некогда кафедральному собору. Два крайних окна последнего вроде бы выпадают из первоначального замысла архитектора, ведь они — всего лишь надстройка. Только вот ведь незадача — они существовали и раньше, только надстройки были деревянными, и всего во втором этаже было точнехонько 13 окон. Ну а бывшему арестному дому 13 окон вроде даже как идут.

Многие уже, должно быть, поняли, что речь о так называемых вольных каменщиках — масонах. Ведь считается, что они ведут свою историю с уничтоженного ордена тамплиеров. Но в России, в отличие от остального мира, масоны почти всегда были не в почете. Достаточно вспомнить историю дворца в подмосковном Царицыне, от которого Екатерина II отказалась по причине того, что в нем слишком явно проявилось масонство архитектора Баженова. Были ли масонами архитекторы уфимские, определенно сказать невозможно. И что значат пресловутые тринадцать окон в их творениях, понять трудно: то ли фига в кармане, то ли просто шутка. Но мысль о том, что здание Дворянского собрания построено в 1850-е годы, полицейское управление с каланчой — лет через десять, а Аксаковский народный дом, Торговый дом Шамгулова (ЦУМ) и вышеупомянутые корпуса возле Гостиного двора — и вовсе в начале XX века, настраивает на выводы почти печальные. Тем более что и архитекторы у них разные, а в советское время подобные подозрительные фактики тоже имелись.

**Павел
Егоров**

МЕЛЬНИЦА, ЗАВОД, ПОЖАРКА...

Изящное здание с башенкой в самом начале проспекта Октября знают все уфимцы. Самые осведомленные могут рассказать, что совсем недавно в нем была пожарная часть. Но строилось здание совсем для других целей.

Восточная слобода как северная окраина Уфы возникла в конце XIX века. Этот своеобразный микрорайон держался как бы особняком от города и не сливался с ним по причине отделенности от города Ново-Ивановским кладбищем (ныне это территория от Дома печати до бывшего дворца «Юбилейный»). Состояла слобода из шести улиц, идущих с запада на восток параллельно друг другу: Николаевской (ныне Володарского), Мариинской (застроена), Васильевской (ныне Бабушкина), Георгиевской (позже Цеховая, застроена), Ольгинской (позже К. Цеткин, застроена) и Валентиновской (ныне Халтурина). С востока к слободе примыкали земли деревни Глумилино, с юга — братьев Кругловых.

Здание появилось в 1910-х гг. и тогда же отмечено в справочниках как канатный завод братьев Кругловых. Он числился на территории Богородской волости при пригородной деревне Глумилино (в те времена написали бы: при деревне Глумилиной). Новое кирпичное здание выросло в самом начале Старосибирского тракта, на его изломе, то есть там, где сразу за кладбищем тракт резко поворачивает на север (сейчас это конец ул. 50-летия Октября, до 1967 г. — Диагональная, и начало проспекта Октября, до 1959 г. — проспект Маяковского).

По утверждению известного уфимского краеведа Георгия Федоровича Гудкова, некоторое время в здании размещалась мельница купца Кошкина, разбогатевшего крестьянина из ближайшей деревни (скорее всего, это был Илья Дмитриевич Кошкин, которому принадлежал кирпичный завод в Нижегородке, а также гостиница «Европейская» на улице Аксаковской и постоялый двор на Цыганской поляне), но документальных свидетельств этому факту пока не найдено. Вполне вероятно, что Кошкин арендовал здание либо продал его недостроенным братьям Кругловым, земли которых, как уже говорилось, находились поблизости.

Строительство
мельницы Кошкина в
Восточной слободе.
Фото 1910-х гг.

Григорий и Емельян Ивановичи Кругловы были известными промышленниками Уфимского уезда. В районе села Кальтовки они совместно с землевладельцем П.Л. Куликовым имели лесопильно-мукомольный завод на 15 рабочих. И по сей день леса в Иглинском районе именуются Кругловской или Куликовской дачей (под «дачей» — от слова «дать» — изначально понимались земли, данные в собственность за те или иные заслуги перед царем).

В 1912 г. на заводе числилось 34 человека рабочих. В тот год Емельян Иванович Круглов являлся гласным Уфимского уездного земского собрания, Григорий Иванович — членом Уездного раскладочного по промысловому налогу Присутствия, членом попечительского совета Торговой школы Уфимского общества взаимного кредита (как раз в том же 1912 г. Торговая школа въехала в новое здание — то, которое ныне занимает авиатехникум).

Спрос на продукцию завода был всегда, и уже в первые годы НЭПа канатно-веревочный завод (в тогдашних документах он так и именовался — «бывш. бр. Кругловых»), расположенный «в подгородном селе Глумилино», вовсю производит «канат бельный и смольный, веревку и пряжу». Но уже в середине 1920-х гг. здание было перестроено под пожарную часть: Восточная слобода и деревня Глумилино тогда интенсивно застраивались деревянными домами, а ближайшая пожарная каланча находилась очень далеко от этого места — на ул. Центральной, у нынешнего парка культуры и отдыха им. И. Якутова. При этом в своем архитектурном облике здание претерпело некоторые изменения, а с юго-западной стороны была надстроена смотровая пожарная вышка.

После технического перевооружения пожарных частей, а тем более начала сноса деревянных домов Восточной слободы в 1950-х гг., пожарная часть стала ненужной, а здание передали заводу «Гидравлика». В конце 1990-х гг. оно было перестроено с приспособлением под офис представительства компании «Лукойл».

УФА-ЗЛАТОУСТОВСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА НАКАНУНЕ ОТКРЫТИЯ¹

Последний свисток. Паровоз двинулся и потянул за собой длинный ряд платформ и вагонов, нагруженных разным строительным материалом и наполненных рабочими и служащими.

Дорога от самой почти станции пошла на крутой подъем, в гору, — здесь линия железной дороги лепится по самому краю берега реки Белой и идет этим подъемом несколько верст: направо — откос, налево открывается широкая панорама

*Петр
Добротворский*

¹ Из газеты «Уфимские губернские ведомости». 1890 г., декабрь. Публикацию подготовила Анна Маслова.

на далекое заречье Белой. Гора, по которой идет тут поезд, почти вся из сплошного известняка, легко размывающегося и быстро оседающего, почему путь по ней и в будущем не застрахован от разных случайностей. Выбравшись в гору, поезд пошел быстрее; потянулись обычные картины русской деревенской жизни: плохо возделанные поля, вырубленные перелески; кое-где виднеются деревни с неизменно соломенными крышами и убожеством; вдали виднеются горы побережья реки Уфы, которую мы переедем по большому железнодорожному мосту, подъезжая ко второй станции. Ничего интересного.

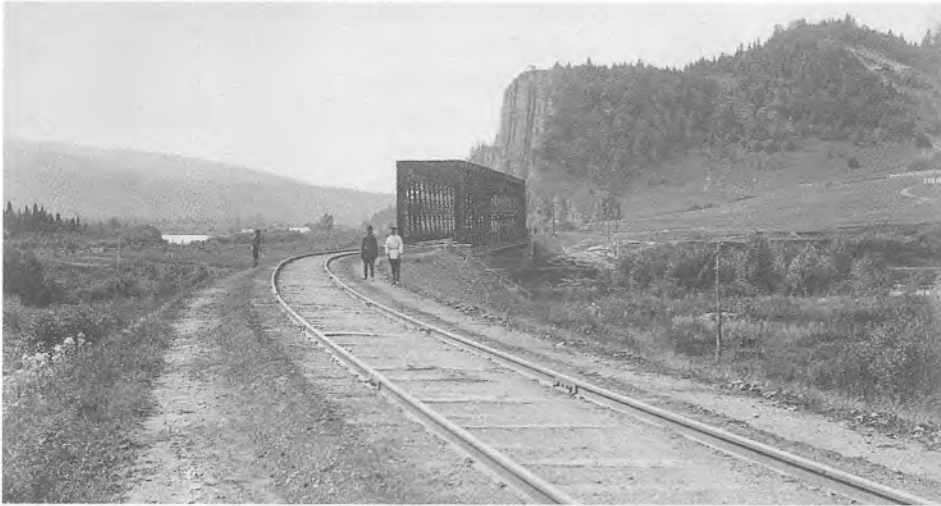
Мы едем тихо, с беспрестанными остановками. Так будет во всю дорогу: то нужно пропустить поезд, везущий балласт, то спустить каких-нибудь мастеровых или принять и подвезти рабочих. Скучно, но остановки на станциях, где приходится ждать часто по нескольку часов, пока поезд двинется дальше, еще скучнее. Праздных, гуляющих людей мало, торгующих на станциях нет совсем, все носит характер деловой и пока временный. «Садиться!» — кричит какой-то господин, в стареньком пиджачке и теплой мерлушчатой шапке персидской формы. Это обер-кондуктор. «Садиться!» — повторяет он еще несколько раз, бегая взад и вперед по длине поезда. И только после этого раздается, наконец, свисток, другой — и мы опять трогаемся в путь.

Так мы проехали станции: Черниковка, Ураково, Иглино и, наконец, Тахтамышево — и только теперь местность начала изменять свой характер: пошли болота, леса, стала показываться хвоя, хотя царство последней еще далеко впереди — чисто сосновые боры начинаются лишь за Усть-Катавом, — изменился и характер железнодорожного пути. Исчезла обычная прямолинейность: выглянешь в правое окно — поезд идет по кривой направо, через минуту он движется по дуге налево, то и дело приходится перебегать с одной стороны вагона на другую. Наконец, начались бесконечные подъемы — паровоз пыхтит, напрягая все свои силы, чтобы тянуть за собой свой длинный, тяжелый хвост.

Следующая станция, Теляк, стоит уже в совершенной глуши, так что здесь можно услышать и о пойманном олене, и о забредшем медведе. Мне, например, приводилось слышать рассказ, как медведь, подошедший к сторожке, был так напуган неожиданно вышедшим оттуда человеком, который с испуга заорал благим матом, что зверь моментально убежал в лес. Много тут, говорят, рябчиков, глухарей и всякой другой пернатой дичи.

Чтобы сократить трудные земляные работы в каменистом грунте, проект Уфа-Златоустовской железной дороги, теперь уже выполненный, составлен так, что большая часть рельсового пути идет долинами и ущельями горных рек и речек. Первою из таких рек будет река Миньяр, затем река Сим, на которой стоит Симский железоделательный завод, речка Ерал, река Юрюзань (Юрюзанский завод — в 8 верстах от Вязовой) и, наконец, река Ай, на которой построен город Златоуст, конечный пункт этой дороги. Чтобы воспользоваться этим естественным водным путем, оказалось необходимым построить множество мостов, местами сделать запруды и направить воды рек в новое русло — все это представляло немало трудностей и потребовало громадных денежных затрат; чтобы судить о трудностях этих работ, нужно видеть их на месте. Постараюсь здесь указать хотя некоторые из них в том порядке, в каком они попадались нам на пути.

Между станцией Балашево (следующая станция за Теляком) и станцией Миньяр рельсовый путь идет одно время рекой Миньяром; в одном месте по левую сторону виднеется точно обрезанная гора, близ которой и проходит поезд. Тут же между этими станциями есть еще две очень характерных горы, по виду не обращающие на себя никакого внимания, но по геологическому строению своему представляющие немало хлопот не только в настоящем, но и в будущем... Одну из этих гор каждый проезжающий легко может заметить — это гора с осыпаю-

Железнодорожный
путь близ станции
Миньяр.
Фото 1890-х гг.

щимся, мелким камнем, составляющим как бы основу ее, на которой лежат уже громадные пласты крупного камня — мелкий камень постоянно осыпается. Для укрепления осыпания камней в несколько ярусов проложен заплетенный хворост, прикрепленный кольями. Другую гору, движущуюся со всей находящейся на ней растительностью, я, к сожалению, указать не могу — она незаметна, но о ней я слышал от одного из служащих на этой дороге.

Лучшие, красивейшие места Уфа-Златоустовской железной дороги начинают-ся только отсюда, от станции Балашево, и чем дальше едешь, тем окрестности становятся все живописнее; просто не хочется отрываться от окна: одна картина очаровательнее другой, а впереди виды еще лучше и лучше.

От станции Миньяр, с левой стороны, потянулись горы; особенно величественна первая из них, носящая название Красной. Она имеет вид развалин стены древнего замка. (На перпендикулярном фасе этой горы замечательна чудная игра напластования: это явно представляющаяся на этом фасе крупным горельефом как бы колоссальная фигура сидящей женщины, так что очертание головы виднеется в верхней трети фаса, а ноги, согнутые в коленях, доходят почти до подошвы горы. — Прим. Н. Гурвича¹.) Рядом с ней Желтая гора, а за ней открывается вид на Миньярский завод — громадное село, с заводскими постройками и церковью, раскинувшееся широко в равнине, между горами и по горе. Поезд огибает это село и, пройдя мост, уходит в ущелье, в искусственную выемку, сделанную в твердом, каменистом грунте. Такие выемки и насыпи будут теперь попадаться беспрестанно; некоторые из выемок так глубоки, что, когда поезд пробегает по ним, в вагоне становится совсем темно, точно едешь по какому-нибудь туннелю. Таких выемок за Симской станцией на одном перегоне целых восемь. Стены их почти совершенно отвесны, но в будущем предполагается сделать их более отлогими: только на днях был случай, что с подобной стенки сорвалась громадная глыба камней, которая, если бы в это время шел поезд, могла положительно раздавить несколько вагонов. Проход был засыпан так, что движение поездов остановили на целые сутки.

¹ Н. Гурвич в 1890 году был редактором газеты «Уфимские губернские ведомости».

Дорога дальше идет берегом реки Сима, переходя то на правую, то на левую сторону, почему через эту реку сделано четыре моста, а в одном месте запружено старое русло, а вместо него устроено новое. Железнодорожный путь идет преимущественно правым берегом Сима. Самый завод (Симский) от станции не виден — он в 8 верстах от нее, остается вправо за горой.

От станции Сим начинается новый подъем, который тянется с лишком на две версты (как мне говорили), по пять сажен на каждую версту. Чтобы облегчить

*Железнодорожный
путь между станциями
Усть-Катав и
Кропачево.
Фото 1890-х гг.*

этот подъем, от села Ерал рельсовый путь делает большой крюк и снова подходит близко к селению. Тут некоторое время дорога идет берегом речки того же названия. Едем дальше — опять насыпи и неизбежные выемки. При движении поезда можно видеть отвесные стенки выемок издалика; цвет камня беспрестанно меняется, принимая под самым Златоустом синеватый, металлический оттенок. Между станциями Кропачево и Усть-Катав — большой железнодорожный мост через реку Юрюзань, долиной которой и идет рельсовый путь до станции Вязовая.

Следующая станция Усть-Катав носит название по ближайшему Усть-Катавскому железоделательному заводу, но самый завод становится видным лишь с хутора Лепинина, где поезд останавливается у платформы. По пути к Вязовой снова идет борьба техники с рекой: в одном месте есть отвод течения — новое русло пробито на протяжении 150 сажен в твердом, каменистом грунте; тут же выложена на двухверстное расстояние каменная стенка на цементе. Мне передавали, что работа этой стенки — одна из самых дорогих на всем пути.

От станции Вязовая почти до станции Бердяуши нет ничего замечательного, кроме вида на Сатку (Саткинский завод); кстати, между ними поезд на оба пути проходит ночью. Когда рассвело и я снова выглянул в окошко, кругом были опять горы, одетые теперь сплошь одной сосной, только здесь она еще выше — паровоз пыхтя тянул поезд на новый подъем.

— Смотрите налево: отсюда будет виден знаменитый Таганай, — слышится чей-то голос, прервавший мои размышления.

Все бывшие в вагоне бросились к новым окошкам. Спустя минуту лес отодвинулся на задний план, перервался, и на далеком горизонте вырисовалась слабым силуэтом целая гряда гор, между ними ясно обозначились три Таганая. Минута — и эта гряда гор скрылась.

— Теперь смотреть нечего: их можно видеть только в Златоусте, — поясняет тот же голос. До Златоуста оставалось около 50 верст.

Наконец добрались мы и до последней станции, до станции Кондуши, находящейся всего в 29 верстах от нашего конечного пути. Отсюда дорога опять идет по железному мосту через крошечную речонку Ай, на которой построен город и водою которой работает фабрика. И здесь опять те же леса и горы. На полпути, в стороне — деревня Медведевка; я упоминаю о ней потому, что весь рельсовый путь Уфа-Златоустовской железной дороги проходит по совершенно глухой местности и видных-то в стороне деревень много-много с десятков — это поселения казенных горнозаводских крестьян.

Город Златоуст построен в равнине, отчасти вползает и на горы и окружен со всех сторон горами; в середине — громадный пруд в несколько десятков верст в окружности; таким он мне, по крайней мере, показался. Город своеобразный, похожий больше на заводское селение, чем на город. Мы подъехали к нему, как бы подкрались из-за гор. Поезд остановился у платформы. Отсюда только видна часть Златоуста, ближайшая к железной дороге. В самом городе — фабрика, арсенал, мастерские, старинные, низкие каменные постройки, каменный гостинный двор, гора, с выстроенной на ней каменной башенкой. Отсюда императоры Александр I и Александр II осматривали окрестности; отсюда-то и видны три Таганая, из которых дальний отстоит от города на 30 верст, гора Юрма на 50, гора Исскуль на 40, а гора Урал на 9 верст.

Таким образом, мы хоть и в Златоусте, но самая гора Урал за ним впереди, а перевал через Уральский хребет будет дальше, между Златоустом и Миассом, куда дорога теперь уже начата постройкой.

Послесловие Н. Гурвича:

С признательностью почтенному автору помещаем настоящую статью — первое пока еще описание нашего нового рельсового пути — и описание верное, объективное, без примеси тенденциозности, столь излюбленной большинством корреспондентов.

*Николай
Барсов*

ЗНАМЕНИТЫЕ У НАС БЫЛИ ЗЕМЛЯКИ

В 114 общеобразовательных школах Уфы в 1966 году учились 123 тысячи детей, а в 1913 году в 35 школах нашего города их было только 7,4 тысячи. Учителей тогда насчитывалось 322, сейчас около 5000. Эти цифры весьма красноречивы. Конечно, наша школа отличается от царской, и все же даже в том темном царстве, как солнечный луч, блистали светлые умы.

В этом отношении показательна уфимская средняя школа № 11. Она была создана в 1919 году на базе старейшего из дореволюционных уфимских учебных заведений — правительственной мужской гимназии. Впоследствии, при создании Башкирского медицинского института, здание бывшей гимназии было передано ему, а школа № 11 перешла на улицу Ленина. Первоначально она называлась «Уфимской Советской школой № 2 II ступени». Школу возглавила замечательная учительница Лидия Андреевна Галанова, память которой чтят несколько поколений уфимцев.

Уфимская мужская гимназия была укомплектована лучшими педагогами. Некоторые из них были зачинателями научно-исследовательской работы в местном крае, сотрудничали в прогрессивной прессе. Так в 20-х годах XIX столетия в уфимской гимназии историю литературы преподавал П.Е. Размахнин, опубликовавший в «Отечественных записках» и «Вестнике Европы» часть архива оренбургского декабриста П.М. Кудряшова. Собственные свои произведения Размахнин публиковал в казанском журнале «Заволжский муравей». Его этнографическую статью «Картина башкирской жизни» знает и советский читатель. Учитель гимназии Завьялов был первым библиографом нашего края. Его перу принадлежит также ряд статей по географии и истории Южного Урала и Башкирии. Учитель Прозоров был первым местным метеорологом.

Работавший в конце 60-х годов XIX века инспектором гимназии В.Х. Хохряков был первым биографом М.Ю. Лермонтова, прославился далеко за пределами Башкирии. Советский лермонтовед Ираклий Андроников писал про нашего земляка: «Он заслужил, чтобы его имя знали все, кому дорога поэзия Лермонтова»¹.

Сменивший Хохрякова на посту инспектора гимназии Н.Е. Пикачев оставил нам в наследство ценную рукопись об организации в Уфе новых учебных заведений. Воспитатель гимназии Н.А. Комаров известен как участник экспедиции Пржевальского; преподаватель Синицын по окончании Лионского лицея путешествовал вместе со Стэнли в Африке; учитель В.А. Ефремов был автором работы «Из истории Уфимского края», постоянно цитируемой историками Башкирии. Преподаватель рисования Порфирий Лебедев — известный художник.

Получили известность и многие ученики гимназии. Имена уфимских гимназистов — академика живописи М.В. Нестерова, знаменитого переводчика стихов Гейне и Беранже, одного из руководителей русских революционных демократов

¹ Учительская газета.
1964. 21 июля.

М.Л. Михайлова и известного историка академика П.П. Пекарского — известны всем образованным людям. В уфимской же гимназии обучались популярный в свое время писатель М.В. Авдеев, сотрудник «Современника», очеркист П.Г. Рыбаков, писатель и рабочий, поэт Г.П. Белорецкий (Ларионов).

Много уфимских гимназистов участвовало в народовольческом движении. Тут можно назвать члена исполкома партии «Народной воли» Н.К. Буха, его брата Л.К. Буха, помогавшего Вере Засулич скрыться после суда; народовольца П.И. Кларка (в эмиграции Павел Грей), основавшего в 1920 году Бризбенскую организацию коммунистической партии Австралии. Уфимскую гимназию окончил и Егор Сазонов.

Выпускниками уфимской гимназии были и исключенные из Казанского университета за участие в студенческой революционной сходке, по одному делу с молодым В.И. Лениным, — В.П. Аргентовский, Н.А. Вышенский, В.В. Гудков, М.С. Дударь, В.Д. Лодыгин и Е.Н. Фосс.

ДРУГ ВАШ ТИМОФЕЙ АКСАКОВ

Анна
Маслова

В сентябре 1894 года, ко дню рождения Сергея Тимофеевича Аксакова, журнал «Русский архив» сделал замечательный подарок своим читателям. Впервые в нем были опубликованы письма родителей Аксакова к любимому сыну и невестке. В 1818 году, с которого берет начало переписка, Аксаковы-старшие уехали на некоторое время в Москву, Сергей Тимофеевич с семьей оставался в дедовском имении.

С каждой почтой в село Знаменское (Новое Аксаково) шли письма, полные любви, трогательных забот, хозяйственных наставлений, советов по уходу и воспитанию милых внучат и свежих новостей, начиная с погоды и кончая международной политикой. Каждую неделю тщательно собирались посылки с гостинцами: табаком турецким и кремнями аглицкими, апельсинами и полезным для желудка белым хлебом, купленным в булочной Ницмана на Тверской и подсушенным впрок.

По «Семейной хронике» у нас сложилось прочное впечатление, что Тимофей Степанович был не слишком искушен в эпистолярном жанре, не то что Марья Николаевна, первая уфимская умница и красавица. Тем интереснее читать письма обоих. И неожиданно видишь, что послания скромного Тимофея Степановича не уступают посланиям его блистательной супруги. Разве что больше в них конкретных деловых соображений, ровного сердечного тепла, без лишнего накала эмоций. Стиль сохранен.

20-го декабря 1818 г., Москва

Милые друзья мои, с наступающим праздником Рождества Христа Спасителя нашего поздравляю, душевно желая, чтобы вы как сей, так и многие таковые радостно праздновали и были совершенно здоровы и с милыми малютками вашими. Мы здесь все праздники проводим с большою горестью, потому что розно с вами и сидим в четырех стенах.

Вчера получили письмо от Надежды, пишет также, что будет к нам в Генваре, но едва ли может приехать: в Петербурге и в окрестностях оною снегу нету ни клочка, обозы идут на телегах. У них проявился пророк, что зимы не будет нынешний год, за то посажен в тюрьму. Новости, и, говорят, верные: Бонапарт бежал с острова; вот тогда опять будет новый набор рекрут, даже и поговаривают, будто к весне с 500 душ набор будет. Нарышкина старшая дочь вышла замуж за Гурьева и получила с почтою подарок: ящик, в котором вексель на 200 тысяч и портрет отца и матери, склаваж

и гребенка. Пишет о сем Надежда; также, что бумажки с нового года будут ходить новые, уже здесь в банке о сем получено; также уверяют, что рубль целковый будет в два рубля по новому тарифу. Вчерась я отправлял к вам хлебы Французские на почте, насилу мог упротить приемщика, чтоб принял; но все вышло 28 фунтов.

Надежда пишет еще: Павел Петрович представлял Аркашу великому князю Николаю Павловичу, и он очень оробел, забыл назвать ваше высочество и говорил просто, но великий князь сказал: «Хороший мальчик молоденький». Вот вам наши новости. Письмо ваше мы получили от 30-го ноября, в 16 дней, я не успел писать к вам с прошедшею почтою; обою мы по письму вашему ожидаем ныне или завтра, ежели не попрепятствует худой путь, или по тяжелой клади дошли бы лошади. Я уже жалею, что не написал послать третью лошадь, потому что телегу везти тяжело. Сестра Евгения Степановна то же пишет, что и вы: сестра Александра Степановна жестоко была больна и все еще не выздоровела. Уведомь меня, мой друг, есть ли ей лучше от болезни. Приятно мне слышать, что ты, мой друг, хотел к ней побывать; но как останется одна Ольга Семеновна? Она в таком положении, что ей тягостно будет по ночам вставать к милому Костиньке. Билет я затем послал, что надеюсь перебраться кое-как; ибо расходы наши небольшие, а между тем продадут хлеб в Вишенках и доставят к нам.

Уверен в вашей нежной любви к нам, что вы ничего не пощадите, даже вашего здоровья, которым вы жертвуете нашему спокойствию; да наградит вас Творец Небесный, и вы узрите таковую же любовь в детях ваших. Относительно хозяйства, мой друг, распоряжения твои весьма хороши. Но пшеница наша с головнею, она много сбавит цены, потому что бесцветна; ежели бы крупую продать можно, то всего лучше. Уведомь, сколько было у нас табаку и есть ли из оного какая выгода? Я также писал прежде, каков Репьевский малый, взятый в садовники? Есть ли в нем какой толк и как ведет себя, не ленился ли? Также: каково садовник смотрит за аранжереей? Цветы ему отданы ли? Весною с почтою хочу прислать Шпанской белой клубники, а семян не достал. Газеты на будущий год выписал, и они будут присылаться в Бугуруслан. Марья Николаевна хотя, наверное, не оставляет поездки своей, но, кажется, до лета ехать из Москвы не можно: снегу здесь весьма мало, и обоз наш еще не бывал; а вот уже 24-е число декабря. Почему так долго из Вишенки тебя, милый, не уведомляют?.. В Уральске мак едва ли раскупят, ибо там берут его малыми мерками, а гуртовой продажи не бывает. Журнал «Сын Отечества» выпишу с пересылкою в Бугуруслан. Не знаю, как к вам отправить эфирный эликсир, ибо жидкости с почтою не принимают. За сим желаю душевно всем вам здоровья. Целую вас и милых моих Костиньку и Машеньку. Да будет благословение Господне с вами вечно. Друг ваш Тимофей Аксаков.

Какое светлое письмо, прекрасное именно своей простотой и безыскусностью! Остается только добавить несколько пояснений.

Надежда — та самая маленькая сестрица, которой Сергей Тимофеевич посвятил столько прочувствованных строк в «Детских годах Багрова-внука», Аркаша — младший брат их, определенный в Измайловский полк. Аркадий жил в доме упоминаемого в письме полковника Павла Петровича Мартынова, который представил юношу будущему самодержцу всея Руси Николаю I.

Слухи о победе Наполеона Бонапарта с острова Святой Елены оказались ложными. Повторить то, что удалось однажды на Эльбе, разжалованный император не сумел. Известия об обмене бумажных денег, наоборот, вскоре подтвердились. Реформа вызвана была тем, что Наполеоном было выпущено изрядное количество фальшивых русских купюр.

Красивым французским словом «склаваж» названо модное в начале XIX века украшение — ожерелье из нескольких рядов цепочек в россыпи драгоценных камней, плотно облегающее шею. Шпанская (испанская) белая клубника отличается душистыми ягодами с мускатным ароматом и беловатой мякотью.

И в других письмах:

...Хорошо сделал, мой друг, передвоить приказал вино; а вышло очень мало. Что же винокур говорит? Ведь он и сидел его — доказательство верное, плохо выгнато. Это хлебное вино, то есть водка.

...Ключница пить ходит на мельницу к жене мельника Спиридона. Ежели правда, то Спиридонову жену наказать прикажи; а не уймется — отослать ходить за скотиной в Вишенки.

Вишенки, или Куроедово, — деревня на полпути от Старого Аксакова в Самарской губернии до Нового Аксакова под Бугурусланом, до сих пор сохранила это «фруктовое» название и так же славится обилием дикой вишни.

...Последнее письмо восхищает нас, читавши о милом Костеньке. Удивительно, что он так рано зреет до совершенства; как бы не притупил свою память. Вот и Машенька начинает переступать. К приезду нашему будет ходить, и нас выбегут встречать... — кажется, и дожить до этого нельзя; эти месяцы годами покажутся.

Семен Григорьевич желает, ежели будет у вас новорожденный сын, дать имя Григорий, то и для нас будет приятно, ежели вам кажется хорошо наименовать.

Это тесть Сергея Тимофеевича, боевой суворовский генерал Заплатин. Желание старика было уважено, и следующего сына назвали Гришей. Как известно, Григорий Сергеевич служил в Уфе губернатором в 1860–1867 годах.

Одно из последних писем, теперь уже из деревни в Москву, датировано 19 октября 1833 годом и адресовано внуку Константину, студенту Московского университета. Умерла Марья Николаевна, потерявшая с возрастом зрение, вынужденная диктовать послания своему мужу. Тяжко ей, верно, было, такой гордой и властной, осознавать свою беспомощность и зависимость.

Милый мой дружок Костинька, юный друг нежнейшей твоей бабиньки! Она чувствует твое о ней сожаление, и, может, душа ее зрит с высоты небес, где она ликует с ангелами, что ты, мой милый дружок, так чувствуешь и сердечно соболезуешь о той, которая при всех своих болезнях и страданиях никогда из мыслей своих не выпускала говорить о тебе; велика бы была для нея радость слышать о успехах твоего учения и о повышении степени. Теперь только мне остается одному просить Господа о твоем благополучии и счастии. Прощай, целую тебя, Господь с тобою. Друг твой Тимофей Аксаков.

Подготовку к публикации в «Русском архиве» и составление постраничных примечаний взял на себя Николай Михайлович Павлов, соратник Константина Сергеевича Аксакова в делах славянофильских, сын давнего знакомого семьи профессора физики, минералогии и сельского хозяйства М.Г. Павлова и крестник самого Сергея Тимофеевича.

РУБАХА ИЗ СТАРИННОГО СУНДУКА

Комментарии к некоторым эпизодам, деталям и фактам из произведений С.Т. Аксакова «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» были подготовлены автором к так и не состоявшейся книге Т.И. Нефёдовой «Родина Аксакова».

Анна
Маслова

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАФТАНА

Что представляет собой кафтан, мы все более или менее знаем. Это мужская верхняя одежда, ниже колен, как правило, с воротником и длинными рукавами, с разрезом сверху донизу. Кафтан мог застегиваться на крючки, пуговицы, запахиваться с помощью пояса. Был в ходу и прямой крой, но чаще кафтан расширялся за счет клиньев по бокам или сборов, выходящих из-под отрезной спинки. Покрой этот (как и само слово) имеет очень почтенную историю. Задолго до нашей эры кафтан, длинный, свободный, с широким поясом, носили персидские воины и приближенные царя. Из Древней Персии его заимствовали арабы, а европейцы познакомились с «сарацинским платьем» в эпоху Крестовых походов. На Руси кафтан появился независимо от европейских веяний благодаря всегдашним связям со странами Востока. Великое разнообразие старорусских кафтанов объясняется, похоже, несколькими волнами заимствования этого типа одежды.

В XVIII веке привычное название кафтан стало относиться к костюму европейского облика, усердно насаждаемого петровскими указами. Новомодные кафтаны изготавливались из бархата, сукна, парчи, шелка, украшались галуном, золотым шитьем и драгоценными камнями. Пуговицы нашивались в огромных количествах, не столько для застегивки, сколько для красоты. Клапаны на передних полах тоже были чисто декоративными. Настоящий карман располагался в разрезе сзади, бумаги и письма держали за широкими обшлагами рукавов.

В народе, под другими, конечно, именами, сохранились свои «кафтанные» направления. Это в первую очередь армяк и зипун, тоже восточного происхождения. Во времена старика Аксакова, деда Сергея Тимофеевича, армяк (от тюркского *armak* — верблюжья шерсть) считался сугубо крестьянской одеждой. Прямая спинка, прямая пройма, никаких подрезов и клиньев. Грубая ткань домашней выделки, которая шла на армяки, имела «дикий», как тогда говорили, цвет, то есть все оттенки натуральной шерсти — серые, желтовато-коричневые, бурые. Плотный, почти непромокаемый материал, просторный крой, большой воротник, защищающий при случае от ветра и дождя, — все это делало армяк незаменимым в ненастную погоду. Даже зимой его частенько надевали поверх тулупа или полушубка.

Зипун отличался от армяка отсутствием воротника, меньшей длиной и довольно узкими рукавами. Шерсть красили в какой-нибудь яркий цвет и отделявали по швам контрастными шнурами. Итальянским родственником зипуна является *giubbone*, греческим — *zipuni*, но предок, судя по всему, был один — турецкий *zybon*, разными путями добравшийся и до Европы, и до Руси.

Аксаковский дедушка пользовался армяком только как удобной одеждой для выездов по хозяйству. Для сыновей Сергея Тимофеевича армяк стал знаковым символом возврата к природным духовным ценностям. В 1830-е годы писатели-славянофилы, в противовес западникам, демонстративно ходили в армяках, шапках мурмолках и с бородой. Власть всячески боролась с подобным «вольнудством», вплоть до домашнего ареста. Смешно, но примерно в то же время в дамских придворных туалетах русские элементы были введены в законодательном порядке. Может быть потому, что светские женщины плохо воспринимали идею сарафана с корсетом и кокошника с вуалью.

В XIX веке дворянский кафтан трансформировался сначала во фрак, потом в сюртук и, наконец, превратился в пиджак. Только купцы да кучера не отказались от кафтана со сборами, который мог удачно подчеркнуть дородность и силу. И сейчас кафтан живет в высокой моде. Только теперь это роскошный вечерний наряд в восточном стиле.

ОТ ВЫБОЙКИ ДО АГЛИЦКОГО СУКНА

Всему нашлось место на страницах повестей Сергея Тимофеевича Аксакова: и дорогим парадным тканям, и тканям попроще, и тем, что изготовлялись в крестьянских избах.

Взять хотя бы выбойчатое платье, в которое мачеха грозилась, как черную служанку, одеть тринадцатилетнюю Машу, Марию Николаевну. Почему угроза и ее исполнение были так страшны? Выбойкой называли толстый, грубый одноцветный ситец, а иногда холстину. Окраска несколько «облагораживала» ткань, но девушкам из хорошего дома все равно считалось не к лицу носить ее даже в будни. Готовую хлопчатобумажную выбойку везли тогда из Средней Азии, большей частью из Бухары.

А вот узорчатые ситцы ценились в XVIII веке достаточно высоко, так как печатание рисунка с нескольких досок было делом сложным. В конце столетия их производство уже было налажено в России, сначала на американском сырье.

Голландское полотно традиционно шло на хорошее нижнее белье, скатерти и салфетки. Встречались даже такие оригиналы, которые отсылали голландское полотно стирать в Голландию, не доверяя отечественным прачкам. Дорогими слыли английский неотбеленный миткаль и ситец.

Деревенские помещики в такие тонкости не входили. Они довольствовались больше домодельными оброчными холстами. Сколько ни боролся дед Аксаков с холщевыми рубашками, все же пришлось ему под давлением хозяйственной жены с ними смириться.

В домашних условиях изготовлялись и шерстяные ткани: сукно из козьего пуха или тонкая армячина из верблюжьего подшерстка, о которых рассказывает Сергей Тимофеевич. Они чаще были натурального «дикого» цвета, то есть серыми или коричневатыми, некрашеными. С XVI века лучшими считались цветные сукна английских мануфактур, которые отличались плотностью, оставаясь при этом мягкими и тонкими. Поэтому Мария Николаевна предназначила в подарок свекру штуку «аглицкого тончайшего» сукна и серебряный глазетовый камзол, шитый золотом.

Сортов шелковых тканей было множество. Одежда из них береглась, носилась по особым случаям, как упоминаемый в «Семейной хронике» гарнитуровый (правильно — гродетуровый) платок с золотыми травочками. Гродетуром, то есть шелком из французского города Тура, называлась дорогая очень плотная ткань, обычно темных оттенков. В моду он вошел к концу XVIII века и продолжал оставаться популярным на протяжении ста лет. Немнущийся, очень ноский, гродетур со временем стал излюбленной тканью богатых купчих и попадей, доказательством их высокой платежеспособности.

Травочки на платке были просто мелким узором, в переплетении которого лишь угадывались стебельки, усики да листочки. Нам же на память об этом орнаменте досталось слово «мелкотравчатый».

Ткани в убранстве дома тоже четко делились на парадные и повседневные. Лняной рединный полог над кроватью маленького Сережи больше всего напоминал нынешнюю марлю и должен был служить защитой от мух и комаров. Рангом выше стояли кисейные занавески. Кисея тоже была легкой, полупрозрачной — «рединной», но не из льна, а из хлопка, часто с набивным рисунком или вышитая. Использовалась она куда шире, вплоть до нарядных летних платьев, в которых щеголяли «кисейные барышни» лет пятьдесят спустя. Штоф, шелковый или шерстяной, с петровских времен числился самой изысканной декоративной тканью для мебельной обивки и драпировок. Он был принят в аристократических домах или желавших казаться таковыми. Штофный парадный занавес вхо-

дил в приданое Марии Николаевны, как и щегольские наволочки, возможно из шелка-сырца. Все это было знаком принадлежности внучки казачьего урядника к светскому кругу.

Ткани тоже составляют вещный мир аксаковских книг, наполняют его ощущением тепла и уюта, какими-то своими запахами, шорохами, тысячей цветов и оттенков.

ОНА В ПОДВЕНЕЧНОМ УБОРЕ, КАК АНГЕЛ, БЫЛА ХОРОША

Аксаков в «Семейной хронике», описывая свадебное торжество своих родителей, говорит только, что богатый подвенечный наряд придавал еще более блеску красоте Марии Николаевны. Никаких подробностей он не приводит. И все-таки можно сделать попытку «реконструкции» туалета нашей невесты.

В последние годы царствования Екатерины II, в конце 1780-х годов, уже намечилось развитие античных мотивов в женской моде. Юбки стали не такими объемными, мягче и естественнее вились локоны, до муслиновых платьев с высокой талией оставалось не более десятилетия. Но в парадных платьях, особенно свадебных, предпочиталась приверженность традициям — фижмы, ленты, перья, кружева. Как у принцесс из сказок Перро. Подвенечные наряды были, как правило, из тяжелого белого шелка, шитого серебром, с небольшим вырезом и пышной юбкой на обручах, украшенной бантами и букетиками цветов. Тугой корсаж заканчивался мысиком (шнипом), рукава чуть ниже локтя — пеною тонких кружев. Такое платье стоило не меньше двухсот рублей, целое состояние по тем временам.

Парадные туфли на высоком выгнутом каблучке шили из плотной парчи и украшали пряжками, розетками. Очень модными считались кружевные чулки в стиле Марии-Антуанетты.

Драгоценностей к венцу полагалось немного — жемчужные серьги, нитка бус, аграф в корсаже. Гарнитур назывался парюрой. В бриллиантах могли красоваться только замужние дамы, молодые девушки не носили их даже в день свадьбы.

Волосы, уложенные в высокую прическу с падающими на шею локонами, непременно пудрили. Было принято надевать венок из алых бутонов роз, что символизировало расцветающую красоту и любовь. Белые венки из флердоранжа, принадлежность нынешних невест, вошли в обиход гораздо позже. По свидетельству одной придворной дамы, вдовствующая императрица собственноручно убрала живыми померанцевыми цветами головку юной невесты будущего императора всея Руси Александра II. Это было в 1841 году. Примерно тогда же возродилась фата, обязательная в допетровские времена.

ШИТЬЕ ПО КАРТЕ

Два раза упоминает Аксаков в своих повестях, полных конкретных бытовых примет, это загадочное на сегодняшний взгляд шитье «по карте». В «Детских годах Багрова-внука»: «Государь приказал, чтобы все, кто служит, носили какие-то сюртуки особенного покроя, с гербовыми пуговицами (сюртуки назывались оберроками), и кроме того — чтобы жены служащих чиновников носили сверх своих парадных платьев что-то вроде курточки, с таким же шитьем, какое носят их мужья на своих мундирах. Мать была мастерица на всякие вышиванья и сейчас принялась шить по карте серебряные петлицы, которые очень были красивы на голубом воротнике спензера, или курточки».

В «Семейной хронике» Аксаков описывает камзол из серебряного глазета, «весь богато расшитый по карте золотую канителью, битью и блесками», кото-

рый собственноручно изготовила Софья Николаевна (то есть Мария Николаевна) в подарок свекру.

Здесь же он дает такое примечание: «Шитье по карте значило, вероятно, значит и теперь, что узоры рисовались на карте, потом вырезывались, наклеивались на материю и вышивались золотом».

Я добросовестно пыталась представить себе технологию вышивания. Хорошо, пусть «карта» — это картон, но по наклеенной твердой основе вышивать не очень-то удобно, нити ложатся слишком плотно, картонные детали, оставаясь внутри вышивки, придают излишнюю жесткость полам и воротнику.

«Карта», правда, может быть просто бумагой, не толстой. Тогда, предположим, бумажный узор наклеивали на ткань каким-то слабым клеем, а вышив контур, снимали. Опять не получается. Выходит, что все детали внутри контура вышивались на глазок. Маловероятно.

Изрядно покопавшись в литературе да заглянув в Интернет, я узнала массу интересных вещей.

Оказывается, золотное шитье «по карте» было известно русским мастерицам по крайней мере с начала XVIII века. Объемные детали выполнялись отдельно по картону или даже бересте, а затем нашивались на фон в прикреп. Соединялись они между собой фигурными швами — «косами».

Существовала, правда, и иная технология, более близкая к той, которую описывает Аксаков. Для получения выпуклого узора под золотые и серебряные нити подкладывали маленькие, фигурно вырезанные кусочки картона. Стежки шли «по воздуху», поверх картона. Рукодельницы снимали узоры друг у друга, придумывали сами, брали за основу раппорты привозных вышитых или набивных тканей.

Богатая, творческая натура Марии Николаевны, тонкий ее вкус проявлялись во всем, в том числе в рукоделье. Она сама изобретала диковинные узоры, тщательно подбирала оттенки шелков, долгие часы проводила с иглою за пальцами. И одета была нарядно, к лицу, несмотря на не бог весть какие доходы мужа в бытность его на службе в Верхнем земском суде.

«Я всегда любовался ею, — пишет Аксаков, — и провожал до лакейской. Все называли мою мать красавицей, и точно она была лучше всех, кого я знал».

Брали для работы цветные шелка, бить, канитель. Бить, похоже, совсем вышла из употребления. Это проволочка, расплюснутая с помощью треугольного стерженька. Канитель мы нынче представляем себе либо как синоним волокиты, затыжного дела, либо в лучшем случае в виде елочного украшения. На самом деле это свитая в спиральку золоченая, серебряная или мишурная нить для вышивания.

Да и глазет нам помнится больше по Маяковскому, как нечто связанное с похоронами: «Звонок. Что вы, мама? Белая, белая, как на гробе глазет...» А ведь это исключительно нарядная парча с цветной шелковой основой и вытканными по ней золотыми и серебряными узорами. Из глазета шились парадные камзолы, выходные платья. Последние в истории костюма годы пиршества цветов в мужской одежде...

Любопытен вообще пассаж о курточке-спензере Марии Николаевны. Женское мундирное платье установленных цветов, с петлицами и форменными пуговицами, было известно в России и раньше. Его ввела Екатерина II в качестве туалета для женщин дворянского сословия, состоящих при царском дворе. Но обязать жен носить одежду по образу и подобию мужнего мундира... Это совершенно свежее изобретение государя императора Павла I, как известно, стремившегося внедрить армейские порядки прусского образца в сферу сугубо гражданскую.

Оберрок — дословный перевод на немецкий язык французского слова *surtout* («поверх всего»), откуда и пошло русское «сюртук». Сюртук был прита-

ленным, с полами до колен, с воротником (необязательно стойкой), со сквозной застежкой на пуговицах. Поначалу сюртук считался форменной одеждой и штатских служащих, и военных людей, но очень скоро он уступил свое место фраку либо мундиру.

Спенсер, или шпензер (спензер), на немецкий лад, никогда к форменной одежде не относился. Это короткая, облегающая куртка с длинными рукавами, закрывающими кисти рук; названа так по имени лорда Спенсера. То ли этот английский денди на рубеже XVIII и XIX веков смело оборвал фалды своего coat'a, которые загорелись, когда он задремал у камина, то ли на спор облачился в достаточно экстравагантную для того времени модель.

Мужчины носили спенсер недолго. В женской моде он отлично прижился на добрых полвека. Но произошло это чуть позднее описываемых Аксаковым событий. Спенсер вошел в женский гардероб с расцветом стиля ампир. Тонкие белые платица-туники, у которых талия начиналась сразу под мышками, даже летом надевали с шалью или такой вот курточкой. Окончательно спенсер исчез только с приходом кринолина.

Сергей Тимофеевич старался описать реалии утраченного времени знакомыми его внукам и правнукам словами. В нашей с вами жизни нет ни оберроков, ни спенсеров, ни бити с канителью. Жаль, если они останутся совсем непонятными.

ПО ПРОЗВИЩУ МАРЕННИКИ

Так соседи называли багровских крестьян, щеголявших в армяках и зипунах, крашенных мареной. В русском крестьянском обиходе бытовало много хитрых способов красить домодельные ткани из шерсти и льна во все цвета радуги. В качестве красителей использовались листья, цветы, плоды, стебли, корни. Луковую шелуху помнят до сих пор, а про картофельную ботву или перезимовавшие под снегом сырые еловые шишки успели за ненадобностью забыть.

Одно и то же растение могло давать разную краску в зависимости от того, какую часть, в каком виде клали в отвар. Темно-красный цвет получался из цветков зверобоя, коричневый — из его стеблей, зеленый — из свежих листьев березы, бежевый — из сухих, изысканный серовато-лиловый — из бересты с погибших деревьев, фиолетовый оттенок — из сушеных ягод ежевики.

Но мало покрасить ткань или пряжу, надо ее закрепить, чтобы окраска легла прочно и ровно, одежда носилась долго, не выгорала на солнце. Лучше всего взять квасцы или медный купорос, но если их нет, а сельская жизнь основывалась по преимуществу на самодостаточном производстве, то в ход шли рассол квашеной капусты, березовая зола, уксус, соль.

Марена красильная, или крапп, придающая тканям нарядный красный цвет, известна с древности. Но в наших краях она не растет, и багровские жители употреблять ее для своих нужд, как это рассказывается в «Семейной хронике», вряд ли могли. Настоящая марена — обитательница Южной Европы, тропических стран Африки, Азии и Америки. В 1787 году семена культурной марены завезли в Россию, в первой четверти XIX века многочисленные ее плантации появились в Крыму и Закавказье.

В окрестностях Багорова водился подмаренник. Вот этой травке, из одного с мареной семейства, не нужен ни теплый климат, ни особая почва. Она охотно селится на лугу и в поле, в лесу, вдоль дорог, под заборами. Не перечислить милых и смешных имен, которыми ее называют в народе: сорочья пряжа, устели-землю, полевая повилика, мужичок, медовая трава, дерябка, липушник.

Рецепт крашения такой. Чисто вымытые корешки измельчают ножом, высыпая в чугунок или глиняный горшок. Предварительно отстоянную воду наливают

из расчета полстакана жидкости на четверть стакана сухой смеси. В печи все это томится примерно с час, потом краску процеживают через чистую тряпочку и выпаривают до густоты. Кладут замоченную с вечера в растворе закрепителя пряжу или ткань и кипятят, непрерывно помешивая, на несильном огне еще не меньше часа. Нити (ткань) остаются в растворе до охлаждения, потом их прополаскивают в подкисленной теплой воде и сушат.

Мордовцы так признательны этому скромному растению, что на флаге-триколоре своей республики поместили красную полосу, окрашенную корнем подмаренника.

Помимо красильных достоинств, неприхотливая травка применяется в народной медицине чуть ли не от всех болезней. Пчелы собирают с душистых мелких цветов, собранных в легкие облачка, отличный мед. И последнее, но не менее важное, — подмаренник обладает замечательной способностью свертывать молоко, соперничая в сыроварении с сычужным ферментом, добываемым из желудка телят. Английский честер, к примеру, без подмаренника не приготовить.

РУБАХА ИЗ СТАРИННОГО СУНДУКА

Рубаха — самая древняя славянская одежда, одинаковая для женщин и мужчин, мальчиков и девочек. В основе ее практичного кроя лежала ширина полотнища, тканного на станке. Женщина-хозяйка живо помнила, скольких трудов ей стоил каждый сантиметр льняного или конопляного полотна и потому выкраивала рубаху так, чтобы лоскутов оставалось как можно меньше. Сложенный вдвое кусок холста образовывал перед и спинку без плечевых швов, по бокам он достраивался прямоугольными вставками до нужной ширины, а рукава представляли собой элементарную «трубу», вшитую по линии плеча. Дальше начинались изыски. Впрочем, это мы сейчас думаем, что вышивка, ластовицы, тесемки, пояски были только украшением. Нет, здесь заложен глубокий смысл.

Вышивка — простая одношовная в будни, затейливая по праздникам, насыщенным обрядовыми действиями, — располагалась обязательно по краю: подолу, оплечьям, рукавам и вороту. Нити, сплетенные в магический узор, замыкали перед злыми духами доступ к телу человека. Потому и цвет вышивки чаще был красным, ибо красный цвет — цвет крови, самой жизни — выступал еще одним оберегом при встрече с нежитью. Мастерница из множества известных ей узоров, швов, перевитей составляла неповторимый орнамент, предназначенный только для владельца рубахи и больше ни для кого. Поступь зверя, крылья птицы, изгибы трав и ветвей, лучи животворного солнца, руки матери-земли иногда лишь угадывались, иногда раскрывались пышно и безоглядно.

Соединительные швы были похожи на нынешний плоский бельевой шов, в котором все срезы оказываются внутри. Для удобства движений под мышкой иногда пришивалась ластовица: кусок ткани в виде ромба или квадрата, тоже красный. А долгую носку на счастье и радость обеспечивала полоска ткани с забавным на сегодняшний взгляд названием «подоплека», проложенная с изнанки на груди и в верхней части спины.

Тесемкой, свитой жгутиком, соединялся разрез на горловине. У женщин разрез шел по центру, у мужчин мог быть и косым (в косоворотке). Рубаха обязательно подпоясывалась просто ремешком или тканым поясом, узор которого тоже подбирался с учетом будущего владельца. Рубахи в распояску надевали только в особых случаях. Например, муж развязывал пояс на своей рубахе, чтобы жена его ребеночка быстрее и легче родила. Девушки и молодухи в распоясанных рубашках совершали обряды, призванные повисить плодородие земли: плясали в купальскую ночь, впрягались в плуг, моля об удачном севе и богатом урожае.

Малые дети обычно бегали в одних рубашонках. Повзрослев, девушки надевали к рубашке пеструю юбку — поневу, собственно три несшитых полотнища, собранных в талии на шнурок-гашник. Сарафан, без которого сейчас многие не мыслят русский национальный костюм, был заимствован относительно недавно, лет четыреста назад, из одежды тюркских народов и сначала числился по разряду мужского платья. Мужские штаны-портки — тоже вклад не слезавших с коня кочевников в мировую моду. Порты пришли на Русь по крайней мере в X веке. Они были длиной до щиколотки и довольно узкими. Между штанин пришивалась ластовица, а спереди делали разрез, понятно зачем. Вся конструкция собиралась опять-таки на гашник. Карманов не водилось. Вместо них к поясу привязывали кисы, кошель, мошны. В общем все то, что могло служить вместилищем мелких вещей и денег за порогом дома.

УРАЛЬСКИЙ МИНДАЛЬ

То, что Аксаков называет диким персиком, или бобовником, — это миндаль низкий, кустарник семейства розоцветных, который любит селиться рядом со степной вишней по горным склонам, поросшим травой, особенно в Зауралье. Бобовником зовут его и сейчас, хотя к бобам он не имеет никакого отношения. Даль добавляет к синонимичному ряду названий «полевые или калмыцкие орешки».

Удивительно красив этот кустик по весне, когда его голые красновато-серые веточки сплошь усыпаны розовыми цветами. Остроконечные лепестки цвета лепестков земляничного варенья, тонкий, чуть с горчинкой аромат, весь хрупкий изящный облик рождает на земле маленькое чудо. Но и позже, в середине лета, бобовник не теряет своей прелести. Среди узких, зазубренных по краям листьев прячется множество словно покрытых нежно-зеленым мохнатым войлоком орешков величиной с косточку сливы.

Люди, обитавшие в башкирских степях, уже в древности сумели найти применение плодам бобовника. Не только в пищу (а в пареном виде ядрышки бобовника ничуть не хуже настоящего миндаля), но и в качестве поставщика душистого масла. Доказательством тому служат археологические находки в погребениях скорлупок бобовника, продырявленных с одной стороны.

И в наше время масло бобовника используют в медицине, косметике, парфюмерии, в кулинарии. Но, честно сказать, немного. Сажают бобовник в парках и садах. Опять-таки маловато. В Уфе, во всяком случае, он растет только в Ботаническом саду да изредка на шести сотках у садоводов-любителей.

Вдруг вы встретите заросли бобовника где-нибудь в степи, и вам повезет на урожай. Что бы приготовить такого вкусного, необычного? Пусть это будет шербет.

На два полных стакана сахарного песка взять один стакан воды и варить на медленном огне. Когда сахар разойдется, прибавить огонь и продолжать варить, помешивая, до тех пор, пока сироп, капнутый с ложки, не будет растекаться на блюдечке. Всыпать стакан запаренных, подсушенных и истолченных орешков бобовника и хорошо размешать. При подаче к столу брать шербет ложечкой по немножечку и запивать чаем с душицей и зверобоем.

БЛЮДА АКСАКОВСКОЙ КУХНИ

Страницы книг Сергея Тимофеевича Аксакова «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» изобилуют гастрономическими воспоминаниями. Встречаются и кулинарные изыски, и блюда старой русской кухни. Что, если попытаться расшифровать хотя бы некоторые из рецептов? Давайте составим меню «аксаковского» обеда — закуска, суп и второе, а на десерт — миндальное пирож-

ное, печь которое матушка Сережи Аксакова была великая мастерица. Поможет нам в этом трудном деле «Новая полная поваренная книга», составленная радением коллежского асессора Ивана Навроцкого и изданная при Императорском Московском университете в 1786 году. Темно-коричневый кожаный переплет, рыхлая бумага, неровные литеры — передо мной 710 правил о том, как «с лучшим вкусом желаемые кушанья приготовить, также садовые и огородные плоды сушить и другими способами впрок запастись».

Говяжьи языки с яблоками и миндалем.

Сперва языки сварить и кожу с них очистить, вдоль разрезать и в жженом коровьем масле цвет им придать. Потом взять по рассмотрению кислых квасных яблок и несколько горстей облупленного миндаля, изрезать долгенькими штука-ми. Сделать немного темноподпальной муки, резаные яблоки и миндаль, также коринки, сахару, толченой гвоздики, виноградного вина и воды туда положить и поварить. Напоследок языки уложить на блюде и оным соусом их облить, то и готово.

Курячья похлебка с мясными катышками.

Кур очистить, а потом, положи в кастрюлю, налить горячую водою и поставить на огонь. Как поварится и пена вся снимется, то положить хорошенький пучок травок с куском-другим имбирю и коровьим маслом, натертым мукою столько, чтобы похлебка от того густовата стала. А как вполы поспеет, то мелко резаного сельдерея, порея и петрушки коренья туда же положить и до спелости вместе варить. Между тем взять телятины из задней ноги, почешного сала и говяжьего мозга, намелко порубить, прибавить белого хлеба, в молоке и роме размоченного, выпустить с белком и желтком яиц и, присовокупив тертой свежей лимонной корки, толченого кардамону и мушкатного цвету по пропорции и доброму своему мнению, хорошего жидковатого фаршу изготовить. Небольшие круглые катышки из него поделать, а напоследок в супе их исподволь немного поварить. Так и будет изрядная похлебка.

Щуки запеченные.

Сперва щуки оскоблить, распластать и в посредственные куски изрезать, мелко надчеркать и потрусить солью. Потом обсушить полотенцем, повалять в муке и в коровьем масле запечь или зажарить. Положа на блюдо, горячим тем маслом, в котором они жарились, облить и подавать. А буде похочется, то разрезать свежий лимон пополам и подать при них.

Миндальное хлебное.

Взять четверть фунта мелко толченого миндаля, четверть же фунта толченого сахару и четверть фунта крупитчатой муки, замесить двумя яйцами, как тесто. Вымесивши его гораздо, раскатать руками, скалкою порасплюснуть пальца в два ширины, полосочками изрезать и исподволь испечь¹.

Зеленая каша.

Когда рожь нальется, но еще не дозреет, сжать снопы, опустить колосья в кипяток на несколько минут, потом высушить их в печи, смолоть на крупу и варить на воде или на молоке, положив соли и масла.

Должно быть вкусно! Такую кашу из молодой, незрелой, вполовину налившейся ржи особенно любил дед Сережи Аксакова, выведенный в «Семейной хронике» под именем Степана Михайловича Багрова. Называлась она «вараховица». Почему? Не вполне ясно. Даль в своем словаре возводит название к слову «ворох», правда, под знаком вопроса. Лет двести назад, да и позже, вараховица считалась лакомым блюдом и в народе, и среди дворянства. Но после 1861 года, с падением крепостного права, она постепенно стала исчезать со стола, что объяснялось трудоемкостью подготовки крупы и растущей стоимостью. А к нашему времени оказалась прочно забытой. Секрет ее сохранился лишь в старых поваренных книгах.

¹ Остается напомнить: фунт составляет примерно 400 г, варить исподволь — означает дать постоять на медленном огне, а посредственные куски — не плохие, просто средних размеров.

Анатолий
Чечуха

ДОМ НА КОСОГОРЕ

Аксаков, как Гомер, остается где-то в Золотом веке русского прошлого.

Михаил Пришвин

КНИГА ДЛЯ ОЛЕНЬКИ

Полтора столетия назад один уфимец, обосновавшийся в подмосковном Абрамцеве, пообещал своей внучке Оленьке, что вскоре пришлет ей книжку с рассказами из своего детства. Лишь через три года он смог выполнить свое обещание, зато книжка, а это были «Детские годы Багрова-внука», явилась подарком не только внучке, но и многим поколениям россиян.

В этой книге Сергей Тимофеевич описал события и впечатления маленького ребенка. Хотя, быть может, с точки зрения современной педагогики у Сережи Аксакова детства и не было вовсе. Судите сами: лет до четырех вообще было неясно — жилец ли он на этом свете: «Пульс почти переставал биться, дыхание мое было так слабо, что прикладывали зеркало к губам моим». Ему не было и пяти, когда он уже выучился читать, а главным развлечением для него стали книги. В четырнадцать лет Аксаков стал студентом Казанского университета.

Все дети были как дети — баловались, ленились, словом, отличались обычной для своего возраста беззаботностью. К примеру, ровесники Сережи из народного училища (куда сам Аксаков так и не попал), будучи наказанными стоянием у доски перед классом, умудрялись, как вспоминал Сергей Тимофеевич, устроить потасовку прямо за спиной учителя, не боясь розг. Для шестилетнего же Сережи эти самые розги стали тогда поводом для таких сильных переживаний, что отдать его в училище родители не решились.

Непримиримость ко всему, что связано с несправедливостью, с насилием, Сергей Тимофеевич передал и своим сыновьям. В Болгарии до сих пор свято чтут память Ивана Сергеевича Аксакова, организовавшего помощь братьям-славянам во время нашествия турок. И это при том, что собственная его мать была наполовину турчанкой, и даже считалась потомком пророка Мухаммада.

Это сейчас никто не сомневается в том, что Пушкин — «наше все». А в конце 1820-х находились критики, утверждавшие, что поэт «выдохся» и идет к своему закату. Вступился за Александра Сергеевича именно Аксаков. Вряд ли бы кто прислушался к голосу человека неавторитетного, но от нападок литературных «мосек» «солнце русской поэзии» защищал член Московского цензурного (!) комитета. Позже, правда, Николай I от обязанностей цензора Аксакова освободил, объяснив это отсутствием у того необходимых для столь ответственной работы способностей.

В 1834 году Аксаков опубликовал очерк «Буря», который настолько очаровал самого Пушкина, что описание снежной бури в «Капитанской дочке», как отмечали критики, прямо вытекает из «Бурана». По мнению историка и литературоведа Вадима Кожинова, Аксаков в значительной степени предвосхитил великую русскую литературу XIX века, ведь прославившие его произведения, напечатанные лишь во второй половине XIX века, появились задолго до этого в устной форме. Николай Васильевич Гоголь буквально требовал, чтобы Аксаков опубликовал свои устные рассказы, уверяя, что не сможет завершить свои «Мертвые души» без «Семейной хроники».

Рассказчиком Сергей Тимофеевич был отменным — сам Державин, услышав чтение собственных стихов в исполнении Аксакова, с удивлением и восторгом заметил: «Себя я слышу в первый раз». Еще в детстве артистический талант Сергея Тимофеевича проявлялся в том, что он брался рассказывать сказки, услышанные от

Дом Аксаковых и улица
Бельская. Фото 1900 г.

крепостной ключницы Пелагеи — «со всеми прибавками, ужимками, оханьем и вздыханием», чем немало веселил домашних.

Но была важная причина, которая не позволяла молодому Аксакову вплотную заняться литературой. Еще древние заметили, что для развития таланта нужно свободное время. У Аксакова же его попросту не было: большая семья (в 1826 году у него уже было 6 детей) требовала от главы семьи неустанного труда. В 1833 году он становится инспектором Константиновского землемерного училища в Москве, а затем — первым директором созданного на базе училища Межевого института. Лишь в конце 1830-х годов к Аксакову пришла обеспеченность, и у него появилась возможность полностью посвятить себя литературному творчеству. Именно в те годы покупает он подмосковное имение Абрамцево, навсегда ставшее с тех пор одним из символов русской художественной культуры.

ОСТРОВК ВОСЕМНАДЦАТОГО ВЕКА

Первые мои воспоминания об этом доме на углу улиц Благоева и Салавата связаны с посещением размещавшейся там поликлиники. Врачи долго светили на мою голову кварцевой лампой, но заключение их было благоприятным — лишай мне не грозил. Дом этот на Случевской горе известен не только в Уфе, не только в России. «Мы жили тогда в губернском городе Уфе и занимали огромный зубинский деревянный дом... Дом стоял на косогоре, так что окна в сад были очень низки от земли, а окна из столовой на улицу, на противоположной стороне дома, возвышались аршина три над землей; парадное имело более двадцати пяти ступенек, и с него была видна река Белая почти во всю свою ширину».

Почему же так случилось, что дом, где провел детские годы С.Т. Аксаков, долгие годы использовался под кожно-венерологический диспансер, а в 1966 году буквально взбесившиеся бульдозеры и вовсе чуть не уничтожили едва ли не единственный сохранившийся уголок Уфы XVIII века. Нашлись «аксаковеды», уверявшие всех, что Аксаков в этом доме никогда не жил и что вообще его дом сгорел еще в 1821 году. Горе-историки не видели разницы между домом, где С.Т. Аксаков родился (действительно сгоревшим, он стоял на территории нынешнего сада имени Аксакова), и домом на косогоре, принадлежавшим деду Сергея Тимофеевича Н.С. Зубову (в «Детских годах» он назван Зубиным). Эти люди, считавшие себя уфимцами, «Детские годы Багрова-внука» наверняка не читали. К счастью, исследования краеведов Георгия Федоровича и Зинаиды Ивановны Гудковых позволили представить неоспоримые доказательства того, что здание связано с именем великого писателя. После их вмешательства, а также при содействии ученого-этнолога Раиля Гумеровича Кузеева дом-памятник удалось сохранить.

Дом Аксаковых и
липовая аллея в
Случевском переулке.
Фото начала 1900-х гг.

А еще раньше другой известный исследователь истории Уфы Петр Федорович Ищериков сделал многое для того, чтобы просто отыскать это здание. Многим покажется странным, что дом с такой «родословной» долгое время выпадал из поля зрения историков. Ведь Аксакова в Уфе чтили: еще в 1891 году, в память столетия писателя, одна из главных улиц города (тогда это был въезд в город со стороны только что открытого железнодорожного вокзала) стала Аксаковской. Появлялась, должно быть, у отцов города и губернии еще в начале XX века мысль о создании музея. В начале 1900-х годов неизвестный нам фотограф (скорее всего, им был работник ателье О.Ф. Германа) сделал несколько фотографий аксаковского домика. Снимал он его летом и зимой, с западного и южного фасадов. Даже на крышу соседнего дома забрался, чтобы получить вид усадьбы на фоне реки. Негативы не подписаны, но явный интерес фотографа к этому месту заставляет предположить, что до революции значение дома было ясно всем. А в 1908 году началась захватывающая история Аксаковского народного дома, и с музеем Аксакова, вероятно, решили повременить. Казалось, ненадолго, а получилось — на десятилетия. Хотя даже в 1950-е годы дом и сад старожилами именовались не иначе как аксаковскими, а в каретнике в дальнем углу усадьбы в те годы, по утверждению сына главврача кожвендиспансера, еще можно было увидеть развалившуюся карету или возок с остатками герба Аксаковых.

Ищериков утверждал, что дом построен в середине 1700-х годов, и, стало быть, это самая старая постройка в Уфе. Почему же краеведам пришлось прилагать воистину героические усилия, чтобы хотя бы установить местонахождение далеко не миниатюрного строения. Объяснение достаточно простое: с легкой (или, скорее, тяжелой) руки наркома Луначарского, считавшего Аксакова «прекраснодушным идеализатором феодальных отношений» (неужели только за слова: «...мне очень было приятно иметь собственность»?), имя нашего земляка надолго исчезло из учебников, не издавались и его книги. А после реабилитации имени Аксакова время уже сделало свое дело: когда началась массовая застройка микрорайона, хранителей «живой» памяти просто не осталось.

Ищериков и Гудковы спасли вещественное доказательство жизни Аксакова в нашем городе, спасли стены, бывшие свидетелями и пугачевского бунта, и многочисленных городских пожаров, в том числе и деревянной Троицкой церкви на берегу Белой, той самой, которую летом 1797 года «зажгла молонья». Стены ведь тоже хранят историю, и как жаль, что уже в наше время пал, не справившись с необузданной гегемонией застройщиков и архитекторов, дом детства другого великого нашего земляка — Рудольфа Нуреева.

В 60-е годы появились газетные публикации, а потом и книги Михаила Андреевича Чванова: «Я был в Аксакове», «Быль о великом семьянине». Именно эти публикации заложили основы того, что сегодня по праву называют аксаковским движением.

В середине 1980-х годов, когда в связи с подготовкой к празднованию двухсотлетия писателя на реставрацию музея были выделены деньги, началась новая борьба. Для одних — за сохранение родового гнезда великого уфимца, для других — за «освоение» как можно большего объема средств. Последние почувствовали вкус денег и почти торжествовали. Чего только они ни предлагали: снести левую часть дома и развести на его месте сад, разобрать весь дом по бревнышку, чтобы заменить подгнившие нижние венцы, наконец, сломать дом и возвести на его месте новодел — словом, чем дороже, тем лучше. К счастью, поиск компромиссного решения не затянулся до расцвета перестройки, и потому реставрация не превратилась в разрушение, как это случилось, к примеру, с памятником Ленину, оставшимся без самого, собственно, Ильича. В октябре 1991 года, в дни юбилея Сергея Тимофеевича Аксакова, музей писателя в Уфе открылся.

СОФЬИНА АЛЛЕЯ

Когда книгоиздатель и литературовед из Парижа Никита Струве впервые вошел в уфимский Дом-музей С.Т. Аксакова, он уверенно заявил: «Но ведь это не парадный вход». Действительно, при Аксакове со стороны нынешней улицы Благоева был сад, а вход был с противоположной стороны. Все восприняли реплику гостя как должное: человек, никогда не бывавший в Уфе, как оказалось, прекрасно знает дом на косогоре, к парадному которого вели «более двадцати пяти ступенек». Чуть ли не первым вопросом Никиты Алексеевича после прибытия в Уфу был о том, сохранились ли какие-нибудь следы пребывания Аксакова. Услышав о музее, гость был обрадован. Когда же он увидел двухвековые бревна из лиственницы — стены дома, помнящие голос маленького Сережи, он расчувствовался и рассказал, что жена его, воспитанная на Аксакове, является горячей поклонницей его произведений. «Аксаков для нас, парижан, — одно из самых светлых явлений русской культуры», — записал Струве в книге отзывов. В большой семье почитателей нашего земляка прибыло.

А семья эта слишком велика, чтобы хотя бы просто перечислить ее членов. Среди них и летчик-космонавт Виктор Савиных, и заместитель директора Государственного Эрмитажа Владимир Матвеев, и писатель Валентин Распутин. И продолжает расти: в ставшем традиционным Аксаковском празднике участвуют люди разных национальностей и разных стран — их объединила великая русская литература и Аксаков...

Один из сыновей писателя — Григорий Сергеевич Аксаков (1820–1891) — был уфимским губернатором в 1861–1867 годах. Имена братьев его — Ивана и Константина известны были всей России и в Европе. Сам же он, казалось, тихо исполнял чиновничью должность — в политику не лез, гор, как иные, сворачивать не пытался, хотя и входил в состав Комитета по освобождению крестьян, где вместе с помещиками Карташевским, Дашковым и Тимашевым прослыл либералом. В «Истории Уфы» издания 1976 года Григорий Сергеевич и вовсе не упомянут, тем не менее в истории нашего города он навсегда останется одним из лучших его руководителей. Именно при нем женское училище было преобразовано в женскую гимназию, было построено здание духовного управления мусульман (1863), начало действовать отделение Государственного банка (1865), был основан губернский музей (1864) и был открыт первый городской театр (1861). Примечательно, что театр строился «усердием Софии Александровны Аксаковой», супруги

Софьяна аллея.
С открытки 1900-х гг.

губернатора, на пожертвования разных лиц. Здание стояло в квартале нынешних улиц Матросова, Валиди, Цюрупы и Тукаева — в городском саду, разбитом также по инициативе Софии Александровны и потому называемом горожанами просто «Софииным садом». Как писали Гудковы в книге «С.Т. Аксаков. Семья и окружение», в литературно-музыкальных вечерах в театре принимала участие и сама С.А. Аксакова. Театр дважды горел, в здании, восстановленном после первого пожара, в декабре 1890 года дебютировал с сольными партиями Федор Иванович Шалапин. После второго пожара страховая сумма сгоревшего здания была передана в фонд строительства Аксаковского народного дома.

Дочь губернатора Ольга Григорьевна — та самая внучка Оленька, которой Сергей Тимофеевич посвятил «Детские годы Багрова-внука», — понимая значение богатейшего архива семьи Аксаковых, сумела его сохранить и частично опубликовала. Именно на нем в значительной степени основана аксаковская экспозиция музея в Абрамцево.

Многое в современной Уфе связано с Аксаковым. Это и сад, в котором стоял его родной дом, и улица, носящая его имя, и школа № 11, ставшая в 1995 году Аксаковской гимназией. Украшает исторический центр Аксаковский народный дом — нынешний Башкирский театр оперы и балета. А стойкий запах цветущих лип в начале июля на аллее, ведущей от бывшего дома губернатора к музею Аксакова, вновь напоминает о семье Григория Сергеевича, ведь аллею эту называли Софьиной.

А рядом с музеем, в саду Салавата, раскачиваются на висячем мостике девочки и мальчишки, возможно, еще и не знающие о существовании «Семейной хроники» и «Детских годов Багрова-внука», но уже оценившие завораживающее действие аксаковского «Аленького цветочка». Да и сам мост этот, по причине того, что к его созданию причастна член большой аксаковской семьи З.И. Гудкова, сегодня с полным правом можно отнести к аксаковским местам.

Янина Свице

УФА И УФИМЦЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В 1878–1900-х гг. в историко-литературном журнале «Русский архив» публиковались рассказы и памятные заметки Ивана Степановича Листовского «Из недавней старины». Небольшая их часть посвящена описанию Уфы и Оренбургской губернии первой половины XIX в. — быта и нравов горожан, помещиков, чиновников, духовенства, даются характеристики некоторым губернаторам.

Биографических сведений об авторе сохранилось немного. Известно, что Иван Степанович Листовский происходил из уфимской дворянской семьи. Из записок можно узнать, что дед его в 14 лет был офицером и адъютантом П.С. Потемкина. «...Во время знаменитой его вылазки в Казани и схватки с пугачевской шайкой на Арском поле, деду было пятнадцать лет. Для такого юноши день этот оказался не по силам, и он, как только полчища Пугачева были разбиты, упал от изнеможения тут же и заснул... И дед, пока собирали раненых и убитых, спал безмятежно». Прабабка Матрена Ивановна Басина, в замужестве Левшина, владела имениями в Мензелинском уезде. Дед Андрей Степанович Листовский, действительный статский советник, в 1820-х гг. был губернатором в Перми. После его смерти, отец Ивана Степановича — Степан Андреевич Листовский — несколько лет служил уездным судьей и предводителем в городке Оханске Пермской губернии. Мать Софья Степановна, которой едва минуло 18 лет, открыла у себя «странноприимный дом» для идущих через город богомольцев.

В 1824 г. по пути в Пермь Оханск посетил император Александр I, и родители Листовского имели случай убедиться в простоте и неприхотливости государя. В Оханске, состоявшем из одной улицы и одной церкви и где «ни одного человека положительно не оказалось, с кем можно было бы поговорить», находился пересылочный острог. В него после декабрьских событий 1825 г., по пути в Сибирь, стало прибывать очень много политических ссыльных. «...Отец, посещая каждую партию ссыльных, знакомился с людьми образованными, иногда очень хороших фамилий, и они, по желанию отца, отмечались больными и оставались до следующей партии, иногда на месяц и более. Весь день они проводили у отца, а вечером возвращались в острог».

Затем семья переехала в Уфу. Иван Степанович учился в Уфимской гимназии. Окончив в 1852 г. Казанский университет, несколько лет служил в Уфе. В 1856 г. в чине титулярного советника состоял заседателем палаты гражданского суда. Братья Листовского также учились в Казанском университете. По данным «Адрес-календарей», Николай, Андрей, Петр и Александр Степановичи Листовские в 1850–1890-х гг. служили в различных учреждениях Уфы, имели значительные чины и, вероятно, были заметными представителями уфимского общества. Можно отметить, что действительный статский советник Александр Степанович Листовский (умер в 1899 г.), в 1893–1899-х гг. губернский предводитель дворянства, во второй половине XIX в. являлся владельцем дома, в котором ныне находится музей С.Т. Аксакова. Как и брат, был человеком пишущим, в «Справочной книжке Уфимской губернии» за 1883 г. он опубликовал статью «Летопись пароходства по реке Белой».

Иван Степанович Листовский в конце 1850-х гг. покинул Уфу и служил в западных и южных губерниях России. Его жене — внучке фаворита Екатерины I графа П.В. Завадовского — принадлежали имения в Черниговской губернии. В 1880-х гг. И.С. Листовский был предводителем дворянства Суражского уезда Черниговской губернии. Кроме записок «Из недавней старины»¹, им были опубликованы биографии графа П.В. Завадовского и архиепископа Филарета (Гумилевского), а также некоторые другие статьи и очерки.

В заметках «Из недавней старины» по рассказам очевидцев и личным впечатлениям автора описаны отдельные исторические события 1770–1880-х гг., эпизоды из жизни Павла I, Александра I, Николая I, Александра II, военных, государственных и церковных деятелей, Казанский университет в 1850-х гг., Уфа и Оренбургская губерния в первой половине XIX в. и многое другое. Приведено множество, иногда забавных, но в большей степени поучительных и характерных, зарисовок российской действительности XIX в. Вот один небольшой пример. «Осенью 1859 года случилось мне быть в Петербурге. На Большой Конюшенной сооружалось огромное здание Петропавловской лютеранской церкви, место это

¹ Русский архив. 1878. Кн. 3. № 12; 1879. Кн. 3. № 10; 1882. Кн. 1. № 1; 1884. Кн. 1. № 1, 2; 1885. Кн. 1. № 3. Кн. 3. № 10; 1889. Кн. 3. № 12; 1900. Кн. 3. № 9, 10.

почти от Невского до Финской церкви было огорожено досчатым забором, и при нем устроен узенький деревянный тротуар, на котором разойтись двоим было очень неудобно. На улице была большая грязь. Передо мною, шагах в пятидесяти, шла убого одетая дама, из разряда называемых салопниц, а ей навстречу военный в шинели. Я заметил, как военный на достаточном расстоянии от дамы сошел с тротуара на грязную мостовую. Когда он поравнялся с дамой, последняя отдала ему глубокий поклон; он сделал под козырек. Когда же он приближался ко мне, пришлось мне сойти с тротуара: это был император Александр II».

Для публикации были выбраны только некоторые фрагменты записок Ивана Степановича Листовского «Из недавней старины», посвященные Уфе и Оренбургско-Уфимской губернии первой половины XIX в. По жанру они не являются воспоминаниями или мемуарами, это скорее назидательные заметки, рассуждения о каких-либо явлениях, иногда на примерах деяний отдельных людей, фамилии которых упоминаются лишь вскользь, в связи с определенными событиями, часто без указания дат. В связи с этим мне показалось необходимым снабдить публикуемые фрагменты некоторыми примечаниями и пояснениями.

*Иван
Листовский*

ИЗ НЕДАВНЕЙ СТАРИНЫ¹

В недавнее сравнительно время, столетие назад (в 1780-х гг.), когда блеск и пышность двора поражали современников, в глуши, вдали от трона, жизнь шла совсем особым порядком, как будто в другом царстве, за тридевятью землями, за морем-океаном... Не лучше жилось и в Оренбургской, ныне Уфимской, губернии. Разбои были столь обыкновенным явлением, что немало требовалось отваги, чтоб съездить из уездного города в губернский, и семья ревмя ревела, провожая родителя, как на войну. На ночь окна в помещичьих домах запирались крепкими ставнями с железными болтами. В дверях сеней вырезывались круглые отверстия, через которые помещики и прислуга могли стрелять в непрошеного гостя. Ружья всегда были наготове. Раз мой дед Левшин чуть не убил исправника, ради шуток помедлившего объяснить, кто стучит в дверь.

...Крепостное право давало себя знать возмутительными проявлениями, которые шли рядом с жестокостью нравов того времени. В Мензелинском уезде была помещица Евг. Ив. Можарова. Жестокость ее в обращении с людьми, кажется, не знала пределов... О деяниях Можаровой дошло до Петербурга. Следствие подтвердило ее жестокость. Началось дело и перешло в сенат. Можаров поехал в Петербург, жена с ним. Он делал обеды для сенатских секретарей, а Можарова, обрезав волосы и переодевшись казачком, служила у стола, чтоб иметь случай слушать разговоры и избавиться от ненужных свидетелей — прислуги. Посоветовали показать ее умершею. Разумеется, это немалого стоило. Можарова умерла для дела, которое «предали воле Божией», а она втихомолку доживала свой век. Наконец, мучительная болезнь сразила ее. Доктора приговорили разглаживать ее теплыми утюгами, но эта операция мало облегчала страдания умиравшей, которая, должно полагать, вину в том клала на прислугу. Прислуга от времени до времени вскрикивала. Услыхав это, Можаров полюбостствовал узнать причину. Оказалось, что умиравшая добыла вилку и ею колола своих гладильщиц. Народная молва утверждала, что ее не приняла земля. Вернее сказать, она ее поглотила, так как могила этой жестокой женщины действительно провалилась... Известно, что Евгения Ивановна не баловала никого. Племянника своего, Пальчикова², за шалости запирала с лебедями, которые жестоко избивали крыльями несчастного ребенка.

¹ Подготовка к печати и текст примечаний Янины Свице.

² Текст примечаний см. в конце статьи.

Впрочем, сколько я помню с детства, у соседей я не подмечал в прислуге запуганности. Все казалось просто, как у нас. У нас был, например, буфетчик Степан Петрович, вечно пьяный и ежедневно бивший посуду. Отец на него прикрикнет, пригрозит, бывало, что велит его наказать, а Степан Петрович знал, что он завтра еще побьет посуду и то же услышит от своего барина. Но я не знаю ни одного случая, чтоб отец мой кого-нибудь ударил. Таков был и мой дед... Как только в деревню приходили бабы с ягодами или по каким-нибудь хозяйственным делам, говорили они с моею матерью смело, держали себя просто, и я не помню, чтоб когда-нибудь ее лицо, при разговоре с ними, не украшалось улыбкою. В прощенный день, т. е. последний день масленой недели, многие крестьяне приезжали к нам в город. Они кланялись в ноги моей матери, целовали у нее руку и просили простить, если в чем-нибудь перед нею прегрешили или огорчили. «Бог простит, — отвечала мать. — Меня простите Христа ради» ...Когда скончалась моя мать, несмотря на бездорожье (4 марта), все крестьяне из ближайшей к Уфе деревни (33 версты) прибыли на погребение и не допустили ставить гроб на катафалк. Несли его до кладбища на руках, наперерыв добиваясь этой ноши, а катафалк следовал пустой.

...Дворовая прислуга мужская, как помню я, была распущена: почти все пьяницы. Праздность была причиною этого порока, а праздность являлась необходимым последствием многочисленности дворового штата... Женская прислуга пользовалась большею свободою в отношении господ и некоторою фамильярностью, потому что она была ближе, так сказать, к теремной их жизни: всегда была на глазах, была опрятнее, нравственнее. Дед мой, будучи до брезгливости чистоплотен, имея лакеев, не позволял им служить у стола, а служили девушки, всегда в белых фартуках и таких же косынках на шее.

О грамотности прислуги, кажется, мало заботились. Но молодые наши лакеи были все грамотные. Как только мои родители переехали в Уфу, всех дворовых мальчиков стали отдавать в уездное училище. Один из них так скоро и хорошо писал, что, сопутствуя братьям, а потом и мне в Казань, переписывал для нас лекции. Женский же персонал оставался неграмотным, только одна девушка самоучкой выучилась читать и посвящала чтению часы своего досуга. Впрочем, в давнее время и в той стране, близкой к Сибири, это и не должно удивлять. Бабушка моя, Листовская, урожденная Каменьщикова, родилась в Сибири в 1769 г. Она умела только читать, а писать ее не учили. Не учили там писать вообще всех девиц, чтоб, выросши, не могли переписываться с мужчинами. Вот какая была дичь.

...Благотворительность выполнялась очень просто. Помощь бедному оказывалась по первобытному приему, причем очень часто соблюдалось евангельское правило, «чтоб шуйца не знала, что творит десная». Дед мой, отец моей матери, уходя на службу, раскладывал на одном окне медные деньги и садил у окна мальчика-лакея, вменяя ему в обязанность подавать милостыню. Когда он возвращался домой и замечал, что денег осталось много, он делал выговор слуге: «Верно, ты бегал и не раздавал как следует, а тут, пожалуй, приходили и ни с чем ушли. Ты сыт, а иному теперь по твоей милости нечем пообедать».

Примеров чудачества и самодурства не оберешься... В Уфе был некто Демидов [2], богатый очень человек. Жена его выходит на крыльцо, чтоб делать визиты, а перед крыльцом рогожный возок и пара кляч в мочальной сбруе. Раздосадованная, возвращается она в комнаты, срывает с себя наряды. Муж выражает удивление: «Что с тобой, матушка?» «Что это за шутки, — замечает она, — лубочный возок и мочала!» — «Что ты, что ты, матушка, помилуй! Английская карета четверней!» И действительно, у крыльца уже стояла щегольская карета. Демидов оправдывался, что чудачество у них в фамилии наследственное, и рассказывал о разных выходах его родичей.

...Сильный страх навел на Уфу Пугачев. Небольшой городок, ничем не защищенный, без войска, не мог, казалось, противостоять полчищам злодея. Но нашелся человек, который воодушевлял жителей, распоряжался обороной, был, так сказать, ее душою. Это был почтенный горожанин Дюк [3]. Дочь свою сосватал он за одного молодого человека. Брак должен был состояться по взаимной склонности. Но старик Дюк узнает, что отец жениха пристал к злодею. Он прогоняет его из дома, не верит его уверениям в преданности отечеству и верности царице. По совету Дюка решено не допускать пугачевских полчищ до города, и встретили их на шестой версте. Молодой человек идет впереди всех и смертью на ратном поле доказывает свою верность. Дюк погребен близ собора (ныне Троицкая приходская церковь). Вероятно, когда-то собор этот был обнесен оградой [4], и могила Дюка была в ее черте. Теперь нет и следов знаменитого защитника города.

¹ Ныне ул. Октябрьской революции.

Город Уфа в начале этого столетия был очень маленький, улицы узкие, расположены по кряжам между оврагами. Где теперь одна Казанская улица¹, тогда были две — Казанская и Репная, так что посередине нынешней Казанской улицы были еще дома. Каменных построек не было ни одной. Жители были бедные, торговля ничтожная, население в окрестности редкое. Обыватели благодаря обилию пастбищ держали коров, лошадей, но навоза с дворов не вывозили. Через это в городе распространилось зловоние. Губернатор Наврозов [5] придумал остроумный способ помочь беде, не обременяя жителей. Он велел вывезти навоз на улицы и на улицах его сжечь. Это было в 1819 г. Результат превзошел ожидания. Наврозов думал сжечь только навоз, а сжег весь город. Вслед за тем его уволили. Говорили, и упорно, что он получил из Петербурга, неизвестно от кого, медаль с надписью: «Не нам, не нам, да и не вам». Не знаю, занимался ли потом Наврозов дезинфекцией других городов. Я видел его лет двадцать с небольшим спустя после этого, он был еще довольно бодрым стариком.

К императору Александру необыкновенное имел сочувствие бывший епископ уфимский, а потом архиепископ ярославский Августин [6]. Вот два замечательных случая. Ночью на 19 марта 1814 г. Августин в Уфе разбудил своего послушника и приказал в соборе к утрени звонить в большой колокол и духовенству собраться к молебну, который будет служить сам он соборне. Вставали все в это время рано, и губернаторы тоже. Губернатором был Наврозов. Услыхав звон в большой колокол, справившись со святыми и табелью и не найдя никакого в этот день праздника, он послал узнать о причине звона в праздничный колокол. Ему объяснили, что звонили по приказанию преосвященного, который сам соборне будет служить благодарственный молебен; но по какому случаю — никто не знает. Государь в это время, как известно, был с армией за границей, и потому Наврозов пришел к такому предположению, что не получил ли архиерей извещения через Синод о каком-нибудь событии ранее его. Он прибыл в собор к молебну и, прикладываясь к кресту, спросил архиерея: «По какому случаю молебен?». «Сегодняшний день государь император с воинством изволил вступить в Париж», — отвечал преосвященный. «Ваше преосвященство! Нет ли здесь какой-нибудь ошибки?» — спросил изумленный Наврозов. «Я не ошибаюсь, — ответил спокойно Августин. — И ваше превосходительство, как верноподданного, имею честь поздравить с сим счастливым событием». Через несколько недель все узнали, что Августин действительно не ошибся.

19 ноября 1825 г., т. е. в день кончины императора Александра I, Августин в Ярославле служил панихиду о рабе Божием Александре.

В своих рассказах «Мелочи архиерейской жизни» г. Лесков упоминает между прочим, что покойный митрополит Киевский Филарет, быв ректором Уфимской семинарии, переносил гонения от Августина. Я полагаю здесь ошибку. Митрополит Филарет был в Уфе при Амвросии. Мне помнится, я где-то читал

переписку Амвросия с Филаретом, уже членом Синода. Амвросий просил не памятовать ему зла. В ответе Филарета была легкая укоризна за предположение, что он может памятовать о зле, если б и было ему оно делаемо, и что все делается ко благу человека.

Августин приехал в Уфу франтом, ходил в бархатных рясах, в разговорах с дамами любил пересыпать свою речь французскими фразами. Но вдруг в нем произошла резкая перемена: он стал ходить в крашенинной рясе, ездил в собор на служение в кибитке на паре лошадей, по епархии в кибитке на тройке. Рядом сажал протоиерея, на козлы протодиакона, а на облучок — посошника (он же и послушник его). С шести часов утра он был в Консистории, и ни одно прошение, ни одна бумажка не миновала его рук: сейчас же наводилась справка, клалась резолюция и исполнялась. Взятничество, разумеется, при таких порядках было немислимо. Но содержание консисторских чиновников было столь скудно, что существовать без посторонних источников не представлялось возможным. Зная это хорошо, архипастырь ограничил до крайности собственные расходы, разделяя весь остаток от своего содержания и прогонов на консисторскую братию.

Такого же образа жизни держался Августин и в Ярославле, что казалось странным, и за эти странности, кажется, он и уволен был на покой. Образ жизни вел он в Ростове отшельнический, прислуги у него не было. Когда уфимская помещица А.И. Лазарева зашла к нему в Ростове, он очень обрадовался, сам поставил самовар, напоил ее чаем. При ней же он, нагнувшись, мешал кочергою в печи и закрыл трубу. Августин был очень расположен к потомственному почетному гражданину И. Плешанову. Плешанов считал его мужем боговдохновенным и говорил, что все случаи его жизни были ему задолго предсказаны Августином.

В начале этого столетия в Уфе был архиереем Аркадий [7]. Он каждый праздник говорил поучения без приготовления. Его поучения были обличительного характера и касались личностей. Дамы в то время носили платья по моде времен Директории. В таких нарядах три-четыре губернские аристократки являлись в собор, где их красивые фигуры привлекали взоры публики. Преосвященный, в обычное время вышед для поучения из алтаря, обратился прямо к дамам со следующей речью: «Вы приходите в храм Бога живаго не для того, чтоб преклоняться перед Ним в духе и истине, а становитесь как идола в капище, желая, чтобы вам поклонялись».

Приехал в Уфу один помещик, очень толстый, что тогда не было редкостью. Является он к губернатору и говорит, что думает съездить в собор на архиерейское служение. «Не советую, — говорит губернатор. — Поднимет вас на зуб». «Да помилуйте, ваше превосходительство, ведь он меня совсем не знает». — «Ну вот увидите. Я уже не езжу на его служение. Что за охота? Как увидит меня, так непременно на мой счет скажет проповедь». Толстяк-помещик на другой день, несмотря на предостережение, был в соборе и, чтобы ближе видеть архиерея, пробрался вперед. Говорят: «В тучном теле не обитает благодати». По-видимому, помещик дал тому некоторое доказательство. Класть поклоны он не имел физической возможности, стоять ему было тяжело, и он то опирался на решетку, то на трость и притом пыхтел, как самовар. Преосвященный вышел для проповеди, облокотился на жезл и, обратив взоры свои к «шипевшему самовару», начал так свое пастырское слово: «О ты, разжирев, растолстев и забыв Бога живаго» и т. д. Так толстяк-помещик познакомился со своим архипастырем.

Образование до тридцатых годов было поставлено крайне слабо. Гимназия в Уфе открыта [8], кажется, в конце царствования императора Александра I. В уездах же стояла темь непроглядная. В детстве моем в мое распоряжение был отдан альбом немолодой уже девицы Е.И. Исаевой, жившей около 1820-го г. в Мензелинске. Альбом был исчерчен стихами и прозой. Разумеется, он оканчивался

остроумным произведением прошлого столетия: «На последнем сем листочке напишу четыре строчки». В альбоме говорилось очень много комплиментов молодой тогда девице. Но забавнее всего была заметка какого-то разочарованного господина, которому приторною казалась лесть. Я удержал в памяти следующую галиматью: «Изъясненные в сем альбоме некоторые предрассудки не могут быть сочтены за имовверное, ибо как в свете все переменяется, так и в народе дух колеблется».

Но развитие края во всех отношениях шло быстро. Город Уфа разрастался, река Белая сделалась торговым путем, образовались в Уфе торговые дома, наконец, гимназия и семинария [9]. Духовенство облагородилось. Еще во второй четверти этого столетия оставались старики-священники, поражавшие своею грубостью. Так, рассказывали об одном священнике Ласточкине [10], которого сына я еще помню. К нему подходит дама принять причастие, а ему показалось, что она мало для того раскрыла рот. «Что ты боишься, что ли, рот-то раскрыть? Ну куда я тебе лжицу-то просуну?» Сконфуженная молодая особа, боясь повторений подобного замечания, открывает рот со всем усердием; но не угодила и тем старику. «Смотри, пожалуй, она никак уж и меня с сосудом проглотить хочет!»

Мало уступал ему и мой законоучитель, протоиерей Бреев [11]. Церковь Успения была тогда деревянная, очень маленькая (это было уже в сороковых годах). Жена губернатора Балкашина [12] любила бывать в этой церкви, потому, быть может, что избрала старика Бреева своим духовником. Становилась она на левом клиросе и, при большом выходе, делала земной поклон у самых северных врат, стесняя тем старика при выходе из алтаря с чашею. Он, встретив близкую к Балкашиной особу, говорит ей: «Ты скажи своей-то губернаторше — я ей на язык наступлю, что, в самом деле, она мне под ноги лезет». Но старик этот был почтенный и всеми уважаемый. Лет тридцать он был законоучителем в гимназии. Он соорудил трудами своими каменную церковь в селе Подлубове и две каменные церкви — Покровскую и Успенскую — в Уфе. Все свои достатки он клал в церковь и дом свой завещал ей. Преосвященный Иосиф [13] представил его к алмазному кресту. Старик мечтал об этой награде и мечтал почему? Он рассчитывал, что, продав эту драгоценность, устроит иконостас для одного придела. Церковь была им выстроена с расчетом, когда будут средства, устроить еще два иконостаса, и она будет трехпрестольною. Но скупой на подобные награды для провинциального духовенства Синод вместо креста прислал награду полегче — свое благословение. Преосвященный Иосиф пригласил старика к себе и, соболезнуя о нем, чтобы приготовить его к горькой вести, повел речь о тщетах земных почестей. Старик сейчас смекнул, в чем дело. «Да ну, что там? Видно, из Синода что-нибудь получено?» — перебил он архиерея. «Да, отец протоиерей, — печально заметил владыка. — Святейший Синод посылает вам свое благословение». «Вот тебе на! Я сам сорок лет благословляю!» — с горечью ответил старик. Выходка была неожиданная и смешная, но старик был жалок. Уже после его блаженной кончины устроены два иконостаса, и церковь теперь трехпрестольная.

Когда приехал в Уфу военный губернатор граф Сухтелен [14], его дочери, делая визиты в карете, завязли, карету едва вытащили. Сухтелен, чтоб поднять Уфу, разделил время своего пребывания по полугодиям для Оренбурга и Уфы. Он положил начало сооружению оригинальной архитектуры зданий городских частей, устроил для прямых сообщений улиц через овраги дамбы, существующие и поныне. Жаль, что ранняя смерть прекратила деятельность на пользу края этого человека. Преемник его, Перовский [15], напротив, никогда не ездил в Уфу и старался возвысить Оренбург, стянув туда все учреждения, как, например, институт, Башкирское управление и пр., в эту песочницу, где от климата гибли дети, да не выносили его и взрослые.

Наконец, в конце тридцатых годов, устроены были в Уфе фонари и освещались конопляным маслом. Но вскоре заметили, что просветители города, т. е. будочники, которые занимались фонарями, изобрели применение этого осветительного материала к гречневой каше. Тогда губернатор Талызин [16] велел прибавлять в масло скипидару.

До 1845 г. не было даже тротуаров. Были завалины возле домов, где весной раньше просыхала и протапывалась тропа. Но переход через улицу был затруднителен. Дом наш угловой, и мы, глядя в окна, забавлялись, как нарядные горожанки на Святой неделе, идя под качели, частенько в грязи на нашей улице оставляли свои башмаки. Весною улица наша превращалась в реку, по которой плавали снесенные от ворот мостики, плавали и ныряли гуси и утки! Но в 1845 г. губернатор Балкашин занялся устройством шоссе, тротуаров, бульваров. Исчезла перед нашим домом река, к немалой досаде гусей и уток, а освещение заменилось спиртовым. И.Ф. Базилевский [17] пожертвовал городу двести фонарей, из которых половину Перовский велел доставить в Оренбург. Принимая во внимание, что Уфа занимала в шесть раз большее пространство против Оренбурга, нельзя признать дележ этот равномерным. А с волею жертвователя и вовсе не справлялись.

Известно, что еще монголы приучили нас платить дань и переносить это безропотно. «Привычка — вторая натура» — говорит пословица. Царь Иван III избавил нас от монголов, но не избавил от дани, которую продолжали мы платить под разными видами уже своим доморощенным баскакам. Так платили откуп всем, начиная от губернатора. Губернатор Балкашин от этой дани отказался. Но сила привычки велика: откуп [18], видя в своих книгах по губернаторской статье пробыл, впал в превеликую тоску и, чтоб избавиться от нее, предложил освещать город спиртом. И все таким образом устроилось как нельзя лучше: совесть губернатора была покойна, откуп избавился от тоски, а город от расхода.

Упомяну здесь несколько курьезов из служебной сферы, характеризующих известную эпоху.

...В начале 40-х гг. был в Уфе губернатором Иван Дмитриевич Талызин, человек очень умный, дельный, живой и горячий. Был он недоволен городским головою Н. [19]. Призвав его и распушив, как водилось, он между прочим заметил: «Ты сегодня у меня голова, а я завтра из тебя сделаю пешку и кровь выпущу!»

...В 1851 г. приезжал на ревизию Палаты государственных имуществ в Уфу директор департамента Ган. Управляющим палатой был Л.О. Строковский, человек очень умный, честный и дельный, но большой чудака. При приеме лесных офицеров Ган обратился к ним приблизительно со следующей речью: «Я удивляюсь, господа, как вы не живете в лесу? Что может быть приятнее этой жизни? Как, например, в Германии: лесной офицер встанет утром рано, берет своего верного друга — собаку, на плечо — ружье и отправляется по участку, вдыхает благоухающий ароматический воздух, набивает дичи и, незаметно обойдя свой участок, возвращается с добычей к обеду к дорогой своей семье!» «Позвольте спросить ваше превосходительство, — обратился к Гану Строковский. — Как может наш лесной офицер со своим верным другом-собакою обойти до обеда свой участок, имеющий в окружности четыреста верст?!» По-видимому, Строковский не убедил Гана, потому что был уволен от должности, хотя Палата при нем была в отличном состоянии.

Педагогический институт, ныне упраздненный, выпускал таких наивных молодых людей, которых можно было сравнивать с институтками того времени. Один из воспитанников института Фомин определен был в сороковых годах на службу в Уфу. В субботу на 6-й неделе Великого поста он заехал к моему брату (сверстнику ему по годам, но воспитаннику университета) и застал его за туалетом. На вопрос, куда собирается мой брат, последний пресерьезно ему отвечал: «Да ведь сегодня

Лазарево воскресенье [20]». — «Так что же?» — «Как что? Лазаревы — именинницы, надо поздравить». Поблагодарив судьбу, избавившую его от неловкости перед Лазаревыми, Фомин отправился к ним с поздравлением. Семья Лазаревых состояла из старухи матери и трех дочерей. Все они, начиная со старухи, отличались умом, находчивостью и остротой. Фомин застал всех в гостинной. Все его поблагодарили за внимание, повторив благодарность свою при прощании. Наивный Фомин испытывал, конечно, немало удовольствия от удачи. Прошло две недели, наступила Фомина [21] неделя. Является от Лазаревых к Фомину посланный: «Барышни Лазаревы приказали кланяться и поздравить вас с именинами». Тогда только Фомин познал свою ошибку и шутку моего брата. В понедельник является к Фомину тот же посланный и приветствует его тою же стереотипною фразой: «Барышни Лазаревы приказали кланяться и поздравить вас с именинами». Во вторник — то же, в среду — то же. Наконец, Фомин велел посланному впредь отказывать, что барина нет дома, но, тем не менее, до самого воскресенья прислуга докладывала, что посланный с поздравлением от барышень Лазаревых приходил. В первый же день о поздравлении, посланном Лазаревыми Фомину, знало почти все небольшое общество Уфы, составлявшее один кружок. При живом общении и почти патриархальном быте Фомину приходилось ежедневно встречаться со многими знакомыми, и вопросы, получил ли он сегодня поздравление от Лазаревых, еще более раздражали его, чем самое поздравление. Эта злосчастная Фомина неделя осталась очень памятною для Фомина.

В былое время проживал в Мензелинском уезде Уфимской губернии помещик С.А. Пальчиков [22] ...Пальчиков отличался находчивостью. Поссорившись с помещиком А., он назвал его скотом. В то время власть в провинции была сосредоточена в руках губернатора, и все учреждения состояли в прямой или косвенной от него зависимости, а потому по всяким делам с жалобами обращались к губернатору. Обратился к нему и оскорбленный А. Губернатор потребовал от Пальчикова объяснения. Пальчиков в объяснении своем между прочим пишет: «Что А. скот, того я не говорил». Но первые три слова он написал по поскобленному, а в конце сделал оговорку в той форме, как принято в деловых бумагах, а именно оговорил: «А что по подчищенному написано “что А. скот”, тому верить». Ну что было с ним делать?

В старое время полиция далеко не пользовалась доверием общества. Оклады были малые, и нужно было как-нибудь промышлять «ребятишкам на мелочишку». Дела о краже, например, редко доходили до суда: возьмет полиция с вора контрибуцию и отпустит пригрозив, чтоб впредь не попадался, а втайне желая этого всею душою... Смелость полиции доходила до того, что украденное у губернатора могло переходить к полицмейстеру. Управлял губерниею в Уфе (тогда Оренбургскою) некто Македонский [23]. У него в гостинной в простенках под зеркалами стояли серебряные подсвечники с вензелями хозяйки. Дом был низенький. Раз летом, вечером, вор, подойдя к отворенному среднему окну гостинной и протянув руки направо и налево, взял от каждого зеркала по подсвечнику. На другой день об этом было сообщено полицмейстеру В., который успокоил его превосходительство, что будут приняты все меры к отысканию. Но, однако, прошло более полугода, а о подсвечниках нет и помину. Зимой полицмейстер дает бал. На карточном столе в одной из комнат губернаторша, случайно проходя, заметила знакомые подсвечники. Подойдя ближе, она увидела и свой вензель — В.М. По деликатности она не сказала об этом даже мужу.

...В двадцатых годах был оренбургским военным губернатором и командиром отдельного оренбургского корпуса князь Волконский [24], человек престарелый. Когда он был отозван, то сделал смотр башкиро-мещерякскому войску, к которому обратился приблизительно со следующими словами: «Прощайте, ребята!

Я послужил с вами довольно, теперь меня царь к себе требует!» «Ну прощай, бачка, ваше сиятельство! — добродушно отвечают башкирцы. — Ну что же, пора! Пора! Стара стала, глупа стала, ум кончал».

Приемником князя Волконского был граф Сухтелен, человек ума государственного. С живым усердием отнесся он к своим обязанностям и в короткое свое управление увековечил о себе память в крае. Когда умер он и в одной из петербургских гостиных шел разговор о том, кем заменить Сухтелена, граф Толь сказал: «Заместить его можно, а заменить нельзя!».

Заботой оренбургского военного губернатора Обручева [25] было водворение между кочующими племенами оседлости... Башкирцы летом откочевывали от зимнего поселения верст за 20–40. На тучных лугах, обилующих ковылем, клевером и другими кормовыми злаками, паслись табуны их лошадей, отличавшихся быстротою и выносливостью. Башкирец не запасал зимнего корма для своих лошадей. По мере того как на кочевке вытравливалась трава, башкирцы переносили свои коши ближе и ближе к зимнему поселению, возле которого до зимы трава оставалась нетронутою и поедалась зимою лошадьми, которым приходилось усердно работать копытом, чтоб добывать корм из-под глубокого снега. Генерал Обручев, желая положить конец дикой жизни башкирцев, ввел обязательную запашку. Но тяжело было башкирцу расстаться со своим обычаем проводить лето на кочевке... Мороз начинает уже щемить землю, башкирец продает лошадь и покупает семена. Пора, говорит, «сыпить зерна». И действительно, он их «сыпит». Кое-как его деревянная сошка поцарапает землю, «посыпит» башкирец на нее зерно, поклюет это зерно птица, а остальное промерзает — не взойдет. И на будущий год хлеба нет, лошадью одной меньше, и опять забота «сыпить зерна» по приказанию начальства. Башкирец не умел «зерна сыпать», но его лихие лошади изумляли быстротою бега и выносливостью. Бывало, станция в 20–22 версты делается в один час. Когда один мой знакомый Н.А. Галкин, купив под Уфою имение, в первый раз ехал туда, его поразила эта быстрая езда. «Тише!» — кричит он ямщику. «Как тише? — отвечает удивленный башкирец. — Зачем лошадь портить?»

...В тридцатых годах в Уфе был губернатором Авксентий Павлович Гевлич [26]. Это был человек высокой честности, умный, ученый, но человек кабинетный, тихий. Раз, проходя по базару, он встретил отставного солдата, кем-то крайне обиженного. «Служивый! — спрашивает его Гевлич. — Что с тобою? Кто тебя обидел?» Служивый рассказал обиду. «Что же ты не пожалуешься?» — «Да кому жаловаться-то?» — «Да ты бы пожаловался губернатору». — «Эх, губернатору! Да губернатор-то, говорят, у нас — “баба”!» — не без досады заметил солдат. Рассказывая об этом случае моему отцу, Гевлич прибавил смеясь: «Вот какую я нажил себе репутацию!»

Когда Скобелев (бывший комендант Петербургской крепости) служил фельдфебелем в Уфимском линейном батальоне, командиром батальона был полковник Василий Данилович Лазарев, человек строгий. Скобелев любил покутить, а потому ему частенько доставалось от полковника. Но молодая полковница защищала его от гнева командира. Старик Скобелев был всегда ей признателен. Быв уже комендантом, он говаривал ей: «Помнишь, мать-командирша, как ты меня от полковничьего гнева спасала?»

Когда А.А. Катенин [27] был назначен оренбургским генерал-губернатором, К.С. Безносов [28], отчисленный по кавалерии в чине подполковника, поступил к нему в 1857 г. чиновником особых поручений, а в следующем году произведен в полковники. Безносов обратил внимание на р. Белую, по которой до того времени только весной сплавлялись барки с хлебом, железом и плоты. Сразу определив значение этого водного пути для края, если бы по этой реке было постоянное пароходное движение, прельстившись красотой реки и прозрачностью

ее воды, Безносовых, не долго думая, проплыл в лодке по всей реке, начиная со Стерлитамака до устья, — верст 600. Он измерил фарватер и нашел, что от самого г. Уфы река удобна для движения пароходов. Этого, конечно, было недостаточно. Нужно было найти предприимчивого человека, да еще уверить в точности произведенного промера и выгоде предприятия. Безносовых отправился в Петербург и стал убеждать И.Ф. Базилевского купить для этой цели пароход. Базилевский, не думая о выгоде, но по любви к родному городу, где протекла его молодость и началось его обогащение, решился купить пароход и доставить его на Белую. Тогда-то, увидев, что пароход действительно свободно совершает путь от Уфы до Казани и обратно, общество «Самолет» сделало предложение учредить правильное пароходное сообщение по Белой, прося на то привилегию. Но Безносовых всеми силами старался не допустить монополии и убедил Катенина отказать в привилегии. Тогда общество «Самолет» решилось разделить три парохода для Белой, да в самой Уфе образовалось самостоятельное общество Бельского пароходства. И теперь ежедневно в Уфу приходят пароходы. Нечего и говорить, как это оживило город и способствовало его материальному подъему. А многие ли из уфимских жителей знают, кому они тем обязаны?

...Сколько людей, которыми гордилась бы Европа, незаметно ни для кого, кроме дела, которому они служили, прошли у нас свое поприще почти без огласки, и ни современники, ни потомство не отметят верных слуг России доброй памятью.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Как и Можаровым, помещикам Пальчиковым принадлежало несколько крупных имений в Мензелинском уезде Уфимской губернии.

2. Видимо, речь о горнозаводчике Иване Евдокимовиче Демидове, в доме которого в 1775 г. останавливался прибывший в Уфу А.В. Суворов.

3. *Дюков Иван Игнатьевич* — торговавший в Уфе и Оренбурге ростовский купец. Один из руководителей обороны Уфы от пугачевцев зимой 1773–1774-х гг., составивший воинский отряд из купцов и мещан. Рассказанная Листовским история о женихе его дочери, видимо, бытовавшая в Уфе легенда, т. к. по сведениям Р.Г. Игнатьева Дюкову во время осады Уфы было 23 года.

4. В 1824 г. к приезду в Уфу императора Александра I Смоленский собор был значительно переделан. Снесено два придела XVII века, а с западной стороны сооружена большая пристройка «на том самом месте, где раньше было кладбище и где, между прочим, погребены были и павшие во время осады Уфы». Когда государю, посетившему собор, рассказали о его перестройке, «он некоторое время оставался задумчивым, а потом изволил сказать: “Следовало бы стариную подорожить”».

5. *Наврозов Матвей Андреевич*, действительный статский советник, гражданский губернатор в 1811–1822-х гг. С 1802 г. до середины XIX в. военно-административное управление Оренбургской губернии находилось в Оренбурге, все гражданские учреждения — в Уфе. Военный губернатор жил в Оренбурге, подчиненный ему гражданский губернатор — в Уфе. Пожар произошел 1 июня 1821 г. «от зажженного навоза в предохранение от бывшего тогда скотского падежа... сгорела половина города... Многие из жителей лишились имущества и принуждены были жить некоторое время за городом под открытым небом, а другие в ближних деревнях»¹. Причиной пожара явилось не только распоряжение губернатора, но и небрежность жителей, не следивших за навозом, который длительное время тлел вблизи зданий. Ушедший в отставку, М.А. Наврозов в 1820–1840-х гг. жил с семьей в своем имении в Белебеевском уезде.

6. Епископ *Августин (Сахаров, 1768–1842)*, на уфимской кафедре в 1806–1819-х гг. Окончил Петербургскую духовную академию. Приняв монашество, был ректором семинарий, настоятелем монастырей в Ярославле, Рязани, Петергофе. В 1806 г. был хиротонисан во епископа Оренбургского. Предпринял ряд действенных мер по улучшению состояния епархии. Вел подвижнический, аскетический образ жизни, обладал большой ученостью. Яркий, своеобразный и неоднозначный по характеру, он вызывал симпатии многих современников, но его взыскательность и бескомпромиссность время от времени приводила к конфликтам со светскими властями и частью духовенства. Так, он действительно настойчиво преследовал настоятеля Успенского монастыря и ректора семинарии архимандрита Филарета (Амфитеатрова), назначенного в Уфу

¹ Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. С. XIX.

еще при предшественнике Августина епископе Амвросии I (Келембете). Впоследствии став митрополитом Киевским и членом Синода, Филарет оказывал помощь Августину и с уважением отзывался о нем. В 1819 г. епископ Августин по его просьбе был уволен на покой в Варницкий Ростовский монастырь, где полностью посвятил себя научной работе, к которой имел преобладающую склонность. Скончался в 1842 г. Многие из его богословских трудов и пособий для духовных учебных заведений признаны фундаментальными, тем не менее они так и не были напечатаны, оставшись в рукописях.

7. Епископ *Аркадий (Федоров, 1786–1870)*, на уфимской кафедре в 1828–1831-х гг. Окончил Владимирскую духовную семинарию. Приняв постриг, управлял монастырем во Владимире, затем был ректором Минской и Ярославской семинарий. В 1828 г. хиротонисан во епископа Оренбургского. Вел активную борьбу с уральскими раскольниками.

8. Мужская гимназия в Уфе была открыта в 1828 г.

9. Духовная семинария открыта в 1800 г. в здании Консистории. С 1828 г. размещалась в новом каменном здании по ул. Семинарской (Александровской).

10. Возможно, отец уфимского священника Порфирия Ивановича Ласточкина, протоиерея в 1858 г., члена духовной Консистории.

11. *Бреев Иоанн Антонович*, протоиерей. Состоял послушником при епископе Августине. Окончил Уфимскую духовную семинарию, где студентом преподавал в младших классах. Служил священником в с. Подлубове, в 1820-х гг. — в уфимской Покровской церкви. Деревянная холодная Покровская церковь в начале XIX в. за ветхостью была снесена, а стоявшая рядом с ней теплая Никольская в 1808 г. сгорела. На их месте уфимский купец Д.С. Жулябин начал постройку каменного Покровского храма с Никольским приделом, который был освящен в 1817 г. Во время пожара 1821 г. недостроенная церковь пострадала. Священник Иоанн Бреев более всех потрудился во время дальнейшего строительства храма, вновь освященного в 1823 г. Служил в деревянной Успенской церкви. В 1839 г. храм был разобран. О. Иоанн Бреев принял самое деятельное участие в строительстве новой каменной церкви, которая была освящена в 1849 г. В 1862 г. освящен придел во имя архангела Михаила, в 1864 г. — придел во имя Георгия Победоносца. По архитектуре и внутреннему убранству этот храм был одним из лучших в Уфе, но в 1930-х гг. снесен, на его месте находится жилой дом, ул. Коммунистическая, 75.

12. *Балкашин Николай Васильевич*, коллежский советник, гражданский губернатор в 1846–1849-х гг.

13. Епископ *Иосиф (Богословский)*, на Уфимской кафедре в 1849–1853-х гг.

14. *Сухтелен Павел Петрович*, граф, генерал-лейтенант, военный губернатор в 1830–1833-х гг. Скончался и погребен в Оренбурге.

15. *Перовский Василий Алексеевич*, генерал-лейтенант, военный губернатор в 1833–1842-х гг.

16. *Талызин Иван Дмитриевич*, действительный статский советник, гражданский губернатор в 1840–1844-х гг.

17. *Базилевский Иван Федорович (1791–1876)*, действительный статский советник, золотопромышленник, крупнейший землевладелец. Сын стерлитамакского священника, окончил Уфимскую духовную семинарию, Казанскую духовную академию. Служил в Уфе, разбогатев, переехал в Петербург. Известен многими благотворительными пожертвованиями для Уфы и губернии.

18. Имеются в виду откупщики, люди, получавшие от властей откуп, т. е. право монопольной продажи (например, винный откуп).

19. Во время губернаторства И.Д. Талызина (1840–1844) городским головой в 1834–1841 и в 1844–1850-х гг. состоял Иван Андреевич Нестеров — дед художника М.В. Нестерова. Известно, что многие мероприятия по благоустройству города совершались усердием и стараниями И.А. Нестерова.

20. Лазарева суббота накануне Вербного воскресенья. В этот день поминается святой Лазарь, который был воскрешен Христом на четвертый день после смерти.

21. Вторая неделя после Пасхи, во время которой церковью поминается апостол Фома.

22. Возможно, поручик Сергей Александрович Пальчиков, в 1826–1829 и 1838–1841-х гг. предводитель дворянства Мензелинского и Бирского уездов. В 1830–1833-х гг. губернский предводитель дворянства.

23. *Македонский Александр Андреевич*, действительный статский советник, гражданский губернатор в 1844–1846-х гг.

24. *Волконский Григорий Семенович*, князь, генерал от кавалерии, военный губернатор в 1803–1817-х гг.

25. *Обручев Владимир Афанасьевич*, генерал от инфантерии, военный губернатор в 1842–1850-х гг.

26. *Гевлич Авксентий Павлович*, действительный статский советник, доктор прав, гражданский губернатор в 1838–1839-х гг.

27. *Катенин Александр Андреевич*, генерал-лейтенант, генерал-губернатор оренбургский и самарский в 1857–1859-х гг.

28. В 1884 г. Листовский опубликовал в «Русском архиве» биографический очерк «Русский человек. К.С. Безносовых». Очерк посвящен во многом не оцененному и забытому уже современниками генералу Константину Степановичу Безносову (1811–1876), деятельно служившему в Сибири, Оренбургской губернии, Туркестане и способствовавшему благоустройству окраин России. К.С. Безносов, помимо непосредственных служебных обязанностей, по своей инициативе постоянно совершал длительные исследовательские экспедиции, составлял карты, промерял фарватеры рек, разработал первый проект железной дороги от Уфы в Среднюю Азию.

Анатолий
Чечуха

ЭХО ДАВНИХ ДНЕЙ

ПИВНАЯ В БИБЛИОТЕКЕ

«Звание “почетный гражданин” появилось в России в 1832 году. Оно давало его носителям почти те же привилегии, что имели дворяне, за исключением права владеть крепостными. В июне 1969 года в Уфимском горсовете возникла идея возобновить это звание на новой основе», — так начинал я когда-то один из своих очерков. Но, перечисляя имена людей, получивших это звание до революции (купцы Блохины, В.И. Видинеев, В.Е. Поносов, Ф.Е. Чижов), я почему-то совсем забыл о человеке, которого всегда очень почитал и который оставил в истории нашего города такой заметный след, что и через семьдесят лет после его смерти о нем вспоминают, его цитируют. Мало того — интерес к нему не только не уменьшается, но и растет.

Впрочем, забыв про него, я, должно быть, отдал дань некоей негласной нашей традиции, что имя Михаила Нестерова не столь уж и значимо для Уфы. Во всяком случае, еще в 1956-м была безжалостно уничтожена его родовая усадьба, в том числе и мастерская, где на свет появились прославившие его на всю Россию, да и на всю культурную Европу, а значит, и Уфу, картины «Пустынник», «Видение отроку Варфоломею» и «Портрет дочери Ольги» («Амазонка»). Мне возражат: есть, дескать, в Уфе улица Нестерова. Но, во-первых, расположена она аж за Курочкиной горой, в Максимовке. А, во-вторых, при ближайшем рассмотрении выясняется, что вообще-то она носит имя Петра Нестерова — замечательного pilota, первого в мире выполнившего мертвую петлю.

Так что следы Михаила Васильевича в нашем городе еще надо поискать. Да, у нас есть Художественный музей имени Нестерова, начинавшийся с собрания картин, преподнесенных Михаилом Васильевичем родному городу в подарок. Причем важное условие, поставленное самим Нестеровым («Картинная галерея должна будет носить имя жертвователя»), было выполнено далеко не сразу — лишь в 1954-м. Но в музеях Аксакова, Гафури, Тюлькина можно просто взглянуть на то, как эти люди жили, что чувствовали. В конце концов, просто прикоснуться к стенам, их помнящим. Что же касается Нестерова...

Почти четыре десятилетия висела на гостинице «Агидель» табличка, уведомлявшая, что когда-то на этом месте стоял дом, в котором в 1862 году родился художник Михаил Нестеров. Да и она-то появилась почти случайно: только что, в 1962-м, широко отмечалось 100-летие со дня рождения великого уфимца — с выставками, книгами, статьями, медалями и почтовой маркой, и эта мемориальная

*Снос родного дома
М.В. Нестерова
на ул. Ленина.
Фото 1956 г.*

доска появилась как некое возмещение морального ущерба. Правда, находился дом не совсем там, а скорее там, где ныне вход в гостиницу. Почему-то, хотя строительство гостиницы и началось в конце 1950-х и фотографий этой части бывшей Центральной улицы существует немало, доска была повешена на полсотни метров дальше. Более того: уже в «Кратком справочнике о городе Уфе», выпущенном для участников соревнований лыжников в конце зимы 1950 года, в качестве родного дома М.В. Нестерова указан небольшой трехконный каменный флигель по улице Ленина, 16. И это всего лишь через семь лет после смерти художника, когда живы еще были свидетели жизни Нестеровых в Уфе, когда была жива дочь Нестерова Ольга Михайловна! Следуя традициям того времени, упомянутая брошюра упоминает о местах, связанных с революционным прошлым. Но не забыта и бывшая гостиница «Метрополь» на улице Ленина (напротив нынешнего мединститута) и другие красивые здания. То есть авторы искренне пытались составить список городских достопримечательностей, но при этом, видимо, очень торопились и потому знатоков разыскать не смогли.

Если мы обратимся к Справочной книге г. Уфы, например, за 1911 год, то обнаружим, что М.В. Нестеров является владельцем земельного участка (обратите внимание — не дома, а именно участка) под № 14, между Дворянским собранием и усадьбой Суйковской и Штехер. Вплоть до осени 1914 года художник владел двумя домами, соединенными красивыми каменными воротами, по красной линии улицы Центральной. К тому времени родители его уже умерли, в 1913 году скончалась и сестра — Александра Васильевна. Последний раз художник приезжал в родной город в сентябре 1914 года, как он сам писал, «кончать с домом». Усадьбу приобрело Уфимское губернское земство, один из домов арендовал позже Губернский книжный склад, вывеска которого хорошо заметна на снимках, сделанных во время первомайских демонстраций 1917-го и 1918 годов с балкона Аксаковского народного дома Аполлоном Зирахом. Эти снимки дают представление о внешнем виде строений усадьбы.

Слева от Нестеровых находилось владение № 16. Там обосновались аптека Суйковской, позже Дворжеца. Затем к аптеке пристроили кинотеатр «Новый фурор» (в советское время «Урал», «Акмулла», «Яналиф» и, наконец, с 1940 года — «Октябрь»). На месте входа в «Октябрь» и висела памятная доска в честь Нестерова.

И еще. Если в годы революции бывший дом Нестерова занимала библиотека, то в годы НЭПа там была пивная. Вот бы «порадовался» бывший хозяин, если бы приехал на родину. Но он не приезжал, хотя помнил и любил родной город

всегда: в его воспоминаниях «О пережитом» Уфа занимает одно из главных мест. В середине 1920-х было все же признано, что усадьба Нестерова имеет «государственное и историческое значение».

КУПЕЧЕСКИЙ СЫН

В описи недвижимого имущества отца художника — Василия Ивановича Нестерова, сделанной в 1897 году, содержится достаточно подробное описание построек: «Деревянный дом с антресолями¹, каменные службы, каменный флигель, крытые железом, баня и сад». Первое, что следует из этого описания, — родной дом знаменитого уфимца был, несмотря на то что мы вроде бы видим на фотографиях, деревянным. Таковым являлся левый от ворот. В этом могли убедиться и очевидцы его сноса, видно это и на фотографии того периода. Именно в этом доме и родился 19 мая (31-го по новому стилю, хотя самому Нестерову больше нравилось отмечать рождение 1 июня) 1862 года Михаил Васильевич Нестеров.

Так что, вопреки бытующему сегодня мнению, в прежней Уфе хорошим считался не каменный, а деревянный дом. И вовсе не потому, что такое жилье обходилось дешевле. Гораздо важнее, что деревянный сруб был теплее и уютнее. А для красоты и большей сохранности деревянные дома штукатурили или, как нестеровский дом, обкладывали кирпичом («футляром») и украшали лепниной. Признаком богатства же была железная крыша. В подобных домах жили многие состоятельные уфимцы.

¹ Антресоли — встроенный в высокое помещение дополнительный полуэтаж.

Магазин Палатина
на ул. Фроловской.
Фото 1900 г.

Ох уж эта состоятельность, как часто она губила подлинные способности, как часто юноши зарывали свой талант в землю, поддавшись уговорам родных о необходимости сохранения семейного дела. Как, к примеру, Палатин — «Палатин-племянник», которого Михаил Васильевич весьма колоритно описал в своих воспоминаниях: «Он был единственным наследником одинокого богатого купца Палатина. Этот Палатин-племянник, несмотря на свои “за сорок”, был как-то не самостоятелен; всегда и всем казалось, что за ним стоит его строгий дядюшка».

Маленькому Мише тоже приходилось стоять за прилавком отцовской лавки в Гостином дворе. Но торговать он мог, по его собственному признанию, лишь фольгой для икон и сосками. Да и то без большого удовольствия. Что уж говорить

о коврах с рисунками в стиле «налетай, торопись — покупай живопись» — с одалисками, турками с кальяном и скачущими бедуинами.

Но он ведь родился художником! И как же ему повезло, что отец не препятствовал его «художеству». И это несмотря на то, что учился Миша, мягко говоря, не слишком усердно. В 1872–1874 гг. будущий художник был гимназистом. Но единственное, что ему нравилось, — уроки рисования и их преподаватель Василий Петрович Травкин. И неудивительно: все остальные предметы, по мнению юного Нестерова, отнимали много времени — на детские проказы почти ничего не оставалось. Через несколько лет, уже учась в Москве, за свои не слишком, должно быть, невинные шалости Нестеров даже заработал лихое прозвище Пугачев.

А художник... — волновало уже одно это слово. Вот что Михаил Васильевич рассказывал своему биографу и другу Сергею Дурылину о своих еще догимназических годах: «Был тогда в Уфе художник — Тимашевский. Портреты писал. Деревянные. Его в городе уважали. Художник тогда был в Уфе в диковинку. Он идет по улице, а на него пальцами указывают: “Тимашевский идет! Смотрите, вот он!”». В книге «Нестеров. Жизнь и творчество» С.Н. Дурылин пишет, что уфимский портретист Матвей Тимашевский в 1853 году был «удостоен Академией художеств звания некласного художника за написанный с натуры портрет». Вполне возможно, что работы художника украшали уфимский дом Нестеровых. Так или иначе, но, по утверждению Михаила Васильевича, работы Тимашевского были первыми, по которым будущий академик живописи познакомился с искусством портрета.

Что касается непосредственно Тимашевского, то, если копнуть чуть глубже, выяснится, что основным источником его доходов была иконопись. Так, в 1861 году им были написаны восемнадцать икон для домового храма Епархиального училища. Но иконы эти, если и сохранились, то только в частных собраниях. Хотя в свое время художник написал их немало и потому был достаточно богатым человеком: переписью 1879 года Матвей Тимашевский отмечен как владелец дома в престижной части Каретной улицы (ныне Аксакова).

Долго, должно быть, жил в Уфе Тимашевский, во всяком случае, согласно адрес-календарю на 1871 год, дочь некласного художника Мария Матвеевна Тимашевская служила учителем чистописания в Мариинской женской гимназии. А еще через 33 года, в 1904-м, другая его дочь Анастасия Матвеевна работала классной надзирательницей женской гимназии, правда, дом на Аксаковской уже был продан.

Состоятельные люди почитали за честь, чтобы Тимашевский писал их «с натуры». Бывали у него в мастерской купцы, чиновники, помещики. Захаживали священники, сам владыка Филарет пригласил его (утверждать не берусь, но вряд ли столь важная персона доверила бы писать свой портрет художнику непопулярному): длинная галерея образов уфимских епископов, точнее то, что от нее осталось после революционных потрясений, по сей день украшает епархиальное управление.

Жил в Уфе в девятнадцатом веке купец второй гильдии Павел Попов. Как-то заказал Павел Васильевич местному художнику два небольших портрета. Мастер заказ выполнил, написав маслом на картоне и Павла Васильевича, и его жену, урожденную графиню Ушакову. А на обороте указал: «Писаль 6 июня 1856 года Тимашевский». Тщательность выполнения работ Тимашевским вызывает удивление и сегодня, что уж говорить о его современниках, еще не знавших фотографии.

*Уфимский городской голова П.В. Попов.
Художник
М. Тимашевский*

Заглянув же в справочник «Единый художественный рейтинг», обнаружим там только Ореста Тимашевского, мариниста. Портреты Орест Исаакович тоже писал, но в далеких от Уфы городах. Вот и все, кажется. Но не тут-то было: нестеровская ниточка связи с Уфой не обрывается и здесь.

ПО КАЗАНСКОЙ С ВЕТЕРКОМ

Разве что ленивый не цитировал в нашей прессе описанные Нестеровым масленичные и крещенские катания по улице Большой Казанской. Но рискну вновь предложить их вниманию читателя, ибо в данном случае без этого не обойтись. Правда, цитируя Нестерова здесь и далее, предложу читателю несколько иной вариант, нежели дан в советских времен «Давних днях», — точно так, как писал сам Михаил Васильевич, а не «улучшавшие» его редакторы. Итак: «Сани большие, ковровые, казанские, а в санях сидят супруги Кобяковы — старoverы из пригородной Нижегородки; они там первые богачи. Там у них мыловаренный завод, дом огромный, в два этажа, а при нем «моленка». <...> Вот Вера Трифоновна Попова с детками выехала в четырехместных санях, обитых малиновым бархатом, на своих гнедых, старых конях «в дышло». Она не менее дородна, чем Кобячиха. Она — «головиха», супруг ее, Павел Васильевич, второе трехлетие сидит головой в Уфе, и кто не знает, что настоящая-то голова — у головихи, Веры Трифоновны. Павел Васильевич тихий, смиренный, а она — она боевая».

Теперь взгляните на портреты. Поразительно, как данные Нестеровым характеристики совпадают с тем, что мы видим на них. Разумеется, люди эти неспроста запомнились Нестерову с малых лет: как купцы они, должно быть, не раз бывали в доме на улице Центральной, в гостях у Василия Ивановича. Либо Нестеровы гостили у Поповых в доме на углу Успенской и Бекетовской. Тем не менее, далеко не каждый художник, даже прожив большую творческую жизнь, сможет так выразить характер человека не на холсте, а словами. Кстати, отметим, что и самый первый «учитель» будущего художника, коим можно назвать Матвея Тимашевского, судя по всему, портретистом был далеко не бесталанным.

Что же касается Павла Васильевича Попова, то городским головой он был избран в 1865 году. Через несколько лет, как и дед М.В. Нестерова, вторично стал должностным лицом № 1 в Уфе. В мае 1883 года П.В. Попов был одним из немногих уфимцев, кто удостоился чести присутствовать на коронации Александра III.

Впрочем, я слишком сильно отвлекся. Вернемся к Нестерову-ученику. Почему все же отец художника поверил людям, профессию которых он уважал вряд больше, чем занятия балаганных театралов. Может, потому, что наслышан был о своем собрате по купечеству Павле Михайловиче Третьякове, более богатом, а стало быть, и высоко ценимом в купеческой среде? Если уж сам Третьяков собрал целую картинную галерею, потратив громадные деньги, значит, дело это вовсе не пустячное. Во всяком случае, сыну Василий Иванович как-то сказал, что признает его как художника не после получения разных званий и медалей, а только когда его картина будет у Третьякова в галерее.

Ну а пока, чтобы приучить 12-летнего сына к самостоятельности, родители отвезли его учиться в Москву. Но с учебой как-то сразу не заладилось и в Москве: «Учились мы не очень ретиво, — вспоминал Михаил Васильевич. — Именно там я привык лениться. Там у меня появились первые сомнения в себе, и если бы не ряд последующих событий, то, может быть, не много бы вышло из меня толку». Впрочем, уже тогда Нестеров выделялся не только в рисовании: с удовольствием он занимался русским языком и историей. А за каллиграфию (был когда-то такой предмет, светлая ему память) Мише и вовсе ставили «5 с двумя крестами и восклицательный знак».

Но что это за «последующие события», о которых пишет художник? И почему они так сильно повлияли на его творчество. Для начала сравните приведенные выше воспоминания о катаниях по Большой Казанской с теми, что написаны Нестеровым, когда ему было уже за шестьдесят: «Зима в тот год в Уфе была чудесная. Морозы были большие, но не сорокаградусные... После работы я ездил один или вдвоем с Ольгой в Старую Уфу к родным покойной жены. Славные это были поездки. К вечеру велишь, бывало, заложить пару с пристяжной в легкие санки, оденешься потеплей, закутаешь ноги полостью и прямо из ворот полетишь вниз по Казанской. Снежная пыль обдаёт лицо, шуба вся в снегу... Морозный вечер потухает. Над рекой и дальше, по луговой стороне на десяток верст, стоит морозная мгла, окрашенная в тона угасающей зори. Тихо, грустно, веет чем-то далеким, уходящим...» Художник настолько тонко передал все ощущения давних дней, что, читая эти строки, невольно погружаешься в атмосферу уфимского декабрьского вечера последнего десятилетия позапрошлого века. Все впечатления Нестерова тогда — уже не следствие бурного счастья, совсем недавно казавшегося ему вечным, а почти недоступная молодости и ни с чем не сравнимая радость воспоминания о том, что ушло навсегда. А ведь грустящему о прошлом не было еще и тридцати! Потерял же он свою любимую и вовсе в 24 года — когда все только начинается, когда считаешь себя всемогущим, а жизнь кажется нескончаемой и бесконечно радостной.

БАРЫШНЯ И НАЕЗДНИК

Поезд шел на целину. Уставшие от песен и дневной беготни молодые люди спали. Лишь одна молоденькая девушка, совсем еще школьница, напряженно всматриваясь в ночную темень, с замиранием сердца ждала станции. Еще утром она была беззаботна и весела — до тех самых пор, пока проводница не обронила случайно, что ночью поезд останавливается лишь в Уфе. Уфа — короткое слово это она с раннего детства часто слышала дома, в Москве. В Уфе родился ее дедушка. Она вспомнила, как пятилетней малышкой последний раз была у него на Сивцевом Вражке. Тогда он что-то рисовал акварелью. Еще она вспомнила, что, по словам матери, именно дед попросил дать ей имя Маша: это сочетание — Мария Ивановна — ласкало ему слух, будило воспоминания о прекраснейших годах жизни, о первой его любви. Любви счастливой и трагичной.

Маша забыла про целину, про энтузиазм. Ее хотелось одного — спрыгнуть на перрон незнакомой, но до боли родной Уфы. И бродить, бродить по улочкам, на которых когда-то начиналась любовь ее тезки — юной Машеньки Мартыновской к талантливому, хоть и ленивому ученику училища живописи Михаилу Нестерову...

Всю жизнь Нестеров помнил случайную встречу с Марией Ивановной в Ушаковском парке (сейчас его обычно называют парком Матросова). И встречу вторую, когда он, сидя верхом, но далеко не с тем «духом протеста», с коего начался его приезд в Уфу, «высматривал», где живет понравившаяся ему незнакомка. А еще — сблизившее молодых людей чаепитие у Федора Михайловича Троицкого — «батюшки Сергиевского». И счастливое спасение его от неминуемой гибели; спасителем же оказалась... Мария Ивановна, успевшая протянуть руки, когда не умеющего плавать Нестерова стало затягивать течением под плот.

Некоторые страницы этой истории завораживают и сегодня. В день отъезда юного художника в Москву Маша, чтобы проводить его, пешком прошла несколько верст. Ничего, вроде, удивительного, вот только вряд ли кому еще захочется «прогуляться» от нынешней Кавказской улицы (мечеть «Ихлас») до Сафроновской пристани. Да еще в дождь. Через два года она, едва узнав о болезни своего

Мишеньки, проехала в распутицу на лошадях триста километров. 18 августа 1885 года состоялось их венчание.

А в мае следующего года Нестеров жену похоронил. Вместо «огромного, невероятного счастья» — у Нестеровых родилась дочь Ольга — пришло что-то «другое, страшное, непонятное». Много лет спустя Михаил Васильевич писал: «Любовь к Маше и потеря ее сделали меня художником, вложили в мое художество недостающее содержание, и чувство, и живую душу...»

Каждый год, приезжая в Уфу на рождественские праздники, он заезжал в маленький дом с мезонином в Старой Уфе, куда его «вело воспоминание о Маше, о первой и самой истинной любви».

Этот дом на углу нынешних улиц Сазонова и Кавказской сгинул как-то незаметно, пожалуй, даже бестолково — сейчас на его месте пустырь...

ДОМИК В ТРИ ОКНА

Флигель дома
Нестеровых.
Фото 1950-х гг.

«Мастерская у меня очень удобная, в три окна, и больших. Словом, в подобной мастерской я работаю впервые», — писал из Уфы Нестеров в конце декабря 1888 года художнику И.С. Остроухову. Работал художник во флигеле родительского дома — каменном, что стоял справа от ворот. В Уфимском художественном музее имени Нестерова хранится документальное подтверждение этого факта. На небольшом холсте с названием «В Уфе» изображен вид с крыльца флигеля (или, возможно, из его дворового окна) на Торговые ряды и строящуюся Александровскую часовню. Хорошо видна деревянная арка между домами, позже замененная каменной, остатки снега в скрытых от солнца местах. Кстати, в одном из писем Турыгина есть полное название этой работы — «Ранняя весна (в Уфе)». Историк Павел Егоров отмечает, что часовня на картине, скорее всего, подготовлена к оштукатуриванию, а это было не раньше 1889 года. По воспоминаниям Михаила Васильевича, а также по сохранившимся его письмам из Уфы, можно утверждать, что картина выполнена в конце марта —

начале апреля 1889 года. Перед поездкой в Италию Нестеров тогда приехал в родной дом, гордый тем, что выполнил наказ отца: картину «Пустынник» приобрел для своей галереи П.М. Третьяков: «Весной с одним из первых пароходов я, счастливый, уехал в Уфу, где и был принят на сей раз как настоящий художник».

«Пустынник» был написан в том самом трехкоконном каменном флигеле, который художник хвалил в декабрьском письме. В Уфе же в 1889–1890 гг. увидела свет принеся Нестерову всероссийскую славу картина «Видение отроку Варфоломею». Здесь же сто лет назад, в июле 1906 года, художник приступил к работе над портретом дочери Ольги — знаменитой «Девушкой в амазонке».

Цитата из письма, отправленного из Уфы 9 июля 1906 года: «Ой, жарко! Ой, лень какая!.. Здесь поневоле больше болтался. Начал портрет Ольги, но по недостатке времени не кончил... Первая часть лета прошла довольно бестолково и бесплодно». Эти строки художник Михаил Нестеров написал в те самые дни, когда в его мастерской на улице Центральной уже стояла картина, вскоре ставшая известной всей стране.

Сама мысль о портрете пришла ему случайно, после прогулки дочери Ольги верхом. Увидев ее только что сошедшей с лошади, художник воскликнул: «Стой,

не двигайся, вот так тебя и напишу!» Ольга Михайловна вспоминала, что позировала отцу на лужайке в саду за домом. А вот пейзаж появился позже — Нестеров нашел его в окрестностях Уфы, на берегу Белой.

Девушка в черной амазонке, юбке, малиново-красной шапочке австрийского кавалериста на остриженных волосах (за несколько месяцев до этого дочь художника перенесла тяжелейшую операцию с трепанацией черепа). Ничего, казалось, особенного. Вот и критики на выставке 1907 года в Санкт-Петербурге полотна не заметили. Зато у публики оно имело «неожиданно большой успех — открытки, фотографии с него быстро раскупались», современники восприняли «Девушку в амазонке» как олицетворение огромной страны. Редкая честь — за картиной закрепилось название, данное не самим автором (у Нестерова она была «Портретом дочери»). С 1907 года картина находится в музее Александра III (ныне Государственный Русский музей).

ГАЛЕРЕЯ

Еще в 1906 году у Нестерова родился замысел об устройстве в Уфе музея с картинной галереей. Он предлагал использовать для этого часть своей усадьбы и даже заказал проект становящемуся все более популярному архитектору Щусеву. И с самого начала предполагал передать галерею в подарок родному городу. Но дело затянулось, а в конце 1908-го уфимские власти через сестру Нестерова Александру Васильевну осторожно поинтересовались, не захочет ли художник поддержать идею о картинной галерее как части задуманного Аксаковского народного дома. И совсем скоро Нестеров с восторгом пишет Турыгину: «Аксаковский народ. дом и при нем Нестеровская карт. галерея торжественно заложены 30-го апреля...»

Впрочем, Нестеров немного ошибся: в апреле было только освящено место постройки народного дома, а закладка произошла 14 (по новому стилю 27) сентября 1909 года. Именно тогда было объявлено, что «уроженец г. Уфы известный художник М.В. Нестеров приносит в дар родному городу свое собрание картин, как своих, так и других русских художников».

А еще через пять лет, летом 1914 года, Нестеров уже осматривает Аксаковский народный дом и помещение для будущего художественного музея. В сентябре, по его собственным словам, «Аксаковский народный дом был окончен». Тогда он в последний раз в своей жизни приехал в родной город, где его, увы, уже никто из родных не ждал — сестры Александры год как не было в живых.

Всегда считалось, что Аксаковский дом достраивали при советской власти. Но что же тогда осматривал Нестеров? И что означают строки из газеты 1914 года: «Аксаковский народный дом ожил...»? Да то и означает, что нам попросту ввали, утверждая, что не могли, дескать, при проклятом прошлом построить такое сооружение. В начале же 1930-х задняя часть дома была надстроена и тем самым, как и некоторые другие старые здания в городе, изрядно обезображена. «Достраивали» здание и позднее: во время одной из таких достроек сломали великолепную центральную лестницу и выломали витражи, много позже объявившиеся на одном из аукционов.

Что же касается подарка Нестерова Уфе, то еще в ноябре 1917-го художник отдал свое собрание картин на хранение художнику и архитектору Илье Ефимовичу Бондаренко, работавшему тогда в Коллегии по охране памятников старины. А сам уехал в Армавир, позже надолго отрезанный от Москвы фронтами Гражданской войны. В начале октября 1919 года в Уфу прибыл небольшой пароходик, который привез сорок ящиков с собранием Нестерова. Но оставшееся в московской квартире другое имущество Нестерова, в том числе картины, эскизы, наброски и т. п., было разграблено.

Помещение в Аксаковском народном доме не было готово к размещению экспозиции (там не работало отопление), и Бондаренко сумел выбить под новый музей особняк лесопромышленника и владельца кирпичного завода Лаптева (тогда же, кстати, арестованного и вскоре расстрелянного). А 5 января 1920 года Уфимский пролетарский музей был открыт.

Нестеров всегда поддерживал с музеем связи, продолжал помогать формировать его экспозицию. Так, в августе 1927 года благодаря его хлопотам музей получил пятнадцать работ русских живописцев. А Нестерову этого мало: он пытается добыть для своего детища скульптуры — Антокольского, Коненкова, Голубкиной. И с гордостью пишет: «Уфимский музей, говорят, один из лучших в провинции, да он и не провинциальный, он столичный, ибо г. Уфа — столица Башреспублики».

РЕАКЦИОНЕР

Считается, что революция разделила жизнь Нестерова на две далеко не равные части. Причем совсем недавно лучшей считали вторую. Существует и противоположное мнение: Нестеров — художник религиозный, едва ли не ортодоксальный. Но мало кто понимал, что Нестеров всегда оставался только самим собой. И когда он в дореволюционных письмах издевался над жадностью монахов, и когда ограничил свои воспоминания весной 1917 года, не желая вспоминать, как прошла реквизиция трудов всей его жизни.

Самым главным в человеке для него был... человек. Ни в одном из советских изданий не могло, разумеется, появиться таких строк: «Знаменитый обер-прокурор Святейшего Синода Константин Петрович Победоносцев... один из немногих подлинно исторических лиц последних трех царствований, носитель огромной идеи “Самодержавия”, ее апологет, идеалист самый высокий и... скептик. Драма его в том, что его идеализм, как и он сам, был разьедаем скептицизмом. В него как-то попала — как? откуда? — смертоносная бактерия русского интеллигента — скептицизм. Разница была только та, что “интеллигент” в среднем был не сильно умен, а он — Константин Петрович — был человеком огромного Государственного ума». Сказать такое про поливаемого всеми, кому не лень, грязью Победоносцева мог или не слишком искренний «махровый реакционер», или полностью обособленный от общественного мнения человек, каковым и был Нестеров (про интеллигенцию я лучше вообще промолчу). Он и в «художестве» своем всегда оставался именно таким — «своеобычным». За что и подвергался нападкам как с той, так и с другой стороны.

Только тогда становится ясно, почему он мог едва ли не с восторгом поддерживать реформатора церкви: «...наисильнейший и наиболее обаятельный сидит в Уфе — это епископ Уфимский и Мензелинский Антоний (Храповицкий). Далеко он идет в своих мечтаниях — “об отделении церкви от государства”...». Вот вам и «реакционер» — хвалит фактически сосланного церковью в Уфу епископа! Но это и никак не поза, скорее предвидение: через много лет, в судьбоносном 1917-м, Нестеров напишет портрет Антония — уже претендующего на роль патриарха.

А о восхищении Нестерова великой княгиней Елизаветой Федоровной можно говорить и говорить: «О ней, быть может, кто-нибудь, кто знал ее лучше и больше меня, расскажет людям ярче и ценнее... Но пусть знают, что все хорошее, доброе, что будет когда-нибудь сказано об этой совершенно замечательной женщине моего времени, — будет истинной правдой...» В своих «Воспоминаниях» он посвятил ей многие страницы, вот только советские цензоры в большинстве случаев не сочли нужным печатать то, что связано с членами царской фамилии.

Но художник был выше этого, и при вступлении в Союз писателей лауреат Государственной премии Нестеров на вопрос анкеты: «Бывали ли за границей» — с

некоторым вызовом написал: «Бывал, и неоднократно». А в числе полученных им титулов упомянул и далеко не ценное пролетарской властью и присвоенное ему еще до революции звание «Почетный гражданин города Уфы».

После революции Нестеров так ни разу в Уфе и не появился. Дома у него там не было, но главное — вместе со Старо-Ивановским кладбищем были уничтожены могилы близких. А может, он не решался или просто боялся вернуться туда, где когда-то был счастлив. Вернуться, чтобы это ощущение потерять. Так и осталась для него Уфа городом счастья.

ЛЮБИМОЕ ДЕТИЩЕ

Валентина
Сорокина

Государственный художественный музей имени М.В. Нестерова Республики Башкортостан радушно открывает свои уютные залы для посетителей, неизменно привлекая своеобразием, уникальной ценностью коллекции, в которой собрано многое — от иконописи XV века до русского авангарда начала XX века, жемчужины Западной Европы и стран Востока, исконные образцы башкирского народного искусства и все то лучшее, что создано мастерами республики в нашем столетии. На этой коллекции выросло уже не одно поколение людей, что в полной мере подтверждает благородство значимости того дела, которое совершил для родного города, его народа основатель музея, замечательный русский художник Михаил Васильевич Нестеров.

«Возникновение мысли о музее можно отнести к началу 1900-х годов. Коллекция моя создавалась годами, частью путем обмена, частью мне дарили друзья по выставкам «Передвижной», «Мир искусства». Мысль о музее стала назреть тогда, когда собрание мое стало превышать размеры моей квартиры», — писал Нестеров в 1940 году в письме сотрудникам музея.

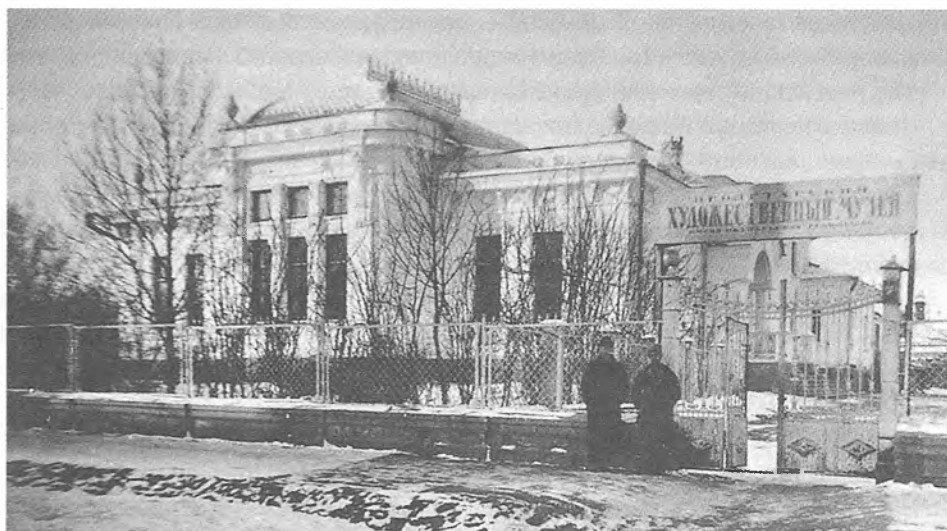
3 мая 1909 года в письме своему ближайшему другу А.А. Турыгину Михаил Васильевич пишет: «Аксаковский народный дом и при нем Нестеровская картинная галерея торжественно заложены 30 апреля. В ответ на мое приветствие 30-го вечером получил следующую телеграмму: “Великому художнику, носителю заповедных идеалов святой Руси Михаилу Васильевичу Нестерову за горячее сочувствие сердечный привет Аксаковского комитета и русское спасибо его земляков-уфимцев. Председатель губернатор Ключарев”».

Строительство Аксаковского дома затянулось на несколько лет. В 1913 году Нестеров преподнес свою коллекцию в дар Уфе, о чем писала газета «Правительственный вестник» в официальном сообщении, но в связи с отсутствием подходящего помещения коллекция по-прежнему хранилась у художника. В 1915 году он обращается к городскому голове А.И. Верниковскому с предложением создать на основе его коллекции музей: «...С самого возникновения переговоров о передаче моей художественной коллекции родному городу я встречал и продолжаю встречать самое отзывчивое, внимательное отношение всех г.г. представителей города, и мне приятно здесь сообщить Вам, что за последние 5–6 лет коллекция моя возросла, и я надеюсь передать нашему городу не менее 100 произведений ценностью значительно большей, чем несколько лет тому назад».

Лишь в 1919 году был издан декрет советской власти об организации в Уфе художественного музея, под который передавался красивый особняк купца — лесопромышленника М.А. Лаптева, построенный в 1913 году по проекту архитектора А. Щербачева на улице Гоголевской. В письме Нестерова от 3 февраля 1940 года сотрудникам музея читаем: «Коллекция сначала оставалась у меня, потом, для лучшей сохранности, я поместил ее в московск. Историч. музей, от-

Пролетарский
художественный
музей.

Фото 1930-х гг.

куда она и была переведена в 1919 г. в Уфу и послужила основанием большому областному музею».

5 января 1920 года была открыта первая экспозиция музея в количестве трех зал. Она состояла из тридцати работ М.В. Нестерова, произведений И. Левитана, А. Бенуа, В. Васнецова, И. Шишкина, Н. Рериха, К. Коровина, И. Репина, В. Маковского и других художников, чьи работы были в числе подаренной коллекции. Сюда же вошли произведения живописи, графики, прикладного искусства, переданные из различных учреждений Уфы, а также работы уфимских художников, полотна Д. Бурлюка, поступившие из уфимской художественной студии. Благодаря огромной активности первого директора музея, уфимца, архитектора Ильи Евграфовича Бондаренко, доставившего коллекцию Нестерова в Уфу, собрание музея к маю 1920 года составляло уже 1500 экспонатов, было открыто четыре экспозиционных зала. «И.Е. Бондаренко и его ближайшие сотрудники осматривали все кладовые и подвалы как Горкомхоза, так и закрытых банков, транспортных контор и находили в них много ценного и художественного. Мебель, ткани, фарфор, книги, картины, иконы, альбомы — все это передавалось в музей», — отмечает в докладе к 5-летию музея тогдашний его директор Ю.Ю. Блюменталь.

16 февраля 1925 года Нестеров пишет А.А. Турыгину: «Недавно меня очень порадовали мои земляки — уфимцы. Они справляли юбилей (пятилетний) уфимского музея. Было торжественное заседание в “Нестеровском” зале, основано “Общество друзей музея”... Кроме того, там основана библиотека (при музее же) моего имени. Чуть было не пролил слезу от такого чрезмерного внимания ко мне». М.В. Нестеров и в последующие годы не оставлял без внимания любимое дитя, передав ему в дар в 1927-м, 1937-м еще ряд своих произведений, заботясь о дальнейшем формировании его коллекции. «На днях музейный фонд отпустил мне для Уфимского музея 15 вещей — из них есть портрет Перова, портрет Крамского (с Айвазовского), два Врубеля, два Левитана, два Серова и проч. Уфимский музей сейчас один из лучших провинциальных», — вновь пишет Михаил Васильевич А. Турыгину 2 августа 1927 года. Немногим позже, 31 августа, он сообщает ему: «Музейный фонд обещал мне, кроме уже полученных 15 вещей, дать еще столько же — но гораздо лучших. И не только живописи, но и скульптуры — Антокольского, Коненкова, Голубкиной. Такой состав может обогатить и не такой музей, как в Уфе. Вообще, уфимский музей, говорят, растет, и скоро его будут считать одним из лучших в провинции, да он и не провинциальный, он столичный, ибо Уфа — столица Башреспублики. Вот оно что!»

После кончины художника в 1942 году одним из главных направлений собирательской деятельности музея стало коллекционирование работ его основателя. Уже в 1944 году были приобретены в Уфе у М.М. Елизаровой четыре ранних произведения М.В. Нестерова. В 1956 году от дочери художника Ольги Михайловны Нестеровой-Шретер поступил вышитый ею портрет матери — Марии Ивановны Мартыновской. Особенно плодотворны контакты музея с младшей дочерью Нестерова Натальей Михайловной и внучкой Ириной Викторовной Шретер. От первой в 1969–1970-е годы поступили тридцать четыре работы Михаила Васильевича, а в 1994-м она принесла в дар музею не только работы отца, но и ряд произведений выдающихся русских мастеров — Рериха, Васнецова, Серова, Левитана и др. Ценнейшим дополнением к Нестеровской экспозиции стали эскиз 1883 года к картине «Под домашним арестом» и «Портрет О.М. Нестеровой-Шретер» 1941 года, приобретенные у Ирины Викторовны. Коллекция произведений выдающегося русского художника в музее насчитывает сегодня сто один экспонат. В 1954 году музею было присвоено имя великого мастера.

Нестеровское начинание получило активное развитие. Сегодня собрание музея составляет более восьми тысяч экспонатов, две трети которых — искусство Республики Башкортостан. Музей проводит широкую выставочную, просветительскую работу. О значении этого крупного художественного центра республики хорошо сказал М.В. Нестеров в письме сотрудникам: «Радуюсь тому, что далекие мечты мои осуществились: уфимский музей, собранное в нем искусство нашей страны, входит в жизнь, в духовный обиход всех тех, кто с ним ознакомится».

ПОТОМКИ ВЛАДЕЛЬЦЕВ КИЛИМОВСКОГО ИМЕНИЯ

Имение в Килимове Буздякского района — родовое поместье Тевкелевых. На его территории были построены дом (1848 г.) и мечеть (1821 г.). Весь комплекс занимал площадь три гектара и состоял из двух частей — нижнего парка, расположенного в пойме реки Идыш, и верхнего парка, возвышавшегося над поймой на 15 метров. Усадьба размещалась в глубине верхнего парка.

После реформы 1861 г. все владения Тевкелевых были разделены между сыновьями и племянниками Шахингарея Юсуфовича. Килимово же перешло к его младшему сыну Саитгирею (1819–1891).

*Михаил
Мансырев*

*Дворец Тевкелевых.
Килимово.
Современное фото*

*Мечеть. Килимово.
Современное фото*

Младшая дочь Саитгирея Суфия (1877/78–1911) вышла замуж за Салимгирея Сеитхановича Джантюрина (1864–1926), Джантюрины стали последними владельцами имения в Килимове.

Салимгирей и Суфия Джантюрины известны своей общественной деятельностью. После 1917 г. С. Джантюрин потерял все свои владения как в Уфе, Петрограде, так и Килимове. Накануне дня, когда новые власти должны были прийти реквизировать имение, его об этом предупредил кто-то из местных крестьян. Он успел уехать в Уфу. Килимово пережило раскулачивание, коллективизацию и многочисленные преобразования. Усадьба использовалась как зерновой амбар и имущественный склад. Часть ее была отведена под школу-семилетку еще в 1922 г., и это обстоятельство в какой-то степени способствовало сохранности здания. В 1992 г. здания усадьбы и мечети были взяты под государственную охрану как памятники архитектуры

и включены в перечень недвижимых объектов историко-культурного наследия народов Республики Башкортостан, а в 1995-м включены в перечень объектов исторического и культурного наследия федерального значения.

В 1919–1923 гг. С. Джантюрин работал статистиком в различных учреждениях в Иркутске, где жила и семья, затем — в Москве. В столице он жил в коммунальной квартире с дочерьми. С августа 1925 г. — работал в Наркомторге Татарии в Казани, а жил в семье своего родственника Аскара Алиевича Шейх-Али (1885–1968).

Аскар — сын Али Давлетовича Шейх-Али и Гульсум (в девичестве Тевкелева), дочери Саитгирея Шангареевича Тевкелева и его первой жены Зулейхи. Аскар Алиевич некоторое время до Великой Отечественной войны жил с семьей под Москвой, в г. Истре, его дочь Динора Аскаровна была врачом в местной больнице, впоследствии они переехали в Казань.

У Джантюриных было трое детей: Джангир (1896/97–?), Сара (1898–1958) и Заира (1899–1944). О Джангире Салимгиреевиче сведений сохранилось очень мало — известно только, что он был кадетом. Во время Гражданской войны воевал в армии Колчака. Впоследствии эмигрировал из России в Турцию, там, вероятно, жил на принадлежавшей С. Джантюрину вилле, расположенной на Принцевых островах возле Константинополя. Дальнейшая судьба Джангира неизвестна.

Заира Салимгиреевна училась в Московском государственном педагогическом институте в 1923–1928 гг. на немецкой секции отделения западноевропейских языков и литературы. После окончания обучения была отправлена в Германию на практику, а при возвращении обратно специально устроила свое путешествие через Турцию, разыскала там Джангира и встретила с ним, но подробностей их встречи не сохранилось.

Заира работала в Москве в татарской школе № 603 учителем немецкого языка. Во время войны она жила в комнате на Новослободской улице в Москве. После возвращения сестры Сары с семьей из г. Фрунзе в 1943 г. она жила там же вместе с ними.

Сара Салимгиреевна в годы, когда С. Джантюрин жил в Иркутске, училась в институте востоковедения на японском отделении и окончила четыре курса. После переезда в Москву в 1923 г. Сара Салимгиреевна работала счетоводом в Объединенном представительстве Торгово-заготовительных бытовых и промышленных организаций Казахской АССР. Вышла замуж за Степана Никитича Беякова, также работавшего в этом представительстве. Отец Сары, придавая важное

значение национальным корням, не одобрял этот брак, но препятствовать не стал.

В начале войны, в октябре 1941 г., Сара Салимгиреевна вместе с мужем и дочерьми Мирой (Марьям Степановной, род. в 1926) и Раисой (род. в 1928) уехала во Фрунзе. Отправлялись с Курского вокзала в товарном поезде, который не отапливался, путь до места назначения занял три недели. Во Фрунзе жили в семье Дауда Махмудовича Шейх-Али (1879–1953) и Елены Алексеевны Стобеус, представительницы еще одной известной уфимской фамилии. Раиса и Мира учились там в школе. Первое время Сара Салимгиреевна работала швеей на Госшвейфабрике, а потом — в столовой посудомойкой. До работы и обратно каждый день она ходила по пять километров. Обстоятельства жизни там были очень тяжелыми, Степан Никитич тяжело болел.

В конце 1943 г. Беляковы вернулись в Москву вместе с труппой Концертного зала имени П.И. Чайковского, которая тоже находилась во Фрунзе. В труппе работали знакомые Сары Салимгиреевны — Хруцкие, они же и помогли оформить документы.

После возвращения до 1947 г. Сара Салимгиреевна работала в Октябрьском райисполкоме, а с 1947 г. — бухгалтером в сберкассе № 1525. Жила с дочерьми на Новослободской улице, в этом доме до недавнего времени жили Марьям Степановна Белякова с мужем Иваном Елисеевичем Хрипачевым. В 2006 г. они переехали в южную часть Москвы.

Марьям Степановна окончила институт пищевой промышленности в Москве. По специальности она химик-технолог. После окончания института начала работать на строящемся Щелковском витаминном заводе под Москвой. Сначала была инженером по оборудованию — занималась закупкой оборудования и его запуском в двух цехах, потом стала начальником центральной заводской лаборатории.

Иван Елисеевич Хрипачев тоже работал на Щелковском витаминном заводе — главным механиком. Во время Великой Отечественной войны он служил механиком на военном аэродроме.

Раиса Степановна родилась в Москве. После возвращения из эвакуации окончила школу, некоторое время работала в Москве. В 1949-м вышла замуж и переехала в Ленинград. В Ленинграде закончила радиополитехникум и работала техником, потом инженером-электронщиком в НИИ электротехнических устройств. Муж Раисы Степановны — Ибрагим Гуссейнович Мансырев (1914–1995), доцент, потом профессор Ленинградского политехнического института (ЛПИ им. Калинина, в настоящее время Санкт-Петербургский государственный технический университет). У них двое сыновей — Энвер (род. в 1950) и Михаил (род. в 1958).

Энвер с семьей живет в Санкт-Петербурге, он — доцент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Михаил Мансырев окончил ЛПИ им. Калинина по специальности инженер-радиофизик, с 1996 г. работает в области мобильной связи. В 2001 г. переехал из Санкт-Петербурга в Москву.

*Салимгирей
Сеитханович и
Суфия Саитгиреевна
Джантюрины.
Казань, 1895 г.*

ПРИМЕЧАНИЯ

- Султанбеков Б.* Дворянин, политик, просветитель // Татарстан. 1996. № 5.
Милицын Б. Пишущая машинка «Яналиф» и ее создатели // Эхо веков. 2004. № 2.

Людмила
Григоренко

ВАСИЛИЙ ИЛЬИЧ ВИДИНЕЕВ

Одним из самых известных людей города Уфы второй половины XIX века был купец, потомственный почетный гражданин Василий Ильич Видинеев.

Василий Ильич Видинеев «принадлежал к числу тех людей, которые оставляют по себе лишь добрые воспоминания. Образцовый семьянин, честный промышленник и торговый деятель, он, несмотря на массу личных забот, находил еще время принимать участие и во всяком добром деле, возникшем в Уфе» (из некролога, опубликованного в «Уфимских губернских ведомостях»).

По сведениям уфимских краеведов Гудковых, отец Василия, Илья Видинеев, был приказчиком из крепостных Федора Степановича Мертваго села Мертовщины Бугульминского уезда Самарской губернии. Других биографических сведений в фондах Центрального государственного исторического архива РБ не обнаружено.

К началу 1900 года во владении Василия Ильича Видинеева числились:

1. Уфимский пивоваренный завод.
2. Екатерининский винокуренно-ректификационный завод в селе Старые Маты Бакалинской волости Белебеевского уезда Уфимской губернии.
3. Уфимский Спасский ректификационный и винокуренный завод.
4. Мензелинский пиво- и медоваренный завод.
5. Земли в Архангельской волости в размере 3687 десятин.

Все имущество В.И. Видинеева в Уфе оценивалось в 270 500 рублей.

Уфимский пивоваренный завод был куплен В.И. Видинеевым в 1863 году у известного уфимского купца Александра Кондратьевича Блохина. Завод располагался на территории нынешнего АО «УЗЭМИК». В архивном фонде Уфимской губернской земской управы имеется дело «Статистические сведения о пивоваренном заводе владельца В.И. Видинеева в г. Уфе», где дано описание, планы и эскизы к описанию строений. Завод занимал усадьбу в 21 десятину вместе с винокуренным заводом. Земля принадлежала В.И. Видинееву, и хотя два завода были под общим управлением, но по оборудованию и организации производства оба являлись самостоятельными предприятиями.

Основное здание было трехэтажное, кирпичное (ныне частично сохранилось). На заводе имелись: солодовня, построенная в 1900 году, 2 бродильни, варочное отделение, мойка, разливная, укладочная, кочегарка, 2 подвала, построенные в 1894 году, водокачка, бассейн. Рабочие жили в четырех казармах. Общее количество рабочих этого завода в документах не указано, но имеются сведения о составе заводской администрации и технического персонала. Заводская администрация насчитывала 7 человек: управляющий, образование — духовное училище, с годовым окладом 1200 рублей; пивовар — германский подданный (Саксония), образование — Академия пивоваров в Мюнхене, с годовым окладом 3000 рублей; конторщик, образование — уездное училище, годовой оклад 480 рублей; помощник с годовым окладом 300 рублей; 2 приказчика с годовым окладом 240 рублей и подвальный с годовым окладом 300 рублей.

Выпускались следующие сорта пива: «Баварское» — 12,5°, «Столовое» — 13,8°, «Экспорт» — 14,5°, «Мартовское» — 14,5°. Продукция сбывалась через оптовый склад в Стерлитамаке, Бирске, Златоусте, Челябинске, Троицке. В Уфе было 8 лавок по продаже пива, в уезде — 10. При заводе работал медицинский приемный покой на 2 кровати, была аптечка, работал «визитирующий» врач, фельдшер работал постоянно. На заводе действовала читальня при библиотеке, в которой было 300 томов книг, проводились сеансы «волшебного фонаря». При заводе работала фабрично-заводская сберегательная касса.

Екатерининский сельскохозяйственный винокуренный и ректификационный завод был основан в 1866 году белебеевским купцом Ковиным, затем перешел

к мензелинскому купцу Дубинину, а в 1874 году был приобретен В.И. Видинеевым. Завод располагался на арендованной земле в 2,5 десятины, принадлежавшей крестьянам деревни Старые Маты Бакалинской волости Белебеевского уезда Уфимской губернии. В 1899 году на предприятии работал 71 человек. Продукция завода сбывалась в Уфе, Бирске, Мензелинске, Перми, Самаре.

Уфимский Спасский винокуренный завод был основан в 1876 году, куплен В.И. Видинеевым у купца А.К. Блохина. Завод располагался на территории современного Уфимского ликероводочного завода в Нижегородке. Ректификационное отделение построено в 1894 году. Земля в размере 3441 десятины, на которой располагался завод, принадлежала владельцу — В.И. Видинееву. В 1899 году на заводе работали 78 человек. Продукция завода сбывалась в Тобольской, Казанской губерниях, в городах Казани, Самаре, Оренбурге. Спирт сбывался в казенном складе.

Будучи очень состоятельным человеком, Василий Ильич Видинеев много сделал для города Уфы. 17 августа 1888 года он купил у вдовы потомственного почетного гражданина города Уфы М.В. Пупышева усадьбу с садом и строениями (сам Пупышев приобрел эту усадьбу 25 сентября 1884 года у известного уфимского купца А.К. Блохина, а ранее эта усадьба принадлежала семье великого русского писателя Сергея Тимофеевича Аксакова). Когда садом владел Александр Кондратьевич Блохин, там был построен театр — «низенький сарай, довольно грязный и тесный, именуемый театром»¹. В 1893 году этот театр сгорел, но уже 22 сентября того же года Губернским правлением был утвержден проект нового театра в саду Видинеева. В следующем, 1894-м году здание было построено. В акте осмотра от 30 апреля 1894 года техники строительного отделения Губернского правления в присутствии уфимского полицмейстера отметили, что построенное «в саду Почетного гражданина Видинеева в г. Уфе по Голубиной улице здание для театральных представлений исполнено прочно, правильно, согласно утвержденному проекту и техническому протоколу». Так как в Уфе в эти годы не было профессионального театра, приезжие артисты каждое лето выступали на сцене театра Видинеева. Летом 1895 года гастролировало «Товарищество артистов Императорского Московского малого театра», в составе которого выступали и будущая народная артистка СССР А.А. Яблочкина, и прославленный актер Ф.П. Горев. Сбор с одного спектакля «Таланты и поклонники», состоявшегося 28 июля 1895 года, был перечислен в пользу уфимских детских приютов, директором одного из которых стал в 1898 году Василий Ильич Видинеев. Летом 1896 года в Видинеевском театре с успехом выступала прибывшая из Петербурга «Смешанная группа артистов Александрийского театра, литературно-артистического кружка и Василеостровского театра».

Кроме здания театра, в саду В.И. Видинеев построил ресторан, в котором продавалось пиво, выпускаемое видинеевским же пивоваренным заводом, и его сад стал излюбленным местом для общественных гуляний.

На территории усадьбы слева от входа в сад по улице Пушкинской стоял построенный Видинеевым двухэтажный деревянный дом, в котором жила его семья. После революции в нем размещался дошкольный детский дом № 1 имени Худайбердина. Дом был снесен в 1970 году. Кроме этого дома, Василию Ильичу принадлежал трехэтажный каменный дом на улице Александровской (К. Маркса, 15), в нижнем этаже которого размещались его магазины — винный, бакалейной и колониальной торговли, кондитерская П.В. Андриянова. На верхнем этаже была гостиница — сначала Михаила Сергеевича Михайлова, затем гостиница «Петергоф» И.Е. Елисеева.

*Василий Ильич
Видинеев*

¹ Волков-Кривуша С. Русский театр драмы в Уфе. Исторический очерк. Уфа, 1959.

На протяжении многих лет В.И. Видинеев вносил посильные взносы и пожертвования на различные благотворительные цели, а также «участвовал трудами», то есть бескорыстно и бесплатно исполнял различные обязанности в попечительских комитетах.

С 1889 года на протяжении нескольких лет В.И. Видинеев был гласным Белебеевского уездного земства. В 1897 году он пожертвовал дом для училища в деревне Старые Маты Бакалинской волости Белебеевского уезда Уфимской губернии, где находился его Екатерининский сельскохозяйственный винокурный и ректификационный завод. Несколько лет В.И. Видинеев был почетным смотрителем Белебеевского городского четырехклассного училища.

С 1897 года В.И. Видинеев был одним из «директоров, Высочайше утвержденным в сем звании», Уфимского губернского попечительского о тюрьмах комитета. Стремясь к осуществлению предначертанных законом целей, комитет свою деятельность направлял главным образом «на улучшение быта заключенных и нравственному исправлению их». Комитет занимался проверкой размещения арестантов в тюрьмах, их лечения, санитарного состояния тюремных заведений, доставлял арестантам продовольствие, одежду, обувь.

Несколько лет Василий Ильич был почетным членом губернского попечительства детских приютов. В 1898 году он за свой счет капитально отремонтировал здание детского приюта¹. С 1898 года Видинеев стал директором приюта для девочек.

С 1900 года он стал членом Уфимского попечительного о бедных комитета Императорского человеколюбивого общества. Являясь членом многих попечительских комитетов, Видинеев всемерно содействовал организации помощи бедным и неимущим гражданам губернии, и заслуженно был внесен в книгу «Благотворительные учреждения России», выпущенную в Санкт-Петербурге в 1912 году, уже после его смерти.

Василий Ильич Видинеев умер в 1903 году. Все его имущество судом было разделено между наследниками — Сергеем и Николаем (сыновьями от первого брака) и вдовой Анной Дмитриевной и ее детьми — Дмитрием, Федосием, Алексеем, Елизаветой, Александрой и Серафимой. В 1909 году наследники В.И. Видинеева пожертвовали на строительство Аксаковского народного дома², начатого в год пятидесятилетия со дня смерти знаменитого писателя Сергея Тимофеевича Аксакова, 1 тысячу рублей.

После революции 1917 года Видинеевский сад назывался садом имени Луначарского. Постановлением Совета Министров БАССР от 27 марта 1989 г. № 58 ему было присвоено имя Сергея Тимофеевича Аксакова.

Уникальный по архитектуре деревянного зодчества видинеевский летний театр был снесен осенью 1991 года. Сегодня на этом месте пустырь.

¹ Богданов В.А. Записки об учреждении и пятидесятилетии существования в городе Уфе первого приюта ведомства учреждений императрицы Марии. Уфа, 1899.

² Уфимский край. 1909. 19 сентября.

**Павел
Егоров**

УСАДЬБА РОССИНСКИХ

Западный участок Ильинской улицы до второй половины XIX века звался Черкалихиной улицей. Строительство зданий в этом районе Уфы развернулось в первой половине XIX века. Одноэтажный дом, стоящий на углу улиц Цюрупы и Фрунзе (прежде они именовались Телеграфная и Большая Ильинская), знают многие жители Уфы. Более семидесяти лет здесь жило старинное уфимское семейство знаменитых дворян Россинских. По данным однодневной переписи 1879 г., данное угловое место (в квартале № 75 первой городской части) принадлежало надворному советнику Владимиру Петровичу Россинскому, женой его была белебеевская помещица Параскева Михайловна Россинская (урожденная Шкапская).

Главный дом усадьбы
Россинских.
Фото 1960-х гг.

Угловой особняк усадьбы занимает выигрышный в архитектурном отношении северо-западный угол перекрестка улиц Большая Ильинская и Телеграфная. Является самой древней постройкой в данном квартале, очевидно, это первое здание на этом месте.

В угловом доме проживал В.П. Россинский со своим семейством, а в другом — его брат Евгений Петрович Россинский с семьей. По воспоминаниям очевидцев, в доме у Владимира Петровича была большая библиотека. Он имел, кроме домов в Уфе, имение в деревне Лекаревке, на реке Деме, там у него был и конезавод. Дворяне Россинские были в родстве с известными землевладельцами Уфимской губернии Юматовыми, Шкапскими, давшими названия соответствующим селам и даже нефтяному месторождению.

По раскладочной ведомости налогов на 1897 г. владельцами участка указаны уже наследники надворного советника В.П. Россинского, из строений здесь перечислены: два дома — один крытый тесом, другой железом, каретник, погреб, баня, 2 избы. Относительная стоимость недвижимого имущества — 2100 руб. в ценах того времени.

Согласно Списку домовладений г. Уфы на 1904, 1908 и 1911 гг., усадебное место на углу ул. Большая Ильинская (тогда усадьба носила № 53) и Телеграфная, 5 принадлежало как наследникам Владимира Петровича Россинского, так и его сыну — Петру Владимировичу Россинскому. П.В. Россинский родился в 1852 г. Окончил юридический факультет Императорского Казанского университета. С августа 1875 г. служил в судебных управлениях нескольких губерний: следователем в Казанском, Пермском и Екатеринбургском округах. В 1880 г. Россинский становится товарищем прокурора Симбирского окружного суда, в 1889 г. — прокурором Симбирского окружного суда. С апреля 1894 г. — член Уфимского окружного суда. Уфимским уездным Земским собранием он пять раз избирался почетным мировым судьей по уезду на трехлетия 1897–1899, 1900–1902, 1903–1905, 1906–1908, 1909–1911 гг. В 1907 г. несколько месяцев служил товарищем председателя Сарапульского окружного суда.

Второй женой Петра Владимировича стала крестьянская девица из Верхоторского завода Стерлитамакского уезда Василиса Ивановна Таратунина, чем весьма были недовольны дворянские родственники Петра. В браке Россинские

родили шестерых детей: Владимира (1900 г.), Сергея (1901 г.), Николая (1904 г.), Параскеву (1907 г.), Екатерину (1908 г.) и Софию (1911 г.). Владимир и Николай окончили уфимскую мужскую классическую гимназию и едва не сразу же были убиты в Гражданской войне, причем воевали они по разные стороны.

По окладным книгам 1916–1918 гг. усадьба все еще числится за «наследниками В.П. Россинского», а не конкретно за Петром Владимировичем; имущество оценено в 7504 руб. в ценах того времени. Россинские имели землю в количестве 1500 десятин близ станции Дема, владели деревней Лекаревкой. Там же находился и хутор Россинских, который неоднократно упоминает в своих книгах писатель Борис Дмитриевич Четвериков, детство которого прошло в Уфе.

Юридическая карьера П.В. Россинского — пример честной, долгой, безупречной и беспорочной службы отечеству в последние десятилетия жизни Уфимской губернии. По воспоминаниям очевидцев, он был прямым и справедливым человеком, после 40 лет, набравшись большого жизненного опыта, в судебной практике «стал очень мягким и жалел людей, коих ему приходилось судить». В декабре 1897 г. П.В. Россинский получает чин статского советника, а 1 января 1905 г. за отличие в службе Высочайше произведен в чин действительного статского советника. Награжден государственными наградами Российской империи: орденом Св. Станислава 1, 2 и 3 ст., Св. Анны 2 и 3 ст., Св. Владимира 3 ст., серебряной медалью в память царствования Императора Александра III и светло-бронзовой медалью в память 300-летия царствования Дома Романовых.

С 1 октября 1907 г. П.В. Россинский перемещен на должность товарища председателя Уфимского окружного суда (переводя на современный язык, стал первым заместителем председателя Верховного суда региона России). В этой должности Петр Владимирович состоял до своей смерти. Не выдержав революционных потрясений, крушения и обвала дела всей жизни — Уфимского окружного суда, юридической законности в губернии, 16 августа 1918 г. П.В. Россинский скоропостижно умер, не дожив и до 66 лет. Возможно, в это время он также узнал о гибели обоих сыновей. Но кончина Петра Владимировича произошла в короткий 7-месячный период нахождения в Уфе войск Народной армии и чехословаков, поэтому похоронен Петр Владимирович был со всеми почестями и по-христиански на Сергиевском кладбище. Свой последний долг умершему товарищу воздал многолетний, но последний председатель Уфимского губернского окружного суда А. Григорьев.

Деморализованные смертью П.В. Россинского и его сыновей, предвидя неблагоприятный исход Гражданской войны, остатки его семьи с отступлением колчаковцев эвакуировались в Сибирь. А когда через год-два все вернулись в Уфу, дома усадьбы были уже заняты под квартиры, имущество разграблено.

В начале 1920-х гг. усадьба была официально отобрана у Россинских, в угловом особняке поселился один из первых наркомов НКВД БАССР И.Х. Султанов. Россинские были выселены в сарай, стоявший во дворе. Согласно сведениям мемориальной доски, висевшей на доме и снятой в 1999 г., И.Х. Султанов проживал в особняке Россинских в 1925–1927 гг. (вероятно, это были все же 1922–1923 гг.). По воспоминаниям родственников, нарком был жестоким человеком, много обид от него Россинские испытывали, «над бабушкой он издевался, притеснял, буквально шпынял». В результате Россинские были вынуждены скитаться с несовершеннолетними девицами, больным сыном Николаем и малолетними детьми по подвалам уфимских трущоб.

Во втором доме усадьбы (деревянном, выше по Фрунзе) проживал брат Петра Владимировича — Евгений Владимирович Россинский, потомственный дворянин, владелец 109 десятин земли в Надеждинской волости Белебеевского уезда, близ деревни Алексеевки. У него были дети: Владимир, Борис, о коих ничего не известно.

В материалах городской переписи 1923 г. по Уфе по ул. Большая Ильинская, 53 вместо имени владельца усадьбы (домовладения) уже указано: «бывш. Россинских». В списках муниципализированных домов в графе «количество домов» указана цифра 2. Муниципализация утверждена БашЦИКом 5 января 1924 г. В 1929 г. домовладению был сменен номер с 53 на 57-й.

Угловой особняк представляет из себя уникальный образец здания «лепнинного стиля» второй половины XIX века. Окна здания завершены богатой барочной лепниной. Под окнами — ниши и прямоугольные выступы по периметру с мелкой детализировкой. Под крышей по подзору вдоль обоих главных фасадов — южного и восточного — тянется растительно-гипсовый карниз очень сложной формы, перемежаясь ложными контрфорсами через частые равные промежутки. Разделяют фриз и плоскость стен сложные тяги с редчайшей для Уфы волной меандра. Цоколь здания состоит из отесанных прямоугольных известняковых блоков.

Углы здания и парадный вход окаймлены пилястрами со сложной роскошной выступной лепниной, обыгрывающей мотивы наличников и подзора. Парадный вход, обращенный на ул. Ильинскую, ныне не действующий, отчасти замурован, сохранился рисунок дверей, а также двух сдвоенных окон-фонарей со сложной расстекловкой и рейками гнутой формы. Венчает крыльцо вровень с крышею круглящееся барочное сооружение с богатой лепниной внутри круга (сильно пострадало от времени). Кроме пилястр, плоскость стен оригинально разрезают горизонтальные тяговые пояски, удачно сочетающиеся с частотностью и обрамлениями окон.

Если мысленно исключить толстый полуторавековой культурный слой у здания и подыматься вверх по Большой Ильинской улице, то особняк Россинских будет выглядеть внушительной постройкой на взгорке. Двором он, вероятно, соприкасался с той естественной первобытной рощей, которая существовала до 1905 г. на территории нынешнего краеведческого музея (бывший Крестьянский поземельный банк).

С точки зрения истории и архитектуры Уфы второй половины XIX века усадьба Россинских представляет огромный интерес. Распоряжением Кабинета Министров РБ от 10 января 1995 г. усадьба поставлена на госохрану как памятник истории и архитектуры республиканского значения. Угловой особняк — образец работы архитектора-профессионала, имя коего так, наверное, никогда и не будет известно.

МАЖИТ ГАФУРИ В ПАМЯТИ НАРОДА

*Люция
Камаева*

Своеобразной приметой города в 20–30-е годы прошлого века была невысокая, прихрамывающая фигура Гафури в темно-коричневом пальто, синей шляпе, с тростью в руке. Многим он запомнился именно таким. Или сидящим на крыльце своего дома по Гоголя, 28. Бикчентаева Рабига-ханум Аминевна рассказывала, что она девочкой одна или с подружками часто пробегала по улице Пушкинской в школу и видела Гафури сидящим на крыльце, и отчего-то ей становилось легко и радостно. Невысокий одноэтажный деревянный дом, выкрашенный в настоящее время в зеленый цвет, при жизни народного поэта имел ворота, большой яблонево-грушевый сад, колодец с навесом и фонарем, каретник, со стороны Пушкинской был защищен брандмауэрной стеной, разрушенной в 2005 году — в год 125-летия поэта.

А до того как этот дом был подарен М. Гафури в 1923 году к 20-летию его творческой деятельности, он с семьей проживал в доме своего учителя и друга

*Мажит Гафури
с семьей.*

Фото 1910-х гг.

Зии Камали — организатора и ректора медресе «Галия» по улице Никольской, 89 (ныне ул. М. Гафури). Зия-хазрат поселил здесь своего шакирда и любимого народом поэта после того, как в 1915 году сгорел дом, в котором Гафури снимал комнату, после публикации скандального стихотворения «Видно, нет тебя, Аллах!». Из огня няня успела вынести 5-летнего Анвара. Сгорела уникальная библиотека Гафури, дневник, начатый в студенческие годы в «Расулие» г. Троицка, неопубликованные рукописи. Из этой библиотеки сохранилась книга стихов великого арабского поэта аль-Маарри.

В октябре 1906 года в Уфе открылось медресе «Галия» — высшее мусульманское учебное заведение с гимназическим курсом светских дисциплин. Приезд Мажита Гафури в тот год в Уфу из Казани связан с этим событием. Медресе строилось на деньги мусульманских меценатов. Главными попечителями стали уфимский купец Садри Назиров и землевладелица Суфия Джантюрина-Тевкелева.

Роль медресе в подготовке кадров национальной интеллигенции Советской России неоценима. Среди ее воспитанников знаменитые деятели из татар и башкир: писатели Мажит Гафури, Шайхзада Бабич, Хасан Туфан, Сайфи Кудаш, Галимджан

Ибрагимов, Хабибулла Габидов, композитор Султан Габяши, музыковед Гата Исхаков; из казахов: Баембет Майлин, Жиенгали Тлепбергенов; из крымских татар: Умер Ипчи, Абулла Ляtif-заде, Мемет Кузет; из киргизов: Осмонлы Садыков; из адыгейцев: Ахмет Хатков, Тембет Керимов.

В «Галие» прошли подготовку будущие известные ученые: профессора филологии — Гыйбад Алпаров, Нигмет Хакимов, Галимджан Нигмати; профессор истории Булат Салиев (работал в Узбекистане), киргизский историк профессор Ишангали Аралбаев, фольклорист, исследователь киргизского эпоса «Манас» К. Мифтахов, узбекский литературовед М. Мухаммеджанов; государственные деятели: комиссар просвещения Казахстана Ногман Манаев, комиссар внутренних дел Башкирии Исмагил Султанов, комиссар просвещения Татарии Шахид Ахмадеев, комиссар просвещения Башкирии Гали Худаяров, полномочный посол СССР в Саудовской Аравии Карим Хакимов, секретарь посольства СССР в Турции Хаммат Гумеров, а также учителя школ, педагоги вузов, научные работники и деятели культуры.

Гордостью школы были ее ученики, их, как и многих представителей интеллигенции, постигла трагическая участь — 70 процентов выпускников медресе «Галия», составлявших национальную элиту страны, были уничтожены в 1930–1940-х годах.

Сам Камали в 1936 году был сослан и погиб от голода в Самарской тюрьме. Не смогли спасти великого просветителя его бывшие ученики, занимавшие высокие посты в правительстве республике. Мажит Гафури до последних своих дней, пока не слег от тяжелой болезни в постель, навещал своего учителя и друга. Умер Гафури в 1934 году, 28 октября. Нескончаемый поток людей провожал Мажита Гафури в последний путь.

*Горестная осень катится по тротуару.
Моросит дождь...
Горе спряталось в каждом углу,
Горе опутывает ноги, —*

писал поэт Галимов Саям.

Близкие, друзья и жена Зухра-ханум звали его Гафури. По-видимому, такое обращение нравилось и самому поэту, оно звучало по-восточному певуче, как Фирдоуси, Саади, Низами... Маари. Гафури, впитавший в себя классическую восточную поэзию, читал и цитировал наизусть на фарси и арабском, сам писал отточенные рубаи и газели, мастерски владел ритмичкой гаруз. Но менялась социально-экономическая эпоха, она выдвигала новые требования и к поэтическому слову. Гений Гафури чутко реагировал на запросы времени. Именно Гафури становится новатором, одним из создателей новых традиций в татаро-башкирской поэзии, прозе. Как пишут литературоведы Г. Ибрагимов, М. Гали, выпавшее из рук Акмуллы перо подхватил Мажит Гафури. Он до появления на поэтическом небосклоне Г. Тукая был единственным крупным поэтом в Урало-Поволжском регионе. (Акмулла был зверски убит Гафиятуллой, сыном Баймурата, и Давлетшой, сыном Надиршаха.) По определению критиков, Гафури первым вложил лирику светлого окружающего мира в новые формы, начал писать на народном языке и повернул русло татарской поэзии с Востока на Запад, тем самым открыл дорогу поэтам, вышедшим в печать позднее него. Гафури несомненно знал себе цену.

Какой бы жанр современной башкирской литературы ни изучали современные исследователи, невозможно будет не назвать имени Мажита Гафури, при этом будут звучать определения «первый», «основоположник». Первый народный поэт, автор либретто первой татаро-башкирской оперы «Эшсе», автор первой драмы «Красная звезда» на социальную тему для первого передвижного башкирского театра, основоположник басенного жанра, оперного искусства, башкирской детской литературы.

Гафури жил и творил в эпоху великих социальных перемен, стал очевидцем больших исторических социальных потрясений. Он поднялся от поэта-просветителя до поэта-трибуны, зовущего народ за собой вперед в самые сложные моменты истории. Со всей страстностью души Гафури отдает свои силы становлению зарождающейся новой литературы, искусства, науки, просвещения. Принимает активное участие в создании письменного башкирского языка, первых хрестоматий, учебников, выступает с докладами в Уфимском научном центре, принимает участие в заседаниях научного общества. Сам в качестве исследователя башкирского фольклора на берегу озера Асылыкуль слушает сэсэнов, записывает, делает литературную обработку башкирской легенды «Заятуляк и Хыухылу». Знаменитый французский писатель Луи Арагон справедливо написал: «Поэзия Тукая и Гафури, романы Ибрагимова проложили дорогу татарским советским писателям». М. Гафури, Г. Ибрагимову пришлось не только прокладывать новую дорогу в литературе, но и пройти первыми по этой дороге.

Литературовед И. Юзеев относит М. Гафури по поэтическому складу к аналитико-исследовательскому типу личности. Анализируя творчество Гафури, он пишет: «М. Гафури — сторонник классического стиля традиционного стиха. И не только это, он сам один из создателей этого обновленного в начале XX века классического поэтического стиля». В поэзии Гафури отстаивал основные принципы реализма: опору искусства на жизнь, отображение в литературе правды, истины и ведение «войны в печати» за эту правду, изображение не только человеческой радости, но и горя и печали. «Язырмын мин шигирларны юрэк бэгри каны белэн» («Напишу я стихи кровью своего сердца»), — так написал поэт в 1914 году. Еще одна осо-

бенность классического стиля — ясность, простота. Этим творческим принципам Гафури оставался верен в самые сложные периоды борьбы разных направлений и течений в литературе. Кроме того, Гафури сохранил верность народной поэзии, иносказательности, использованию мудрых, назидательных выражений. Известный литературовед С. Кирьянов в предисловии к сборнику стихов М. Гафури писал в 1948 году: «Его поэзия афористична и одновременно глубоко мелодична по своему строю, она как бы перекликается с башкирским музыкальным народным инструментом — кураем. Философская направленность стихов Гафури сочетается с реалистическим рисунком, яркой бытовой деталью, правдивым отображением живой действительности». М. Гафури пришлось вынести клеймо «сторонника устаревшего стиля». Время показало, что ясность, простота — главный путь в классической поэзии. И, выражаясь языком Г. Ибрагимова, М. Гафури, впрягшись как рабочая лошадь, упорно шел не сворачивая с этой магистрали, и приложил много сил для укрепления классического стиля в татаро-башкирской поэзии, литературе в целом начала XX века. В связи с этим хочется привести слова А. Фадеева о М. Гафури, сказанные им в октябре 1943 года на заседании Президиума правления Союза писателей СССР: «Он был лично знаком с Горьким. Горький тоже его знал и говорил о нем: “У Гафури чувствуется дар большого писателя”».

Уфа стала для Гафури родным городом. Народный поэт увековечен в бронзе перед театром, носящим его имя, прах его покоится в уфимской земле недалеко от театра — в мемориале парка имени А. Матросова. В Уфе он написал свои самые крупные произведения: стихи, поэмы, повести, драму, либретто. Литературовед Амир Чаныш в одной из своих статей, посвященных Гафури, отмечал, что трудно найти грамотного татарина или башкира, не читавшего или не знающего повесть М. Гафури «Черноликие». «Повесть Мажита Гафури “Черноликие”, на мой взгляд, одно из самых потрясающих сильных произведений во всей татарской и башкирской литературе», — высказывается в своих воспоминаниях автор инсценировки повести писатель и воин Гайнан Амири. Самая любимая вещь М. Гафури — высокая трагедия о светлой любви девушки Галимы «Черноликие» — получила сценическую жизнь на подмостках драматического, балетного, оперного, кукольного театров. «Стало истинным театральным откровением, когда в 1980 году над подмостками Уфимского театра кукол в спектакле Штейна — Грибановой “Галима” вознеслись и по-шагаловски поплыли в воздухе влюбленные герои поэтической трагедии М. Гафури “Черноликие”», — писали театральные критики.

Уместно будет сказать, что Гафури пришел впервые в Уфу пешком из Зилим-Караново с намерением учиться в медресе «Усмания». Однако, осмеяв, нищего юношу выгнали из его стен, а холщовый мешок с книгами и лапти выкинули на улицу. Мажит собрал свои пожитки и ушел в соседнее медресе в Кишках к Мирсаяфу-хазрету, где проучился зиму.

В Уфу он вернулся известным в тюркском мире поэтом уже навсегда.

В 1923 году впервые в национальной истории состоялись торжества по случаю 20-летнего юбилея литературной деятельности Мажита Гафури. Инициатором стал народный комиссар просвещения Газим Касымов. Он же является автором первой научной биографии М. Гафури. Торжества состоялись в здании Дворянского собрания (в нынешнем Шаляпинском зале), Гафури присвоили почетное звание народного поэта, наркомзем подарил корову, горисполком — дом по улице Гоголя, 28. А улица Никольская решением Президиума Уфимского горисполкома от 4 мая 1923 года была переименована в честь М. Гафури. Возможно, это единственный случай, когда улицу называли именем поэта при жизни.

После смерти М. Гафури в 1934 году и торжественного празднования 60-летия М. Гафури в 1940 году во всесоюзном масштабе его именем назовут улицы, железнодорожные станции во многих городах и поселках бывшего Советского Союза:

Кривом Роге, Челябинске, Екатеринбурге, Казани, Алма-Ате, Ташкенте, Снежинске и других. В его честь в Башкирии Красноусольский район, где он родился (бывший Стерлитамакский уезд), переименоуют в Гафурийский, поселок Чукраклы в Буздякском районе, куда Гафури с семьей летом приезжал на кумыс (к тому же его жена Зухра-ханум родом из села Килимова того же района), — в поселок Гафури.

В 1940 году от коллектива научных сотрудников Башкирского научно-исследовательского института языка и литературы и обкома Союза высших школ и научных учреждений поступила докладная записка в Президиум Верховного Совета Башкирской АССР с прошением о присвоении институту имени М. Гафури. Вот отрывок из нее: «...Гафури родился, жил и трудился в Башкирии, крепко связал свою судьбу с судьбой башкирского народа, посвятил ему, его возрождению свою жизнь и все свое творчество... М. Гафури — основоположник башкирской советской литературы, велика его роль в создании башкирского литературного языка.

Богатое литературное наследие и поэтический язык М. Гафури занимают одно из основных мест в научно-исследовательской деятельности Башкирского научно-исследовательского института языка и литературы. Жизнь и творчество башкирского народного поэта были неразрывно связаны с деятельностью института».

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР «Об увековечении памяти народного поэта М. Гафури» от 23 ноября 1940 года Башкирскому научно-исследовательскому институту языка и литературы присваивается имя М. Гафури. По неизвестным обстоятельствам с некоторых пор имя Мажита Гафури в названии института не произносится.

Совнарком БАССР принимает решение: в Уфе, в доме по улице Гоголя, № 28, где жил основатель современной башкирской литературы, организовать мемориальный музей. В 1942 году единственный сын первого народного поэта Анвар Мазитович Гафури добровольцем уходит на фронт, он пройдет боевой путь от Сухиничей до Кенигсберга. Вот отрывок из его рапорта: «С начала нападения на нашу страну фашистских варваров прошел год. В продолжение 12 месяцев советский народ ведет героическую войну с немецкими захватчиками, защищая свою священную землю, свою честь, свою свободу. Будучи сыном одного из крупнейших писателей, я не могу, не имею права оставаться пассивным зрителем. Мое место там — на фронте. ...Даю Вам слово честно, добросовестно и, если придется, до последнего дыхания защищать нашу родину». После окончания войны всю свою жизнь Анвар Гафури посвятит пропаганде творчества своего отца.

Откроется музей М. Гафури в половине дома лишь в 1948 году. А другую половину занимает семья сына народного поэта Анвара Гафури. Им в 1953 году Горисполком предоставит квартиру по улице Достоевского, 73, и дом Гафури полностью приобретает статус Мемориального дома-музея.

В Интернете я нашла информацию о том, что в Уфу после окончания в 1940 году архитектурного факультета Одесского инженерно-строительного института направляется Топуз Генрих Владимирович и работает там вплоть до 1944 года. За это время он разработал генеральный план города Стерлитамака, создал памятник народному поэту Башкирии Мажиту Гафури.

Есть еще одно памятное здание на пересечении улиц Свердлова и Карла Маркса, где раньше располагался книжный магазин «Сабах». Именно здесь остановился Г. Тукай в 1912 году в свой приезд в Уфу, где и нашел его М. Гафури. Об этой знаменательной встрече оба великих поэта написали воспоминания. Народный поэт Башкортостана Сайфи Кудаш, который считал себя учеником М. Гафури, написал об этом историческом событии повесть «Весне навстречу». О приезде в Уфу Тукая оставила записки и супруга М. Гафури Зухра Камалетдиновна.

После разгрома первой русской революции в годы черной реакции Гафури живет под надзором полиции, его книги конфискуются. Он вынужден поступить

на работу в типографию «Шарек» («Восток») корректором, выкраивая для литературного творчества ночные часы. Здесь он сблизился и подружился с рабочими типографии. По улице Аксакова сохранился дом № 34 типографского рабочего Ибрагима Мажитова, где Гафури часто бывал. По воспоминаниям Закира Субеева, Гафури жил с рабочими единой семьей, оказывал им моральную поддержку, посещая семьи рабочих, разделял их горести. С началом работы в типографии ему предложили место в земстве, но он туда не пошел.

А здание типографии на углу улиц К. Маркса и Пушкина сгорело несколько лет назад.

Следующий виток в увековечении памяти Гафури связан с подготовкой празднования 100-летия классика татарской и башкирской литературы, народного поэта Башкортостана. Этот процесс шел поэтапно.

Решением № 240 Исполнительного комитета Уфимского городского совета депутатов трудящихся Башкирской АССР от 9 июня 1961 года парк культуры и отдыха в Советском районе города Уфы получил имя Мажита Гафури. Это самый большой парк в столице и любимое место отдыха горожан.

6 февраля 1970 года указом Верховного совета Президиума БАССР Башкирскому академическому театру драмы в дни празднования его 50-летнего юбилея было присвоено имя Мажита Гафури, создан музей на его малой родине — в Зилим-Караново. Прославленный театр с гордостью носит имя основоположника башкирской советской литературы, народного поэта, а спектакль «Черноликие» по одноименной повести Мажита Гафури (инсценировка Г. Амири, В. Галимова) вошел в золотой фонд репертуара театра.

18 сентября 1978 года открыт памятник перед зданием театра, авторами которого являются народный художник СССР, лауреат Ленинской премии Л.Е. Кербель и уфимский архитектор Л.В. Хихлуха. За это произведение им была присуждена премия имени Салавата Юлаева. Памятник М. Гафури стал не только украшением площади перед театром, но и символом.

М. Гафури изображен сидящим на камне и обозревающим просторы Агидели с любимого места на берегу реки, где сейчас батыр Салават Юлаев застыл на бронзовом коне. Этому камню народный поэт Башкортостана Мустай Карим посвятил стихи:

*Старый камень седой,
Я к тебе прихожу в сентябре...
Здесь на камне прибрежном
Стоял одиноко поэт:
То душа его в тучах,
Как хмурое небо, была,
То восторга вселенского
Бился в ней яростный свет.
Тут рождалась в ней песня,
Которая мир обожгла...*

Богатая биография, произведения, личность Мажита Гафури будут вдохновлять еще многие поколения поэтов, художников, режиссеров, ученых на создание произведений и научных трудов. «Неисчерпаемо, воистину неисчерпаемо творчество Мажита Гафури, это глыба...», — говорил со мною в беседе писатель и государственный деятель Т.И. Ахунзянов.

Новые и новые поколения исследователей творчества М. Гафури будут черпать из этого кладезя таланта, мудрости, гуманизма. Назовем некоторых из них. Монография Г. Халита «Творчество Мажита Гафури» (Казань, 1941) и кандидатская диссертация «Дооктябрьская творческая эволюция Мажита Гафури» (Ка-

заны, 1947). Кандидатские диссертации А. Кудашева «Деятельность Гафури в дореволюционной прозе» (Уфа, 1946), Р. Максютковой «Патриотизм в творчестве Мажита Гафури» (Уфа, 1954), Г. Фатихова «Педагогические взгляды Мажита Гафури» (Уфа, 1952), Б. Магасумовой «Изучение биографии и творчества Мажита Гафури в V–VII классах башкирской школы» (Москва, 1953), докторская диссертация и монография Г. Рамазанова и монография Ахата Нигматуллина о творчестве Мажита Гафури, монография выдающегося украинского поэта, академика Павло Тычины «Патриотизм в творчестве Мажита Гафури». Творчество Гафури отражено в диссертациях Х. Зиннатуллиной «Пути развития башкирской советской прозы» (Москва, 1954), З. Юсупова-Шарки «Зарождение и развитие башкирской советской литературы» (Уфа, 1953), Ф. Сибгатов «Арабо-мусульманские традиции в башкирской литературе», в докторских диссертациях М. Гайнуллина «Татарская литература и публицистика периода первой русской революции» (Казань, 1957), Х. Усманова «Социалистическая революция и татарская поэзия» (Казань, 1960), в монографиях А. Харисова «Литературное наследие башкирского народа» (Уфа, 1965), Н. Юзеева «Современная татарская поэтика» (Казань, 1973), Г. Хусаинова «Пути развития башкирской советской поэзии» (Уфа, 1968), Г. Кунафина «Поэтика башкирской литературы» и многих, многих других.

Увековечение памяти М. Гафури продолжается. 16 апреля 2004 года к 125-летию со дня рождения М. Гафури создан Фонд культуры «Мажит Гафури — XXI век», главной целью которого является содействие проведению в Республике Башкортостан ежегодных Гафурийских литературных чтений, дня памяти Гафури, сохранению мест, связанных с именем М. Гафури, в Уфе, Республике Башкортостан и за ее пределами, пропаганда творчества М. Гафури, систематизация литературного наследия, исследование его жизни и творчества.

За время работы Фонд совместно с ВЭГУ провел Всероссийскую научно-практическую конференцию «Взаимопонимание культур и проблемы национальной идентичности» и выпустил сборник материалов конференции. Вышли в печати книги Мажита Гафури: философско-религиозные произведения на башкирском языке «Адам и Иблис», в серии «Школьная библиотека» в переводе на русский язык сборник «Избранное», куда вошли повести, рассказы, стихи, басни писателя, в том числе впервые переведенные на русский язык три рассказа писателя; сборник стихов, посвященных Мажиту Гафури, «Венок Мажиту Гафури», своеобразный путеводитель — комплект открыток «Мажит Гафури в Уфе». Начата работа по переводу стихов М. Гафури на турецкий и английский языки. Фонд организует и проводит различные культурные мероприятия, связанные с памяtnыми датами, биографией, творчеством, увековечением памяти М. Гафури, презентации книг, встречи с известными писателями, деятелями культуры, науки.

У истоков создания Фонда стояли внук поэта Халит Гафури, народная артистка РБ Закия Арсланова, народный артист РБ Закий Махмутов (к сожалению, ушедший в мир иной), народный художник РБ Владислав Меос. Затем в ряды влились возложивший на себя обязанности исполнительного директора Фонда известный журналист и поэт Мадриль Гафуров, заслуженный деятель искусств РБ Хашим Мустаев, профессор Ахмет Сулейманов, известный поэт и врач Георгий Кацерик, башкирские писатели Салават Каримов, Амир Аминев и другие деятели культуры, науки республики.

ПРИМЕЧАНИЯ

Абубакирова М., Шамсутдинов И., Хасанжанова Р. Историю оставить народу своему. Троицк: Типография им. Сыромолотова, 2002.

Гали М. Место Мажита Гафури в татарской поэзии // Коммуна. 1940. 27 октября.

Докладная записка в Президиум Верховного Совета Башкирской АССР от коллектива научных сотрудников Башкирского научно-исследовательского института языка и литературы и обкома Союза высших школ и научных учреждений от 17 августа 1940 года. ЦГА РБ.

Кирьянов С. Мажит Гафури (1880–1934) // Предисловие к сб. стихов «Мажит Гафури. Стихотворения». М.: Советский писатель, 1948. С. 3–12.

Кудашева С. С. Это было давно. Воспоминания (рукопись).

Музей и памятник М. Гафури // Комсомолец Башкирии. 1940. 24 ноября. БашТАСС.

Протокол № 47 заседания Президиума Уфимского горисполкома от 4 мая 1923 г. (Выписка) ЦГА РБ.

Субеев З. Любимый поэт // Кызыл Башкортостан. 1940. 24 ноября (из архива С. Кудаша).

Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об увековечении памяти народного поэта М. Гафури». Москва, 23 ноября 1940 года. ЦГА РБ.

Юзиев Н. Поэтический стиль М. Гафури // Мат. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. Маджита Гафури. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1981. С. 56–65.

Тамара
Нефёдова

СТАРАЯ МЕЛЬНИЦА

Многие ли знают о том, что Уфа славилась мельницами? Не ветряными, разумеется, а механическими. От них, увы, остались одни названия: Демидовская, Сельдимировская, Петунинская.

...Она стояла между Оренбургским мостом и устьем Сутолоки (ул. Набережная, 54). Кирпичное в четыре этажа здание в народе называли крупорушкой, владел ею купец Василий Афанасьевич Петунин. Лушили крупу при помощи паровой машины в 36 лошадиных сил. Сначала просеивали, отправляя добротные зерна в закрома, а оттуда — в лушлильный постав. Над мельницей собирались тучи птиц — «постоловничать». В начале 80-х годов самую большую в городе мельницу снесли, сейчас на месте Петунинской крупорушки — сквер с молодыми березками. А все мерещится старая мельница и с густыми мучными усами мельник...

Спускаемся в полуподвал другой мельницы, принадлежавшей до революции Ивану Кононовичу Сельдимирову (ул. Октябрьской революции, 70а). Натура у купца была широкая — он и муку продавал, и о душе не забывал (являлся старостой и благотворителем Никольской церкви в селе Курзюм Кармаскалинского района).

На стене табличка, свидетельствующая о том, что памятник архитектуры охраняется государством. Сами стены мощные, крепостные, толщиной около метра. Выложены красным большемерным кирпичом и в некоторых местах — природным известняком. Хороши парусные своды. На ночь окна плотно закрывались ставнями (на внешней их стороне видны следы от уключин). Похоже, что фундамент здания уходит глубоко в землю, за счет чего мельница сидит на пригорке прочно — как гриб-боровик. Ни одной трещины. Сохранился снимок мельницы, сделанный знаменитым уфимским фотографом А. Зирахом в начале века. На нем виден деревянный (над каменным основанием) надстрой — в виде трех симпатичных башенок. Если убрать «архитектурные излишества» позднего времени и вернуть мельнице первозданный вид, а иже с ней отреставрировать и хозяйский дом, что стоит неподалеку, то такая откроется при въезде в Уфу красота... Нужно только приложить руки. Но до памятников промышленной архитектуры руки у нас пока не доходят. А зря. Вместе с особняком Тушнова и мельницей заводчиков Демидовых сложился бы неплохой архитектурный ансамбль на въезде в Уфу.

Мельница заводчиков Демидовых, Коммунистическая, 117/2, — следующая остановка. Родоначальником семейного клана, по словам краеведов Георгия и Зинаиды Гудковых, являлся Никита Никитич Демидов — сын прославленного

*Мельница Петунина
близ Оренбургской
переправы.
Фото 1910-х гг.*

основоположника горных заводов на Среднем Урале Никиты Демидовича Демидова. Дом на Большой Казанской (ныне Октябрьской революции), как и мельница, принадлежал Евдокиму Никитичу Демидову. После его смерти владельцем недвижимости стал сын Иван. В последующие годы здание мельницы перешло в руки генерал-майора А.А. Пашкова, затем Ф.С. Софронова и, наконец, А.Н. Першина. Дом и мельница Демидовых спасены благодаря краоведам Гудковым. Демидовская мельница вместе с домом являются самыми древними в Уфе каменными зданиями.

Первый этаж мельницы врос в землю. Говорят, в доме большие каменные подвалы, но они, к сожалению, оказались на замке. Зато мы поднялись на второй этаж мельницы, где, судя по всему, находилась контора. Двери открыла молоденькая девушка — Виктория Каспер. Она живет здесь со своей мамой — Ольгой Степановной. На потолке квартиры — великолепная лепная розетка. Широкие, основательно вытопанные половицы указывают на солидный возраст здания.

Во дворе — еще один кирпичный дом с большими арочными окнами первого этажа. Возможно, здесь хранилась мука, изготовлением которой занимались еще 1600 лет до Рождества Христова (имеется упоминание в книге Моисея). Сухие зерна растирали сначала каменными жерновами. Водяные мельницы появились при Юлии Цезаре, позже — ветряные. Наиболее известны голландские ветряные мельницы. Паровыми мукомольными мельницами прославилась Англия (изобретатель — Смитон).

Мельничная наша экскурсия заканчивается на Софроновской пристани. По дороге попадают два магазинчика, которые еще до сих пор сохранили свои названия, — «Каменка»¹, владелец купец Максимов, и «Маршаловка» — купца Маршалова. Справа остаются рыбные склады, принадлежавшие Ф.С. Софронову. Наискосок от них — мельница. Владели ею П.И. Костерин и С.А. Черников. После Петунинской, эта — вторая по величине. В пять этажей. Шестой — более поздний. Сейчас здесь размещается завод гибких валов. У здания прочитывается веточка железной дороги (поросла травой). Украшают фасады оконные арки и так называемые «сухарики» — небольшие спускающиеся с карниза прямоугольные выступы.

Старая мельница напомнила по своей архитектуре рабочий Петербург...

¹ Снесена в 2007 году.

Павел
Егоров

ПЕРШИНЫ: МГНОВЕНИЯ ЗАБЫТОЙ ЖИЗНИ

Воспоминания близкой подруги Нины Першиной Аллы

За сочельником шло Рождество Христово. За Рождеством святки. В Уфу на эти праздники на свои вакации съезжалась молодежь из Москвы, Санкт-Петербурга и Казани к своим родителям. Студенты, курсистки. В доме по улице Большой Успенской (ныне Коммунистической) стоял дом купца Николая Першина. Там начинался в эти дни настоящий праздник. Мать не могла наглядеться на своих приехавших детей — Нину, Любочку и Александра.

Семья была чинная, старообрядческая. Перебрались Першины в Уфу из русского городка Коврова. Род старинный, с традициями. Но многое со временем ушло в прошлое. Поддерживалось оно воспоминаниями или какой-нибудь сохранившейся с давнего времени реликвией. Например, большой серебряной ложкой с заклепкой по донышку, перешедшей по наследству еще от прадеда. Ею за семейной благочестивой трапезой обычно доставалось тому, кто смел нарушить строгие застольные правила — протянуть руку раньше другого (по очереди и возрасту) за миской с супом, начать есть раньше отца, пихнуть локтем соседа и так далее. Перечень таких пунктов семейного устава был длинный и всегда ревниво соблюдался. Нарочито красная медная заклепка на этой исторической ложке подтверждала это. Она закрывала дырку, полученную от ударов по нерадивым твердым лбам. Перепадало, видимо, за столько лет многим членам этого семейного клана.

Времена менялись. Теперь умный глава семейства, против полной, небольшого роста жены — этакий высокий, сухопарый мужчина, решил всем своим детям дать высшее образование, поскольку они выказывали незаурядные способности и рвение в учебе. Отправил Николай Першин их учиться в большие города.

С приездом детей дом оживал. В большом зале устанавливалась под самые высокие потолки громадная елка. Накрывался по парадному стол, где не уставал пыhtеть крутобокий самовар, а внизу, в цокольном этаже, не уставала стучать ножками, шинкуя и нарезая все к столу, неугомонная прислуга.

Когда сходились гости, молодежь укрывалась в маленькой комнатке цокольного этажа. Спорили горячо, неистово. Были здесь эсеры, социалисты, монархисты. Каждый отстаивал свои взгляды, привезенные из вольнодумных столиц. Когда пыл словесных схваток иссякал, выходили всей гурьбой во двор, к каретнику. Игры затевали самые разные. Хохотали, балагурили. Под общий смех пролезали по снегу с завязанными глазами под дугу от лошадиной упряжи, чтоб не задеть подвешенный к ней колокольчик. Потом рядились в разные одежды. Молодые люди — в цыганок и девиц, девушки — в мужиков-коробейников или офеней.

Так выходили за ворота и шли к Центральной улице. Девицы жеманно хихикали, путаясь широкими мужскими шагами в юбках, цыганки под удары в бубен старательно двигали неуклюжими широкими плечами, а усаые коробейники со зывали тонкими девичьими голосами посмотреть их товару.

Александр старался держаться рядом с Зиночкой, что была из богатых купцов Сазоновых. Их любовь была еще со времени учебы в Уфе. Саша тогда учился в реальном училище, он всегда задерживался на крыльце, чтоб увидеть Зиночку, проезжавшую мимо на извозчике во 2-ю гимназию. Так взглядами и обменивались. Этот обмен вышел на всю жизнь.

Нина с открытой головой в крутых белокурых завитках коротко стриженных волос, глазами, озаренными светом восторженной молодости, с нежным румянцем во всю щеку была похожа в своем белом одеянии на легкокрылого архангела.

Пройдет много лет. В Уфе в комнатке цокольного этажа, что помнила другие времена, теперь ютилась Нина Николаевна Першина со своей дочерью Юлей. Была она умна и религиозна. Преподавала биологию в пединституте. Когда поздно вечером, усталая, возвращалась к родному, когда-то отцовскому дому, чтобы по боковым плоским камням за каретником спуститься по двору в свою каморку, думала о чем-то своем. О чем? Кто знает, кто знает.

ПЕРШИНСКИЙ КВАРТАЛ

*Павел
Егоров*

Рассматриваемый квартал ограничен улицами Успенской (Коммунистической), Малой Ильинской (Воровского, Салавата Юлаева), Спасской (Новомостовой) и Сибирской (Мингажева). Если соседние с юга и востока кварталы имели свои исторические названия: Малая Репная Слобода, Большая Репная слобода, Покровская слобода, то особого исторического наименования у этого района не было. Несколько позже, в начале XX века, бытовал некоторое время топоним «Першинские дома», относящийся, впрочем, лишь к юго-восточной части рассматриваемого квартала: Жилая застройка квартала началась примерно с XVII века, точнее с появлением на месте нынешней Покровской церкви двух первых храмов — Покровского и Никольского. Именно в Покровском приходе пребывали и все последующие жители квартала до появления северо-западной Успенской церкви.

По сведениям Справочной книги г. Уфы 1883 г., составленной из данных второй городской однодневной переписи населения 17 июня 1879 г., сей квартал I-й городской части носит № 64. К сожалению, домовладельцы в этой переписи учитывались не по усадьбам, а по отдельным домам, и соотнести это с современным состоянием местности, не говоря уже о датах постройки зданий, возможно лишь приблизительно — потеряна связка перехода от переписи 1879 г. к переписи 1897 г.

Драгоценной жемчужиной данного квартала является уникальный памятник истории и культуры Уфы — старинная усадьба Першиных. Ее территория разделена ныне на две неравные части, в данной статье нас интересует лишь западная часть усадьбы Першиных, она носит ныне № 115.

Нумерацией единая першинская усадьба была разделена на две части еще до 1904 г., перенумерация городских усадеб в 1929 г., когда новая городская власть перенумеровала почти все дома на всех уфимских улицах, вернувшись к принципу присваивать номера не усадьбам, а отдельным домам, закрепила это разделение.

По справочной книге 1904 г., участок № 28 принадлежит Ляхову Владимиру Эпинетовичу, дворянину (ныне это дом № 40). Конезаводчики Ляховы не были первоначальными владельцами и строителями первых зданий на угловой усадьбе. Даже по Раскладочной ведомости 1897 г. угловая усадьба на северо-восточном углу Успенской и Спасской улиц и вторая от угла были во владении разных хозяев. Первая принадлежала канцелярскому служащему и надворному советнику Виктору и Николаю Концовым, из сего следует, что В.Э. Ляхов приобрел оба усадебных места (очевидно, вместе с недвижимыми постройками) между 1897 и 1904 гг.

* * *

За всю историю существования данного квартала здесь проживало немало известных людей Уфы и Уфимской губернии. Здесь, наряду с именами Ляховых и Першиных, мы покажем жизнь простых уфимских обывателей, живших в этих домах. У современных старожилов усадеб в августе 2007 г. была посилено собрана

вербальная информация, проливающая дополнительный свет на прошлое зданий. Колорит речи рассказчиков неповторим, вряд ли его во всем сможет заменить сухое повествование хрониста. Потому рассказы подверглись минимальной обработке. Интересно то, что каждый рассказчик видит и передает происходившие события по-своему, а при сопоставлении и складывании текстов получается наиболее цельная картина.

ДОМ ФЕДОРОВОЙ

Улица Коммунистическая, 109

Дом Федоровой

На карте Уфы 1852 г. на месте данной усадьбы по улице Успенской показаны несколько домов. Несколько отступя от красной линии стоят два жилых дома, в глубине отмечен один маленький жилой дом и две хозяйственные постройки, за ними к оврагу — сад и огород. Как выглядели эти здания, не известно; конечно же, учитывая древность квартала, они были далеко не первыми.

По Раскладочной ведомости 1897 г. на городской усадьбе № 387 (нумерация усадебных мест в Уфе существовала и до 1904 г., но она была различной, менялась часто), принадлежавшей жене губернского секретаря Лидии Осиповне Васильевой, находились следующие строения: «Деревянный дом, служба, баня и сад».

По косвенным данным, дом построен около 1887 г.

По данным справочных книг г. Уфы 1908, 1911 и 1914 гг., усадьба № 105 принадлежала уже Федоровой Анастасии Петровне. Главное здание выходит на красную линию Успенской улицы. Здесь у него четыре окна, парадный вход расположен по центру, разделяющий дом на две примерно одинаковые половины. Парадные двери первозданные, филенчатые, ажурный металлический козырек над входом. В лицевых квартирах сохранились лепные тяги при переходе стен в потолок. В северной части здания находятся две уютные террасы с навесами на больших точеных столбах. В советское время оба дома Федоровых стали ведомственными — населенными работниками тепловозоремонтного завода. Ныне в лицевом доме пять квартир. Материал постройки, вероятно, сосна или лиственница. Здание сохранило свой первоначальный вид фактически в идеальном состоянии.

О судьбе Васильевых и Федоровых нам ничего не ведомо, во время опросов их фамилий не вспомнили, но называли Петровых, Ивановых, Гавриловых, Лелеевых. Как наиболее долго жившие, запомнились Петровы.

Говорит старейшая жительница дома Валитова Кашифа Миргалеевна, 1924 г. р.: «Бабулька одна проходила мимо дома лет 10 назад (она туда шла вниз, к Воровского) и говорила: этому дому 110 лет! Тэрээзские здесь только 2 дома. Мы с 1949 г. здесь живем. Когда приехали, 2 квартиры занимал инженер Водоканалтреста Петров, имя не помню, жену звали Дарья Дмитриевна. Они богатые были, картины у них везде висели по комнатам. Но грязно у них было, они старые были, не белили, не красили, им не до ремонта было, только смерти ждали. Мой муж помогал им, с работы придет — им все делает, они не могли. Петров добрый был человек, жена очень толстая была, еле шевелилась, она раньше его умерла, потом он.

Во дворе [в дворовом доме Федоровых] Лелеевы жили. Был барак против наших окон, там жили врачи 1-й совбольницы, Валиахметовы кажется, давным-давно снесен...»

Ее дополняет жительница лицевого квартиры Суханова Валентина Константиновна: «Дому примерно 120 лет. Этот и во дворе который деревянный дом принадлежали одному хозяину. Федоровы, говорите? Что-то знакомое. Не у кого спросить! Да тут же все переехали после революции, квартиры дали от завода, от ТРЗ. Жила какая-то тетя Паня, они были зажиточные... А бабка Покровских из дома № 115 часто мне говорила: “От вашего-то дома брички все время отъезжали”. Но я уже не видывала этого и родители мои не видели...»

Двор усадьбы Федоровых обширен и разношерстен. Здания, выстроенные во дворе в позднее время, смыкаются с домами угловой усадьбы Ляховых (№ 105, 107). Некоторые из домов (т. н. «дома для специалистов») выстроены в советское время. Во дворе лицевого здания № 107 находится одноэтажный полнометражный дом.

Рассказывает его жительница Мельнова Ида Васильевна, 1938 г. р.: «Нет, не слышала, к сожалению, ни о Федоровых, ни о Васильевых, ни о Ляховых. Говорят, на этом месте до революции конный двор был. Наш дом построен в 1939 г., ему тоже дали № 107, он как продолжение «Лестопы»¹, его тоже построили году в 1939–1941-м, я, сколько помню, это здание уже стояло. Наш дом построили специально для прокурора БАССР Князева в 1939 г. Прокурором он был недолго, года два. Во дворе за № 109 тоже был построен специальный дом — для профессора Шишова, в одном доме с ним в 60-е гг. жил детский врач, профессор еврей. Еще за «Лестопом» был двухэтажный соломитный дом для врача, его снесли, там сейчас пустое место. Тут много строили после войны. Разные организации строили... Например, детсад № 1 Кир. р-на² строили пленные японцы. С момента постройки и до 1964–1965 гг. там жили военные и даже военком Кировского района. После расселения военных по квартирам там стал детский сад. В № 111 был завод, работали слепые...»

¹ Ныне «Баштопсбыт».

² Ныне ул. Новомостовая, 28.

В глубине двора на стыке усадеб № 107 и 109 в конце 1940-х — первой половине 1950-х гг. построены три жилых шлакоблочных двухэтажных здания «сталинского» типа, в каждом из них по восемь квартир: № 107–109/1, 107–109/2 и 107–109/3. В первом (западном) из них с 2003 г. разместился Республиканский реабилитационный центр инвалидов (отделение профессиональной ориентации и предпрофессиональной подготовки) Министерства труда и социальной защиты населения РБ.

Вспоминает работница этого центра Михайлова Людмила Константиновна, 1944 г. р.: «Это был дом жилой барачного типа, строили пленные немцы после войны. Когда жильцов расселили в 1962–1963 гг., здесь был детский садик № 20 с медицинским уклоном, в нем содержались дети с ослабленным здоровьем, предрасположенные к туберкулезу. Садик был до 1997 г., потом его перевели в здание бывшего детсадика Витаминного завода [№ 245], а тот ликвидировали. Здание долго ремонтировали и примерно в 1999 г. здесь сделали центр реабилитации для инвалидов-афганцев. Году в 2001-м его сожгли местные алкаши: внизу была сауна, они там пили, и случился пожар. После пожара здание опять долго ремонтировали, года два. С ноября-декабря 2003 г. здесь реабилитационный центр для детей-инвалидов, с этого года поступают и взрослые.

Проезжая часть улицы Сталина была выложена булыжником, тротуары асфальтированы. В 50-е гг. вниз по улице прокладывали городскую канализацию, большие трубы. Вся улица была разрыта. Потом уж булыжник не клали, улицу заасфальтировали.

Весь овраг был занят картошкой, каждый метр ухоженный: картошка, подсолнухи. Мимо нашего дома все время в овраг шли люди картошку копать. Огороды до самого ручья были. Каждый метр. Никакой помойки не было, а сейчас валят все, зарос весь овраг... Ручей и тогда грязный был, вода с двух бань³ текла, где пошире, где поуже, перепрыгивали через него.

³ Лаптевской и Вахмянинской.

Угловой магазин был очень хороший, единственный здесь продуктовый магазин, его сожгли в феврале 2006 г. Магазин внизу, а во втором этаже там было 4 квартиры».

В десяти метрах сзади главного дома во дворе стоит второй, также деревянный, дом Федоровых. В нем тоже пять квартир, его нынешний номер тоже 111, без дробки. Версия жительницы дома Марии о возрасте дома очень спорна, но упомянуть о ней надобно, возможно, 1914-й — именно год постройки дома (на это указывают его высокие несколько конструктивные окна), а 75 лет было старику Федорову, продающему дом или пускающему на квартиру евреям.

«Я в этом доме живу с 1953 г. С той стороны дома [с южной] жил старик-еврей, работник спиртзавода был, говорил, что, когда они в 1914 г. заселились, дому уже 75 лет было. Мы гвозди в бревна вбивали, они легко пальцами вынимались, но никакая тварь (жучок) его не погрызла. Хозяин того дома, с тротуара, был Иванов, купец, я его еще с женой застала, он совсем дряхленький уж был. Он жил, где стеклянная веранда. Гавриловы жили, Елизавета... Нет, Федоровых фамилию не слышала, помню только Иванов и Петров фамилии. А в том доме [Ляховском кирпичном во дворе] жил старик Амплеев, ему в 1953 г. лет 70 было. А эти 3 дома [№ 107–109 с дробками] мостоотряд строил...»

Дополняет жительница дома № 107–109/3, кв. 24: «Эти три дома у меня папа строил, он прорабом, инженером был. На их месте были огороды и деревянные дома. А этому дому [Федоровскому во дворе] лет 100, говорили...»

Дополняет старожил района Иванов Геннадий Васильевич, 1940 г. р.: «В квартире на улицу врачи жили I-й совбольницы, знаменитости, муж с женой. Моя бабушка жила на Сталина, 127, за клубом глухонемых. В 1947–1949 гг. она имела корову и всем продавала молоко, и я до 1970 г. там жил. Со двора тут жили Петровы, и к ним мы носили молоко, на стенах у них везде, везде висели картины... Его жена Дарья Дмитриевна меня поила чаем на той террасе. На месте этих домов [сталинских полнометражек] до 50-х гг. сады-сады, сады тут до самого оврага были...»

УСАДЬБА ЛЯХОВЫХ

Улица Коммунистическая, 111

Усадьба Ляховых

На карте Уфы 1852 г. на месте данной усадьбы по улице Успенской показан один лицевой жилой дом и хозяйственная постройка во дворе, за которой начинается сад. Интересно то, что жилое здание на карте схоже с нынешним в плане. Примерная его датировка, данная екатеринбургскими специалистами-архитекторами в картотеке домов Уфы, — не ранее 1890-х гг. Возможно, современный дом построен или перестроен по фундаменту прежнего. Точный возраст лицевого деревянного дома определить невозможно, прежний вид этого здания не известен, источников не сохранилось.

По Раскладочной ведомости 1897 г. городская усадьба № 388 принадлежала поручику Владимиру Ляхову, здесь находились следующие строения:

«Деревянный дом с антресолями и нижним жильем, 2 службы, баня, каменный каретник, конюшня». Предположительно, речь здесь о настоящем лицевом доме, который тогда, возможно, уже существовал. Недвижимое имущество Ляхова на усадьбе на 1897 г. оценивается в 1800 рублей.

По данным Справочных книг г. Уфы 1904, 1908 и 1911 и 1914 гг., настоящее место № 107 так же во владении Ляхова Владимира Эпинетовича. Кроме уже известного нам В.Э. Ляхова, здесь жил и его сын — Николай Владимирович Ляхов — член Губернского землеустроительного комитета от земства. К сожалению, фамилию их никто из опрашиваемых не вспомнил, вспомнили лишь род занятий — коннозаводчики.

Главный одноэтажный дом, выходящий на красную линию Успенской улицы, — наиболее красивый и выдающийся на этом участке улицы Успенской, скорее всего, построен из соснового леса. Здание сохранило свой первоначальный вид (за исключением выбивающейся пристройки слева), в пять окон по главному фасаду. Расположение парадных дверей левое, также металлический козырек над входом. Дом сильно развивается в глубину участка, во дворе к нему есть дощатая пристройка. Ныне в доме пять квартир, как частные, так и государственные.

Парадные комнаты украшены лепными тягами. В задней части дома в одной из комнат квартиры Туровцевых сохранился уникальный камин. Здесь тридцать лет жил знаменитый почвовед Михаил Михайлович Туровцев (1905–1965). На стенке в квартире висит родословное древо семьи Туровцевых, на нем более 50 человек. Его правнучка Настя любезно позволила ознакомиться с документами по истории семьи, из которых стало известно нижеследующее.

Воспитывался М.М. Туровцев в кадетском корпусе, после его закрытия (разгона) в Москве долго не мог найти работу. В 1932 г. приехал в Уфу, где возглавил картографическую группу почвенно-ботанического бюро. Был одним из создателей Ботанического сада Уфы. Поступил на заочное отделение географического факультета ЛГУ. Во время Великой Отечественной войны служил старшим техником, лейтенантом. После войны восстановился в ЛГУ, перевелся в БСХИ, окончил экономический факультет. Работал в Башкирском научно-исследовательском институте сельского хозяйства, активно занимался проблемами эрозии почв и способами борьбы с нею. Позже он работал в БСХИ. В 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию по специальности почвоведение в Москве в институте им. В.В. Докучаева. Присуждена ученая степень кандидата наук в 1956 г. С 1964 г. научный сотрудник. В 1965 г. М.М. Туровцев скоропостижно скончался; похоронен на Сергиевском кладбище Уфы.

Среди участников родословного древа встречаются также следующие фамилии: Сельдимировы, Кармазины, Богомолы, Кудряшвы, Кротовы, Казаченко, Василенко, Черепенины, Ведерниковы, Преображенские, Мелковы. Первые две имели и имеют известность в г. Уфе.

С восточной стороны усадьбу замыкает кирпичный дом в три высоких окна по главному (южному) фасаду, возведен в упрощенных формах «кирпичного стиля» не ранее 1880-х гг. В 1960-е гг. над зданием был надстроен второй кирпичный же этаж, при надстройке по крыше повторены даже четыре парапетных столбца. Современная входная дверь в здание пробита после 1993 г. в ограждающей усадьбу вдоль улицы кирпичной стене, остатке въездных ворот. Слева от него в 1990-е гг. сделан безобразный кирпичный одноэтажный пристрой, аналогичные пристройки суть и во дворе. Несмотря на закрашивание красных фасадов ядовитой зеленой масляной краской (повальное увлечение «озеленителей» Уфы в 1970–1980-е гг.), дополнение из современного рыжего кирпича с неаккуратной расшивкой резко выделяется и контрастирует со старинной Ляховской «кирпично-стильной» кладкой. На торцевом восточном фасаде здания также заметен след, что второй этаж доложен кирпичом на уровне выше верха окон второго этажа. Но по версии старожила, второй этаж у здания был и до надстройки (возможно, полудеревянный?).

Первоначальное назначение здания точно не выяснено, возможно, оно изначально несло хозяйственные функции. В пользу этого слабо говорит и то, что

и хозяйственная постройка («служба») во дворе на карте 1852 г. существовала на месте нынешнего ангара, который в свою очередь возник на месте прежнего производства (см. ниже) и т. д. На месте лицевого здания в начале 1850-х гг. — пусто. Путем опросов установлено, что в 1940-е гг. (возможно, и раньше) в здании были швейные мастерские. В 1950–1960-е гг. здесь существовала артель слепых — производство по изготовлению металлических изделий, панцирных сеток кроватей и проч., во дворе у них же (слепых) был гвоздильный цех. В 1970-х гг. в здании разместились районная Кировская база райпищеторга, просуществовавшая здесь более 20 лет. Ныне здание сдается в аренду под склады и офисы. В 1990-х гг. во дворе на месте старого производства, позже гвоздильного цеха, был построен железный ангар-склад для продуктов и промтоваров.

Рассказывает Оскаленко Алексей Платонович, 1950 г. р., живет в доме № 113/1: «С детства, сколько я помню, в этом кирпичном доме была артель слепых. Они делали кровати детские для детских садов, яслей. Помните сетки, решетки с пружинками, с кольцами, на которые клали матрасы? Вот это они делали. Гнули из проволоки вручную и на станках. Я наблюдал, как они работали. Сами они жили в Детском переулке, там барак для них стоял, а сюда ходили пешком. Человек примерно 60–70 их тут работало. Пожары здесь частенько были. Слепые работали с краской по металлу, красили эти сетки (помните по детскому саду стальную голубую краску?) [точнее, сизую]. Они курили, бросят окурочек не так — краска по металлу загоралась — и пожар. Да, все верно, второй этаж дома надстроен из кирпича в 1960-е гг. для расширения производства, но вместо него тоже был кирпичный этаж [?]. В этом же доме у них начальство сидело.

Заместо этого ангара [во дворе севернее этого кирпичного дома] был гвоздильный цех — слепые гвозди делали. 2–3 гвоздильных станка стояло. Цех был холодный — засыпуха; а лет 10–15 назад на его месте этот ангар поставили. Когда зарплату слепым выдавали, они шли в тот магазин на углу¹. Деньги они чувствовали на ощупь и никогда не ошибались. Все это знали. Однажды новенькая молодая продавщица решила обмануть слепого и подсунула в сдаче маленькие купюры. Он отошел, сосчитал: нет, говорит, не так сдали. Вызвали начальницу. Та все проверила: да, обман. И тогда все работники выволокли эту новенькую из-за кассы и давай ее валтузить! Шутка ли? Разве можно наказывать слепого! Избили сильно и выгнали из магазина без права поступления на работу продавцом. Но интереснее всего нам, пацанам, было смотреть, как слепые после полочки напьются пьяными и дерутся. Вот потеха: размахнется кулаком и — в забор!

Артель закрыли в 70-е гг. Сделали [в этом доме] базу Кировского райпищеторга. А потом тут продуктовая база «Родник» была, а в перестройку все продали, и теперь там сотня организаций была...»

Третий дом усадьбы, расположенный прямо за деревянным лицевым, выстроен Ляховыми в кирпичном стиле под конюшню, об этом помнят и современные его жильцы. В их памяти осталось, что хозяин (фамилию не вспомнили) был известным в городе коннозаводчиком. Примерная датировка здания, данная екатеринбургскими специалистами-архитекторами в картотеке домов Уфы, — не ранее 1880-х гг. К сожалению, в последние десятилетия здание было облеплено пристроями, сильно скрывающими кирпичный декор, при сооружении этих пристроев даже были утрачены детали. Около 2000 г. одну из квартир этого дома купил композитор Салават Низамутдинов. Ныне дом носит № 111а, в нем две частные квартиры.

Вот что вспоминает старейшая жительница дома Лукьянова Валентина Андреевна (живет в квартире № 5): «Этот дом с 1904 г. — я узнала, когда приватизацию делала. Когда я переезжала, мне сказали, это была конюшня знаменитого коневода. Нет, фамилия Ляховых мне не знакома. Мы здесь с 1966 г. Стены

¹ Известный магазин «На Новомостовой» в угловом двухэтажном деревянном доме напротив дома Сазоновых, последний адрес его: ул. Коммунистическая, 105, сгорел в 2006 г.

толщиной 82 см. Огород копала — нашла старинное пресс-папье с коричневой красивой ручкой...

В том доме [лицевом] жила семья профессора Туровцева, у них было четверо или пятеро детей. Много у него было книг разных, все стены в стеллажах. Когда он умер, они выбрасывали книги и все остальное на улицу, во двор. Освобождали места или что? Тут все разбросано было в книгах, бумагах его».

УСАДЬБА РЫНДЗЮНСКИХ

Улица Коммунистическая, 113

На карте Уфы 1852 г. на месте нынешних лицевых зданий стояли два жилых дома (естественно, далеко не первые), в плане схожие с нынешними. Вероятнее всего, настоящие здания построены на местах прежних, но не исключена возможность, что западное из нынешних зданий в каком-то виде существовало уже в 1852 г., два хозяйственных строения («службы») стояли поперек двора.

По Раскладочной ведомости 1897 г. на городской усадьбе № 389, принадлежавшей жене канцелярского правоведа Ольге Павловне Рындзюнской, находились следующие строения: «дом, флигель с мезонином, флигель, полукаменный дом, 2 службы и баня». Скорее всего, речь идет о уже существовавших настоящих лицевых домах, на это указывает их подходящий возраст. Не исключена вероятность, что «полукаменным» назван кирпичный дом № 113/5, возможно, что у него была деревянная надстройка. Но хозяйственное назначение его не оговорено, это говорит против того, что означено именно это, существующее, здание. Недвижимое имущество усадьбы Рындзюнских на тот год оценивается в 1800 рублей.

За 25 предреволюционных лет сменилось последовательно трое владельцев усадьбы. Как сказано выше, по данным справочных книг г. Уфы 1904, 1908 и 1911 гг., усадьба принадлежала Рындзюнской Ольге Павловне, а в 1914 г. владелицей усадьбы указана уже Тромпетт Васса Федоровна. Любопытной особенностью усадьбы было то, что, как в начале XX века, так и позднее, в советское время, дома данной усадьбы (особенно № 113/1, 113/2 и 113/5) использовались под служебное жилье. В самом деле, в 1904 г. здесь жил известный уфимский общественный и политический деятель, председатель Уфимской губернской земской управы Петр Флегонтович Коропачинский. В 1908 г. здесь жил председатель Уфимской уездной земской управы Миклашевский Григорий Иванович и жена его Вера Матвеевна. В 1911 г. количество официальных жильцов возрастает. На усадьбе проживают Кабанов Герман Алексеевич — уездный землемер Межевой комиссии, Маклакова Надежда Васильевна — помощница учительницы Мариинского двухклассного училища, Самойлов Иван Варламович — старший делопроизводитель Уфимского губернского правления. Здесь же недолгое время жила семья известного уфимского губернского землемера В.Г. Тромпетта. Ничего подобного нет ни на одной усадьбе из рассматриваемого квартала. Тем не менее национализирована была усадьба между 1919 и 1923 гг. включительно уже у некоего Беккаревича, на усадьбе у него было изъято по второй категории в пользу города четыре дома. Традиция «служебного жилья» была продолжена и в советское время. После национализации здесь проживали работники авиационного техникума и дольше всего сотрудники полиграфкомбината.

В последние десятилетия все дома усадьбы Рындзюнских получили дробные номера. Лицевых здесь два дома, оба в основном сохранили свой первоначальный вид. Вероятно, дома сосновые. Фамилий и подробностей дальнейших судеб вышеперечисленных владельцев и жильцов не вспомнил никто.

Главный одноэтажный деревянный дом выходит на красную линию Успенской улицы. Первоначальный вид его сохранился, ныне ему присвоен № 113/2. Сейчас

в доме десять квартир, четыре входа. Дом сложной формы, П-образен, по главному (южному) фасаду семь окон; парадное отсутствует. Примерная датировка здания, данная екатеринбургскими архитекторами в картотеке домов Уфы, — неправильная: начало XX века.

В 1998 г. здесь произошел пожар, когда сильно пострадала дворовая часть главного здания и погибла одна женщина. Огонь был быстро укрощен, бревна не прогорели. После пожара дом был расселен и несколько месяцев ремонтировался, заново построено северо-западное дворовое крыльцо, частично сменена деревянная обшивка на дворовых сторонах. Но следы пожара хорошо видны и сейчас на сохранившейся обшивке.

Говорят старожилы дома Соколова Антонина Степановна с мужем: «Пожар был в июне 1998 г. Загорелось утром в 6 часов. Пожар начался вот с этого крыльца [северо-западного]. Выходить было некуда, крыльцо уже горело, и все стали из окон выпрыгивать. Мы выпрыгнули, а одна бабуля прыгать не могла и вышла через это крыльцо и сильно обгорела, неделю в больнице пожила и умерла. Дом расселили, ремонтировали, мы в другом месте жили, потом снова заселились... Нет, ни о Рындзюньских, ни о Тромпеттах никогда не слышали».

Второй лицевой дом усадьбы (ныне № 113/1), деревянный же, вплотную примыкает к вышеописанному ляховскому кирпичному хозяйственному строению, стоит по красной линии улицы. Также имеет козырек над парадным левым входом, но поздний. Примерная датировка здания, данная екатеринбургскими специалистами-архитекторами, — не ранее 1860-х гг., что, в общем, не противоречит его внешнему облику. Дом одноэтажный, с мезонином необычного вида, с длинными чердачными скосами, обращенными во двор. С восточной и северной стороны дом облеплен пристройками. На всем протяжении существования был жилым; ныне имеет четыре квартиры. Утрачены большие первоначальные ворота во двор, находившиеся между двумя лицевыми домами.

Как выглядели первые здания, также не известно. И судьба домовладельцев Булгаковых, Рындзюньских и Беккаревичей покрыта непроницаемым мраком, никакие источники не нащупаны. Семейство Тромпеттов в Уфимской губернии известно. Они владели землями к северу от Уфы в Богородской волости. Так, Габриэль Николая Нарцисс ля Тромпетт де Шамань, как инженер-технолог, химик, в 1845 г. был приглашен из Франции в Россию заводовладельцами Пашковыми в Верхоторский завод Стерлитамакского уезда, а в 1855 г. заводовладелицей Е.В. Дашковой в Благовещенский завод Уфимского уезда для строительства и эксплуатации металлургического цеха. Его сын, уфимский землемер Владимир Гаврилович Тромпетт, был членом уездной Земской управы, составителем карт (в частности, известной карты города 1897 г.), он обустроивал свои имения и, будучи весьма набожным человеком, вместе с семьей помогал строительству новой церкви в Черкассах. Женился на простой русской крестьянке деревни Жуковой Вассе Федоровне Волковой в 1883 г. Но когда усадьба перешла к Тромпеттам, ни Гавриила Николаевича, ни его сына уже не было в живых. Таким образом, хозяйкой усадьбы в последние годы перед революцией 1917 г. была старшая из Тромпеттов, вдова Васса Федоровна. Года же перехода усадьбы от Тромпеттов к новым хозяевам Беккаревичам не найдено, предположительно, это 1917–1918 гг.

Двор усадьбы большой и дальше всех продолжающийся в глубину на север, в сторону Сибирского оврага. Первоначально здания здесь располагались приблизительно в виде каре по границам усадьбы. За сто лет структура двора почти не изменилась. Главным изменением можно считать снос одноэтажного деревянного (возможно, поначалу хозяйственного, но в советское время жилого) здания в восточной части двора и строительство на его месте двух двухэтажных восьмиквартирных жилых домов для работников полиграфкомбината. Оба

дома построены около рубежа 1950-х и 1960-х гг. Первый дом (южный) полностью из красного кирпича, второй (северный) — из силикатного. Наряду с этим в 1940-е гг. в глубине двора были построены и два деревянных одноэтажных дома: № 113 в северо-западной части — 1943 г. и № 113а в северо-восточном углу — примерно 1947 г.

В самом конце двора, почти у южной кромки Сибирского оврага, находится дом № 113/5, он наиболее ценен, кирпичный, одноэтажный, видимо, при Рындзюньских был хозяйственного назначения. В советское время (примерно с 1930-х по вторую половину 1950-х гг.) здесь жили работники типографии (по некоторым данным, размещалась сама типография, возможно, маленькая). После строительства полиграфкомбината (ныне проспект Октября, 2) все переехало туда. С тех пор и поныне в доме жилье, четыре квартиры. К сожалению, здание облеплено дощатыми пристроями, которые скрывают прекрасный декор, выполненный в «кирпичном стиле».

Удивительная особенность двора — очень старые липы, высотой около двадцати метров с диаметром ствола около полуметра. Насажены липы ровно, через равные промежутки, по правилам садово-паркового искусства. Если судить по оставшимся деревьям, они стояли в виде каре на северо-западной, северной и северо-восточной оконечности усадьбы. Между липами и по прилегающей части двора были проложены правильные садовые дорожки, посыпанные гравием. Сохранились несколько живых высоченных лип и одна рухнувшая от ветра. При внимательном рассмотрении рухнувшей открылось удивительное вертикальное дупло, идущее от земли до места облома, превратившее дерево в высокую стоящую колоду. Тем не менее, липа живая! Большой сад показан на этом месте уже на карте Уфы 1852 г., возможно, его происхождение более раннее — конец XVIII—начало XIX века.

Говорит старожилка дома № 113 Логинова Валентина Александровна, 1941 г. р.: «В этом доме (№ 113/5) была типография, сейчас она на проспекте. Это здание старое, купеческое. А эти два дома [двухэтажные] строил в конце 50-х гг. полиграфкомбинат для своих работников. Они одинаковые, 8-квартирные. На этом месте стоял барак купеческий, длинный, во всю длину двора, с двумя входами (один с торца), эвакуированные во время войны жили. И в том доме тоже жили, евреи с Днепропетровска. А много после войны, здесь было общежитие авиационного техникума.

Наш дом построен в 1943-м г. при следующих обстоятельствах: отец мой — Логинов Александр Яковлевич был офицером, служил в Панфиловской кавалерийской дивизии. Он рано вернулся с фронта, раненым, в 43-м г. Дивизию почти всю покосило, это ж надо было так сделать — кавалерию на танки бросать! Он чудом живой остался, вернулся в Уфу, и ему, как инвалиду, дали место построиться здесь. Поэтому наш дом и холодный, что он в военное время построен. Здесь раньше при хозяевах был прекрасный парк! Посмотрите на эти столетние липы, они посажены очень ровно, правильно, рядами, они окружают двор с трех сторон. Липы стояли как на усадьбе. Когда копали землю, наткнулись на красивые садовые дорожки, которые были проложены правильно. Они были посыпаны гравием. Липа одна за другой постепенно погибли, одна из лип, вот, недавно рухнула...»

Ее хорошо дополняет рассказ старожилки дома № 113/5 Михайловой Людмилы Константиновны, 1944 г. р.: «В доме № 113/5 я родилась и жила до прошлого года. Мама рассказывала, что при царе там конюшня была, потом хлебопекарня. В 1940–1941-х уже было общежитие полиграфкомбината (сам он тогда был выше по ул. Сталина, сейчас эти корпуса [Верхнеторговой площади] снесены). Общежитие было примерно до 1961 г. Под домом нет фундамента, в 60-е гг. над ним хотели надстроить второй этаж, но не смогли. Здесь оставались жить пять семей: Сорокины, Зевахины, Алемановы, Ямашевы (мы), Глубоковы, все они заслуженные

работники полиграфкомбината, всю жизнь проработали на нем. В нашем доме жили два мастера спорта по акробатике. Лидия Петровна Филиппова, коренная с дома № 113/5 (ее мама — Короткова — работница полиграфкомбината), мастер спорта, потом жила в доме № 113/4, к сожалению, рано умерла. Ее муж — Гарифуллин, декан одного из факультетов физкультурной академии.

В 1958–1959 гг. во дворе стали строить два двухэтажных дома для работников полиграфкомбината, строили сами рабочие после работы. Строили не одновременно. Сначала построили № 113/4 (ближе к нашему № 113/5) из белого кирпича, потом (через полгода) — № 113/3 из красного. На их месте был деревянный корпус. В эти же годы построили новый полиграфкомбинат в начале проспекта.

О доме № 113а. Там жил Александр Архипов — работник администрации горсовета, у него одного был телефон из двора, к нему все ходили звонить. Жена Архипова — Анна Ивановна работала в детдоме на Октябрьской [№ 59]. Их средняя дочь Валентина — теща Вячеслава Фетисова. Ее дочь Лада была красавицей, с детства занималась спортом, в 14 лет они переехали в Москву. И сейчас Лада, сменив четырех мужей, вышла замуж за Вячеслава Фетисова, председателя федерации хоккея. Этот брак вынужденный. Когда Фетисов уезжал в Америку, по американским законам она не могла проехать в качестве подруги, и они вынуждены были зарегистрироваться. Дочка Настя у них родилась уже в США.

[О доме № 113]: здесь жил Логинов, фронтовик без ноги, работал директором магазина. В доме № 113/2 жили студенты и работники авиатехникума, Бак Иосиф, завхоз, общая кухня. В № 111 до артели слепых там были швейные мастерские, мы детьми заглядывали в окна, интересно было, как станки работали. Ангар во дворе построен в 1990-е гг.».

Вышеупомянутая старожилка А.С. Соколова (из дома № 113/2) уточнила, что дома полиграфкомбинат построил до 1962 г., и типографии в тот год уже не было в № 113/5.

Дополняет старейшая жительница двора Малмыгина Анастасия Павловна, 1927 г. р., живет в доме № 113а, кв. 2: «Я приехала в Уфу из Круша¹ в 40-х гг., купила свою половину дома в 1963 г., а построили дом в конце 40-х гг., наверно. Когда я приехала, типографии в том [№ 113/5] доме уже не было, уже жили люди. Зевахины, другие... Дома полиграфкомбината до меня построены...»

Во время опросов в августе 2007 г. фамилий владельцев домов не вспомнил никто. Количество проживавших здесь за все время граждан не поддается учету.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ДОМ ПЕРШИНЫХ

Улица Коммунистическая, 115

Настоящий дом — главное здание единого ансамбля усадьбы Першиных, расположенной на северо-западном углу перекрестка улиц Коммунистической и Воровского (бывшей Малой Ильинской). И по сей день усадьба Першиных в Уфе представляет собой хорошо сохранившийся историко-архитектурно-художественный комплекс, состоящий из пяти зданий различного назначения, включающих в себя разновременные жилые (в том числе доходные), промышленно-хозяйственные, торгово-складские помещения. Во времена Першиных усадебный комплекс отличался высоким уровнем благоустройства. В плане усадьба представляет собой почти прямоугольник и выходит на красные линии обеих улиц. Два из пяти зданий — каменные, построены в архитектурных изводах от традиций провинциального (губернского) классицизма. Несмотря на многочисленные мелкие утраты архитектурного облика в советский период, сохранность всех зданий Першиных и общая сохранность усадьбы довольно высокая. На территории усадьбы не снесено ни одного здания и не построено ни одного позднего. Все пять зданий

¹ Бирский уезд.

усадебного комплекса ныне числятся по улице Коммунистической. Только три из них построены в конце 1890 — начале 1910-х гг. непосредственно династией купцов Першиных. Все здания выстроены в различных стилевых решениях, от русского провинциального классицизма до элементов «кирпичного стиля» и деревянного зодчества. Каждое здание и все в комплексе представляют собою яркий образец уфимской купеческой эклектики.

Старый Першинский дом (ныне № 115) стоит по красной линии улицы в юго-западном углу усадебного комплекса. Ныне он двухэтажный, кирпично-деревянный, это самый ранний дом не только на усадьбе, на этом участке улицы Успенской, на всем квартале, и входит в десятку древнейших домов Уфы. Здание построено в классическом стиле (в соответствии с образцовыми классицистскими проектами «Собрания фасадов» 1809–1812 гг.) примерно до середины XIX века. На карте Уфы 1852 г. настоящий дом на усадьбе уже изображен как существующий. Но как он выглядел — можно реконструировать только по указанным образцовым проектам. На той же карте за домом показана, вероятно, конюшня, длинная, стоящая поперек двора. За нею маленькая хозяйственная постройка, дальше — огород.

Главный фасад — трехконный, осево-симметричный. Здание отчасти сохранило свой первоначальный вид. А именно: по центру над основной средней частью по главному фасаду здания возвышался мезонин (возможно, с верандой), утраченный в 1940-х гг.; пропали тяги наличников первого (полуподвального) этажа; частично осыпались угловые пилястры. Дом не всегда был чисто жилым; по воспоминаниям старожилов дома, в первом (кирпичном) его этаже была одна из первых в городе пекарен, а на втором этаже у Першиных располагалась мельничная контора, учитывая, по отзывам жильцов, незаурядную крепость, сухость и целостность стен этого этажа, можно предположить, что он сложен из лиственницы. Во дворе стоят поздние, не вполне приличествующие старинному облику здания пристройки, впрочем, не видные с красной линии улицы. Но вернемся на два с половиной века назад.

Более 100 лет, с 1760–1770-х гг., эта большая усадьба принадлежала владельцам уральских горных заводов: Евдокиму Никитичу Демидову, а после раздела его наследства в 1793 г. — его сыну Ивану Евдокимовичу Демидову, умершему в Уфе в ноябре 1823 г. О более ранних зданиях на территории усадьбы того времени, о ее границах, сведений не сохранилось. В 1860-х гг. обе усадьбы у наследников И.Е. Демидова выкупил предприимчивый уфимский купец Феодор Симеонович Софронов, основатель и владелец знаменитой Софроновской пристани на р. Белой. Между 1879 и 1897 гг. (точно год не установлен, по косвенным данным — первая половина 1880-х) у Софронова усадьбу купил владимирский купец Николай Андреевич Першин.

О судьбе домовладельцев Першиных известно довольно много. К счастью, это одни из немногих уфимских купцов, которые оставили нам некоторые документальные письменные источники — воспоминания. Зачинатель рода Першиных в Уфе — Н.А. Першин, купивший усадьбу после 1879 г., — незаурядная личность. Он родился в 1831 или в 1832 г. в уездном городе Коврове Владимирской губернии, по вере и традициям — старообрядец (род Першиных во Владимирской губернии известен с 1660-х гг.). В связи с началом деятельности Бельского речного пароход-

*Усадьба Першиных.
Дом по ул. Коммунистической, 117б*

ства в 1870 г. он появился в Уфимской губернии и сразу же завел свое дело: начал буксировать торговые грузы по р. Белой. Еще до приобретения усадеб у Софронова, а именно летом 1871 г., Н.А. Першин купил дом с большой усадьбой на улице Б. Казанской (современные № 53, 53/1), а осенью того же года першинский пароход «Трудолюбец» с баржами первый раз пришел зимовать в Уфу в Старицкий затон. По зимам Н.А. Першин занимался хлебной торговлей, скупал зерно: рожь, овес, крупу и проч. — и отправлял по весне на своих баржах для продажи в Нижний Новгород и Рыбинск. Более того, он брал подряды на доставку хлеба, муки у иных уфимских купцов и на вывоз чугуна с южноуральских заводов в Нижний для Сормовского и Коломенского чугуноплавильных заводов. Зерно Н.А. Першин хранил в четырех лабазах, стоявших в то время на усадьбе вдоль оврага. Часть зерна продавал на мельницу купцу Петунину, с коим поддерживал семейные связи. «Старик был суровый, ходил в рыжих сапогах, в картузе, детей держал строго. Деньги хранил в сундуках, и их после его смерти делили мерками: отдельно медные, серебряные и золотые». Старшие братья Н.А. Першина — Димитрий и Феодор также были купцами и занимались торговлей в иных губерниях России.

Дело у Першина шло успешно, и в 1878 г. он покупает у наследников С.Т. Аксаква двести десятин земли и две водяных мельницы в двадцати верстах от Уфы на пойме речки Уршака, близ его впадения в Белую и нынешнего аэропорта. Кроме того, Н.А. Першин купил четыре дома по ул. Центральной. Ныне это место здания «Башпотребсоюза» и местность на восток вплоть до Советской (бывш. Губернаторской) улицы.

В подвале демидовской мельницы была устроена сушиллка для зерна. Интересно, что некоторое время в годы Гражданской войны в здании мельницы размещалась солдатская казарма. Вспоминают внуки: «Дедушка приезжал в Уфу из Коврова на лошадях обычно в феврале и жил до конца мая, до конца погрузки барж и их отправки. В остальное время делами дедушки заведовал доверенный Юсов Гавриил Алексеевич — дальний родственник дедушкиной матери. Когда подросли старшие сыновья, дедушка брал их с собой приучаться к делу».

В 1883 г. Н.А. Першин отправил в Уфу на постоянное жительство старшего 18-летнего сына Ивана, предварительно женив его. И.Н. Першин и стал руководителем всего отцовского дела в Уфе. В помощь ему в 1884 г. в Уфу был направлен второй сын — Александр, который пробыл здесь недолго: в 1887–1888 гг. его призвали на военную службу, и он прослужил пять лет гусаром в Варшаве. В 1886-м отец направил в Уфу третьего сына — Николая.

Расцвет торговых дел Н.А. Першина пришелся на 1880-е и первую половину 1890-х гг. Его шесть пароходов: «Трудоборец», «Трудолюбец», «Трудоносец», «Александр», «Восток» и «Кречет» — неустанно вывозили баржи с чугуном и хлебом из Уфы и других бельских пристаней. Из Астрахани Першины привозили на баржах же нефть, керосин, которые далее лошадьми отправлялись на заводы и прииски Урала. Из Перми Першиным доставляли соль, которую они торговали в Уфе и в Бирске.

Согласно раскладочной ведомости 1897 г. по нечетной (северной) стороне улицы Успенской на усадьбе купца Н.А. Першина находились: «Деревянный дом с мезонином, служба, изба, два лабаза, мельница в три этажа, об[д]ирка двухэтажная, каменный флигель и лавка»; все оценивается в 1500 рублей. В Гостином дворе на Верхнеторговой площади в конце XIX века Николай Андреевич Першин имеет лавки № 52 и 53 с теплыми подвальными помещениями.

С 1895–1896 гг. в делах Н.А. Першина начался упадок, причиной коему была жестокая конкуренция и финансовые затруднения, причиненные ему племянниками: он заплатил за них большие долги, лишившись значительной части оборотного капитала. К тому же старший сын Иван весною 1900 г. самовольно отделился

от Н.А. Першина и завел свое пароходное дело, сделавшись отцу конкурентом в поставке чугуна с уральских заводов. Из-за этого в 1902 г. Николаю Александровичу Першину пришлось свернуть свое дело в Уфе. Он продал дом на Казанской и большую часть каравана судов. От этих неприятностей у Н.А. Першина развилась сердечная недостаточность, и он умер осенью 1904 г. в г. Коврове. В Уфе Н.А. Першин до своей кончины состоял членом Учетного комитета Уфимского отделения Государственного банка. По завещанию владелицей всего движимого и недвижимого имущества осталась его вдова П.А. Першина.

После 1904 г. рассматриваемая усадьба на Б. Успенской улице переходит ко вдове Пелагии Агафоновне и сыну Николаю Николаевичу Першину. Всего же у Н.А. Першина было семь сыновей.

Камышловскую мельницу в низовьях Уршака после смерти хозяина П.А. Першина отдала во владение сыновьям Николаю и Андрею, причем последний жил на этой мельнице. Весною 1907 г. она была продана как убыточная хлебопромышленникам Стахеевым за 64 000 рублей, но Першины об этом не особенно и жалели. «По своим природным условиям мельница была прекрасным местом для летнего отдыха. Но наша семья мельницей как дачей не пользовалась. Причина этого, вероятно, та, что у нас в Уфе при доме на Успенской улице, где мы жили, была огромная усадьба площадью около гектара, где можно было забыть про город с его шумом и пылью», — пишет в своих воспоминаниях А.Н. Першин — внук хозяина. После продажи мельницы сын Андрей уехал в Ковров, а А.Н. Першин остался в Уфе, но торговых дел больше не заводил, и средствами для жизни большой семьи стала квартплата с домов по Успенской и Центральной.

По данным на 1912 г.: А.И. Першиной, потомственной почетной гражданке, принадлежало 304 десятины земли в Иглинской волости Уфимского уезда (владеет более года), в Уфе имений нет. Имущество в Уфе Першиной Пелагии Агафоновны, потомственной почетной гражданки, оценивается в 82 283 рубля. Першину Матвею Фроловичу, тоже потомственному почетному гражданину, принадлежит 304 десятины в Иглинской же волости (владеет более года), в Уфе имений нет. Першину Андрею Николаевичу, потомственному почетному гражданину, принадлежит имущества на 4 038 рублей в Уфе. Першин Николай Николаевич, потомственный почетный гражданин, владеет имуществом в 9 867 рублей также в Уфе. И, наконец, Першину Ивану Николаевичу, потомственному почетному гражданину, принадлежит в Уфе имущества на 6 550 рублей. Все, естественно, в ценах 1912 г.

Первый сын Н.А. Першина Иван Николаевич жил на улице Фроловской, 12, имея здесь собственный дом и пользуясь немалой популярностью среди уфимского купечества. В 1907, 1908, 1911 гг., очевидно и в другие годы, Иван Николаевич Першин избирался гласным Уфимской городской думы. В 1911 г. он был даже выдвинут кандидатом в городские головы, но отказался, ссылаясь на недостаточное образование: он нигде не учился. И.Н. Першин поддерживал отношения с некоторыми известными купцами и почетными гражданами Уфы. Так, например, между ним и А.Ф. Чижевым (сыном Ф.Е. Чижова, «уфимского креза») «...была большая дружба, они были на “ты”. Их многое сближало: примерно равный возраст, порядка сорока лет, одинаковость общественного положения — у того и у другого были большие, сходные по характеру, торговые дела, а главное — общность общественных и политических взглядов. Оба были гласными Городской думы, где были лидерами прогрессивной партии, боролись со старозаветными отцами города за устройство школ, больниц, дорог...»

Последние годы перед кончиной И.Н. Першин (после аварии баржи) служил главным управляющим торговой фирмой «Бельское общество пароходства и торговли», умер потомственный почетный гражданин И.Н. Першин в 1915 г., его жена

Александра Ивановна умерла следом — в 1916 г., их сын Василий прожил в Уфе всю жизнь, служа в Башсоюзе, и умер в 1946 г.

В Уфе ныне проживают Владимир Григорьевич Першин и его сестра Тамара Григорьевна Опарина — дети Григория Трофимовича Першина, которые знают по рассказам предков и о Камышловской мельнице, и о пароходстве на Белой. От жены их старшего брата Бориса Григорьевича стало известно, что у Григория был брат Михаил, их отец Трофим был похоронен на Ново-Ивановском кладбище.

В 1922 г. дом у Першиных купил В.Д. Овсянников, в двух квартирах дома (из четырех) до сих пор проживают его потомки. Дом остается частным. В 1962–2000 гг. в доме жил и работал уфимский священник, художник, подвижник и просветитель Димитрий Борисович Покровский. Личность яркая и незаурядная, он принимал участие в возрождении Симеоновской и Рождество-Богородицкой градоуфимских церквей.

Вот как вспоминает о нем заслуженная учительница г. Уфы Кузнецова (урожд. Адрианова) Тамара Васильевна, 1920 г. р., проживающая на улице Маркса, 43: «Покровские — наша родня; хорошо знаю Бориса Ивановича Покровского, его жену Лидию Николаевну. С детства знала их сына Дмитрия. У него было добродушное лицо, всегда распахнутые открытые глаза, всегда очень откровенный, стройный, худенький, ходил полуголодный. Красивый, подтянутый мальчик. В нашу № 91 школу он пришел примерно с третьего класса (родители уезжали на север), быстро сошелся с одноклассниками, со всеми ладил, общительный. Учился он хорошо, в том числе и по английскому языку. Но был он в нашей школе года два-три. После школы учился во Владимире в художественном училище. Был каким-то очень мятущимся человеком. До сих пор не могу поверить, что его уже нет...»

В советское время все першинские дома нещадно эксплуатировались. За все время эксплуатации этому классическому особняку нанесен большой урон, выразившийся в утрате мезонина, парадного входа с крыльцом, выходящим на красную линию Успенской улицы. Несмотря на почтенный возраст, лепные детали пилястр и тяг сохранились удовлетворительно.

ДОМ ГЛУШКОВЫХ

Улица Новомостовая, 30

Данная территория вошла в городскую черту, вероятно, около начала XVIII века. На карте Уфы 1852 г. на месте данной усадьбы по улице Спасской показан большой прямоугольный сад, возможно, принадлежавший владельцу угловой усадьбы. На карте Уфы 1879 г. здесь помечено продолжение Солдатской слободы — поселения отставных солдат, возникшего еще в середине XIX века, но всегда почему-то локализуемого историками выше улицы Спасской. Согласно переписи 1879 г., настоящее второе от угла домовладение принадлежит Семёнову Ивану. По данным справочников г. Уфы 1904, 1908, 1911 и 1914 гг., на четной восточной стороне улицы Спасской между улицами Успенской и Сибирской (ныне Мингажева) было шесть домовладений. Вторая от угла с улицы Успенской усадьба по улице Спасской всегда носила № 30 и принадлежала Глушкову Василию Николаевичу.

Интересно отметить, что на карте Уфы 1883 г. показаны всего две больших внутригородских речки — Сутолока и безымянный ручей, протекающий по дну глубокого Сибирского оврага, рассекающий четыре городских квартала (в т. ч. и этот) на две части. В самом деле, прежде ручей был полноводнее. Учитывая неудобство данного земельного участка и близкое подступление ручья и Сибирского оврага, на усадьбе стоит только один жилой дом — лицевой по красной линии Спасской улицы, двухэтажный, деревянный, шестиоконный по главному фасаду,

первоначальный облик дома, в общем, сохранился. По воспоминаниям жильцов, он построен около 1907 г., с чем совпадает датировка здания, данная екатеринбургскими архитекторами в картотеке домов Уфы, — начало XX века. В доме ныне четыре квартиры, по две на этаже. Дом частный, на пять хозяев.

После прихода советской власти Глушковы исчезают в никуда, в доме живут Гудаевы. В 1949 г. дом купила вдова участника Гражданской и Великой Отечественной войн, «красного партизана» Хайруллы Галимовича Хабибуллина. При одной из смен хозяев из дома «выселяли много жильцов, и они плакали...». Были ли это дети и внуки Глушкова или другого несчастного хозяина, из нынешних жителей никто не вспомнил. О дальнейшей участи выселенных также нет сведений. По другой версии дом строил бельский пароходчик Гудаев, и его потомки жили здесь до 1949 г.

Рассказывает старейший житель дома Хабибуллин Ренат Хайруллович, 1935 г. р.: «Мать моя покупала дом в 1949 г. у Стефаниды Никитичны Гудаевой, кажется, она уезжала жить к дочери. В домовую книгу записаны еще Зоя Николаевна Гудаева, Анна Николаевна Гудаева и Тамара Николаевна Юденич. Наверно, это сестры. Мать их была уже старая, она продала дом моей матери полностью, оба этажа. Говорили, что дом этот строил в 1907 г. муж этой Гудаевой, капитан, который имел 10 пароходов на р. Белой. Одна из сестер Гудаевых, уже очень старая, подходила ко мне лет 10–12 назад, интересовалась домом. Мой отец Хабибуллин Хайрулла Галимович (1897–1943) был участником Гражданской войны, красным партизаном, воевал в лесах, Уральских горах. После революции работал первым секретарем райкома где-то в сельской местности, не помню. Во время блокады Ленинграда он был там, воевал лейтенантом, простудился и заболел туберкулезом. Уже больного его привезли в Уфу, и он умер. Хоронили его с почестями на мусульманском кладбище, давали салют из ружей. В этом доме он не жил, а жили на Новомостовой, 8».

Несколько иную версию событий дает жительница дома Альбаева Валентина Ивановна: «Нет, фамилию Глушковых я не помню. Говорили, что дом построен был в 1907 г. Хозяин дома капитан был, владелец судна. После революции здесь жил Хайрулла Хабибуллин, «красный партизан», так его все называли. Весь дом принадлежал ему. Он погиб в войну (Великую Отечественную). Его жена Гайша хозяйкой всего дома была, имела и техпаспорт, и домовую книгу. С четырьмя детьми она сумела выйти замуж! Четверо детей у нее было от красного партизана, дочь от другого мужа. Она умерла, ей лет 80 было. Но рассказывали, когда партизан заселялся в дом, выселяли много жильцов, и они плакали. В 1971 г. мы купили у Хабибуллиных квартиру № 3, до этого они еще жили во всем доме. А в доме № 28 до таможни был проектный институт».

Возможно, истина где-то посередине. Эти два рассказа могут примирить слабое предположение, что выселение было временным, после ссылки Гудаевы могли вернуться в свой дом полностью реабилитированными в правах на него. Такие откаты в 1920-е гг. были, хотя очень и очень редкие.

ДОМ КАБА́НОВЫХ

Улица Новомостовая, 32

Городская застройка на этом месте также появляется около начала XVIII века. На карте Уфы 1852 г. на месте данной усадьбы по ул. Спасской близ кромки Сибирского оврага показан спускающийся к ручью огород, возможно, принадлежавший владельцу большой угловой усадьбы. По переписи 1879 г., домовладение принадлежит Игнатьевой Анне. И через 18 лет по Раскладочной ведомости 1897 г. данная усадьба № 246 также принадлежала мещанке Анне Александров-

не Игнатьевой. Здесь находились следующие строения: «двухэтажный деревянный дом, досчатый хлев и изба», оценивалось все в 180 рублей. Таким образом, здесь связь с 1879 г. непрерывна. С большой долей вероятности можно предположить, что двухэтажный дом по красной линии улицы Спасской и есть существующий трехкоконный дом, построенный, согласно приблизительной оценке екатеринбургских архитекторов, «не ранее 1880-х гг.». Здание не сохранило своего первоначального вида: нижний полукирпичный полуподвальный этаж реконструирован жильцами в XX веке. В правой части лицевого фасада — безобразный пристрой-пришлепка, выходящий за красную линию, есть пристрои с торцов и во дворе.

По справочным книгам г. Уфы 1904, 1908, 1911 и 1914 гг., усадьба № 32 по ул. Спасской, принадлежала уже Кабановой Евдокии Михайловне, жене чиновника. Здесь, как и на предыдущем усадебном участке, учитывая близкий подступ Сибирского оврага, только один жилой дом — лицевой. Вероятно, дальше разным поколениям Кабановых принадлежал не весь дом, а его части, известно, что они распродавали его по частям в конце 1950-х и в 1980-е гг. Таким образом, дом сей наиболее консервативен в квартале на предмет принадлежности — за 100 лет сменилось лишь двое хозяев. После 1986 г., прожив здесь почти век, Кабановы исчезают. Ныне в доме пять квартир.

Рассказывает жительница дома Хрущева Нина Ивановна: «Мы живем с 1959 г., мы покупали эту часть дома у Кабановых. Но в доме тогда жили не только Кабановы, но и другие люди. Кабановы потом жили наверху, у бабушки Кабановой была дочь и внучка. А мы потом провели реконструкцию нижнего этажа, пристроили эту заднюю часть. Шерышевы купили у Кабановых верхнюю часть дома примерно в 1985–1986 гг. Сейчас на месте Кабановых наверху живут Шерышевы, в Подлубово строят дом...»

Добавляет Шерышева Татьяна Васильевна: «Мне говорили, наш дом 1904 г. постройки, принадлежал он только Кабановым, по домово́й книге Кабанова Анна Григорьевна была 1876 г. р., а Кабанова Евдокия Андреевна — 1879 г., она была из г. Хвалынска Саратовской губернии. Кажется, это были сноха с золовкой. Мои родители купили квартиру в 1986 и 1987 г. у матери и дочери Кабановых. Мать была уже старая. Сами они уехали куда-то в район Затона...»

ДОМ ГЕРАСИМОВЫХ

Улица Новомостовая, 40

Несмотря на то что застройка на этом месте начинается в XVIII веке, на карте Уфы 1852 г. на месте настоящего дома по улице Спасской ничего нет, тем не менее восточнее по улице Сибирской и далее — по Тобольской (Малой Сибирской) жилые дома уже стоят. Согласно переписи 1879 г., между Сибирским оврагом и улицей Сибирской всего одно домовладение, и принадлежит оно Варваре Герасимовой (отчество не указано). По справочной книге г. Уфы на 1904 г. усадьба № 36 по улице Спасской принадлежала уже Герасимовой Прасковье Федоровне. В 1908 и 1911 гг. усадебное место значится во владении Герасимовой Варвары Кузьминичны, возможно, ее дочери. В 1914 г. хозяйкой усадьбы значится уже Анна Егоровна Соколова.

Главный дом усадьбы по красной линии улицы Спасской деревянный, двухэтажный, четырехкоконный, в левой части — большое втупленное двухдверное парадное крыльцо. Екатеринбургские архитекторы датируют здание как «ориентировочно — начало XX в.», с чем можно осторожно согласиться. Построен, возможно, из соснового леса, сухой, прочный. Здание в основном сохранило свой первоначальный вид. Во дворе — пристройки, не выходящие на красную линию.

На лицевом фасаде сохранилась страховая табличка Первого Русского страхового общества и дата его основания — 1827.

Рассказывают старожилы дома № 40 супруги Рыловы — Вадим Борисович и Маргарита Кузьминична, оба 1936 г. р.: «Мой дед Рылов Иван Иванович пополам с сестрой Ксенией Ивановной Бушмакиной купили этот дом. Дед с семьей стал жить наверху, сестра — внизу. Дома тогда недорогие были. Говорили, что еще поп здесь жил до деда, и на чердаке находили остатки церковных книг. Имени попа не помним. Книги эти достали, какое-то время хранили, а потом замызгали... В войну дед (Рылов) работал начальником почты в бараках в деревне Новоалександровке, за Черниковкой. Когда он умер, не знаем, я пришла в 1961–1962 гг. [М.К.] — деда уже не было, а жена его — Инна Васильевна (правильно: Агриппина Васильевна, но ее все называли Инна) еще была жива, она умерла примерно в конце 60-х.

Здесь сильные заросли были, сады туда в овраг, земли туда уж уходили. Сутолока в овраге...¹ А потом генерал Стышнев Леонид Михайлович с семьей заселился. Там уже стали строить новые дома по ул. Кустарной, где раньше были [только] сады...

Сестра деда Ксения Ивановна вышла замуж за Петра Бушмакина, он был белогвардейцем, ушел, пропал. Потом вернулся, жил в доме. Потом его взяли, я слышала [М.К.], что говорили именно «взяли». У Ксении Ивановны после этого тряслась голова на нервной почве, наверное. Но он вернулся, я помню, копал тут огород, мне [В.Б.] лет 5 было.

Их сыновья: Бушмакин Александр Петрович ведущим инженером «Башнефти» работал, утонул. Его брат Юрий Петрович работал в Совмине или обкоме (на ул. Советской, точно), всегда ходил представительный, в костюме, при галстук; не так давно умер. Ксения Ивановна Бушмакина была очень спокойная, рассудительная женщина, я всегда удивлялась [М.К.] на ее спокойствие, разум, столько она пережила... Раньше богобоязненные были люди, спокойные такие, а сейчас — разнужданные. Последние годы она жила со снохой, Александра Петровича женой. Бушмакины все время жили внизу. Сейчас верх мы, Рыловы, занимаем, а низ — Копаневы».

Рассказывает жительница дома № 40 Копанева Галина Федоровна: «Кто-то говорил, что дом построен в 1906 г., но, может, это неточно. На [ул.] Ново-Кустарной строилась в основном партийная номенклатура. Все эти [одинаковые деревянные] двухэтажные дома были построены вдоль улицы в одно время — в 1950–1960-е гг. В ближнем к нам генерал какой-то жил, дальше — Тепляшин — главный архитектор города или Кировского района, потом — Книга — высокопоставленный чиновник. Емшанин — тоже высокопоставленный кто-то...»

№ 40 — единственный дом квартала, где мне любезно предоставили ознакомиться с домово́й книгой (в представлении подавляющего большинства остальных жителей это «страшный секрет»). Первые записи в книге сделаны примерно в 1936 г., о Соколовых и тем паче о Герасимовых там уже нету и духу. Из книги следует, что за 100 лет у дома последовательно сменилось не менее пяти хозяев. Ныне в доме две квартиры — по одной на этаж, он частный. О судьбе домовладельцев Герасимовых и Соколовых никто ничего не вспомнил, они канули в лету бесследно. В XX веке огромная угловая квадратная усадьба № 36 была разделена на несколько. Западнее нее и на юго-восток по оврагу параллельно улицы Сибирской (ныне Мингажева) была даже проложена новая уфимская улица — Кустарная (Ново-Кустарная) — продолжение улицы Кустарной, и бывший дом Герасимовых неожиданно стал угловым. Ныне на месте обширной усадьбы Герасимовой стоят дома № 40, а также № 42, 44, 46 по улице Новомостовой и ряд домов (№ 57, 55 и проч.) по улице Сибирской.

¹ Не от них первых уже слышу, что самый крупный приток Сутолоки, текущий в Сибирском овраге, русские уфимцы также именуют «Сутолокой». Очевидно, что традиция называть так всякую малую грязную бурливую речушку в городе довольно древняя.

Павел
Егоров

УСАДЬБА УФИМСКОГО КУПЦА М.А. СТЕПАНОВА-ЗОРИНА

Квартал, в коем расположен комплекс из двух усадеб М.А. Степанова-Зорина, ограничен улицами Кузнецкой-Калмацкой (позже — Уфимская, с 1928 г. — Чернышевского) с южной стороны, Вавиловской (ныне Зенцова) — с западной, Аксаковской — с востока и Казарменной (ныне Красина) — с южной стороны. В 1879 г. данное усадебное место уже принадлежит Михаилу Андреевичу Степанову-Зорину.

В справочных книгах г. Уфы за 1904–1911 гг. принадлежность усадеб под тогдашними № 45 и 47 по ул. Уфимской неизменна — во владении известного уфимского купца Михаила Андреевича Степанова-Зорина.

Степановы-Зорины — знаменитый уфимский купеческий род второй половины XIX — начала XX века. Известны как владельцы нескольких усадебных мест, особняков, магазинов на разных улицах Уфы. Родоначальник семейства — Михаил Андреевич Степанов родился около 1845 г. Он происходил из крестьян Богородской волости Уфимского уезда и поначалу был простым пастухом деревни Степановки, которая и по сей день находится к северу от Уфы, за Черниковкой. Эпоха Великих реформ 1860-х гг. положила начало бурному развитию капитализма в Российской империи, вчерашние крестьяне становились крупными заводчиками, промышленниками, землевладельцами, стремительно тесня отживающий класс дворян и помещиков. Именно из таких «новых русских» и был М.А. Степанов, прибавивший в начале предпринимательской деятельности для узнаваемости к своей довольно распространенной фамилии приставку — Зорин. За короткий срок он нажил немалое состояние и стал хорошо известен в нашем городе.

У Михаила Андреевича было два брата: старший — Петр и младший — Илья (по другим сведениям — Лев), также купцы.

Усадьба занимает обширный участок, вытянутый вдоль северной стороны ул. Чернышевского (в квартале между улицами Зенцова и Аксакова). В настоящее время в разной степени сохранности уцелели два жилых здания по красной линии и одно хозяйственное — кондитерская фабрика (кирпичное, ныне надстроенное). В процессе реставрационных работ летом 1998 г. у северо-западного угла особняка под культурным слоем около полуметра открылся угол старого горелого сруба. Вероятно, это был один из домов-предшественников данного особняка. Исходя из близкого расположения сруба к фундаменту особняка можно предположить, что сгорел он до возведения главного особняка.

Главный дом усадьбы — двухэтажный. Строил его в конце XIX—начале XX века сам глава семейства Михаил Андреевич по своему «архитектурному вкусу». Учитывая осмотр внутренних стен, открывшихся в процессе капитальной реставрации 1997–2000 гг., можно предположить, что дом возводился в несколько этапов. Первоначально была построена лицевая центральная часть, а боковые объемы и задняя часть с застекленной верандой — позже (разрыв предположительно около 10–15 лет). На заключительном этапе разностильное здание было собрано воедино резной каменной облицовкой и увенчано башенками, под которыми по красной линии второго этажа появились два разных балкона с ажурными коваными металлическими решетками на каменных же фигурных кронштейнах.

Первое дошедшее до нас фотоизображение сооружаемого особняка относится приблизительно к 1903 г. — открытка, на ней дом еще в процессе строительства (либо перестройки), в лесах. Парадный вход с двустворчатыми резными дверями первоначально располагался под балконом на левом фланге лицевого фасада, примерно в 1910-х гг. этот дверной проем был заложен.

Архитектурный вкус хозяина был весьма оригинальным: особняк после завершения строительства был сказочно красив и не был похож ни на один дом

в Уфе. Особняк резко асимметричен, венчали здание две неодинаковые башенки, поставленные по углам. Стены обоих этажей на южном и в нижних частях западного и северного фасадов имели облицовку из мягкого плитняка. Наиболее причудливый, насыщенный рисунок каменного декора имел главный фасад. Облицовочный выточенный камень — визитная карточка особняка. Мягкий белый камень, использовавшийся в облицовке дома, завозился из зоринских каменоломен — Мещеринских Уфимского уезда и Трунтайшевских Белебеевского уезда. Ныне оба месторождения заброшены. Местные старожилы, подтверждая это, в рассказе о местной Катай-Казанской церкви вспоминают о давно исчезнувшем Зоринском хуторе (даче). Плитняком, аналогичным зоринскому, были облицованы ограды церквей и частично сами церкви в окрестных селах Волкове, Федоро-Князьем, Полянском, Надеждине, Седяше и в монастыре Святые Кустики.

*Дом Степанова-Зорина
на ул. Чернышевского.
1947 г. Фото П. Фосса*

Каменные глыбы привозились в Уфу на подводах, а детали причудливого декора изготовлялись (вытачивались, вырезались из камня) прямо на месте.

У парадного входа (на воротах?) до 1920-х гг. располагалось высеченное барельефное портретное изображение владельца дома, держащего в руках рог изобилия, из которого сыпались овощи, фрукты, цветы, символизировавшие достаток и богатство хозяина. По главному фасаду в простенках между окнами сохранились два одинаковых барельефа с монограммой торговой фирмы хозяина: Благовестье — Ноев голубь, посланный с Ковчега Завета в поисках земли и возвращающийся с лавровой ветвью в клюве. Лежащие поперек буквы «М» и «А» подражают иероглифическому письму вавилонян, а переплетающиеся вертикально стоящие «З» и «С» — церковно-славянской вязи. На воротных столбах главного дома и соседнего красно-кирпичного едва прочитываются старательно уничтоженные две одинаковые высеченные из камня надписи: «ДОМЪ М.А. СТЕПАНОВА-ЗОРИНА» и номера домов — 45 и 47.

Внутренняя планировка особняка в советское время сильно изменилась: появились многочисленные перегородки коммунальных квартир, не осталось и следа от парадной лестницы, появилась примитивная одномаршевая лестница от бокового входа. Никаких особых подробностей насчет первоначальной планировки зоринского особняка не могут сказать ни старожилы дома, ни потомки Степановых-Зориных, помнят только, что внутри по бокам парадной лестницы сидели каменные львы, вероятно, из белого камня зоринских же месторождений. До реставрации-реконструкции 1997–2000 гг. сохранялись немногие гипсовые

тяги в коридоре, в одной из комнат второго этажа и кирпичные арки дверных и оконных проемов в западной части первого.

С 1919 до 1923 гг. все дома усадьбы были муниципализированы, несмотря на это, в домах оставались жить с подселением родственники Степановых-Зориных. Постепенно они разъезжались, и дом населялся посторонними жильцами.

После локального пожара в конце 1930-х—начале 1940-х гг. на крыше здания были разобраны два мезонина, выходящие на главный южный фасад. Уцелела единственная башенка, выходящая на задний фасад над северо-восточным углом особняка.

В 1960–1970-е гг. была разобрана вся белокаменная облицовка второго этажа, вместо нее появились унылые серые доски. Примерно в то же время, очевидно, со строительством здания ПТУ во дворе, снесены ажурные ворота и часть каменной ограды.

Во второй половине 1980-х гг. ОКБ «Молния» агрегатного завода расселило жильцов дома и даже (со слов работников завода) подготовило дом к сносу, но за неимением средств разместило в нем свои офисы, сдавая в аренду помещения всевозможным организациям.

В августе 1997 г. после недолгой борьбы в здании разместился Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры. В конце того же года начаты ремонтно-восстановительные работы, которые продолжались до 2000 г. В течение четырех лет все межэтажные деревянные перекрытия заменены на железобетонные, воссозданы мезонины-башенки.

Вполне вероятно, что восточный фланг дома-особняка Степановым-Зориным не был достроен. На эту мысль наводит то, что восточная стена здания не имеет резной каменной облицовки, хотя она ближе к улице Аксаковской и должна бы ее иметь, если облицовку имеет западная стена, смотрящая на менее значительную улицу — Вавиловскую. И наконец — восточная башня-мезонин много массивнее башенки на западном фланге. Видимо, завершать дом М.А. Степанов-Зорин думал после окончания строительства Вознесенской церкви, на это косвенно указывает и хранившийся на усадьбе пиленный камень.

Слева и справа от особняка вдоль тротуара тянулась ограда из белокаменных невысоких столбов с шишаками и ажурными металлическими решетками в пролетах. Сохранилась лишь часть столбов восточнее главного особняка, но уже без решеток.

Восточнее деревянного дома (снесенного в 2013 г.) М.А. Степанов-Зорин для членов своей большой семьи — 6 детей от первого брака и 8 от второго — выстроил 2-этажный кирпичный жилой дом. Здание возведено в «кирпичном стиле» с вкраплениями из белокаменных плит. Вероятные годы строительства — 1905–1910-е, на открытке его еще нет, аналогичные в Уфе дома «кирпичного стиля» были построены именно в эти годы. Во втором подъезде в аварийном состоянии внешняя кирпичная стена, сырость в подъездах и по стенам, утрачены несколько парапетных столбиков с вазонами по крыше, на балкон с ажурной решеткой в 1990-х гг. поставлен современный каркас с остеклением, что создает резкое нарушение восприятия дома как старинного. Культурный слой у главного фасада данного здания также изрядно вырос, и необходима очистка тротуара до первоначального уровня.

С данным зданием-памятником в северо-западной части его соединено значительно перестроенное кирпичное четвертое здание усадьбы Зорина — Паровая конфетная (кондитерская) фабрика (пряничное и крендельное заведения). Это удлиненное в западном направлении промышленное здание является северной границей всей усадьбы, его задняя стена глухая. По воспоминаниям старожилов, оно выглядело в одном стиле с третьим домом.

По диагонали от первой, через перекресток нынешних улиц Зенцова и Чернышевского, находится вторая часть усадебного комплекса Степановых-Зориных.

В начале XX века М.А. Степанов-Зорин задумал построить наискосок от своего дома в северо-восточном углу Сенной (Николаевской) площади храм во имя Вознесения Господня. В мае 1909 г. был заложен первый камень в фундамент церкви, строительство которой было вчерне завершено к 1918 г. Почти все расходы на сооружение Вознесенского храма Степанов-Зорин взял на себя, вклад прочих благотворителей был менее значителен. Редчайший случай в истории Уфы, когда один городской приход по-братски жертвует деньги другому, но здесь было именно так: в феврале 1917 г. прихожане градоуфимской Александровской церкви пожертвовали 500 рублей на построение Вознесенской церкви.

Степанов-Зорин строил Вознесенский храм в прямом и в переносном смысле. Он был не только храмоздателем, но и исполнителем. Он лично каждый день по-хозяйски проверял качество кирпичной кладки, и, если что-то ему не нравилось, своими руками ломал дневные труды строителей, обладая недюжинной физической силой, после этого велел выкладывать все заново; на возведении церкви трудилась вся семья Степановых-Зориных.

Грянул Октябрьский переворот, кончились источники капиталов у Михаила Андреевича — кончилось и строительство Вознесенской церкви, так и осталась она недостроенной, колокольня возведена не была. Крест над куполом Вознесенского храма с фигурой Христа был высечен из цельного куска горного хрусталя, кровь Спасителя была вкраплениями на хрустальном кресте из маленьких рубинов, такой же крест должен был быть и на колокольне.

Церковь была освящена недостроенной в июле 1918 г. в недолгий период власти чехословаков и Народной армии Комуча, в ней начались службы. По воспоминаниям инженера-строителя Евгения Дмитриевича Вагина, храм был расписан известным уфимским живописцем Анатолием Петровичем Лежневым (1888–1956).

Около 1920 г. все дома Степанова-Зорина были национализированы, а старика-хозяина выбросили на улицу без средств к существованию. Умер он, не прожив после этого и года, от холеры в одном из чужих домов на улице Вавиловской (Зенцова), недалеко от своего храма. Первоначально он был похоронен на Ново-Ивановском кладбище Уфы, но через год благодарные прихожане Вознесенской церкви добились разрешения советских властей на перезахоронение М.А. Степанова-Зорина у южной стены алтаря построенного им храма. На могилу была положена скромная белая плита-памятник с примерно следующей надписью: «Здесь лежит Михаил Андреевич Степанов-Зорин — строитель Вознесенской церкви».

В 1933 г., несмотря на сопротивление и многочисленные протесты горожан, Вознесенская церковь была закрыта, а около 1934 г. снесена. Во время разрушения храма был найден клад: чаша и кресты из чистого золота, замурованные в стену неизвестно кем. В том же году на этом месте стали строить среднюю школу № 10; могила Степанова-Зорина исчезла. В начале 1940-х гг. перед входом в школу со стороны ул. Чернышевского еще сохранялись полукруглые очертания церковной паперти, на которые школьники становились во время пионерских линеек. Вероятно, потом они были закатаны асфальтом, ибо уровень земли здесь сильно поднялся.

К югу от храма на церковной же усадьбе по улице Вавиловской Степанов-Зорин в 1910-е гг. построил еще один дом — двухэтажное здание Вознесенского церковно-приходского училища и квартир для священнослужителей Вознесенской церкви (современный адрес: Зенцова, 49). Здание поставлено на государствен-

ную охрану как памятник архитектуры Указом Президиума Верховного Совета БАССР № 6-2/251в от 12.5.1992 г.

Усадьбы по улице Водопроводной крайней, 30 и по ул. Водопроводной, 26 также принадлежали М.А. Степанову-Зорину, но в них жила семья одного из его сыновей — Николая Михайловича. Здесь, на улице Маминской, 2 (ныне ул. Татарская), в районе Магометанского кладбища находился мыловаренный завод Степановых-Зориных.

В уфимском Гостином дворе М.А. Степанов-Зорин имел магазины, в частности в юго-западном углу Гостиного двора, где уцелел единственный аутентичный фрагмент с сохранившимися тягами и лепниною над окнами.

Георгий
Шушпанов

ИРИНА ФЕДОРОВНА

Интерес к жизни и творчеству великого русского певца Федора Ивановича Шаляпина был всегда. К сожалению, был и достаточно большой отрезок времени, когда имя его замалчивалось или же упоминалось вскользь. Резко осуждался и его отъезд в 1922 году за рубеж. Почти музейной редкостью стали напетые им грампластинки. Лишь с началом «оттепели», после осуждения культа личности И. Сталина относительно регулярно стали появляться публикации о нем, а на радио изредка звучать народные песни, романсы и арии из опер в его исполнении. Однако всего этого было мало и далеко не удовлетворяло огромного интереса, проявляемого многими к творчеству и к самой легендарной личности Ф.И. Шаляпина.

Счастливым случаем для уфимских почитателей таланта великого певца стала их встреча с Ириной Федоровной Шаляпиной. Случилось это в 1963 году. Приехала она к нам в город по линии общества «Знание» с воспоминаниями о своем отце. Приглашена была она и в Башкирское отделение проектно-изыскательского института «Волгогипрозем» (Новомостовая, 28), где в составе полевого почвенного отряда работал и я.

Ирина Федоровна оказалась женщиной чуть ниже среднего роста, плотного телосложения, но без признаков излишней полноты. Густые седые волосы обрамляли ее выразительное лицо с чуть вздернутыми бровями и с очень живыми глазами. Естественно, что многие из нас искали ее сходство с отцом, с чертами, знакомыми нам по портретам кисти Б. Кустодиева и В. Серова, а также по немногим известным в то время фотографиям. И сходство было. Особенно, на мой взгляд, похожи были лоб, нос и подбородок.

Ирина Федоровна кратко рассказала о себе, скромно оценив свои творческие достижения как актрисы Московского театра им. М. Ермоловой, и целиком переключилась на рассказ об отце. Рассказчицей она оказалась замечательной. Обладая приятным голосом, четкой дикцией, безукоризненно владея лексическим богатством русского языка, Ирина Федоровна быстро завладела вниманием слушателей.

Речь ее была строго выверена по времени, и за полтора часа выступления она сумела подробно и объемно остановиться на многих жизненных вехах Шаляпина. Не преминула подчеркнуть, что Уфа ей по-особому дорога, так как именно здесь 19 декабря 1890 года состоялся дебют Федора Ивановича Шаляпина на сцене, когда он, будучи семнадцатилетним юношей, исполнил сольную оперную партию. Один из эпизодов того времени нашел отражение в рассказе А. Куприна «Гоголь-моголь».

*И.Ф. Шаляпина и
уфимские краеведы
в гостях у бывшего
работника Губернской
земской управы
К. Горюхина. 1967 г.*

С тех пор прошло уже много лет. Однако ряд фактов из жизни Шаляпина, сообщенных ею, помню до сих пор. Оказывается, он был одним из первых исполнителей роли Дон Кихота на киноэкране. Фильм с его участием вышел в 1933 году и получил признание в разных странах.

Говоря о сложных взаимоотношениях между Шаляпиным и М. Горьким (последний резко отрицательно оценил отъезд в эмиграцию артиста), Ирина Федоровна сделала интересное примечание: хотя они и познакомились друг с другом уже будучи широко известными личностями, но вполне могли встречаться и в далекой юности. Федор Шаляпин родился и полтора десятка лет жил в доме на Рыбнорядской улице в Казани — как раз напротив дома, в подвале которого, в булочной Семенова, помощником пекаря трудился Максим Горький, в то время безвестный Алеша Пешков. Какие бы сложные отношения ни складывались между ними, подчеркнула Ирина Федоровна, они всегда уважительно отзывались друг о друге.

В дни приезда в Уфу Ирины Федоровны на страницах печати обсуждалась проблема переноса останков Шаляпина из Франции на родину. Чтобы решить этот вопрос, необходимо было, согласно французскому законодательству, согласие на перезахоронение всех членов семьи покойного. Все дети Шаляпина были согласны с переносом его праха в Россию. Возражала лишь одна из его дочерей, жившая в то время в США и бывшая тогда замужем за весьма состоятельным в царской России землевладельцем. Она поставила условие, чтобы было возвращено ее семье то состояние, которое было конфисковано у них советской властью в годы Октябрьской революции. В конце концов согласие ее было получено, и прах Шаляпина покоится ныне в российской земле. Но это случилось уже позже.

Рассказывать о Шаляпине, не демонстрируя при этом его высочайший певческий класс, Ирина Федоровна не могла. И она привезла с собой примитивный граммофон с набором шаляпинских пластинок, и великолепный бас заполнял собой примолкший зал. Прозвучали в тот вечер знаменитая «Дубинушка», арии Бориса Годунова и Дон Кихота.

От нас Ирина Федоровна должна была ехать на встречу с учениками средней школы в Старой Уфе. Мне довелось провожать ее до школы, помочь перенести

граммофон. И вот уже в кабине нашего старенького, выдавшего виды экспедиционного «газика» я задал Ирине Федоровне вопрос: «Какие шаги предпринимал Шалапин, чтобы вернуться на родину?» Привожу ее ответ почти дословно: «Было обращение к Ворошилову с просьбой передать Сталину желание Шалапина возвратиться на Родину. Он передал просьбу. Услышав ее, Сталин промолчал. Не было с его стороны ни отказа, ни согласия. Молчание всеильного вождя многое значило. В итоге перестраховались — и разрешения на возвращение Шалапина так и не было получено».

Павел
Егоров

ЗДАНИЕ ЛАВКИ КУПЦА МАКСИМОВА «КАМЕНКА»

С основанием в 1902 г. церкви Симеона Верхотурского жизнь обитателей расположенного вокруг нее района стала тесно связана с храмом, единственным на большую территорию. Поясним, что в старину территориально Уфа делилась на приходы, поэтому совокупность примерно двадцати кварталов, примыкающих к Симеоновской церкви, именовали Симеоновским приходом. С севера и запада к нему примыкали кварталы соответственно Никольско-вокзального прихода. Первоначальное название улицы Ленина — Центральная — это главная улица города на протяжении целого века, начиная со второй половины XIX столетия. В середине 1920-х гг. улица была переименована в честь П.И. Зенцова, местного революционера-чекиста, а с 1937 г. носит имя В.И. Ленина.

Со строительством Самаро-Златоустовской железной дороги северные окраины Уфы переживают бурный рост. Образовываются слободы Северная, Софроновская, Восточная, Еленинский поселок. Первые жилые дома в округе появились уже при организации Софроновской пристани и открытии паромного сообщения по Белой в 1850-е гг., но особенно активно квартал начал обживаться с началом работы железнодорожных мастерских. Таким образом, нынешняя планировка и застройка в усадьбах данного квартала появилась в конце XIX века.

Здания использовались как жилые, хозяйственные, складские помещения и конюшни (карьерники) и бани во дворах. На каждой усадьбе были сад и огород. В 1903 г. в Уфе была введена уличная нумерация городских усадеб, то есть счет зданий по улицам стал вестись не по домам, а по домовладениям (усадебам).

Самым выдающимся историческим зданием, памятником истории и архитектуры в этой части нынешней улицы Ленина является здание кирпичной лавки-каменки (ул. Ленина, 172). Наиболее вероятная дата построения здания — вторая половина 1890-х гг. Отсутствие сдерживающего воздействия строгих, ярко выраженных тенденций в архитектуре на рубеже XIX и XX веков приводило в условиях частновладельческой застройки Уфы к безудержному эклектическому многообразию в убранстве фасадов новых зданий.

Данная усадьба по улице Центральной получила № 136. В связи с массовой застройкой жилыми домами района этого участка улицы в конце XIX века здесь появляется ряд небольших частных лавочек и магазинчиков. По одной из версий лавка купца Максимова (ударение в фамилии Ма́ксимов по произношению старожилов района — на первый слог) была мясной. Лавка расположилась на четной стороне улицы Центральной, в квартале между улицами Оренбургской и Пермской. Это было второе здание от угла вспять от перекрестка с улицы Пермской. Первым (угловым) зданием был жилой 1-этажный дом того же хозяина.

По воспоминаниям Инякиной (Крюковой) Наталии Федоровны (род. 08.09.1905 г.), среди местных жителей лавка изначально называлась «Каменка» по аналогии с соседней «Маршаловкой» — так назывался большой двухэтажный

деревянный жилой дом с магазином в первом этаже на противоположном углу перекрестка улиц Центральной и Пермской. Своеобразное наименование «Каменка» произошло, вероятно, от единственности каменного (кирпичного) здания на фоне огромной массы деревянных домов или в связи со своеобразной формой здания.

Как видно выше по Списку улиц и домовладений г. Уфы на 1904 г., этой усадьбой № 136 по улице Центральной владеет домовладелица Зернова Екатерина Михайловна. В справочных книгах г. Уфы 1908 г. усадьба № 136 по Центральной, угловая с улицей Пермской, значится во владении домовладельца Кузнецова Алексея Павловича, в 1911 г. — Кузнецовой Елизаветы Григорьевны. Вероятно, Кузнецовы сдавали лавку Максиму в аренду или продали ее после 1911 г.

Согласно карте Уфы 1911 г. квартал носил порядковый № 9. В плане все усадьбы в рассматриваемом квартале (равно как и их соседи к северу и востоку) имели строго прямоугольную форму. Нумерация усадеб, введенная в 1904 г., продержалась до 1929 г., после этого городские власти отчасти вернулись к нумерованию по зданиям. Нумерация на данном отрезке Центральной улицы сильно изменилась, почти на 40 единиц, и номеру 136-му стал соответствовать № 172-й.

*Лавка «Каменка».
Фото 2007 г.*

После утверждения советской власти в 1919–1923 гг. в городе прошла массовая муниципализация зданий, принадлежавших крупным и средним домовладельцам. До 1923 г. на усадьбе № 136 (ныне № 172) у некоего Мекушева муниципализировано одно здание по 3-й категории и сдано в аренду. Никаких иных сведений о судьбе владельцев и арендаторов этого здания не сохранилось.

Шли годы, менялись владельцы, исчезали и перестраивались старые дома и появлялись новые, прошло более ста лет, но количество усадеб на порядке осталось неизменным — 12. В 1960-е гг. большая часть их была снесена, и по улице Ленина, от угла улицы Оренбургской на север в сторону улицы Пермской, были выстроены два пятиэтажных дома, третья пятиэтажка появилась здесь в начале 1990-х.

В 1950–1970-е гг. в здании лавки-каменки размещался книжный магазин, пользовавшийся большой популярностью среди уфимцев. В последние годы (1980–2000-е) в доме размещалась мастерская по ремонту обуви.

В 1992 г. единственное торговое здание в традициях «кирпичного стиля» в данном районе Уфы было выявлено и заявлено к постановке на государственную охрану как памятник истории и культуры. Рекомендация к постановке его

на государственную охрану была подтверждена Уральским архитектурно-художественным институтом (г. Екатеринбург). Была проведена всесторонняя научно-художественная экспертиза здания, ценность здания-памятника подтверждена и откорректирована также в соответствии с проектом «Объединенных комплексных зон охраны памятников истории и культуры старой Уфы», данный проект прошел согласование в Министерстве культуры РФ, Башкирском отделении ВООПИиК, Главном управлении архитектуры и градостроительства Администрации г. Уфы.

Несмотря на вышеприведенные обоснования, законная постановка зданий на государственную охрану была искусственно остановлена в 1997 г. Косвенно это послужило одной из причин исчезновения данного памятника.

Простое, прямоугольное в плане здание выполнено из красного глиняного кирпича, нежилое, одноэтажное, входит в блок неплотно пристроенных друг к другу домов, образующих фасадную красную линию улицы Центральной. Композиция дома и главного фасада имеют строгую ось симметрии. Главный фасад тянется вдоль красной линии улицы на 7,8 метра. Имея 3 окна по центру, здание больше вытянуто в глубину квартала на восток, в сторону Пермского оврага. Архитектурное убранство характерно для декоративной разновидности «кирпичного стиля».

Композиция главного фасада «Каменки» типична для архитектуры лавок. Одновременно с этим динамика кирпичного декора здания (и особенно аттик) отдаленно схожа с архитектурой станционных зданий Самаро-Златоустовской железной дороги, в близости от которой оно и возникло. Трехчастная симметричная схема членения фасада с центральным положением входа и двумя боковыми окнами-витринами, высокий венчающий аттик с парапетными столбиками. Снаружи стены в последние десятилетия были не раз обелены, окрашены по кирпичу. Внутри помещения потолки были оштукатурены и украшены лепным декором.

«Кирпичный стиль» здания удачно сочетается с металлическими деталями. Над главным и единственным парадным входом находился ажурный металлический козырек. Четыре парапетных столбика были соединены между собою двумя коваными ограждающими решетками. Центральный вход осуществлялся через парадные двустворчатые филенчатые двери.

Фундамент здания бутобетонный, ленточный, цоколь — из красного глиняного кирпича и бутового камня. Боковые длинные северный и южный фасады, выходящие во двор, как и восточный, архитектурно довольно просты.

**Александр
Тимченко**

ИСТОРИЯ ОДНОГО ДОМА

Есть в старинной части Уфы тихая улица — Энгельса (ранее Малая Успенская, позже Лассалья), здесь я поселился в 1914 г. и прожил большую часть жизни. Улица эта всего в один квартал: начиналась она у Успенской церкви и упиралась в Спаскую (ныне Новомостовая). Издавна на Малой Успенской присутствовал какой-то необъяснимый микроклимат уюта, кругом была зелень, во всех усадьбах большие яблоневые сады. Находясь всего в двух кварталах от центра и оставаясь не замощенной, тихой, она всегда притягивала к себе горожан, многие в прежние времена хотели поселиться здесь.

На углу Малой Успенской и Михайловского переулка¹ высился большой двухэтажный дом, построенный Алексеем Михайловичем Каминским — одним из лучших нотариусов Уфы. Этот могучий дом из толстых вековых бревен, про состояние которых бывалые строители говорят: «Дерево превратилось в камень». Каминским принадлежал и следующий дом по улице с кирпичным первым этажом и де-

¹ Позже Детский переулок. Ныне ул. М. Хисматуллина. — Прим. ред.

ревянным вторым. Не боюсь преувеличить — это были лучшие дома нашей улицы.

Алексей Михайлович унаследовал юридический дар и нотариальную контору от отца — действительного статского советника, члена окружного суда, преподавателя законоведения в землемерном училище — Михаила Владимировича Каминского. Как и отец, Алексей Михайлович был известен уфимцам своей благотворительностью, ярким умом, милосердным и добрым отношением к людям. Это был человек со светлыми усами на приятном добром лице, человек с русским мышлением, смысл коего мы только сейчас начинаем понимать, читая философию Булгакова, Флоренского, Ильина...

Можно было часто видеть Каминского в косоворотке и серой поддевке на углу Пушкинской и Центральной, спешащим в нотариальную контору, приветливо раскланявшимся со знакомыми. Был он также и товарищем (заместителем) председателя Попечительского совета частной Ницевской гимназии. Но особенное внимание уделял святому Успенскому храму, напротив которого и выстроил свой дом. Каминский был членом Церковного совета и по большим церковным праздникам с тарелкой в руках среди молящихся в Успенском храме собирал пожертвования на ремонт или реставрацию.

Двери дома Каминских, у которых дежурил швейцар, бывший пленный австриец Эдуард, были всегда открыты для посетителей. Среди его постоянных гостей были уфимские интеллигенты, простые прихожане храма, врачи, учителя, журналисты, чиновники. Частым гостем здесь был и известный уфимский архипастырь владыка Андрей (в миру князь Ухтомский), ныне причисленный к лику святых.

В приемной — просторной светлой комнате, с окнами, выходящими на церковь, — за огромным столом, покрытым белой скатертью, всегда стоял шумящий медный самовар, и на хрустальном блюде красовалась большая глыба сотового липового меда. Жена, молодая дама в пенсне, угощала гостей чаем с печеньем. За столом велись оживленные беседы на религиозные, политические и бытовые темы. Среди гостей бывала и молодежь, в том числе и я.

На одной из таких встреч после длительного обсуждения было решено, по предложению Михаила — сына хозяина, очень религиозного отрока, организовать Союз христианской православной молодежи под эгидой Успенской церкви с целью воспитания православной веры среди подрастающего поколения. Михаил Каминский вместе с группой молодежи энергично взялся за претворение в жизнь этой идеи. Мише, конечно же, помогал отец. На собрании молодежи у Каминских был разработан устав этой организации, утвержден и отпечатан в типографии. Затем молодые люди отправились к епископу Андрею для благословения этого начинания русских православных отроков.

Вот такие дела происходили в старом особняке на углу Малой Успенской и Михайловского переулка. Что случилось с нотариусом Каминским — неизвестно, вероятно, он принял участие в Белом движении, возможно, был убит или уехал с Колчаком, как поступали многие, опасаясь террора. Николай Пискунов был расстрелян за то, что служил в охране у белых. Михаил Каминский, по дошедшим до нас слухам, погиб при переходе границы в Средней Азии, кажется, на

*Угол ул. Энгельса и
Детского переулка.
Фото 1998 г.*

русско-афганской. Дом, конечно, реквизировали. Большие светлые комнаты перегородили, превратив в клетушки. Запомнилось, как новые хозяева на паркете рубили дрова, поставив везде железные печи. Микроклимат улицы начал исчезать со сносом Успенской церкви. К горю и стыду нашему, улица лишилась имени и своей исторической застройки. Неслучайно на месте храма выстроили дом для партаппаратчиков, а с 1960-х гг. начинается настоящая вакханалия: вырубаются цветущие сады, один за другим исчезают особнячки, то там, то сям вырастают обкомовские коробки.

Оставшиеся дома заселяются приезжими, выходцами из деревень, которые в считанные десятилетия безжалостно уничтожили всю обстановку, доставшуюся им от старых хозяев. Это трагедия всей исторической Уфы. Коренное население было размыто, дух нашей Уфы был убит, опошлен, культура и бытовая нравственность сведены до минимального уровня.

Гульназ
Азаматова

ИЗ ИСТОРИИ МУСУЛЬМАНСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В УФЕ

У мусульман было широкое поле для благотворительности, так как целые сферы общественной жизни — образование, книгоиздание, строительство культовых сооружений и др. — в отличие от православных не получали государственной поддержки. Постройка мечетей, содержание сети религиозных учебных заведений осуществлялись фактически целиком за счет сборов членов мусульманской общины и вкладов зажиточных ее представителей.

Состоятельных людей башкир и татар в губернии было немного. Нерусское дворянство, как правило, не обладало земельным капиталом и крепостными. Нередки были случаи, когда представители известных дворянских фамилий сами ходатайствовали о материальном содействии в получении образования перед земскими собраниями и другими учреждениями, добывали скромные средства учительским трудом в народных училищах, некоторые дворянские дети получали воспитание в приютах. Прослойка купеческого сословия была также немногочисленной. Так, в 1897 г. торговлей среди башкир в Уфимской губернии занималось 719 человек (704 муж. и 15 жен.), что составляло 0,38% от общей численности населения, имеющего самостоятельное занятие. Среди татар цифра была больше — 1088 (1077 муж. и 11 жен.), 2,9% населения. У русских Уфимской губернии в торговле было занято 6 328 человек (3,3%).

Несмотря на экономически сдерживающие факторы, благотворительность в мусульманской среде являлась отнюдь не редким явлением. Наиболее распространенными были частные пожертвования учебным заведениям. Это объяснялось тем, что, согласно шариату, изучение мусульманского вероучения, получение знаний являются обязанностью каждого верующего. По данным земского статистического исследования мектебов (мусульманских школ) 1912–1913 гг., из 1573 выстроенных зданий большинство принадлежало частным лицам — 832, сельским обществам — 689, благотворительным обществам — 4, земству — 1, земству совместно с сельским обществом — 3, городу — 1. Усадьбы, на которых располагались школы, в 636 случаях принадлежали частным лицам, в 735 случаях — сельским обществам, в 70-ти — мечетям, в 2-х — городскому обществу, в 16 — арендовались, в 98 — были в собственности мектеба.

Богоугодным делом в любой религии является строительство храма. Известно о крупных вкладах при строительстве 1-й соборной мечети в 1828–1830 гг. и 4-й соборной мечети в 1906–1908 гг.

До первой четверти XIX века в Уфе не было мечети. Религиозные службы и коллективные молитвы проходили в различных помещениях и домах мусульман. В 1827 г. муфтий Габдесалем Габдрахимов поднял вопрос о строительстве в городе мечети и обратился с соответствующими предложениями в Уфимское губернское правление и Министерство внутренних дел. Со стороны высших инстанций последовало лишь разрешение на сбор добровольных пожертвований на строительство мечети. После того как начали поступать первые средства, к муфтию обратился купец II гильдии Мукмин Тагиров, который вызвался взять все расходы по возведению мечети. Благотворитель являлся лидером среди татарских предпринимателей. Основные предприятия (писчебумажные и кумачные) Мукмина Тагирова находились в Царевококшайском и Казанском уездах Казанской губернии. В строительство первой соборной мечети купец вложил 12 тысяч рублей, и уже в 1830 г. мечеть начала действовать. Умер Мукмин Тагиров в 1871 г., оставив в наследство девяти детям имущество на сумму 37 209 рублей.

Собранные жителями Уфы деньги, 4135 рублей, муфтий Г. Габдрахимов использовал на строительство вакуфного (то есть принадлежащего мечети) дома. Некоторое время в нем размещалось Духовное собрание, потом располагался его архив и гостиница для приезжих мусульман. Доходы от эксплуатации здания направлялись на нужды мечети. Однако в результате пожара 9 июля 1844 г. вакуфный дом и вместе с ним часть богатейшего архива учреждения сгорели.

Благодаря купцу Габдуллатифу Абдулхакимовичу Хакимову в центральной части города на улице Бекетовской (ныне Мустая Карима) появилась четвертая соборная мечеть. Купец был верующим человеком, совершил хадж, поэтому был известен как Габдуллатиф-хаджи Хакимов. Для постройки мечети Г. Хакимов расширил границы своего земельного владения вблизи Верхнеторговой площади (современный Гостиный двор), купив дополнительный участок у мещанина К.И. Иванова. Разрешение на строительство было получено осенью 1906 г. Работа велась быстрыми темпами, и в 1908 г. каменное двухэтажное здание с двумя высокими минаретами, развернутыми к улице, открыло двери для прихожан. По существующему обычаю при каждой мечети велось обучение подрастающего поколения, поэтому продолжением благого деяния купца Хакимова стало строительство медресе — среднего учебного заведения. В 1909–1910 гг. на том же земельном участке возникло просторное двухэтажное кирпичное здание, рассчитанное на 300 человек. И мечеть и медресе носили имя благотворителя.

Габдуллатиф-хаджи щедро жертвовал средства детским приютам, на восстановление отдельных приходов после пожаров, подарил мусульманам города два больших дома, в которых расположились женские мектебы.

Хакимовское медресе отличалось приверженностью строгим, традиционным обычаям. В то время как большинство подобных учебных заведений начала века впитали светский дух реформаторства, в «Хакимие» сохранялся приоритет религиозного начала в учебном процессе и внутренней обстановке: «татарские полупарты», отсутствие картин и карт на стенах.

Описываемый комплекс в несколько видоизмененном виде сохранился до наших дней. В 1930-е гг. на мечети исчезли конические завершения минаретов, а позже и минареты были полностью разрушены. Сегодня добротные здания архитектурного комплекса ожидают реконструкции.

Организатором первого в Уфе медресе стал известный религиозный и общественный деятель, ахун Хайрулла Усманович Усманов (1847–1907). Он был родом из д. Ибраево Стерлитамакского уезда. После 11 лет службы имамом и мударисом в Стерлитамаке, в 1887 г. переехал в Уфу на должность имама 1-й соборной мечети. Тогда же на свои средства основал при мечети первое медресе в городе, на содержание которого расходовал свои средства, в случае необходимости ока-

Ахун Хайрулла Усманов

зывал медицинскую помощь шакирдам. Известно также, что Хайрулла Усманович стал дарителем вакуфа первой соборной мечети. Он внес на счет банка тысячу рублей, проценты с которых предназначались на нужды мечети. В содержании «Усмании» принимали участие попечители — дворянин Салимгарей Джантюрин, купцы Сабирьян Шамгулов, Садретдин Назиров, братья Каримовы.

В 1906 г. молодой мугаллим «Усмании», окончивший университет аль-Азхар в Каире, ученый и философ Зия Камали решил организовать медресе, дающее современное всестороннее образование нового уровня. Среди тех, кто оказал поддержку начинанию, был и Зариф Галикеев, мулла мечети второго прихода, в здании которой началось обучение первых шакирдов. Первые учителя — Зия Камали, Зариф Галикеев, Хатмулла Фазылов, Лутфулла Бикчурин трудились безвозмездно.

Для дальнейшего существования учебного заведения необходима была материальная помощь. С этой целью хазрет Зариф Булгаков организует небольшой вечер, куда приглашаются состоятельные люди города. Сначала на просьбу откликнулся уже упомянутый выше Габдуллатиф Хакимов, который внес первые 100 рублей, столько же пожертвовал Бадретдин Назиров, которого избрали

казначеем кассы. Всего в тот день удалось собрать 930 рублей. Из этой суммы была назначена первая зарплата учителям — по 35 рублей в месяц. Вскоре появилась идея о строительстве собственного здания. Весной 1906 г. в доме Джантюриных по улице Губернаторской собрались муфтий Мухамедьяр Султанов, купцы Садретдин Назиров, Фатхулла Ягудин, Бадретдин Назиров, Сабирьян Шамгулов и другие. Взносы для строительства здания медресе сделали Суфия Джантюрина, Садретдин Назиров, Сабирьян Шамгулов, Гульсумбика Ахтямова и Магипарваз Шейх-Али. Последняя, кстати, содержала в своем имении Алкино мектеб (школу) для девочек.

В октябре 1906 г. на Уфимской (ныне Чернышевского) улице было закончено строительство трехэтажного здания. Из 42 тысяч рублей, затраченных на строительство, 20 тысяч внес Садретдин Назиров и 18 тысяч Суфия Джантюрина. Для организации учебного процесса, необходимых условий жизни шакирдов требовалась материальная база. Марьям Султанова подарила 1000 аршин сукна, купец Хасан Каримов — скатерти и приборы. Свой вклад сделали и представители интеллигенции. Писатель Закир Рамиев — Дэрдменд дал 500 рублей на покупку кроватей. Ученый Муса Бигиев, с которым Зия Камали учился в аль-Азхаре, финансировал проведение электричества.

Здание медресе получилось просторным и современным: три этажа соединяли кованые лестницы, изготовленные на чугунно-меднолитейном заводе И. Гутмана, на первом этаже располагались кухня, столовая, буфет, на втором — преподавательская, мини-электростанция, кабинет директора — мударриса Зии Камали, на стене напротив висел телефон, спальни шакирдов. На третьем этаже были классные комнаты, библиотека. В попечительский совет медресе входили: председатель С.С. Джантюрин, члены Ш.Ш. Сыртланов, К.Б. Тевкелев, братья Каримовы, Б. Назиров и др. Пожертвования общественности являлись главным источником содержания «Галии». В 1917–1918 учебном году расходы на медресе составили 35 130 рублей. Поступившие средства распределялись следующим образом: пожертвования — 34 651 рубль, сборы с учащихся — 8 795 рублей.

МУСУЛЬМАНСКИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

На рубеже XIX–XX веков среди мусульманской общественности наблюдается стремление к учреждению благотворительных учреждений и организаций. Первое в Уфе благотворительное учреждение — Комитет о бедных ведомства Императорского человеколюбивого общества — было открыто 22 июля 1821 г. С последней четверти XIX века начался период активности благотворительной деятельности, чему способствовали оживление в общественной жизни после отмены крепостного права, распространение либеральных идей среди активных граждан. В 1865 г. открывается Полежаевский пансион для бедных гимназистов, в 1873 г. приют для престарелых женщин, в 1874 г. Комитет о бедных открыл бесплатные квартиры, где поместилось 64 человека, организовал швейные мастерские для приходящих бедных женщин, желающих работать на «токовых» машинах. В 1877 г. был учрежден Комитет для оказания пособия вдовам и сиротам воинов, погибших в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. К концу XIX века действовали Уфимское местное управление общества Красного Креста, Уфимское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов для малолетних преступников и др.

20 ноября 1876 г. открылся приют для престарелых мужчин и мальчиков магометан. Инициатором его организации выступил муфтий Салимгарей Тевкелев. По словам гласного Уфимского губернского земского собрания А.А. Ахтямова, мусульманам было неудобно помещать своих престарелых и неимущих членов в благотворительные заведения, устроенные для русского населения из-за разнородности обычаев: «Какому-нибудь убогому старику-магометанину, привыкшему к исполнению обрядов своей веры, в русском богоугодном заведении становится невозможным исполнение этих обрядов».

Благотворительное заведение было основано на участке, который С. Тевкелев приобрел у наследников муфтия Г. Габдрахимова. Приют был основан на сборы с мусульман и средства муфтия. Наиболее существенными из пожертвований были 2 тыс. десятин земли, точнее доход с них, подаренные супругой муфтия Фатимой Сулеймановной и ее братом, рязанским дворянином, Саитгареем Сулеймановичем Давлеткильдеевым.

Среди благотворительных жестов супругов Тевкелевых можно отметить также помощь муфтия жителям д. Уракбаш Оренбургского уезда, где на его средства в 1862–1870 гг. была выстроена мечеть и вакуф Фатимы Тевкелевой. В 1908 г. бездетная вдова Фатима Тевкелева изъявила желание принести в дар первой соборной мечети Уфы усадьбу, доставшуюся ей от мужа. Усадебное место размером 37х45 сажень включало надворные постройки и каменный двухэтажный дом. В 1883–1906 гг. здание арендовало Уфимское отделение крестьянского поземельного банка. Усадьба оценивалась в 80 тыс. рублей и была подарена мечети 8 апреля 1909 г. В документе акта дарения вдова оговаривала, что «из сумм чистого дохода даримого имущества должен производиться расход на содержание могил моего покойного мужа и моей». Супруги были похоронены на территории первой соборной мечети. Фатима Тевкелева умерла 19 июня 1912 г. в возрасте 85 лет. В 1916 г. часть двухэтажного дома сдавалась в аренду на три года для первой двухклассной русско-башкирской женской школы. Здание сохранилось до сегодняшних дней по улице Расулева, 11.

Мусульманский приют для престарелых мужчин и мальчиков существовал на пожертвования мусульман, проценты с неприкосновенного капитала, пособия Уфимского губернского земства. Попечителем приюта являлся муфтий Салимгарей Тевкелев, бессменным председателем Комиссии приюта — его племянник Кутлумухамед Батыргареевич Тевкелев, известный как гласный губернского земского собрания, а впоследствии — депутат Государственной думы четырех

созывов, председатель думской мусульманской фракции. Членами Комиссии состояли ахун Хайрулла Усманов, дворяне С. Джантюрин и Ш.Ш. Сыртланов, позже Х.А. Акчурина, Н.Б. Мамлеев и др., почетными попечителями приюта — купцы Х. Байбеков, Г. Байрашев, Г. Тукузов.

В первый год открытия в приют приняли 2 престарелых и 4 сироты. В 1878 г. заведение переместили из флигеля в новый двухэтажный каменный дом. В 1882 г. в нем призревало 7 стариков и 18 сирот, в 1905 г. — 4 престарелых и 15 мальчиков, из них 7 — из Белебеевского уезда, 3 — из Уфимского, 2 — из Бирского, 2 — из Стерлитамакского и 1 из Уфы. Воспитанники сначала обучались в русско-татарском училище при приюте. Мугаллимом (учителем) долгое время был Мухаммадий Чанышев, какой-то период мугаллимом был видный башкирский просветитель Мухаметсалим Уметбаев. Позднее мальчики посещали русский класс при медресе «Усмания», а также городские и ремесленные училища.

Одного приюта для помощи бедным мусульманам было явно недостаточно. В октябре 1898 г. создается общество «Жэмгият-и хэйрия», в русскоязычных официальных источниках оно известно как «Уфимское попечительство о бедных мусульманах» или «Уфимское мусульманское благотворительное общество». Заявленной целью общества являлось оказание помощи нуждающимся мусульманам губернии, в особенности же их детям. Председателем правления общества стал Хайрулла Усманов, позже Салимгарей Джантюрин. В состав попечительства вошли землевладельцы и торговцы: Б.З. Максютлов, М.Н. Максютлов, М.Н. Еникеев, С.И. Мамлеев, мещанин Х.С. Асякаев, купец Абд. Зелял. (сокращение по источнику) Шамсунов. Среди членов правления общества в 1904 г. значились купцы Габдуллатиф Хакимов, Садретдин и Бадретдин Назировы, Салих Терегулов, Сулейман Мамлеев, кандидатами к членам являлись купец Хайрулла Губейдуллин и мещане Хусаин Асякаев и Садык Сагитов. В 1911–1917 гг. в правлении попечительства состояли купцы Мухаммед-Назир Хакимов (в 1917 г. он стал председателем), Сабирьян Шамгулов, Хусаин Асянов, башкир Хабибулла Ахтямов, Габдулла Ибрагимов, Касим Садыков, Гариф Хамитов.

Капитал общества складывался из добровольных пожертвований частных лиц, как мусульман, так и православных, — И.М. Богдановича, М.С. Балашева, Леонова, Архипова, купцов Стахеевых, А.Ф. Блюмова и др. Кроме того, в фонд попечительства жертвовали многие общества и коммерческие организации России: страховое общество «Саламандра», товарищество Деколовской мануфактуры, акционерное общество Зильберштейна, Каспийское товарищество и др. Попечительство размещалось по улице Большая Каменная, 59, в 1912 г. оно находилось по Большой Казанской, в 1914 г. — по Губернаторской, 14.

В 1908 г. поступили пожертвования от следующих лиц: Мухамедадыка Муртина (Верхнеуральский уезд Оренбургской губернии) — 50 рублей, неизвестного турецкого торговца — 50 рублей и другие более мелкие. В общество вступили стерлитамакский купец Габдулла Халилов и самарский торговец Габдулсатар Минафов. 22 июня 1908 г. благотворители собирались совершить коллективную прогулку на теплоходе вблизи Уфы. Однако проведение данного мероприятия было отложено на 6 июля. Причиной стал отказ мусульманского женского благотворительного общества (о котором будет сказано ниже), решившего организовать прогулку самостоятельно из-за отсутствия на теплоходе отдельных классов для мужчин и дам. В результате акции было собрано 73 рубля.

С целью образования детей бедняков и сирот «Жэмгият-и хэйрия» основало мектеб-приют на ул. Александровской (Карла Маркса). Здесь, кроме образования, дети получали и рабочую специальность. Группа учащихся училась плотницкому мастерству под руководством мударриса мектеба Шайхзады Тукаева. Другая группа плела корзины. Ремесленные изделия учеников продавались:

книжные полки, мебель и утварь, особенной популярностью среди жителей Уфы пользовались плетеные прямоугольные корзины-чемоданы с крышками, которые раскупались в мгновение ока. Среди людей, равнодушных к судьбе мектеба, будущему его учеников, был и молодой писатель Мажит Гафуров. Он регулярно платил взносы в пользу учебного заведения, хотя сам в эти годы испытывал материальные трудности.

В качестве учителя чтения и письма в учебном заведении подрабатывал шакирд «Усмани» Парвазетдин Камалетдинов (в будущем знаменитый Зия Камали). Его глубокие знания и добросовестность, высокие отзывы о нем преподавателей обратили внимание мударриса Шайхзады Тукаева, Мажита Гафури и членов благотворительного общества. Им становится известно, что Камалетдинов мечтает продолжить образование в знаменитом университете «аль-Азхар». Весной 1899 г. он был приглашен на одно из собраний «Жэмгият-и хэйрия», где ему объявили, что он может продолжить образование на общественные средства. Безусловно, это сыграло неоценимую роль в становлении личности известного философа и просветителя.

Деятельность общества не получила широкого отражения в исторических источниках. Известно, что оно выделяло средства мусульманскому приюту престарелых мужчин и мальчиков, взаимодействовало с Духовным собранием мусульман. После Февральской революции благотворительная организация делегировала в состав Комитета общественных организаций Уфимской губернии в качестве своего представителя Гисматуллу Муртазина Агрызского. Его заместителем был избран Гарифулла Шагитдинович Харисов. Также известно, что правление общества переехало на Александровскую улицу, 33. 16 марта 1917 г. состоялось собрание общества, на котором обсуждалось текущее положение в стране. На нем выступил Зия Камали, призвавший к обновлению организации путем привлечения деятельных людей из простого народа.

Другой организацией, оставившей заметный след в истории края, стало Уфимское женское мусульманское благотворительное общество, или Мусульманское дамское общество. Учредительное собрание, на котором присутствовало более 100 женщин, прошло 15–17 января 1908 г. Председателем общества избрали Марьям Султанову. Она была дочерью крупного предпринимателя Тимербулата Акчурина, женой Арслан-Али Султанова, сына муфтия Мухамедьяра Султанова. Доставшиеся ей в приданое доходные дома стали основным источником средств общества. Заместителем председателя стала купчиха Зулейха Урманова. После коллективного чтения намаза уфимский имам Хусаин поблагодарил инициативных женщин, заметил, что «каждое начинание бывает трудным» и оно наверняка подвергнется критике «пером и словом». Он выразил надежду на то, что женская благотворительная организация преодолет все трудности и принесет пользу всему мусульманскому обществу. На первом же заседании собрали около тысячи рублей.

17 января собрание продолжило свою работу в доме Марьям Султановой. Вначале состоялись выборы членов правления, секретаря и казначея. О неформальности данной процедуры свидетельствует необычно большое количество претенденток — 43 на шесть вакансий. В результате голосования членами правления были избраны Минсылу Аминова, Рокыя Каримова, Шамсира Назирова, Зулейха Султанова, секретарем — Бахырайхат Давлеткильдеева, казначеем — Фатима Басимова.

Жены и дочери известных татарских предпринимателей, чиновников и религиозных деятелей составили ядро первой в истории России мусульманской женской благотворительной организации. Многие из них получили образование в русских учебных заведениях и заметно выделялись на общем фоне женского населения. Предметом их заботы стали проблемы мусульманского

общества, заключающиеся в тяжелом материальном положении большинства народа, низком уровне образования, слабой информированности о процессах, происходящих в мире. Главной признавалась задача расширения сети благотворительных организаций. Именно они, по мнению основательниц первого в России мусульманского женского общества, должны были оживить общество, вывести его из состояния застоя, существенно нарастить слой высокообразованных людей — врачей, учителей, предпринимателей, способных принести пользу своему народу. Осведомленные о женском движении в России и в мире, Марьям Султанова и ее сподвижницы в какой-то мере копировали уже имеющийся опыт. Вот как об этом высказалась Гайша Абызгильдина: «Каждая прогрессивная нация для успеха религии и религиозной деятельности, развития наук, просвещения и нравственности, ремесел учреждает благотворительные общества. Их количество увеличивается ежедневно и ежечасно. Наблюдая это и беря с них пример, желая соответствовать требованиям XX века, для спасения детей нашей нации от смерти, стараясь наставить их на путь счастья... мы решили открыть общество». В своей деятельности они исходили из фундаментального положения ислама, согласно которому каждый последователь религии должен быть справедливым и благодетельным, протягивать руку помощи сиротам и беднякам.

Высшее мусульманское духовенство в лице муфтия Мухамедьяра Султанова, а также глубокие знатоки ислама, такие как Ризаитдин Фахретдинов, одобрительно отнеслись к открытию общества и оказали ему существенную поддержку. А она была очень необходима, так как уже на стадии его основания со стороны консерваторов началась кампания по резкой критике намерений женщин. После того как общество зарегистрировалось, в Духовное собрание и его печатный орган «Маглюмат» стало поступать много писем от религиозных деятелей, в которых сам этот факт воспринимался как неслыханное для мусульманского мира дело, идущее вразрез с исламскими традициями. Высказывались и предположения, что планы женщин по оказанию помощи нуждающимся соотечественницам несостоятельны. В защиту общества через газету выступил известный уфимский имам Джигангир Абызгильдин. Он обратился к единоверцам с просьбой не только отказаться от политики противодействия женскому движению, но и помочь в создании благотворительных обществ в каждой местности.

Основной заботой общества стало обучение девочек. С марта 1908 г. Марьям Султанова взяла на попечение 22 девочки-сироты с целью дать им «научное воспитание». Общество приложило максимум усилий для открытия женского учебного заведения. Многочисленные просьбы к властям возымели свое действие. Городская управа дала согласие на строительство двухэтажного каменного дома с флигелем на Никольской улице. Однако из-за финансовых трудностей к сентябрю 1908 г. был возведен только деревянный флигель. В нем четыре преподавательницы сразу же приступили к обучению двух десятков учениц. Школа была двухклассной, то есть принадлежала к повышенному типу начальных училищ с 5-летним курсом обучения и давала более широкое образование, в отличие от трехлетнего курса начальных школ низшего типа. С 1911 г. в приюте учительницей родного языка работала Зухра Камалетдиновна Гафури. Впоследствии известный литературный классик Мажит Гафури писал в воспоминаниях, что труд жены был хорошим денежным подспорьем молодой семье в эти годы.

Для подготовки учительниц в мусульманские школы решено было расширить учебный курс до 8 лет, вместе с общеобразовательными предметами воспитанницы изучали педагогику и методику преподавания отдельных предметов, проходили педагогическую практику в младших классах учебного заведения. Многие уроки вели преподаватели уфимских женских гимназий.

К 1916 г. Дамское общество содержало в Уфе 5 учебных заведений, в них насчитывалось 440 учениц и 14 постоянных учительниц. Почти в каждом из них преподавалось рукоделие, девочек учили шить не только одежду, но и обувь из кожи. Бедные ученицы учились бесплатно, получали одежду и учебники.

Помимо пожертвований, деньги в кассу общества собирались на заседаниях, культурных мероприятиях — музыкальных вечерах, спектаклях. 28 июля 1908 г. была организована пятичасовая прогулка на пароходе по реке Белой, в которой участвовало более 150 мусульманок и несколько православных женщин. В результате акции собрали около 100 рублей. С 1909 г. с разрешения уфимского губернатора в различных учреждениях и магазинах города установили специальные сундучки для сбора средств в пользу сирот — учениц Дамского общества.

В 1914 г. начала работу библиотека мусульманского благотворительного общества Уфы, для женщин и мужчин было отведено отдельное время. Начало ее было положено на свадьбе дочери мецената Г. Хакимова Биби-Асьмы, когда гости и невеста пожертвовали в пользу будущей библиотеки 1600 рублей.

С началом Первой мировой войны общество Марьям Султановой организовало лазарет для раненых. Деятельность женского общества получила высокую оценку у мусульманской общественности. Так, классик татарской литературы Галимжан Ибрагимов в серии статей в газетах «Ан», «Тормыш», посвященных «женскому вопросу», отмечал активную работу общества, а его учредителей Марьямбику Султанову, Гайшу Абызгильдину и Суфию Джантюрину относил к числу выдающихся мусульманских женщин. Губернская газета «Уфимский край» сообщала, что они «своей деятельностью заслужили симпатии общества».

УЧАСТИЕ ОРЕНБУРГСКОГО МАГОМЕТАНСКОГО ДУХОВНОГО СОБРАНИЯ В БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ АКЦИЯХ

Необходимо отметить, что в финансовой деятельности Духовное собрание было резко ограничено. За запись в книгах важных событий в жизни мусульман (рождение, свадьба, смерть и т. д.) муллы получали определенную сумму и отсылали ее в Уфу. В 1873 г. на его счетах находилось 24,5 тыс. рублей. Такой уровень сохранялся в течение последующих 10 лет. В дальнейшем, несмотря на временный прирост средств в связи с увеличением брачного сбора, финансовые дела Духовного собрания шли все хуже и хуже. Средства из брачных и метрических сумм расходовались на жалование и единовременные пособия служащим, ремонт, отопление и освещение зданий, канцелярские и типографские расходы, оплату работы казначейства. Из брачной суммы также выплачивались вознаграждение преподавателям городских и уездных училищ за обучение русскому языку кандидатов на религиозные должности, единовременные пособия муллам, пострадавшим от пожара.

Духовное собрание считало своим долгом участвовать в организации помощи бедствующему населению. Во время эпидемии холеры зимой 1865–1866 гг., когда в некоторых уездах Оренбургской губернии численность мусульманского населения сократилась на 30 и более процентов, имамы принимали участие в организации приемных покоев и надзоре за ними.

Газета «Уфимские губернские ведомости» от 21 августа 1865 г. писала о мулле Стерлитамакского уезда Мухаметхарисе Тукаеве, спасающем голодающее население: «В особенности заслуживают в этом случае полного сочувствия человеколюбивые действия издавна пользующегося особенным уважением в магометанском мире муллы деревни Стерлибаш Мухаметхариса Тукаева. Этот человек открыл доступ к своим хлебным амбарам всем, кто нуждался в продовольствии, и, когда его сусеки опустели, он покупал хлеб для той же цели и, наконец, раз-

Благотворительный
вечер в доме
Дворянского собрания.
В центре Марьям
Султанова,
2-й ряд: первая слева
Захира Джантюрина,
третья — Сара
Джантюрина,
3-й ряд: первая слева
Амина Ибрагимовна
Шейх-Али (в будущем
жена известного
казахского
общественно-
политического
деятеля Мухамеджана
Танышпаева), пятый
слева, виден по
грудь между двумя
девушками, Салимгарей
Джантюрин, седьмой
слева — Мирсаид
Султанович Еникеев —
бухгалтер коллегии
адвокатов, играл в
музыкальном ансамбле
благотворительного
общества.
Фотография из
семейного альбома,
предоставлена
Давлетом
Мухамеджановичем
Шейх-Али

давал деньги. По собранным сведениям 130 семей продовольствовались муллой Тукаевым, и довольствие это было производимо не в ссуду, а безвозмездно и без всяких заявлений, без всякого желания сделать эти благотворения известными, только ближайшие соседи муллы и становой пристав, проживающий в д. Стерлибашевой, видя ежедневно идущих за пайком во двор муллы, знали о добром деле Тукаева. В течение зимы Тукаевым роздано около 6 тыс. пудов хлеба и порядочно деньгами, но сколько именно, от Тукаева узнать этого нельзя».

Муфтий Салимгарей Тевкелев обратился к мусульманам России с призывом оказать денежную помощь голодающим башкирам. К апрелю 1867 г. было собрано всего 2431 рубль, которые затем имамы распределили среди остро нуждающихся. Во время неурожая 1874 г. муфтий вновь организовал сбор денег для голодающих.

Религиозное учреждение участвовало в общероссийских благотворительных мероприятиях. В 1877 г. Духовное управление выделило на нужды раненных в Русско-турецкой войне 12 400 рублей. В 1903–1905 гг. религиозные служители собрали в пользу пострадавших в Семиречинской области — 27,5 тыс. рублей, раненных и инвалидов Русско-японской войны — 65 тыс. рублей.

К муфтию, как главе российских мусульман, при проведении различных акций нередко обращались и руководители благотворительных заведений. Так, в 1913 г. о финансовом содействии просил уполномоченный Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых по Уфимской губернии. После этого по предписанию муфтия во всех мечетях Уфимской губернии был произведен сбор денег, предназначенных для глазной лечебницы в губернском городе. Уполномоченный Попечительства отмечал отзывчивость муфтия «на всякое доброе дело».

Деятельность Духовного собрания в сфере благотворительности активизировалась в годы Первой мировой войны. Через подведомственных мулл велся постоянный сбор денежных средств в различные общественные комитеты и фонды. Муфтии Мухамедьяр Султанов, а позже и Мухаметсафа Баязитов неоднократно выступали со специальными заявлениями, предлагали мусульманам не только вносить деньги, но и активно участвовать в организации благотворительных обществ. Сотни мулл откликнулись на призыв, их деятельность подтолкнула мусульманскую фракцию Думы к проведению в декабре 1914 г. съезда благотворительных обществ мусульман России. На нем был образован Центральный мусульманский комитет, который занялся открытием больниц, строительством убежищ, отправкой на фронт продовольствия и одежды. Сразу после окончания съезда

Духовное собрание за две недели собрало и направило в Санкт-Петербург около 19 тыс. рублей.

В одном из обращений Мухамедсафы Баязитова говорилось о необходимости помощи тысячам беженцев, стремившихся во внутренние губернии России. Муфтий призывал всех мусульман проявить к беженцам, вне зависимости от их вероисповедания и национальности, сострадание, предоставить им квартиры, питание, одежду и работу. Духовное собрание призвало также организовать помощь в сельскохозяйственных работах семьям, члены которых находились на фронте. В большинстве деревень мусульмане сообща занимались обработкой земли и посевом различных культур.

МЕРОПРИЯТИЯ ДУХОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО БОРЬБЕ С ГОЛОДОМ 1921 г.

Голод 1921 г. в Башкортостане стал большой трагедией для аграрного края. Голодало до 2 млн человек, то есть большая часть края. Наиболее пострадало башкирское население горно-лесных и горно-степных районов. Ввиду эвакуации, гибели от голода и эпидемий население Башкортостана только с 1920 по 1922 гг. уменьшилось на 650 тыс. человек — 22%. Такие кантоны, как Зилаирский и Тамьян-Катайский, потеряли 30–40% своего населения.

О роли религиозного учреждения в ликвидации последствий голода 1921 г. известно мало. Между тем ЦДУМ сразу обратилось в правительство с предложением о содействии в сборе средств в Комиссию по ликвидации голода. При ЦДУМ РСФСР была образована Комиссия по оказанию помощи голодающим, которую возглавил Кашаф Таржемани. Положение о порядке деятельности Комиссии было утверждено Президиумом ЦК Комиссии помощи голодающим ВЦИК 23 января 1922 г. 29 марта этот же орган утвердил Особую Комиссию уполномоченных в Москве в составе Кашафа Тарджеманова (председатель), Абдулвадуа Фатахетдинова, Абдуллы Шамсутдинова. Для всех сборщиков пожертвований была составлена инструкция. Согласно ей были определены предельные сроки перечисления денежных средств и формы отчетности по продуктам и вещам по вертикали вышестоящим мухтасибам и ахунам, а затем в Особую комиссию уполномоченных в Москве. Последняя составляла сводный ежемесячный отчет и представляла его в ЦДУМ РСФСР и ЦК Компомгол. Сбор средств производился в мечетях, устраивались лекции, спектакли, концерты, благотворительные вечера. Все действия мусульманское духовенство должно было производить только с разрешения и под контролем местных комиссий Последгола. В ЦК Последгола был образован особый счет ЦДУМ.

С самого начала Комиссия рассчитывала, что основную часть пожертвований удастся получить из-за рубежа, прежде всего мусульманских стран Востока. ЦДУМ РСФСР составило список лиц, направленных для сбора пожертвований за пределами страны. В него вошли мухтасиб Тарского уезда Тобольской губернии Абдрашид Ибрагимов (направлялся в Семиречье, Китайский Туркестан), мулла деревни Ижбобы Сарапульского уезда Вятской губернии Губайдулла Бобинский (в Турцию) и мулла деревни Большая Рыбушкина, мухтасиб Сибирской губернии Габдулла Хакимов (в Латвию, Эстонию, Финляндию и Скандинавские страны). Позже к этому списку добавились мулла Петроградской соборной мечети Муса Бигиев (в Туркестан, Бухару, Афганистан), мулла 17-й соборной мечети Казани Ильяс Тагиров (в Египет), мухтасиб Казани, имам 9-й соборной мечети Садык Иманкулов и мулла 10-й соборной мечети Астрахани Салих Алимбеков (в Туркестан, Бухару, Хиву). Однако не всем из них удалось выехать из России. Так, задерживалась выдача загранпаспортов Абдулвадуу Фатахетдинову и Габдулле Хакимову. Документально известно, что за пределы страны выехали Абдрашид Ибрагимов, Губайдулла Бобинский, Садык Иманкулов, Ильяс Тагиров. Некоторые уполномоченные при проезде через

территорию мусульманских стран подверглись аресту. Английскими властями были созданы препятствия в отправке пожертвований из Египта, был закрыт въезд на территории Аравии, была затруднена деятельность уполномоченных в Турции. В то же время мусульмане проявили солидарность. Например, в Турции и Харбии были созданы специальные комиссии по оказанию помощи голодающим.

Было составлено «Обращение мусульман России ко всем христианам и главам Христианской церкви». Причинами голода были названы мировая и гражданские войны. «В России разразился страшный голод, охвативший все ее народы. Особенно тяжело отразился он на мусульманах. Положение их ужасно. Если оно будет таковым и в будущем, то 80 процентов мусульманского населения голодающих районов погибнут. Людоедство растет с каждым днем». В обращении особо подчеркивались дружеские отношения между мусульманами и христианами. «Известно, что Магомет обращался к христианам Абиссинии с призывом оказать гостеприимство первым последователям ислама и что абиссинцы вняли этому призыву и оказали сердечный прием приверженцам Магомета». Особо подчеркивалось, что правительство РСФСР решило привлечь к делу помощи голодающим ЦДУМ.

«Христиане! Примите делегатов от голодающих мусульман так, как учит вас святое Евангелие! Внимите нашим призывам! Укрепите вашей помощью работу Духовного управления по спасению голодающих!»

В Уфе, Казани, Оренбурге, Астрахани и Челябинске были созданы местные отделения Комиссии.

За период с 15 марта по 15 октября 1922 г. в Комиссию поступило 715 788 рублей (247 200 из них от мусульман Финляндии), 49 золотых и серебряных вещей, 89 бриллиантовых и других камней, а также различных вещей, сукна, материалов и продуктов. За период с 15 октября 1922 г. по 1 сентября 1923 г. поступило 165 221 рубль 45 копеек. Из них 38 750 рублей перечислили мусульмане Афганистана, 54 710 рублей было выручено от реализации пожертвованных вещей финских и китайских мусульман. От турецкого Красного Полумесяца было отправлено 2060 ящиков консервов, 2000 мешков муки. Финские мусульмане отправили 87 пудов 8 фунтов одежды и мануфактуры. В Казани и Уфе отделениями Комиссии были открыты детские дома для беспризорных. Подобный же детский дом на 30 мест был открыт в Москве. Здесь, как отмечала Комиссия в своем отчете от 18 октября 1922 г., сталкивалось огромное количество беженцев-мусульман. Они «вследствие незнания русского языка остаются как на станциях железной дороги, так и у биржи труда в безвыходном положении. Ни отправления на родину, ни места службы они добиться не могут, остаются на улице неделями и больше. Положение детей еще в худшем состоянии, канцелярия Компомгола ежедневно бывает полна беспризорными детьми, которые ввиду наступления холодов оставаться на улице не в состоянии».

Большевистская власть пыталась воспользоваться фактором голода для антирелигиозной пропаганды. Например, в обращении Центрального управления комиссии «Башкирпомощь» к башкирам в январе 1920 г. было сказано: «напрасно обращаетесь с молитвами к Аллаху и к Богу — жизнь останется такой же ужасной» или «не Аллах наказал башкирина за грехи его, нет, это сделал царский генерал Колчак».

Благотворительная деятельность ЦДУМ и мусульманской общественности отражала рост активности населения в стремлении решить животрепещущие проблемы современности и оставила свой след в истории края. Разумеется, перечисленные случаи отражают лишь малую толику широкой палитры благотворительности, которая являлась неотъемлемой частью нравственных обязанностей членов религиозной общины.

СТАРЫЙ РАЗБИТЫЙ РОЯЛЬ

Екатерина
Толстая

Музыкальная жизнь Уфы XIX века, да и начала прошедшего, плохо изучена. Скупые сведения о ней можно почерпнуть разве что из «Уфимских губернских ведомостей» да отчетов «Общества любителей музыки, пения и драматического искусства». Поэтому любые документы, касающиеся этого времени, тем более дневники и воспоминания современников (очевидцев), представляют ценность.

«О том, как попала мне в руки эта тоненькая школьная тетрадка, испи-санная убористым почерком, рассказ отдельный, — говорит Эльмира Минга-жевна Давыдова. — Она сохранилась у москвички, которая была в Уфе в эва-куации в годы войны, вместе с нотами готовившегося к изданию сборника “Композиторы — фронту”. Это были “оборонные” песни башкирских компо-зиторов и музыкантов из Москвы, Ленинграда, Ки-ева, Минска, нашедших в те суровые годы приют в Башкирии. Был среди них и музыковед-фолькло-рист из Киева Моисей Береговский... На обложке тетрадки, попавшей ко мне совершенно случайно, написано: “Уфа. 90-е годы XIX столетия. Записала Е.А. Толстая, преподавательница Уфимской музы-кальной школы. Записано по просьбе М. Берегов-ского. Уфа, весна 1942 г.”. Честь и слава музыкан-ту с Украины, благодаря которому появились эти воспоминания, а также музыковеду Любови Серге-евне Орловой, сохранившей их, и, конечно, автору мемуаров, которые переносят нас на сто и даже более лет назад — в Уфу музыкальную».

Светлые, прекрасные странички далекого дет-ства. Папа, мама, сестра Зина и я. Это родное гнез-до, где тепло и уютно, где весь мир, в представлении ребенка. Ранняя весна. В зале за зеркалом у нас есть вентилятор. Там живут воробьи. Я люблю слушать, как они весело, шумно чирикают. Цветут на окнах яркие луковицы (лилии). На улицах лужи. Великий пост. Благовест в нашей Успенской церкви. Там хо-роший хор. Мне нравится чистый, серебристый, как колокольчик, дискант Коки Данилова, крошечного мальчугана с темной шевелюрой. В глубине клироса стоит бас (октава) — Тимошевский. У него красный нос и красивый бархатистый голос. Это талантливый человек, как говорит мама, но его губит вино.

Дальше. Подсыхают тротуары. Мальчишки играют в бабки. В воздухе — бодря-щая влага. Полной грудью вдыхаешь этот чудесный весенний воздух.

...У старенького фортепиано в зале готовит уроки музыки моя двенадцатилет-няя кузина Саша. С нею занимается подруга мамы, моя крестная Мария Василь-евна Герасимова. На пюпитре — толстая тетрадь — школа Дамм. Присутствуя на этих занятиях музыкой, я убеждаюсь в том, что моя умненькая кузина — совер-шенно исключительное существо. Она сидит за инструментом, смотрит на раскры-тую перед нею тетрадку с «черными точками» (так я называла ноты), и почему-то пальцы Саши знают тайну этих загадочных для меня «точек». Я слышу приятные для моих ушей мелодии и поражаюсь, почему Саша, играя, не смотрит на пальцы и знает, что ей говорят эти «черные точки».

Е.А. Толстая (сидит)
и В.А. Евладова.
1910-е гг.

Первой преподавательницей музыки в мои восемь с половиной лет была милая Юлия Августовна Кинд. Помню ее прекрасные синие глаза с пушистыми ресницами и точеные длинные пальцы. Уроки наши, однако, продолжались недолго. Я горько плакала, узнав, что моя Ю.А. вышла замуж. Мы уже играли с ней в четыре руки «Друг детей» Вольфардта. «Мужа», отнявшего у меня милую Ю.А., я страшно невзлюбила, не зная его совершенно. Утешилась я отчасти только тогда, когда мои уроки музыки возобновились с новой учительницей — Ольгой Ивановной Поповой. Сытая желтенькая лошадка подъезжала к нашему дому три раза в неделю часам к 6 вечера. Занималась О.И., кроме меня, и с моей младшей сестрой Зиной и кузиной — Валею Евладовой (в 1915 году окончившей Петербургскую консерваторию по вокальному классу Альмы Фострём).

Спокойно, однообразно шли дни за днями. Ольга Ивановна шутя называла мои худенькие пальцы «косточки в мешочках» и осторожно старалась укреплять их. Сама О.И. была ученицей Гензельта, который занимался с нею в Петербургском институте, где Ольга Ивановна воспитывалась. Наши уроки обычно начинались с «больших экзерсисов» Гензельта (ряд колотушек на уменьшенных септаккордах). Дальше шли упражнения Ганон. Гаммы проходились в минимальных дозах. Этюды (Лютш, сонатины Беренс, Лотгорн, пьесы — репертуар 3–4 трудности сборн. Черни) обязательно заканчивались игрою в четыре руки — Вагнер, Фрисати и увертюры из опер.

По совету Ольги Ивановны я была подписчицей нашего нотного магазина Дворжеца и чуть ли не ежедневно меняла там ноты на новые.

Работать над звуком, над фразой меня учила уже позднее, перед поступлением в Московскую консерваторию, Лидия Александровна Цветкова, окончившая Петербургскую консерваторию по классу Фан-Арка. Ее отец (бас) А.С. Цветков пел в концерте Уфимского дворянского собрания. А Ольга Ивановна любила и умела поговорить. После уроков мама обычно приглашала ее отдохнуть за чашкой чая. Ольга Ивановна очень аппетитно кушала варенье за нашим уютным круглым столом и так же аппетитно, сочно рассказывала нам о том, как ей жилось в Петербурге в ученические годы. По воскресеньям к крыльцу их института подъезжала карета и хороших учениц везли в оперу. С восторгом слушали мы рассказы Ольги Ивановны об этих оперных спектаклях: она открывала перед нами двери в какой-то неведомо-красивый мир.

Последний урок Ольга Ивановна давала кузине Вале, после чего сидевший за чаем в кухне ее кучер осведомлялся у нашей прислуги: «Скоро ли барыня домой поедут?»

Провожала Ольгу Ивановну обыкновенно вся наша семья. Папа выходил со свечой даже на крыльцо. И в передней Ольга Ивановна задерживалась с разговорами еще очень надолго.

Несколько раз в году она собирала нас к себе. Мы играли в 4 и 6 рук мазурку из «Жизни за царя», а несколько раз мне пришлось аккомпанировать ученице Ольги Ивановны — Марусе Соколовой, имевшей еще и прекрасный голос. После исполненной программы Ольга Ивановна угощала нас чашкой шоколада с бисквитами, и, довольные, мы разъезжались по домам. Оплата за урок в 1892–1895 годах была от 75 коп. до 1,5 руб. Мы платили 75 коп. за час.

Муж ее (мой гимназический учитель математики) был хорошим пианистом, единственным аккомпаниатором всех посещавших Уфу гастролеров. Старший сын их — Сергей Попов (скрипач) в гимназические годы часто бывал у нас, и я ему аккомпанировала. Он пользовался исключительным успехом на гимназических концертах, где неизменно выступал и поражал всех незаурядной техникой (в настоящее время Сергей Анатольевич Попов преподает скрипку в музыкальном училище).

В конце 80-х годов большое место в музыкальной жизни Уфы занимала семья Варвары Дмитриевны Паршиной (урожденной Савостьяновой). Ученица Антона Рубинштейна, она создала в Уфе род школы. Ее лучшими учениками были Серебренникова, Мария Петровна Лузинова (Рыбченко) и Николай Оттович Рубинштейн.

Варвара Дмитриевна раз в неделю собирала у себя всех учениц и занималась с ними теорией музыки, а дальше и гармонией. Весною она устраивала открытый экзамен для своих учащихся. На нем присутствовали не только родители учеников, но и почетные гости, любители музыки, каким, например, являлся Дмитрий Семенович Волков — уфимский городской голова.

Отец Варвары Дмитриевны, скрипач Савостьянов, выступал в Уфимском дворянском собрании в трио с братом своим, виолончелистом, а Варвара Дмитриевна вела партию рояля. Обладая исключительным по красоте тембра голосом, она явилась любимицей уфимской публики как певица. Ее партнером в дуэтах была Емельянова — бывшая оперная певица. Все столичные гастролеры посещали прекрасную певицу и пианистку Паршину. Там и мы, дети, получили хорошую школу и научились ценить подлинное искусство.

Свекровь Варвары Дмитриевны — Авдотья Антоновна Паршина, совсем «темная» крестьянка, носившая самотканые сарафаны в девичестве, будучи впоследствии женой уфимского купца «красным товаром», говорила своим знакомым: «Андрюша наш (муж Варвары Дмитриевны) взял бесприданницу».

Узнав об этом, Варвара Дмитриевна и начала давать уроки музыки. Слава ее как педагога была так велика, что желающих учиться у нее являлось столько, что она многим вынуждена была отказывать. При этом за уроки ей предлагали высшую ставку — полтора рубля за час. «Вот ее приданое», — говорили друзья Варвары Дмитриевны. Она приготовила в Московскую консерваторию своих дочерей — Катю и Соню: обе были приняты в класс фортепиано проф. Ярошевского, но впоследствии перешли в класс пения (Софья Андреевна кончила консерваторию). Сын Варвары Дмитриевны Николай (драматический баритон) был принят в Московскую консерваторию стипендиатом, но не окончил ее. Никогда не занимаясь музыкой серьезно, Коля Паршин с листа играл на двух роялях со старшей ученицей профессора Игумнова. Уже глубокой старушкой (в 1939 году) В.Д. Паршина давала уроки музыки в Москве.

Катя и Соня Паршины много пели у нас дома. С успехом выступала Соня в гимназических концертах. Помню, как хоровая пианистка — ученица нашей гимназии Миночка Шейхали не хотела идти на эстраду после Сони Паршиной, спевшей романс Солоновского «Я помню чудное мгновенье». «Вот это действительно «гений чистой красоты», — твердила Шейхали, — а я после Сони жалкая мазила».

Мама моя в молодости пела в любительском хоре, папа играл на скрипке «для себя». Оба обладали очень хорошим слухом и любили наши детские домашние концерты. Эту любовь к артистическим выступлениям детей разжигал брат мамы — Александр Васильевич Евладов. Он плакал от умиления, когда дочь его — Валя Евладова пела «Глазки весны голубые» Чайковского. Сам дядя Саша любил петь тенором «На заре туманной юности» Гурилева и «свадьбу» Даргомыжского.

Ежегодно под режиссерством дяди Саши мы, дети, давали спектакль с концертным отделением после него. Дуэты Мендельсона «Скоро, увь» и «Как весело жилось в полях» пели кузины мои — Валя и Марина Евладовы, кузен Гриша Евладов играл на скрипке серенаду Ф. Дрдля [Дрдля] («Выше, выше, Гриша», — кричал папа из своего кабинета, когда Гриша играл эту злополучную серенаду). Гриша учился у хорошего московского скрипача Александра Могилевского. Имел он очень хороший тон, но не чистые интонации, что не могло оставлять нас равнодушными.

Много хороших часов провели мы в детстве, слушая приятельницу родителей Анну Васильевну Еварестову. Чуткая, скромная пианистка умела находить время для работы над собой, играла ночью, когда засыпали ее дети, а их было 12 человек. Один из сыновей Анны Васильевны — Николай Евграфович Еварестов — тенор, окончил ГИТИС, был принят в московский Большой театр. Отличался всегда своей музыкальностью. Товарищи по сцене Большого театра, получая трудные партии, говорили: «Я ведь не Еварестов, чтобы в трамвае роль учить».

Анна Васильевна очень охотно слушала наши семейные концерты, когда мы с сестрой играли в четыре руки «Танцы» Брамса, а кузина Валя пела «Между небом и землей» Глинки. Впоследствии номера были сложнее: помню свои выступления с Рарием Грига, Валя пела «Серенаду» Шуберта и с сестрой Марусей дуэт — «Уж вечер» из «Пиковой дамы».

Так как эти концерты мы устраивали летом в селе Верхотор (Стерлитамакского уезда), то из домашних цветников своих гостей — Пашковых, Чертковых, Тернер, Уайт — получали роскошные букеты левкоев, резеды, вербены и др. «Головокружения от успехов» не последовало, вероятно, только потому, что мы знали, что гости наши в подавляющем большинстве были люди совершенно не музыкальные. Букеты принимались с радостью, но аплодисменты гостей нас не опьяняли. Мы больше считались со строгой критикой своих родных.

Первыми учителями музыки в Уфе в 70–80 годах были Воланж, Игнатович, Гедронович, Казанцева, В.Д. Паршина, Серебренникова, а дальше О.И. Попова, Соколова, Л.И. Асс (ученица Леницкого, в ее доме мы часто слушали струнные квартеты уфимских любителей), Ольга Ивановна Шиленкова, окончившая Петербургскую консерваторию и имевшая свои композиции. У Шиленковой впоследствии учились моя сестра Зина и Валя Евладова. Свои «вещи» имела также Мария Ивановна Домбровская. Приятелем их семьи в Петербурге и поклонником старшей сестры Марии Ивановны — пианистки Ольги Ивановны Домбровской — был Милий Алексеевич Балакирев. Он очень одобрял творческие попытки М.И. Домбровской и гармонизировал ей несколько романсов.

Ряд оперных певцов в Летнем театре Видинеева с успехом пели романсы Марии Ивановны, и на шумные аплодисменты автор — крошечная старушка — приветливо раскланивалась. «Встаньте, встаньте!» — требовала публика. «Давно стою, друзья мои», — добродушно кричит из партера Мария Ивановна. Она так миниатюрна, что, и поднявшись с кресла, едва достает до вершины своего стула.

Уфимкой была и Елена Яковлевна Барсова-Цветкова (сопрано), певшая ряд лет в оперном театре Солодовникова и считавшаяся любимицей Москвы. Лучшей ее партией была «Орлеанская дева».

В Уфе в Соборном хоре пел Ф.И. Шаляпин. Кроме того, председатель Уфимского кружка пения, музыки и драматического искусства — Михаил Димитриевич Брудинский финансировал Федора Ивановича для поездки в Казань и получения музыкального образования. Шаляпин выступал и в Уфимском кружке (с оплатой 3 руб.). Деньги, полученные Федором Ивановичем от Брудинского, он дорбгой (на пароходе) пропил и дальше Казани на этот раз не доехал. Сын М.Д. Брудинского Сергей — пианист — окончил Петербургскую консерваторию по классу Николаева.

Известная пианистка Есипова, давшая целую плеяду пианистов, также является уроженкой Уфы¹.

В Мариинский театр была принята уфимка Наталия Лузинова (контральто, сестра Марии Петровны Лузиновой). Позже она с успехом пела в Пермской опере. Обладала прекрасным голосом, громадным по диапазону. В Петербургской консерватории занималась в классе профессора Рааб [Рааб].

Уроженкой Уфы была и пианистка Тиманова. Сейчас в московском Большом театре поет уфимец, народный артист республики Владимир Алексеевич Малы-

¹ Есипова Анна Николаевна (1851–1914) — российская пианистка. Создала одну из крупнейших русских школ пианистов, преподавала в Санкт-Петербургской консерватории (с 1901 г. — профессор). Во всех справочниках местом рождения Есиповой указан Санкт-Петербург.

шев¹. Максим Доримедонтович Михайлов также в известной степени мой земляк. Он блестяще пел еще в 1909–1910 годах в уфимском соборе «Разбойника» (и «На реках вавилонских» — соло на древнееврейском напеве). Его бархатный бас наполнял своды уфимского собора чисто органными звуками.

Уфимцы давно были избалованы церковными хорами. В 80-х годах здесь смешанными хорами кружка любителей и духовенства была исполнена оратория «Сотворение мира». Много духовных концертов с успехом провел в Уфе Ипполит Петрович Райский.

Струнный оркестр существовал в городе в 70-х годах. Пользовался симпатией уфимской публики. Даже военные предпочитали его своему оркестру духовой музыки. В 90-х годах дирижером духового оркестра в Уфе был музыкальнейший чех — Франц Францевич Моттль, получивший со своим оркестром на конкурсе духовой музыки премию.

Гастролеры редко заглядывали в Уфу. Старожилы помнят пианистов Оппеля, Рейзенауэра, Контского (с его популярным в провинции «Пробуждением льва»). Город посещали певцы Мариинского театра М.И. Долина, Мравина, с успехом концертировал в Уфе баритон Шевелев, блестящим метеором промелькнул пианист Иосиф Гофман. В 1908-м концертировали Ауэр и Вержбилович.

В городе существовало отделение консерватории. Лучшей ученицей ее была Софья Гербст. Директором музыкального отделения — Марионелла Ивановна Андржеевская (ученица Зилоти). Кроме нее, фортепианный класс вела Полещук-Уводская. В 1892 году Андржеевская, окончив Московскую консерваторию, приехала в Уфу и ряд лет была заведующей Уфимской детской музыкальной школой. Эта школа открылась в 1920 году и в огромной степени обязана своим основанием Лидии Андреевне Галановой, которая в первые годы революции много работала над созданием музыкальной школы: собирала и приводила в порядок разбросанные по городу инструменты, приискивала помещения, приглашала педагогов и с любовью возилась со своим детищем как руководитель и администратор.

Детская музыкальная школа существует и сегодня. Старейшими музыкальными педагогами в городе сейчас являются пианисты С.А. Шапошникова, В.Х. Штегман, Е.А. Толстая, С.Н. Атманских, скрипач С.А. Попов, теоретик М.В. Кугушева и вокалисты В.А. Евладова и А.А. Чернов.

В 1914 году в Уфе прошло много концертов с участием пианистки Клары Спитта и ученика Есиповой — Ерухманова. В том же 1914-м в Уфе давал уроки музыки престарелый учитель Яков Петрович Лод. В 1925 году в Уфу приехал виолончелист Федор Петрович Садовский, окончивший Петербургскую консерваторию у Вержбиловича. Бел Санта Вержбиловича унаследовал и Федор Садовский. Его концерты имели шумный успех. Впоследствии он занялся в Уфе и педагогической работой в музыкальной школе. Он был организатором тематических, камерных концертов в Уфе. Их посещали так охотно, что помещение музыкальной школы не вмещало всех желающих. Желанным гостем в Уфе был скрипач М.Г. Эрденко с пианисткой Диной Гольцер.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ауэр Леопольд Семенович (1845–1930) — скрипач и дирижер.

Беренс Герман (1826–1880) — автор сборника фортепианных этюдов «Новейшая школа беглости».

Вержбилович Александр Валерианович (1849–1911) — виолончелист, профессор Санкт-Петербургской консерватории.

Ганон (Анон) Шарль Луи (1819–1900) — автор сборника «Пианист-виртуоз».

Гензельт Адольф Львович (1814–1889) — немецкий композитор и пианист, с 1838 г. жил и работал в Санкт-Петербурге.

¹ *Малышев Владимир Алексеевич* (1885–1967) — певец (бас). Окончил Уфимское духовное училище. В 1909–1910 гг. брал уроки пения в Томске у В. Цветкова, в 1910–1915 гг. учился в Московской консерватории (класс Е. Лавровской). В 1921–1950 гг. солист Большого театра.

Гофман Иосиф (1876–1957) — пианист.

Дрдла (Дрдля) Франц (Франтишек Алоис) (1868–1944) — американский композитор кубинского происхождения.

Могилевский Александр Яковлевич (1885–1955) — скрипач.

Рааб (Raap) Вильгельмина Ивановна (1848–1917) — с 1901 г. профессор Санкт-Петербургской консерватории.

Рейзенауэр Альфред (1863–1907) — немецкий пианист.

Черни Карл (1791–1857) — автор сборника «Школа беглости», «Подготовительная школа пальцевого мастерства».

**Анатолий
Чечуха**

ГДЕ ЭТА УЛИЦА?

НА ЭТОМ УГЛУ

На одном из сайтов некий искусствовед смело утверждает, что на картине Михаила Нестерова «Домик в Уфе» изображен дом родителей художника. Впрочем, такое описание, если, конечно, говорить о привязке картины к местности, является и единственным. Все остальные касаются исключительно состояния природы. Да и как не восхититься нежно играющими в лучах восходящего солнца облачками, изумрудной травой и приветливо раскрытыми ставнями — словом, милой картиной патриархальной и немыслимо далекой от нас Уфы 1884 года.

Тем, кто захочет возразить, что это не фотография, что художник мог все и придумать, советую внимательнее почитать о передвижниках, к коим в то время безусловно причислял себя юный ученик В.Г. Перова. Так что сомнений быть не может — картина написана с натуры.

В отличие, кстати, от карандашного рисунка «Первая встреча» («Конский топ»), на котором художник, разумеется, по памяти, изобразил встречу с Марией Мартыновской на Большой Успенской улице в Уфе (это следует из воспоминаний самого художника). Видимо, поэтому колокольня Успенской церкви на рисунке, мягко говоря, мало похожа на реальную.

Нестеров познакомился со своей Машей летом 1883-го, а весной следующего года вновь приехал в Уфу. Приехал на пароходе — железная дорога появится лишь через четыре года. И в этот раз он не порадовал отца медалями и регалиями. Зато тем памятным летом юный художник, несмотря на сопротивление родителей, смог назвать свою Маню невестой.

Итак, майским или июньским утром 1884 года ученик Московского училища живописи, ваяния и зодчества вышел с этюдником на уфимскую улицу... Какую же? Своим полотном Нестеров задал загадку, на которую лет сто двадцать назад смог бы ответить любой уфимец — в нашем городе тогда жило всего-то тысяч сорок населения. Но картина была в Москве, открыток с нее не делали. Да и открыток-то в ту пору еще не существовало. Так что загадку, хранящуюся в Третьяковской галерее, теперь должны разгадывать мы. Тем более что Михаил Васильевич оставил для нас на своем холсте целых три или четыре подсказки.

Как выглядел дом Нестеровых на Центральной улице, известно по многочисленным фотографиям, он вовсе не похож на изображенный на картине. Но, может, все проще: Нестеров запечатлел на картине домик Мартыновских в Старой Уфе? Вот только в этом случае домик, стоявший на углу нынешних Кавказской и Сазонова, был бы виден на фоне достаточно высокой Усольской горы.

...У самого домика начинается поросший травой склон. Если судить по довольно глубокой тени от крыши, солнце, когда Нестеров писал сам дом, было уже в зените, то есть на юге. Значит, улочка шла с юга на север. А еще улочка на

М. Нестеров.

Домик в Уфе. 1884 г.

картине Нестерова замечательна своими, скажем так, неровностями местности, и первые приходящие в голову центральные улицы города придется из списка «подозреваемых» исключить. Будем «искать искомое» на проложенных в 1820-е годы через овраги Спасской (Новомостовой) и Малой Ильинской (Воровского). Кроме того, обратим внимание и на то, что от домика начинается склон еще и в сторону севера (на картине — вправо). Больше всего на изображенное на холсте место походит угол нынешних улиц Пушкина и Воровского (на последней после появления проспекта Салавата Юлаева все же остался один дом), если мы встанем лицом к улице Пушкина.

Обратимся к сохранившимся фотографиям данного угла, благо в 1910-е годы здесь частенько фиксировал уходящую натуру Аполлоний Зирах. Но вот незадача — ничто на снимках вроде бы не напоминает картину Нестерова. Зато очень хорошо виден спускающийся одновременно и к востоку, и к северу склон.

Расследование зашло в тупик. На грани безысходности берем лупу и рассматриваем детали полотна. Дом, банька, сарай, забор по границе участка, деревья. И вдруг — замаскированное дымкой сооружение правильной формы. Явно дело рук человеческих, и почти наверняка это купол церкви.

Не буду утомлять перебором вариантов, скажу только, что на картине может быть изображена только Спасская церковь — у нее единственной из всех уфимских храмов колокольни расположены на заметном расстоянии от здания. И не видно их потому, что одна из колоколен скрыта за деревьями, а вторая «спряталась», должно быть, на фоне барабана церкви с куполом. В таком случае единственным вариантом улицы остается Малая Ильинская. Да и какая еще может быть другая улица с таким же большим нависающим над оврагом мысом (том, на котором банька). Согласно июньской переписи 1879 года, владельцем этого земельного участка, а значит, и домика, был брандмейстер Лев Пресс.

Сомневающимся попрошу внимательно рассмотреть снимок Большой Казанской улицы 1867 года — из Государственного Эрмитажа: трехконный домик с высокой крышей на нем есть, правда пока без парадного входа. Есть на этом снимке и не совсем понятное строение (возможно, старая уфимская тюрьма), глубокая тень от которого видна в левой части картины.

Улица Малая
Ильинская. 1910-е гг.
Фото А. Зираха

И последний вопрос: кажется, что во время создания картины Нестеров стоял явно выше уровня земли — склон-то ведь вроде бы идет вниз. Но в том-то и дело, что склон в самом конце улицы Пушкинской — рукотворный, он появился в результате того, что при прокладке дороги по Малой Ильинской к дамбе через речку Ногайку часть ровной площадки была как бы прорезана, что очень хорошо видно и на двух снимках А. Зираха. Вот и получилось, что и на другой стороне Малой Ильинской вновь высокая площадка. Те, кто помнит историю несостоявшегося сноса дома Тушновых в конце улицы Пушкина, знают, что слева от него стоял небольшой флигель. В 1880-е он принадлежал Апполинии Дыньковой. И эта фамилия вроде бы тоже ничем не знаменита. Если, конечно, не знать, что она вышла замуж за Владимира Хрисанфовича Тушнова. Так вот, расчеты показывают, что художник находился где-то рядом с флигелем.

Флигеля этого нет лет уж двадцать, от былой красоты Спасской церкви почти ничего не осталось, по оврагу весело снуют строительные краны, а старозаветная река Ногайка чуть ли не полностью заключена в трубу. Даже почти не изменившийся за 130 лет и все так же поросший травой склон заботливо спрятан от глаз металлическим забором. И только холст Нестерова все так же продолжает удивлять провинциальной патриархальностью и уютом навсегда ушедших лет.

ПОЛДЕНЬ В УЩЕЛЬЕ

«Красный полдень» Давида Бурлюка — картина известная. Но если речь заходит о месте, изображенном на картине, все, к сожалению, ограничивается предположениями. Да и что можно, казалось, сказать конкретного, если в работе столь явно выступают черты кубизма? В 1915–1918 годы местом жительства художника и поэта Д.Д. Бурлюка было Иглино, иногда он наведывался и в Буздяк, где тогда жила его мать. Соответственно и виды на всех работах художника этого периода вполне сельские.

Умея, по отзывам современников, рисовать «не хуже профессора», Бурлюк увлекался экспериментами, в которых совмещал порой абсолютно несовместимые для других вещи, и можно себе представить, какое впечатление на провинциального обывателя на выставках Уфимского художественного кружка производили его работы. А если он еще и стихи свои читал...

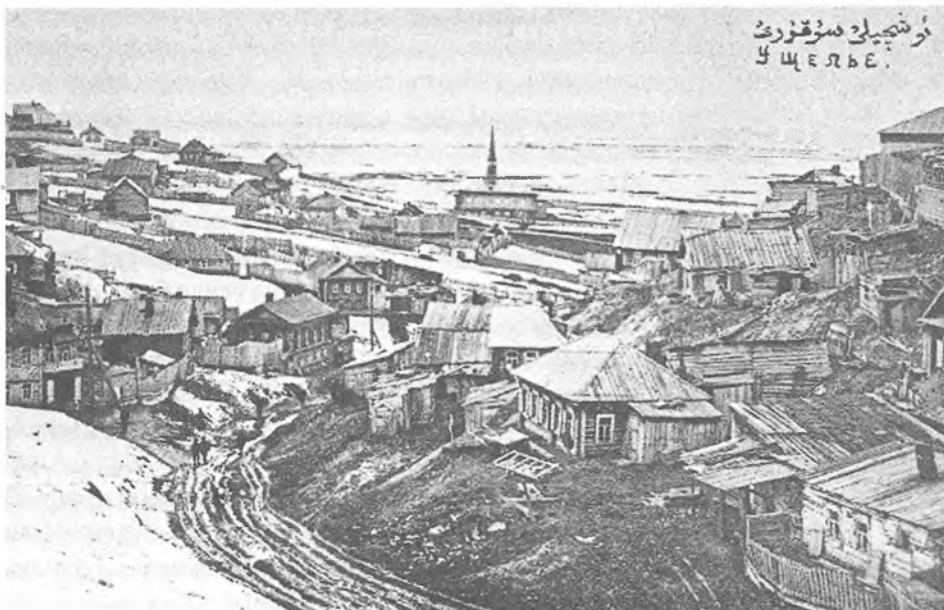
*Мне нравится беременный мужчина
Как он хорош у памятника Пушкина
Одетый серую тужурку
Ковыряя пальцем штукатурку
Не знает мальчик или девочка
Выйдет из злобного семечка?!*

Словом, говоря словами автора же, «пощечина общественному вкусу».

Но кроме этих выставок, больше с нашим городом его вроде бы ничего не связывало. Может, только в холмах из «Красного полдня» кому-то могли привидеться уфимские мотивы. Но казалось, что это — так, эмоции. И никто почему-то не выделил из кубофутуристического в целом полотна вполне реалистическое изображение мечети. Даже цвета мечети — синий и зеленый — вполне достоверны. Они, то есть цвета, и заставили меня обратить пристальное внимание на эту картину...

Когда въедливый и не упускающий из вида любую мелочь исследователь творчества С.М. Прокудина-Горского Сергей Прохоров из Петербурга предложил мне найти крупное изображение той мечети, что видна на снимке царского фотографа «Межгорье», я вдруг вспомнил об уфимской открытке, вышедшей примерно в 1930 году в серии «Меццо-тинто» (был такой способ печати и связанное с этим название московского издательства). На ней изображена местность с весьма странным для непосвященного названием — Ущелье. И та самая мечеть, что на «Межгорье».

Если мы поднимаемся от нынешнего парка имени Якутова вверх по улице Бориса Домашникова (бывшей Белгородской, а в былые времена еще и Кирпичной) и дойдем до ее начала, то слева от нас раскинется панорама, на которой при ближайшем рассмотрении обнаружится как минимум десяток домиков, которые есть и на слайде Сергея Михайловича. Но почему ж Межгорье-то? Ведь с Лагерной горы, на которой сто лет назад стоял фотограф, других гор, и тем более межгорий, вроде бы не наблюдается. Правда, можно вспомнить, что 2-я мечеть находилась на Магометанской большой (ныне это часть улицы Леваневского). Магометанская большая улица шла под гору и попадала на Магометанскую по ущелью (ныне улица Ущелье). Должно быть, дело в том, что название своего сним-

Уфа. 1910-е гг.

Фото А. Зираха

Д. Бурлюк. Красный
полдень. 1915 г.

ка С.М. Прокудин-Горский записал не сразу, вот и получилось «Межгорье» вместо «Ущелье» — смысл-то ведь один и тот же. Когда-то здесь в расщелине меж холмов уфимские купцы проложили съезд в Нижегородку, чтобы ближе было добираться к Вавиловской переправе через Белую. Позже на склонах с обеих сторон выросли дома, а в первой половине 1880-х появилась 2-я соборная мечеть. Близлежащие улицы получили свои названия именно в честь нее. В 1906 году при 2-й мечети было образовано ставшее позже знаменитым медресе «Галия».

Но на современной панораме мечети нет — восемьдесят лет назад, 14 мая 1931 года, ее закрыли, а потом и снесли. Так что, как и в случае с картиной Нестерова, нам придется работать исключительно виртуально — по фотоизображениям.

Поразительно, но увеличение цветного снимка 1910 года дает практически полное совпадение вида мечети (в том числе и ее цвета) с тем, что в «Красном полдне» (напомню, что разница во времени появления фотографии и картины лет 5–7). Кроме упомянутых выше, в нашем распоряжении есть еще две фотографии этих мест: зимний снимок А. Зираха примерно 1915 года и снимок Степана Стивы конца 1920-х. Зираховское изображение позволяет рассмотреть детали минарета. «Мало ли что» — скажут скептики. И будут правы: почему холмы у художника вдруг «подросли», став целыми горами? Хотя, с другой стороны, ни Иглино, ни Буздяк горами тоже не славятся. И уж тем более домами на горах — возможно, это одно из важнейших свидетельств в пользу Уфы!

Но нужны еще доказательства. Однажды я уже писал про своеобразные солнечные часы, в роли которых выступала 1-я соборная мечеть Уфы. На этот раз — чуть проще: надо выйти на описанную выше точку на улице Домашникова сразу после полудня, чтобы сравнить тени на столетних домах с изображением, полученным Прокудиным-Горским. А потом прикинуть — как лежали бы тени на мечети, снимай фотограф в астрономический полдень (около 14.30 нынешнего летнего времени) — у Бурлюка ведь «Красный полдень». Уверяю вас, что расхождений не будет.

Но чтобы окончательно развеять сомнения, обратим внимание на изящный белый минарет между горами заднего плана картины. Где его нашел Бурлюк (если он, конечно, вообще был в районе Ущелья), стояла ли там другая мечеть? Думаю, уже не удивитесь, услышав, что стояла! С 1903 года на улице Воздвиженской (Ле-

сопильной) работала 3-я соборная мечеть с характерным высоким минаретом. Сегодня здание мечети занимает спортшкола, минарета же давно нет.

И все же — откуда горы? Можно, конечно, приписать их воображению художника. Но вспомним про домики на вершине. И представим себе такое: сначала Бурлюк рисовал Уфу из-за Белой, а потом счел свое творение неудачным и записал передний план сценкой из жизни Ущелья. Или наоборот. Словом, надо сходить в музей имени Нестерова. На этот раз с большой лупой.

ДВА ФЁДОРА

19 февраля 1891 года юный Федор Шалапин дарит артисту Жилину свою фотографию с надписью: «Дорогому Михаилу Михайловичу г-ну Жилину от почитателя, его бывшего сослуживца в г. Уфе в сезон 1890/1891 г. Федора Ивановича Шалапина на память». О том, что снимок тот начинающий артист сделал в фотозаведении Ф.Я. Анисимова на Большой Казанской, знают многие, но в каком конкретно доме на нынешней улице Октябрьской революции он снимался, оставалось предметом догадок.

В начале XX века в Бирске был очень популярен фотограф Ф.Я. Анисимов. Если кто сомневается, что речь об одном и том же человеке, то на некоторых из бирских снимков над словами «в Уфе» стоит каучуковая надпечатка — «в Бирске». А на обороте уфимских снимков читаем: «На Казанской, против аптеки Янчевского», — ну конечно, и в те времена абсолютно все знали, где находится аптека. На плане г. Уфы 1897 года фотозаведения не указаны, зато аптека Янчевского имеется — чуть ниже нынешней улицы Цюрупы по нечетной стороне улицы Октябрьской революции. Но напротив нее — здание... полиции, да еще и с пожарной каланчой. На одном из старых фотоснимков вывеска этой аптеки видна, а на соседнем доме хорошо читается вывеска «конкурирующей фирмы»: «Германъ. Художественная фотографія». О конкуренции как-нибудь в другой раз, а пока придется согласиться с тем, что к концу века аптека Янчевского сменила адрес, иначе бы надпись у Анисимова была, несомненно, другая, например, «в доме полиции». Кстати, отсюда следует еще и то, что последние уфимские снимки Анисимова были сделаны до 1897 года.

И что дальше? К счастью, есть в уфимском Доме-музее Аксакова еще одна фотография середины 1880-х годов, сделанная тоже в фотоателье Анисимова, на ее обороте немного другая расшифровка: «Против кондитерской Городецкого, дом Волкова». Согласно переписи 1879 года, Андрею и Дарье Городецким (возможно, брату и сестре) в начале 1880-х принадлежали на Большой Казанской два дома. А напротив них находился участок Виктора Волкова. В справочнике 1908 года Городецкие уже не фигурируют, зато Виктор Осипович Волков владеет, как и прежде, домом (точнее земельным участком) под № 26. Если учесть смещение в 1920-х нумерации на один номер, то получается, что заведение Анисимова находилось в нынешнем доме № 28.

Да, дом дожил до наших дней, но ничего «фотографического» в нем не наблюдается. Разве что можно предположить, что левое, чуть отдаленное от двух других окно дома когда-то было входом в фотозаве-

Оборот фотографии
ателье Ф. Анисимова

дение Анисимова. Других следов просто нет. Вы спросите — что же в фотозаведении может быть необычного? Вот и дом с фотоателье О.Ф. Герман ничем, кроме вывески, от других не отличается. Но дело в том, что до появления электричества фотосъемка велась при естественном освещении (до появления электростанции в 1898 году заведение Анисимова не дожило). Держатели для головы — копфгалтеры (headrest) с появлением сухих бромжелатиновых пластинок и практически моментальных выдержек в конце позапрошлого века ушли в небытие, но света все равно нужно было много. На первый взгляд кажется, что лучше всего в этом деле поможет дневное светило. Но быстро передвигающееся по небосводу солнце, кроме яркого света, давало бы массу резких теней от рам. Поэтому стеклянный шатер, подобный тому, что ныне украшает главный корпус Национальной библиотеки на Ленина, воздвигался с северной стороны фотоателье. Взгляните свежим взглядом на давно известные снимки — на некоторых из них вы сразу увидите странные надстройки над крышей.

С домом разобрались, но интересно бы еще узнать и имя Анисимова: Федот, Федор или, к примеру, Филипп? Жил в Уфе в 1879 году на улице Ханыковской (позже Гоголевской) некий Федор Анисимов, но он ли это? Впрочем, ответ на этот вопрос легче найти в Бирске: тамошние краеведы сразу скажут, что фотографа Анисимова звали Федором Яковлевичем.

P.S. Дочь Шалапина Марина Федоровна, правда, настаивала на том, что на фотографии изображен не ее отец. Но от фактов никуда не денешься: Уфа, 1891 год и автограф Федора Ивановича.

СОВСЕМ НЕДАВНО, В ПРОШЛОМ ВЕКЕ...

НА ПЛОЩАДИ БАЗАРНОЙ

Анатолий
Чечуха

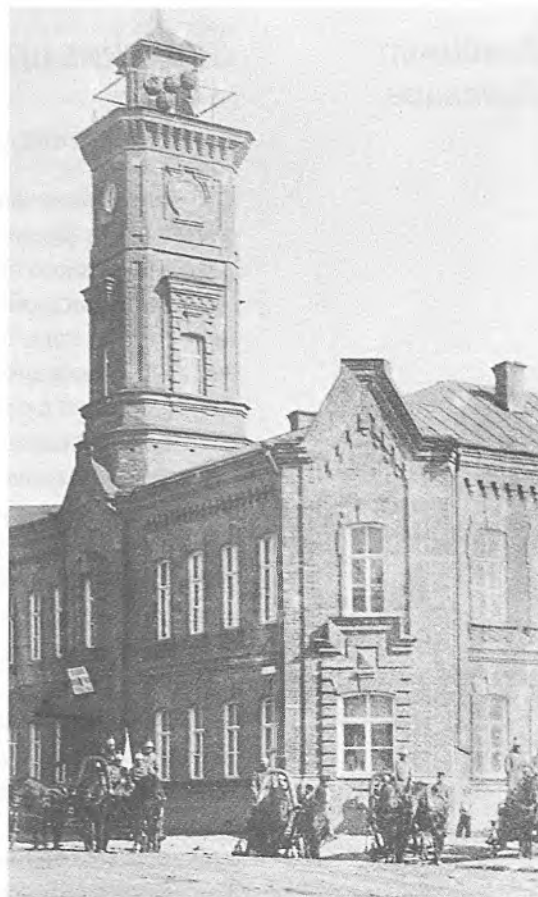
*Смотр пожарной
части на Большой
Казанской, 67.
1900-е гг.*

Первомайская площадь (раньше она именовалась Троицкой) — самая старая часть Уфы. Более того, когда-то весь наш город помещался на ней: именно здесь в конце мая 1574 года была заложена Имэнкала — дубовая крепость, положившая начало Уфе. Но в мае 1759 года крепостные стены, башни и многие постройки погибли в огне губительного пожара — тогда сгорела треть всех домов. Самое печальное то, что в огне погиб и весь архив с момента постройки крепости. Пожары всегда имели для деревянной Уфы самые губительные последствия. Особенно катастрофическими были пожары 1611, 1803, 1816, 1821 годов. Свидетелем одного из давних пожаров оказался наш великий земляк С.Т. Аксаков: «В это время, кажется 1 июня, случилась жестокая гроза... страшный громовой удар потряс весь наш дом и оглушил нас... опомнившись, я увидел, что... дождь льет как из ведра и что комната освещена... заревом от огня. Евсеич [слуга. — А.Ч.] рассказал мне, что это горит соборная Троицкая колокольня, которую зажгла молонья». Тогда, в июне 1797 года, сгорело самое первое уфимское здание — стоявшая на берегу Белой обыденная (т. е. срубленная «об один день») Троицкая церковь.

Возможно, один из этих пожаров ускорил появление в нашем городе профессиональных пожарных. Но сначала у городских властей не нашлось на это денег, потому, видимо, и существует как минимум две версии насчет времени появления пожарной команды в Уфе, но что бы там ни говорили архивные документы, а в 1916-м отмечалось ее столетие.

Известно, что уже в октябре 1831 года на Троицкой площади функционировала 1-я пожарная часть. Денег тогда на нее отпускали мало, приходилось устанавливать дежурства горожан (вместе с лошадьми). Не хватало техники и людей, умевших ее обслуживать. Поэтому неоднократно ставились задачи по привлечению людей, обученных работе с машинами и приспособлениями; машинами тогда именовались как ручные пожарные насосы, так и экипажи с раздвижными лестницами. Именно пожарным, как наиболее готовым к работе с хитрыми приспособлениями, доверили обслуживать фонари, когда в 1837 году в городе было устроено уличное освещение.

Жены пожарных помогали мужьям чем могли. Этим женщинам вообще было нелегко: постоянные переживания

ния за жизнь мужей, неустроенный быт, полунищенские доходы. Тем не менее женщины терпели, а некоторые даже регулярно поднимались по крутой лестнице на самый верх каланчи, чтобы накормить супруга обедом.

Кто кормил холостых на каланче, мы выяснить вряд ли сможем — давно это было. Поэтому приведем свидетельство знаменитого Владимира Гиляровского из книги «Москва и москвичи»: «В те давние времена пожарные, николаевские солдаты, еще служили по двадцать пять лет обязательной службы [речь идет о временах Николая I] и были почти все холостые, имели “твердых” возлюбленных — кухарок. В свободное от пожаров время они ходили к ним в гости, угощались на кухне, и хозяйки смотрели на них как на своих людей, зная, что не прощелыга какой-нибудь, а казенный человек, на которого положиться можно».

Вспомните у Маршака: «И если видел он пожар, плывущий дым угарный, он поднимал сигнальный шар над каланчой пожарной. И два шара, и три...», — шарами дежурный указывал на район пожара. А дуга над каланчой — вовсе не антенна, как думают многие: на нее и подвешивались в случае пожара сигнальные шары. Ночью же использовались фонари.

В советское время телефон, пришедший на смену дежурному на вышке, отменил морально устаревшие шары и фонари, место дуги на каланче заняла антенна. И теперь по винтовой лестнице взбирались все больше мальчишки и девчонки, чтобы посмотреть сверху на сложные переплетения старых улиц, бесчисленные овраги и тысячи крыш — красных, серых и зеленых. Да и сейчас, если привести в порядок лестницу, найдется много желающих посмотреть на Уфу не с привычного балкона, а с настоящей каланчи.

**Владимир
Буравцов**

О ЗДАНИЯХ ПЕРВЫХ ПОЖАРНЫХ ЧАСТЕЙ УФЫ

ГЛАВНАЯ ПОЖАРНО-ПОЛИЦЕЙСКАЯ ЧАСТЬ

На углу нынешних улиц Октябрьской революции и Цюрупы стоит старинное двухэтажное здание с каланчой. Оно было построено в середине позапрошлого века для Главного полицейского управления города и пожарной части.

Дело о постройке в Уфе при городской полиции пожарной части открыли в ноябре 1820 года. Однако из-за бездействия властей и в первую очередь по причине отсутствия в городской казне средств лишь в 1824 году в Уфе для организации и устройства пожарной команды был введен специальный налог.

Под председательством гражданского губернатора был создан особый комитет, в который вошли предводитель дворянства, городской голова, полицмейстер и депутаты всех сословий. Этот орган определил получаемые в пользу города доходы в размере 17 159 руб. 59 коп. при ежегодных расходах в 36 601 руб. Из-за дефицита денег комитет решил увеличить сбор с заводов, а также предложил взysкивать сбор с проплывающих по реке Белой и пристающих к Уфе судов и барок с различными грузами, а также с выкапываемого с городской земли известняка и другого камня.

По сложившейся с давних пор традиции полиция не имела в своем распоряжении не только пожарных инструментов, но и людей. Всякий раз в случае необходимости надо было обращаться в Уфимский батальон внутренней стражи. В Санкт-Петербурге и Москве пожарные команды имелись в собственном и постоянном заведении полиции, а население, заблаговременно обученное, всякий раз являлось на пожары в одно время с приехавшими на лошадях пожарными.

*Здание бывшей
главной пожарно-
полицейской части.
Фото 1947 г.*

Все это способствовало быстрому началу тушения. Подобную организацию для борьбы с огненной стихией необходимо было создать и в Уфе.

Городской комитет счел необходимым иметь при полиции профессиональную пожарную команду, приняв для этого 100 человек из батальона.

В 1825 году для пожарной команды комитет закупил 25 пар ведер, 20 топоров, 50 железных лопат. По предложению оренбургского вице-губернатора губернским правлением в 1826 году для возки пожарных инструментов было предложено выделять лошадей (из-за отсутствия таковых при уфимской полиции) по очереди и представить это решение на утверждение военного губернатора П.К. Эссена. Последний уведомил 31 января 1827 года губернское правление, что на устройство пожарной части при уфимской полиции определен денежный сбор с домов жителей, балаганов и прочих заведений, находящихся на городской земле. Для устройства пожарной части за 920 руб. купили 12 лошадей, а также хомуты, дуги, постромки, щетки. Чтобы круглый год поддерживать пожарную часть в готовности, необходимо было также соорудить флигель для пожарной команды на 26 человек и конюшню на 15 лошадей.

2 ноября 1828 года указом Сената предписывалось увеличить в Уфе оценочный сбор с жителей. Оказалось, что сумма средств составила 30 142 руб. 51 коп. Располагая такими деньгами, гражданский губернатор И.Л. Дебу направил военному губернатору П.П. Сухтелену предложения комитета: исправить съезжую (т. е. помещение для пожарных), сарай для пожарных инструментов и конюшню для лошадей.

Уже в августе 1836 года губернский архитектор после обследования старого здания доложил, что оно непригодно к дальнейшей эксплуатации, для размещения пожарной части стали снимать частные дома. В 1837 году по поручению Оренбургской строительно-дорожной комиссии он изготовил проект и смету расходов на строительство двухэтажного кирпичного здания с каланчой. Но нужной суммы из бюджета Уфы выкроить не удавалось.

Постройка откладывалась, и в 1842 году уфимские власти арендовали за 200 руб. серебром в год помещение у частного владельца. Полицейская команда перешла сюда, а пожарные остались в старом здании. Но использовалась только каланча, а сама команда разместилась во флигелях во дворе старого здания.

К 1858 году старое здание и каланча настолько обветшали, что губернский архитектор предложил сломать их. Но здания продолжали ежегодно ремонтировать, и еще в 1868 году помещение снимали у домовладелицы Нестеровой за 180 руб. Наконец, по ходатайству уфимского гражданского губернатора министерство внутренних дел признало возможным назначить из страхового сбора в пособие на устройство пожарной части в Уфе 9 200 руб., и разрешение на постройку кирпичного здания для городской полиции и пожарной части было получено.

В 1872 году построенный корпус, в котором расположились Главное полицейское управление и пожарная часть, был передан городу. На каланче появились куранты, которые, к сожалению, проработали недолго: после повреждения в годы Гражданской войны их так и не удалось восстановить.

1-Я ПОЖАРНО-ПОЛИЦЕЙСКАЯ ЧАСТЬ

После получения задания на отведение места под постройку во 2-й части Уфы съезжего дома (сегодня бы сказали — офиса или служебного помещения) губернский архитектор Ф.Я. Алфеев 31 марта 1832 года донес оренбургскому гражданскому губернатору о результатах осмотра. Плановый участок, находясь на краю квартала и в самом низком месте Казанской улицы (на Нижне-Торговой площади — ныне Первомайской), совсем не подходил для съезжего дома, особенно в ненастное время. По мнению Алфеева, это здание должно было бы находиться на самом высоком месте, на Кладбищенской (Коммунистической) улице за Спасским оврагом.

В мае 1832 года решено было немедленно приступить к перевозке необходимых материалов и к самой постройке, которую «производить с надлежащей поспешностью». Выбор был сделан в пользу Казанской (Октябрьской революции) улицы.

23 июля 1835 года крестьянин Владимирской губернии Н. Иванов заключил контракт с комиссией о постройке в Уфе съезжего дома, как только будет подготовлен нужный для этого материал. Причем комиссия обязалась по первому требованию дать ему столько рабочих, сколько потребуется для успешной работы. Поручительство давал уфимский мещанин С.Т. Колмацкий.

7 февраля 1840 года губернский архитектор Ф.Я. Алфеев подписал свидетельство о постройке каменного со службами съезжего дома. Однако через полвека, несмотря на ежегодный ремонт здания, оно обветшало. Уфимская городская дума на своем заседании 2 декабря 1901 года поручила управе представить доклад по капитальной перестройке существующего здания. Осмотр, произведенный по поручению уфимского губернатора членом управы К.А. Лаптевым и городским архитектором А.Г. Ерохиным, показал, что конюшня, обозная, помещения пристава и городских «угрожали опасностью и к дальнейшему пользованию непригодны». Стоимость постройки нового 2-этажного каменного здания 1-й полицейской части и деревянных погребов была определена в 39 795 руб. 98 коп. Предполагалось окончить строительство в два года, начав его с лета 1902 года. В октябре планировалось занять помещение обозной, конюшни, каланчи и арестантской, в июле 1903 года — помещение пристава, городских и пожарных.

Местный подрядчик Илья Кошкин письменно заявил городской управе о желании взять на себя подряд на строительство дома для 1-й части за 40 000 руб. Управа согласилась со всеми условиями нанимателя. Из чертежа стало видно, что длина здания по Большой Казанской составила 7,66 сажени (16,31 м), а «по переулку (около дома Поносова) 25 сажень (53,05 м)», причем каланча должна быть размещена около ворот. К тому же сохранялся существующий деревянный дом,

в котором размещались полицейские чины, что позволяло избежать расходов по найму квартиры для 1-й части.

Однако, признавая это достаточно удобным и выгодным, комиссия по строительству перешла к рассмотрению другого проекта: городской архитектор предложил, не останавливаясь перед дополнительными затратами в 1200–1500 руб. на наем квартиры, выстроить здание таким образом, чтобы главный фасад длиной в 13–15 саженей выходил на Большую Казанскую улицу, а каланча находилась бы посередине здания над парадным входом.

Уфимская городская дума поручила управе представить откорректированный проект и смету на сооружение здания на рассмотрение и утверждение думы. По составленной городским архитектором смете общая стоимость здания и хозяйственных служб исчислена была в 42 500 руб. Сразу несколько местных подряд-

У здания бывшей 1-й части. 1931 г.

чиков подали заявления о своем желании выстроить этот дом. Дума постановила: смету на постройку здания для 1-й полицейской части передать на рассмотрение строительной комиссии.

На торгах, состоявшихся 25 октября 1902 года, наименьшую сумму — 37 450 руб. — испросил Федоров. После прослушивания доклада некоторые из гласных Уфимской городской думы внесли заявление о том, чтобы предложить подрядчику Ларионову, не согласится ли он выстроить вышеописанное здание за назначенную Федоровым сумму.

М.С. Ларионов, занимающийся производством строительных работ, заявил, что он может выстроить дом 1-й полицейской части за 37 тысяч руб. Но дума постановила не утверждать торгов, произведенных 25 октября, а поручить управе устроить между подрядчиками, изъявившими желание взять подряд на выполнение строительных работ, «соревнование» с тем, чтобы лицо, за которым останется этот подряд, в обеспечение исправного выполнения его, внесло соответствующий залог.

Для выполнения вышеописанного постановления управой 11 ноября 1902 года назначалось соревнование на отдачу подряда, но оно не состоялось из-за неявки желающих принять в нем участия, кроме М.Г. Федорова, который изъявил желание выполнить постройку за 36 500 руб. Поэтому дума и определила вести работы по 1-й полицейской части Федорову.

7 июня 1903 года строительная комиссия обсуждала вопрос о расширении помещения для пожарного обоза при вновь строящейся 1-й полицейской части и

постановила убрать «два боковых столба из 3 существующих, оставить один средний и перекрыть пролеты двутавровыми балками». Уфимская городская дума поручила управе совместно со строительной комиссией переделать также и 4 выездные двери из обозной, сделав вместо них три двери, увеличив их ширину для удобства проезда.

Сейчас в доме № 69 по улице Октябрьской революции располагается ГИБДД Уфимского района.

2-Я ПОЖАРНО-ПОЛИЦЕЙСКАЯ ЧАСТЬ

2-я пожарно-полицейская часть располагалась на улице Александровской (Карла Маркса).

С начала весны 1869 года планировалось начать строительство нового здания Уфимского городского полицейского управления, необходимо было сломать ветхие строения, находящиеся на главном дворе и «занимаемые брандмейстером полицейской команды, низшими членами оной и равно лошадьми и пожарными». Губернское правление поручило одному из своих техников составить смету на приспособление дома 2-й части для размещения в нем пожарной команды, лошадей и инструментов пожарного обоза с тем, чтобы сумма на это не превышала 300 руб. 15 сентября 1869 года члены Уфимской городской думы получили акт свидетельства о том, что гласный думы Глазырин хозяйственным образом выполнил все эти работы «прочно, хорошо и из материалов надлежащего качества и доброты».

30 июля 1897 года городская управа направила в губернское правление проект на постройку нового каменного здания для 2-й полицейской части. Строительное отделение Уфимского губернского правления 2 августа 1897 года представило чертеж дома на утверждение губернатора. Но и после этого в проект внесли поправки: лестницы должны были строиться в три марша, а между этим зданием и строящейся электрической станцией Н.В. Коншина был возведен брандмауэр.

Строительство 2-й полицейской части вел подрядчик Федоров, в марте 1900 года ему были уплачены деньги за выполнение дополнительных работ — 116 руб. 72 коп. Освидетельствование построенного здания проводил городской архитектор П.Г. Ланевский.

В 1960-е годы над зданием был надстроен третий этаж, а совсем недавно четвертый и пятый.

*У здания бывшей 2-й
пожарно-полицейской
части*

О ЗДАНИИ 3-Й ПОЖАРНОЙ ЧАСТИ УФЫ

11 июня 1904 года Уфимская городская дума рассматривала вопрос об отводе места под постройку депо городского пожарного общества в Северной слободе близ Солдатского озера, около открытого в 1903 году парка Общества народной трезвости (детский парк имени Ивана Якутова). Дума постановила отвести участок городской земли по Центральной (Ленина) улице размером 30 саженей (63,9 м) и вглубь 60 саженей «на все время существования общества без всякой с его стороны в пользу города платы».

После пожара лесопильного завода М.А. Лаптева в июне 1904 года лесопромышленник Степан Манаев, пристань которого отстояли дружинники-пожарные, в знак благодарности подарил им одноэтажный деревянный дом для устройства пожарного депо 3-й части. По ходатайству правления пожарного общества о бесплатном отпуске для этого здания лесоматериалов, оставшихся после разборки дома 1-й полицейской части, а также местного камня на фундамент под депо и на мостовые в помещении конюшен дума разрешила бесплатный отпуск материалов и предоставила обществу право выработать камень, но за собственный счет.

Заседание думы от 26 октября 1904 года отметило, что после постройки пожарного депо в Северной слободе и проведения водопровода опасность пожаров в этом районе значительно уменьшилась.

В 1907 году для этой пожарной части построили 2-этажное кирпичное здание депо с пристроенной к нему каланчой на 15 сажен (32 м).

Из воспоминаний Вячеслава Гончарука, ветерана пожарной части: «На каланчу была проведена газовая труба, по которой с постовым велись служебные переговоры. Заметив дым от пожара, постовой дергал проволоку, проведенную с каланчи в дежурное помещение. Конец ее был привязан к звонку, прикрепленному на стене к пружине. По этому тревожному сигналу запрягали пожарный обоз. После выезда обоза на штанге-вертлюге вывешивался специальный шар. Один — если пожар имел малые размеры. Два-три шара — в том случае, если пожар был больше. Видя это, постовые других частей вызывали свои обозы. Поговаривают, что лошади в обозе были так натренированы, что при ложном пожаре они, не останавливаясь, обегали три круга вокруг части — только для того, чтобы выдохнуться.

На первом этаже части размещалось помещение с большими воротами на один выезд (конский экипаж с пожарными) и цейхгауз (склад для хранения обмундирования и снаряжения), на втором — служебные комнаты и залы для проведения разных мероприятий. С правой стороны было пристроено капитальное крытое железом одноэтажное бревенчатое здание на кирпичном фундаменте на три выезда. Оно предназначалось для четырех пожарных ходов (пожарных телег, экипажей) и восьми лошадей.

Наверху (антресолью) размещались квартиры, где проживали восемь служителей. Штат части состоял из 8 человек служителей, транспорт — из 8 лошадей, 4 конных пожарных ходов, 1 линейки (т. е. открытого экипажа для перевозки людей), трубобочечного, бочечного хода и фургона. В пожарное оборудование входили насос (труба), две бочки (по 500 литров), багорный ход, 50 саженей пеньковых рукавов, фонари, 4 багра, 6 топоров, 2 лома, специальные крышевые кошки».

Организованная в Уфе в 1878 году добровольная пожарная дружина, называлась Вольным пожарным обществом, в тот год городская управа передала 12 за-

*Бывшая
3-я пожарная часть.
Фото 1920-х гг.*

пасных повозок с бочками, пожарную машину (т. е. насос), гидропульты и другое оборудование. Телеги с деревянными осями, трехпудовые багры, ручные насосы, топоры — вот и вся техника того времени.

С момента начала работы городского водопровода (в 1899 году) в Уфе было устроено 125 смотровых колодцев с приспособлениями для гидрантов. Трудом многих частных лиц добровольная дружина была реорганизована: проводились регулярные сборы с обучением, в здании 3-й части был устроен клуб пожарного общества. С 1907 по 1915 год он использовался как кинотеатр «Муравей». Доходы от показов фильмов шли на содержание служащих общества и пожарного обоза. В 1915 году кинотеатр закрыли, так как в здании стали содержать военнопленных. Кроме непосредственного дежурства, дружинники вольно-пожарного общества занимались просветительской деятельностью: по инициативе уфимского полицмейстера Г.Г. Бухартовского был создан духовой оркестр, в состав которого входили пожарные, выступавшие на различных мероприятиях. Члены общества принимали участие в благоустройстве Народного парка (парк И. Якутова), зимой силами пожарных заливался каток в Ушаковском (имени Матросова) парке.

ДОПОЛНЕНИЕ К ВЫШЕСКАЗАННОМУ

Пожары 1903 года на заводе Гутмана (в ста метрах от пожарной части) и губернской больнице разрослись до больших размеров из-за отсутствия достаточного количества воды. Уфимский губернатор сообщил городскому голове, что «для такого большого города, как Уфа, и столь слабо развитым водопроводом иметь всего 12 городских пожарных бочек, причем на пожары выезжает всего лишь 10, более чем беспечно». Городская управа решила вопрос об увеличении пожарного обоза передать на рассмотрение специальной комиссии, зная, что это предложение связано с увеличением общегородских расходов. Управа сообщила также, что «в городском пожарном обозе имеется 12 бочек постоянных и 3 запасных, 41 лошадь штатная и 6 запасных, пожарных служителей — 50 человек, кроме того — 24 бочки Уфимского вольного пожарного общества».

18 апреля 1918 года в Советской России был издан декрет об организации государственных мер для борьбы с огнем и учрежден Пожарный совет при Комиссариате по делам страхования. 18 декабря 1918 года этот совет был реорганизован в Пожарно-страховой отдел при ВСНХ, и, наконец, 12 июля 1920 года заведывание пожарным делом было передано в НКВД. Однако обозы пожарных команд были частью растащены населением, а частью разрушены. Добровольное пожарное общество в таких условиях работу прекратило. Лишь через несколько лет путем значительных усилий удалось восстановить, а затем и улучшить противопожарную охрану города.

14 декабря 1924 года газета «Власть труда» сообщила об организации в здании главной пожарной части на углу Телеграфной и Октябрьской революции музея «с наглядными пособиями для пожарного тушения». С весны 1925 года началось оборудование двух первых в Уфе пожарных автомобилей. Они заменили собой сразу четыре выезда и сыграли огромную роль в борьбе с пожарами. К 1929 году в городе имелось шесть пожарных машин, для подъема на крышу и верхние этажи была приобретена механическая лестница.

Для руководства пожарной охраной при Башкирском НКВД организовали Управление пожарной охраны, а для объединения вновь образованных добровольных пожарных дружин 1 октября 1928 года было создано Всебашкирское добровольное пожарное общество.

Все пожарные каланчи, служившие для наблюдения за обстановкой в городе, кроме одной (на Карла Маркса), сохранились.

ПОЖАР КАК СПОСОБ ОБНОВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА

*Вера
Макарова*

Как часто приходит в голову эта мысль, когда наблюдаешь обгоревшее строение старых уфимских домов, еще вчера вполне бодро, хотя и одиноко, смотревших на мир своими окнами-глазницами.

Едва ли жители нашего города удивляются, почему в городе, который имеет столь приличный возраст, так мало осталось исторической застройки. Одной из причин, несомненно, стали пожары. Защищенные от огня только иконами Неопалимой Купины, Уфа и уездные города часто горели. Известны годы, когда Уфа выгорала почти дотла. Основной причиной пожаров была неосмотрительность самих жителей. Вспыхивали они и из-за дурного устройства печей и труб, скученности домов, беспорядочного их размещения, наличия в дворовых постройках бань, кузниц; от молний. Нередки были и поджоги.

В 1759 году сгорел Уфимский кремль и 210 домов. Выгорели две башни, провинциальная канцелярия с архивом, воеводский дом, торговые лавки, внутренность каменного собора, Христорождественский женский монастырь, деревянная Троицкая церковь.

Пожар 12 мая 1816 года истребил значительную часть Уфы. Он начался в 8 часов утра на Казанской улице (Октябрьской революции). Загорелась баня в доме купчих Иконниковых; усилившись под действием ветра, пожар истребил 248 домов, гостиный двор, дом уездных присутственных мест, старинный дом вице-губернатора, мост через реку Белую; деревянную церковь Рождества Христова, оставшуюся от бывшего Христорождественского монастыря. Смоленский собор был сильно поврежден от сильного жара: в обеих церквях растопились колокола. Ирина Ивановна Бекетова, помещица, владелица многих горных заводов, после случившегося на свои средства выстроила для бедных погорельцев слободку, которая в честь благотельницы стала называться Бекетовской (до недавнего времени Социалистическая, ныне улица Мустая Карима).

Пожалуй, самый невероятный пожар произошел в 1821 году. Город «сжег» сам гражданский губернатор Матвей Андреевич Наврозов. Должно быть, не без совета с врачами приказа общественного призрения. Действительный статский советник решил одним ударом покончить с посетившим город в 1821 году «скотским поветрием». Привлекая полицию, он распорядился утром 1 июня, в один и тот же день и час, провести весь крупный рогатый скот через дым специально для этого зажженных навозных куч. Слежавшийся и высохший под жарким солнцем, навоз вспыхнул, как спичка. К 11 часам, когда огонь занялся, налетел ветер. Прежде всего загорелись недавно выстроенные деревянные присутственные места, потом пламя распространилось в разные стороны. Сгорела половина города — 331 дом. В числе строений винные, соляные и провиантские магазины, присутственные места, церкви Спаса и Благовещения Богородицы на Казанской улице. Многие жители были лишены имущества и вынуждены были некоторое время жить за городом, под открытым небом, а другие — в близлежащих деревнях.

Хроника умалчивает, продолжался ли после «окуривания» падеж скота, но доподлинно известно, что горький опыт не стал уроком потомкам. В «Оренбургских губернских ведомостях» и «Уфимских губернских ведомостях» за 1865–1866 годы встречаются упоминания о лечении скота от чумной заразы «в Уфе и всюду в крае... дымом от зажженных навозных куч».

После пожара 1816 года на перестройку города ассигновано 200 000 рублей, которые велено было изыскать в течение 10 лет по 10% в год. В 1820 году высочайше, от самого императора, было пожаловано 10 тысяч рублей. Прибывший в 1824 году Александр I был поражен масштабами нанесенного ущерба. Вероятно,

именно этим можно объяснить монаршию милость следующего императора, по которой с лиц, вовремя построивших дома после пожара, слагалась половинная часть выданной на строительство суммы кредита.

В 1825 году для устройства пожарной команды установили городские сборы, в 1828 году их увеличили и довели до 0,5% с оценочного рубля.

В 1870–1880 годах жилой фонд Уфы на 66% состоял из деревянных домов, 285 — деревянных на полукаменном фундаменте, около 2% составляли полукаменные постройки и лишь 4% — каменные. В 1875 году в городе насчитывалось 1453 двора с полными службами, только с каретниками, конюшней, погребом — 825, без полных служб — 964, с баней — 1007. Всего 1789.

К 80-м годам плотность застройки была высокой. На 100 дворов приходилось до 320 построек. По переписи 1886 года, 735 домовладений в городе имели на-дворные постройки и службы, 31 — сады, 48 — бани, в 42% колодцы. Жилых домов числилось: деревянных 2306 (93%), каменных, полукаменных или смешанных 166 (7%). При этом, как писал современник, «город представлял собой группы домов, отделенных друг от друга довольно просторными дворами, сплошь строений тут нет». Это хорошо заметно и на панорамных снимках Прокудина-Горского начала XX века.

От застройщиков требовалось сохранять определенное расстояние между постройками, возводить брандмауэры (противопожарные стены), не строить вблизи жилых домов кузницы и промышленные заведения. Основная роль в борьбе с пожарами принадлежала пожарной команде. Для слежения за пожарами были выстроены пожарные вышки. Две из них находились на улице Большая Казанская — рядом с Троицкой церковью и на углу с Телеграфной, на Большой Усольской (Сочинской) — у здания общественной библиотеки, на улице Александровской (К. Маркса), по улице Центральной (Ленина) — возле Солдатского озера, что рядом с кирхой. На этих каланчах пожарные исполняли 2-часовое дежурство. Большую роль имело наличие запасов воды. Использовались все источники, создавались запасы в виде емкостей для хранения воды и небольших озер.

В 1877 году в городе организовано было вольное пожарное общество. Городская управа передала ему 12 запасных ходов с бочками для доставки на пожар воды, пожарную машину, гидропульты и другие принадлежности. Оснащенные нехитрым пожарным оборудованием, немногочисленные уфимские пожарные героически сражались с огнем, часто рискуя своей жизнью. Многие добровольцы помогали тушить пожары. Граждан приглашали за вознаграждение доставлять на пожары воду на своих или казенных лошадях. Почетным было членство в вольном пожарном обществе. В его состав входили уважаемые люди города. Пожары случались и позже (в 1879 году сгорело 55 домов), но уже не столь сокрушительные.

Николай
Исаев

КУПЕЧЕСКАЯ СВАДЬБА

Из воспоминаний Л.И. Остаховой

В старину жили деда веселей своих внучат...

Из оперы А.Н. Верстовского «Аскольдова могила»

Мамина приятельница, Любовь Иосифовна Остахова, проработавшая всю жизнь учительницей начальных классов, родилась и выросла в Благовещенском заводе Уфимской губернии, где и окончила учительскую семинарию. Ее отец был, как бы сейчас сказали, местным предпринимателем: изготавливал какие-то не-сложные сельскохозяйственные машины типа веялок, которые затем на неболь-

*Дом Платоновых
на углу Телеграфной
и Успенской.
Фото 1900-х гг.*

шом парходике, называвшемся «Потеха», по реке Белой привозились в Уфу на продажу. К слову сказать, парходик этот во время своего последнего возвращения из Уфы в Благовозвод в 1919 году возле Красного Яра был атакован и реквизи- рован чапаевцами, после чего участвовал в переправе красных через Белую. Но это уже другая история.

Итак, вскоре после революции Любовь Иосифовна оказалась в Уфе и практически всю жизнь после переезда прожила на одном месте — в коммунальной квартире по улице Цюрупы. Окрашенный в желтый цвет, дом этот под № 51 стоял третьим от улицы Чернышевского в сторону Центрального рынка. Коммунальные квартиры в нем были не всегда: в те времена, когда улица еще называлась Телеграфной, относительно большое одноэтажное здание с высоко расположенными окнами принадлежало одному хозяину — владельцу кирпичного заводика на левом берегу реки Сутолоки Михаилу Григорьевичу Федорову.

Хотя сама коммунальная квартирка, где поселилась молодая учительница, была очень скромной — всего две небольшие комнатки, каждая с окном на улицу, но общее представление о самом доме по ней получить было можно. Пол был паркетный, из довольно широких досчек. Запомнились очень высокие с лепными украшениями потолки, опять же высокая двухстворчатая художественной работы дверь из одной комнаты в другую — с фигурными филенками и декоративными накладками. Кроме того что дверь имела старинные бронзовые ручки, обращала на себя внимание интересная деталь: обе дверные створки были навешены на латунные шарниры. Последние, в свою очередь, дополнительно были закрыты латунными же пластинами на незаметных потайных винтиках — так, чтобы не было видно самих шурупов, крепящих шарниры к косякам двери.

Так как сама коммунальная квартира располагалась с торца здания (с северной его стороны), то в угловой комнате, имевшей дополнительно два окна во двор, как раз находился кабинет бывшего хозяина дома М.Г. Федорова. Позднее одно из этих окон было переделано во входную дверь: пристроен небольшой тамбур (он же чулан) плюс крылечко — вот и получился отдельный вход в квартиру.

Несмотря на то что, как мы видим, сама учительница жила в довольно скромных условиях, она вспоминала, что сразу после революции проблем с квартирами в Уфе не было — пустых брошенных квартир и домов было много. Это объясняется тем, что многие состоятельные жители уехали или, точнее сказать, срочно

эвакуировались вместе с отступавшей армией адмирала Колчака, оставив все свое имущество на присмотр жившей в этих домах вместе с ними прислуге — горничным, кухаркам, нянечкам... К слову сказать, в большинстве своем кухарки не кинулись, вопреки установке вождя мирового пролетариата Ленина, «грабить награбленное», а, наоборот, стремились спрятать и сохранить наиболее ценное, что им доверили, — статуэтки, хрусталь, столовое серебро и прочие в общем-то не ахти какие капиталы.

Сейчас смутно вспоминаются детали почти детективной истории, когда некая женщина из числа прислуги, сама многим рискуя, ночью переносила на коромысле в какое-то другое, видимо, более надежное место на дне ведер столовое серебро, прикрытое сверху то ли щепками для растопки печи, то ли рваным тряпьем. Спасая хозяйское добро от обысков и реквизиций, она все еще верила, что хозяева рано или поздно приедут домой.

Рассчитывали ли сами бывшие домовладельцы вернуться? Вряд ли. Тот, кто не погиб в дороге от пули, тифа, голода и других обстоятельств, видел и понимал, что выпущенный из бутылки джинн в виде не на шутку разбушевавшегося так называемого пролетариата, являвшегося по задумке теоретиков-марксистов «могильщиком буржуазии», воспринял эту свою роль буквально. А слова из революционного гимна — все разрушим «до основания» — были поняты им дословно.

Итак, сразу после революции хороших квартир и домов освободилось много. Но так как владеть единолично квартирой из 4-х, 5-ти комнат, а тем более отдельным одно- или двухэтажным домом новая власть позволить никому не могла, то начался дележ жилплощади на отдельные кусочки и закуточки, что мы только что и видели. Более того, так как новое жилищное строительство в течение первых двух десятилетий практически не велось, а население города стало быстро расти — индустриализация, с одной стороны, и раскулачивание — с другой, резко стимулировали этот процесс, — то и доставшегося от буржуев «халявного» жилья, даже поделенного на мелкие части, все равно вскоре хватать не стало. Поэтому под жилье приспособляли крепкие надворные постройки — каретники, кирпичные складские помещения, бани, конюшни и т. п.: прорубались окна и двери, ставились печи, делался ремонт. Затем, когда и этот резерв закончился, начали появляться бараки, общежития, землянки. По-настоящему же массовое жилищное строительство началось только в 1950-е годы.

Но это было только лишь вступление. Итак, возвратимся в то время, когда весь дом принадлежал одному хозяину, который этот дом для себя и своей семьи и строил, а именно в дореволюционную Уфу. У Михаила Григорьевича Федорова была взрослая дочь — невеста, а совсем недалеко на этой же улице, в то время Телеграфной, на пересечении ее с Успенской (ныне Коммунистической), у купца Родиона Петровича Платонова был сын. Каким-то образом молодые люди познакомились, понравились друг другу (возможно, и сваты помогли — в то время это было делом обычным), и решили родители молодых сыграть свадьбу. Да не простую, а такую, чтобы всех удивить. Как известно, купечество в то время на всякие штучки и выкрутасы было весьма гораздо.

Так вот, видимо, думали-думали отцы невесты и жениха, что бы такое учудить. И надумали-таки! Любовь Иосифовна, передавая описываемое событие со слов очевидцев, рассказывала: так как дочь М.Г. Федорова была не из бедной семьи, то и приданое у нее было соответствующее — на одну телегу не поместится, на две — тоже. Да и сама задумка требовала, чтобы телег с приданым было побольше. Для чего же? А вот для чего: подводы было решено отправлять не все вместе, подряд, а выпускать их из ворот дома Федорова постепенно, с интервалами. Был, видно, во всей этой истории и свой режиссер, непосредственно руководивший

самой свадебной церемонией или, точнее, представлением для публики. Выпустит он одну телегу из ворот и ждет, когда та отъедет на десяток-другой метров от дома, затем дает команду выпускать вторую, после чего, через такой же интервал, — третью и так далее.

Сейчас можно только догадываться, что везли на этих подводах — возможно, на одной из них был сундук с нарядами и шляпками, на другой — перины и подушки, на третьей — буфет для посуды, на четвертой — сама посуда: самовар, столовый и чайный сервизы, чугуны, сковородки и т. п. Главным было другое. Так как оба дома — жениха и невесты — располагались на одной улице в пределах видимости, то в результате правильно спланированной акции получился задуманный эффект: когда последняя подвода с приданым невесты еще только выезжала из ворот отчего дома, первая подвода как раз въезжала в ворота дома жениха.

Следующая история, связанная с этой же свадьбой, относится уже непосредственно к самому таинству венчания: в те времена, о которых у нас речь, о гражданском браке понятия не имели, признавали только одну форму брака — венчание в церкви. (Вернее все же будет сказать, что понятие о гражданском браке люди имели давно, еще со времен ветхозаветного Ноя, а также отличившихся в этом плане небезызвестных городов Содомы и Гоморры, но вот только назывался такой «брак» своим настоящим именем, а именно развратом и блудом.)

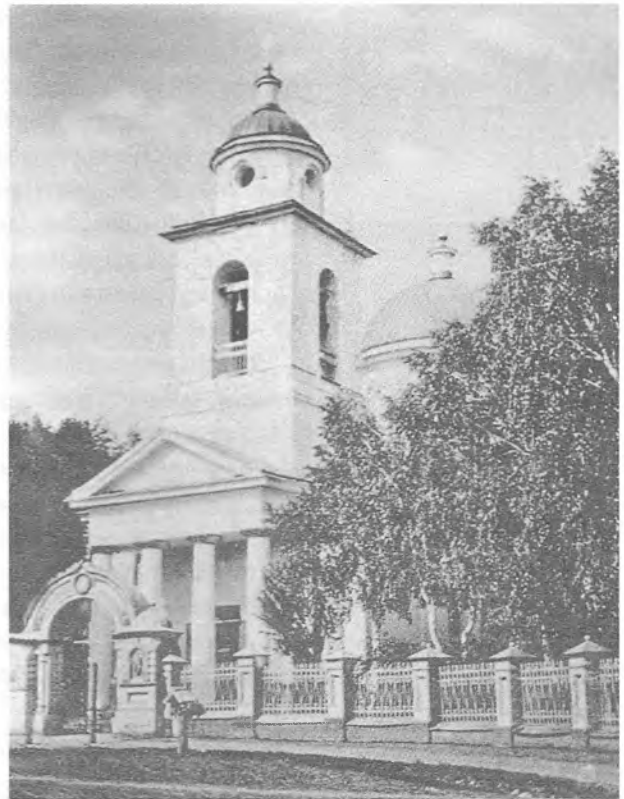
Итак, обывателям и здесь был приготовлен сюрприз. Само венчание происходило в расположенной неподалеку Успенской церкви. И вот когда молодые вышли из дома отца жениха и направились в сторону церкви, то специально для них было расстелено несколько рулонов ткани, которой не пожалела для такого случая широкая натура купца. Так что весь путь от дома до церкви, а это около двухсот метров, жених и невеста проделали по своеобразной ковровой дорожке.

Минуло с той поры более ста лет. Много событий за это время произошло в нашей стране — революции, войны, перестройки... Социализмы, коммунизмы, капитализмы...

Давно уже нет в живых участников и очевидцев этого события, Успенская церковь уничтожена в 30-х годах прошлого века, снесены и Федоровские дома на Цюрупы, а история эта, передаваясь из поколения в поколение, как видим, дожила и до наших дней. Значит, умели купцы в прежнее время пустить пыль в глаза, удивить народ и сделать из рядового в общем-то события что-то наподобие спектакля, да еще в двух отделениях. Спектакля, показанного не на театральной сцене, а на городских улицах дореволюционной Уфы.

...Основанный М.Г. Федоровым кирпичный завод, расположенный в районе нынешней улицы Бакалинской, работал до последнего времени. И остановка транспорта до недавнего времени так и называлась — «Кирзавод». Вот только владельцы этого завода были не наследники прежних хозяев, а совсем другие.

Великолепный дом Федорова по улице Цюрупы, 51 был снесен в 2002 году, в доме, построенном на его месте, проживает совсем другая элита. Дому Платонова повезло больше — он продолжает украшать наш город. Однако совсем без по-

Успенская церковь.
Фото 1900-х гг.

теперь не обошлось и здесь: примерно в то же время, когда ломали дом Федорова, здесь были снесены добротные кирпичные склады во дворе, где купец Платонов хранил свой товар. Дом для элиты появился и здесь.

Что же касается приданого невесты, которое везли на нескольких подводах, то о достойном его размещении Платонов в свое время побеспокоился: вскоре после свадьбы Родион Петрович возвел вплотную к своему дому, вверх по улице Телеграфной (Цюрупы), дополнительный пристрой для новой семьи. Пристрой этот в два этажа, как и сам дом, хоть и выполнен в том же «кирпичном стиле», но все равно хорошо заметен — его окна, в количестве пяти штук на каждом этаже, оказались смещены вверх относительно основного здания.

P.S. В свое время внук выдающегося уфимского купца Александр Вольмут передал историку и краеведу П.В. Егорову копию фотографии, на которой изображены жених и невеста, о коих шла речь в воспоминаниях. От него же удалось узнать их имена — Николай и Елена.

А о той давней свадьбе, говорит Павел Егоров, напоминает еще и флюгер на доме Платонова — на нем указан год, когда под одобрительные возгласы жителей Уфы по Телеграфной шли подводы с приданным, — 1908-й. (Выписка из метрической книги Успенской церкви за 1906 год: «Бракосочетание. 8 ноября. Уфимский купеческий сын Николай Иродионов Платонов, 25 лет... и уфимская купеческая дочь девица Елена Михайловна Федорова, 20 лет.)

*Вера
Макарова*

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ ИЗ ЖИЗНИ УФИМЦЕВ

Сознательно или бессознательно, мы обращаем внимание на различные знаки и обстоятельства, которые могут предшествовать событиям, повлиять на них или предупредить. К примеру, многие народы и цивилизации всерьез относились к пророчествам и предсказаниям, в частности, к таким природным явлениям, как лунные и солнечные затмения, падение небесных тел и т. п. Представьте, что во время дождя с неба в ваш огород падают лягушки или осколки металла величинной с маленькую денежку, помеченные крестом. Поневоле задумаешься.

У многих народов рождению в стаде теленка или жеребенка белой окраски придавалось особое значение. Русские в Сибири называли «князьками» животных, отмеченных необычной мастью и размерами. Считалось, что они обладают магической силой и приносят счастье. Издавна судьбоносно воспринималось явление икон, почитавшихся как чудотворные.

А что может знать про знаки современный человек? Ну про понедельник помним, особенно если в этот день проходит оперативка. Кого-то, возможно, остановит переходящая дорогу черная кошка. Не предвещает хорошего дня возвращение с пути домой, особенно если вы забыли выключить электроплиту. Говорят, что, уходя, надо заглянуть в зеркало и продолжить путь.

Мы не ставили перед собой задачу разбираться в знаках или суевериях, а вот рассказать о некоторых событиях в истории Уфы хотелось бы. Одно из них случилось в 1771 году. В марте месяце в сводах Троицкого собора стал слышаться дивный звон. Вот что пишут об этом летописцы храма: «Начинался он от холодного собора и, проходя по своду, к приделу Николая Чудотворца оканчивался, а потом оттуда снова возвращался. Чем ближе к свету, тем чаще и громче возобновлялся звон». Свидетелями данного явления стали жители всего города во главе с воеводой. Об этом чудном звоне соборный протоиерей докладывал своему начальству. Прибывшие для исследования явления инженеры предположили, что звук происходит от слабо закрепленного креста. Укрепили, но звон не прекратился.

Народ воспринял это как дурной знак. На беду еще от старости колокольня той церкви пошатнулась, и в 1772 году ее пришлось разобрать. Вскоре не замедлили появиться вести о вновь объявившемся императоре Петре III и о народных волнениях в крае.

Внимательное к чудным знамениям население Уфы стало замечать, что флюгер в виде фигурки ангела на монастырской церкви по Усольской дороге независимо от направления ветра обращен лицом к реке Белой. Очень скоро там разместился второй по величине лагерь повстанцев, штаб которых находился в деревне Чесноковке. Армия повстанцев составила 12 тысяч человек при 26 пушках. У 1,5 тысячи оборонявшихся преимущество было только в пушках и географическом положении. Четыре месяца город был в блокаде. Спасла город если не «высшая воля», то хорошо организованная воеводой А.П. Борисовым и военным комендантом С.С. Мясоедовым оборона. Уфимцы отбили несколько приступов со стороны оренбургской и сибирской дорог. Осаду сняли в марте 1774 года. Чесноковский лагерь был разгромлен, предводители казнены, а самоотверженным защитникам города императрица Екатерина II подарила ларец, который и сегодня можно увидеть в Национальном музее.

Вторая история случилась также в незапамятные времена. Одни пишут, что эта история случилась вскоре после бунта, другие, что перед большим пожаром. Только однажды во время крестного хода с чудотворной иконой Спаса Нерукотворного по Большой Казанской улице шествие остановилось возле деревянной церкви Благовещения. И люди не могли при всех прилагаемых усилиях двинуться вперед, пока не дано было обещание построить храм на месте чудесной остановки иконы. Пожар 1821 года уничтожил здесь все деревянные церковные постройки, а каменная церковь во имя Спаса Нерукотворного была заложена только в 1824 году. Строилась она по образцу Казанского собора в Санкт-Петербурге и действительно напоминала воронихинский шедевр, только в миниатюре. Она имела центрально расположенную купольную часть, 36 колонн и две замыкающие полукруглую колоннаду колокольни. Для того чтобы эта красота здесь стояла, алтарную часть, вопреки канону, развернули на север.

Строилась она 20 лет на пожертвования прихожан. Хочется отметить, что без старания священника Иоанна Георгиевича Несмелова, священника Аманацкого, участия губернского прокурора Г. Горбовского, купчихи Ирины Ивановны Бекетовой завершения инициативы по строительству храма не предвиделось. В устройстве церкви усердно участвовали в течение девяти лет бывший старостой купец Любимов, многие прихожане и просто уфимские жители. Среди лиц, сделавших пожертвования во время ремонта уже в 1898 году, упоминаются известные меценаты-храмоздатели: Ф.Г. Чижов, Г.А. Деев, В.И. Видинеев, Н.К. Блохин, А.А. Скрипов. В 1903 году по завещанию почетного гражданина Уфы Ф.Е. Чижова, известного своей благотворительной деятельностью, были обновлены приделы в честь святителя Николая и Рождества Христова.

Многих помнит этот храм. Семь колоколов, отлитых в Вятской губернии братьями Бакулевыми, возвещали об утренней и вечерней службе. Некоторые иконы были написаны иконописцами Троице-Сергиевой лавры под руководством художника Малышевского. Между прочим, здесь крестили Михаила Васильевича Нестерова. С 1862 года при храме работала школа для детей.

Размышляя на тему, подумалось об особой избранности нашего города. Хочется верить, что каждый чувствует свою приобщенность к нему не только через созидание нового, но и сохранение мощной культурно-исторической ценности города, и надеяться, что мы не потеряем способность понимать изменчивую глубину мира, замечать знаки и видеть знамения.

Анатолий
Чечуха

ГЛЯДЯ НА СТАРОЕ ФОТО

ЛЮДИ НА ВОДЕ: ФОТОРЕПОРТАЖ ИЗ ПРОШЛОГО ВЕКА

Ледоход... Как нам сейчас порой не хватает этой могучей картины наступившей весны. А ведь еще лет сорок назад все здесь, близ Оренбургской переправы, было как встарь: плыли льдины с сидящими на них воронами, дымила труба бывшей мельницы Петунина, стояли на берегу мальчишки. И по-стариковски печально смотрели на солнце окна почерневших от времени домов. А было домов много — целый город...

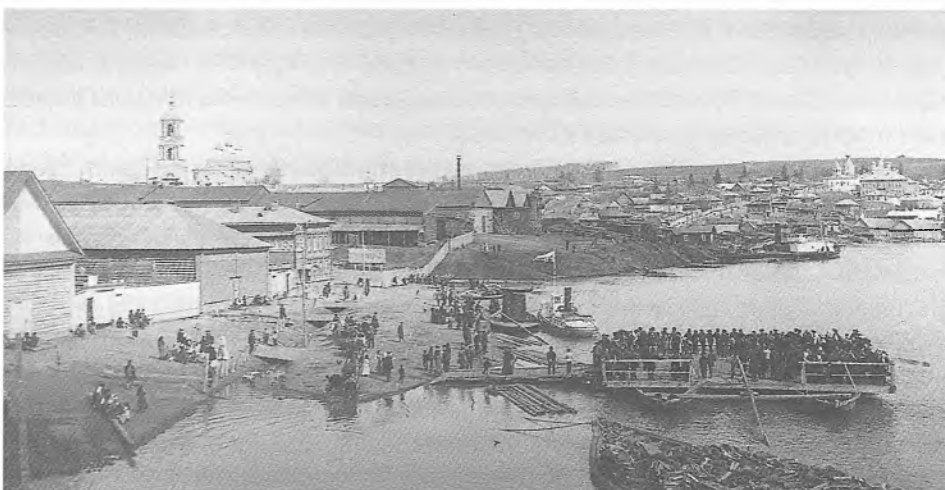
Волны времени смыли и трубу, и мельницу, и дома. Но мне все кажется, что и сейчас опустевший берег заполнен садами, заборами, повозками и людьми. Заполнен жизнью.

Загадочное свойство человека, называемое то тоской, то ностальгией, никогда не даст умереть в памяти тому, с чем многое было связано в прошлом. Апрельские костры на крутом и еще без бетонных плит берегу или вымощенная булыжником извилистая дорога к спасательной станции. Останутся в памяти и тучи голубей вокруг мелькомбината — «крупянки» и буквально исторгающий радость ресторан на воде «Поплавок». И уж совсем невозможно не помнить сладкого запаха воска на зимней Тукаевской улице. Запаха, исходившего от заводика, стоящего здесь еще с тех времен, когда стерлядь в Белой не была экзотикой, в Сутолоке текла просто вода, а дома на горе были молоды и красивы. И все у них было впереди.

Жаль, что жизнь устроена так, что ни на минуту, ни даже на секунду нельзя вернуться в прошлое — окунуться в тот воздух, ту воду. Ту жизнь. Жизнь, от которой в учебниках истории остались лишь манифесты, портреты царей и карты военных действий. А так хочется хотя бы прикоснуться к живым «кусочкам» ушедшей эпохи, ощутить себя жителем прежнего города, прежней страны. И удивительное чувство не покидает нас, когда смотрим на старые фотоснимки: знаем, что никого и ничего давно нет на свете, знаем, но не верим — вот же они, стоят, болтают о пустяках, мечтают о близком лете.

И это несоответствие логики и эмоций образует настоящий водоворот, в который нас незаметно затягивает. И мы погружаемся в глубину прошлого, скрытую в небольшом стеклянном фотонегативе, который прожил долгую и не очень простую жизнь. Какую, должно быть, прожили и люди, стоящие на берегу (или стоявшие когда-то, в начале прошлого века) в ожидании перевоза. Но все же... Все же они жили в то время, которое именовалось серебряным веком, время, которое

На Оренбургской
переправе. 1910-е гг.
Фото А. Зираха

и сейчас многие боготворят. Порадуемся же за этих людей. Порадуемся хотя бы потому, что они знали, что такое чистый воздух, пили чистую воду. И потому, что души их были **чисты** — они еще не были заражены нетерпимостью, ненавистью. Может, как раз потому, что все грязное и холодное уходило от них по весне, как уплывал в апреле в небытие грязный лед. Порадуемся же за этих людей, которых даже не могли знать. И вечная им память.

ШКАФ СМЕРТИ

В самом конце 1895 года в парижском кафе на бульваре Капуцинок братья Огюст и Луи Люмьер провели первые сеансы своего синемаатографа. Эта дата вошла в историю как день рождения кино. И никто сегодня уже не обращает внимания на то, что Люмьеры скорее первыми начали коммерческое использование творения многих изобретателей (в том числе и Томаса Эдисона), чем собственно создали техническое изобретение под названием «кино».

Вы обращали внимание на то, что почти на всех дореволюционных снимках Уфа — город малолюдный. И это вовсе не связано с длительной выдержкой при съемке. Нет, Уфа того времени была действительно небольшим (в начале XX века в ней жило 60 тыс. человек) и вполне патриархальным городом. Даже Центральная улица (нынешняя Ленина) была лишь двух- и трехэтажной. Конечно, гораздо меньше тогда было и праздных гуляк. Центрами жизни долгое время были городские парки. Зимой, в феврале, вся Уфа собиралась на ежегодной ярмарке на Верхне-Торговой площади у Гостиного двора, летом в деревянном летнем театре Видинеевского сада давали спектакли приезжие театральные труппы. Но в самом начале XX века появилось нечто такое, что могло собрать большую аудиторию и летом, и зимой, и даже весной — в Уфе открылся иллюзион, синемаатограф, или попросту кино. Изобретение братьев Люмьер обаяло абсолютно всех. Появились новые герои, новые идеалы. Темноглазые красавицы завораживали, элегантные кавалеры сражали наповал. Задолго до начала сеанса у электротeatра (кинотеатра) собирались люди. «Вы не видели последнюю фильму? Вы не ходили на «Пиковую даму» с Мозжухиным?!» Делились новостями, обсуждали все: последние роли Веры Холодной, песенки Александра Вертинского, события на фронтах Первой мировой. Просто болтали о том, что все катится куда-то в пропасть. А через несколько минут, на сеансе, смеялись и плакали над сущими пустяками.

* * *

4 мая 1896 года в летнем саду «Аквариум» на Каменноостровском проспекте Петербурга состоялся первый киносеанс в России: подборку фильмов Люмьеров — «Выход рабочих с завода», «Разрушение стены» и, конечно, «Прибытие поезда» — продемонстрировали публике в антракте музыкального спектакля. Спустя несколько дней первый киносеанс прошел в Москве. Летом того же года на Нижегородской ярмарке с кино познакомился М. Горький: «Вчера я был в царстве теней... Там звуков нет и нет красок. Там все... окрашено в серый однотонный свет... Это не жизнь, а тень жизни, и это не движение, а беззвучная тень движения». Тем не менее, писатель пророчески предрек этому изобретению, ввиду его «поражающей оригинальности... широкое распространение».

В начале 1904 года в газете «Уфимские губернские ведомости» вышло такое объявление: «По случаю отъезда за границу продается дешево Синемаатограф Люмьера и картины, а также все принадлежности для демонстрации. Предполагается для большой аудитории. Адрес: гостиница «Россия», № 20, у Брауна. Видеть можно ежедневно от 11 часов утра до 10 часов вечера только до 10 января».

На улице Центральной.
1910-е гг.
Фото А. Зираха

А осенью того же года газета сообщала: «3 октября в зале Дворянского собрания состоялся сеанс г. Кржеминского, демонстрирующего американский биоскоп, или кинематограф. За исключением очень немногих номеров картины биоскопа действительно подобраны весьма удачно и представляются положительно занимательными. Перед зрителями проходит ряд сцен из жизни народов различных концов земного шара. Немудрено, что места и вход на эти сеансы раскупаются публикой чуть ли не с боя».

Как видите, слово «кинематограф» в рекламе используется очень робко, в первые годы в России оно было известно только специалистам и встречалось лишь в научных статьях. А домохозяйки, приказчики, художники, студенты, гимназисты, да и рабочие с крестьянами ходили даже не в **синема**, а в **кинемо**. Вообще-то, греческие слова **кинемато** и **граф** («движение» и «пишу») впервые соединил еще 120 лет назад, в 1892 году, француз Були. Термин первоначально использовался для аппарата Эдисона, который назывался также **кинетоскоп** — от греческих слов «движение» и «наблюдаю»: на целлулоидной пленке длиной в 15,2 метра размещалось около 750 снимков. Изобретатель, в сущности, усовершенствовал известную тогда повсеместно, в том числе и в России, детскую игрушку, в которой картинки с разными стадиями движения крепились по кругу и при вращении быстро показывались в отверстии экрана. Другое название этого устройства — **зоотроп**, от греческих **зоо** и **троп** («жизнь» и «вращение»), или **зооскоп**.

Тем не менее ясно, что, несмотря на отсутствие устойчивого названия, кино уже вошло в жизнь провинциального города. Ну а самый первый киносеанс в Уфе состоялся, по всей видимости, в 1901 году — при отсутствии не только точного названия для кино (кроме перечисленных, использовались также слова *фантаскоп*, *стробоскоп*, *биоскоп* Люмьера, *биограф*, *электро-биограф*, *электро-театр* и, конечно, *иллюзион*), но также и уверенности в самой дате его изобретения, порой крайне тяжело найти точку отсчета. Судите сами:

1 ноября 1895 года в берлинском вальете «Винтергартен» демонстрировалась программа, которая была обозначена как «Биоскоп», ее автором был немец Макс Складановский. Более того, еще в 1889 году (за шесть лет до Люмьеров!) живший в Англии француз Луи де Пранс снял сценку на площади Лондона и решил свои «живые картинки» продемонстрировать в Америке. 16 декабря 1890 года он вроде бы сел на пароход. Больше его никто не видел...

Такой вот детектив.

Принципиальное отличие «синематографа» братьев Люмьер от кинетоскопа Эдисона состояло не только в большом количестве публики, но и в том, что они

использовали аппаратуру с прерывистым движением пленки — 16 кадров в секунду (с появлением звука — 24).

Как-то ясным апрельским днем мимо электротeatра «Фуроръ» (точнее, «Нового фурора») на улице Центральной проходил «ловец уходящей натуры» Аполлоний Зирах. И сделал снимок. Режиссеры Евгений Бауэр и Виталий Брянский в своем «Шкафу смерти», премьера которого состоялась 16 апреля 1914 года, рассказали печальную историю о том, как дочь акробата Зина (актриса Мария Горичева) спрятала в железном шкафу своего возлюбленного, а потом этот шкаф открыть не смогла, и возлюбленный погиб. Словом, как это и написано на аншлаге, — «захватывающая драма из современной жизни». Но самолично убедиться в этом мы не сможем, кинолента не сохранилась.

Кое-кто утверждает, что на снимке — кинотеатр на улице Бекетовской (будущий «Салават» на Социалистической), нисколько не обращая внимания на высокое здание слева. Спорить не буду, предлагаю просто выйти на улицу Ленина и встать перед входом на худграф педуниверситета...

«Фуроръ» вскоре назовут «Акмуллой», потом «Яналифом» и, наконец, «Октябрем». А в 1960-м просто снесут, чтобы построить для приезжих партийцев общежитие. Оно открылось полвека назад, но уже в качестве гостиницы «Агидель».

МАЙСКОЕ УТРО НАВСЕГДА

Старый-престарый снимок: знакомая улица и совсем неизвестные люди. Где-то далеко, в мае пятнадцатого года, промелькнули и навсегда остались на снимке их тени, а реальные персонажи из кадра вышли и исчезли в загадочной вечности. Но кто знает, может, и сейчас, где-нибудь в доме на тихой улочке, безвестная старушка, сидя в кресле-качалке, умиленно вспоминает о том нестерпимо нежном солнце весеннего утра, когда она, еще не до конца осознавшая восторга своей юности и красоты, шла, улыбаясь всем этим мальчишкам, возчикам и лошадям. И как все вокруг жило ожиданием счастья, ожиданием чуда...

Чуда не произошло, а счастье оказалось и вовсе эфемерной материей. В призрачном прошлом осталась молодость, родительский дом, подруги. И как напоминание о кажущемся ныне невозможном времени хранит она на полках старинного буфета какие-то бесполезные склянки и коробки, открытки и бумажки, случайно сохранившиеся или купленные по случаю. Как непостижимые для постороннего цитаты ее детства, клочки ее юности, которые одним своим видом

На улице
Александровской.
1910-е гг.
Фото А. Зираха

могут снять любую боль. Любую, кроме боли душевной. Давно простила она людей, которые отняли у нее радость, лишили ощущения счастья — ведь она знает, что у нее осталось то немыслимо давнее майское утро, принадлежащее только ей. Всю жизнь, во всех своих скитаниях по свету, она жила только им. И умрет она тоже вместе с ним.

И несказанная нежность наполняет ее при воспоминании о времени, когда был жив ее, самый лучший в мире, отец, развлекавший дочь забавными вещицами вроде подстаканника с надписью: «Съ днемъ ангела». И самая лучшая мама, любившая повторять: «Ненавидеть легко, тяжело любить».

И так пронзительно полыхнет чувство реальности давно минувшего дня, что старушка в качалке блаженно закроет глаза, и маленькая слезинка вдруг появится на ее щеке...

И невдомек ей, урожденной Шепелёвой или Гилёвой, что волшебное то утро, те флюиды далекой весны, не ушли в никуда, не сгнули в пучине времени, а навсегда остались на стекле негатива. И давно уже странным образом волнуют воображение людей иных — другого поколения, и чуть ли не другого мира.

ВЕСЕЛИТСЯ И ЛИКУЕТ ВСЬ НАРОД

Когда я впервые увидал паровоз, большого впечатления на меня он не произвел — всего лишь с небольшой автобус размером. Тем не менее, постановление ЦК КПСС, «отменившее» паровую тягу, отправило на пенсию и этот паровоз — из парка Якутова, так что вскоре на детской дороге появился более прогрессивный локомотив — тепловоз. Но к тому времени я уже познал вкус путешествия по настоящей железной дороге, проехав в вагоне электрички до Юматова. Чуть позже я достиг и станции Ключарево. Потом были Москва, Ленинград, Киев, Оренбург, Полтава, Свердловск, Тюмень и десятки других городов, с которыми Уфа связана рельсами.

Все когда-то в жизни происходит в первый раз. 125 лет назад, 8 сентября (20-го по новому стилю) 1888 года, министр путей сообщения адмирал Константин Посыет перерезал трехцветную ленточку перед мостом через Белую, и в Уфу прибыл первый поезд (за год до этого, правда, был еще и пробный). Но историю железной дороги в нашем городе можно отсчитывать и с 1868 года, когда отцы города и губернии обратились в правительство с просьбой о строительстве пути через Уфу. Или по крайней мере с 1878-го, когда уфимский городской голова Дмитрий Семенович Волков начал в далеком Петербурге, как бы сейчас выразились, акцию по продвижению идеи о железной дороге в Уфе.

В 1885-м решение о таком строительстве было принято, а уже через три года у новенького здания уфимского вокзала повторилась ситуация, известная всем по «Попутной песне» Михаила Глинки и Нестора Кукольника:

*Дым столбом — кипит, дымится
Пароход...
Пестрота, разгул, волнение,
Ожиданье, нетерпенье...
Православный веселится
Наш народ.
И быстрее, шибче воли
Поезд мчится в чистом поле.*

Впрочем, слово **пароход**, как нечто, движимое силой пара, к тому времени уже почти было вытеснено **паровозом**. А слова «православный веселится» советские редакторы заменили на «веселится и ликует».

*Открытие моста
через Белую
8 сентября 1888 г.*

Что же касается **чистого поля**, то строители дороги сказали бы по этому поводу много нелестных слов: сразу за Белой путь приходилось прокладывать, срезая гору. Впрочем, это были только цветочки, ведь строители пошли дальше, а на повороте к деревне Черниковке им пришлось убрать целый холм, вставший на пути. Но даже и это были сущие пустяки по сравнению с объемом взрывных работ, выполненных на самом сложном участке пути до Златоуста — на перегоне от деревни Яхья (Яхья нынешнего Салаватского района РБ) до станции Вязовая. Кстати, подробности этого хорошо изложены в дневниках и очерках инженера Николая Георгиевича Михайловского, известного в русской литературе под фамилией Гарин-Михайловский.

А еще этот участок Великого Сибирского пути (или Транссиба), окружающие его живописнейшие пейзажи, реки Юрюзань, Сим и Катава, а также жители уже упомянутой деревни Яхья получили фактически мировую известность благодаря ученому и подвижнику Сергею Михайловичу Прокудину-Горскому, сделавшему в 1909–1910 годах десятки цветных фотографий этих мест. Именно здесь родился знаменитый снимок путевого обходчика из Яхьи (у фотографа деревня именуется Ехья), выставленный Библиотекой Конгресса США в Интернете в числе самых первых.

А теперь обратимся к воспоминаниям одного жителя Уфы, касающимся конца 1940-х годов: «Летом я ездил к бабушке в Аксеново на пассажирском поезде, на крыше вагона: очень удобно, только из паровоза летит в глаза угольная пыль, и нельзя спать — можно свалиться. В Чишмах надо смотреть, чтобы не уехать в Ульяновском направлении. Узнать это было очень просто: на Куйбышев шли паровозы ФД — звали мы его Федор Данилович, а на Ульяновск — паровозы Лебедянского». Так что не до плацкарт и купе было мальчишкам тех лет. Добавлю к этим словам (моего отца, между прочим) только то, что паровозы серии «ФД» чаще звали просто Федей. А локомотив серии «Л», самый массовый грузовой паровоз нашей страны, именовался так в честь Льва Сергеевича Лебедянского — главного конструктора Коломенского паровозостроительного завода. И еще. Тогда же (в 1946-м) появились известные ныне всей стране строки Николая Николаевича Ивановского: «Постой, паровоз, не стучите, колеса...».

И вновь вернемся на 120 лет назад. В № 44 журнала «Нива» за 1888 год читаем: «Мост начат во второй половине 1886 г., все опоры были готовы осенью 1887 г. Мост через Белую... построен контрагентом моста инженером В.И. Березиным... Он же строит мост через Уфу. Проекты железного строения мостов через Белую и Уфу составлены проф. Н.А. Белелюбским с участием инж. Богуславского.

*Встреча Николая II
на уфимском вокзале
29 июня 1904 г.
Фотоателье Е. Капито*

Сварочное железо Воткинского завода для мостов Самаро-Уфимской железной дороги по многочисленным испытаниям оказалось высокого качества».

Во время открытия моста через Белую были сделаны фотографии. Бывший в то время начальником Уфимской губернии (то есть губернатором) Петр Алексеевич Полторацкий передал их вместе с трехцветной лентой и ножницами, коими она и была разрезана, в Губернский музей. Другую часть ленты К.Н. Посыет взял с собой в Петербург. Вскоре, 30 октября 1888 года, произошла катастрофа царского поезда, и Константин Николаевич был отправлен в отставку. Увезенная им часть ленты сохранилась, ныне она находится у одного уфимского коллекционера.

УФА ДЛЯ ИМПЕРАТОРА: С ДОСТАВКОЙ НА ДОМ

Вся эта история начиналась с визита в Уфу в сентябре 1824 года императора Александра I. Не было тогда ни железной дороги, ни пароходного сообщения — царь приехал в карете. Приехал, и сразу очутился в самом центре: Уфа — город маленький...

Через 80 лет, 29 июня 1904 года, на перрон уфимского вокзала прибыл поезд другого императора — Николая II, направлявшегося в Златоуст на смотр войск в связи с началом Русско-японской войны. Царю организовали пышную встречу, на въезде в город (вблизи Нижегородки — нынешняя улица Карла Маркса была продлена до вокзала лишь лет через десять после этого события) были даже подновлены стоявшие с 1891 года Царские ворота. Но неожиданно в самый разгар встречи прямо на глазах прибывших высоких гостей рухнула от тяжести людей крыша близстоящего здания. Не забывший трагедии Ходынского поля расстроенный Николай Александрович вернулся в вагон и поехал дальше. Так и осталась для него Уфа загадкой: высоченная гора, а где-то там высоко, где носятся стрижи, стоят дома, живут люди.

А в конце июля 1910 года в тупик уфимского вокзала встал синий пульмановский вагон-лаборатория председателя фотографической секции Русского императорского технологического общества С.М. Прокудина-Горского. Прибыл Сергей Михайлович с весьма важным поручением от государя...

В 1909 году Прокудин-Горский уже побывал на Урале, и, возможно, именно увидев очаровательный цветной снимок петляющей среди гор железнодорожной

колеи, император вспомнил о своем не совсем удачном посещении Уфы. И, как он делал не раз до этого, внес свои поправки в планы фотографирования. Сергей Михайлович поручение государя выполнил блестяще, и в январе 1911 года, во время очередного просмотра работ фотографа, Николай II «побывал» в Уфе, не выходя из дворца... А еще в тот день императору были представлены снимки Златоуста и башкирской деревни Яхья.

К сожалению, пока не удалось найти в печати свидетельств пребывания фотографа в наших краях — от 1910 года в местных архивах мало чего осталось. Но примерное время пребывания Прокудина-Горского указано на его снимках: травы на заливных лугах скошены и на правом берегу Белой уже стоят желтые стога. А если обратим внимание на фотографию мечети, то можно довольно точно установить и день съемки, ведь мечеть, к счастью, стоит на своем месте до сих пор. Если взглянуть из парка Салавата на ее здание в астрономический полдень — около 14.00 летнего времени — числа 9-го августа (27 июля по старому календарю), то можно заметить, что длина или высота теней на стенах абсолютно совпадают с теми, что зафиксировал Прокудин-Горский.

Через несколько лет ушла в небытие царская Россия, в июле 1918-го мученическую смерть принял и последний российский император. Неофициальный титул «царский фотограф», позволявший Прокудину-Горскому некогда проникать в самые закрытые места империи, неожиданно стал для него опасным. И хотя еще в марте 1918-го он показывал свои слайды в Зимнем дворце, правда, уже рабочим и матросам, в том же году Сергей Михайлович навсегда покидает Родину, увозя с собой большой ящик с изображениями того, что совсем недавно носило гордое имя — Российская империя.

СТАДИОНЫ УФЫ

*Владимир
Буравцов*

Задолго до Октябрьской революции уфимцы занимались лаун-теннисом, фигурным катанием и футболом. В первое десятилетие XX века был организован «Союз русского сокольства», который объединил все сокольские общества России. Сокольская гимнастика, базирующаяся на упражнениях с предметами и на снарядах, на массовых упражнениях и пирамидах, впервые появилась в Австро-Венгрии, ее основателем был профессор Пражского университета Мирослав Тырш. Ранее созданное в Уфе «Общество любителей физических упражнений» стало заниматься популяризацией физической культуры в целом и сокольской гимнастики в частности, занятия проводились в Театральном (Софьином) саду. Комитет считал, что населению города необходимо предоставить возможность «проводить время в полезных развлечениях на открытом воздухе, в занятиях физическими упражнениями, в играх и танцах, как в самом театре, так и в саду». Газета «Уфимский вестник» в мае 1914 года рассказала о проходившем 9 мая в саду мужской гимназии сокольском гимназическом празднике учащихся средних учебных заведений: «Еще задолго до начала в сад стала подходить публика. Вход был бесплатный. Набралось зрителей до 1000 человек. Праздник начался упражнениями с флажками, исполненными учениками гимназии и реального училища».

Определением уфимского губернатора от 15 сентября 1907 года в реестр обществ губернии внесено Уфимское общество физического воспитания учащихся учебных заведений. Новая организация ставила своей задачей содействие физическому воспитанию учащихся. Устав общества в основу физического

Футбольный матч на стадионе «Динамо». Фото 1932 г.

воспитания ставил подвижные виды спорта — катание на коньках, бег на лыжах, езду на велосипедах, верховую езду, плавание, греблю, фехтование.

Впервые вопрос о специальной площадке для занятий спортом был поднят в 1905 году, когда газета «Уфимские губернские ведомости» напечатала заметку о любителях велосипедного спорта: «Нужно приветствовать предложение об аренде какого-либо сада для велосипедных гонок, а не устраивать катание в Ушаковском парке, где бывает масса гуляющей публики». Но только через девять лет городскими властями было принято решение об отведении места под спортивную площадку в западной части Ушаковского парка (сейчас на этом месте

стадион «Динамо»). Немалую роль в этом, кстати, сыграло и то, что полузаброшенную часть парка чаще посещали гуляки, пьяницы и т. п.

В 1913 году Уфимское общество физического воспитания располагало 40 парами лыж (смешное количество для губернского города, когда российские спортсмены из других городов уже завоевывали олимпийские медали). Для занятий физкультурой в зимнее время Торговый дом Каримовых предлагал всем желающим коньки, «спортсменские» фуфайки, шапки, шарфы, перчатки и гамашки.

После революции и окончания Гражданской войны в СССР задачи спортивных обществ оставались теми же, что и раньше: государству нужны здоровые, физически крепкие люди.

В «Собрании узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства Автономной Башкирской Социалистической Советской республики» за 1923 год напечатано постановление Президиума БашЦИКа № 72 «О физкультуре»: «Признавая работу по физическому воспитанию молодежи ударной наравне с народным просвещением, БЦИК считает необходимым принять решительные меры к сдвигу с мертвой точки дела физразвития с лета 1923 года».

13 апреля 1923 года стал днем рождения Московского пролетарского спортивного общества «Динамо», первым почетным динамовцем стал Ф.Э. Дзержинский. «Красная Башкирия» 14 мая 1925 года сообщала, что в 5 часов состоится футбольный матч между командами Союза советских работников и вновь организованного общества «Динамо».

В эти же годы было принято решение о строительстве в Уфе спортивных сооружений. Однако денег отпускалось недостаточно, поэтому сдача объектов затягивалась. 6 июня 1933 года на Белой начала работу водная станция «Динамо», 6 мая 1934 года на месте спортивной площадки Ушаковского парка открылся стадион «Динамо», включавший в себя, кроме футбольного поля, стрелковый тир, теннисные, а несколько позднее и городошные площадки.

С 1932 года напротив центрального входа в парк Якутова Башкирский совет профсоюзов начал строить новый стадион. Решениями ВЦСПС и Башсовнаркома этот стадион передан Комитету физкультуры и спорта. К 1937 году объект был построен лишь на 70 процентов, к тому же в связи с увеличением территории стадиона его главная арена перестраивалась, хотя основные футбольные матчи довоенной Уфы проходили именно на этой площадке. В итоге окончательно стадион вступил в строй только в 1950-е годы под именем «Искра» (позднее — «Локомотив» и «Труд»). В настоящее время на месте стадиона — универсальная спортивная арена «Уфа-Арена».

С ЛЕГКИМ ПАРОМ!

Из истории уфимских бань

*Сергей
Шушпанов*

Ни для кого не является секретом, что рост цен в наши дни сделал дорогостоящим и такое общедоступное до недавних пор удовольствие, каким является посещение общественных бань. Но если бы вместе с повышением расценок повышалось и качество обслуживания посетителей. Отнюдь, почти ничего в области сервиса в наших городских банях не изменилось. Вот этот грустный факт и заставил меня задаться вопросом: а как обстояло дело с банями в дореволюционной Уфе? Начну с самого наболевшего для сегодняшних уфимцев — с цены на билет...

Итак, до 1917 года цена билета для военнослужащего-рядового составляла... 3 копейки. К сожалению, мне не удалось найти стоимость одного билета для обычного горожанина, но не думаю, что цена последнего превышала цену солдатского билета. Известно, правда, что цена отдельного номера достигала 25 копеек и выше, но это, так сказать, было удовольствием состоятельных людей. Во всяком случае, эти две цены можно рассматривать как максимальный и минимальный предел.

Нельзя сказать, что владельцы дореволюционных бань не пытались повысить свои расценки, но банные услуги находились под строгим контролем городских властей, и никакие слезные жалобы не достигали своей цели, если власти видели в них ущемление интересов горожан. А ведь если войти в положение владельцев бань, то проблемы у них были посерьезней, чем у нынешних. Дело в том, что для дореволюционной Уфы одним из острейших и наболевших вопросов являлся вопрос о воде. Трудно было даже с питьевой водой, а что же говорить тогда о водоснабжении бань. Иным владельцам приходилось возить воду на подводах с рек или же рыть колодцы. А сколько было разборок между властями города и банщиками из-за водопроводной воды. Стоимость ее определялась количеством ведер (1000 ведер — 1 рубль). В каждой бане, имеющей водопровод, находился водоизмерительный прибор, фиксирующий расход воды, но думаю, что «коммерсанты от бань» не могли не идти на различного рода махинации, чтобы изменить показания этого прибора в свою пользу.

Тем не менее, расценки банных услуг регламентировались городской думой и по ее указанию должны были вывешиваться в раздевалках и у окошечек касс.

Второй проблемой по содержанию городских бань была проблема стоков. В 1886 году городская дума сетовала на грязь и запущенность бань вследствие отсутствия стоков, но вопрос этот не был решен и в 1909 году, так как и в том году дума поднимала аналогичный вопрос... Как правило, стоки выводились в овраги посредством глиняных, бетонных или чугунных труб. По оврагам же вода текла уже сама по себе, распространяя вокруг зловоние. Зимой в местах скопления сточных вод образовывалась наледь, которая при малейшей оттепели воздуха также отнюдь не озонировала. Каково же было жильцам этих оврагов... Выход власти города видели в удлинении сточных труб, но вряд ли и эта проблема была разрешена до конца.

Теперь что касается самого устройства бань и правил их работы. Во-первых, само устройство бань допускалось только в указанных городской думой местах, и открывались они лишь при разрешении городской управы и полиции. В определении места для бань руководствовались близостью проточных вод, наличием колодцев и водопровода, а также возможностью сооружения стока отработанных банных вод в овраги, в малонаселенные места.

Сама баня могла быть деревянной или каменной, одноэтажной или двухэтажной (в последнем случае на втором этаже размещалась раздевалка, а на первом помещение для мытья); состоять из «одних общих, общих и нумерных или только нумерных помещений».

Бывшая баня
Д. Вахмянина на
ул. Чернышевского.
1950-е гг.

Общие бани имели два отделения — мужское и женское, состоявшие, в свою очередь, из трех комнат-помещений — «раздевальни, мыльни и парильни». Все они должны были иметь высоту не менее четырех аршин. Полы в мыльне и парильне деревянные, двойные: верхние — с достаточным количеством отверстий для стока грязных вод, вторые — плотные, осмоленные, с уклоном в отводной трубе. «Нумерные» же ограничивались двумя комнатами: раздевалка и «парильня, она же мыльня». «Ретиральные места», а на современном языке — общественные туалеты, должны были размещаться в здании бани, быть теплыми и хорошо вентилируемыми.

Все двери в банях отворялись снаружи. Кстати, о дверях. Категорически воспрещалось иметь какое-либо сообщение между мужским и женским отделениями. Не допускалась даже заколоченная дверь, равно как и не допускалось строительство бани вблизи пивной лавки, и воспрещалось устройство бань в одном доме или на одном дворе с домом терпимости...

Теперь что касается банной obsługi. Начну с того, что к работе в бане не допускались лица, имеющие какие-либо инфекционные или кожные заболевания, а также склонные к злоупотреблению спиртными напитками. В обязанность служащих бань входило: предоставлять посетителям бань мыльные принадлежности, чистые простыни и полотенца, они должны были застилать чистыми половиками и циновками полы в проходах и коридорах и чистыми покрывалами скамейки и диваны в раздевалках, проветривать помещения бань в любое возможное время, содержать в постоянной чистоте «посуду для мытья», т. е. деревянные шайки и металлические тазы, ковши, лавки и полы — сгонять с них воду в конце рабочего дня (в «нумерах» воду «гоняли» после каждого посетителя, для чего при каждом «нумере» находилась персональная прислуга), и, наконец, отвечать за оставленную одежду клиентов.

Особый штат банной obsługi составляли цирюльники, выполняющие обязанности парикмахеров. Для этой цели цирюльникам выделялась отдельная комната и шкаф для хранения своих инструментов. Небезынтересно отметить древность профессии и этих «парикмахеров». Среди всего того, чего цирюльник не должен был делать (а значит, делать мог), значилось: удаление зубов, кровопускание, банки и пиявки, срезание мозолей и другие «хирургические операции».

Вот в общем-то и все о банях дореволюционной Уфы. Добавлю лишь, что далеко не все уфимцы посещали общественные бани, все-таки у многих были свои

усадеб с хозяйственными постройками и, разумеется, с маленькими баньками. Но даже если это и так, то все равно количество торговых (т. е. коммерческих) бань в Уфе при ее стотысячном населении было предостаточным — судите по приведенному списку:

«Центральные» Лаптева — Уфимская (Чернышевского), 82;
 Бородин — Достоевская, 159;
 Вахмянина — Уфимская, 117;
 Горфунко — Ленская, 16;
 Горюхина — Никольская (Гафури), 58;
 Григорьева — Большая Успенская (Коммунистическая), 12;
 Губина — Оренбургская, 25;
 Дикушина — Посадская, 28;
 Долина — Достоевская, 79;
 Зверева — Уфимская, 111;
 Зориной — Набережная, 114;
 Катенёва — Телеграфная (Цюрупы), 32;
 Прокофьева — Малая Никольская (Вагонная), 31;
 Савельева — Вавиловская (Зенцова), 69;
 «Дворянские» Сергеева — Вавиловская, 67;
 Цибульского — Суворовская (Крупской), 155;
 Ягодина — Средняя (Марата), 29.

ВАНЕЧКА-ФОРСУНЧИК, ИЛИ О БЕЛЬСКИХ БАНЯХ В УФЕ

*Владислав
Ягодников*

Иван Степанович Сергеев, как его в народе называли, «Ванечка-форсунчик», владелец Бельских бань, — мой дедушка. Родился в бедной семье. У его отца было семеро детей. Сам отец был непутевый и с раннего детства раскидал по людям своих детей. Жил и воспитывался Иван Степанович у своего деда, который работал бакенщиком, еще занимался рыбной ловлей. С наступлением сумерек они с дедом на лодке плавали по Белой и зажигали на бакенах фонари. Дед приучил его к всевозможным ремеслам. Впоследствии, обзаведясь семьей и подкупив денег, Иван Степанович купил лошадь с пролеткой на резиновых колесах. Стал извозчиком. Работал, не считаясь со временем. Особенно по ночам, так как стоимость проезда в ночное время была намного дороже.

В то время в основном пользовались гужевым транспортом, машин было считанные единицы.

По соседству с дедушкой жил купец Савельев (ныне ул. Зенцова, 77), у которого была трехэтажная баня. Вот дедушка и решил построить свою баню. Стал еще больше работать, построил конюшню, подкупил лошадей. Стал их выхаживать, тренировать, участвовал на ипподромных скачках. К нему стали часто обращаться владельцы лошадей с просьбой заняться выездкой. Позже дедушка приобрел хороших лошадей, резвых, которые выигрывали всевозможные призы. За выездку лошадей ему платили большие деньги, и часто лошади этих владельцев тоже выигрывали.

Позже Иван Степанович стал комплектовать лошадей тройками (были у него и серые в яблоках, и белые, каурые, и вороные), подавал экипажи на свадьбы, различные гулянки, праздники. Часто подавал тройки к Дворянскому собранию (ныне Уфимская государственная академия искусств им. З. Исмагилова).

Заказчики заранее оговаривали масть. Дедушкины лошади были холеные со всевозможными украшениями — ленточками, бантиками, колокольчиками...

Пролетки или сани-кошовки (в зависимости от времени года) были обиты красивыми покрывалами. Сам извозчик зимой носил тулупчик на меху с блестящей металлической отделкой и таким же металлическим поясом. Сбруя, дуга и хомут тоже были отделаны металлическими украшениями. Потому-то и называли его в народе Ванечка-форсунчик. Его жена Дарья Ивановна всегда следила за одеждой мужа — стирала, гладила. Мыть лошадей ему помогали три дочери — Мария, Надежда, Евдокия, а уж поить, причесывать, чистить навоз входило в обязанности сына Сергея. Позже Иван Степанович нанял работника, который жил в их доме как член семьи.

Подкопив денег, взяв кредит в банке под проценты, Иван Степанович вначале построил одноэтажную деревянную баню. Общими усилиями выкопали во дворе колодец для нужд бани. Вскоре баня сгорела. Дедушка решил тогда построить кирпичную баню. Построил ее своим горбом, залез в большие долги. Сын Сергей стал работать в бане кочегаром. Накачивал воду из колодца. Дочери работали по очереди кассирами и уборщицами. После окончания рабочего дня мыли сами все отделения бани, коридоры и подсобные помещения. Это была очень трудолюбивая и дружная семья. Иван Степанович, когда собирались гости на какой-то праздник, демонстрировал свою силу и ловкость: укладывал восемь стульев один на один, зацеплял их ножками и поднимал одной рукой.

У купца Савельева стоимость помывки была намного выше, а комфорт не лучше, чем у Ивана Степановича. У Савельева и веники были дороже. Когда из деревень на лошадях привозили веники, Иван Степанович всегда заводил мужиков к себе домой, угощал чайком и водочкой, оставлял на ночь, а лошадей ставил в конюшни. Поэтому-то и веники они продавали ему дешевле.

Он же, Иван Степанович, был основателем в Уфе добровольной пожарной дружины. Машин пожарных тогда не было. На пожар ездили на лошадях. На телегах летом, на санях зимой. На одних стояли бочки с водой, на других насосы-качалки. Пожарным добровольцем у него был и будущий зять — мой отец Николай Иванович (муж средней дочери Надежды). Как у Ивана Степановича, так и у Николая Ивановича было много дареных предметов с гравировкой — на пожарных касках, на топориках (в знак благодарности за тушение пожаров). Однажды напротив дома, где жил мой отец, случился ночью пожар. Горел дом. Он выбежал раздетый, в нижнем белье. В доме был ребенок. Отец вынес ребенка из горящего дома, белье на нем горело. Отдал ребенка и упал в снег. У отца сильно обгорело лицо. Думали, ослепнет. Но все обошлось.

Расскажу об одном интересном случае. В гонках участвовало много купцов, делали большие ставки. Был такой купец Арбузов. Он поставил на кон большую сумму денег и поспорил с другими купцами, что его лошадь и наездник выиграют у Сергеева. У Ивана Степановича была такая лошадь-иноходец по кличке Пистон. Сделали несколько кругов. Сергеев ехал чуть сзади лошади, принадлежащей купцу Арбузову. Когда оставалось несколько метров по прямой к финишу, Пистон прибавил, а у самого финиша вытянул шею и пришел первым. Купец Арбузов с досады, что проиграл, снял с ноги сапог, бросил его об пол и сказал в сердцах: «На полсапога обогнал!»

Когда заработала баня, Иван Степанович стал выплачивать долги, погашать кредиты и уже рассчитался с банком, но тут свершилась революция. Баню конфисковали, а хозяина раскулачили. Оставили ему одну лошадь с пролеткой, и вновь он стал работать извозчиком. Дарья Ивановна вскоре умерла, ее похоронили на Ивановском кладбище. У новых эксплуатационщиков не было ни опыта, ни сноровки, поэтому вскоре трубопроводы пришли в негодность, вышли из строя котлы, и баня была закрыта. Новое руководство города вынуждено было обратиться к дедушке, чтобы он вновь возглавил и восстановил разрушенную баню.

Предложили ему стать заведующим, но он не согласился. Дедушка восстановил баню бесплатно, всех обучил и стал опять ездить на козлах.

Во время войны сын Ивана Степановича Сергей был на фронте в стройбате, восстанавливал взорванные фашистами железнодорожные пути. Был награжден. Старшая и средняя дочери — Мария и Надежда — во время войны сдавали для раненых кровь. Обе сдали более чем по 100 литров. Были награждены знаком «Почетный донор СССР». Младшая дочь Евдокия Ивановна всю войну проработала на военном заводе (бывший Харьковский завод), была также награждена медалями.

После того как Иван Степанович по состоянию здоровья уже работать не мог, стал жить с внучкой Катериной, дочерью Марии Ивановны.

Доживал он свою жизнь в государственной двухкомнатной квартире по ул. Красина, 74. Дом этот не сохранился.

УФИМСКИЕ ТРАКТИРЫ

*Сергей
Шушпанов*

Как выглядел трактир, предшественник современных кафе и закусочных? Воображение рисует дом с незамысловатой вывеской, грузную фигуру какого-нибудь приказчика из торгового дома, скажем, «Стахеев и К», сидящего за столом, обильно заставленным закусками, а рядом трактирный половой с полотенцем через руку, эдакий изогнувшийся в полупоклоне «сукин сын» — кровь с молоком, преданная морда, и неизменное: «Чего изволите-с?». Что дальше? Пожалуй, зимняя морозная ночь, холеный орловский рысак и знаменитая фраза, оброненная незабываемым Кисой Воробьяниновым: «Поедьте в номера!».

Если без литературных воспоминаний, то картина «общепита» в дореволюционной Уфе вырисовывается такая: «заведения трактирного промысла» были вне всякой конкуренции. Ресторанов в городе было немного, и погоды они не делали. К последним относился «Яр», располагавшийся на углу улиц Большой Успенской и Телеграфной (Коммунистическая — Цюрупы), а также рестораны при гостиницах «Россия» (Б. Успенская, 45), Большой Сибирской (ул. Александровская — К. Маркса) и «Эрмитаж» (Александровская, 13). Надо отметить, что «гостиничные рестораны» почему-то часто назывались «столовыми».

Кроме буфетов, гостиниц, постоялых дворов, съестных и чайных лавок, в дореволюционной Уфе была обширная сеть пивных лавочек, относящихся более к «питейным заведениям», нежели к категории «общепита» (хотя некоторые и торговали горячей пищей), и кухмистерские — нечто вроде современных кафе-териев. Но пивные лавочки, кухмистерские, равно как и «благотворительные» столовые для неимущих, в разряд «заведений трактирного промысла» не попадали.

В «Справочной книжке Уфимской губернии» за 1883 год есть перечень наиболее известных в то время уфимских столовых и гостиниц, где можно было получить горячую пищу. Вот что там можно прочесть.

1. Столовая при гостинице мещанина В.И. Воротилова — угол Телеграфной и Б. Успенской улиц (будущий ресторан «Яр»). Порция мясного приготовления 40 коп., из рыбы за порцию 60 коп., пельменей за сотню 80 коп., рюмка от 5 до 15 коп., порция за чай со сливками 60 коп., лимонад за бутылку 20 коп., зельтерская вода 15 коп., за готовый самовар 60 коп.

2. Кухмистерская мещанина А.И. Лукьянова — Большая Казанская (ул. Октябрьской революции). За обед скоромный и постный на 2 блюда 30 коп., 3-х блюд 40 коп., 4-х блюд 50 коп.; в месяц из двух блюд 7 руб. 50 коп., 3-х блюд 10 руб. 50 коп., 4-х блюд 12 руб. 50 коп., стакан чая 8 коп., кофе 15 коп., лимонад 10 коп.

Большая Сибирская
гостиница.
Фото 1900-х гг.

3. Столовая мясники В.Е. Маториной — Лазаретная улица (Ленина). Также комплексные обеды, шоколад 15 коп., баварский квас 10 коп.

4. Столовая при номерах купца А.К. Блохина — Голубиная улица (Пушкина). Комплексные обеды из 4-х блюд 1 руб., за самовар 10 коп.

Во втором списке столовых имелось:

1) Столовая при гостинице купчихи второй гильдии В.Т. Поповой — Верхне-Торговая площадь. Комплексные обеды (из 4-х блюд 70 коп.), порции: скоромное блюдо 40 коп., постное из стерляди 70 коп., осетрины 60 коп., судака 50 коп., бутерброд 5 коп., то же с икрой 10 коп., стеариновая свеча 10 коп.;

2) Столовая при гостинице купца второй гильдии Д.В. Волкова — там же. Комплексные обеды из 4-х блюд 60 коп. Остальное так же, как у Поповой;

3) Столовая при гостинице купца второй гильдии М.Е. Алексеева — там же. Прейскурант тот же;

4) Кафе-ресторан купца второй гильдии С.М. Михайлова — Лазаретная улица. Пара чая 10 коп., порция чая 70 коп., полпорции — 35 коп., стакан кофе 10 коп., шоколада 20 коп., порция скоромного блюда от 20 до 30 коп., постные — стерлядь, осетрина и судак.

Трактиры в то время были удалены на окраины Уфы, как заведения, торгующие крепкими напитками, как, впрочем, и другие «питейные точки». Поэтому горожане были лишены «удовольствия» лицезреть на улицах и площадях граждан, ведущих несправедливый образ жизни. К тому же город был провинциально-патриархальный, и все жители были «на виду», так что «позволить себе лишнее» уфимец не мог.

Картина изменилась в 1886 году. В связи со строительством и пуском Самаро-Златоустовской железной дороги в Уфу хлынул поток рабочих и предпринимателей. Резко возросло городское население, расширилась гостиничная сеть. Новоявленных уфимцев и гостей столицы надо было где-то кормить. И как грибы после дождя появились многочисленные лавчонки, разного рода «забегаловки». Трактиры приносили городской казне хорошие доходы, так как платили «акциз». Порядок был таким: ежегодно городская дума, исходя из состояния трактирного промысла и соразмерив потребности городской казны (!), устанавливала средний годовой акциз. Для выплаты последнего трактировладельцы составляли «особое платежное общество», делавшее раскладку на каждый

трактир. Таким образом, ежегодно «средний акциз» размером в 300 рублей оседал в городской казне.

Теперь остановимся на некоторых правилах, которыми руководствовались трактировладельцы. Во-первых, сам трактир должен был размещаться только на первом этаже, если здание было двухэтажным, и ни в коем случае не в подвальном помещении. Занавески на окнах устраивались так, чтобы городской с улицы мог проверить порядок в трактире, не переступая его порог. Трактировладельцам не воспрещалось иметь бильярд, хотя игра в него и считалась азартной, но вот граммофоны не прижились. Дума посчитала, что проигрывание граммофонных пластинок трактировладельцами (проделываемое в рекламных целях!) собирает нежелательные для извозчиков толпы слушателей на улицах. Музыкальным человеком, оказывается, был дореволюционный уфимец! «Все трактирные заведения, торгующие напитками, без отдачи в наем покоев, открываются в 8 часов утра и закрываются в 8 часов вечера... В праздники... открываются в 1 час дня и закрываются в 4 часа дня». Не только «граммофонные дела» заставляли городскую думу обращать внимание на беспокойные трактиры. В 1905 году домовладельцы по Бекетовской улице¹ просили думу обратить внимание на винную лавку Попова, посетителями которой являлись приезжие крестьяне и местные люмпены, превратившие местность вокруг лавки в сплошную распивочную. Находящиеся рядом склады с товарами постоянно находились в опасности быть подожженными от непотушенной папиросы какого-нибудь выпивохи. Горячей точкой являлись и трактиры Коншина и Видинеевых по Александровской улице. Их посетители имели обыкновение приходить туда уже в сильном подпитии. Основательно «нагрузившись», такие граждане устраивали дебоши, вынося ссоры и драки на Александровскую улицу, что делало небезопасным движение публики по прилегающим к заведениям тротуарам. И уж совсем не входило ни в какие рамки то, что посетители этих трактиров, «не стесняясь ни времени, ни окружающей обстановки, тут же на тротуарах отправляли естественные потребности».

¹ Ныне ул. Мустая Карима.

Дума в 1910 году определила ряд улиц, на которых воспрещалось работать трактирам с продажей крепких напитков. В основном это был район между Пушкинской, Александровской, Большой Успенской и Губернаторской (Советской) улицами.

И последнее, что мне бы хотелось предложить в этой заметке уважаемому читателю — это пара меню, найденных мною в газете «Уфимский вестник»: «Столовая “Эрмитаж” (Александровская, 13). Обеды: с 12 до 5 часов вечера. Из 2-х блюд 35 коп., 3-х блюд — 45 коп., 4-х блюд — 55 коп. На 26 августа (1914 года): борщ флотский; суп крестьянский; судак разварной; лангет, соус пикан; котлеты пожарские; дыня; кофе.

Ужины (30 коп. блюдо) с 8 часов вечера до 12 часов ночи. Кухня под наблюдением Н. Ильина».

Столовая Большой Сибирской гостиницы: «С 15 ноября 1914 года ежедневно обеды и ужины из самой лучшей и свежей провизии. Также принимаются столующиеся помесечно по соглашению: цены значительно понижены.

Пирожки порционные 6 шт. 30 коп.; расстегаи разн. — цена от 25 коп.; пельмени 100 штук — 1 руб.; пирожное — 5 коп.; чай стакан — 5 коп.; кофе черн. стакан — 10 коп.; со сливками — 15 коп.; молоко стакан — 5 коп.; сельтерская — 10 коп.; сироп — 20 коп.; фрукты — 15 коп.

Для господ посетителей имеются газеты, журналы, а также к услугам биллиарды. Принимаются заказы на парадные обеды на дома и отпускается сервировка и мебель на прокат за умеренную плату. Торговля спиртными напитками не производится. Столовая открыта с 10 часов утра, обеды с 12 до 5 часов. Кухня под управлением опытного кулинара».

Владимир Буравцов

УФИМСКИЙ ЦИРК

Элементы циркового искусства существовали еще в Древнем Египте и Древней Греции. В средние века устраивались выступления акробатов, канатоходцев, гимнастов. На Руси цирковые номера исполнялись народными актерами — скоморохами.

Первый стационарный цирк, называвшийся «Амфитеатр-Астлея», был открыт в Лондоне Ф. Астлеем в 1772 году. В 1827 году стационарное здание цирка построено и в Петербурге.

Изначально цирк предполагал исключительно конные выступления, именно потребностями конного цирка можно объяснить форму и размер цирковой арены. Но во второй половине XIX века к ним добавились акробатика, гимнастика и борьба, чуть позже начались выступления с дрессированными зверями. Поэтому, несмотря на то что первые иностранные цирковые труппы стали гастролировать в нашей стране в начале XIX века, отчасти цирковыми можно назвать представления, которые давались в XVII–XVIII веках на ярмарках и народных гуляниях.

В XIX веке получили большое распространение передвижные цирки — шапито.

Сейчас, пожалуй, невозможно определить, когда в Уфе прошло первое цирковое представление. Известно лишь, что первыми цирковыми артистами, выступившими в нашем городе в 1870-е годы, были итальянцы. Как это бывало не раз, обратимся к воспоминаниям нашего земляка художника М.В. Нестерова о своем детстве. «Однажды уфимские заборы украсили большими афишами, извещавшими о том, что в город приезжает цирк “всемирно известной итальянской труппы акробатов братьев Валери”. На площади¹ спешно строили большой, круглый балаган из свежего теса². Проходили мимо балаганов, где на балконе, несмотря на мороз, лицедействовали и дед, и девица в трико, и сам “Зрилкин”, без которого не обходилась ни одна окрестная ярмарка, ни одно деревенское празднество. Зрилкин был душой народных увеселений. Тут, конечно, был и знаменитый Петрушка».

Прошло несколько лет, и снова итальянские артисты приехали в Уфу. 26 июля 1886 года с «дозволения начальства» цирк М. Труцци дал большое праздничное представление под названием «Нон-плюс-ультра». Афиши обещали зрителям представление из 30 номеров в 3 отделениях с участием американского жокея В. Кука. Цирк освещался керосиновыми лампами или масляными плошками, которые сильно коптили и давали мало света, но в случае парадного представления помещение украшалось цветными фонарями и флагами. Выступления артистов сопровождали два оркестра: один — собственный гастролеров, другой — приглашенный из местного гарнизона оркестр военной духовой музыки.

Наступил XX век, а в городе постоянного здания цирка все еще не было, хотя просьб о постройке здания для цирковых представлений хватало. На своем заседании 4 сентября 1901 года городская дума признала открытие цирка в Уфе ненужным. Все же по ходатайству екатерининского мещанина Э.О. Стракай об отводе ему на Верхне-Торговой площади места размером в диаметре 40 аршин³ под устройство зимнего деревянного одноэтажного цирка на время зимнего сезона 1904 года было принято решение о разрешении строительства. По условию договора меценат уплатил в доход города 1000 рублей. Первое представление в цирке Стракай состоялось 20 января при большом стечении публики. Прежде всего горожане обращали внимание на само здание цирка, построенное по всем правилам безопасности и вкуса.

На следующий, 1905, год в Уфу приехал цирк Василиямса Соболевского и устроил 5 апреля большое представление «Монстр», в котором участвовали вы-

¹ Верхне-Торговой.

² Из словаря С.И. Ожегова: «Балаган — временная деревянная постройка для ярмарочной торговли, жилья, зрелищ и т. п.». В таком неотапливаемом помещении представления шли и зимой, выступали со своей программой и другие артисты.

³ 1 аршин — 0,711 м.

Уфимский цирк.
1910-е гг.
Фото А. Зираха

дающиеся артисты. Среди других номеров реклама сообщала: «Две интересные борьбы, русско-швейцарская на поясах — между борцами г. Сандорфи, Калпачниковым и уфимским атлетом Сергеем Ивановичем г. Елисеевым. Борьба без срока — решительная. С.И. Елисеев борется с двумя борцами». Еще одно выступление Елисеева в Уфе происходило в конце мая — начале июня 1906 года на международном чемпионате по французской борьбе.

Городская управа по-прежнему сдавала место под устройство временного цирка на Верхне-Торговой площади, а позднее — на Щепной площади (угол современных улиц Аксакова и Красина), где размеры цирка были значительными: 25 сажень¹ в длину и 23 сажени в ширину.

Там выступал «Первоклассный Сибирский цирк Стрепетова»: «В субботу 2 февраля [1913 года] даны будут два больших праздничных представления. Дневное и вечернее. В дневном представлении бесплатное катание детей на лошадях, пони и осликах. Вторая гастроль народного певца, комика-юмориста г. Жданова. Дебюты элегантной парфорсной наездницы M-lle Марии Тюриной; дебют наездника джигита г. Эгизарова, летающие люди Вейтцман, 7 чертей труппы Винкиных; две борьбы: первая — русско-швейцарская на поясах — реванш между атлетом цирка г. Земерфельдом и мусульманином Гайфуллой Хисматуллиным на премию со стороны цирка 25 рублей, вторая — французская борьба (пародия) двух лошадей Корейца и Малютки. Велосипедисты — братья Брукс. Начало в 8 ¹/₂ часов вечера. Цены местам обыкновенные».

Объявление от 22 мая 1911 года гласит: «В саду “Яр” после концертного отделения — атлетическая борьба». Кафе-шантан «Яр» находилось на углу Большой Успенской (ныне Коммунистической) и Телеграфной (ныне Цюрупы), там, где сейчас стоит 12-этажный дом. В октябре 1909 года рядом с «Яром» открылся концертный зал². Здание было возведено Уральским товариществом под концертный зал и ресторан. Дом, в котором проводились цирковые представления, ныне имеющий адрес улица Коммунистическая, 67/1, сохранился и выглядит из-за рельефа местности весьма оригинально: со стороны Коммунистической — 3-этажный, а по улице Крупской — 2-этажный.

После революции в городской газете «Известия Уфимского губернского революционного комитета» за 1919 год часто публиковались объявления такого рода: «Цирк губернского отдела народного образования в субботу 26 июля. Дано будет грандиозное представление под названием “Вечер смеха и забавы” в 3-х больших отделениях. В 3-ем отделении борьба, 1 пара: вновь прибывший чемпион³

¹ 1 сажень — 2,13 м.

² Ныне здание Академии физкультуры.

³ Напечатано именно так, но вспомните, в какое время проходило представление, ведь Уфа только что была взята красными, и можно только удивляться тому, что газета выходила вообще!

Феофан Лавренов против Эрзен; 2 пара: русско-швейцарская на поясах Федор Гурский — Васильев. Начало в 9 часов вечера. Администратор Гаробинский».

Время безжалостно к зданию цирка: в январе 1923 года к его администрации предъявила требования охрана труда. А пожарной комиссией предложено было в уборных артистов поднять потолки на аршин, стены, потолки и двери обить фанерой, поставить лампы «молния».

В 1925 году прогоревшие один за другим «злосчастные» антрепренеры уфимского цирка «Колизей» господы Руссо, Янышевский и другие оставили за Уфой недобрую славу. Здание долго пустовало. Однако к лету наметилось оживление: из Ленинграда получен запрос ленинградского Рабиса («Рабочее искусство» — профсоюз работников искусства) с просьбой оставить за ним здание на весь летний сезон, в течение которого эта организация обещала продемонстрировать перед уфимскими зрителями лучшие цирковые силы ленинградских и зарубежных цирков.

В середине 1930-х годов, после того как провалились полы и стала протекать крыша, городские власти определили место для цирка в Центральном парке культуры и отдыха (ныне парк Ленина). 29 и 30 июня 1934 года здесь на открытом воздухе состоялись два спектакля артистов госцирка «Маратос». С 27 июля 1935 года уфимцев радовала разнообразная программа в 3-х отделениях, «конферансье — И.В. Лебедев (дядя Ваня)».

В 1936 году государственное объединение цирков, аттракционов и зверинцев «Цирк» организовало в Уфе первоклассный показ цирковых номеров. В столицу Башкирии перебросили магнитогорский цирк, перевезли его оборудование, сюда переехало несколько ведущих артистов. Сооруженное ранее в парке здание расширили: было пристроено фойе, гардеробная для артистов, увеличены размеры конюшен. Для того чтобы зрители не разбегались во время дождя, деревянным тесом покрыли крышу цирка, а его купол — брезентом. Открытие цирка состоялось 16 мая. Уфу включили в конвейерное обслуживание, и намечалось каждую декаду часть номеров заменять новыми. Управление цирков пошло на уступку: помимо арендной платы и отчисления со сбора за каждый билет, купленный на представление, парк получал в свою пользу 20 копеек.

17 октября 1941 года был открыт цирк на заводе крекинга в Уфе. Работал он недолго по простой причине: «Считать закрытым цирк 23 октября ввиду урагана, сорвавшего Шاپито» и «Считать закрытым цирк с 27 по 29 октября ввиду урагана и светомаскировки города»¹. 9 ноября цирк закрыли до начала нового летнего сезона, а артистов перевели в распоряжение Уфимской государственной филармонии. В годы войны, кроме стационарного цирка, работали 4 бригады его филиала по обслуживанию «колхозного зрителя».

В июне 1943 года в Уфу прибыл коллектив в составе 19 человек под руководством заслуженного артиста РСФСР орденосца Юрия Владимировича Дурова, в качестве униформиста был зачислен в штат «Запашный Вал. Мих. с окладом 275 р. в месяц». Этот коллектив работал до 2 августа, проводя ежедневно по два вечерних представления.

За январь 1944 года коллективом Уфимского госцирка было дано 15 шефских выступлений в госпиталях Уфы, из них 4 раза — прямо в палатах. Но коллектив цирка стало тянуть в родные места, и его директор Н.Г. Ройтберг неоднократно пытался убедить секретаря обкома партии по агитации и пропаганде Раимова в необходимости прекращения работы Уфимского госцирка.

Цирковые артисты выступали в ЦПКиО (с 1951 года — имени Матросова) и парке имени Мажита Гафури до осени 1968 года.

В ноябре 1968 года открылось новое, стационарное, здание цирка на проспекте Октября.

¹ Не следует забывать, что шел пятый месяц войны.

ВОСПОМИНАНИЯ О БЕЛОЙ РОМАШКЕ

*Вера
Макарова,
Анатолий
Чечуха*

Белая ромашка у нас ассоциируется исключительно с гаданием: «Любит, не любит...». Для кого-то это просто любимый цветок, очень часто связанный с детством. И не только деревенским: давно ли небольшие старинные улочки Уфы в июне вдруг покрывались невесомым белым ковром? Но когда-то белая ромашка была еще и символом единства, символом надежды и поддержки.

История эта началась в позапрошлом веке. Изрядно подзабытый 1882 год вошел в хроники человечества уже потому, что Томас Эдисон построил тогда в Америке первую электростанцию общего пользования, а Марк Твен напечатал свой роман «Принц и нищий». Но не надо забывать и то, что в том же 1882 году немецкий бактериолог Генрих Герман Роберт Кох выделил (открыл, проще говоря) возбудителя туберкулеза. А вообще, в активе этого ученого, с полным правом вместе с Луи Пастером называемого основателем микробиологии, — обнаружение бациллы сибирской язвы и возбудителя холеры. В 1905 году Р. Кох был удостоен Нобелевской премии. А еще в память о нем возбудитель туберкулеза стали именовать «палочками Коха».

Но какое же отношение все это имеет к нашей ромашке, скажете вы? Немного терпения. О туберкулезе упоминал еще Гиппократ. В XVIII–XIX веках эта болезнь в Европе достигла почти что масштабов эпидемии, став едва ли не основной причиной смерти: от нее умирал каждый седьмой человек. Вот в каких условиях 24 марта 1882 года сделал свое открытие Р. Кох. Сейчас в календаре это число обозначено как Всемирный день борьбы с туберкулезом. Но век назад родилось и кое-где поныне существует еще одно название этого дня, гораздо более романтическое, — День белой ромашки.

1 мая 1908 года в Швеции прошла... нет, сто лет назад в Швеции никто и не думал ходить с красными флагами, просто в тот день прошла благотворительная продажа цветов — как живых, так и искусственных, выручка же направлялась на развитие и поддержку противотуберкулезных учреждений. Продажа белого цветка как эмблемы борьбы с туберкулезом привлекла внимание населения не только в Швеции, вскоре подобные мероприятия стали доброй традицией, распространившейся по всему континенту. В России благотворительная торговля в пользу больных началась весной 1911 года: 20 апреля на улицы Петербурга, Москвы, других городов России вышли тысячи людей, чтобы отметить день борьбы с одним из самых распространенных и опасных заболеваний. В Петербурге люди с ромашками в руках буквально заполнили улицы: из Швеции только что привезли больше 10 тысяч цветов. В Екатеринбурге было устроено шествие — с музыкой, плакатами и цветами.

На полученные средства создавались бесплатные амбулатории-диспансеры, выдавались ссуды на лечение. Некоторые больные на эти деньги даже отправлялись в летние кумысолечебницы. Кумысолечение — тема отдельная и чрезвычайно любопытная. Скажем только, что в предреволюционные годы (как, собственно, и сейчас) главным кумысным центром был Белебеевский уезд, а «на кумыс» в Уфимскую губернию ежегодно приезжало до пяти тысяч человек, ведь «никакое искусство, никакая лаборатория не придадут кумысу той его терапевтической силы, которую ему придаст степь с ее чистым сухим воздухом, с ее палящим солнцем, роскошной растительностью, тишиною и спокойствием». Интересно, что

*Члены семьи чиновника
Агинозова во время
проведения Дня белой
ромашки*

Графиня Екатерина Толстая (справа) с родственниками. Фото 1910-х гг.

первый кумысолечебный санаторий на территории Башкирии основала Ольга Григорьевна Аксакова — внучка писателя.

В Уфе сто лет назад центр борьбы с туберкулезом находился в здании, переданном под эти цели семьей железнодорожного подрядчика Владимира Хрисанфовича Тушнова. В тушновском особняке диспансер действовал аж до 1990-х годов. Долгие годы, в том числе и в советское время, на территории бывшей усадьбы Тушновых работала и больница для туберкулезных больных. Позже она переехала в Старую Уфу в здание на Усольской улице, построенное специально под больницу книгоиздателем Николаем Блохиным.

С началом в 1914 году русско-германской войны традиция проведения «Белой ромашки» стала постепенно затухать. Впрочем, весной 1917-го в газете «Уфимская жизнь» читаем объявление: «6 мая уфимским отделением лиги борьбы с туберкулезом устраивается день белого цветка с кружечным сбором и продажей “белого цветка” на усиление средств лиги». Кстати, кружка для сбора пожертвований видна у одной из дам на снимке. Даже единственный известный дореволюционный снимок автомобиля в Уфе (а ведь

это легендарный «Форд-Т»!) неумолимый фотолетописец нашего города Аполлоний Зирах сделал во время проведения Дня белой ромашки.

Понятно, что все цветы на фотографиях — искусственные, ведь в апреле — начале мая на живые ромашки надеяться не стоит. Можно только гадать, почему в России не смог прижиться европейский символ борьбы с туберкулезом — увитый белыми лилиями лотарингский крест (с двумя перекладинами, другое название — патриарший), но факт остается фактом: от креста остался только белый цветок без имени, который сразу же превратился в более близкую для нас белую ромашку.

В конце XX века туберкулез вновь стал набирать силы, и опять, теперь уже как дань традиции, все мероприятия, посвященные борьбе с ним, в Самаре, Мурманске, Белгороде, Красноярске проходят под знаком белой ромашки. Возможно, что скоро вспомнят о ромашке и в Уфе.

На углу Центральной и Большой Казанской. День белой ромашки. 1910–1914 гг. Фото А. Зираха

НЕСКОЛЬКО ОСЕННИХ ДНЕЙ

Анатолий
Чечуха

Этот блок общей тетрадки попал мне в руки совершенно случайно: много лет он валялся на чердаке одного из домов на улице Пушкина, а потом в один из прекрасных (но только не для этого дома) весенних дней оказался вдруг в садике возле его развалин. Сто с лишним листов без обложки, без начала и конца. Чертежи, расписание занятий, какие-то не слишком интересные стишки. Есть и нравоучительная сказка, желание читать которую пропадает уже на десятой строке. Но было на исписанных то карандашом, то ручкой листах нечто такое, что не позволяло расстаться с творением неизвестного юноши: между конспектами лекций по физике и геометрии, назидательными стишками и любовной лирикой вдруг совершенно неожиданно появляются дневниковые записи. Всего лишь несколько дней поздней осени. Но именно из них можно составить портрет бывшего владельца тетради.

Молодой человек, о записях которого я говорю, учился в последние годы перед Октябрьской революцией. Однокашниками его, кроме упомянутых в записках, были Еварестов, Попов, Тимашев. Здание, в котором они тогда занимались, сохранилось, оно стоит в начале улицы Карла Маркса. Нынче в нем Министерство внешнеэкономических связей, а когда-то здесь была Уфимская духовная семинария. Сначала даже улица называлась Семинарской, позже ее стали называть Александровской.

Так вот, один из семинаристов в октябре 1914 года, вернувшись после занятий домой, открыл тетрадь — и вслед за томно-воздыхательным стишком «...Ах! Зачем я тебя полюбил!», может быть неожиданно и для самого пишущего, появляются строки:

— 16 октября. Вчера часов с 5-ти вечера пошел снег и шел часов до 9 — выпало его довольно много, но сегодня пошел дождь, и весь снег смыло. Опять грязь, опять мокрота. Сегодня всенощной не будет и можно погулять. На завтра назначена обедня с торжественным молебном. Нужно поправиться мне по свящ(енному) пис(анию), а не то выйдет за четверть пара. Смоленский продает ботинки, а я хочу купить, да денег нет, хотя есть, но мало, еще нужно трешку.

Скоро будет готово сочинение по психологии.

Не забывают, что по современному календарю дело было 29 октября. И, разумеется, все это написано с использованием большого количества твердых знаков, ятей и i-десятеричных, но при всей моей любви к старой грамматике я не решился злоупотреблять терпением читателя. Итак, далее:

— 23 октября.

Сегодня не ходил в училище, денег нет. Д.П. не шлет, последний рубль истратил на корм курам и на муку. Не знаю, что будет дальше. Нужно завтра заплатить 4 рубля В. Смоленскому за ботинки и 7 руб. за квартиру, а у меня ни копейки, хоть в петлю полезай. Может быть, Бог даст, придет сегодня вечером, хотя ведь уже 15 минут 8 часов. Ну, если не придет, то капут мне. Тоска смертельная, а лень еще больше... Сегодня и вчера продавали сахар, наконец-то уфимцы пьют чай с сахаром, а то каково целые 2 недели с лишним пить пустой несладкий чай, но я сахару рад бы купить, да денег нет, скверная история. Тут-то и скажешь, что судьба играет человеком, она изменчива всегда!!! Давно ли я имел...

Что имел совсем недавно автор записей, догадаться несложно: у него были деньги, которые давал ему таинственный Д.П. Очень возможно, что за этими инициалами скрывается отец молодого человека или, скажем, дядя. А вот тому, что юноша на съемной квартире исхитрялся держать кур, можно только поражаться. Впрочем, лет 100 назад это было нормой.

Страничка тетради
А. Титова

Стиль автора дневника становится все более уверенным, но стоит ли этому удивляться: духовная семинария готовила не только священнослужителей, но и учителей. Психология, логика, литература, история, геометрия, космография (астрономия), греческий, латинский и немецкий языки — вот неполный перечень предметов, которые изучал наш герой. Причем изучал на «три» (в тетради есть табель успеваемости), и только литература и геометрия давались ему лучше — на «4».

— 25 октября 1914 года. Приезжал и заходил мимоездом Володя Воскресенский. Он стал казаться в солдатской еще здоровее. В городе он у нас пробыл с 12 часов дня до 10 часов вечера. Прощание вышло очень скучным, и мне его очень жалко. Быть может, мы больше с ним никогда не увидимся. Ну а если не убьют, то он уже будет самостоятель-

ным человеком. Продал всякого старья на 5 р. 95 копеек, еще нужно добыть денег, чтобы отдать хозяину за квартиру.

— 26 октября.

Вчера вечером пришла Ф. с ребенком и ночевала у нас. Она хочет проситься у Красносамарской жить с ребенком, но она, думаю, не возьмет.

Вечером сидел на кухне у Крас(носамарской), где были Бор(ис) и Пав(ел). Борька сдал экзамен и на днях уходит в казармы, останутся только Володька да Павлик...

Е.Н.К. обещ(ал) дать до 1-го 5 рублей, которые я тотчас же снесу хозяину.

— 27 октября.

Погода сегодня с утра холодная, грязи нет. Вчера с 6—8 шел дождь, а в 11-м часу напало достаточно снега, так что грязи опять нет. Володька Воскресенский попал под арест, теперь сидит в мужской гимназии на одном только хлебе, а воды нет¹.

— 30 октября.

Сегодня конец четверти. Ходил вечером с Борисом и Волод(ей) в чайную на в(ерхне)-т(орговой) площ(ади). В 9 вечера ходил прощаться с В(олодей) В(оскресенским), он завтра в 12 часов ночи уезжает на позиции.

На радостях семинаристы посетили не пивную, заметьте, как большинство сделало бы нынче, а всего лишь чайную. Дальше записи становятся нерегулярными — видимо, прибыл загадочный Д.П. и дал денег, жить стало легче, и отпала необходимость «плакаться в жилетку», в качестве коей и выступала тетрадка для занятий.

— 2 ноября. Не было второго урока истории.

С этого места записи стали вестись чернилами. А дальше полностью оправдываются мои предположения о «жилетке».

— 5 ноября. В классе не был, болят очень сильно зубы. Дал 1 руб. за чай...

По Священному Писанию не учил и по греческому тоже. Завтра будет мороз, я чувствую. В 6 часов вечера приходил за мной Панька Павлов и звал к Красносамарским, сейчас пойду. По тригонометрии задано мало и очень легкое, так что и учить нечего... Зубы болят чертовски здорово. Сейчас пишу для того, чтобы хоть немного привыкнуть писать пером... Без 8¹/₂ мин. 6 часов. Галиматья. Володька Воск(ресенский) письма не шлет, а обещался посылать с каждой станции. Свинтус asinus...

Сейчас подобным образом выражаться могут только медики, да и то если у них лады с латынью. А раньше и гимназисты, и семинаристы прекрасно знали,

¹ Видимо, на хлебе и воде, а еды нет.

что asinus — это осел. «Дал 1 руб. за чай» означает всего-навсего, что ученик сдал деньги для чая на переменах. А вот не в первый раз упоминаемые Красносамарские — явные уфимцы, поэтому поищем их следы в городских справочниках. Так и есть: Красносамарский Вал. М. проживал на улице Александровской, № 1 — в доме, стоящем чуть выше семинарии.

— 6 ноября. В класс не ходил, зубы продолжают болеть, завтра все равно нужно будет идти, а потому сейчас схожу к Илье Сок., спрошу, что задано. По льду [Белой?] можно ходить, но ездить еще нельзя. Нужно будет приняться за сочинение в среду, 11 ноября срок подачи. С завтрашнего дня возьмусь как следует.

— 8–9 ноября. Охрип совершенно, так что не могу говорить.

— 19 ноября. Третьего дня в понедельник меня спросил П. по логике и поставил 2½. У Никитиных родился ребенок — девочка. Спросят меня, пожалуй, скоро и по психологии, а также и по тригонометрии.

— 23 в классе не был, трясла лихорадка. Д.П. хворает. У Садилаина умерла мать.

Дальше в дневнике появляется рисунок особы духовного звания, должно быть, одного из преподавателей, и радостное напоминание:

— До отпуска осталось 100 уроков...

На этой записи ученик свой дневник забросил.

Читателю, должно быть, интересно знать имя владельца тетради. Как следует из многочисленных проб пера, им был некто Анатолий Титов. Судя по всему, в 1916 году Титов семинарию окончил. А вот кем он стал — священником, учителем ли, какова его судьба — загадка. Почти 100 лет назад страна вступила на иной путь. Один из таких же точно семинаристов (недоучившийся, правда) вскоре встал во главе страны, другие стали изгоями. И все, что касается тех сложных лет, в архивах по понятным причинам следов почти не оставило. Нет и фотографий того времени, хотя за несколько лет до этого каждый выпуск Уфимской духовной семинарии сопровождался оформлением огромного альбома, в котором были портреты всех учащихся и преподавателей, а также виды Уфы того времени.

От 1916-го же осталась только тетрадь. И несколько фотоснимков, сделанных Аполлоном Зирахом поздней осенью.

Большая Казанская
улица. Фото А. Зираха.
1900-е гг.

Люция
Габитова,
Андрей
Егоров

ИЗ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ КРАЯ

В результате чехословацкого мятежа и выступлений антибольшевистских сил Россия распадалась на глазах. В Москве действовало большевистское правительство; национальные окраины объявили о своей независимости. В Самаре и Уфе распоряжался эсеровский Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), в Омске — кадетское Временное Сибирское правительство. Существовали и более мелкие правительства — Башкирское, Алаш-Орда, Временное областное Уральское правительство и др. Но только Комуч и Сибирское правительство претендовали на всероссийскую власть. Своим уполномоченным по Уфимской губернии Комуч назначил эсера В.П. Гиневского. Уполномоченному Комуча принадлежала вся полнота административной власти в губернии. Он должен был добиваться укрепления власти Комуча, содействовать формированию Народной армии, поддерживать общественный порядок. Восстанавливались ликвидированные большевиками земские учреждения. Были проведены выборы в городскую думу. 11 июля 1918 г. Временным Комитетом Уфимской городской думы было издано Обязательное постановление о порядке восстановления национализированных и захваченных торгово-промышленных предприятий. Комуч открыл в Уфе курсы общественно-политических знаний для лекторов-агитаторов.

Летом 1918 г. лидерам Комуча и Сибирского правительства казалось, что большевики при последнем издыхании. Надежды на освобождение России от большевизма связывались с провинцией и окраинами. Но между двумя правительствами уже развернулась борьба. Комучевские и Сибирские власти установили свои таможни, реквизировали грузы, шедшие в Поволжье или в Сибирь. Банки и почта в Самаре и Омске отказывались оплачивать взаимные ассигновки и переводы, представителей друг друга рассматривали как иностранных послов. Однако необходимость борьбы с Москвой и давление антантовских союзников толкали Самару и Омск к сближению. В июле, а затем в августе 1918 г. состоялись две рабочие встречи в Челябинске. На второй встрече было решено созвать в сентябре в Уфе Государственное совещание представителей различных региональных правительств, политических партий и организаций. Цель — создание временной всероссийской власти.

Уфимское государственное совещание открылось 8 сентября 1918 г. в здании Большой Сибирской гостиницы. На совещание прибыло около 150 делегатов. Тон задавали делегаты Комуча и Временного Сибирского правительства. Делегации других правительств играли второстепенную роль, лишь поддерживая ту или иную сторону в развернувшихся спорах. Половину делегатов составляли эсеры. Делегаты разделились на 2 группы. Левое крыло (сторонники Комуча) требовало создания правительства, которое бы признавало Учредительное собрание и на него опиралось. Правое крыло (сторонники Сибирского правительства) настаивало на создании сильного коллегиального органа власти, независимого от какого бы то ни было выборного собрания. Споры продолжались 2 недели. 23 сентября Уфимское государственное совещание завершило свою работу, приняв компромиссное решение. Создавалось Временное Всероссийское правительство — Директория — в составе 5 человек, персонально избранных на Государственном совещании, ни перед кем не ответственное, до 1 января 1919 г., когда будет созвано Учредительное собрание, разогнанное большевиками в январе 1918 г. Председателем Директории избран Н.Д. Авксентьев, членами — Виноградов, Зензинов, Болдырев и Сапожников — позднее заменен Вологодским. Своими основными задачами Директория объявила борьбу за свержение боль-

шевистской власти, восстановление демократического режима, аннулирование сепаратного Брестского мира и продолжение войны с Германией вместе с союзниками до победного конца.

Все антибольшевистские правительства относили земельный вопрос в компетенцию Учредительного собрания. Они, как правительства временные, могли только оставить «все как есть». Поэтому вполне понятно, что не только возвращение земель помещикам, но и дальнейший передел земель был незаконным. Право на сбор урожая принадлежало тем, кто произвел посевы. В 1918 г. начальники уездных милиций в Уфимской губернии получили циркулярную телеграмму Комуча, в которой сообщалось о том, что во многих селах помещики и другие землевладельцы требуют возврата земель. Такие требования называются «незаконными», и их представителей предписывается арестовывать.

Вскоре после освобождения Самары от большевиков были организованы временные торгово-промышленные палаты. На отраслевых и общих съездах они выявляли свою позицию по текущему моменту и предлагали меры по выведению страны из кризиса.

7 сентября 1918 г. при большом стечении публики в зале Дворянского собрания в Уфе состоялось открытие Всероссийского торгово-промышленного съезда. Явилось 139 депутатов торгово-промышленных городов: Самары, Симбирска, Оренбурга, Сызрани, Казани, Уфы, Екатеринбургa, Уральска, Челябинска, Омска, Томска, Иркутска, Красноярска, Ново-Николаевска, Кустаная, Хвалынска, Бийска. От Уфимской губернии присутствовал Г. Терегулов. Съезд приветствовал епископ Андрей. Председателем президиума был избран князь А.А. Кропоткин (Казань); товарищами председателя избраны — К.Н. Неклютин (Самара), А.А. Гаврилов (Уфа), А.П. Клягин (Казань), Злоказов (Екатеринбург), Бердичевский (Красноярск), Д.Е. Афанасьев; секретарями: В.И. Александров, С.А. Бугушевский, Г.В. Левин, В.З. Тицнер, Е.А. Марков.

В программе была речь А.А. Кропоткина. Он приветствовал собравшихся, Народную армию и офицерство, отметив, «что этой армии мы вручаем восстановление части России и сохранение достоинства нашего Отечества». Кропоткин инициировал возрождение Союза земельных собственников и стал его лидером. Он выступил в защиту идеи свободного предпринимательства в торгово-промышленной и аграрной сферах и против общинной формы землевладения: «Для России наступает опасный период экономического порабощения, но гораздо опаснее наша внутренняя неразбериха и возможность каждому лицу, облеченному полномочиями, осуществлять свое направление, не считаясь с указанием власти, его поставившей. Правящая мысль выявляется в потворстве излюбленным людям и целым общественным классовым организациям, которые захватывают русскую жизнь на монопольных основаниях. Создается впечатление, при котором все население отдается в крепостную зависимость отдельных групп, к сожалению, малокультурных и потому способных только брать, но ничего не отдавать России. Современное зло живет, прикрываясь той или иной политической программой, а демократическими лозунгами замечает следы корыстной действительности».

Были рассмотрены вопросы об организации власти; о возрождении русской армии; о создании фонда для удовлетворения указанных выше нужд; славянский вопроос; избраны депутаты и делегаты в Государственное совещание, происходившее в это время в Уфе.

Разрушение экономических связей в условиях междоусобицы негативно сказывалось на состоянии торговли и промышленности. В резолюциях съездов высказывалась надежда на воссоздание единого экономического организма,

создание сильной фискально-податной власти, восстановление налогового аппарата, устранение произвольных реквизиций, нормализацию торговли и промышленности, транспорта, урегулирование рабочего вопроса.

Уфимская Директория была заранее обречена, т. к. выработанный на Государственном совещании компромисс в конечном итоге не устраивал ни правых, ни левых.

В конце лета и осенью 1918 г. Красная армия одерживала одну победу за другой.

3 октября 1918 г. Директория из Уфы срочно переехала в Омск, где Временное Сибирское правительство, почти в полном составе, стало ее «рабочим аппаратом», что во многом предопределило разрыв с Комучем, особенно после того, как член Директории П.В. Вологодский потребовал возврата земель их бывшим владельцам. Директория быстро превратилась в заложницу тех сил в Сибири, которые мечтали о военной диктатуре. 18 ноября 1918 г. Директория была свергнута в результате путча, организованного омскими военными. Верховным правителем России был провозглашен вице-адмирал А.В. Колчак.

Уфа, где находился Совет управляющих ведомствами Комуча, осталась почти единственным «островом» демократии на огромных просторах России.

В ночь 3 на 4 декабря специальный отряд казаков, прибывший в Уфу из Омска, арестовал многих членов Комуча и видных деятелей партии эсеров. Недовольство переворотом 18 ноября 1918 г. выразил чехословацкий Национальный Совет отделения России. Гражданская война вступила в новую фазу: теперь это была война двух диктатур — красной и белой. И та, и другая демагогией и принуждением втягивала в нее массы.

Летом 1918 г. красногвардейские отряды Южного Урала, действовавшие в районе Оренбург—Уфа—Челябинск, оказались в результате мятежей чехословацкого корпуса и оренбургских казаков отрезанными от районов снабжения и регулярных частей Красной армии и перешли к партизанским действиям. К середине июля Уральский отряд В.К. Блюхера, Верхнеуральский Н.Д. Каширина, Троицкий Н.Д. Томина и др., теснимые белоказацкими отрядами Дутова, отступили к Белорецку. В самом Белорецке находились боевые дружины Узяна, Каги, Белорецка. Все эти части объединяются в Белорецкий социалистический полк. Командиром его был назначен Н. Мулюкин, позже — А.Н. Пирожников. Здесь на совещании командиров 16 июля 1918 г. было принято решение объединить силы в сводный Уральский отряд и пробиваться через Верхнеуральск, Миасс, Екатеринбург навстречу войскам Восточного фронта. Командиром был избран Н.Д. Каширин, его заместителем — В.К. Блюхер. Выступив в поход 18 июля, 22 июля отряды Красной армии подошли к Верхнеуральску. Во время боев командир Верхнеуральского полка Пичугин с полковыми деньгами перешел к белым. Противники сошлись настолько близко, что переговаривались, зазывали друг друга на свою сторону. Тут встречались знакомые и родные. У белых, кроме казаков, были добровольцы — гимназисты, реалисты и башкиры. После рукопашного боя, понеся большие потери, красные заняли Извоз. Николай Каширин в этом бою был ранен. 31 июля небольшой отряд казаков во главе с Енбарисовым перебежали на сторону белых.

Красными было принято решение отступать к Белорецку. 2 августа Н.Д. Каширина сменил В.К. Блюхер, который реорганизовал отряды в полки, батальоны, роты и предложил новый план похода: через Петровское, Богоявленский завод, Архангельское на Красноуфимск. В результате эвакуации (с рабочими ехали их семьи со скарбом) образовался огромный обоз. Все здоровые мужчины были поставлены в строй. С подводами семейных шли коровы — все это создавало пеструю картину какого-то переселенческого табора. В Узяне, Каге,

Авзяне присоединилось несколько десятков добровольцев. В селе Петровском произошло первое крупное столкновение арьергарда армии с высланными из Стерлитамака белыми. 11–12 августа белые были разбиты и отступили. На Богоявленском заводе к армии присоединяется отряд М.В. Калмыкова и отряд рабочих Архангельского завода. Было решено оставить на Богоявленском заводе семьи. Перестроили боевые единицы, организовали штабы. Здесь сорганизовалось: 5 пехотных полков, 2 кавалерийских полка, 18 орудий — всего около 10,5 тыс. штыков и сабель. Армия двигалась на марше, имея впереди авангард, за ним шли главные силы и затем арьергард; глубина колонны составляла до 20 км. 19–21 августа упорные бои произошли у Зилима, где к красноармейцам присоединился отряд Зилимских партизан. 27 августа армия с боями форсировала реку Сим, заняла станцию Иглино и, разрушив участок железной дороги Уфа–Челябинск, на 5 дней прервала сообщение белогвардейцев с Сибирью.

Генерал Ханжин — командующий Западной армией Колчака на этом участке фронта — не располагал достаточными силами и средствами, чтобы разгромить походную колонну Блюхера. Командующий войсками Комуча на Поволжском фронте чешский полковник С. Чечек требовал от генерала Тимонова, командующего войсками Уфимского укрепрайона, остановить бойцов Блюхера и не допустить их ухода на север, в леса, где трудно будет с ними бороться. Но преданные генералу Тимонову части — это казаки из корпуса генерала Ханжина, чешские и польские легионеры, 3-й полк Башкирской дивизии, укомплектованный из башкир Златоустовского уезда (командир полка Г. Таган), — были измотаны бесконечной погоней. С Поволжского фронта для борьбы с Блюхером белое командование не сняло ни одной части. Все это позволило партизанам переправиться 3–4 сентября через реку Уфу по сооруженному ими временному мосту и устремиться на север. К 10 сентября отряды Красной армии вышли в район Аскина, у с. Тюино-Озерская прорвали кольцо окружения белых и 12–14 сентября соединились с передовыми частями 3-й армии Восточного фронта. Спустя 10 дней армия прибыла в Кунгур. За успешную организацию Уральской армии партизан и умелое руководство красными войсками Блюхер первым среди военачальников был награжден орденом Красного Знамени.

Осенью 1918 г. Восточный фронт для советского государства имел решающее значение. ЦК партии большевиков указывал, что «вопрос о судьбе революции ныне решается на Урале». 2 сентября 1918 г. ВЦИК объявляет республику «единым военным лагерем». Уфа к этому времени превращается в центр белого движения на востоке страны. Большевистское правительство предприняло ряд мер по укреплению Восточного фронта. По указанию центра на Восточный фронт непрерывным потоком шло пополнение, эшелоны с орудиями, боеприпасами. В Поволжье и на Урале было сформировано 5 армий. 7 августа 1918 г. и 21 января 1919 г. правительство большевиков издает постановление о пенсиях семьям красноармейцев.

В начале сентября войска Восточного фронта РККА перешли в контрнаступление. 10 сентября Красная армия освободила Казань, 12 сентября — Симбирск, 7 октября — Самару. К началу ноября 1918 г. фронт подошел к западной и северо-западной границе Уфимской губернии. 10 ноября отряды Красной армии освободили г. Белебей. На некоторое время наступательные операции были приостановлены. Это было связано с укреплением белогвардейских войск за счет переброски из сибирского тыла свежих частей. Газета «Уфимский вестник» от 9(22) октября 1918 г. писала: «19 октября прибыла в Уфу первая боевая часть союзников — английский броневой поезд под начальством командира Маре. Поезд вооружен тяжелыми и легкими пушками и скоро примет

участие в боях». Газета «Народ» от 22 ноября 1918 г. в заметке «Добро пожаловать» писала о прибытии в 10 часов утра на уфимский вокзал поезда с французскими солдатами в форме колониальных войск (зуавы). Зуавы построились по команде своих офицеров, отдана была честь встречавшему их командующему г. Войцеховскому. Среди встречавших находились представители Совета управляющих ведомствами, земства, города, французского консульства, начальник гарнизона Ребенда, масса публики, почетный караул от чехословацких войск. 23 ноября в честь прибывших в здании Большой Сибирской гостиницы был устроен обед.

Однако войска Красной армии к середине декабря стали активизировать свои действия. Белогвардейцы стали постепенно отступать на восток. 28 декабря войска 5-й армии заняли станцию Чишмы. Одновременно с юга наступали войска 1-й армии под командованием Г.Д. Гая. 29 декабря ими был освобожден Стерлитамак. В то же время части 5-й армии Восточного фронта начали операцию по освобождению Уфы. 31 декабря, на рассвете, части 26-й дивизии 5-й армии перешли по льду реку Белую и с юго-западной стороны ворвались в Уфу. Участие в захвате Уфы принимал и дивизион Е.Ф. Ерошева, выделенный из состава 1-го конного полка РККА и отправленного в июле 1918 г. из Петрограда на Восточный фронт для борьбы с белочехами и Колчаком.

Начальником инженеров 5-й армии Восточного фронта РККА, участвовавших в строительстве укрепленных районов, был Д.М. Карбышев.

1 января 1919 г. установившейся советской властью в Уфе был расклеен «Приказ № 1», подписанный начальником гарнизона г. Уфы. Этот приказ регламентировал жизнь города. Газета «Вперед», вышедшая 1 января 1919 г., сообщает о политическом митинге в здании Дворянского собрания.

Состоялись также похороны погибших при взятии Уфы и тех, кто был расстрелян отступавшими белыми отрядами. Для отправки в центр в широком масштабе заготавливался хлеб и другие продукты. Губревком РККА и уездные ревкомы провели национализацию денационализированных промышленных предприятий, крупных домовладений, гостиниц и т. д. Тяжелым бременем для горожан был красноармейский постой. Так, в Уфе было всего 6 казарм, и 5-я армия, дислоцированная в городе, вынуждена была большую часть бойцов разместить по частным квартирам.

Рядовые красноармейцы были в основном из мобилизованных крестьян и потому без особого сопротивления поддавались «контрреволюционной агитации» своих домохозяев. Процесс быстрого «разложения» бойцов тревожил командиров. Частыми были самочинные реквизиции. В.Д. Галанов, губернский комиссар юстиции, докладывал ЦК РКП(б): «Глумление над обывателем было обычным явлением; часто приходили с обыском и забирали что нравится». Обыски, аресты и расстрелы начались уже 31 декабря 1918 г., сразу после занятия города 5-й армией красных. Расстреливались за грабежи, пьянство, за варку самогона. Тюрьма, арестный дом, подвалы комендатуры и ЧК были переполнены. Приказы ревкома заканчивались фразой: «неподчинившиеся будут привлекаться по законам осадного положения». Только в день бегства красных из Уфы — 13 марта 1919 г. — ужас террора открылся во всей полноте. Около 600 трупов было обнаружено во дворе и подвалах Уфимского отделения Сибирского банка, где размещалась комендатура (ныне ул. К. Маркса, 15), десятки казненных — в подвале ЧК (ныне ул. Социалистическая, 46) и у стен уфимского Благовещенского женского монастыря.

В феврале 1919 г. наступили сильные морозы, боевые действия замерли на линии Пермь—Уфа—Оренбург—Уральск. Удерживая проходы через Урал, Колчак стал спешно формировать новые части. На севере фронт держала Сибирская

армия под командованием белого генерала Р. Гайды (позже — А.Н. Пепеляева). В центре — Западная армия генерала М.В. Ханжина. На юге — армия Уральских казаков во главе с А.И. Дутовым. Сибирской армии предстояло нанести главный удар по Перми в направлении Вятки — Котлас для соединения с войсками Архангельского фронта. Западная белая армия должна была нанести удар на Волгу и соединиться с вооруженными силами юга России генерала Деникина. 13 марта колчаковские войска взяли Уфу, 4 апреля — Стерлитамак, 7 апреля — Белебей, 15 апреля — Бугуруслан, а Оренбургская белая армия окружила Оренбург. В марте 1919 г. в Уфе состоялся парад колчаковских войск. Командующим всеми союзными войсками на востоке России становится генерал М. Жанен. Союзные войска взяли на себя охрану Транссибирской магистрали.

Однако уже в мае наступление белых стало выдыхаться. В тылу начались подготовленные большевистским подпольем крестьянские восстания. Красные сосредоточили на Восточном фронте сильную группировку войск, перебросив сюда почти все резервы. 10 апреля правительство большевиков обратилось к трудящимся с призывом «мобилизовать все силы на помощь Восточному фронту... Там решается судьба революции». 10 апреля 1919 г. было принято решение о создании двух оперативных групп — Южной и Северной. В освобождении территории Башкирии от колчаковцев участвовала Южная группа Красной армии в составе 1-й, 4-й, 5-й и Туркестанской армий. Командующим группы был назначен М.В. Фрунзе. Группа разработала план наступлений, по которому ставилась задача окружить и разгромить Западную армию Колчака, не дав возможности ей соединиться с Деникиным. Контрнаступление Южной группы началось 28 апреля, в ходе которого были осуществлены Бугурусланская (25 апреля — 13 мая), Белебеевская (15—19 мая) и Уфимская (25 мая—19 июня) операции. Бугурусланская операция закончилась выходом 5-й и Туркестанской армий к границам Уфимской губернии. Упорными были бои за Белебей... 17 мая Белебей был отбит у белых. Там особенно отличились 25-я дивизия Чапаева и др. части Южной группы Красной армии. Предстояло проведение операции по освобождению Уфы. Соотношение сил накануне Уфимской операции с обеих сторон было примерно одинаковое: около 40 тыс. штыков и сабель. Бои на подступах к Уфе были упорными, кровопролитными. Одновременно успешные наступательные операции южнее Уфы вела 1-я армия, которая 29 мая освободила Стерлитамак. 3 июня части Туркестанской Красной армии вышли к реке Белой, вплотную подошли к Уфе, окружив ее с двух сторон. Так, 25-я Чапаевская дивизия заняла участок северо-западнее от города, у д. Красный Яр, а другие части сосредоточились южнее Уфы, на левом берегу реки Белой. Форсировать красным здесь Белую, как было намечено по плану, не удалось, ибо белые сумели укрепиться на высоком правом берегу реки. Поэтому было решено форсировать реку Белую в районе расположения 25-й Чапаевской дивизии. В ночь с 7 на 8 июня на двух пароходах под градом вражеских пуль началась переправа 220-го Иваново-Вознесенского полка. За ним последовали другие полки дивизии Чапаева. 9 июня бойцы 25-й стрелковой дивизии вступили в Уфу. За умелое проведение Уфимской операции и личную храбрость М.В. Фрунзе и В.И. Чапаев были награждены орденами Красного Знамени. После освобождения Уфы белые отступили за отроги Уральских гор. К концу июня — началу июля 1919 г. в Уфимской губернии была восстановлена власть Советов.

Летом 1919 г. развернулись освободительные операции Красной армии в юго-восточных районах Башкирии. Части 1-й и 4-й армий Южной группы, из которых был образован Туркестанский фронт под командованием М.В. Фрунзе, начали осуществление разгрома южной группировки Колчака. К августу 1919 г. бои завершились на всей территории Башкирии.

Сергей
Шушпанов

УФИМСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ 1918 ГОДА

В сентябре 1918 года в Уфе состоялось так называемое Государственное совещание — съезд органов правительственной власти, образовавшихся в восточной части России с момента выступления в мае 1918 года частей чехословацкого корпуса. Государственное совещание было призвано решить вопрос о создании единой власти, объединить армии новоявленных правительств для успеха борьбы с Советской республикой.

Майский И. Демократическая контрреволюция. М.—Пг., 1923

Совещание происходило в Большой Сибирской гостинице. Все помещение ее было временно реквизировано и предоставлено в исключительное распоряжение участников совещания. Внизу была устроена комендатура, в номерах расположились делегаты правительств, партии и общественных организаций, в большом зале гостиницы, снабженном эстрадой, происходили пленумы совещаний, в малых залах заседали различные комиссии... внутри круглые сутки работал ресторан.

Процедура открытия совещания была обставлена весьма торжественно и в полном соответствии с требованиями «старого режима». 8-го сентября днем на Соборной площади был отслужен молебен, за которым последовал воинский парад. Большевики и левая часть эсеров на площадь не вышли, но правые эсеры сочли своим долгом во имя «единения всех государственно мыслящих элементов» подойти под благословение служившему молебен епископу Андрею. Самое открытие состоялось в 5 часов дня в большом зале Сибирской гостиницы, причем на нем в качестве почетных гостей, кроме чехов и французского представителя Жако, присутствовали только что упоминавшийся епископ Андрей и мусульманский муфтий Тарджеманов.

На первое заседание члены Комитета Учредительного собрания и все им сочувствовавшие явились с красными гвоздиками в петлицах. Большая часть зала пестрела красными цветами. Для атамана Дутова это оказалось уже слишком. Он встал и до окончания заседания вышел из зала, демонстративно громко бросив своему соседу:

— От красной гвоздики у меня голова разболелась!

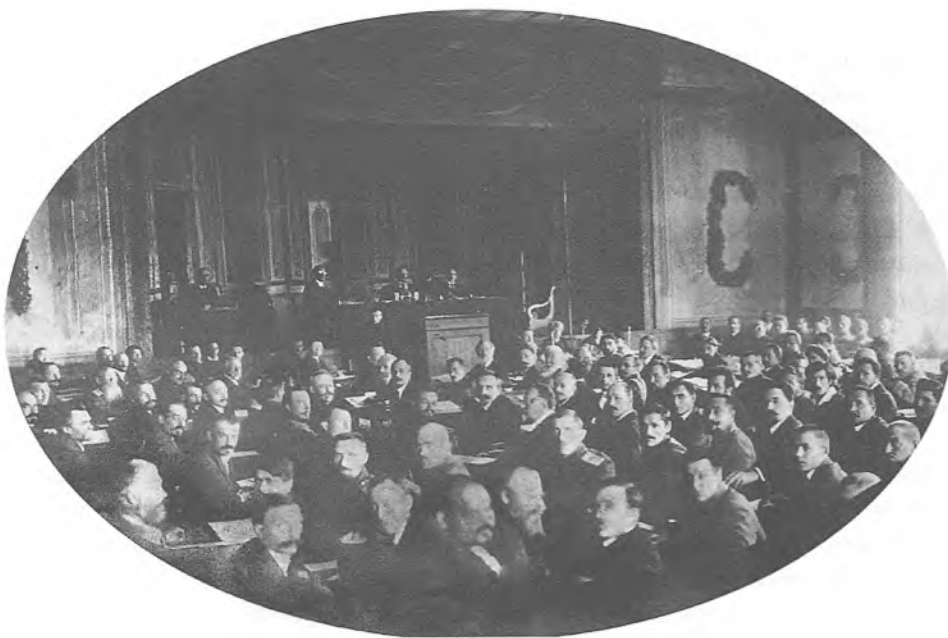
Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977

...Совещание открылось 10 сентября выступлениями делегатов, читавших декларации направивших их правительств и делегаций. Большевики и эсеры (последние представляли Комуч и Сибирскую областную думу) высказались в пользу создания коалиционной власти (с буржуазией). По их мнению, она должна осуществляться Директорией, состоящей из 5–7 человек и образующей при себе деловой кабинет министров. Директория мыслилась подотчетной и ответственной перед Учредительным собранием январского созыва 1918 г., а до его повторного открытия в полном составе — перед съездом «наличных» членов этого собрания.

Правая часть уфимского совещания (верхи казачества, посланцы Временного Сибирского правительства, часть кадетов и др.) выдвигала требование создания единоличной диктаторской власти. Но в этих кругах не отвергалась и Директория в случае, если она будет полновластна и не ответственна ни перед каким представительным органом власти вплоть до созыва нового Учредительного собрания, срок выборов в которое не был определен...

Майский И. Там же

...14-го сентября пала Казань, занятая красными войсками. Эта дата является как бы водоразделом между двумя периодами Государственного совеща-

В зале Уфимского
Государственного
совещания. Сентябрь
1918 г. Из собрания
Национального музея
РБ

ния. До 14-го сентября перевес на совещании в общем и целом был на стороне «левого» лагеря, после 14-го сентября перевес все больше начал склоняться на сторону правых элементов. Таков был морально-политический эффект первого серьезного поражения на фронте, понесенного комитетом членов Учредительного собрания...

Иоффе Г.З. Там же

...принятое (Государственным совещанием. — С.Ш.) решение сводилось к следующему: всероссийское правительство должно представить собой Директорию из пяти человек (и ее делового кабинета министров), персонально избранных уфимским совещанием и ни перед кем не ответственных до 1-го января 1919 года. К этому времени должно быть созвано «старое» Учредительное собрание, если в наличии будет 250 человек его членов. Если же такого количества к указанному сроку собрать не удастся, срок созыва Учредительного собрания отодвигается еще на месяц, и к 1-му февраля 1919 года оно будет считаться полномочным при кворуме в 170 человек. Только тогда Директория и сложит перед ним свою власть.

Однако события, развернувшиеся на Восточном фронте, не дали осуществиться решениям, выработанным на уфимском совещании. Осеннее наступление войск Красной армии вынудило Директорию уже в начале октября выехать из Уфы в Омск, где она быстро стала игрушкой в руках монархически настроенного офицерства. Итогом этого, как известно, стал переворот военных и установление диктатуры Колчака.

Об открытии Государственного совещания // Уфимская жизнь. 1918. № 915 (133). 24 августа (6 сентября)

Президиум Государственного совещания постановил: Государственное совещание открывается в Уфе 8 сентября в 12 часов дня, с чем уже посланы срочные извещения всем делегациям.

4 сентября губернский уполномоченный имел разговор по прямому проводу с комитетом членов Учредительного собрания. 4 сентября из Самары выезжает канцелярия комитета, 6 — члены Учредительного собрания, 7 утром — совет управления и президиум комитета.

К Государственному совещанию // Уфимская жизнь. 1918. № 916 (134). 25 августа (7 сентября)

Помещения для членов совещания отведены в номерах гостиниц «Россия» и Большая Сибирская. Начался съезд участников. Прибыли представители мусульман-туркмен, башкирского правительства, киргизского совета, Енисейского, Иркутского и Семиреченского казачеств.

В бюро совещания поступили ходатайства от Оренбургской епархии, Симбирских приходских организаций и союза помещиков Самарской губернии о допущении их представителей на совещание. Ходатайства направляются для доклада совещанию.

Число участников Государственного совещания обещает быть значительно больше, чем предполагалось раньше.

В Уфу ожидаются все вновь вступившие в комитет члены Учредительного собрания. Многие члены совещания, кроме того, едут с собственными штабами, штатами, свитой и т. д.

В силу этого для квартир съезжающихся спешно отводятся и приспособляются добавочные помещения.

В здании Большой Сибирской гостиницы, где будут происходить заседания, на все время устанавливаются два телеграфных аппарата для переговоров по прямому проводу с Самарой и Челябинском.

Сегодня с поездом ожидается генерал Болдырев.

Атаман Дутов с представителями оренбургского казачества возвращается в Уфу. На 15 сентября назначено открытие казачьего круга, и к этому числу представители казачества, вероятно, покинут Государственное совещание.

Вопрос о допущении представителей печати на Государственное совещание считается открытым. Разрешение его зависит от президиума совещания.

На Государственное совещание вновь прибыли: ...Терегулов Г. — член Учредительного Собрания от Уфимской губернии. Французский консул Бояр Камил Эмильевич (Екатеринбург).

Государственное совещание. Накануне // Уфимская жизнь. 1918. № 917 (135). 26 августа (8 сентября)

Ни в чем другом не выразился так ярко «государственный масштаб» совещания, как в обилии мер охраны.

Уже неделю тому назад несение охраны старательно распределяли между собой комендатура Уфы, штаб дивизии и городская милиция. Был назначен комендант совещания с внутренним караулом. Приезжает комендант с семьей приставами из Самары. Выясняют взаимоотношения. И когда все улажено — из Самары же приезжает штаб охраны с начальником и адъютантами во главе с конной стражей в сопровождении. Ожидается, кроме того, что с управляющим военным ведомством генералом Галкиным прибудет особый офицерский караул. Можно ожидать, что приедет особый штат и свита также с генералом Гришиным-Алмазовым из Сибири.

С каждым днем становится яснее, насколько безнадежно тесна Уфа для всероссийского совещания. Съезд и приготовления идут полным ходом и в таких расширенных размерах, что устроителям и организаторам приходится всячески изощряться, лишь бы не развести руками.

Начался съезд иностранных миссий. Численный состав почетных гостей опять-таки оказался много больше, чем предполагалось. Миссии прибывают с собственными секретариатами и даже канцелярией.

Одной из первых гостей в Сибирскую гостиницу прибыла «бабушка революции» Е.К. Брешко-Брешковская. «Бабушка» выглядит бодро и жизнерадостно. Почти без посторонней помощи она поднялась в отведенный ей в третьем этаже

номер. И тотчас же в № 36 потянулась вереница посетителей, почитателей и почитательниц.

Приехали Авксентьев, генерал Болдырев, полковник Лебедев. Прибыла канцелярия Комитета и Государственного совещания со штатом чуть ли не в 30 человек.

Приезжающие из Самары сообщают, что представители ведомств намерены выехать только седьмого вечером. Открытие совещания в 12 часов дня 8-го сентября, таким образом, едва ли состоится. Нет пока ни одного представителя от Сибирского правительства. На имя Государственного совещания продолжают поступать ходатайства от различных групп и организаций. Есть ходатайство от епископа уфимского, представляющего «полуторамиллионное православное население Уфимской губернии». Выделяется ходатайство Эстонского Временного правительства, избравшего своим представителем Юл. Сельяма.

В кулуарах Государственного совещания // Уфимская жизнь. 1918. № 924 (143). 6 (19) сентября

«Гора с плеч» свалилась в недрах согласительной комиссии к вечеру четвертого сентября. По оживленным лицам за столиками в ресторане Сибирской гостиницы лучше всего видно, что соглашение достигнуто.

Передают, что последним по одиозному вопросу об ответственности высказалось в согласительной комиссии Сибирское правительство.

Его заявление о присоединении к общему решению было встречено общими рукоплесканиями. Этому заявлению, как сообщают, предшествовал долгий разговор по прямому проводу с Челябинском.

Пленарных заседаний Государственного совещания ожидается только два. На первом из них решено заслушать деловой доклад согласительной комиссии. Второе будет посвящено утверждению персонального состава правительства, и будет, по слухам, носить торжественный характер закрытия совещания. Называют до 20 кандидатов в «пятерку». Общеизвестными именами в разговорах упоминается генерал Болдырев и Авксентьев. Многие из кандидатов — за пределами освобожденной от большевиков территории, и одновременно поэтому обсуждается вопрос ныне о возможности их прибытия сюда. За отдельными столиками в качестве одного из кандидатов всплывает имя князя Львова. Передают, что сам князь Львов со своей стороны не согласится на предложение и предпочитает поездку в Америку для представления интересов России.

Забегают вперед и гадают о местопребывании будущего правительства.

Самара из-за последних событий значительно растратила свои шансы. Называют Екатеринбург, Омск, Челябинск, Уфу.

Последняя так зарекомендовала себя перед членами совещания в отношении технических неудобств, что особых защитников не находит. Все кулуарные беседы ведутся с одним неизменным рефреном — о новостях с фронта и местонахождении союзных эшелонов.

В залах кулуаров немало посетителей из беженцев — казанских и симбирских. Их рассказы и даже молчаливое присутствие здесь являются немаловажным фактором в настроении членов совещания.

В кулуарах Государственного совещания // Уфимская жизнь. 1918. № 923 (146). 11 (24) сентября

Астров, Болдырев, Вологодский, Авксентьев, Чайковский... Эти имена особенно часто упоминаются за последние дни в кулуарах при разговорах о «пятерке».

В комнате № 45 идут закрытые заседания, куда даже стенографистки не допущены, члены согласительной комиссии в перерывах выходят оттуда с таинственными лицами и отмамливаются. Но неведомыми путями всезнающим, как

биржа, кулуарам известны мельчайшие перипетии процесса рождения власти. И за столиками идет не менее страстное, чем в комиссии, обсуждение кандидатур. Кулуары — в курсе дела.

Кулуары Государственного совещания посетил на этих днях приехавший в Уфу Б. Савинков. Б. Савинков сделал доклад о своих прифронтовых впечатлениях, развернувшийся в увлекательный диспут по всем вопросам переживаемого момента. Участие в диспуте приняли не только члены совещания, но и присутствовавшие из публики.

Ходят слухи, что в Уфу едет и В. Чернов. Бывший «селянский» и «мужицкий» министр, однако, по сие время находится в Самаре.

Продолжают намечать и кандидатов в столицу нового правительства. Омск, Екатеринбург и Уфа — таковы имена наиболее вероятные. Паника в Самаре улеглась, жизнь вошла в нормальное русло, но для местопребывания правительства Самара, из-за близости фронта, решительно отвергается. Окончательный выбор будет зависеть не от совещания, а от самого правительства. Самара крайне не интересуется ходом создания правительства. Сообщают, что большинство переговоров по прямому проводу с Самарой сопровождается справками оттуда о намеченных кандидатах.

Пленарное заседание ожидается либо вечером 23-го, либо утром 24-го. Наличный состав правительства, как предполагается, на некоторое время задержится в Уфе для разрешения ряда технических вопросов.

**Аркадий
Шестаев**

ЖИЛ-БЫЛ ДОМ

Дом этот был украшением улицы Социалистической (до революции — Бекетовская). Кого не восхищал его хрустальный витраж, окаймлявший входную дверь?! Внутри же он был украшен так, что не берусь описывать...

Теперь этот дом живет лишь в воспоминаниях тех, кто его видел. На месте, где стоял двухэтажный особнячок, скоро вознесется современное престижное строение. Давайте порадуемся за тех, кто поселится в нем. Старое должно уступать место новому. Однако не будем забывать и прошлое, из которого вырастает светлое завтра.

Известно, что дом принадлежал одному из богатейших людей дореволюционной Уфы — Николаю Никоноровичу Степанову. Точная дата постройки и автор проекта неизвестны. Неизвестна и судьба семьи Степановых... Говорят, что во время Гражданской войны в этом доме жил Заки Валиди. В 1919-м располагалась ЧК. В 30-е годы он был каким-то образом связан с деятельностью Коминтерна.

Дом Степанова стал родным для тысяч уфимцев! Ведь сразу после Гражданской войны и до начала 90-х годов в нем располагался детский сад.

Рассчитываю, что кто-то из старожилов откликнется и поделится своими воспоминаниями об этом особняке. А вот некоторые из своих тайн дом согласился открыть мне. Два документа, найденных на руинах степановского дома, предлагаю вашему вниманию.

Письмо, написанное детским почерком, так и осталось неотправленным:

«Уфа, октябрь 1917 года. Милая и дорогая Тося! Сегодня... иду из гимназии с Тасей де Ладвез... нам навстречу два парня... они нас побили. Тасю прямо в голову, а меня в спину, я отлетела в канаву, и нам так было больно, что мы на улице ревели, ревели. На днях в Уфе ожидается погром, и мы почти все ночи не спим. Сейчас у меня будет урок музыки. Нина уже кончает, пишу очень плохо, так как тороплюсь. Целую тебя, Тата. Спасибо за открытки, поклон Ксене, Боре».

Особняк Степанова.
Фото 1990-х гг.

А теперь документ совсем другого рода. Судя по почерку, его писал человек, привычный к сохе и лишь недавно овладевший грамотой (орфография и пунктуация сохранены):

«Постановление

1919 года февраля месяца 1-го дня Уфимская Губ. чрезв. комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией рассмотрев дело гражданина Губарева Николая обвиняемого в 1) Конт. революционном действии 2) Выдаче, им т. Красно-Армейцев, из показания свидетелей выяснилось, что действительно Губарев выдал т. Красно-Армейцев и отымал винтовки и Выдал Агитатора Сергейчука чешской разведке. Комиссия постановила: гражданина Николая Губарева прижать к суду революц. трибунала г. Уфы. сл. Миронов».

...Среди щепок и битой штукатурки, оставшихся от снесенного дома, то и дело находил стреляные пули от трехлинейной винтовки и маузера. Судя по всему, революционный суд и расправа вершились в этом доме весьма интенсивно. Удалось ли гр. Губареву избежать казни? Смог ли следователь Миронов уйти от почти неизбежного расстрела «за связь с американской разведкой» в 37-м году? Как сложилась судьба семьи де Ладвез? Вряд ли мы когда это узнаем, хотя как знать... Информация может появиться из самых неожиданных источников. Когда от дома Степановых уже ничего не осталось и экскаватор выкорчевывал подвал, обнажились рельсы, забетонированные в основании первого этажа. Они имели клеймо «1908 г.». Вот вам и дата постройки! Не сомневаюсь, что в домашних архивах и в памяти уфимцев хранятся ответы на многие загадки дома, которого уже нет.

В ЧЕСТЬ ПУШКИНА

О памятниках и памятных местах на территории Башкирии, посвященных Пушкину

Владимир
Буравцов

В 1899 году во время подготовки к празднованию столетия со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина Уфимская городская дума рекомендовала городской управе приобрести и установить чугунный бюст поэта. В Ушаковском парке (позже ЦПКиО, имени Матросова, ныне имени Ленина) был построен фонтан, но бюста поэта, который планировали там установить, так и не приобрели,

Памятник А.С. Пушкину
у оперного театра.
1960 г. Фото
М. Битюкова

обойдясь обычным для таких мест скульптурным изображением прячущихся под зонтиком детей. Тем не менее, между улицами Центральной (Ленина) и Александровской (Карла Маркса) уже имелась засаженная липами и крайне популярная среди уфимцев Пушкинская аллея. Стоит пояснить, что еще решением Уфимской городской думы от 30 ноября 1889 года по предложению Н.А. Гурвича в память 90-летия поэта бывшую улицу Почтовую (нынешняя улица Пушкина от улицы Степана Разина и до улицы Ленина) и Голубиную (часть нынешней улицы Пушкина ниже улицы Ленина) стали называть Пушкинской.

И только в марте 1937 года, вскоре после столетней годовщины со дня смерти поэта, в газете «Красная Башкирия» появилась заметка с предложением об установке в Уфе памятника Пушкину. А уже после войны, в 1948 году, по заданию управления капитального строительства Уфимского горкомхоза был составлен проект ограждения сквера на улице Пушкина и реконструкции его входа (автор проекта — архитектор А.М. Мышкин). Исходным материалом для работы стала отлитая на Каслинском заводе (Челябинская область) чугунная решетка, ранее примененная на строительстве канала Москва—Волга. Было решено обозначить главный вход в аллею со стороны улицы Ленина, где установи-

ли две симметрично расположенные тумбы с металлическими трехрожковыми светильниками, а между ними на постаменте — бюст поэта. В июле 1949 года памятник работы скульптора В.Н. Домогацкого был установлен. Бюст представляет собой массовую модель, которая в тот период появилась в разных местах СССР — Алатыре, Вологде, Ельце, Клинцах и др.

Во второй половине 1970-х годов после открытия Дома актера памятник поэту (уже без тумб и светильников) был перенесен к этому зданию, а позже он был еще и выкрашен в черный цвет. Переносом памятника поэту на противоположную сторону улицы был разрушен архитектурный ансамбль. Кроме того, в 1980-е годы чугунные решетки вдоль аллеи высокое начальство повелело заменить на массивные гранитные блоки.

Узнав, с каким трудом памятник Пушкину появился в Уфе, можно подумать, что он — единственный в республике, но это не так. В нескольких источниках, в том числе в «Красной Башкирии» от 11 декабря 1936 года, сообщалось о предстоящей установке памятника в селе Топорнино. Памятник предполагалось установить в парке культуры и отдыха имени Пушкина. Обратимся к подшивке за 1937 год. В № 33 от 10 февраля читаем сообщение: «Колхозный театр Топорнинского района готовит к постановке отрывки из опер «Евгений Онегин» и «Борис Годунов». Колхозный хор исполнит песни из оперы «Русалка»». Про обещанное открытие памятника в связи со 100-летием со дня смерти поэта — ни слова. Известный пушкинист из Санкт-Петербурга А.Д. Гдалин высказал предположение, что топорнинский памятник просто так исчезнуть не мог. Информация шла от Всесоюзного Пушкинского комитета и была напечатана во «Временнике Пушкинской комиссии» за 1937 год. 23 декабря того же года аналогичное сообщение появилось и в газете «Литературный Ленинград». Думается, что в Топорнино (переименовано в Кушнаренково по одним источникам в 1937 г., по другим — в 1938-м) прислали бюст массовой отливки работы скульптора В.Н. Домогацкого, вовремя установить не успели, а позже «загнали» внутрь школы (библиотеки, ДК).

В середине 30-х годов XX века в г. Белорецке возникла необходимость строительства новой большой школы, и проект четырехэтажного здания был привезен из Москвы. Строительство началось в 1936 году. Школа распахнула свои двери 1 сентября 1937 года и была первоначально рассчитана на 880 мест; решением президиума городского совета школе было присвоено имя поэта. Это была первая в городе школа с десятилетним обучением.

В районной газете «Белорецкий рабочий» за 11 февраля 1937 года читаем: «Для увековечения памяти великого русского народного поэта А.С. Пушкина в связи с исполняющимся 10 февраля столетием со дня его смерти президиум Белорецкого городского совета постановляет: ...установить бюсты А.С. Пушкина во Дворце культуры, клубе им. К. Маркса и летних садах». Пришлось проштудировать много подшивок, пока не наткнулся на сообщение об установке всего лишь одного бюста из нескольких обещанных: «Тем же летом [т. е. 1937 г.] выпускник Ленинградской школы ваяния и зодчества Иван Павлович Колчин, к этому времени уже несколько лет работавший в Белорецке учителем рисования и черчения, вылепил из местной глины и вместе с учениками установил бюст Пушкина перед главным фасадом школы». На мой запрос в Белорецк я получил следующий ответ:

Уважаемый Владимир Николаевич!

Мною был приглашен скульптор города Ю.К. Байбурдин, который осмотрел бюст А.С. Пушкина и подтвердил, что материал изготовления — бетонная смесь.

С уважением к Вам директор школы Портнов Андрей Борисович.

Не менее любопытный ответ на другой мой запрос по поводу памятника поэту в городе Салавате я получил из Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры министерства культуры Республики Башкортостан: «На ваше письмо от 28.07.98 г. сообщаем, что бюст А.С. Пушкину в г. Салавате сохранился. Он находится на улице Пушкина в удовлетворительном состоянии. Бюст установлен в 1961 году, автор В.П. Витали». Сообщений об открытии памятника в Салавате в печати не попадалось, да и к самой фамилии скульптора как автору данного памятника отношусь настороженно. И все же... Гипсовый памятник Пушкину работы неизвестного скульптора был установлен в 1961 году в начале улицы Пушкина города Салавата. Позднее он был перенесен в Детский парк на то место, где раньше стоял памятник Салавату Юлаеву, последний же на новом постаменте установили на проспекте Юлаева.

Еще один памятник Пушкину находится вблизи станции Чишмы-2, у здания профессионально-технического училища № 48. Дата установки, скульптор — неизвестны, но, судя по всему, ваял поэт кто-то из местных умельцев. В Управлении по охране памятников РБ мне сообщили, что этот памятник Пушкину (впрочем, как и другие пушкинские) у них на охране не стоит.

В 1925 году приложение к «Красной Башкирии» — «Башкирский крокодил», ссылаясь на «Русское слово», рассказало о том, как жители Стерлитамака еще до революции хотели установить бюст Пушкина на высоком берегу Ашкарара: «Воткнули в землю десятка полтора кустиков рябины и смородины и, огородив деревянной решеткой, окрестили Пушкинским сквером. Дабы увековечить память великого человека, решили поставить здесь бюст поэта и испросили у думы на это 300 рублей. Думский голова купец Дьяконов в выделении денег отказал». В связи с этим становится понятен разрыв между домами на улице Пушкина в створе улицы Сакко и Ванцетти — место для памятника над рекой было выбрано великолепно.

В селе Усень-Ивановский завод Белебеевского уезда в 1899 году был проведен «Пушкинский посад» — посадка хвойных деревьев. На открытке 1906 года видна табличка с надписью «Посадка 1899 года». В газете «Лесная промышлен-

ность» (17.02.1972) приведен текст доски на столбе: «Эти сосны посажены в 1899 г. по случаю 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина учащимися Усень-Ивановской школы». Похожие тексты встречаются и в других газетах.

И еще. В очерке «Моя Черниковка» М.В. Агеева вспоминает: «За школой, по улице Грибоедова, существовал живой зеленый островок — летний сад имени А.С. Пушкина, охватывающий территорию вдоль высокого берега реки Белой. Вид на забельские дали с высокого берега был удивительно красивым. Была и трамвайная остановка “Сад имени Пушкина”. Мы же звали его парком. Тенистые аллеи вековых деревьев, асфальтированные дорожки, скамейки для отдыха, какие-то статуи, фонтанчики для питья воды и две танцплощадки». Но вот памятник Пушкину в этом саду не было. Зато во дворе дома № 1 по улице Льва Толстого того же Орджоникидзевского района 6 июня 1959 года был установлен гипсовый бюст поэта работы скульптора И.С. Чернышевой, который простоял, к сожалению, не больше 20–25 лет. Кстати, рядом были такого же типа бюсты классиков марксизма-ленинизма, остатки их снесли во время строительства детского сада (сейчас на этом месте построили многоэтажный жилой дом).

Радмир
Янгиров

ОТ КОНСТРУКТИВИЗМА К НЕОКЛАССИКЕ

Архитектура Уфы 1920–1940-х гг.

К началу 1930-х годов в Уфе концентрируются индустриальные гиганты машиностроения, нефтепереработки и нефтехимии, предприятия легкой, пищевой и лесоперерабатывающей промышленности. Это предопределило строительство жилья в огромных масштабах и появление подчас уникальных зданий, в том числе общественного назначения. Реализация градостроительных задач потребовала новых источников финансирования. Частный заказчик вытесняется крупными государственными предприятиями. В столице республики возводятся монументальные правительственные и административные здания, корпуса вузов, учреждений науки и культуры. Эти здания до сего дня определяют лицо города, тем не менее об истории их появления почти ничего не известно.

«БАШЖЕЛДОРСТРОЙ» (К. Маркса, 12)

Конструктивизм — авангардное течение в архитектуре 20–30-х годов минувшего века — представлен в Уфе несколькими зданиями. Для своего времени они оказались сооружениями неординарными не только по масштабу, но и по социальному предназначению.

В 1929 году в Уфе была размещена крупная хозяйственная организация — трест «Башжелдорстрой». На него возлагалась важная задача — сооружение железной дороги от Уфы до Оренбурга. Для размещения управленческого аппарата «Башжелдорстроя» потребовалось выстроить большое здание. Городские власти предоставили под строительство участок на пересечении улиц Цюрупы и Фрунзе. Однако пуск в эксплуатацию новой железнодорожной магистрали требовал подготовки квалифицированных специалистов, и поэтому возведение административного здания решили совместить со строительством железнодорожного техникума.

Два этих многоэтажных сооружения, предопределивших начало эры индустриального развития Уфы, предложено было строить по периметру Верхнетор-

говой площади, обратив их фасады на улицы Карла Маркса и Пушкина. Проект выполнил уфимский архитектор Валентин Оттович Вайднер (1902–1938), увлеченный эстетическими принципами конструктивизма.

В первую очередь приступили к возведению здания управления «Башжелдорстроя». Более протяженный его фасад по красной линии улицы Карла Маркса предопределил главные эстетические характеристики здания. Фасад архитектор акцентировал широким ризалитом, который членился тремя лентами вертикального остекления. Освещенность помещений достигалась за счет устройства больших почти квадратных окон.

Впечатляюще устроена входная группа, объединяющая два крыла здания с использованием остекленного полуцилиндрического объема, — фланкирующие его глухие стены воспринимаются как громадные пилоны торжественно оформленного входа.

Масштабность замыслу архитектора придал расположенный рядом учебный корпус Уфимского железнодорожного техникума по улице Пушкина. Здание выстроено со значительным отступом от красной линии и отделено от улицы широкой полосой бульвара.

После ликвидации в 1934 году «Башжелдорстроя» в здании управления был размещен комбинат «Востокнефть» (с 1944 г. «Башнефть»), а с началом войны его занял Башкирский сельхозинститут, собственные помещения которого передали эвакуированному оборонному заводу.

Здание железнодорожного техникума еще в 1940 году было передано открывшемуся авиационному техникуму. Когда в корпусах началось размещение Уфимского авиационного института (1963 г.), их перестроили, не посчитавшись с архитектурно-стилистическими особенностями. Тем самым выразительные преимущества первоначального фасада были нарушены с потерей стилистической выразительности.

«СОЮЗХЛЕБ» (Театральная, 5)

В январе 1930 года правительство СССР приняло постановление о создании Всесоюзного государственного хлебо-мукомольного объединения «Союзхлеб». Подразделение «Союзхлеба» организуется и в Башкирской АССР. Принимается решение выстроить здание объединения «Башхлеб». Проект строительства был утвержден в мае 1931 года. Для реализации приняли вариант архитектора Валентина Вайднера, предложившего выстроить корпус в традициях конструктивизма.

Трактовка административного корпуса «Башхлеба» была предложена предельно рациональная и свободная от декоративности. Аскетическая простота форм определялась не только тенденциями господствующей эстетики. К этому вынуждала ограниченность средств, отсутствие многих строительных материалов, недостаток квалифицированных рабочих-строителей.

Трехэтажный административный корпус имеет в плане конфигурацию в виде буквы «П». При этом одно крыло спроектировано укороченным — это открывало дополнительную площадь со стороны двора для размещения жилого дома. От основания здания вверх устремлены гладкие стены, фасад оживляют центральный ризалит с главным входом и четкие проемы высоких окон без наличников.

*Здание
«Башжелдорстроя»*

Дом-коммуна

На протяжении многих десятилетий в здании размещалось Министерство заготовок Башкирской АССР. Сейчас в нем — Министерство образования Республики Башкортостан. В связи с этим здание пережило капитальный ремонт. Внутренняя перепланировка не проводилась, зато заметно обогатился фасад административного корпуса — цоколь выложили каменными блоками. Пространство стены первого этажа облицевали мрамором светло-зеленого цвета, что усилило эстетическую выразительность здания.

ДОМ-КОММУНА (Ленина, 9/11)

Стремительный рост числа жителей в Уфе, которая в 1922 году стала столицей Башкирской Автономной Республики, заставил посчитать первоочередной задачей строительство жилых зданий. Они строились по самым доступным сметам, как правило, это были типовые двухэтажные жилые строения. Под жилье перестраивались все более или менее пригодные каменные здания — мельницы, амбары, склады, конюшни, небольшие производственные корпуса. Условия проживания в них были не из лучших. Именно поэтому строительство в начале 30-х годов первой в Уфе пятиэтажки стало событием неординарным. Заказчиком первого многоэтажного жилого дома выступил строительный кооператив «Железнодорожник». Кроме жилых зданий, предусматривалось строительство вспомогательных хозяйственных объектов (прачечной, сараев), а также детских площадок, мест для отдыха и спортивных игр.

Городские власти предложили построить эту пятиэтажку на улице Зенцова (сегодня улица Ленина). Проект, разработанный инженером А. Дениско, был утвержден техническим советом Управления строительного контроля при Башсовнарком в марте 1930 года. В том же году было начато возведение жилого комплекса, а первые жильцы поселились в нем в 1932 году. Проект предполагал возведение так называемого дома-коммуны — авангардного для того времени многофункционального жилого комплекса. Ставилась задача предоставить каждой семье отдельную квартиру и обеспечить особый уровень общественно-го обслуживания. Для этого архитектурно-планировочным ядром в доме-комму-

не должен был стать двухэтажный корпус, связывающий пятиэтажные здания. В этой двухэтажке (жители нового дома прозвали ее «стеной») предполагалось разместить общественную столовую, детский сад, комнаты кружковых занятий подростков, а также совмещенные в единый комплекс спортивный и читальный залы. Именно с этого полифункционального здания началось сооружение уфимского дома-коммуны.

Согласно проекту, два пятиэтажных жилых корпуса были обращены своими однотипными фасадами на улицу Ленина, причем левый корпус выходил на «красную линию», а правый строился с отступлением вглубь двора, превращенного в сквер с детской площадкой. Автор проекта признавал, что в качестве образцов им были взяты московские дома-коммуны.

В проекте были четко просчитаны социальные функции нового дома. Предполагалось, что в нем будет проживать до 300 человек. Первоначальное обсуждение проекта вызвало ряд радикальных изменений. Комнаты-спальни, на которые поначалу был разбит дом, были заменены на небольшие по площади, но отдельные квартиры. В каждой из них было предусмотрено центральное водяное отопление, ванны комнаты либо душевые с умывальником и туалетом.

Послужив почти 80 лет, дом-коммуна и сегодня продолжает функционировать как строго эстетичное и рациональное по планировке здание. В 1954 году дом первым в Уфе был подключен к газоснабжению.

«БАШКИРГЕОЛОГИЯ» (Ленина, 37)

Летом 1932 года Совнарком Башкирской АССР принял постановление о строительстве здания треста «Башкиргеология». В правительственном документе подчеркивалось, что объект необходимо считать первоочередным и ударным. Реальными предпосылками для сжатых сроков строительства послужило открытие Ишимбайского месторождения нефти и связанная с этим необходимость интенсивно продолжать геолого-поисковые работы, а также сконцентрировать усилия на подготовке специалистов.

Под строительство здания был отведен участок на центральной улице города, что выдвигало повышенные функциональные и эстетические требования к сооружению. Архитектор Валентин Вайднер в сжатые сроки завершил разработку, начиная от эскизного проекта до рабочих чертежей. В проекте в стиле конструктивизма архитектор предложил простую и рациональную конфигурацию здания, функционально сгруппировав помещения кабинетов научных сотрудников, лабораторий, музея геологических образцов.

Корпус треста «Башкиргеология» имеет простую в плане форму прямоугольника. Согласно проекту, центральная часть здания должна была строиться в пять этажей, высота боковых крыльев — в четыре этажа. Сжатые сроки возведения сооружения заставили привести коррективы в проект, и по высоте все части здания были уменьшены на один этаж.

Центральный ризалит обрамлен двумя входами, которые продолжены вертикальным остеклением лестничных клеток. Ряды больших окон отделены друг от друга межэтажными глухими поясами стен, их гладкие поверхности придают особую контрастность.

*Здание треста
«Башкиргеология»*

Отсутствие декора компенсируется по всему пространству фасада приданием ему выразительных пропорций за счет отдельных деталей. Обращают на себя внимание высокие парапеты, за которыми скрыта поделенная на неравные по площади участки крыша.

Функциональный расчет архитектурного замысла здания треста «Башкиргеология» был нарушен с первых лет его эксплуатации. В предвоенные годы не была завершена постройка Уфимского геологоразведочного техникума, и будущих специалистов нефтяной отрасли было решено обучать в одном здании с отраслевым учреждением. В трудные для страны годы учащиеся в форменных тужурках с яркими погончиками горного ведомства заметно выделялись среди уфимцев.

В наши дни в здании размещаются Российский фонд обязательного медицинского страхования по Республике Башкортостан и Управление по делам архивов при Правительстве Республики Башкортостан.

БАШПОТРЕБСОЮЗ (Ленина, 26)

В годы нэпа быстро развивалось кооперативное движение, за короткий срок ощутимо выросло число пайщиков потребительской кооперации. На них опиралась система Башпотребсоюза, одной из крупнейших кооперативных организаций в стране. Но такая работа требовала подготовки специалистов. С этой целью в 1926 году в Уфе открылся промышленно-кооперативный техникум — он разместился в двух корпусах по улице Октябрьской революции, 7, предварительно соединенных двухэтажной смычкой (ныне в этом здании размещается Уфимский педагогический колледж № 2).

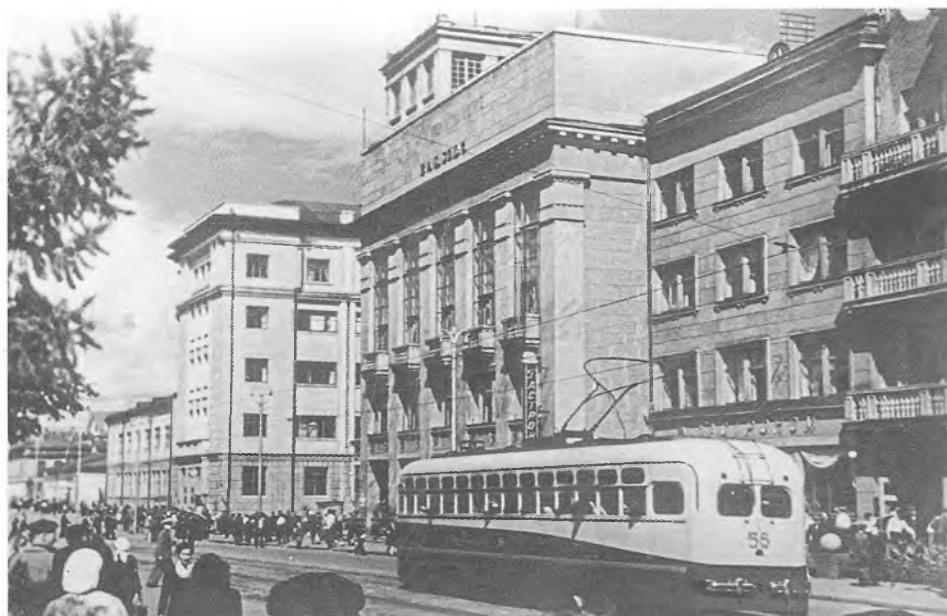
Спустя три года в техникуме обучалось уже 1200 человек, и встал вопрос о создании соответствующей учебно-материальной базы. Правительство республики поддержало идею строительства учебного городка в границах современных улиц Ленина, Коммунистической, Цюрупы и Октябрьской революции. Территория современного сквера Маяковского представляла в те далекие годы глубокий овраг с родниковыми водами — здесь предполагалось осуществить дренажные работы, посадить деревья и кустарники, возвести спортивный городок.

На пересечении улиц Советской и Коммунистической предполагалось выстроить пятиэтажный Дом работников прилавка для специалистов Башпотребсоюза, его первый этаж отводился под магазины, где заодно проходили бы практику учащиеся техникума. Наконец, в глубине квартала должна была появиться гостиница Башпотребсоюза.

К сожалению, замысел не был реализован во всей полноте, так что о размахе проекта сегодня можно судить лишь по сохранившимся чертежам и пояснительным запискам. Однако главное ядро комплекса начали возводить в 1933 году и завершили его строительство в 1935-м.

4 мая 1933 года на заседании экспертно-технического совета при Башкирском народном комиссариате коммунального хозяйства (государственный орган, имевший право предварительного рассмотрения проектов всех возводившихся в республике объектов) была проанализирована заявка руководства Башсоюза на строительство своего административного здания. Судя по документу, это был редкий случай, когда проект застройки на центральной улице Уфы был утвержден без замечаний. Отмечалось, что «следует дать высокую оценку фасадам здания и рекомендовать использовать при отделке цементную штукатурку с мраморной крошкой и насечкой, чтобы подчеркнуть особую значимость ввиду его расположения на центральной улице».

Впрочем, такая оценка проекта удивлять не должна: башкирские кооператоры, обладая значительными средствами, разместили заказ на проектирование

Здание
Башпотребсоюза

здания в одной из престижных архитектурных мастерских Москвы, которую возглавлял академик И. Фомин. Непосредственно руководил проектированием профессор Борис Андреевич Коршунов (1886–1961). Вот почему экспертное заключение содержит еще одну примечательную запись: «Архитектурное оформление считать удачным, особенно в решении угла и портика главного входа».

Выполняя заказ, архитектор предложил вариант здания, закрывающего по протяженности фасада почти целый квартал. Главная часть здания отводилась под административные службы Башпотребсоюза. Здесь же должен был разместиться Уфимский кооперативный техникум, а на первом этаже — магазины, рестораны, парикмахерская.

С левой стороны на значительное расстояние от фасада отстоит ризалит: этот прием обеспечил приращение площади для размещения двухсветного актового зала. Квадратные опоры ризалита, ставшие элементом монументального обрамления входа в здание, переходят в пилястры, ритмично поделившие остекление торжественного фасада актового зала. Правый ризалит, примыкающий вплотную к ранее существовавшей застройке, увеличил площадь той части здания, где разместили квартиры со всеми удобствами.

Отделку здание получило строгую, применение улучшенных материалов придало ему парадный характер. Основной фасад предстает с отступом от красной линии, большие окна с лаконичным обрамлением придают фасаду особую выразительность, а вертикальное членение подъездов оживляют протяженные балконы, их профиль повторяется в виде глухих балясин на парапете, венчающем здание.

Второй объем здания Башсоюза обращен фасадом на улицу Коммунистическую. С учетом рельефа местности эта часть возведена на высоком цоколе, по всей длине первого этажа был размещен зал ресторана, а кухня, складские и иные служебные помещения — в цокольной части здания.

Оба объема величественного сооружения органично объединяет башня, которая возвышается над всем пространством застройки еще на два этажа. Здесь, согласно замыслу заказчиков, предполагалось разместить музей башкирской кооперации.

Привлекают внимание особенности интерьера в административной части здания Башсоюза. Строгая монументальность придана вестибюлю первого этажа.

Дом Наркомфина

Отсюда начинаются противостоящие друг другу марши парадной лестницы, ведущие на третий этаж, к фойе актового зала. В административном корпусе широкие коридоры, высокие потолки. Сохранившиеся тяжелые деревянные двери по обе стороны коридоров подчеркнуто выделены как входы в кабинеты.

ДОМ НАРКОМФИНА (Коммунистическая, 36)

Строительство жилого дома Наркомфина (Народный комиссариат финансов Башкирской АССР) в столице республики — один из первых реализованных проектов архитектора Николая Юрьевича Лермонтова (1867–1949). Он приехал в Уфу в 1931 году из Ярославля, имея богатый опыт по возведению десятков объектов гражданского и общественного назначения.

Приглашенный на должность главного инженера треста «Башкирпроект» Н.Ю. Лермонтов не только успешно справлялся с большим кругом организационных вопросов, но занимался и проектированием зданий, выбирая наиболее значимые и престижные объекты. Финансовое ведомство республики оказалось одним из немногих, решившихся на строительство для своих сотрудников отдельного жилого дома со всеми коммунальными удобствами. Многие государственные учреждения предпочитали строить дома-временки из дерева либо воссоединить административную часть кирпичного здания ведомства с жилой многоквартирной постройкой.

Дом Наркомфина возвели в 1934 году на пересечении улиц Аксакова и Егора Сазонова (ныне Коммунистическая). Для того чтобы соблюсти гармонию с окружающей застройкой, архитектор остановился на варианте трехэтажного здания.

Дом обращен фасадами на две улицы, при этом главный протяженный фасад ориентирован на восток, укороченный — на север. Архитектор учел, что здание, оказавшееся в зоне недостаточной освещенности, будет восприниматься малозначительным сооружением. Он решил проблему, предложив смягчить некоторую суровость, возникающую от места расположения здания, за счет цвета и деталей отделки: дом выкрасили в светло-желтые тона при контрастно-белых выступающих элементах (рустованные лопатки, ложные замки-сандрики окон и чуть очерченные карнизы-наличники).

Подобное эстетическое решение придало зданию торжественность классических сооружений XIX века. Н.Ю. Лермонтов воспринял начинавшиеся перемены,

знаменующие поворот от увлечения геометрическими пропорциями и контурами сооружений в стиле конструктивизма к новой традиции декоративной отделки здания, обычно называемой «сталинским ампиром».

Особый акцент архитектор придал фасаду по улице Аксакова. Он был спроектирован в 1,5 раза протяженнее второго фасада. Этот прием позволил преодолеть монотонность эстетического восприятия здания. В доме Наркомфина 12 четырехкомнатных квартир, их планировка позволяет отнести здание к числу лучших жилых домов предвоенной Уфы.

В 70-е годы рядом с домом Наркомфина был возведен девятиэтажный корпус студенческого общежития. При этом устроили ощутимый разрыв между зданиями, обеспечив целостное восприятие творения архитектора. Однако несколько лет назад эта территория была заполнена постройкой, точнее сказать — встройкой, многоэтажного коммерческого комплекса.

«БАШСПИРТ» (Пушкина, 79)

Установленная в середине 20-х годов минувшего века государственная монополия на производство и продажу водочных изделий быстро превратила одну из отраслей пищевой промышленности в источник высоких прибылей в бюджет. В Башкирской АССР это позволило осуществить в центре Уфы постройку комплекса административного и жилого здания объединения «Башспирт».

Здание — один из первых проектов в Уфе архитектора Н. Лермонтова. Комплекс треста «Башспирт» должен был обеспечить гармонию с красивейшим особняком города в стиле модерн, выстроенным в начале XX века по заказу купца Костерина, хотя при невысоком качестве материалов и отсутствии квалифицированных специалистов добиться этого было непросто.

Совмещение жилых помещений и административного корпуса — одно из примечательных явлений в застройке Уфы в 30-е годы. Горожане испытывали ужасную жилищную тесноту, и по этой причине предложение заселить в трехэтажный кирпичный дом часть работников учреждения не вызвало возражений со стороны местных властей, заинтересованных в закреплении квалифицированных специалистов.

Здание «Башспирта»

Фасад здания обращен на южную сторону, что сделалось очевидным преимуществом для жильцов. Всего восемь квартир — четырехкомнатных, трехкомнатных и одно помещение, выделенное в качестве общежития для одиноких сотрудников, — были обеспечены водопроводом, канализацией, водяным отоплением, что воспринималось как исключительное преимущество того времени. На кухнях по желанию проживающих семей возводились русские печи.

Административный корпус здания (он отстоит несколько дальше от красной линии улицы) и жилую часть связывает остекленная закругленная входная группа с лестничной клеткой. Этот прием позволил преодолеть монотонность протяженного фасада, и все сооружение воспринимается как гармонично решенный законченный комплекс.

Жилая часть поделена рустованными столбами с большими окнами между ними, ее венчает высокий парапет с круглым декоративным окном. Фасад административного корпуса перфорирован проемами попарно сгруппированных окон меньшего размера. Несколько отстраненная от красной линии улицы административная часть здания «Башспирта» воспринимается как строго решенное по стилистике государственное учреждение.

В годы Великой Отечественной в здании «Башспирта» были размещены эвакуированные из Киева президиум Академии наук Украинской ССР и некоторые научные институты. В одной из квартир жилой части проживал ученый, писатель и общественный деятель Павло Тычина. Об этом свидетельствуют мемориальные доски, установленные на фасаде здания. В послевоенные годы в здании размещался Уфимский райком КПСС, позже — редакции газет и банк.

Первоначальный проект предусматривал расширение административно-служебных помещений треста «Башспирт» за счет сноса углового одноэтажного здания (бывший дом Коншиной), однако замысел не был осуществлен.

ДОМ СТАРЫХ БОЛЬШЕВИКОВ (Коммунистическая, 75)

В 20-е—начале 30-х годов прошлого столетия большим уважением в стране пользовались члены Общества старых большевиков. Люди, прошедшие царские тюрьмы и каторгу, нуждались в поддержании подорванного здоровья, оказании материальной помощи. Важное значение имело и идейное влияние закаленных партийцев на молодежь. Однако не без вмешательства самого Сталина в 1935 году деятельность Общества старых большевиков была прекращена.

В Уфе в это время по заказу местного отделения Общества на месте снесенной Успенской церкви строился жилой дом (группа архитекторов под руководством Н.Ю. Лермонтова). После роспуска Общества строительство подчинили Управлению делами Башкирского Совнаркома, оно должно было пополнить жилищный фонд 24 комфортабельными квартирами для ответственных работников аппарата Башкирского обкома ВКП(б) и Правительства республики. В этом доме поселились первый секретарь Башкирского обкома ВКП(б) Я.Б. Быкин и первый председатель Совнаркома Башкирской АССР З.Г. Булашев.

Здание имело два крыла. Главное было обращено фасадом на южную сторону, второй корпус примыкал к главному перпендикулярно. Каждое крыло здания завершал полукруглый эркер, что увеличивало площадь квартир и придавало фасадам определенное изящество. Дом имел автономную котельную.

Территорию застройки отгородили ажурным деревянным забором, который крепился на кирпичных опорах, оставшихся от чугунной ограды Успенской церкви. Подъезд к дому — как и во времена церкви — был оформлен полукругом. Вся прилегающая территория напоминала парк. У входа во двор выставлялся пост милиции.

На территории, прилегающей к зданию, был построен ледник. Жильцы дома могли хранить там скоропортящиеся продукты. Единственное сооружение, которое не было выстроено согласно утвержденному проекту застройки, — это клуб со зрительным залом на 160 посадочных мест.

Что же касается территории двора, то старожилы Дома старых большевиков и те, кто поселился в нем в послевоенные десятилетия, поделили прилегающую территорию на равные участки. Прошло несколько лет, и фруктовые деревья практически отгородили Дом старых большевиков от взоров прохожих...

КОРПУС МЕДИНСТИТУТА (Ленина, 3)

С открытием в 1932 году медицинского института в Уфе территорию, заключенную в пределах современных улиц Ленина — Валиди — Театральной — Пушкина, начинают именовать медгородком. Главный корпус нового вуза (бывшая мужская гимназия) был надстроен. Остальные учебно-лабораторные корпуса и здания общежития возводились с 30-х до середины 70-х годов прошлого столетия.

Новый корпус, к строительству которого приступили в 1936 году, во всех проектных документах именовался биофизиологическим институтом. Тем самым подчеркивалась его особая значимость в структуре медицинского института.

Учебно-лабораторный корпус был спроектирован в 1935 году в Москве, в архитектурно-планировочной мастерской Народного комиссариата здравоохранения РСФСР (архитектор А. Андресян). В ходе строительства уфимские архитекторы Б.Г. Калимуллин и А.И. Филонов привнесли в здание выразительность, не нарушив при этом его функционального предназначения и композиции.

Протянувшийся на 126,5 метра фасад здания продолжен в виде укороченных боковых приделов вглубь двора. По оси корпуса на территории двора размещена главная лекционная аудитория, ее интерьер был обустроен в стиле амфитеатра, рассчитанного на 300 мест. Такая присущая всем классическим вузам функциональная особенность впервые была осуществлена в Уфе именно в здании биофизиологического института.

О важности корпуса в структуре медицинского института свидетельствовали обосновавшиеся в его стенах кафедры биохимии, нормальной физиологии, биологии, микробиологии, фармакологии, патологической физиологии с профиль-

*Корпус
мединститута*

ными лабораториями и учебными аудиториями. В годы Великой Отечественной войны в этом здании размещался эвакуированный в Уфу первый Московский медицинский институт. С ним приехали многие выдающиеся ученые. Имя одного из них — народного комиссара здравоохранения РСФСР академика Н.А. Семашко — увековечено на мемориальной доске.

ВТОРОЙ КОММУНАЛЬНЫЙ (К. Маркса, 17)

В 1930-х годах жилые дома, которые возводились на средства городских бюджетов и в первую очередь предназначались для расселения семей работников аппарата многочисленных учреждений, было принято называть коммунальными. Место под застройку первого коммунального дома в Уфе выбрали не совсем удачно: по причине тесной застройки улицы Коммунистической вдоль красной линии разместили лишь торцевую часть здания, а большая часть многоэтажного строения оказывалась в глубине обширного прилегающего двора.

Четырехэтажный корпус второго коммунального дома начали возводить в 1931 году, но уже в первые месяцы после начала строительства среди специалистов возникли споры и разногласия. Дело в том, что для возведения здания был использован типовый проект, который под выбранный участок застройки приспособил уфимский городской архитектор Дмитрий Михайлович Ларионов. В связи с тем что по специальности он был техник-строитель, под сомнение ставился уровень его профессионализма: это будто бы привело к существенным недочетам при проектировании.

В основу протяженного по фасаду здания был положен принцип объединения шести однотипных секций. В жилом доме предлагалось устроить 50 двухкомнатных квартир, 17 трехкомнатных и 2 четырехкомнатные. Каждая квартира помимо жилых комнат должна была быть оборудована водопроводом и иметь отдельную кухню, прихожую, встроенные шкафы, туалет. Однако комиссия архитектурно-строительного контроля признала большим недостатком отсутствие в квартирах ванных комнат и недопустимым оборудование общих душевых. При общей нехватке труб и необходимого коммунального оснащения при утверждении проекта на это не обратили внимания.

Архитектору Н. Лермонтову поручили доработать проект, исправив допущенные недочеты, а также завершить проектирование обустройства всей предоставленной под застройку территории. Архитектор в первую очередь разработал вариант застройки образовавшейся пустующей площадки между строящимся зданием и обращенным на улицу Свердлова корпусом гостиницы дореволюционной постройки. Он разработал проект возведения углового семиэтажного корпуса в виде башенного сооружения, который должен был объединить оба здания. На первом и втором этажах этого корпуса предлагалось устроить магазины продовольственных и промышленных товаров с обширными подвалами для хранения запасов, а наверху была запроектирована закрытая остекленная терраса, используемая как солярий и детская площадка. Впервые в Уфе здание предполагалось оснастить лифтом.

Выразительные характеристики жилому дому придало оформление его фасада от основания до карниза под греческий руст. Со временем фасад был декорирован лепными украшениями в виде цветочных гирлянд, но лепнина не компенсировала отсутствия строгой гармонии внешнего оформления здания. Многоэтажный жилой дом воспринимается как функционально и эстетически незавершенное сооружение. Членению фасада здания недостает сообщающих строгий ритм балконов, придающего особую эстетическую выразительность обрамления проемов больших квадратных окон.

Неоднократные переделки проекта в ходе строительства не способствовали достижению требуемой эстетической выразительности. К тому же завершение отделочных работ проводилось уже в заселенном жильцами доме и растянулось на долгие годы.

Предложенное Н. Лермонтовым башенное завершение жилого дома так и не было осуществлено, на протяжении многих десятилетий неоштукатуренная кирпичная стена торца здания напоминала о незавершенности застройки. На образовавшемся «пятачке» возводились временные сооружения, в которых размещались магазинчики, предприятия бытового обслуживания. В 90-х было выстроено вычурной формы кирпичное здание, нарушившее гармонию предшествующей застройки.

Если же вернуться к главному зданию, то стоит напомнить, что оно закрепилось в облике города не только своими архитектурными особенностями: второй коммунальный дом стал и объектом исторического наследия. Свидетельствуют об этом мемориальные доски в честь проживавших в нем в разные годы драматурга С. Мифтахова, писателя и общественного деятеля Т. Янаби, поэта Г. Саляма и немецкого антифашиста Ф. Вольфа.

ДОМ СВЯЗИ (Ленина, 28)

Монументальное здание Дома связи, выстроенное в предвоенные годы, стало одной из главных архитектурных доминант центральной улицы Уфы. В 1932 году был утвержден проект сооружения, вместившего в своих стенах органы по управлению почтой, телеграфом, телефоном, а также технические службы обеспечения бесперебойной связи со всеми регионами страны и выхода за рубеж.

Московский архитектор Николай Сергеевич Зарубин просчитал особенности застраиваемого участка на пересечении улиц Ленина и Коммунистической (в то время Зенцова и Сазонова) и предложил возвести пятиэтажное здание с учетом рельефа местности. Парадным фасадом должна была стать торцевая часть здания, четыре ряда высоких окон которой, обрамленные глухими балюстрадами, сделались главным выразительным компонентом. Пятый этаж с окнами меньших

Дом связи

размеров решен как аттик. Вход в здание вычленен торжественным порталом с четырехгранными полуколоннами.

Протяженный фасад вдоль улицы Коммунистической потребовал иных форм выразительности. Не нарушив композиционных приемов главного фасада, архитектор придал огромной по размерам стене более сдержанные характеристики. Большие окна не отмечены торжественной декоративностью и размещены со значительным интервалом друг от друга. Пространство между ними ритмично расчленено использованием лопаток. Значительное понижение рельефа заставило архитектора запроектировать цоколь в два этажа: нижний был приспособлен для хозяйственных целей.

Возведение Дома связи продолжалось в плановые сроки — в 1935–1937 годы. Однако по причине появления в период строительства новой аппаратуры связи было принято решение о переделке ряда помещений в соответствии с габаритами техники. Затянувшийся ввод здания не помешал начать эксплуатацию Дома связи поэтапно.

На первом этаже открылся операционный зал: к нему ведут две торжественные лестницы, обрамленные колоннами. На втором этаже начала работать междугородняя телефонная станция, на третьем — телеграф. Управление связи Башкирской АССР разместилось на четвертом этаже, на самом верхнем — пятом — этаже начался монтаж аппаратной радиоузла.

Оборудование радиостудий, помещений для редакторов, а также комнат для хранения грамзаписей и тонфильмов потребовало еще большего времени. Ответственный проект радиоузла поручили разработать молодому уфимскому архитектору Ивану Ивановичу Мироненко, и он справился с заданием. В ноябре 1940 года все работы были завершены.

В первые месяцы Великой Отечественной войны из Москвы было эвакуировано руководство Коминтерна, и из уфимских радиостудий началось регулярное вещание на многих языках — жителей оккупированных фашистами европейских государств.

Следует упомянуть еще об одном архитектурном дополнении к Дому связи в Уфе. Высокий башенный фасад здания несколько смягчен протяженным двухэтажным зданием по красной линии улицы Ленина. В нем начала работать первая в нашем городе автоматическая телефонная станция.

ЗДАНИЕ СОВНАРКОМА (Пушкина, 106)

После перевода в июне 1922 года столицы республики в Уфу Совет народных комиссаров Башкирской АССР (Совнарком) был размещен в здании бывшего крестьянского поземельного банка (ныне здание Национального музея Республики Башкортостан). В этом же здании первоначально были размещены БашЦИК и Башкирский обком ВКП(б).

В двухэтажном здании аппарат трех государственных учреждений разместили с трудом; кроме того, росла и численность ответственных работников и технического персонала. В начале 30-х годов был объявлен конкурс на проектирование Дома правительства. Обратил на себя внимание проект, представленный архитектором Н. Лермонтовым. Опытный мастер заложил композиционные основы для возведения масштабного здания. Фасады Дома правительства было предложено расположить с некоторым отступом от красных линий двух улиц — Советской и Пушкина. Монотонность протяженных стен он оживил полуовальной остекленной связкой, устроив на нижнем этаже цилиндрической стены торжественно оформленный вход в здание. На первом этаже (вознесенном над высоким цоколем) должны были трудиться работники Совнаркома, на втором — БашЦИКа, верхние

Здание Совнаркома

этажи предназначались для работников Госплана, рабоче-крестьянской инспекции и Башсовнархоза.

Приверженец классических архитектурных традиций, Лермонтов в этом проекте предложил возводить здание в стиле конструктивизма. Однако всеобщего одобрения его идея не получила. В 1932 году партийными инстанциями было предписано архитекторам всей страны перестроить художественную направленность своих работ: превалирующей тенденцией в эстетическом оформлении новых зданий становится монументальность и пышная декоративность.

Пример в утверждении новых тенденций подавали зодчие Москвы. Не случайно руководство Башкирской АССР обратилось за помощью в проектировании и возведении Дома правительства в одну из архитектурно-планировочных мастерских столицы, где к разработке проекта Дома правительства приступила бригада архитекторов под руководством Н.С. Зарубина.

Строительство Дома правительства началось в июле 1934 года. В том же году закончили фундамент здания, стены выложили в 1935 году, устройство перекрытий, кровли, штукатурные работы по фасаду завершились к концу 1936 года. Сдачу здания в эксплуатацию задержало устройство столовой и расположенного над ней двухсветного зала для торжественных мероприятий. Архитектор Н. Зарубин лично контролировал ход строительства, дважды приезжал в Уфу.

Здание Дома правительства воспринимается как подчеркнуто монументальное сооружение. Его отличает свежесть в трактовке деталей и применение улучшенных материалов в отделке. Изящно и строго прорисованные фасады здания с определенной объективностью можно отнести на счет преодоленного прежнего стиля, трактуемого как «постконструктивизм».

Ритм протяженным поверхностям фасадов задают большие, почти квадратные проемы окон — они акцентированы широкими наличниками. Главным элементом, придающим торжественность парадному фасаду здания, оказались трибуны: начиная с 1938 года перед ними в праздничные дни проходили участники демонстраций.

В ноябре 1937 года при приемке Дома правительства было предложено украсить его скульптурами, но лишь летом 1952 года Совет Министров Башкирской АССР обсудил фотоснимки скульптур, выполненных в качестве дипломной работы молодым ваятелем Б.Д. Фузеевым. Ему рекомендовали продолжить работу над скульптурами и осуществить выполнение индивидуального заказа. Увы, реализо-

Здание Новой
типографии

вать замысел молодому скульптору помешали политические перемены в стране и кампания «борьбы с излишествами».

В 2008 году были упразднены и торжественные трибуны, сохранилась лишь широкая лестница, ведущая к главному входу в здание. Ныне здание занимает Министерство сельского хозяйства.

НОВАЯ ТИПОГРАФИЯ (проспект Октября, 1/2)

Организация печатного дела оказалась в списке первоочередных задач Правительства Башкирской АССР после переезда летом 1922 года из Стерлитамака в Уфу. Из нескольких небольших предприятий организуется объединенная типография «Октябрьский натиск». Ее разместили в национализированном здании бывшей частной печатни купца Н.К. Блохина. Это двухэтажное здание находится на пересечении улиц Ленина и Октябрьской революции (третий этаж надстроен в 1930-х годах).

Технический прогресс в полиграфической отрасли настоятельно диктовал необходимость организации современного полиграфического предприятия. В 1933 году Правительство Башкирии добивается от руководителей отраслевого ведомства в Москве разрешения на строительство новой типографии. Многие годы в проектных документах и официальной переписке предприятие так и именовалось — «Новая типография». Предполагалось возвести комплекс производственных цехов и возвышающийся над ними многоэтажный редакционно-издательский корпус.

Участок под строительство типографии был отведен на северной окраине тогдашнего города. Проект застройки выполнила сотрудница института «Полиграфпроект» московский архитектор Ария Карловна Куршевиц. Строительство было начато в апреле 1934 года. В сентябре 1937 года правительственная комиссия обследовала готовность к работе Новой типографии и подписала акт о ее приемке в эксплуатацию. В типографии разместили цеха машинного и ручного набора, ротационной печати для тиражирования газет, цех плоской печати с применением новейших машин, в том числе импортных американских, фотоцинкографию, штемпельно-гравировочную мастерскую и несколько подсобных производств. Самым главным в проекте было объединение работы творческих журналистских кадров с работой печатников.

Четырехэтажный редакционно-издательский корпус оказался композиционным ядром предприятия. Он был возведен в традициях промышленной архитек-

туры в стиле конструктивизма и решен как лаконичное и выразительное в эстетическом отношении сооружение. Использованы простые архитектурные формы: четырехэтажный корпус с двумя ризалитами с торцов здания. Его отличительная особенность — гладкая поверхность стен с попарно размещенными высокими окнами. На фронтоне здания было устроено издали читаемое название — «Октябрьский натиск».

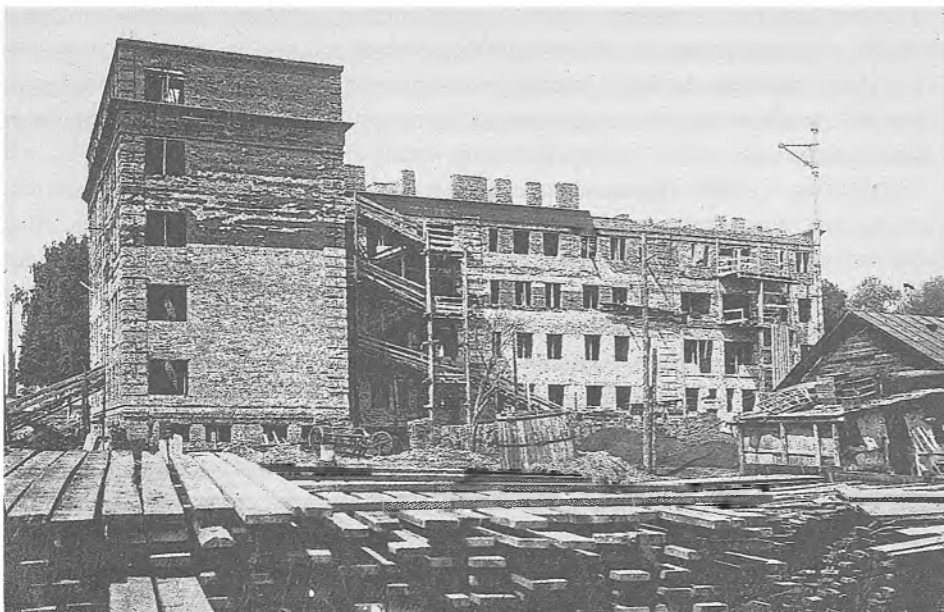
Здание Новой типографии на протяжении многих лет возвышалось на фоне малоэтажной застройки. После его возведения образовалась большая площадь. Проработала типография в новых условиях непродолжительное время. В годы войны значительно сократились тиражи газет и журналов, но в первую очередь выпуск книг, и Новая типография утратила свое первоначальное предназначение. В ее помещениях разместили эвакуированное оборонное предприятие. Производственные мощности типографии были перебазированы в помещения на Верхнеторговой площади.

К возрождению полиграфических производств приступили в первое послевоенное десятилетие. Был утвержден проект строительства Уфимского полиграфического комбината — первая продукция из его стен вышла в 1962 году. Еще через десять лет заработал производственный комплекс Дома печати с мощной полиграфической базой. В высотном корпусе разместились редакции ведущих периодических изданий республики.

БОЛЬШАЯ СТРОЙКА (Ленина, 2)

25 марта 1932 года было принято Постановление правительства СССР о возведении в крупных городах домов специалистов. Это была реальная попытка помочь людям, определявшим промышленный прогресс, достижения в науке и культуре. Ставилась задача обустроить их нормальную жизнь, решить жилищный вопрос. Дома специалистов должны были проектироваться как крупномасштабные здания, рассчитанные на 50, 100 и даже 300 квартир.

Правительство БАССР постановило выстроить в Уфе самый большой для того времени — 100-квартирный — жилой дом. Проектировать его поручили тресту «Башпроект», участок для застройки был выбран в историческом центре Уфы. Остановились на варианте 5-этажного дома, разработанном архитекторами

*Строительство
Дома специалистов*

Г.Д. Вагиным и А.И. Филоновым. Новое сооружение состояло из трех примыкающих друг к другу корпусов.

После утверждения проекта возник вопрос, кому поручить реализацию сложной в инженерно-техническом отношении задачи. Был выбран трест «Башжелдорстрой», но с первых дней строительства возникли трудноразрешимые проблемы. Оказалось, что слабые мощности кирпичных заводов Уфы не обеспечивали непрерывные поставки материала для большой стройки. В итоге власти предложили строителям разобрать Воскресенский кафедральный собор и использовать для возведения нового дома кирпич его стен.

Спустя два года, когда были возведены стены многоэтажного строения и начались отделочные работы, обнаружились новые проблемы. У строителей не оказалось сантехники, труб нужного диаметра, чугунных радиаторов парового отопления. А правительство республики начинало составлять список жильцов, которым предстояло поселиться в новых квартирах. В числе первых оказались семьи артистов Башкирского театра драмы. Председатель БашЦИКа Афзал Тагиров был вынужден обратиться к Авелю Енукидзе, секретарю Президиума ЦИКа, с просьбой оказать содействие завершению строительства Дома специалистов в Уфе.

В конце 1934 года «Башжелдорстрой» был расформирован, Уфа лишилась крупного предприятия капитального строительства. Первый корпус, стоящий на Ленина, сдали в 1936-м, но лишь в 1939 году строительство возобновилось с прежней интенсивностью. Этому способствовало и торжественное празднование 20-й годовщины образования Башкирской АССР: пункт о выделении средств для возведения Дома специалистов в полном соответствии с проектом был включен в смету юбилейных мероприятий, а третий корпус Дома специалистов с той поры во всех документах начали именовать Юбилейным.

На стройке, как и прежде, отсутствовали необходимые механизмы. Преобладал ручной труд; единственным средством механизации был ленточный транспортер — его перетаскивали по мере возведения здания с этажа на этаж. Строительные детали, цементный раствор доставлялись рабочим с помощью блоков и лебедок.

Новый корпус значительно отличался от двух предшествующих. Уклон местности заставил увеличить высоту здания до шести этажей. Здание потребовалось оборудовать лифтами, был увеличен объем каждого подъезда в связи с устройством шахты для подъемного механизма и трехмаршевых лестниц.

Строительство Юбилейного корпуса затянулось. С началом войны и прибытием в Уфу эвакуированных максимально ускорились работы по завершению строительства. Юбилейный корпус заселили в начале 1942 года, предоставив каждой семье по одной комнате. Само здание выглядело как недостроенная многоэтажка с неоштукатуренными стенами из красного кирпича.

Отделочные работы были завершены в начале 50-х годов, дом приобрел выразительные характеристики. Нижний этаж каждого корпуса отделали рустом. На фоне гладких стен верхних этажей попарно размещены большие окна, гладкие поверхности между ними разделены каннелюрованными столбами. Фасады корпусов не перегружены балконами, но каждая квартира имеет собственную площадку, обращенную на открытый воздух. Выразительная деталь: на уровне четвертого этажа — широкий карниз, над ним устроен аттик, выше него окна квартир имеют меньшие размеры, но для выразительности обрамлены широкими наличниками. Остекленные вертикали лестничных клеток завершают круглые окна. Этот штрих напоминает о том, что дом начинали проектировать в эпоху господства конструктивизма.

Три корпуса Дома специалистов образуют замкнутое пространство двора-курдонера. По прошествии времени сами жильцы преобразили двор в хорошо обо-

рудованную и озелененную детскую площадку. Деревья и кустарники гармонируют с зеленым нарядом расположенного на противоположной стороне улицы парка.

В наши дни Дом специалистов воспринимается как архитектурная достопримечательность предвоенной эпохи, он взят под государственную охрану. На одном из его фасадов установлено почти два десятка мемориальных досок.

ДОМ МЕДИКОВ (К. Маркса, 32)

В апреле 1936 года Совнарком Башкирской АССР принял постановление о строительстве в Уфе 2-го дома специалистов. За очередной новостройкой быстро утвердилось иное название — Дом медиков: здание строилось для жилищного кооператива профессоров медицинского института.

Место для новостройки было выбрано в престижном районе Уфы. Здесь на месте снесенной церкви Александра Невского образовался пустырь, который поспешили назвать площадью К. Маркса. Посредине площади заложили фундамент

Дом медиков

громадного здания общественного предназначения — Дворца социалистической культуры по проекту архитектора Барыя Гибатовича Калимуллина (1907–1989). Первым зданием, которому предназначалось выполнить функцию торжественного обрамления по периметру площади, должен был стать Дом медиков. И вновь был утвержден проект жилого дома, представленный Б. Калимуллиным, как гарантирующий стилистическое единство с Дворцом соцкультуры.

В Доме медиков предлагалось устроить 19 квартир: четырехкомнатных — 4, трехкомнатных — 14, двухкомнатных — 1. С завершением строительства при доме должен был функционировать магазин, зал для проведения собраний и культурных мероприятий. Главный фасад здания был обращен на южную, солнечную сторону, одновременно открывался обзор на комплекс Дворца. Пластическое членение парадной стороны Дома медиков обеспечивали эркеры, высокие окна, балконы и устроенные над каждым подъездом лоджии. Нижний этаж обретал монументальные очертания за счет крупномасштабной рустовки. Четвертый этаж завершается карнизом, декорированным из поддерживающих его «кирпичиков». Здание венчали аттик и возвышающийся над ним облегченный парапет.

В процессе строительства принято решение достроить к Дому медиков корпус жилого Дома актеров уфимских театров. Это удешевляло строительство, а сам

пристраиваемый корпус занимал значительно меньший по размерам земельный участок. Новый корпус включал 21 квартиру, в том числе 2 четырехкомнатных и 17 двухкомнатных, правда меньшей площади.

Строительство Дома медиков и актеров было завершено до начала Великой Отечественной войны. В недостроенном здании Дворца соцкультуры уже в сентябре 1941-го разместили эвакуированный с Украины завод. Застройка площади по периметру затянулась на долгие годы. В первое послевоенное десятилетие на противоположной от Дома медиков и актеров стороне были выстроены управленческий и жилой корпуса для энергетиков.

Дом медиков и актеров отмечен мемориальными досками: они установлены в честь деятелей культуры, проживавших в нем в разные годы. Это композитор Масалим Валеев, актриса Талига Бикташева, режиссер и актер Тимербулат Имашев. Увековечена память юной артистки кино — эвакуированной из Киева Гули (Марионеллы) Королевой, которая добровольно отправилась в действующую армию санинструктором и погибла в боях под Сталинградом. Читатели первых послевоенных лет узнали о рано оборвавшейся героической жизни советской патриотки, прочитав чрезвычайно популярную в ту пору повесть Е. Ильиной «Четвертая высота».

ГОСТИНИЦА «БАШКИРИЯ» (Ленина, 25/29)

В декабре 1935 года был утвержден проект архитектора В. Максимова по возведению в Уфе новой гостиницы. Гостиница «Башкирия» приняла первых гостей в канун Великой Отечественной войны. Вскоре сюда был эвакуирован исполком Коминтерна: деятели мирового коммунистического движения работали в Уфе с октября 1941 по май 1943 года. Большая антенна радиостанции «Коминтерн» долгое время возвышалась над гостиницей. А коминтерновское радиооборудование в 1954 году радиолюбители под эгидой ДОСААФ переоборудовали под телевизионную студию: именно отсюда велись первые телепередачи.

Минуло полвека, и потребовалась коренная реконструкция здания гостиницы, которая началась в 1997 году. Проект реконструкции был исполнен коллективом творческой мастерской «Архпроект». Авторы проекта учитывали, что объект представляет архитектурно-историческую ценность, и здание сохранили в прежней композиционной схеме с одинаково протяженными фасадами, которые обращены на улицы Ленина и Кирова. Изменение фасадов было осуществлено лишь в дворовой части здания. Самой впечатляющей частью оказалось пристроенное со стороны двора пространство атриума, ставшего главным компонентом вновь образованного просторного вестибюля. После реконструкции гостиница получила новое название — «Башкортостан».

«БАШНЕФТЕСНАБ» (З. Валиди, 64)

Освоение нефтяных месторождений вызвало в Башкирской Республике появление новой отрасли индустрии — нефтепереработки. Распределение широкой номенклатуры нефтепродуктов потребовало создания специализированного учреждения — «Башнефтеснаб», которое позднее получило наименование «Башнефтеснаб».

В 1939 году утверждается проект строительства совмещенного административного здания и жилого дома нового учреждения. Исполком Уфимского горсовета принял решение об отводе земельного участка в исторической части города, по улице Фрунзе. Ранее эта улица называлась Ильинской: на ней располагался один из православных храмов города — церковь Ильи Пророка. В середине 1930-х

Здание
«Башнефтеснаба»

годов храм был снесен, и образовался пустой участок площадью более 3000 кв. метров. На этом месте было предложено начать возведение трехэтажного кирпичного здания «Башнефтеснаба» по проекту уфимского архитектора Александра Михайловича Мышкина.

Фасад здания с небольшим отступом от красной линии обращен к магистральной улице. Пространство фасада оживляется двумя боковыми ризалитами малой модуляции, они выступают от поверхности стены на 30 см. Вход в здание подчеркнут портиком высотой в два этажа, его боковые стороны акцентированы двумя парами полуколонн. Венчает здание карниз, поддержанный ритмично выложенными «сухариками», и невысокий аттик.

Здание «Башнефтеснаба» при скромности объема и занимаемой площади выглядит нарядным и привлекательным. Первоначальный замысел архитектора предполагал строительство слева еще одного здания подобного габарита, но уже полностью предназначенного для жилья сотрудников учреждения.

В 1972 году на свободной территории было построено 14-этажное высотное здание. Это помешало ансамблевой застройке участка, но первая уфимская высотка прочно вписалась в панораму двух широких пересекающихся улиц и сделалась своеобразным ориентиром на повороте к мосту через Белую.

БОГОРОДСКАЯ ВОЛОСТЬ — СТАЛИНСКИЙ РАЙОН УФЫ — ЧЕРНИКОВСК

Маргарита
Агеева

ОТ СЕЛЬЦА ЧЕРНИКОВА-АНУЧИНА — ДО ГОРОДА ЧЕРНИКОВСКА

Иван Чёрников — первопоселенец Уфимской крепости — не подозревал, что его имя на века останется в истории города Уфы в связи с названием города-спутника Уфы — Черниковска, отмечающего в 2014 г. свое семидесятилетие.

Город Черниковск был построен на пустыре меж деревень бывшей Богородской волости, среди которых была и деревня помещиков Черниковых-Анучиных. Деревня находилась в 11 верстах от Уфы при ключе: русская, население состояло из дворцовых и помещичьих крестьян. Был еще хутор из двух дворов с тем же названием, Черников-Анучин, которое они получили по фамилии их землевладельца. Иван Черников, один из многих «детей боярских», был направлен государевым царевым указом «Микиты Васильевича» Годунова в качестве «дозорного» по отделу земель. В его обязанности входило: «устроить на Уфе пашню детей боярских и сотников стрелецких по окладу», т. е. обеспечить «служилых людей» наделами земли в качестве «оклада» (вместо денежного жалования) за их службу и вести контроль за правильностью наделения этими землями.

Иван Черников был помощником воеводы Михаила Нагого, оба были уроженцами Нижнего Новгорода.

В «Отводной книге по Уфе за 1591/92–1629 гг.» первоначальная запись по отводу земель Ивану Черникову отсутствует. Иван Черников впервые упоминается вместе с Гордеем Гладышевым только в 1610–1611 гг. при отводе земель «в оклад» в поместье Сергею Аничкову.

В июне 1614–1615 гг. «уфинский жилец» Иван Черников пишет прошение государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу «всеа Руси», стольнику и воеводе Борису Андреевичу Хилкову с просьбой закрепить за ним те земли, которые ему были даны ранее, в период «окольниковства Микиты Васильевича Годунова» и Офонасия Ивановича Власьева, поскольку книги по отводу этих земель были утеряны.

«По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по наказу стольника Бориса Андреевича Хилкова и воеводы Володимера Володимеровича Аничкова», «сын боярский» Гордей Гладышев и местный подьячий Гуляй Федоров определили старые грани поместной земли Ивана Черникова, а также внесли изменения по землям Черникова в отводные книги.

Была установлена межа земли Ивана Черникова: «едучи от города к Минской деревне¹ пустошь Василья Васильчнина... прямо к Белой реке по увалу²... едучи к Ивановой деревне Черникова», по меже Михея и воеводы Аничкова на межу Александра Аничкова, «а владеет после отца своего Михей Оничков...» и по границе земель Юрия Аничкова... Всего Ивану Черникову отделено 50 чети в поле, «а в дву потому ж...», это примерно 75 десятин. Отделы земель Черникову были и

¹ Деревня Шугуровка.

² Косогор.

позже. Ему же были даны земли и за рекой Уфой, и за рекой Белой, и по Сосновому озеру «против города».

В записи по наделению «служилых людей» Уфимской крепости пахотными землями и покосами в качестве жалования от 18 апреля 1611 г. в «Отводной книге по Уфе...» упоминается Михаил Ондреевич Онучин, как один из приказных Уфимской крепости. С этого времени Иван Черников стал писаться двойной фамилией — Онучин, позже Анучин; почему — это предмет для дополнительного исследования.

В 1619–1620 гг. Ивану Черникову-Анучину был дополнительный отвод земель за рекой Уфой. По одним книгам, это было 500 четей¹ в поместье, по другим — 72 чети. Где были эти земли, сказать сегодня трудно, но за рекой Уфой, напротив района Старой Уфы, до сего времени есть озеро Онучино.

Деревня Черникова была расположена на равнине с незначительным склоном на юго-восток, при ключе. В наделе имелось три болота, расположенных по выгону. Надел в двух участках. Луга делились ежегодно по ревизским душам. В селении было 2 веялки.

Житейские проблемы не обошли дворян Черниковых-Анучиных, о чем говорят сохранившиеся купчие, частично отражавшие их быт. Надо сказать, что купчая крепость² не что иное, как договор, документ о продаже, в данном случае — земли. Вот несколько из них.

8 октября 1719 г. Иван Юрьевич Черников-Анучин, его брат Степан Юрьевич, жена его, Федора Васильевна, с сыном Иваном «от совершенной своей скудности» продали подьячему Ивану Устиновичу Пачезерцеву земли с постройками и санными покосами в Уфимском уезде за Вавиловым перевозом по речке Васильевке, которыми владели дед их «Иван Иванов сын Черников-Онучин и отец их, Юрья Иванов», и взяли они за «вышеписанную поместную землю и за хоромное строение... и за санные покосы и за всякие ухажьи на пропитанья себе, на покупку хлеба и на покупку ж на себя платья денег 13 р. ...».

По купчей крепости от 24 июля 1724 г. уфимских дворян Ивана Юрьевича и Ивана Степановича Черниковых-Анучиных, они «от совершенной нужды» продали часть родовых земель, принадлежавших их отцу «Иванову Юрью и моему ж, Иванову деду... Даниле Ивановичу Моисееву... на среднем поле... за 15 рублей». Из купчей видно, что Черниковы были в родстве с дворянским родом Моисеевых. Продаваемая «поместная» земля дворян Черниковых находилась между Сосновым озером и рекой Белой. Именно на этот период пришлось скупка земель при Сосновом озере дворянским родом Моисеевых.

18 декабря 1733 г. уфимским дворянином Дмитрием Степановичем Черниковым-Анучиным была продана земля в 8 четвертей в «среднем же поле» за 10 рублей каптенармусу уфимского гарнизона Василию Даниловичу Моисееву.

Купчая от 8 марта 1795 г. отставного капрала Гаврилы и подпрапорщика Василия Ивановичей Черниковых-Анучиных господину секунд-майору Ивану Савиновичу Кублицкому: в «вечное и потомственное владение жалованную предкам нашим и доставшуюся нам по наследству землю, лежащую Уфимской округи от города Уфы за Белою рекою при степных озерках и близ черного лесу, 10 четвертей в поле... да санных покосов у лавочной даче за оремой возле Белой реки на 500 копен... за 40 рублей». По нынешним временам эти земли находились близ Соснового озера и деревни Лавочной.

9 марта 1795 г. купчая отставного капрала Ивана, прапорщика Василия, вахмистра Никиты Ивановичей Черниковых-Анучиных секунд-майору Ивану Савиновичу Кублицкому земли, «состоящей Уфимской округи от города Уфы за Белою и Демою реками при деревни Балановой по Камышенке речке... за 40 рублей».

В это же время Гаврила, Василий и Никита Ивановичи Черниковы-Анучины приобрели земли от Михеевой деревни Аничкова «по большой Минской дороге,

¹ 1 четь =
1/2 десятины =
0,54627 га.

² Купчая крепость (купчая) — акт приобретения в собственность имущества в Российском государстве XII—начала XX в.

от дачи Волковой и возле дачи Аничковой же и возле дачи Бреховой яма, от дачи Бреховой прямо возле перечня Гладышева по старой дороги татарской по дачу Сергея Аничкова... и с числа 45 четвертей в поле... за 40 рублей».

Эти земли граничили с основными землями Черниковых-Анучиных, на которых была деревня Черникова и хутор. В 1768 г. упоминается уфимский дворянин Никита Иванович Черников, имеющий усадьбу и дом в Уфе.

Дача сельца Чёрникова-Анучина составляла 167 десятин и 134 сажени земли, «генерально межевана» в 1799 г. землемером Поповым. Деревня не меняла своего названия на протяжении всего времени и была родовым имением уфимских дворян Черниковых-Анучиных.

В 1830 г. подполковник Федор Никитич Черников-Анучин был избран губернским предводителем дворянства. По Межевой книге пустоши Непейцевой Уфимского уезда, «сочиненной» 11 июня 1838 г. землемером Александром Судоплатовым, упоминается сельцо Черникова-Анучина в общем владении вахмистра Никиты, подпоручика Василия Ивановичей, унтер-офицера Андрея, неслужащего дворянина Ивана Гавриловичей Черниковых-Анучиных.

В 1853 г. подполковник Федор Никитич Черников-Анучин — владелец деревни из 25 душ и 139 десятин земли. Среди владельцев сельца братья: подполковник Илья Васильевич Черников-Анучин — 9 душ и подпоручик Степан Васильевич Черников-Анучин — 2 души, и 35 десятин земли на двоих.

Остановимся на Илье Васильевиче Черникове-Анучине более подробно.

Илья Васильевич Черников-Анучин, 1795 г. рождения, потомственный дворянин, с 1822 г. участвовал в военных походах на Кавказе в отряде под командованием генерал-лейтенанта князя Эристов. В 1826 г. началась вторая русско-персидская война. Начало войны пришлось на отражение русскими отрядами перешедших границы персидских войск и присоединившихся к ним отрядов горских народов в районе Кахетии. Илья Васильевич участвовал в военных походах «под начальством» главнокомандующего русскими войсками на Кавказе генерала от инфантерии А.П. Ермолова «с целью покорения тамошнего народа, уклонявшегося от подданства России...». «Его отличало усердие в службе и отличная храбрость», за что в мае 1827 г. ему был «Всемилоостивейши пожалован» орден Святой Анны 3-й степени с бантом.

28 марта 1827 г. вместо генерала Ермолова главнокомандующим русскими войсками и наместником в Кавказском крае был назначен генерал-фельдмаршал, князь Варшавский, граф Иван Федорович Паскевич. Илья Васильевич участвовал «в следовании действующих войск противу персиян... участвовал в переходе от селения Шулавер через горы Аис-Биук к монастырю Эчмадзину, далее крепость Абаз-Абад при действительном сражении с персидскими войсками при их разбитии и преследовании войск под начальством принца Абас-Морзы до селения Карабабы... далее до города Нахичивана... и далее в брод через реку Араск¹ к Дорийскому ущелью... до границы». За этот поход он был «Всемилоостивейши пожалован орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом, награжден годовым жалованием и серебряной медалью за персидскую войну с надписью “1826-го, 1827 и 1828 годов”». При обороне города Дербента в апреле 1832 г. и «преследовании персидских войск» был ранен. В возрасте сорока лет, в 1835 г., И.В. Черников был уволен с военной службы. В 1840 г. занимал должность Бузулукского городничего.

Был один интересный случай с Ильей Васильевичем, произошедший уже после окончания воинской службы и возвращения его в родовое гнездо.

Земли дворян Черниковых-Анучиных и дворян Курочкиных граничили. В августе 1846 г. по ходатайству титулярного советника Курочкина землемер Судоплатов производил размежевание земель Курочкина. При обмере Савинской пустоши в 68 десятин 788 саженой землемер оказался на меже земли помещика Ильи

¹ Аракс.

Васильевича Черникова-Анучина, который в это время обходил свои владения и был возмущен появлением землемера на своей земле. Илья Васильевич был не один, с ним были его люди. Он обратился к ним с просьбой проучить землемера Судоплатова, посягнувшего на его земли. Но те не проявили никаких действий, боясь неприятностей. Илья Васильевич был настолько раздражен и возмущен объяснением землемера, что в порыве ударил его в грудь, пнув треножник с астролябией. К счастью Судоплатова, свидетелями скандала, учиненного дворянином Ильей Васильевичем, были удельный крестьянин села Богородского Никитин и государственный крестьянин деревни Дежневой Семен Тарасов. Естественно, Судоплатов подал в суд жалобу на помещика и не замедлил привлечь к судебному разбирательству упомянутых крестьян в качестве свидетелей. Жалоба землемера Судоплатова обсуждалась в Оренбургском губернском правлении и была передана в Уфимский уездный суд. Скандалное дело рассматривалось долгое время и окончилось только в августе 1854 г. «отступной» подполковника Ильи Васильевича Черникова-Анучина.

Когда пришло время наделять крестьян землями под оброк по Положению от 19 февраля 1861 г. в связи с отменой крепостного права, в сельце Черникове-Анучине жили наследники Ильи Васильевича — его жена Анна Ефимовна и сын Николай. По 10-й народной ревизии в сельце мужского пола из числа дворовых не оказалось, а всего подлежащих наделению землей крестьян было 24 человека, из которых двое отказались от надела — по всей вероятности, им и так жилось при помещиках неплохо; остальных наделили высшим наделом — по 4 десятины 1200 сажень, что на все крестьянское общество составило 99 десятин. А всего господской и крестьянской земли при сельце было 168 десятин 915 сажень. Трудность настоящего дела состояла в том, что Ильи Васильевича не стало. По этой причине вдова Анна Ефимовна с сыном обратилась к титулярному советнику Амвросию Ивановичу Ахматьеву с просьбой быть управляющим их имением и завершить сделку по переводу крестьян на оброк. Амвросий Иванович Ахматьев сам был из древнего уфимского рода Ахматьевых, его предки были из первопоселенцев города Уфы, и он с участием отнесся к просьбе Анны Ефимовны — стал управляющим их имения, подписав 3 октября 1862 г. Уставную грамоту по наделению крестьян землями. От имени крестьян сельца Уставную грамоту подписали: Артемий Александров, Алексей Ларионов, Агафон Сошин, Кузьма Григорьев, Григорий Андреев, Егор Андреев, Прокофий Егоров и Александр Иванов. Со стороны «добросовестных» крестьян близлежащих деревень грамоту подписали: от деревни Дежневой — Николай Яковлев и Тит Сергеев; от деревни Курочкиной — Тимофей Тимофеев и Петр Александров. Поскольку крестьяне были неграмотными, по их «личной просьбе руку приложил удельный крестьянин Старухин».

На 1870 г. в деревне Черникова-Анучина — 12 дворов и 56 жителей (28 муж. и 28 жен.), а на хуторе при ключе — два дома с числом жителей 9 человек (6 муж. и 3 жен.).

После отмены крепостного права в период объединения крестьянских хозяйств в 1872 г. крестьяне имели от дворянина Николая Черникова-Анучина¹ 165 десятин наделной земли. Свыше 103 десятин земли от дворян Черниковых находилось в собственности крестьян Черниковско-Анучинского товарищества (ведомства).

В 1889 г. 8 десятин 1814 сажень от земель дворянина Черникова-Анучина и от надела крестьян Пушкиных было отчуждено под полотно железной дороги. Со строительством и пуском в 1892 г. железной дороги Уфа–Златоуст, проходящей по землям деревни Черниковой, появилась железнодорожная станция Черниковка. Она так и осталась до сего времени и является крупным железнодорожным узлом.

Надо сказать, что семей Черниковых-Анучиных в Уфе было несколько. В «Памятной книжке Уфимской губернии» за 1889 г., составленной по поручению Уфим-

¹ Сына Ильи Васильевича.

ского губернского статистического комитета исполняющим делами секретарем Н.А. Гурвичем, упоминается Александр Васильевич Черников-Анучин, бывший становой пристав Уфимского уезда, с 31 января 1868 г. произведен в коллежские секретари, в 1889 г. — уездный предводитель Уфимского дворянства, титулярный советник, член комитета православного духовенства.

Это был незаурядный человек с широким кругозором, склонный к изучению отечественной истории, в частности истории своего края. В 1872 г. он написал об археологической находке в 3 верстах близ деревни Миловки в имении г. Базилевского и в 12 верстах от Уфы на северо-востоке, на берегу озера «Лазорового». Этот материал был опубликован Н.А. Гурвичем в «Справочной книжке Уфимской губернии» за 1883 г. Александр Васильевич писал, что «при размытии весенними водами берега на глубине в полтора аршина найдены лежащими в одном месте сложенные кучкою шесть бронзовых серпов с кольцами для насадки на рукоятку и бронзовые же топор и долото». Далее он провел исследования самих находок и места археологической находки и пришел к выводу, что найдены орудия труда каменного и бронзового веков. По его мнению, найденный им бронзовый топор принадлежал так называемым кельтам, или цельтам, занесенным из Средней Азии на север и восток России. Он сделал вывод о возможном проживании в этих местах древних людей.

Конец XIX века в истории нашего края отмечался особо интенсивным наплывом переселенцев в северные районы Уфимского уезда. Деревни пополнялись переселенцами в основном Вятского и Уфимского уездов, появлялись новые поселения, починки, хутора.

В 1902 г. в деревне насчитывалось 11 дворов. В 1905 г. при деревне Черниковке, близ станции Самаро-Златоустовской железной дороги того же названия, уже 16 дворов, 87 жителей (38 муж. и 49 жен.). Основным занятием жителей деревни оставалось земледелие.

В 1912 г. Степан Архипович Черников, уфимский купец, расширил свои владения, приобретя земли от М.А. Алексеева в трех участках. Совместно с Павлом Ивановичем Костериным они арендовали крупчатую мельницу на Сафроновской пристани. Степан Архипович имел мучную лавку в Уфе. Примечательно, что в лавке у Степана Архиповича был городской телефон за номером 159.

Черниковы-Анучины на протяжении всей их жизни в Уфимском уезде и в Уфе были на государственных должностях. Даже в 1917 г. Александр Александрович Черников-Анучин исполнял должность младшего землемерного помощника межевого отделения губернской канцелярии.

Все изменилось после октябрьской революции 1917 г. Крестьяне бежали из насиженных мест с целью найти работу, чтобы прокормить свои семьи, обживали новые земли.

К 1920 г. в деревне за счет новых поселенцев насчитывалось 23 двора и 163 жителя, и к 1925 г. в ней было уже 25 хозяйств.

На разъезде Черниковка в 10 дворах проживали 106 человек. К 1925 г. на разъезде было 17 хозяйств.

Если некоторые переставшие существовать деревни Богородской волости оставили свой след, например деревни Гладышева, Степановка, Аничкина и др., то деревня Черниковка с хутором исчезла, оставив лишь свое название району. Так где же она была? Бывших земель Черниковых не так уж много в данном районе. Известно, что земли деревни граничили с землями деревень Курочкиной и Волковой при озере. Озеро Волкова, позже Волчок, сохранилось до сего времени. Правда, деревни рядом нет. Известно, что деревня и хутор Черникова были при ключе и севернее от Волчка с небольшим уклоном на запад. За домами № 91 и 93 по улице Интернациональной, недалеко от проезжей части, есть беседка с

оборудованным местом для родника. Об этом роднике знают все жители близлежащих домов и ходят сюда за водой. Облагородили родник не так давно, с начала застройки этого района пятиэтажными жилыми домами, но еще в 1960-х гг. он бил из-под земли свободно. Старожилы этих мест (в то время они были детьми) рассказывают, что к середине 1960-х гг. на месте выстроенного детского сада по улице Интернациональной, 71, или по улице Победы, 2 (здание угловое), стояли полуразрушенные два частных дома из почерневших от старости бревен. На развалинах этих домов нашли небольшой клад старинных монет и монет 1920-х гг. Что это были за дома? Возможно, хутора или деревни Черниковой. Гаражи, построенные вдоль железной дороги, стоят на засыпанных болотах, о которых также помнят старожилы. Застройка этого района началась в конце 1950-х гг.

*Здание бывшего
Черниковского
горсовета*

Совершенно не случайно, что именно недалеко от этого места, будем говорить на землях деревни Черниковой, было выстроено здание Черниковского горсовета и здание милиции по улице Кирова (Победы), 1, почты по улице Дзержинского, переименованной в 1956 г. в Индустриальное шоссе. Сложно назвать точное время постройки здания горсовета. Известно только, что при образовании Черниковского поселкового совета в 1931 г. уже встал вопрос о строительстве в максимально приближенной ко всем стройкам века деревне Черниковке, отдельного здания для моторного, котлотурбинного, лесопильного и фанерного заводов, ЦЭС, спичечной фабрики и других промышленных предприятий. Возможно, здание Черниковского горсовета было выстроено после образования города Черниковска — 5 декабря 1944 г. Бывшее здание Черниковского горсовета не пострадало, даже сохранилась на его фронте великолепная лепнина советского периода — герб Союза Советских Социалистических Республик в обрамлении знамен. Уже отмечалось, что рядом с горсоветом было здание милиции. На сегодняшний день эти два здания соединены в один ансамбль, и в них разместился Городской кожно-венерологический диспансер.

Здесь же неподалеку было выстроено здание секретного пункта (НКВД), предположительно дом № 105/1 по улице Интернациональной. Старожилы говорят, что в этом здании была тюрьма. Как таковой тюрьмы здесь не было, это был «секретный пункт» — о работе таких заведений в 1930-е гг. мы прекрасно знаем, стены здания были укреплены дополнительными кирпичными вставками вдоль окон.

Вначале в этом районе планировался центр строящегося города. Но в 1948 г. по плану строительства города Черниковска его центр сместился. Думаю, что не последнюю роль в данном решении сыграла близость к горсовету железной дороги с ее интенсивными грузоперевозками и довольно развитого промышленного района, где строительство жилых кварталов практически было невозможным.

После многолетнего голода и разрухи по всей стране наступило время больших свершений в социалистическом строительстве. Люди жили ожиданием действий новой советской власти. Страна бурлила людьми, которые переезжали из деревень в города — на большие стройки в поисках работы и места жительства. Не была исключением и Уфа с ее пригородом.

Учитывая, что город стоял на полуострове, на крутом правом берегу как реки Уфы, так и реки Белой, расширить свои границы Уфа могла лишь в северном

направлении. К тому же вокруг Уфы были необъятные просторы Великого поля. Уфимский городской совет принял решение о расширении городской черты за счет пригорода, тем более что хлебородные поля уже не имели своих хозяев. Началась активная коллективизация крестьянских хозяйств и объединение деревень в сельскохозяйственные артели. События развивались следующим образом.

В августе 1930 г. территория Башкирии была поделена на районы. Появился Уфимский район. В июле 1931 г. Башкирским центральным исполнительным комитетом было принято решение о строительстве моторного завода на пустыре чуть севернее села Богородского. Далее планировалось укрупнение города Уфы за счет присоединения северных деревень бывшей Богородской волости.

Для этого 4 сентября 1931 г. Уфимский горсовет направил в орготдел БашЦИКа проект организации поселковых советов, избрав два основных направления:

1. Черниковский с поселениями:
 - ЦЭС — 1038 избирателей;
 - д. Черниковка — 16 домохозяев;
 - пос. Волчок — 2 домохозяева;
 - д. Соколовка — 48 домохозяев;
 - д. Каловка — 10 домохозяев.
2. Богородский с поселениями:
 - с. Богородское — 160 домохозяев;
 - пос. Котлотурбинный — 2500 избирателей;
 - Моторный — 1300 избирателей;
 - Каловка — 10 домохозяев;
 - Сипайлово — 46 домохозяев;
 - Глумилино — 88 домохозяев;
 - Тужиловка — 78 домохозяев;
 - Новиковка Малая и Большая;
 - Восточная слобода.

16 сентября 1931 г. пришел ответ: БашЦИК считает необходимым разрешить вопрос о территории новых строек, которые не входят в черту города, а расположены на территории всего Сипайловского и части Максимовского сельских советов, находящихся в ведении Уфимского райисполкома, и передать их в ведение Уфимского горсовета. Также предложил свой проект образования двух поселковых советов. Это район поселений, который должен был перейти в ведение Уфимского горсовета:

- с. Богородское — 160 дворов, 815 душ;
- д. Сипайлова — 47 дворов, 296 душ;
- д. Каловка — 12 дворов, 56 душ;
- д. Максимовка — 146 дворов, 622 души;
- пос. Ураково — 9 дворов, 58 душ;
- д. Сосновка — 18 дворов, 95 душ;
- д. Курочкина — 90 дворов, 467 душ;
- д. Лопатина — 20 дворов, 84 души;
- пос. Аничково — 10 дворов, 61 душа;
- пос. Бонье — 7 дворов, 31 душа;
- д. Воробьевка — 22 двора, 145 душ;
- д. Дежнёвка — 71 двор, 395 душ;
- д. Черниковка — 25 дворов, 133 души;
- пос. Соколовский — 8 дворов, 51 душа;
- д. Непейцева — 14 дворов, 87 душ;
- д. Тужиловка — 48 дворов, 239 душ;

— д. Дубовка — 86 дворов, 202 души;

— д. Глумилина — 88 дворов, 433 души;

а также хутора Никольский, Волкова, Краснова, Акулинова, Фалалеева, Елипаева, Власова. Всего 884 двора с населением 4271 человек. Площадь земельного участка — 10 363,95 га. Сипайловский сельсовет имел усадьбу: пашни, выгон, сенокос — 228,63 га, Максимовский — 175 га, Вотикеевский — только сенокос — 133,75 га.

Помимо коренных крестьянских поселений, появился новый рабочий поселок в районе Моторного, насчитывающий 3920 человек, и в районе строительства Башкомбината (территория Сипайловского сельсовета) — 3640 человек. Всего на указанном районном участке — 11 831 человек. Предполагалось, что в 1932 г., когда моторный завод будет пущен в эксплуатацию, население увеличится за счет постоянных и сезонных рабочих — до 29 тысяч человек. При этом Уфимский городской совет считал необходимым на всей новой промышленной территории организовать два поселковых совета, из которых первый — в районе моторного завода в составе селений: с. Богородское, д. Каловка, д. Курочкино, д. Лопатино, д. Максимовка, пос. Ураково, д. Сосновка, хутор Никольский, Волчок.

Второй поселковый совет — в районе стройки котлотурбинного завода (в районе Сипайлова) в составе следующих селений: Глумилино, Дубовка, Сипайлово, Тужилровка, Непейцево, Соколовка, Черниковка, Дежнёвка, Воробьевка, Бонье, Аничково и хутора Акулинов и Фалалеев.

При этом БашЦИК руководствовался тем, чтобы два поселковых совета были максимально приближены к центру новостроек, где наблюдалась наибольшая плотность населения, и чтобы была возможность будущим поселковым советам быть связанными с общественностью. Один из вновь организованных поселковых советов должен был называться «Моторный» и находиться на территории Сипайловского сельсовета в составе перечисленных деревень. Кроме того, рядом была железнодорожная станция Черниковка. Сипайловский и Максимовский поселковые советы предполагалось ликвидировать.

С окончательным вариантом проекта образования уже одного поселкового совета, включающего все окрестные поселения, БашЦИК вышел на правительство в Москву. В пояснительной записке говорилось, что строительство гигантов — заводов моторного и котлотурбинного, строящихся по ленинградскому проекту, началось недалеко от Уфы, близ станции Черниковка Самаро-Златоустовской железной дороги, на территории Сипайловского, Максимовского и части Степановского совхозов. В связи с этими обстоятельствами на заседании от 1 ноября 1931 г. БашЦИК постановил: организовать на территории, занятой стройкой моторного и котлотурбинного заводов и Башкомбината, поселковый совет, передав его в административное подчинение БашЦИКу. Центр поселкового совета был определен в д. Черниковке. Но до постройки здания совета он должен находиться в д. Курочкиной, что ближе к площадке новостроек, рядом с железной дорогой. Новому поселковому совету было присвоено наименование «Черниковский». Далее планировалась ликвидация Максимовского и Сипайловского сельсоветов. Деревня Тимашева Максимовского сельсовета передавалась в Степановский сельсовет, деревни Глумилина и Дубовка из Сипайловского сельсовета передавались в административное подчинение Уфимскому городскому совету, их земли включались в состав городской черты. Повсеместно в районе новостроек для работающих велось строительство временных бараков, а с весны 1932 г. планировалось строительство капитальных домов.

Общая площадь под застройку Черниковского поселка составляла 8577 га, из них усадебного назначения — 295,2 га, земель сельскохозяйственного значения — 5982,57 га.

Барак с. Моторного.
Фото 1950-х гг.

4 ноября 1931 г. заседанием Президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета было утверждено решение БашЦИКа по организации Черниковского поселкового совета, при этом указывалось на «скорейшее проведение выборов в состав этого совета до 7 ноября с. г.». Так был образован Черниковский поселковый совет. Он включил в себя поселения:

а) *бывшего Сипайловского сельсовета*: д. Сипайлово, пос. Волчок, д. Каловка, д. Тужиловка, с. Моторное, с. Богородское, д. Непейцева, д. Черниковка, пос. Соколовский, ст. Черниковка, хут. Никольский, хут. Елипаева;

б) *Максимовского сельсовета*: д. Максимовка, д. Лопатина, д. Уракова, д. Курочкина, д. Сосновка;

в) *Степановского сельсовета*: д. Воробьевка, пос. Аничкова, пос. Бонье, д. Дежнёвка, хут. Краснова.

Максимовский и Сипайловский сельсоветы были ликвидированы. Деревня Тимашева Максимовского сельсовета передавалась в Степановский сельсовет, деревни Глумила и Дубовка из Сипайловского сельсовета передавались в административное подчинение Уфимскому городскому совету, их земли включались в состав городской черты. Центром поселкового совета была утверждена д. Черниковка. До строительства в ней отдельного здания поселковый совет определен в д. Курочкиной.

Первый шаг к рождению города Черниковска был сделан. На руководство Башкирского совнархоза, как и на руководство Черниковского поселкового совета, буквально свалилось множество, казалось, неразрешимых вопросов. Еще в 1928 г. началось строительство Башпромкомбината (ЦЭС) на Сипайловских землях. На заседании экспертного совета по строительству Башпромкомбината и жилого поселка для строителей в пояснительной записке отмечалось, что не предоставлены данные о будущей планировке всего района в целом, в генплане не обозначено уже начавшееся строительство 15 жилых домов. Было высказано множество вопросов по строительству школы, детского сада, по недоработкам планировки и строительства ФЗУ.

Но машина строительства промышленных гигантов была уже запущена. В июне 1932 г. управляющий Башпромкомбстроем Бологов обратился в Наркомхоз с просьбой о незамедлительном отводе земель под строительство жилого поселка. К этому времени был утвержден план 2-этажной деревянной гостиницы для приезжающих специалистов на 55 человек и кинотеатра.

По Генеральной схеме планировки Уфы 1934 г., одобренной расширенным Президиумом горсовета и Башпрофсоветом, составленной бюро № 4 «Гипрогора» (директор Д. Шибеев), планировался к застройке жилой район Непейцевой горы,

западнее существующей деревни Непейцевой. Этот жилой район предназначался для расселения строителей Уфимско-Черниковского комплекса и был одним из важнейших районов как по значению организации расселения, так и по местным условиям его расположения вдоль реки Белой. Архитекторов привлекли его благоприятные природные условия: большой лесной массив площадью около 180 га Непейцевской лесной дачи и сплошная лесная лента вдоль берега реки Белой, окружавшая район с севера, запада и востока; благоприятные геологические условия: близкое залегание коренных пород, 3–4 метра, отсутствие грунтовых вод. От господствующих по «годовой розе» южных и юго-западных ветров этот район защищало возвышенное плато и непосредственно прилегающий лесной массив Непейцевской дачи. Территория района между границами Самаро-Златоустовской железной дороги, склонами к реке Белой и реке Уфе, включала в себя 24 квартала общей площадью 233,6 га и следующее количество жителей:

Промышленные объекты	1937 г.	1942 г.
ГЭС	170 чел.	170 чел.
Лесопильный и фанерный завод	1100 чел.	1100 чел.
Спичечная фабрика	750 чел.	750 чел.
Завод «Дубитель»	220 чел.	220 чел.
Бумажно-целлюлозная фабрика	—	1250 чел.
Резервная промышленная площадка (предполагаемый шарикоподшипниковый завод и др.)	—	4000 чел.
Итого	2240 чел.	7490 чел.

Часть рабочих резервной промплощадки предполагалось расселить в жилом районе д. Дежнёвой. Учитывая инженерно-технических работников, учащихся машиностроительного института, педагогический и обслуживающий персонал, всего населения в планируемом районе предполагалось до 50 000 человек. Планировалась центральная бульварная магистраль шириной 60 метров — главная транспортная артерия с автобусным и трамвайным сообщением. Совместно с Дежнёвским жилым районом планировался парк культуры и отдыха. 25 сентября 1934 г. схема планировки была одобрена. Трудно сказать, все ли было выстроено так, как планировалось. На сегодняшний день мы являемся свидетелями остатков архитектурного плана 1934 г.: восточная часть от проспекта Октября, район улиц Ш. Руставели, Адмирала Макарова, части улицы Российской, застроенных двух-

Цэсовская гора.
Улица Шота Руставели

этажными деревянными и каменными домами, частью уже снесенными. Бывшие 261-й и 264-й кварталы, застроенные в 1950–1951 гг., существуют по сей день. Это улицы Ш. Руставели, Российская, Ладыгина и др.

К 1935 г. вступили в эксплуатацию такие крупные промышленные предприятия, как ЦЭС мощностью 7000 кВт, завод «Дубитель», спичечная фабрика, фанерный завод, лесозавод, достраивался моторный завод, начато строительство крекинг-завода и первой ТЭЦ. В стройке принимали участие люди, приехавшие со всех уголков страны. С 1930 г. население Черниковской площадки с 500 человек возросло до 9865 человек.

В Черниковке имелись 4 школы (1680 учащихся), 6 детских площадок (389 детей), 2 яслей (93 ребенка), амбулатория, детская консультация, 3 здравпункта, 22 торговые точки, из них 16 магазинов, 5 ларьков и киоск. Было установлено автобусное сообщение с городом Уфой, проектировалась прокладка трамвайных путей. В связи с ростом промышленных производств Черниковский поселковый совет не мог должным образом осуществлять руководство и контроль над таким большим объемом строительства. Председатель Уфимского городского совета Н.А. Толстой 4 мая 1935 г. вышел в БашЦИК с предложением выделения территории Черниковского поселкового совета в особый район города Уфы с непосредственным его подчинением Уфимскому горсовету. Президиум БашЦИКа протоколом № 20 от 19 июля 1935 г. утвердил реорганизацию Черниковского поселкового совета в Черниковский райсовет с центром в селении Моторном с непосредственным подчинением Уфимскому горсовету.

10 июля 1936 г. Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета утвердил подчинение рабочего поселка Черниковки Уфимскому горсовету, разрешив последнему организовать в нем районный совет, и предложил правительству Башкирии ускорить разработку генерального плана строительства Уфы.

К этому времени население деревень, входящих в Черниковский поселок, возросло за счет прибывших поселенцев на строительство промышленных производств и составляло:

- д. Дежнёвка — 95 дворов и 392 жителя;
- д. Воробьевка — 24 двора и 113 жителей;
- д. Курочкина — 83 двора и 459 жителей;
- д. Лопатина — 19 дворов и 88 жителей;
- пос. Аничкина — 12 дворов и 35 жителей;
- д. Черниковка — 44 двора и 308 жителей;
- д. Сипайлова — 71 двор и 343 жителя;
- д. Тужиловка — 53 двора и 252 жителя;
- д. Непейцева — 33 двора и 210 жителей;
- д. Каловка — 26 дворов и 101 житель;
- пос. Бонье — 11 дворов и 39 жителей.

1 июня 1938 г. заседанием научно-технического совета при Башсовнаркоме была утверждена смета на сумму 65 тысяч 642 рубля на изыскание и проектирование путей контактного оборудования трамвая к Уфимской ЦЭС и новую подстанцию.

Черниковка как промышленный район города Уфы был определен уже к концу 1940-х гг. Появились первые названия улиц. В новом рабочем поселке Инорс улицам, выстроенным в основном из бараков и двухэтажных домов, были даны названия Моторная, Актюбинская, Верещагина; в поселке Максимовка — Торфяная, Колхозная, Чехова. В поселке Курочкина, бывшем центре управления новостройками, среди частных домов и землянок с бараками улицы получили такие названия: Бетховена, Подгорная, Балхашская, Шугуровка (на месте дер.

Шугуровки), Магнитогорская, Парниковая. Здесь же находился Алебастровый завод УМЗ. Южнее Курочкиной обустраивался Старо-Северный поселок УМЗ. Надо сказать, что, кроме деревень, входящих в Черниковский поселковый совет, на просторах бывшего Великого поля с начала 1930-х гг. появились отдельные поселки для рабочих, максимально приближенные к строящимся производствам. В районе деревни Черниковки появился Ново-Северный поселок УМЗ. Жители этого поселка в основном жили в землянках, выстроенных ими же самими. Здесь же был пункт сбора металлолома. Образовался жилой поселок Металлолом. В районе станции Черниковка находился поселок Амбулаторный. За деревней Лопатиной, между Курочкиной и Сосновкой, планировалось строительство планедрома. Чуть севернее земель деревни Сипайловой строился кирпичный завод. Там же работающие на заводе люди основали Кирпоселок.

Бытует мнение, что крекинг-завод построен на землях деревни Щелчки. Однако площадка под крекинг-завод была отведена на землях Сафроновского починка и поселка Бонье, землях Аничковых. Уже гораздо позже расширение строительства нефтезавода, будущего п/я 417, куда входил крекинг-завод, пошло севернее — на земли деревни Щелчкова. Была определена площадка ближе к новой деревне Степановке для строительства Уфимского нефтеперерабатывающего завода. Вероятно, что сама по себе деревня Степановка так и осталась, только к ней отнесли деревню Гладышеву. Поэтому ее называли деревней Новой Степановкой. На территории ее земель была скомплектована Машинотракторная станция. Она находилась справа, почти сразу же за мостом, если ехать из Аварийного поселка. Там же были выстроены бараки для рабочих. Поселок МТС был достаточно большим и в 1949 г. был разбит на улицы: Лазо, Пархоменко, Тракторная, Макаренко, Котовского. С присоединением деревни Степановки к Уфе и по расформированию колхоза на территории базы МТС были созданы управления механизации, которые частью существуют до настоящего времени. Жилых кварталов там уже нет с конца 1960-х гг.

Так вот, площадка под строительство УНПЗ была определена ближе к Новой Степановке, а площадка завода Синтезспирта была определена на бывших землях дворян Гладышевых. В районе деревни Щелчкова уже шло строительство рабочего поселка УНПЗ, в основном это были землянки, бараки и рубленые дома. А на землях поселка Бонье строился заводской поселок УНПЗ.

Южнее деревни Аничковой строилась кишечная мастерская (для выпуска колбас) и пригородное хозяйство мясокомбината.

В районе деревни Воробьевки была определена площадка под строительство завода натурального каучука (это территория будущего химзавода).

Рабочему поселку УНПЗ из бараков было дано название Соцгород. Позже к нему были отнесены новые четырехэтажные дома по ленинградским архитектурным проектам первого высотного квартала в створе улиц Л. Толстого, Калинина, Берии (ныне ул. Мира) и Кольцевой. Это был 3-й квартал, и его застройка в 1942 г. была поручена заводу № 643, который размещался на территории крекинг-завода. Автором этого проекта был архитектор М.С. Кунцман, экспертом-архитектором являлся Н.Ю. Лермонтов. Проект включал в себя внутриквартальный садик с зеленым массивом, детский сад, ясли и детские площадки. Со стороны улицы Кольцевой во дворе квартала было выстроено здание роддома. Здесь было чудесное место отдыха для жителей домов квартала. В этих домах в 1947–1948-х гг. поселилось в основном руководство нефтезаводов.

Строительство самого города Черниковска было впереди.

Выезжая на мост через железнодорожные пути в сторону проспекта Октября, с правой стороны можно увидеть небольшую улочку. Сегодня там выстроены коттеджи. Но еще в 1960-х гг. она имела свой первозданный вид.

По рассказу старожилы этой улицы — Левашовой Раисы Михайловны, в 1935 г. здесь было построено 20 землянок, в которых жили рабочие моторного завода. Эти дома назывались землянками, потому что были вкопаны в землю по окна, чтобы сохранить тепло. Этот рабочий поселок впоследствии был назван Бельскими землянками. Надо сказать, что когда-то это были земли деревни Дежневки. Вокруг были луга, овраги. Зеленых насаждений не было. В районе остановки «Комарова» на пригорке рос орешник, куда жители землянок ходили за орехами. На свободных участках земли высевали для себя рожь, пшеницу, просо, подсолнечник. В 1950-х гг. вдоль Белой проложили тоннель для очистных сооружений, и Бельские землянки переименовали в улицу Тоннельную. Это название она носит

Здание бывшего
роддома в Соцгороде,
ул. Кольцевая, 38а

до сего времени. Жители поселка стали высаживать плодовые деревья и облагораживать свои участки. Примерно с 1946 г. зеленхозом Черниковска началось озеленение этого района, а в конце 1950-х гг. началось строительство автомобильного моста через железную дорогу.

Перечень деревень может вызвать вопрос у читателя о местоположении пос. Бонье. Как было сказано ранее, вначале это был починок Бонье (при д. Дежневой), заселенный переселенцами Вятской и других губерний. Они арендовали землю с усадебными местами у частного владельца Бонье с 1891 г. Фамилия Бонье достаточно известна в уфимских кругах. В 1889 г. Леонид Сергеевич Бонье — титулярный советник, врач, член общества врачей Уфимской губернии. Николай Сергеевич Бонье исполнял должность губернского секретаря. Оба брата являлись гласными Уфимской городской думы.

Известные в Уфе краеведы Георгий Федорович и Зинаида Ивановна Гудковы провели свои исследования относительно фамилии Бонье. Кто эти Бонье и как они оказались в России, им удалось узнать из переписки с внуком Сергея Ивановича Бонье — владельца хутора Бонье — Евгением Михайловичем Богдановичем, проживавшем в Самаре.

На их запрос Е.М. Богданович в письме от 15 марта 1984 г. передал рассказ своей бабушки, Веры Ивановны Богданович, урожденной Бонье: «В 1912 г., когда общественность России и Франции отмечала 100-летие Отечественной войны 1812 г., моя бабушка Вера Ивановна и жена Николая Сергеевича Бонье, Варвара Францевна (обе владевшие французским языком), начали переписку с французской организацией, которая занималась поиском родственников военнопленных французов, оставшихся в России после заключения мира по окончании войны с Наполеоном. Переписка дала положительный результат. Во Франции, в Лотарингии, в городе Нанси, проживали две пожилые женщины по фамилии Бонье. Из переписки с ними удалось установить, что во второй половине 18 века в г. Нанси проживал Николас (Николай) Бонье. Кто была его жена и сколько было у них

детей — сведений нет. Его сын Жан Николай Бонье в рядах армии Наполеона в чине младшего офицера дошел до Москвы. Дальнейшие сведения о нем я узнал от моей бабушки Веры Ивановны. Она мне рассказала, что, когда армия Наполеона, находясь в Москве, начала испытывать недостаток в провианте, прадеда с отрядом солдат направили в селение в окрестностях Москвы с целью отыскания продуктов питания. Эта операция окончилась тем, что прадед со своим отрядом попали в плен русской армии. На допросе он назвался Жаном Бонье. С колонной военнопленных его направили в Пензу... По заключении мира с Францией ему предложили возвратиться на родину, но он отказался. По-русски он стал именоваться Иван Николаевич Боньев».

Сергей Иванович Бонье в 1873 г. был коллежским советником и губернским казначеем. В дальнейшем получил чин статского советника и с 1883 г. стал гласным городской думы. Его жена — Ольга Ивановна — пользовалась в Уфе большой популярностью как повивальная бабка.

Супругам Бонье принадлежали два дома на угловой усадьбе по улице Малой Казанской (Свердлова) и Каретной (Аксакова). Впоследствии один из этих домов, согласно справочнику 1908 г., числился за их сыном — Николаем Сергеевичем Бонье, губернским секретарем, чиновником главного штаба в отставке, членом Уфимской земской управы и помощником Уфимско-Златоустовского предводителя дворянства. Угловой соседний дом принадлежал его дочери Анне Николаевне Богданович. Оба дома сохранились на усадьбе № 80 по улице Свердлова.

Георгий Федорович и Зинаида Ивановна Гудковы описывают, что «хутор Бонье возник около 1875 г. В справочнике за 1896 г. говорится о двух населенных пунктах, входивших в Богородскую волость: хутор Бонье на реке Белой имел один двор, где проживало два человека, и хутор Боньевский у родника, где в одном дворе проживали шесть человек. Полагаем, что в одном из них жил хозяин, в другом — работники. Далее приводятся сведения, что после революции дачу Бонье развезли по соседним деревням. Двухэтажный дом перенесли в Степановку и открыли там магазин. Два больших барских дома увезли в деревню Курочкино и приспособили один под школу, другой — под жилой дом для учителей. Впоследствии хутор стал именоваться поселком Бонье».

Здесь небольшая нестыковочка. Да, были два населенных пункта Бонье: починок и хутор.

По духовному завещанию, засвидетельствованному Уфимской палатой гражданского суда 22 января 1885 г., 14 десятин пустоши Сокуровой перешли в собственность Николая Сергеевича Бонье от его отца, Сергея Ивановича.

На конец 1890-х гг. в починке Бонье, при реке Белой, в 15 верстах от города, насчитывалось 5 крестьянских дворов с населением 27 душ (15 муж. и 12 жен.). А находился он по правому берегу вниз по течению реки Белой за Дежневкой. Были ли Николаем Сергеевичем Бонье выстроены на территории починка барские дома, вопрос открытый, а 24 мая 1903 г. Николай Сергеевич продал эти земли потомственной дворянке Екатерине Николаевне Ураковой, но название починка осталось прежним. В 1915 г. в починке упоминаются дачные поместья Е.Н. Ураковой. К 1920 г. в починке было 16 дворов и 82 жителя. Постепенно починок Бонье обживался переселенцами, прибывшими на строительство черниковских промышленных гигантов, в том числе крекинг-завода, и стал достаточно большим поселком. Разросшись, он занял территорию по всему правому склону реки Белой до Сафроновского починка. Для ориентировки можно сказать, что этот поселок был расположен за электроламповым заводом в сторону Белой. Почему-то в народе этот поселок получил второе название — Бадневка (Боньевка?). О бывших владельцах Бонье эти люди не знали. Скорее всего, по аналогии с названиями деревень Дежнёвка, Воробьевка и т. д.

В начале 1940-х на задах эвакуированного электролампового завода было построено 10 бараков, впоследствии названных Бельскими. По воспоминаниям Г.А. Овчинникова, проживавшего с родителями в одном из этих бараков, каждый барак имел 8 комнат площадью 8 кв. метров. В 1940-х гг., при образовании ДОКа, пригородного хозяйства фанерного комбината (не путать с ДОКом пос. Инорса), здесь появились частные дома и новые бараки рабочих ДОКа и электролампового завода. Это поселение при именовании первых улиц получило название улицы Войкова. А населенный пункт так и назывался ДОКом.

Миф о том, что барские дома починка Бонье были вывезены за его пределы, не подтверждается. В двух достаточно больших деревянных барских домах, отличающихся своими размерами от небольших построек переселенцев, был размещен дневной санаторий-профилакторий для работников крекинг-завода. Естественно, были достроены подсобные помещения, кухня, прачечная и др. Он был расположен ближе к реке Белой, на ее высоком берегу в красивейшей роще.

Санаторий-профилакторий просуществовал достаточно долгое время, но со времени переселения жителей деревни Бадневки в новостройки Черниковска был закрыт. Новый санаторий-профилакторий был выстроен на вертолетной площадке за госцирком.

Был еще Боньевский хутор при роднике. Он находился между деревней Дежнёвкой и пос. Бонье, так же на равнинном берегу по правому же течению Белой. Точное местоположение хутора, к сожалению, установить не удалось, поскольку ныне эта территория в запустении.

При присоединении Черниковска к городу Уфе поселок Бонье и Боньевский хутор, а с ними и Бельские бараки получили название улицы Пристанской.

Итак, на правом берегу по течению реки Белой после Дежнёвки был Боньевский хутор при роднике, был починок, затем стал поселок Бонье (в народе Бадневка). За Бадневкой был еще один населенный пункт: вначале починок, со временем поселок Сафроновский, который был образован на землях купца Сафронова. В 1870-х гг. крестьяне-переселенцы купили земельные участки у частных владельцев по 8–25 рублей за десятину. В конце 1890-х гг. в починке Сафроновском, в 17 верстах от Уфы, были три дома с населением 24 жителя (13 муж. и 11 жен.). Он был расположен в версте от поселка Бонье по течению реки Белой на правом же берегу. К 1920 г. починок заселился переселенцами, и уже в 6 дворах проживали 45 человек. В советский период починок разросся, были выстроены несколько бараков, и он почти соединился с Бадневкой. Этот поселок получил название улицы Речной. В 1956 г. улица была переименована в улицу Балтийскую. Рядом с Сафроновским почином к концу 1940-х гг. на естественном массиве был расплазирован Сад имени Пушкина с асфальтированными прогулочными дорожками, летним кинотеатром и двумя танцевальными площадками. Он находился на высоком берегу Белой, откуда открывался прекрасный вид на бельские дали. Этот сад был разбит для жителей Центрального заводского поселка, о котором чуть ниже.

Были еще два починка, официального вхождения которых в черту Черниковского поселкового совета не прослеживается, на их землях развернулось строительство первого нефтеперерабатывающего завода — сначала крекинг-завода, затем п/я 417, переименованного позднее в Ордена Ленина Уфимский нефтеперерабатывающий завод, далее Новоуфимского нефтеперерабатывающего завода.

Они были расположены по течению реки Белой за Сафроновским почином в сторону Александровок: Малая Красная Глинка (позже Щелчков, Щелчки) и Большая Красная Глинка. Почему они имели такое название, однозначного объяснения нет, как нет объяснений названиям деревень Красный Яр, Красный Холм, Красная Горка и т. д. Их земли заселили переселенцы Вятской и других губерний, купившие в 1870-х гг. участки у частных владельцев на личные деньги. Прилага-

тельное «красный» ассоциируется с прилагательным «красивый». Возможно, места эти были для переселенцев очень красивыми. А может, основание починков приходится на послепасхальную неделю, называемую Красной горкой.

Починок Малая Красная Глинка, в 17 верстах от Уфы, позже деревня Щелчки, расположен по водоразделу реки Белой при небольшом ключе. В конце 1890-х гг. в починке три домохозяина. По состоянию на 1905 г. в Малой Красной Глинке — 9 дворов, 51 житель. К 1920 г. в починке Малая Красная Глинка 7 дворов и 38 жителей. Поля по холмистой местности. В полях находилось три крутых оврага. Население занималось в основном земледелием. В селении было 2 веялки. На месте деревни Малая Красная Глинка, ближе к реке Белой, при наименовании улиц с 1 ноября 1949 г. была единственная улица из частных домов — Огородная. Впоследствии земли Малой Красной Глинки вошли в поселок Аварийный.

Далее, за Малой Красной Глинкой к деревне Александровке, был починок Большая Красная Глинка. Эти починки были расположены на расстоянии версты. В конце 1890-х гг. в починке Большая Красная Глинка, что в 18 верстах от Уфы, насчитывалось 3 дома с населением в 9 душ (4 муж. и 5 жен.). Починок был расположен на крутом берегу реки Белой. К 1920 г. в починке 8 дворов и 49 жителей. В полях три небольших ручья и одно озеро. На этот период в починке было 2 веялки. По состоянию на 1905 г. в Большой Красной Глинке — 8 домов и 32 жителя. Земли этого починка попали под строительство Новоуфимского нефтеперерабатывающего завода и заметного следа не оставили. Все эти починки сегодня соединила Западная автомобильная дорога.

Несколько слов из истории деревни Щелчки.

109 десятин 1127 сажень земли при деревне Степановке по отдельному акту в 1875 г. достались в собственность Анне Егоровне Саневской. Кто она была, сказать трудно, но, учитывая, что у Егора Викторовича Веригина, владельца земель деревни Степановки, были две дочери — Анна Егоровна, в замужестве Дузхотемирская, и Екатерина Егоровна, девица, можно предположить, что на момент продажи этих земель Анна Егоровна, видимо, дочь Веригина, имела по второму браку фамилию Саневская. По неизвестным нам обстоятельствам Анна Егоровна Саневская в марте 1879 г. продала эти земли по десятинам новым владельцам:

- мещанину Федоту Емельяновичу Масленникову — 23 дес. 2220 саж.;
- Василию Нестерову — 5 дес. 2355 саж.;
- Евдокиму Григорьеву — 49 дес. 1577 саж., в том числе луга за р. Белой;
- Терентию Петрову — 9 дес. 2325 саж.;
- Семену Вадиковскому — 19 дес. 2250 саж.

В апреле 1889 г. уфимский мещанин Федот Емельянович Масленников продал свои земли уфимскому же мещанину Егору Михайловичу Щелчкову. Сколько было приобретено земли Егором Михайловичем Щелчковым, в документе не указывается. Так появилась деревня под названием Щелčkова, Щелчки. На 1905 г. уфимским мещанам Егору и Ивану Щелчковым принадлежала также часть сенных покосов сельца Лопатина в количестве 4 дес. 687,5 саж.

В середине 1930-х гг. на строительство нефтезавода прибыло много переселенцев. Появились два поселка — Старые и Новые Щелчки.

При строительстве нефтеперерабатывающего завода на землях Старых Щелчков был образован Аварийный поселок. Его название полностью соответствует его предназначению. Он был создан по аналогии с Аварийным поселком при нефтяных разработках Ишимбаевской нефти, на расстоянии 1 км от нефтепроизводства. Аварийный поселок должен был служить буфером при непредсказуемых ситуациях строящегося нефтеперерабатывающего завода. На территории Аварийного поселка было множество различных управлений и производств, в том числе и строительный трест № 21, которому было поручено строительство города Черниковска.

Фактически Аварийный поселок начал застраиваться еще в конце 1930-х гг. Постановлением Уфимского горсовета от 4 июля 1937 г. было получено разрешение на строительство молочной кухни и деревянного кинотеатра рядом со стадионом. В конце 1940-х гг. Аварийный поселок начали застраивать жилыми домами для рабочих нефтезавода. На 1 декабря 1948 г. строительным трестом № 21 в Аварийном поселке было выстроено 12 рижских домов и 22 финских. На 1950 г. была спланирована застройка поселка следующими строениями: три 12-квартирных дома, двухэтажное общежитие на 68 мест, шесть 4-квартирных одноэтажных дома, семь 2-квартирных жилых домов, медпункт на 10 посещений, магазин на два продавца, клуб-столовая, баня, автобусная остановка. На 1950-й г. планировалось строительство школы на 400 учащихся, детского сада, яслей и еще одной школы на 400 мест в квартале № 64. Территория Аварийного поселка заселялась и частными домами. Ближе к реке Белой появилась новая улица Береговая. Была улица Строительная. Пик застройки Аварийного поселка приходится на 1950-е гг. 10 июля 1951 г. в поселке Государственной комиссией принята в эксплуатацию баня и магазин по улице Береговой. Здесь же была выстроена средняя школа № 24, позже при присоединении Черниковска к Уфе она получила № 74. С 1 января 1957 г. улица Береговая получила новое название — Федоровская. По мере заселения этих мест рабочими нефтезаводов, выше улицы Огородной, бывшей деревни Малая Красная Глинка, появилась улица из частных домов, названная Гражданской, в 1957 г. переименованная в Гомельскую. В этом же районе строились рубленые и брусковые дома, получили названия улицы — Степная, Полевая и Ремесленная. На территории Старых Щелчков был каменный карьер, где добывался известняк, необходимый для строительства. Он находился на задах улицы Полевой. На улице Круговой были землянки каменного карьера. Там же в свое время жили ссыльные немцы из Поволжья.

В поселке Новые Щелчки, состоящем из трех двухэтажных деревянных домов, их еще называли рублеными, для строителей и рабочих нефтезавода, была одна улица Новая. Этот поселок находился между Старыми Щелчками (Аварийным поселком) и бывшим Заводским поселком в районе улицы Добролюбова, переименованной с 1956 г. в улицу Нефтяников. Ближе к заводскому забору стояло несколько барачных строений для строителей крекинг-завода в середине 1930-х гг. По переписи населения, на 1 июня 1940 г. в поселке Новые Щелчки насчитывалось 95 жителей.

С конца 1960-х гг. все поселения, расположенные по правому берегу реки Белой, попали в санитарную зону нефтяных производств, и вместе с Новой Александровкой их жители были расселены в новостройки Черниковки.

На правом высоком берегу реки Белой, а ныне по Западной дороге за Аварийным поселком, в послевоенные годы было место, называемое садом Горшкова (в 1892 году на этом месте был хутор Горшкова). Местные жители ходили туда за очень сладкими и вкусными яблоками. Кто разбил этот сад, сказать трудно, также трудно сказать, кто был сам Горшков, но там стоял и стоит до сего времени достаточно большой и красивый кирпичный двухэтажный дом. Частично он сохранился на сегодняшний день, но уже без той прелести, что имел раньше: одинокий, разрушающийся, доживающий свой век в частых зарослях кустарников и деревьев.

По воспоминаниям старожилов, этот дом построили пленные немцы в 1947 г. Он был с колоннами в стиле ампира. Говорили, что это бывшая дача дирекции нефтеперерабатывающего завода. Вероятно, это была дача «высокого начальства», частично служившая гостиницей приезжим на завод специалистам. Но когда нефтезавод вошел в свою мощь, пошла загазованность, этот дом в начале 1950-х гг. передали под стационар детской клинической больницы № 7. После выселения жителей Аварийного поселка и близлежащих деревень в нем была размещена гинекология.

В середине 1930-х гг. в Черниковку съехались специалисты на строительство крекинг-завода, позже завода п/я 417. Была определена площадка под строительство жилых домов под названием Центральный заводской поселок — из четырех четырехэтажных домов по удивительно красивым архитектурным проектам. Аналогов этим домам в Уфе нет. Улица, на которой они были выстроены, получила название улицы Шверника, позже Юбилейной, с уютными дворами-скверами. Но пока строились эти дома, руководство и специалисты нефтезавода были расселены в уже выстроенные два двухэтажных дома, существующие и ныне по улице Грибоедова. Их сегодня разделяет трамвайная линия и остановка «Улица Грибоедова». Рядом с этими домами в 1949 г. был выстроен небольшой двухэтажный дом, принятый в эксплуатацию в 1950 г., под детский сад. Напротив детского сада и был Сад имени Пушкина. В эти четырехэтажные дома к 1940 г. въехали семьи дирекции и специалистов нефтезавода, а в два двухэтажных освободившихся дома по ул. Грибоедова заселили очередников. Это был очень уютный поселок с двумя продуктовыми и промтоварным магазинами, аптекой. Однако, по воспоминаниям старожилов, за продуктами и одеждой они все-таки ездили на базар в Уфу.

До войны на территории Центрального поселка были построены деревянные школа и баня. Поскольку эвакуированный электроламповый завод занял эту территорию, новая школа была выстроена напротив сквера дома № 5 по улице

Баня в Соцгороде на пересечении улиц Горького и Ленина (ныне ул. Ульяновых). Фото 1950-х гг.

Шверника (Юбилейной), в середине октября 1947 г. она приняла первых учеников. Школа по черниковской нумерации получила № 10, после соединения Черниковки с Уфой она получила № 60. Была еще школа в одном из брусковых домов по улице Добролюбова и носила порядковый номер 9. Нельзя не упомянуть директора школы № 9 Александра Петровича Позолотина. Уже в начале 1950-х гг. он был переведен директором во вновь выстроенную школу № 24, позже № 74, в Аварийном поселке, и был бессменным ее руководителем до 1960-х гг. Его жена, Тамара Сергеевна Позолотина, долгое время была заместителем директора школы № 10. Я знаю этих прекрасных, душевных людей, потому что в 1952 г. поступила в первый класс школы № 10, а 9–10 классы заканчивала в школе № 74 в Аварийном поселке.

Новая же баня великолепной архитектуры с прекрасной внутренней отделкой была выстроена к 1942 г. Поскольку наименование улиц Черниковска прошло лишь с ноября 1949 г., то баня оказалась на углу улиц Ленина, позже переименованной в улицу Ульяновых, и М. Горького. Она двухэтажная, кирпичная и была первой баней в Черниковке такого масштаба. На втором этаже, кроме банного общего отделения, размещались парикмахерские: мужской и женский залы.

*Щитовой дом
в поселке 3-го лагеря,
ул. Д. Донского*

На первом этаже был душ, ваннные комнаты, раздевалка и буфет, где продавался морс. После бани он шел на ура. Билет в общее отделение стоил 15 копеек, в душ — 20 копеек. Некоторое время эта баня была единственной на весь Соцгород, за исключением бани в барачном помещении за базаром, поэтому и очереди выстраивались, что называется, многочасовые.

В 1936 г. на базе Черниковского райсовета с непосредственным подчинением Уфимскому горсовету был образован Сталинский район города Уфы. Рост промышленных предприятий в Сталинском районе опережал все мыслимые прогнозы. Число жителей, работающих на промышленных производствах, достиг максимума. Начался новый отсчет времени города Черниковска. Близ строящихся крупных промышленных предприятий возникали поселки из бараков для рабочих. Поселков было несколько. Поселиться в комнату барака для людей было счастьем.

Для рабочего люда началось строительство двухэтажных капитальных домов. Но квартиры в этих благоустроенных домах были в основном коммунальные, рассчитанные на 2–3 семьи.

Встал вопрос о необходимости более мобильного управления промышленностью в северной части Уфы. Назрела потребность в улучшении социальной инфраструктуры, в развитии бытового обслуживания. Крайне не хватало товаров ширпотреба, швейных и обувных мастерских. Тем не менее Сталинский район по развитию всех отраслей промышленности вышел за пределы районного управления. К тому же в 1937 г. началось строительство трамвайной линии и новой дороги Уфа–Черниковка. Относительно уфимского трамвая скажу следующее: из четырех маршрутов городского трамвая в 1947 г. три маршрута шли в черниковские новостройки. Это 2-й маршрут: тупик Базарная площадь — ЦЭС через Совбольницу. 3-й маршрут, пущенный 30 января 1937 г.: Дом пионеров — Цюрупы — Брюханова — Кустарная и т. д.

Проектирование строительства трамвая от Новой типографии до ЦЭСа, а также по участку к крекинг-заводу, началось. В 1938 г. было запланировано строительство моста через железнодорожные линии. Но помешала война.

Первый участок трамвайной линии вдоль д. Глумилино пущен с 29 октября 1938 г. по 13 февраля 1939 г., позже: Базарная площадь — детский санаторий — кольцо ЦЭС. Окончательно 3-й маршрут был пущен в 1940 г. Стоимость проезда в трамвае составляла вначале 50 копеек, затем 40 копеек.

Было множество случаев схода трамвая с пути со смертельным исходом. Третий маршрут был самым опасным, поскольку шел по Непейцевскому спуску.

В 1944 г. встал вопрос о переносе трамвая с Непейцевского спуска на более безопасный путь. В 1941 г. приступили к строительству трамвая в Сталинском районе по маршруту: Новая типография — ЦЭС и крекинг-завод через ст. Черниковка

по улице Молотова, позже переименованной в улицу Кольцевая. 1 января 1945 г. появился 4-й маршрут: от кольца ЦЭСа до Черниковского райсовета. Ходил один вагон, что называется, туда-сюда. В те времена были трамвайные вагоны с двухсторонним рабочим местом водителя. На конечной остановке водитель трамвая пересаживался на другое рабочее место в другом конце вагона и продолжал поездку в обратном направлении.

Для строительства трамвайных путей была закрыта юго-восточная (старообрядческая) часть Ивановского кладбища. Был разрешен перенос умерших для перезахоронения на новом участке.

Поскольку магистральная улица, повторяющая Сибирский тракт, проходила через Глумилино, в июле 1937 г. уфимскими городскими властями было принято решение о восстановлении глумилинского постоянного двора. Для этого необходимо было расселить жильцов из данного дома, отремонтировать его и конюшню и использовать по назначению. На эти цели власти выделили 25 тысяч рублей.

В период 1939–1940 гг. в центре Черниковки было построено 52 барака, семь двухэтажных брусковых и пять фибролитовых домов.

Жизнь требовала изменения статуса промышленного района. Великая Отечественная война внесла определенные коррективы в становление города Черниковска. В первые дни войны в Уфу были эвакуированы жизненно важные для страны производства из Украины, Москвы, Ленинграда, Рыбинска, Запорожья. Многие эвакуированные промышленные предприятия были размещены в Черниковке.

В июле 1941 г. в Сталинском районе Уфы началось сооружение одно- и двухэтажных домов и бараков для прибывших специалистов и рабочих эвакуированных предприятий.

На базе эвакуированного Московского нефтяного института имени И.М. Губкина в 1942 г. создается Уфимский нефтяной институт. Вплоть до окончания строительства нового четырехэтажного корпуса по улице Космонавтов в 1962 г., Уфимский нефтяной институт размещался в неприхотливом двухэтажном здании по улице Ленина. Вначале было всего два факультета и порядка 400 студентов. Но даже такое количество студентов аудитории небольшого здания вместить не могли. Поэтому было организовано несколько разбросанных учебно-лабораторных корпусов. Один из них находился внутри первого высотного квартала Черниковска, в границах улиц Мира — Калинина — Л. Толстого и Кольцевой, что называется, в сквере.

Предполагалось, что срок эксплуатации бараков — не более 3 лет. Затем бараки должны были быть разобраны, а на их месте планировалось основное строительство жилья. В действительности же бараки, например на улицах Горького, Новочеркасской, существовали до середины 1970-х гг.

*Улица Ленина
(ныне ул. Ульяновых).
Второе здание
слева — корпус
Уфимского нефтяного
института.
Фото 1950-х гг.*

*М.Н. Куприянова,
заслуженный
строитель РСФСР,
кавалер шести
правительственных
наград, главный
архитектор
города Черниковска*

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 декабря 1944 г. на базе Сталинского района города Уфы был образован город Черниковск.

Началась новая жизнь города Черниковска. Что такое для развития города 2–3 года? Практически была создана лишь административная единица. Все остальное — деревни, пустыри, бараки и несколько кварталов двухэтажных брусковых домов для специалистов. А еще наплыв на стройки новых поселенцев и депортированных людей после освобождения Крыма от гитлеровских войск. Не хватало техники. Выручали конные дворы, занимавшиеся перевозками. Они были почти на всех предприятиях.

В марте 1948 г. на заседании Исполкома Совета депутатов трудящихся г. Черниковска заслушивался доклад главного архитектора города Маргариты Николаевны Куприяновой. Она ознакомила присутствующих с «Временными правилами по застройке города Черниковска». Надо отметить, что Маргарита Николаевна Куприянова была первым архитектором Черниковска, и то, домами какой архитектуры были застроены первые улицы Черниковска, свидетельствует об ее отменном архитектурном вкусе.

Остановимся на воспоминаниях известного в Уфе краеведа Бориса Попова. В своей статье «Город, построенный Тигрой» он пишет, что Маргариту Николаевну, или просто Риту, он знал с начала 1930-х гг. Тогда она была ученицей старших классов школы № 3. Они жили в одном дворе, а их отцы работали в управлении «Башжелдорстроя». С ученических лет Маргарита Куприянова была явным лидером. «В ней счастливо уживались формальное и неформальное. Она была центром притяжения, заводилой и организатором. За крутой нрав и стремительный характер товарищи прозвали Риту Тигрой. Таковой она оставалась всю жизнь. Маргариту Николаевну отличали такие качества, как целеустремленность, требовательность к себе и людям, чувство ответственности, преданность делу.

К началу Великой Отечественной войны Маргарита и ее одноклассники получили высшее образование, и жизнь разметала их кого куда. Она стала архитектором, и настал момент, когда ее назначили главным архитектором строящегося на месте деревни Черниковки нового города. Строительство промышленного социалистического города, его планирование пошло под ее руководством. При ней выросли кварталы улицы Первомайской, кинотеатр «Победа», восьмизатяжки. Черниковск стал ее любимым детищем. Она могла принять решение, не согласовав его с партийным и городским руководством. Так по «несогласованной» инициативе началось озеленение западного косогора. Такая «самостийность» вызвала недовольство вышестоящих лиц, и она получила выговор по партийной линии, а в результате... теперь на этом месте шумит кронами деревьев парк Победы.

Маргарита Николаевна оставалась главным архитектором Черниковска до его слияния с собственно Уфой в 1956 году».

Началась планировка Черниковска. Город был разбит на кварталы и строительные объекты. В 1948 г. объявляется Всесоюзный конкурс на лучшие жилые и гражданские здания, в котором участвовали строители Черниковска. Кто строил город Черниковск? Кроме строительных управлений, в том числе строительного треста № 21, которому и было поручено строительство Черниковска, а также набирающего мощь треста «Башнефтезаводстрой», город строили заводы:

- Уфимский нефтеперерабатывающий, будущий Ордена Ленина нефтеперерабатывающий завод;
- Новоуфимский нефтеперерабатывающий;
- химзавод;

- электроламповый завод;
- лесофанерный комбинат;
- спичечная фабрика;
- мясокомбинат;
- завод п/я 26, который в народе был моторным заводом, при содействии Министерства авиапромышленности.

Каждая организация строила культурные объекты и жилые дома для своих работников по проектам архитекторов строительства:

- индивидуальные каменные дома — архитекторы Шурко, Калиш, Киберев;
- сборно-щитовые многоквартирные — Лозовский, Крипа;
- брусковые 2-этажные дома — Стросков, Воробьев;
- каменные 8–18-квартирные дома — Крипа, Яфр, Поляков, Бурдин, Соболев, Тюков, Борецкий.

В конце 1949 г. в Черниковск поступили сборно-щитовые одноквартирные дома типа «ИД-3» в количестве 60 штук и 8-квартирные с Рижского домостроительного комбината. Были «импортные» одноквартирные дома из Германии: г. Бенсдорф — 31 дом, г. Вальтергауфен — 12 домов, г. Лейпциг — 10 домов. И это после разгрома фашистской Германии! Брусковыми домами Черниковку снабжали Тагильский домостроительный комбинат, Брестовский лесосбыт, Прибалтийский домостроительный комбинат, а также Ленинградский главлесосбыт.

Было бы справедливо отметить еще один момент в строительстве Черниковска: Лагерные управления № 3 и № 4. На декабрь 1948 г. Лагерное управление № 3 выстроило 34 рижских дома, из которых 26 были уже заселены. Лагерное управление № 4 выстроило 55 рижских домов, 40 из них к этому времени были заселены, 29 засыпных бараков, 15 были заселены. Одновременно со строительством бараков и малоэтажных домов для населения строились сараи-дровяники. Получая комнату в бараке или доме, семья получала сарай. В этих сараях хранилось все: и дрова, и керосин для примусов и керогазов, старая утварь. Сараи служили и некоторой дополнительной жилплощадью в летнее время. Ни воды, ни туалетов в малоэтажных домах долгое время не было, а в бараках тем более. Благо было отопление. На весь барак была одна кухонная комната, в которой стояла большая печь, как в небольших столовых. Она была почти всегда горячей, поскольку постоянно кто-нибудь готовил обеды. Топили печь дровами. На эту печь уходило много дров. Позже для быстрого приготовления пищи появились примусы и керогазы. Примусы и керогазы заправлялись керосином, от горения

Соцгород. Улица
Льва Толстого.
Фото 1950-х гг.

Кинотеатр «Победа».
Фото сер. 1950-х гг.

которого в бараках и домах стоял страшный запах, поскольку готовили на них в основном в коридорах. Затем они заносились в комнаты: так было сохраннее. Представьте себе картину: длинный коридор барака и почти у каждой двери стоят табуреты, на несгораемых подставках которых горят керогазы.

Практически на пустыре было начато строительство кинотеатра «Победа». Проект кинотеатра на 600 мест архитектора Якшина был выполнен для города Петрозаводска «Союзкинопроектом» в 1944 г. В 1945 г. проект кинотеатра подвергся экспертной оценке инженера В.Н. Чаплица, и в 1946 г. было принято решение о строительстве кинотеатра. Архитектор В.Н. Чаплиц был уфимский, к 1950-м гг. он был в должности старшего архитектора Управления по делам архитектуры при Совете Министров Башкирской АССР.

Площадь застройки составляла 740 кв. метров. Для строительства кинотеатра этот проект представил ОКС завода № 26. Строительство было поручено строительному тресту № 3, заказчик — завод п/я 26. В октябре 1948 г. кинотеатр был принят в эксплуатацию. Площадь перед кинотеатром стала называться Театральной.

1 декабря 1949 г. государственная комиссия приняла в эксплуатацию в Черниковске 81 жилой дом, в т. ч. 52 одноэтажных, 29 двухэтажных, 1 четырехэтажный. А всего в 1949 г. сданы в эксплуатацию 124 жилых дома и один летний кино клуб на 360 мест.

К этому времени в Черниковске была открыта поликлиника при заводе п/я 417 в специально выстроенном здании вместо старой амбулатории на крекинг-заводе. На базе амбулатории № 4 в Соцгороде открыта поликлиника № 5 с действующими кабинетами — физиотерапевтическим, зубоврачебным, гинекологическим. Для жителей Соцгорода это было диковинным делом. Соцгород являлся центром строящегося города, разбитым на кварталы под строительство жилых домов в один-два этажа. Город Черниковск взял курс на строительство 3–4-этажных домов.

В 1948 г. строительный трест № 21 приступил к строительству капитальных жилых домов на территории 3-го лагеря восточнее Соцгорода.

На 1950-й г. было намечено строительство поликлиники на 600 посещений, клуба «Нефтяник» на 800 мест, здания нефтяного института на 1500 учащихся, бани на 120 мест, одного летнего кинотеатра. Надо сказать, что к 1932 г. в Уфе находился филиал Ленинградского отделения Государственного института съемки и планировки городов «Гипрогор».

О Домах культуры и клубах Черниковска следует сказать отдельно. Первый клуб «Ударник», который уже в 1949 г. по результатам своей работы с массами на Всероссийском смотре культурно-просветительских учреждений занял первое место и получил союзную премию, находился в известном ныне здании института имени Шолохова. Ранее здесь находился Дом культуры имени М. Калинина.

Архитектурный проект клуба «Нефтяник», недалеко от заводоуправления п/я 417, был выполнен проектной мастерской МНП г. Москвы. Примерно в 1952 г. он был сдан в эксплуатацию. Это был чудесный архитектурный проект. С виду достаточно неказистое здание, а внутри — дворец. Прекрасное фойе с колоннами, пол которого был покрыт натуральным паркетом. Потолки в фойе и зрительном зале были украшены лепниной. Достаточно вместительный зрительный зал с удобными креслами, буфет. До конца 1960-х гг. в нем работало множество детских кружков: танцевальный, драматический, вокальный, детский хор и др. Был прекрасный спортивный зал, где занимались заводчане и детские спортивные секции. Для заводчан организовывались праздничные вечера, по выходным — вечера танцев, ежегодные смотры заводской и детской художественной самодеятельности, спортивные состязания. Ежедневно демонстрировались фильмы, зрительный зал зачастую был переполнен. По выходным и праздничным дням с 10 часов утра проходили показы детских фильмов. Это был самый первый в Черниковске дом культуры большого масштаба. В него ходили в основном жители Соцгорода, поселка Электролампового завода, улиц Пристанской и Войкова. После открытия в 1956 г. Дворца культуры имени С. Орджоникидзе клуб «Нефтяник» несколько опустел. Народ потянулся в новый центр культуры, который был гораздо богаче и вместительнее. К тому же началось выселение жителей из домов, попавших в загазованную территорию от нефtezаводов, находящихся на улицах Юбилейной, Пристанской, Войкова.

В центре Соцгорода в одном из барачков по улице Ленина, ныне Ульяновых, был клуб «Стахановец», открытый в 1951 г. На его месте в 1958 г. построили не менее великолепный Дворец культуры строителей, позже переименованный в Дом культуры им. 40-летия ВЛКСМ. В 1951 г. также были открыты еще два новых клуба: «Новатор» в Ново-Александровке и имени М. Горького. Клуб имени М. Горького находился на территории 3-го лагеря по улице Д. Донского. Позже был открыт клуб «Химик», названный по его принадлежности к химзаводу. Он был слева на повороте трамвайной линии к базару, в кирпичном барачном здании, которое частично сохранено до настоящего времени, но перестроено до неузнаваемости. Возможно, что были еще клубы, о которых сегодня напрочь забыли, поскольку они были расположены в помещениях барачного типа, например клуб «Тан» в

*Строительство
ДК «Ударник».
Фото 1930-х гг.*

ДК имени
Орджоникидзе.
Фото 1950-х гг.

пятом лагере. Был еще клуб имени Кирова, о котором также нет сведений. Эти клубы исчезли при сносе барачных кварталов. Примерно в это же время был открыт еще один Дом культуры строителей в районе деревни Лопатиной по улице А. Невского. Существовала такая практика: каждое крупное предприятие, будь то строительный трест или завод, должен был иметь на своем балансе дворец культуры для проведения культурно-массовых мероприятий как для своих работников, так и горожан.

Была еще одна особенность Черниковки — это лагеря. Вопрос расположения лагерей и поселков спецпереселенцев на территории Черниковки — другая неизученная тема. Надо уяснить одну вещь: лагеря были для преступивших закон, т. е. преступников. Но кроме как за воровство, избиение человека или еще что-то противозаконное, срок мог получить любой человек «по навету». Ну не нравится мне сосед, позвоню в НКВД и скажу, что он нелестно отзывался о Сталине, или порвал плакат с его изображением, или еще что-то подобное сделал. До восхода солнца за этим соседом приедет машина, и его никогда и нигде больше никто не увидит. Да, так рассказывают те, кто в свое время пережил подобное. Кроме известных лагерей в Черниковке, были поселки спецпереселенцев. Лагерь и поселок для переселенцев — это две разные вещи. Недалеко от ТЭЦ-2 был такой поселок под названием Южный, а за нынешним Домом культуры УМПО по улице Свободы был такой же поселок Северный. Но улиц в начале 1930-х гг. не было. В обоих поселках под надзором НКВД жили спецпереселенцы, в основном из раскулаченных. Один из бывших жителей такого поселка рассказал, как его семья из Макаровского района (ныне Ишимбайский район), деревни Нижне-Арметова была раскулачена. Самому ему было около 6 лет. С пятью детьми его отец и мать вместе с двумя такими же семьями пешком шли до поселка Южный. Шли не один день. Была одна подвода, на которой сидел сопровождающий эти семьи и находился их сундук с вещами и документами, который разворовали по пути следования. Семья поселилась в комнате барака. Это был 1930 г. Вскоре от голода и болезни умер младший брат. Отец закопал умершего ребенка в небольшом лесочке у сортопрокатного завода.

Говорят, что второй лагерь был близ строящейся ТЭЦ-2. Рядом было болото. Третий лагерь был в районе Лопатинского кладбища. Территория, на которой позже возникли улицы Воровского (переименованная в улицу Севастопольскую), Дмитрия Донского и трамвайное депо № 3, по разговорам жителей, условно относилась к третьему лагерю.

Пятый лагерь, как было сказано, располагался в Ново-Александровке. Бараками был застроен район улицы Фрунзе, переименованной в 1956-м в улицу

Нежинскую; улицы Щорса, переименованной в улицу Новочеркасскую; Максима Горького, под конец улицы Бери, переименованной в улицу Мира. Я помню бараки на месте построенной в начале 1960-х гг. школы № 88 (в тупике улицы Мира). Даже в начале 1950-х гг. они были обтянуты колючей проволокой. В этих бараках жили депортированные крымские татары, греки, армяне и другое население. О них я писала более подробно в статье «Моя Черниковка»¹. По воспоминаниям старожилов Черниковска, 4-й лагерь был расположен в районе нынешнего торгового центра «Радуга». Помню один момент из детства, когда по улице со стороны ТЭЦ-1 гнали пленных немцев. Это были 1948–1949 гг. Они строили Черниковск. Этот момент никогда не исчезал из моей памяти. Когда я занялась краеведением и работала по теме Новокнязевской церкви, мне посчастливилось услышать воспоминания Анастасии Леонтьевны в девичестве Новоселовой, по мужу Дмитриевой, 1925 г. рождения. В ноябре 1948 г. она в резиновых калошах, в бушлате, подвязанном веревкой, пришла в город из деревни Ситники Благовещенского района и устроилась на работу на электроламповый завод. Она вспоминает, что на землях бывшей деревни Воробьевки, примерно в районе улицы Кислородной, недалеко от ТЭЦ-1, была тюрьма для ссыльных. Возможно, что здесь же был лагерь пленных немцев, откуда и гнали их на стройки Черниковска.

¹ См. Бельские просторы. 2007. № 10.

По архивным материалам за 1941 г., за рекой Белой на землях деревни Михайловки меж озер Ольхового, Березового и Казачьего тоже была исправительно-трудовая колония № 4. Между деревнями Тугай и Новыми Турбаслами была женская колония № 7. Не секрет, что нефтезаводы строили заключенные. Старожилы Черниковки еще помнят, как по Бирскому тракту в сторону строящихся заводов шли колонны шарабанов с заключенными. Шарабаны — это крытые брезентом грузовые машины с лавками для пассажиров. В каждой машине сидел конвоир с винтовкой и собакой. Интервал между машинами был 2–3 минуты. Где еще находились лагеря и колонии в Уфе? Этот вопрос ждет своих исследователей.

Постановлением Исполкома Черниковского городского совета с 1 ноября 1949 г. в городе Черниковске были отменены названия поселков, сел, деревень в черте города и нумерация жилых кварталов. Как было раньше? Было так: допустим, где ты живешь? На 5-м квартале, или на 61-м квартале, или на 3-м лагере, или на 5-м лагере. Такое определение местожительства было у жителей Черниковки до ее полной застройки.

1 ноября 1949 г. было произведено именование улиц города с общепринятым порядком нумерации домов. Естественно, главными улицами города стали: улица Сталина, в 1956-м переименованная в улицу Первомайскую, улица Карла Маркса, ныне улица Свободы, и, конечно же, улица Ленина, ныне Ульяновых. Улицы получили имена всех политических деятелей того времени, как руководителей государства, так и бывших устроителей советской власти. С объединением городов Уфы и Черниковска в 1956 г. некоторые улицы, названия которых совпадали, были переименованы.

Город разрастался, но и люди умирали. Отсутствие городского кладбища было одной из проблем Черниковска. Президиум Черниковского поселкового совета 16 мая 1936 г. принял решение об открытии кладбища между деревнями Лопатиной и Курочкиной, впоследствии получившего название Лопатинского. Позже была попытка его устройства на окраине Черниковска. Постановлением Совета Министров Башкирской АССР от 4 июня 1951 г. даже была отведена земля в размере 32 га севернее Радиостанции РВ-1 под организацию общего кладбища для населения Уфы и Черниковки. Это ныне район улицы Лесотехникума. Но кладбище в этом месте так и не было разбито, иначе сейчас оно бы было в центре города.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 февраля 1952 г. город Черниковск был разделен на три района: Сталинский, Калининский и Орджо-

Улица Калинина.
Фото 1950-х гг.

никидзевский. В районах были созданы Советы депутатов трудящихся, избраны райисполкомы.

Знаменательным событием для Черниковска середины 1950-х гг. было строительство трамвайных путей, проложенных исключительно на землях Черниковска. Первоначально строительство трамвайных путей планировалось почти по центру Черниковки — улице Ленина (Ульяновых). Но учитывая, что эта улица центральная, было решено проложить трамвайные пути в обход центра Черниковска, т. е. по его окраине: по Энгельса (ул. А. Невского) — Андреева (ул. Шумавцова) — Фрунзе (ул. Нежинская) — Молотова (ул. Кольцевая) — Мира — Горького — с выходом на улицу Ленина (ул. Ульяновых) и далее по улице Д. Донского — Воровского (ул. Севастопольская). На конечной остановке было трамвайное кольцо и трамвайное депо № 2. Эта была первая часть трамвайной линии в Черниковке.

К 1956 г. в Черниковске проживало 215 495 человек. В Уфе — 260 500 человек. Объем бюджета на 1956 г. по Уфе составил 11 627 тыс. рублей, по Черниковску — 13 283 тыс. рублей. Черниковск, собравший в себя все мыслимые промышленные производства, был незначительно меньше Уфы. Город-спутник практически перерос сам город.

Башкирское руководство с самого начала строительства города Черниковска предполагало его включение в уфимскую городскую черту. И вот сложилась такая ситуация, при которой в Уфе были сосредоточены все учебные заведения, предприятия легкой промышленности, а в Черниковске — предприятия тяжелой и нефтеперерабатывающей промышленности, без которых Уфа как город существовать не могла. Кроме того, электроснабжение Уфы шло с электростанций Черниковска. Уфа не имела возможности разрастаться, а в Черниковске Великое поле было еще свободно.

24 июля 1956 г. Президиум Верховного Совета РСФСР утвердил решение башкирских властей об объединении городов Уфы и Черниковска в один город Уфу. Город Черниковск ушел в прошлое. Но осталась Черниковка. Между Уфой и Черниковкой было порядка 11 километров пустыря, бывших хлебных полей. Его надо было осваивать. Было решено, что связующим звеном между Уфой и Черниковкой должна стать автомагистраль. В январе 1957 г. вышло Постановление исполкома Уфимского городского совета и бюро горкома КПСС о строительстве дороги между северной и южной частью города Уфы. На этом заседании было решено осуществить строительство одной полосы движения (западной) вдоль трам-

важных путей и далее от Непейцевского спуска в северном направлении по всей ширине будущего проспекта до соединения с улицей Ульяновых.

Предполагаемая дорога шла по окраинам усадеб бывших деревень: Новиковки, Дубовки, Глуминой, Непейцевой. В то далекое время на землях проектированной дороги (нынешнего проспекта Октября) находились коллективные сады мединститута, авиационного института, завода п/я 49, завода пишущих машин. Было определено место строительства нового здания городского совета и городского комитета КПСС на середине предполагаемого проспекта, примерно равноудаленного как от южной, так и от северной части города. А пока в самом начале предполагаемого проспекта к Черниковке, рядом с Ново-Ивановским кладбищем, стояла мельница вятского предприимчивого купца И.Д. Кошкина, приспособленная позже под канатную фабрику, и бывший поповский домик со стороны кладбища, простоявший до начала 1960-х гг. Далее несколько четырехэтажных домов сталинской застройки 1956–1957 гг. Вот все строения по предполагаемому проспекту на тот период. Было четыре трамвайных разъезда: в районе современного универмага «Уфа», остановки «Спортивная», будущего Госцирка и остановки «Строительная», ныне «Театр кукол».

В связи с началом строительства административного здания городского совета и городского комитета КПСС распоряжением горсовета от 24 июля 1957 г. был разрешен снос плодово-ягодных и овощных культур садоводов мединститута с выплатой владельцам садов стоимости за отчуждаемые плодово-ягодные и овощные культуры. А в августе была утверждена смета в размере 312 251 руб. на перенос домов (части глумилинских усадеб) в связи со строительством проспекта Маяковского и 44 261 руб. на зеленые насаждения вдоль предполагаемого проспекта.

В августе 1956 г. Сталинский район Черниковска был включен в состав Калининского района.

В Черниковке в это время улица Первомайская оканчивалась у кинотеатра «Победа». Распоряжением Уфимского горисполкома от 10 января 1957 г. № 9 в связи с объединением городов Черниковска и Уфы бывший центральный Черниковский городской сад имени Победы был переименован в Уфимский городской парк культуры и отдыха. Кстати, несколько слов об этом парке. Вначале это был естественный лесной массив. Не могу сказать, чьи это были земли. Даже в начале 1960-х гг. на границе парка, ближе к улице Рыбакова, стоял старинный дом с резными наличниками. В нем одно время размещалась администрация парка.

*Первые дома на проспекте Октября.
Фото начала 1960-х гг.*

В архивных материалах он упоминается как дом Шекунова. В 1937 г., когда парка еще не было, этот дом пыталась купить дирекция Уфимского нефтеперегонного завода, скорее всего под дачу. Решением Уфимского горсовета от 15 мая 1937 г. в покупке этого дома дирекции было отказано. В то же время территорию будущего парка планировал использовать для строительства своих дач и Народный комиссариат земледелия Башсоюза. Однако 31 мая того же года решением городского совета было отказано и НКЗ Башсоюза — в пользу разбивки городского сада.

К октябрю 1957 г. была выстроена больница № 8. Для решения вопроса об ее открытии главный врач этой больницы Алексей Иосифович Баталов был командирован со 2 по 9 октября в Москву в Министерство здравоохранения. 14 октября 1957 г. была открыта школа № 83.

В ноябре 1957 г. бюро Уфимского горкома КПСС и исполкома горсовета приняли решение о расширении в городе сети магазинов, столовых, кафе и предприятий бытового обслуживания населения со сроками ввода в эксплуатацию. Большею частью это касалось бывшего Черниковска. Так, 30 ноября планировалось открытие музыкальной школы по ул. Кольцевой, 8; 15 декабря — открытие детской библиотеки в строящемся доме на углу ул. Кольцевой и Интернациональной; к 5 ноября предполагалось открытие кафе по ул. Первомайской на 50 мест; к 10 декабря — Детской технической станции по ул. Ульяновых, а также нескольких столовых, овощных, парфюмерных магазинов в строящихся домах по ул. Первомайской. В 1958 г. открыты автобусные маршруты: Ново-Александровка — Свердлова, пос. Сипайлово — Максимовка, Большое кольцо; маршрут № 8: Аптека № 104 — Сортпрокатный, Госбанк — Свердлова. Появились легкие таксомоторы. Конец 1950-х гг. для Черниковки был временем ее расцвета.

Город Черниковск перестал существовать, войдя в черту города Уфы. На смену ему вновь пришла Черниковка, но уже не деревня, а северная часть города Уфы, объединенная двумя промышленными районами: Орджоникидзевским и Калининским.

ХРОНОЛОГИЯ ЧЕРНИКОВСКА

Июль 1931 года — Башкирским центральным исполнительным комитетом принято решение о строительстве моторного завода на пустыре чуть севернее села Богородского.

4 сентября 1931 года Уфимский горсовет направил в орготдел БашЦИКа проект организации поселковых советов, избрав два основных направления.

16 сентября 1931 года был ответ в горсовет, что БашЦИК считает необходимым разрешить вопрос о территории новыхстроек, которые не входят в черту города.

1 ноября 1931 года организован поселковый совет «Черниковский» с подчинением БашЦИКу.

4 ноября 1931 года заседанием Президиума Всероссийского Центрального исполнительного комитета было утверждено решение Башкирского ЦИКа по организации Черниковского поселкового совета.

1932 год — начало строительства Башпромкомбината (ЦЭС) на Сипайловских землях.

1934 год — по Генеральной схеме планировки Уфы, одобренной расширенным заседанием Президиума горсовета и Башпрофсовета, составленной бюро № 4 «Гипрогора» (директор Д. Шибаетов), утвержден план застройки жилого района Непейцевой горы, западнее существующей деревни Непейцевой.

1935 год — вступили в эксплуатацию такие крупные промышленные предприятия, как ЦЭС мощностью 7000 кВт, завод «Дубитель», спичечная фабрика, фанерный завод, лесозавод, достраивался моторный завод, начато строительство крекинг-завода и первой ТЭЦ.

19 июля 1935 года Президиум БашЦИКа протоколом № 20 утвердил реорганизацию Черниковского поселкового совета в Черниковский райсовет с центром в селении Моторном с непосредственным подчинением Уфимскому горсовету.

1936 год — на базе Черниковского райсовета был образован Сталинский район города Уфы с непосредственным подчинением Уфимскому горсовету.

10 июля 1936 года Президиум ВЦИК утвердил подчинение рабочего поселка Черниковки Уфимскому городскому совету, разрешив последнему организовать в этом поселке районный Совет, и предложил правительству БАССР ускорить представление Генерального плана строительства Уфы.

1937 год — начало строительства трамвая по новой магистральной линии Уфа—Черниковка.

16 июня 1937 года Н.А. Толстой освобожден от должности председателя Уфимского горсовета за необеспечение выполнения решения ВЦИКа, БашЦИКа и т. д. Председателем Горсовета избран Е.Я. Бычков.

13 апреля 1938 года решением Президиума Уфимского городского совета были образованы два новых района: Молотовский и Ждановский.

1 июня 1938 года заседанием научно-технического совета при Башсовнаркоме была утверждена смета в сумме 65 642 рубля на изыскание и проектирование путей контактного оборудования трамвая к Уфимскому ЦЭСу и новую подстанцию.

20 августа 1941 года в Уфе была введена карточная система отпуска хлеба, хлебобулочных изделий и муки.

5 декабря 1944 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР на базе Сталинского района города Уфы был образован город Черниковск.

Октябрь 1948 года — открыт кинотеатр «Победа».

25 февраля 1952 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР город Черниковск был разделен на три района: Сталинский, Калининский и Орджоникидзевский.

24 июля 1956 года Президиум Верховного Совета РСФСР утвердил решение башкирских властей об объединении городов Уфы и Черниковска в один город Уфу.

Август 1956 года — Сталинский район Черниковска был включен в состав Калининского района.

Январь 1957 года — вышло Постановление исполкома Уфимского городского совета и бюро горкома КПСС о строительстве дороги между северной и южной частью города Уфы (ныне проспекта Октября).

10 января 1957 года в связи с объединением городов Черниковска и Уфы Черниковский городской сад имени Победы был переименован в Уфимский городской парк культуры и отдыха.

Май 1962 года — пошел первый троллейбус в Черниковку.

ДЕРЕВНИ БОГОРОДСКОЙ ВОЛОСТИ

*Маргарита
Агеева*

Как мы уже знаем, город Черниковск строился на пустыре. Окружавшие его деревни практически были нетронутыми строящимися городскими кварталами вплоть до 1960-х гг. и оставались окраиной Черниковки, несмотря на то что вошли в городскую черту в основном сразу же после образования города Черниковска.

Мало кто знает, что земли, на которых до сего времени отслеживается след черниковских деревень, были даны первопоселенцам уфимской крепости начиная с 1591–1592 гг. в качестве жалования за их службу и возраст этих деревень соответственно на 20–30 лет меньше Уфимской крепости. Кто получал эти земли? Это были «дети боярские» и «служилые люди» Уфимской крепости. Но деревни образовались не сразу, а спустя 20–30 лет. Надо сказать, что эти земли уже в то время были заселены переселенцами из центральных районов России. Особенно увеличился их поток после 1552 г. — времени взятия Казани Иваном Грозным. Затем на «поместные» земли «детьми боярскими» были завезены свои крестьяне из центральных районов России. Так образовались деревни, носящие имена своих владельцев: Гладышева, Лопатина, Шестакова (Курочкина тож), Калбвка и др., впоследствии вошедшие в Богородскую волость¹.

В.А. Новиков² в «Сборнике материалов для истории Уфимского дворянства» приводит список уфимских дворян, участвовавших в декабре 1767 г. в дворянском собрании по выборам представителя от Уфимского уезда «для сочинения проекта Нового уложения». Делегаты выбирались по всей России по одному от уезда. Де-

¹ Более подробно см.: Агеева М. Из истории Богородской волости // Бельские просторы. 2011. № 4.

² Владелец трех Новиковок.

¹ Ныне район Инорса.

легатом от Уфимского уезда был выбран коллежский ассессор Селиверст Артемьев, принадлежавший к одному из старейших уфимских родов, потомок первопоселенца Уфимской крепости Ивана Васильевича Артемьева, получившего «поместные» земли, в том числе и в районе села Богородского¹ и у нынешнего озера Кашкадан в Сипайлове. Ниже привожу список уфимских дворян, участвовавших в дворянском собрании, в котором за малым исключением в основном были потомки первопоселенцев Уфимской крепости, имевшие дачи и земли в Богородской волости:

1. Аничков Михаил Николаевич, капитан
2. Аничков Степан Максимович, майор
3. Артемьев Иван Алексеевич, вахмистр
4. Артемьев Максим Дементьевич, прапорщик
5. Артемьев Селиверст Матвеевич, коллежский ассессор
6. Гладышев Федор Дмитриевич, каптенармус
7. Зубов Николай Семенович, капитан
8. Каловской Григорий Федорович, поручик
9. Пекарский Николай Николаевич, секунд-майор
10. Суворов Назар Сергеевич, капитан
11. Ураков Иван Григорьевич, князь, капитан
12. Чёрников-Онучин Никита Иванович, каптенармус
13. Аничков Андрей, драгун
14. Аничков Афонасий, подпрапорщик
15. Аничков Василий, капитан
16. Аничков Иван Матвеевич, драгун
17. Аничков Михайла, драгун
18. Артемьев Алексей, драгун
19. Артемьев Емельян, драгун
20. Артемьев Иван, капитан
21. Артемьев Никифор, вахмистр
22. Волков Евдоким, подпрапорщик
23. Волков Федор, драгун
24. Волков Яков, драгун
25. Гладышев Александр, вахмистр
26. Гладышев Андрей, прапорщик
27. Гладышев Иван, капрал
28. Жилин Алексей, капитан
29. Зыков Алексей, подпрапорщик
30. Зыков Иван, подпрапорщик
31. Зыков Степан, подпрапорщик
32. Каловской Алексей, драгун
33. Каловской Иван, каптенармус
34. Каловской Максим, сержант
35. Карпов Никита, драгун
36. Карпов Семен, каптенармус
37. Карпов Тимофей, драгун
38. Куровской Василий, каптенармус
39. Куровской Василий, толмач из дворян
40. Курчеев Петр, драгун
41. Лопатин Андрей, дворянин
42. Лопатин Андрей, капрал
43. Лопатин Андрей, ротный квартирмейстер
44. Лопатин Данило, драгун
45. Лопатин Иван, вахмистр

46. Лопатин Иван, драгун
47. Лопатин Степан, драгун
48. Моисеев Андрей, капитан
49. Моисеев Григорий, прапорщик
50. Моисеев Федор Данилович, майор
51. Непейцов Иван, капрал
52. Непейцов Михайла, драгун
53. Непейцов Тимофей, капрал
54. Приклонский Иван, драгун
55. Савин Гаврила, капрал
56. Савин Данила, драгун
57. Смирнов Андрей, драгун
58. Таганаев Михайла, драгун
59. Телятев Тимофей, подпрапорщик
60. Третьяков Иван, драгун
61. Третьяков Никифор, драгун
62. Третьяков Николай, капрал
63. Третьяков Тимофей, драгун
64. Третьяков Тихон, драгун
65. Третьяков Федор, дворянин
66. Третьяков Яков, драгун
67. Третьяков Степан, драгун
68. Ураков Егор, князь, подпрапорщик
69. Ураков Петр, князь, прапорщик
70. Черников-Онучин Егор, подпрапорщик
71. Чертков Степан, капрал
72. ЩигOLEV Николай, подпрапорщик.

По подворной переписи крестьянских хозяйств Уфимской губернии Уфимского уезда, на 1914 г. в Богородскую волость входило 34 населенных пункта, за исключением 2–3 новых, малозначительных (*подробнее см. в табл. 1*). Все деревни, села, починки были в основном с русским населением, кроме Старых и Новых Турбаслов — их населяли башкиры.

Что объединяло все деревни Богородской волости? Во-первых, все они были образованы почти одновременно на землях первопоселенцев Уфимской крепости. Во-вторых, их дальнейшая судьба абсолютно одинакова. Все они вошли в Черниковский поселковый совет в 1931 г., а 5 декабря 1944 г. вошли в границу города Черниковска.

История Черниковки безумно интересна. Очень жаль, что до сего времени историки и краеведы несколько обошли ее вниманием. Если описывается история, то идет описание истории крупного промышленного предприятия Черниковки или ее районов — Орджоникидзевского и Калининского.

Представленное здесь описание деревень не отражает полноту их развития и требует дополнительного изучения. К тому же в статье отражены лишь большие известные деревни, названия некоторых, конечно, носят уже городские кварталы.

СЕЛО СТАРЫЕ ТУРБАСЛЫ

Село Старые Турбаслы очень хорошо просматривается по старому Бирскому тракту в сторону Благовещенска и за последнее десятилетие более чем вдвое увеличило свою территорию. Оно раскинулось по склону на возвышенности. За селом — просторы, куда в летнее время любят ездить знатоки ягодных мест. Под горой речка Шугуровка. С нее начался «отвод земель» в качестве жалова-

Таблица 1

НАСЕЛЕНИЕ НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫХ СЕЛ, ДЕРЕВЕНЬ, ПОЧИНКОВ БОГОРОДСКОЙ ВОЛОСТИ

Наименование населенного пункта	Наличие хозяйств	Число душ, находящихся в местности	Категория крестьян*
Волкова (Волково)	41	279 (138 муж. и 141 жен.)	пом., собств.
Волчок	3	16 (9 муж. и 7 жен.)	пом., собств.
Воробьевка (Березовка)	13	116 (59 муж. и 57 жен.)	собств.
Вотикеева	179	955 (476 муж. и 479 жен.)	гос.
Гладышева (Шугурова)	7	49 (22 муж. и 27 жен.)	гос.
Глумилина (Анненская)	37	222 (106 муж. и 116 жен.)	пом.
Дежнёва	54	354 (172 муж. и 182 жен.)	пом.
Дубовка	40	281 (148 муж. и 133 жен.)	пом., собств.
Каловка (Никитино)	5	35 (17 муж. и 18 жен.)	пом.
Красная Глинка (Большая)	5	27 (14 муж. и 13 жен.)	пом., собств.
Красная Глинка Малая (Щелчков)	5	33 (15 муж. и 18 жен.)	пом., собств.
Курочкина (Шестакова, Михайловка)	65	378 (192 муж. и 186 жен.)	пом.
Лопатина	13	72 (33 муж. и 39 жен.)	пом., собств.
Максимовка	120	727 (371 муж. и 356 жен.)	удел.
Непейцева (Кособрюхово)	3	18 (10 муж. и 8 жен.)	пом.
Непейцева (Борисовка, Аничкова)	4	27 (11 муж. и 16 жен.)	пом., собств.
Никольское (Черкасское)	173	1033 (513 муж. и 520 жен.)	пом., собств.
Новиковка Большая	22	159 (83 муж. и 76 жен.)	пом., аренд.
Новиковка Малая 1-я	6	36 (23 муж. и 13 жен.)	пом., аренд.
Новиковка Малая 2-я	5	30 (14 муж. и 16 жен.)	пом., аренд.
Ново-Александровский 2-й	16	120 (56 муж. и 64 жен.)	пом., собств.
Новые Турбаслы	93	549 (292 муж. и 257 жен.)	вотч.
Покровский	36	232 (119 муж. и 113 жен.)	пом., аренд.
Сипайлова (Загорный приют, Загорное)	4	35 (15 муж. и 20 жен.)	гос.
Сосновский	13	95 (45 муж. и 50 жен.)	пом., собств.
Софроновский	4	32 (18 муж. и 14 жен.)	пом., собств.
Степановка (Вишневый холм тож)	78	511 (262 муж. и 249 жен.)	пом.
Старые Турбаслы	57	278 (141 муж. и 137 жен.)	вотч.
Тимашева (Сергеевка, Белоусова)	64	431 (213 муж. и 218 жен.)	пом.
Тромпетовский	27	178 (90 муж. и 88 жен.)	пом., собств.
Уракова (Князево, Княженка)	8	39 (20 муж. и 19 жен.)	гос.
Черниковка (Анучина)	17	98 (53 муж. и 45 жен.)	пом.
Чуварезский	64	442 (214 муж. и 228 жен.)	пом., собств.
Яковлевка (Тужилровка)	32	190 (96 муж. и 94 жен.)	собств.

* ПРИМЕЧАНИЕ: пом. — помещичьи, собств. — собственники, гос. — государственные, удел. — удельные, аренд. — арендаторы, вотч. — вотчинные.

ния «служилым людям», первопоселенцам Уфимской крепости. Затем по речке Шугуровке появились поселения, деревни. Небольшая речка Шугуровка связала почти все деревни бывшей Богородской волости, земли которых ныне составляют северную окраину Уфы: Старые Турбаслы, деревня Тромпеттова, починок Поляков, далее деревни Гладышева, Степановка, Аничкова, Тимашева, Лопатина, Курочкина и бывшее сельцо дворян Каловских, деревня Каловка.

На время основания деревни Турбаслы, затем села Старые Турбаслы частично пролил свет один документ. В 1817 г. часть вотчинных земель турбаслинские башкиры продали титулярному советнику Ивану Степанову (деревня Степановка) и прапорщику Стрелкову, лишив тем самым тептярей деревни Нижний Изяк выгонных земель. В результате чего в 1844 г. между башкирами деревни Турбаслы и тептярями деревни Нижний Изяк возник спор об этих землях, дошедший до судебного разбирательства. Тептяри в свое оправдание объяснили, что они «поселились по припуску башкирцев деревни Турбаслов свыше 200 лет назад и в 1809–1810 гг. они полюбовно отдали эти земли (о которых вели спор) турбаслинским башкирам». Это не совсем так. Тептяри деревни Нижний Изяк не отдавали свои земли турбаслинским башкирам, поскольку тептяри были припущенниками на этих землях и при генеральном межевании в 1799 г. всех земель Уфимского края их земли не были выделены, а включены в окружную черту земель турбаслинских башкир-вотчинников. Но из этого документа следует, что поселение на землях деревни Турбаслы уже было в 1600-х гг. Возможно, и название поселения было другим.

Итак, поселение башкир на этих землях, позже названных турбаслинскими, насчитывает на сегодняшний день свыше четырех веков. Но до нас дошло вначале название деревни Турбаслы, затем села Старые Турбаслы, появившееся свыше двухсот лет назад. Это было связано с определенными событиями, о которых чуть ниже. Что касается далекого прошлого деревни Турбаслы, то для начала надо отметить, что земли Турбаслов — бывшие земли башкир-вотчинников рода мин. Отсюда название земель — Минская волость.

Теперь о самом названии деревни. Колонизация Российским государством Башкирского края вызвала со стороны коренного населения бунты и восстания на протяжении более двух веков. Основным свидетельством недовольства местного крестьянского населения политикой царского правительства явилась не столько сама крестьянская война под предводительством Пугачева 1773–1775 гг., сколько тот факт, что в этой войне башкиры принимали самое активное участие. Башкиры не хотели не только крепостного права, но и податного состояния, и в то же время они не отказывались от несения воинской службы. Этим воспользовалось царское правительство, и с середины XVIII века башкирское население активно привлекалось к охране юго-восточной границы России. В конечном итоге положением от 3 января 1798 г. башкирское и мишарское население (мишари — тюркоязычный народ) было переведено в военно-казачье сословие, в связи с чем поселения башкир, мишарей были разделены на кантоны и сформировано башкиро-мищерякское войско. Поначалу было 11 башкирских и пять мищерякских кантонов, можно сказать районов, где проживали башкиры и мишари. По кантонной системе управления данная категория населения Уфимского края была лишена свободы передвижения в пределах Башкирии. Выезд в другие уезды и губернии осуществлялся по разрешению кантонного начальства, и также по первому же требованию кантонного начальства мужское население вставало под ружье. Военная служба башкир и мищеряков была выгодна правительству, поскольку военную службу они несли исключительно за свой счет. Правительство выдавало лишь по 1 рублю в месяц на казака, что, естественно, не покрывало и минимальную часть их расходов.

На военную службу поочередно направлялись здоровые башкиры и мишари в возрасте от 20 до 50 лет. Один башкирский казак выставлялся в среднем от

четырёх–пяти дворов. Служили до тех пор, пока позволяло здоровье. Только в 1847 г. был установлен 30-летний срок военной службы.

Название деревни происходит от башкирского «туры бас», что означает «ступай прямо» и имеет отношение к военной выправке, т. к. основными обязанностями мужского населения Турбаслов было несение военной сторожевой службы. Башкиро-мещерякское войско принимало участие в войнах и походах на территории России, в том числе по усмирению самого башкирского населения. Позже отряды башкир и мещеряков участвовали в гражданском строительстве городов. Даже припущенники на турбаслинских землях были из числа отслуживших воинскую повинность, т. е. «бывших воинских званий». Отсюда и название деревни — Турбаслы. По исследованиям историка А.З. Асфандиярова, башкиры Уфимского края были активными воинами в защите отечества в войне 1812 г. Это была освободительная война России против наполеоновской Франции. В 1812 г. было создано 28 башкирских, 2 мишарских, 2 тептярских, 5 оренбургских, 5 уральских казачьих полков. Всего в Оренбургском крае было сформировано 45 полков по 500 рядовых в каждом. Кроме того, башкиры, мишари и тептяри собрали в пользу армии 500 тыс. руб., отправили на фронт 4139 строевых лошадей. Возможно, среди них были башкиры и тептяри деревни Турбаслы. Кстати, аналогичная деревня Турбаслы есть в Иглинском районе Башкортостана. Воины-башкиры были непревзойденными в своих военных способностях.

Как административная единица деревня Турбаслы относилась к 8-му башкирскому кантону и позже территориально вошла в Богородскую волость Уфимской губернии. Послабления в несении воинской службы пришли с проведением крестьянской реформы 1861 г. и отменой крепостного права, а в 1865-м был принят закон «О передаче управления башкирами из военного в гражданское ведомство», согласно которому кантонная система управления упразднялась. Башкиры и припущенники перешли в подчинение общих губернских и уездных по крестьянским делам присутствий и мировых посредников.

К большому сожалению, время образования деревень на территории Башкортостана до середины XIX века не фиксировалось. Но в каждой деревне есть старожилы, которые из поколения в поколение передают предания о времени возникновения поселений, легенды, связанные с основанием их деревень. У жителей Старых Турбаслов была книга памяти, куда записывались основные моменты истории деревни, но в последнее десятилетие она была утеряна. Однако сельская жизнь деревни не стоит на месте, а продолжается, и, возможно, книга будет найдена, туда запишут новые страницы истории села.

Земель у башкир-вотчинников было много. Сами башкиры не имели возможность использовать все записанные за ними промысловые угодья, поэтому они охотно «припускали» в свои вотчины служилых новокрещен, татар и мещеряков, дворцовых крестьян и даже «приборных служилых людей». Появились так называемые припущенники. Припущенники подразделялись на бобылей и тептярей. Основная масса пришлых извне людей состояла из бобылей. Большинство их занимало земли без согласия башкир и ничего не платило им за пользование землей. Лишь небольшая их часть селилась на башкирских землях с согласия вотчинников и платила им незначительный оброк, ясак. Такими были тептяри, поселившиеся на турбаслинских землях на основе письменных документов, где оговаривались условия их землепользования.

Вопросы положения бывших «служилых людей» и наделения их землями несколько раз обсуждались на заседаниях Уфимской городской думы, но решения, позволяющего обеспечить земельным наделом людей, отбывших воинскую повинность, принято не было. В данном случае проблема наделения землями «отставных воинских званий» частично решалась сама собой. На тур-

баслинские земли стекались переселенцы из разных губерний, в том числе из-под Мензелинска.

К началу 1800-х гг. часть жителей деревни Старые Турбаслы отделилась и ушла на новые земли ближе к реке Белой, основав новое поселение под названием Новые Турбаслы.

С появлением нового поселения недалеко от Турбаслов, позже названного деревней Новые Турбаслы, деревня Турбаслы получила название Старые Турбаслы.

Село Старые Турбаслы находится в 25 верстах от Уфы. По 7-й ревизии (1815–1826) в деревне насчитывалось 16 ревизских душ, а по 10-й ревизии (1857–1860) уже 54 души, кроме того, свободной земли было 719 десятин 611 сажень¹. Что такое ревизская душа? Начиная с 1719 г. и до отмены крепостного права в 1861 г. для учета податного населения было проведено десять переписей населения, или ревизий. Отсюда название — ревизская душа, т. е. житель, учтенный в переписи населения.

¹ 1 десятина — 1,0925 га, 1 сажень — 2,1336 метра.

На 1859 г. население деревни увеличилось до 353 жителей (184 муж. и 169 жен.) за счет поселившихся на этих землях бобылей и теплярей.

На 1870 г. в деревне было 70 дворов и 401 житель (207 муж. и 194 жен.). По переписи, деревня считалась башкирской. Уже на это время в деревне были мечеть и училище. Под училищем следует понимать сельскую школу грамоты, в данном случае медресе при мечети. Основное занятие жителей, кроме земледелия и скотоводства, — тканье кулей и рогож.

Во второй половине XIX века крестьянами-переселенцами разных губерний была выкуплена у турбаслинских башкир часть земель, на которых возникли новые деревни и хутора: село Никольское, Чуварес, село Черкасы тож, и др.

На 1898-й г. участок душевого надела деревни Старые Турбаслы в одном месте составлял 712 десятин 647 сажень, в т. ч. 684 десятины 937 сажень безлесной земли, принадлежавшей башкирам-вотчинникам. Огородов не было. Основным занятием сельчан было земледелие. В селе было 20 косуль² местного производства и две веялки. Многие жители села занимались пилой дров на продажу и в хорошее время зарабатывали до 30 рублей в месяц. В те времена это были очень большие деньги.

² Косуля — вид сохи, отваливающей землю только на одну сторону.

По записи уфимского нотариуса Боголюбова от 15 марта 1904 г., надел деревни Старые Турбаслы составлял 636 десятин 1250 сажень. 197 десятин 2160 сажень леса находились в собственности казны во владении лесного департамента. На речке Шугуровке была мельница.

Деревня численно росла за счет новых поселенцев, и в 1905 г. в ней насчитывалось 160 дворов с 749 жителями (396 муж. и 353 жен.). Был хлебозапасный магазин (сельский амбар) и 4 бакалейные лавки.

К этому времени припущенники «бывших воинских званий» объединились в Старотурбаслинское сельское общество на 901 десятине земли. Башкирские вотчинники объединились в свое Старотурбаслинское сельское общество на 893 десятинах душевого надела земли. Было еще несколько сельских товариществ, предвестников колхозов.

Среди частных владельцев земель Старых Турбаслов был Петр Степанович Листовский (купчая надворного советника Петра Степановича Листовского от 1 декабря 1872 г.). С 1911 г. вся земля перешла по духовному завещанию от П.С. Листовского к его дочери Надежде Петровне Листовской — 92 десятины 240 сажень. Затем Н.П. Листовская эти земли распродавала. Свыше 16 десятин удобной земли и леса по купчей от 25 февраля 1917 г. перешло в собственность уфимского купца Ивана Васильевича Колотова и бугурусланского мещанина Григория Яковлева за 4800 рублей. Здесь же часть земли от Н.П. Листовской приобрела в собственность жена уфимского купца Фасхатбана Абдумадиевна Назирова.

Все изменилось после октябрьских событий 1917 г. Богородская волость была упразднена. Село Старые Турбаслы вошло в состав Степановской волости и было поделено на две части: Мензелинское и Башкирское общество крестьян. В Мензелинское общество крестьян входили бывшие припущенники, переселенцы из-под Мензелинска. В 198 дворах села проживали 1074 жителя. Село считалось башкирским, но большая часть жителей была из татар.

В 1930-х гг. жителей села объединял колхоз «Заветы Ильича» Благовещенского района. В селе были школы 1-й и 2-й ступени. Поскольку существующие помещения под школу не вмещали всех детей школьного возраста, было несколько попыток использовать помещение мечети под школу. К этому времени здание деревянной мечети, построенной в 1906 г., пустовало. Однако верующие села пытались отстоять мечеть, и в 1930-м г. 25 верующих вновь зарегистрировали свое религиозное общество в Башкирском духовном управлении мусульман. В целом по селу насчитывалось 127 верующих. Казалось, что в эти годы вдруг люди отвернулись от Бога. Но это было не так. Верующих людей советская власть разом загнала в подполье. В прямом смысле слова. Выбора не было: либо подписывай протокол о закрытии сельской мечети или церкви, либо в считанные минуты тебя могли увезти без возврата в неизвестном направлении. Исключением не было и село Старые Турбаслы. По словам жителей Старых Турбаслов, в Черкасах был размещен карательный отряд НКВД, следивший за положением дел в данном районе. Верующие жители по ночам по одному перебирались в один из домов, где по несколько человек молили Аллаха о их спасении, причем боялись, как бы кто их не выдал властям. В этой ситуации общее собрание колхозников села от 22 ноября 1933 г. под председательством Рахманкулова приняло решение о передаче помещения мечети под школу. Был составлен подворный список жителей села от 18 до 55 лет из 330 человек от общего взрослого населения в 360 человек. 330 жителей села расписались за закрытие мечети. 2 января 1934 г. заседанием Благовещенского райисполкома было «утверждено решение сельчан» о закрытии мечети и передаче ее помещения под школу 1-й ступени. А в январе 1934 г. Президиум Всероссийского Центрального исполнительного комитета по вопросам культа официально удовлетворил «ходатайство» граждан села Старые Турбаслы о передаче помещения мечети в Благовещенский райисполком для его использования под «культурно-просветительское помещение». Минарет срезали активисты села. Аккуратненькое здание старой мечети и сейчас стоит при въезде в село, и ее второй этаж до сего времени используется под сельский клуб.

Сегодня деревня Старые Турбаслы входит в черту города Уфы с подчинением администрации Орджоникидзевского района. В селе 670 дворов и порядка двух с половиной тысяч жителей.

ДЕРЕВНЯ НОВЫЕ ТУРБАСЛЫ

Деревня Новые Турбаслы практически ничем не отличалась от Старых Турбаслов. Обе деревни были на одних вотчинных землях башкир.

Между двумя Турбаслами было порядка 5 верст. Новые Турбаслы находились западнее Старых.

Здесь также мирно уживались башкиры-вотчинники и припущенники «бывших воинских званий» в 25 верстах от Уфы при озере Духовом, позже получившем новое название — Сомовое, по скату на северо-запад. По югу границы — река Белая, при селении был небольшой ручей, в полях несколько озер. Это была низина близ старицы реки Белой с множеством небольших озер, расположенных цепочкой. Сасыкуль в переводе — гнилое озеро. Вокруг озера и в самом озере было множество травы, что вызывало некоторый запах гнилости. Ачекуль — горькое

озеро. Возможно, что в данном месте природные источники вбрасывали в озеро воду с горьковатым привкусом. Особой горечи в воде, конечно, не чувствовалось, но название все-таки соответствовало данному явлению. Название небольшого озерца Тамак означает переход, дословно — горло. Водой озера Кузягеш жители обоих сел лечили глаза. В свое время такое заболевание глаз, как трахома, было достаточно распространено. Вода этого озера была целительными глазными каплями. Жители обоих сел ходили на Кузягеш по утрам промывать глаза. Было озеро Эткуль — собачье озеро. Все озера являлись старицей реки Белой.

На территории выстроенной ТЭЦ-4 было так называемое Торнабасыуы — журавлиное поле. Кто знает, возможно, эти места и были пристанищем журавлей, тем более что здесь же были и небольшие озера. На этой самой территории когда-то существовала небольшая башкирская деревенька Майлыкуль — масляное озеро. Природа турбаслинских земель до строительства на этих землях нефтезаводов была сказочной.

По 7-й ревизии (1815–1826) в деревне насчитывалась 21 ревизская душа, а по 10-й ревизии (1857–1860) — 84 души. Население Новых Турбаслов также относилось до 1865 г. к военному сословию.

На 1870 г. в деревне насчитывалось 31 двор и 179 жителей. Основное занятие — скотоводство и пчеловодство. Но были уже и огороды. Из промысловых занятий — поденная сельскохозяйственная работа.

На 1902 г. в деревне Новые Турбаслы 54 двора. Общее число мужского населения составляло 187 человек на 1187 десятин наделной земли. В этот период крестьянами было создано Ново-Турбаслинское сельское общество. К 1905 г. в деревне была построена мечеть, работал хлебозапасный магазин (сельский амбар) и бакалейная лавка. В деревне насчитывалось 78 дворов с числом жителей 369 человек. При новом административном делении в 1920 г. деревня вошла в Степановскую волость и получила новое название — Верхние Турбаслы. Однако новое название деревни не прижилось. По переписи населения, деревня считалась башкирской. В 111 дворах проживали 628 жителей.

В августе 1930 г. был образован Благовещенский район и Турбаслинский сельский совет с центром в селе Старые Турбаслы. К этому времени повсеместно закрывались церкви и мечети. Построенная в 1919 г. деревянная мечеть Новых Турбаслов пустовала. 23 апреля 1933 г. на заседании Президиума Благовещенского райисполкома было решено здание мечети передать под школу, поскольку другого помещения для школы в селе не оказалось. За закрытие мечети расписались 208 жителей села. 25 мая 1933 г. решение Благовещенского райисполкома утвердил Президиум Всероссийского Центрального исполнительного комитета. Минарет мечети срезали активисты села Старые Турбаслы.

В начале 1950-х гг. началась стройка еще одного нефтезавода: вначале под названием Черниковского, затем завод получил новое название — имени XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза. Земли села Новые Турбаслы попали под строительство производств завода. Часть жителей села были переселены в Старые Турбаслы, часть в деревню Тимашево, часть в Карашиды. Оставшиеся жители, покинув свои исторические места, ушли ближе к реке Белой, основав почти на берегу Сомового озера новое поселение под названием Нахаловка. Но это название не прижилось. Деревня вновь стала называться Новые Турбаслы. Кто-то из сельчан Новых Турбаслов пошутил, что надо бы увековечить историческое место своей деревни, на что так же шуткой ему ответили: в память села Новые Турбаслы уже горит, что называется, вечный огонь — заводской факел.

Сегодня село Новые Турбаслы относится к Тугайскому сельсовету Благовещенского района. Его населяют татары и башкиры. На 1 января 2009 г. в нем проживало всего 43 жителя.

С марта 1869 г. в Богородской волости появляется новая фамилия из числа землевладельцев части турбаслинских земель — Г.Н. Тромпетт.

6 марта 1869 г. Г.Н. Тромпетт выкупил у башкир деревни Новые Турбаслы 400 десятин удобной для хозяйства земли по 3 рубля за десятину. При покупке этой земли Тромпетт пожертвовал в пользу школ Оренбургского края 15 рублей. На купленной Тромпеттом земле проживали 84 ревизских души и 31 домохозяин из числа башкир-вотчинников. Этот участок земли ранее назывался Вассина поляна. Вначале здесь был хутор Тромпетт, впоследствии деревня Тромпеттова (Владимировка), здесь же — усадьба Тромпеттов, барский дом, пруд. В деревне была мукомольная мельница. В собственном плодовом питомнике Тромпетты занимались разведением на продажу саженцев яблоневых и других культур. Гаврила Николаевич Тромпетт был достаточно крупным землевладельцем, он покупал земли турбаслинских вотчинников и позже. Всего же в его собственности было свыше 1200 десятин земли.

Габриэль Николя Нарцисс ля Тромпетт де Шамань — так звучит полное имя землевладельца по-французски, Гаврила Николаевич Тромпетт — по-русски. Он родился в 1823 г. в Вишери, департамент Vosges (Вогезы) во Франции. По-видимому, это была состоятельная семья, так как в своем завещании Гаврила Николаевич отказывает все свое имущество и земли во Франции своей сестре Аманде (в замужестве Барон). В 1842 г. Г.Н. Тромпетт де Шамань окончил университет в Париже по специальности химия, а в 1845 г. там же — инженерное училище и получил диплом инженера-технолога химика. В 1845 г. он был приглашен в Россию заводоуправляющими Пашковыми как специалист в Верхотурский завод Стерлитамакского уезда. В 1855 г. вернулся во Францию. В этом же году он был приглашен Е.В. Дашковой в Благовещенский завод Уфимского уезда для строительства и эксплуатации металлургического цеха.

По воспоминаниям правнучки, Светланы Геннадьевны Штехер, 1921 г. р., Г.Н. Тромпетт — католик, французский подданный и своего подданства не менял. Он женился на русской женщине Прасковье Мокеевне Тарасовой, у них было 7 детей. Все дети по матери были крещены в православную веру. Дети обучались французскому языку, разным искусствам и музыке; у прадеда была скрипка Страдивари. Одна из его дочерей, Вера, в свое время аккомпанировала Федору Шаляпину в бытность его в Уфе.

На землях между озерами Абызово и Сомовое был хутор с барской усадьбой Гавриловский. Но уже в начале 1900-х гг. о нем не вспоминали.

По купчей Уфимской палаты гражданского суда в июле 1884 г. от землевладельца Тромпетта крестьяне-собственники (29 домохозяев), доверенным которых был Никита Васильевич Огарков, приобрели в собственность 291 десятину земли.

После выхода в отставку Гаврила Николаевич поселился в большем имении деревни Тромпетт (Владимировка), где жил с женой и семьей младшего сына Николая. Умер в 1894 г. В 1897 г., согласно полюбовной сказке, т. е. по завещанию, утвержденному Уфимским губернским правлением 26 июля 1897 г., земли Тромпетта были поделены между его сыновьями. Часть земли, 638 десятин 1750 сажень, отошла к сыну — Владимиру Гавриловичу Тромпетту, частному землемеру.

На 1902 г. в деревне насчитывалось 25 крестьянских дворов и 84 души мужского населения на 90 десятинах приобретенной в собственность и 90 десятинах арендованной крестьянами земли.

В апреле 1905 г. В.Г. Тромпеттом было продано при содействии Крестьянского поземельного банка два участка земли в 105 десятин и 42 десятины товариществу крестьян Владимирской губернии за 18 375 рублей.

На 1905 г. в деревне Тромпетт насчитывалось 38 дворов и 200 человек жителей (98 муж. и 102 жен.).

В ноябре 1908 г. В.Г. Тромпетт продал Архангельскому товариществу крестьян из 20 домохозяев 252 десятины 1200 сажень. К 1912 г., объединившись, крестьяне деревни создали Владимирское товарищество на 147 десятинах земли. Сам Владимир Гаврилович Тромпетт жил с семьей в Уфе по ул. Б. Успенской¹, дом усадьбы сохранился. Он был старшим из сыновей Гаврилы Николаевича. Владимир Гаврилович Тромпетт де Шамань родился в 1862 г. в Благовещенском заводе. Окончил гимназию. Служил землемером, потом стал земским начальником. Женится на русской крестьянке деревни Жуковой — Вассе Федоровне Волковой в 1883 г. У них было 15 детей. Все дети крещены в православную веру.

¹ Ныне ул. Коммунистическая, 109.

Второй участок под названием Шамань, или хутор Тромпетта, — 604 десятины 1500 сажень. Его владелец — второй сын Г.Н. Тромпетта, техник сельского хозяйства Николай Гаврилович Тромпетт. Земля досталась ему так же по полюбовной сказке, утвержденной Губернским правлением 26 июля 1897 г.

Затем эта земля постепенно распродавалась. Часть перешла в собственность сыну почетной гражданки З.Н. Краевой, часть земли перешла в собственность сыну коллежского секретаря Кустовского.

В апреле 1911 г. Н.Г. Тромпетт продал 118 десятин 50 сажень земли Валентиновскому товариществу крестьян при содействии Крестьянского поземельного банка за 17 700 руб. и 49 десятин 830 сажень земли — 2-му Архангельскому товариществу крестьян при содействии Крестьянского поземельного банка за 7400 руб.

На 1912 г. крестьяне-собственники из 29 домохозяев, объединившись, создали Тромпеттовское товарищество на 291 десятине земли. В 1920 г. деревня входила в Степановскую волость. По переписи населения, деревня русская. В 53 дворах проживали 293 жителя (121 муж. и 172 жен.).

Где же находился хутор Шамань Тромпеттов? Принимая во внимание, что частью земель владели Краевы и Кустовские (им же принадлежали части земли Старой Александровки), то этот небольшой хуторок Шамань находился между деревней Тромпеттов Владимировкой и Александровой деревней, ныне Старой Александровкой.

Сегодня ни деревни, ни хуторов Тромпеттов не существует. На их землях раскинулись производства нефтезаводов.

АНИЧКОВЫ ДЕРЕВНИ

Черниковка имеет особый статус в границах города Уфы. Ее узнают по запахам при северо-восточном ветре даже южные районы города. Что поделаешь, промышленный район. Он был задуман городскими властями еще в 1930-х гг. Но тогда вряд ли кто мог предполагать, что он, как монстр, будет способен отравлять своих жителей выбросами из многочисленных заводских труб. А сегодня никому в голову не придет, что когда-то это были просторы степей с разбросанными колками (небольшими кустарниками), местами — непроходимым лесом. Эти просторы в те далекие времена называли Великим полем. А еще было Дикое поле. Трудно нам судить, в чем была разница полей. По правую сторону от Минской дороги, ведущей в деревню Шугурову, было Дикое поле, по левую — Великое поле. Уже в 1591 г. эти земли начали раздаваться «в дачу служилым людям», устроителям и защитникам Уфимской крепости, вместо жалования за царскую службу. Земли давались и высшему воинскому составу, и служащим при воротах крепости (воробейникам), писарям, толмачам (переводчикам) и т. д. Вопрос был лишь в размерах земельных окладов. Затем на этих землях появились починки, деревни, села. Люди старшего поколения помнят деревни, на землях которых был образован город Черниковск, в 1956 г. вошедший в границу

города Уфы. А молодому поколению уфимцев следует поинтересоваться историей своей малой родины.

Из «детей боярских» Аничковых на службе в Уфимской крепости были: Александр, Сергей, Володимер (Володимер Володимерович), Фирс, сыновья Александра — Михай и Юрий.

В 1604–1616 гг. воеводами в Уфе были: В.В. Аничков, Ф.А. Аничков; в 1700 г. — Борис Фирсович Аничков. Среди «служилых людей» Уфимской крепости в «Сборнике материалов для истории Уфимского дворянства» В.А. Новикова упоминаются дети первопоселенцев рода Аничковых: «Яким Никитин сын Аничков, Владимир Борисов сын Аничков, Борис Михеев сын Аничков, Петр Фирсов сын Аничков, Сергей Михайлов сын Аничков, Семен и Иван Юрьевичи Аничковы, Александр Никитин сын Аничков, Степан и Тимофей сыновья Бориса Аничкова, Иван Петров сын Аничков».

В 1612 г. упоминается имя Володимера Володимеровича Аничкова. В 1611 г. Володимер Володимерович Аничков был вторым воеводой в Нижнем Новгороде и в 1612 г. из Нижнего Новгорода был направлен со своей дружиной в помощь уфимским «сынам боярским». Перевоз, где он переправлялся через реку Уфу, находился в районе села Богородского и долгое время назывался его именем — Володимеров.

Среди Аничковых были предводители Уфимского дворянства: в 1766 г. предводителем избран Степан Максимович Аничков, в 1771–1772 гг. — секунд-майор Николай Степанович Аничков.

В 1824 г. среди встречающих прибывшего в Уфу государя Александра Павловича был Иван Михайлович Аничков с женой Анной Никифоровной и дочерью Варварой Ивановной.

Земли Аничковых не ограничивались одной Богородской волостью, поскольку Аничковы были одними из крупных землевладельцев Уфимского края. Только при Сосновом озере за рекой Белой было две деревни Аничковых. Позже эти деревни вошли в Дмитриевскую волость.

В Богородской волости было несколько деревень, основанных на землях Александра Аничкова, под названием Александровок: две деревни Аничковых (Александровки), позже одна из них получила второе название — Ново-Александровка, и деревня Аничкова на бывших землях Сергея Аничкова.

В данном случае речь идет о деревне Аничковой (Александровой), расположенной по правому берегу р. Белой, ныне в районе нефтяных заводов.

Деревня Аничкова (Александрова) упоминается по VII ревизской сказке, на 1816 г. по переписи крещеной мордвы, чувашей, однодворцев, удельных и экономических, т. е. государственных крестьян.

На 1858 г. в деревне Аничковой (Александровой) уже проживали 316 крестьян. К 1870 г. в деревне был 51 двор с числом жителей 179 душ мужского и 184 души женского пола, работали 2 ветряные мельницы. На этих землях мирно уживались как государственные крестьяне, так и помещичьи. Основные промыслы крестьян: земледелие, пчеловодство, делание колес и ободьев. К 1880 г. в деревне был открыт хлебозапасный магазин. Это было помещение для хранения зерна, муки, иначе говоря, деревенский амбар, куда свозились излишки зерна и муки от крестьянских обществ и товариществ, объединивших крестьянские дворы. Затем это зерно частично распродавалось, частично высевалось, частично сберегалось на непредвиденные случаи. Хлебозапасные магазины были открыты по решению Уфимского земского правления, которое осуществляло общее руководство хозяйственными делами губернии, в том числе активно участвовало в аграрной политике.

По состоянию на 1896 г. деревня Аничкова (Александрова) русская, расположена в 22 верстах от уездного города Уфы и в 15 верстах от волостного правления,

находящегося в селе Богородском Уфимского уезда. В наделе 3 небольших ключа и 5 озер. Надел в одном участке. Селение в центре надела. Поля по склону на юго-запад и отчасти по ровному месту. В полях до 8 оврагов, на берега которых «запущен» лес для того, чтоб они не размывались. Лес разбросан по всему наделу. Число жителей деревни увеличивалось за счет переселенцев, и к 1898 г. это было уже село. Изменения происходили в основном в угодьях: в связи с увеличением числа жителей деревни около 165 десятин леса вырублены и обращены под пашню, а около 80 десятин сенокоса обращено под выгон. К этому времени в селении было 32 веялки, поскольку основное занятие крестьян — земледелие и обработка зерна. В селе жили четверо портных, которые на хозяйских харчах обшивали жителей не только своего села, но и ближайших окрестностей. Один из них имел швейную машину и зарабатывал до 30 руб. в год, трое же остальных — по 20 руб. в год.

С образованием в 1890-х гг. деревни Ново-Александровки, село Александровка у реки Белой получило второе название — Старая Александровка, она существует и здравствует, насколько это можно в настоящее время.

К 1902 г. деревня все еще называлась Александровкой, в ней было уже 95 дворов крестьян на 1495 десятинах наделной земли.

В 1904 г. в селе старанием жителей была построена деревянная церковь во имя святого Сергия Радонежского. Кроме хлебозапасного магазина, в селе были две бакалейные лавки, 105 дворов с населением 680 человек.

К 1912 г. жители села объединились в два крестьянских общества: одно из них — Александровское — из бывших государственных крестьян на 1391,7 десятины наделной земли, второе — из крестьян-собственников деревни Александровки на 405,6 десятины земли.

Деревня численно росла за счет переселенцев. На 1920 г. в селе насчитывалось 130 дворов и 758 жителей. В это время деревня относилась уже к Степановской волости. К 1925 г. в Александровке было 147 хозяйских дворов.

В 1959 г. село Александровка включено в состав города Уфы. На этот период Александровку объединял колхоз им. Крупской. В селе насчитывалось 156 дворов, из них 94 двора колхозных. Остальные жители работали на нефтезаводе. Из колхозных строений в Александровке имелся конный двор, молочные фермы, амбары. Земельная площадь села составляла 887 га. В связи с загазованностью, угрожающей здоровью людей, в начале 1960-х гг. городскими властями было принято решение расселить жителей села в городские районы Черниковки. Все колхозное хозяйство было передано в ведение Черкасского сельсовета Уфимского района в сельскохозяйственную артель им. Крупской села Черкасы.

Надо сказать, что деревню Старая Александровка старожилы близлежащих деревень, в том числе Новых Турбаслов, до сего времени называют Сергеевкой. Скорее всего, это название связано с тем, что в январе 1768 г. отставной капитан Михаил Николаевич, прапорщик Афонасий, полковой квартирмейстер Степан Ивановичи Аничковы продали свои части наследства, родовую землю вниз по течению реки Белой ниже Сосновых гор с санными покосами и угодьями, «что по дачам за дедом нашим, бывшим ротмистром Александром Никитиным состоит», за 10 рублей секунд-майору Сергею Ивановичу Аничкову. По принадлежности этих земель Сергею Аничкову и деревня стала называться Сергеевкой.

За сухими статистическими данными скрывается действительная красота этой деревни. Село расположено ярусами на крутом правом берегу реки Белой. Ближняя по берегу улица с тремя нефтеналивными «быками» носит название Причальной. Когда-то здесь кипела жизнь! Сновали пароходы, зазывая пассажиров, пассажирские катера в Красный Яр, Лавочное, Бачурино, Благовещенск, Бирск, баржи со строительными материалами и нефтеналивные баржи, скрепленные

сплавляющиеся по реке плоты. Сегодня все замерло. На сегодняшний день увидеть проплывающую баржу или катерок мимо Александровки — картина достаточно редкая. Повыше на горе дома собраны в улицу Проселочную, еще выше — улица Биологическая, затем — Тепличная. На холме с великолепным видом на забельские дали когда-то стояла церковь. О ней еще помнят старожилы села. Церковь была далеко видна и тем, кто проплывал по Белой, и жителям сел и деревень заречья. В 1930-х гг. церковь была закрыта. По исследованиям историка П.В. Егорова, обезглавленное здание церкви долго пустовало. Надо отдать должное селянам, что они, не в пример жителям некоторых сел, не разобрали ее по бревнышку. В 1956 г. деревянное здание церкви перевезено в село Дмитриевку Уфимского района под клуб, и так оно использовалось до 1990 г. Можно подумать, что без этого здания в Дмитриевке не было помещения под клуб. Властям надо было стереть всякую память о церкви, переместив ее здание в другой конец — чем дальше, тем спокойнее. В 1991 г. в селе Дмитриевке Уфимского района был зарегистрирован приход. Этот большой деревянный, прекрасно сохранившийся дом был отдан приходу под церковь. После организационных и ремонтных работ почти через столетие в этом здании вновь зазвучала молитва. Церковь носит название прежнего разрушенного храма Дмитриевки — Покровская.

Еще выше по склону горы — улица Известковая. Здесь же незакрытый известковый карьер. Чем выше в гору, тем изумительней открывается панорама красоты природы. Виднеются деревни при Сосновом озере, Лавочное и... высоты Уфы. Одно обстоятельство омрачает красоту природы Александровки: здесь не чувствуется запаха природы, поскольку все пропитано запахом нефтепродуктов заводов. Когда-то деревня попала в охранную зону, и ее жителей переселили в Черниковку. Но сегодня она вновь застраивается коттеджами. Сидя на самом берегу реки Белой, можно уловить чуть заметный, знакомый до боли запах реки и водорослей. Но лишь на мгновение. Хотя в заводах Белой по улице Причальной, как рассказывают жители, на лето останавливаются перелетные птицы, в том числе цапли, и выют гнезда. Значит, не все еще потеряно, и природа, возможно, восстановится.

Была еще одна деревня Аничкова (Александрова) при речке Орнучихе. Эти земли в свое время также были даны «в оклад» первопоселенцу Уфимской крепости «Александру сыну Никитину Аничкову». Относительно речки — это громко сказано. Был хороший ключ, родник, который был назван речкой Орнучихой. По сведениям 1870 г. в деревне стоял один двор с семью жителями. Она располагалась на бывших землях Аничковых в 19 верстах от Уфы и 12 верстах от волостного правления (село Богородское) по возвышенному месту на двух склонах оврага. По юго-западу границ села Александрова¹ и протекает река Белая.

¹ Старая Александровка.

Со временем земли меняли своих хозяев, и теперь они принадлежали купцу Сафронову. В 1895 г. переселенцы-крестьяне купили земельные участки у землевладельца Сафронова по 45 руб. за десятину и основали вначале починок, затем деревню, и назвали ее Ново-Александровкой.

Нынешнее местоположение бывшей деревни Ново-Александровки — на возвышенном правом берегу реки Белой по Западной дороге в сторону нефтеперерабатывающих заводов.

Поскольку починок развернул строительство, пошла повсеместная вырубка леса. В связи с этим казной было взято под охрану 18 десятин леса.

Деревня Ново-Александровка быстро разрасталась, и к 1902 г. в ней было 12 дворов, в 1905 г. — уже 14 дворов с числом жителей 118 человек. Основное занятие жителей — земледелие.

Деревня разрасталась за счет переселенцев, и к 1920 г. в Ново-Александровке было 28 дворов и 201 житель. В 1925 г. насчитывалось 37 хозяйств. Деревня от-

носились к Степановской волости. Официального вхождения Ново-Александровки в черту города не было. О ней сохранилось немного информации, поскольку для жителей Черниковки это был поселок при нефтезаводах, пятый лагерь — этим и была известна Ново-Александровка. На ее территории во времена всероссийских лагерей располагался лагерь. Для заключенных были выстроены бараки. Говорят, что известная исполнительница русских песен, в том числе «Валенок», Лидия Русланова отсиживала срок именно в бараке пятого лагеря. Еще в 1970-х гг. жители Черниковки в разговоре определяли местоположение Ново-Александровки как лагерь — иного названия просто не было. Так и говорили: «Где тот-то живет?» — «Да на пятом лагере». Гораздо позже на территории этих бараков была дислоцирована воинская часть, принимавшая участие в строительстве нефтезаводов.

В начале 1950-х территорию Ново-Александровки начали застраивать щитовыми и брусковыми домами под общежития и жилыми домами для рабочих завода. Затем началось кирпичное строительство добротных домов. Были выстроены две большие школы. Это был хороший, уютный поселок с развитой инфраструктурой: баня, больница, кинотеатр, книжный, промтоварные магазины. Бараки оставались в восточной части поселка.

В Ново-Александровке было несколько улиц: улица Мифтахова, Парижской коммуны, Пржевальского, плавно переходящая в улицу Энергетиков. Мало кто помнит, что улица Энергетиков получила название совсем недавно. Даже в конце 1980-х гг. на домах висело название улицы имени Вышинского, известного российского прокурора 1930-х гг., впоследствии дипломата в ООН.

В начале 1960-х гг. Ново-Александровка попала в санитарную зону по причине опасной для людей загазованности от нефтеперерабатывающих производств. Но ее жителей начали выселять в строящиеся районы Черниковки только в конце 1960-х гг. Сегодня Ново-Александровка представляет собой мертвый город. Бросаются в глаза полуразрушенные двух- и трехэтажные дома с выбитыми окнами, в том числе и здания школ. Когда-то в поселке кипела жизнь.

Было еще одно селцо Аничково. Первоначально земли этого небольшого селца на Диком поле были даны Сергею Аничкову за сибирскую службу в 1608 г. «к старому его окладу». Оно находилось в 19 верстах от уездного города Уфы по правому берегу речки Шугуровки, отделявшей его от села Сергеевки (Тимашева, Белоусова), и в 6 верстах от волостного правления (с. Богородского). Кстати, земли Сергеевки (Тимашева, Белоусова) также ранее принадлежали Сергею Аничкову. По югу селцо Аничково граничило с землями дворян Лопатиных. Дача селца составляла 147 десятин 2310 саженей.

Долгое время это была пустошь помещиков Аничковых, поскольку как такового населенного пункта, селца, до 1902 г. не прослеживается. И только в «Сборнике статистических сведений Уфимской губернии...» за 1898 г. под редакцией С.Н. Велецкого упоминается селцо Аничково, где встречаются «дворяне, как коренные сельские жители», что называется, было дворянское гнездо. В «Алфавите волостей и селений Уфимской губернии за 1902 год» в селце Аничкове числился один двор, 1 ревизская душа из бывших государственных крестьян на 13 десятинах наделной земли. За счет переселившихся из других губерний крестьян к 1905 г. в Аничкове уже 6 дворов и 21 житель. Селцо приобрело статус деревни. К этому времени самих дворян Аничковых в Уфе практически не осталось.

К 1912 г. крестьянин-собственник деревни Аничковой Александр Иванович Бордовский и односельчане организовали Сергиевское общество крестьян на 14,04 десятины земли.

В материалах частновладельческого хозяйства Уфимской губернии на 1915 г. среди владельцев земель деревни Аничковой упоминаются П.С. Листовский и П.К. Лопатин.

В 1919 г. д. Аничкова вошла в Степановскую волость. Деревня русская, в 2 верстах от волостного исполкома (д. Степановка, Вишневый холм тож), и к середине 1920-х гг. имела 12 дворов с числом жителей 52 человека. К этому времени население деревни увеличилось за счет переселенцев, прибывших на развернувшееся строительство промышленных предприятий в районе Черниковки и села Богородского.

В ноябре 1931 г. решением Президиума Всероссийского Центрального исполнительного комитета деревня Аничкова, как сельцо, вошла в Черниковский поселковый совет и в 1944 г. — в границу города Черниковска.

Просматривая архивные материалы 1936 г., совершенно случайно обратила внимание: среди призывников на воинскую службу были два юноши по фамилии Аничковы — Николай Федорович, проживавший в деревне Аничковой, дом 2, и Виктор Александрович, проживавший в деревне же, дом 9. Были ли они потомками доблестного рода Аничковых или из крестьян дворян Аничковых?

В настоящее время на землях деревни Аничковой расположена станция Черниковка-Восточная с ее промышленно-производственными застройками и крупный железнодорожный узел Черниковки со станцией Бензин. А еще о деревне Аничковой напоминают цветущие по весне плодовые деревья бывшего садоводческого товарищества по правую сторону речки Шугуровки, против деревни Тимашевой.

Самое время сказать несколько слов о старейшем уфимском роде Аничковых, владельцах деревень Аничковых и Александровок.

О том, что их фамилия претерпела изменение от Оничковых до Аничковых, упоминалось раньше. И так случилось, что они принимали деятельное участие в основании города Уфы. Впоследствии все Аничковы были «поверстаны» землей и около двух с половиной столетий верой и правдой служили на благо отечества в Уфимском уезде.

Первоначальный отвод земель Александру Аничкову, одному из «детей боярских», направленных царским указом на строительство уфимской крепости и «очерчивание» города Уфы, по «Отводной книге по Уфе» не прослеживается. О его землях можно судить позже, со второй половины 1770-х гг., когда появились деревни непременно под названием Аничковы. Хорошо прослеживаются дачи «в поместный оклад» другим представителям дворянского рода Аничковых. Надо сказать, что в архивных документах ЦГИА РБ есть прекрасный материал по изучению уфимского рода Аничковых, который ждет своих исследователей.

Вот несколько примеров.

В 1608–1609 гг. «сыну боярскому Сергею Аничкову за сибирскую службу дано государево жалованье к старому его окладу на диком поле... по Минской дороге к Олександровским гряням Аничкова...»

В 1610–1611 гг. Иван Черников и Гордей Гладышев отмерили в поместье земли Юрию Аничкову «от межи отца ево Олександра Оничкова... по межу Василья Волкова прямо на Гордееву межу Гладышева... и Федора Волкова».

В 1611–1612 гг. «по приказу Михаил Ондреевич Онучин да Иван Каловский... отделили на диком поле сыну боярскому Сергею Олександровичу Оничкову к ево пашне... по межам... позади ево Сергеевы пашни... а с тех столбов по меже Сидора Лопатина... Межи и грани отводил Сидор Лопатин».

В 1612–1613 гг. «сыну боярскому Александру Аничкову была отведена земля на 50 чети в поле... к Шугурове деревне...»

В 1612–1613 гг. по «наказной памяти отдел Фирсу Оничкову на диком поле пустую заложную землю по Шугуровке речке вверх от Рудаковы межи выше к полю под усадьбу подле ключа...»

Позже этот ключ, существующий и ныне, стал называться Фирсовым ключом. Он находится в районе села Черкасы.

Для отвода земель «служилым людям» уфимской крепости воевода Володимер Володимирович Оничков (Аничков) берет с собой Михея. Михей Аничков владел частью земель после отца своего, Александра Аничкова, «прямо к Белой по увалу...», по грани земель Юрья Аничкова. Здесь и была Михеева деревня. Эта деревня упоминается в купчей от 1795 г. при продаже земли И.С. Кублицким Гавриле, Василию и Никите Черниковым-Анучиным. Она меняла своих хозяев, но название оставалось прежним.

По нынешним временам местоположение деревни Михеевой — это район остановки электрички Парковая в Черниковке, почти сразу же за мостом вправо при въезде в Черниковку. В 1930-х гг. это была уже небольшая деревня, получившая второе название — Соколовка. В 1936 г. часть пашни при деревне Соколовке отвели под плодородный сад.

Здесь до сего времени находятся полузабытые сады некогда садоводческого товарищества. Ныне на этих землях строятся автосервисы.

Был еще Сергей Иванович Аничков, оставивший достаточно большой след в истории Уфы.

14 декабря 1766 г. государыней императрицей Екатериной II был издан Манифест об учреждении Комиссии для сочинения проекта Нового уложения и выборах в эту комиссию депутатов. Предполагалось направить из всех уездов империи в Москву по одному депутату от уезда.

После выбора предводителя дворянства 12 марта 1767 г. произошли выборы депутата Уфимского дворянства, которым был избран секунд-майор Сергей Иванович Аничков.

Избрав Аничкова депутатом, дворянское собрание «сочинило» ему наказ, предстоящий для решения некоторых проблем. Одной из проблем, не терпящей отложения, была следующая: когда делились башкирские земли, леса, озера и другие водоемы оставались в собственности башкирской вотчины данной местности. Впоследствии леса и водоемы с рыбной ловлей башкиры стали сдавать в аренду всем, кто имел в этом интерес, в связи с чем леса нещадно вырубались, водоемы опустошались. Зачастую леса и водоемы территориально находились на землях, бывших в собственности помещиков. Поэтому помещики просили С.И. Аничкова на государственном уровне решить вопрос о территориальной принадлежности указанных лесов и водоемов.

В январе 1769 г. С.И. Аничков по велению Ее Императорского величества «отпущен от комиссии о сочинении проекта нового уложения» домой впредь до его востребования.

Сергей Иванович Аничков служил в военной службе и «за оказанные в ней ревности и прилежности Всемиловитейше пожалован из вахмистров в прапорщики 20 февраля 1757 года, 1 января 1764 года в поручики, 1 января 1765 года в обер-аудиторы, 14 декабря 1766 года в секунд-майоры».

По решению Правительственного сената он был направлен в Уфимскую провинцию 13 декабря 1773 г., т. к. в 1613–1614 гг. предок его «Володимер был воеводою на Уфе в товарищах с стольником и воеводою, со князем Борисом Хилковым и велено ключи держать городовым князю Хилкову, а осторожные ему, Володимеру, а дворян и детей боярских меж себя расписать по полам, а пушкарей, затынщиков, стрельцов и всяких разных людей служилых обоим заведывать вместе». Затем Сергей Иванович «Всемиловитейше пожалован из коллежских асессоров 27 мая 1782 года в надворные советники в ранг сухопутного подполковника, на каковой чин и дан ему Патент 16 июля 1786 года за № 167 за подписанием Императрицы Екатерины».

В декабре 1786 г. дворянами Уфимского наместничества он был избран в депутаты «для составления дворянской родословной книги и для рассмотрения о

дворянстве представленных доказательств и внесения по степеням кто в которую следует часть».

О нем отзывались так: Аничков С.И. — «старый воин семилетней войны, в душе добряк, хлебосол и прямо русский человек».

Сергей Иванович Аничков был незаурядным человеком. Его считали философом-просветителем. Дед Сергея Тимофеевича Аксакова, Николай Семенович Зубов, занимавший в то время пост уфимского наместника, был в дружбе с Сергеем Ивановичем Аничковым. Накануне смерти Екатерины Великой Сергей Иванович подарил маленькому Сереже (Аксакову) «три тщательно подобранные коллекции книг, составлявшие Сережину библиотеку». Позже оказалось, что одной из них был аничковский план переустройства России, бесцельно пролежавший у него три десятилетия среди бумаг. Екатерининский депутат подарил его Сереже за ненадобностью, как игрушку любознательному малышу. Только позже Сергей Тимофеевич понял, что подарил ему Аничков. С.И. Аничков был влюблен в Великую Екатерину за ее рдения во славу России. Существует предание, что Сергей Иванович Аничков в память о Екатерине посадил на Случевской горе дуб после того, как он был выбран депутатом в Уложенную комиссию. Дуб был одним из любимых деревьев россиян и олицетворял могущество державы.

В мае 1782 г. в качестве депутата от Оренбургской губернии для посылки в Петербург по случаю открытия Уфимского наместничества был избран Иван Лаврентьевич Тимашев. От Уфимского дворянства — коллежский асессор Николай Николаевич Пекарский и секунд-майор Николай Степанович Аничков.

Поскольку земли у Аничковых было много и влиятелен был сам род, то можно было забыть о подтверждающих правах на эту землю. Но случилось так, что срочно потребовалось подтверждение прав на землю.

Сохранился любопытный архивный материал: «Дело о подтверждении прав на землю, высочайше пожалованную роду дворян Аничковых в Уфимском уезде (1846–1848 гг.)»:

«В деле по отношению Оренбургского депутатского собрания о межеванной предкам рода Аничковых земель с копией грамоты царя и великого князя Алексея Михайловича 7173 г. марта 8 дня, с книги отводных записей 7169 г. ноября 28 дня, и 7160 г. июня 17 дня и с резолюции Провинциальной канцелярии 1779 г. ноября 20, засвидетельствованные Уфимским уездным судом, представленные в Герольдию при прошении чиновниками 14 класса Иваном и Андреем Аничковыми в подкреплении дворянского их достоинства.

Из приложенных документов видно, что предки просителей жалованы были за дворянские их службы в поместном окладе землею по речке Шугуровке и сеными покосами за Белою рекою в Уфимском уезде, но в настоящее время состоит ли эта поместная земля во владении просителей Аничковых или из рода их была и когда, по делу не значится. От дворян Аничковых потребовалось предъявить документ о действительном жаловании земли их предкам. Такого документа у Аничковых не оказалось. Они обратились к свидетелям, господам дворянам Черниковым-Онучиным, Артемьевым, Турчевым, Каловским, Ахматьевым и Лопатиным и просили удостоверить эти сведения через опрос означенных дворян под присягой».

Оренбургское дворянское и Депутатское собрание обратилось к исправляющему должность гражданского губернатора: «Существовала ли или существует в этих местах, в коих документах показано, земля во владении гг. Аничковых». Дело было поручено Уфимскому земскому суду.

В свою очередь, из Уфимского земского суда был рапорт: «Во исполнение указа Оренбургского губернского правления Земский суд представил розыск отобранной приставом 3-го стана, разных их деревень от гг. дворян о земле дворян

Ивана и Андрея Аничковых со станицей при селце Аничкове в том, что действительно находится в их владении, что и Земский суд удостоверился».

Род Аничковых оставил свою память не только в Уфимской губернии. В 1715 г. по указу Великого Петра в Петербурге был построен первый деревянный мост через Фонтанку. Мост был пограничным, поскольку Фонтанка по тем временам была границей города. Он получил название Аничкова моста по имени подполковника М.О. Аничкова, командовавшего строительным батальоном при его строительстве. Имя Аничкова носит великолепный дворец в Санкт-Петербурге, построенный в 1741–1750 гг. для фаворита Елизаветы Петровны А.Г. Разумовского, поскольку он стоит у Аничкова моста.

К концу 1890-х гг. Аничковых в Уфе практически не осталось. Упоминается лишь Аничков Илья Григорьевич, который в 1912 г. имел в собственности при деревне Непейцевой 1,82 десятины земли.

ДЕРЕВНЯ ГЛАДЫШЕВА, ШУГУРОВА ТОЖ

Земли, на которых выстроено производство Уфимского завода синтезспирта, были частью Великого поля. В 1602–1603 гг. «по государеву, цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси указу» уфимский воевода Михаил Александрович Нагой отделил «сыну боярскому» Гордею Гладышеву на «Великом поле государева жалованья поместные земли... на 25 четей, а в дву потомуж...», т. е. 75 четей, или около 38 десятин (по современным меркам порядка 40 гектаров).

Земли Гордея Гладышева граничили с землями Александра Аничкова.

Гордей Гладышев по царскому указу был направлен из Нижнего Новгорода в Уфимскую крепость для «очертания города». Как таковая Уфимская крепость с Уфимским кремлем и служебными постройками к 1602 г. уже была определена на местности. Гордей Гладышев занимался размежеванием земель вокруг Уфимской крепости по их отводу в качестве «государева жалованья за беспорочную службу» стрельцам и другим «уфинским служилым людям». Таким образом, Гордей Гладышев «очерчивал город» Уфу.

Был еще стрелецкий голова Дмитрий Артемьевич Гладышев. Он был направлен в Уфу для наблюдения за состоянием Уфимского гарнизона, «чтобы у него в приказе» стрельцы по государственному указу были обеспечены и землями, и необходимым провиантом. В обязанность Дмитрия Гладышева входила перепись стрелецких дворов, которые содержала государственная казна.

Был еще один «сын боярский» Максим Гладышев, которому в 1611 г. были даны земли в качестве оклада за военную службу в границах земель Сидора Лопатина, Сергея Аничкова и Пороши Волкова. А в 1619 г. был отдел земель «детям боярским» Максиму и Ивану Гладышевым близ Белой Волошки, т. е. близ реки Белой.

О размахе гладышевских владений говорит тот факт, что 13 декабря 1701 г. башкиры Арасламбек Аднагулов с товарищами продали Василию Максимовичу Гладышеву озеро Ашкадар, «которое под поместною ево, Васильевую, деревню, что владел прежде сего грамоте великого государя отец его, Максим Дмитриев сын Гладышев, о котором озере у них с ним был спор». Озеро Ашкадар и речка Ашкадар существуют и ныне в Стерлитамакском районе, южнее города Стерлитамака.

До сего времени по речке Камышинке, чуть севернее села Ильмурзина, в нынешнем Кушнаренковском районе есть деревня Гладышева, некогда принадлежавшая Никифору Гладышеву (1763 г.). Земли Гладышевых и деревня Гладышева были при Сосновом озере за рекой Белой «против города», у деревни Лавочной ближе к Красному Яру.

В 1660 г. Гладышевы породнились с Непейцевыми: дочь Ивана Гладышева Домна была сосватана за Василия Никитовича Непейцева. В качестве свадебного

подарка, кроме всех необходимых вещей и серебряных колец, Василием Непейцевым было получено в приданое «25 четей земли в поле». Местоположение этой земли не указано.

Где же была деревня Гладышева, Шугуровка тож? Если ехать к нефтеперерабатывающим заводам по старому Бирскому тракту, до сего времени есть Степановский поворот вправо. Это дорога на село Черкасы, деревню Волкова. Вдоль дороги до речки Шугуровки по обе стороны стояли частные дома. Они были построены уже в советское время. Эта часть дороги называлась Прогоном и носила название улицы Чекмагушевой. Старая же деревня Гладышева, Шугурова тож, была по левую сторону вверх по речке Шугуровке.

Вначале это было село Шугуровка, Гладышева тож, позже деревня Гладышева. Тогда же появились усадьба и помещичьи крестьяне дворян Гладышевых. Надо сказать, что на этих землях были поселения и государственных крестьян.

Владельцем деревни в 1853 г. числится генерал-лейтенант Евграф Иванович Гладышев (1780–1855). На это время он имел в собственности 32 ревизских души и 440 десятин земли. Евграф Иванович Гладышев в последние годы службы был начальником Омской области. Небольшое имение в селе Шугуровке, Гладышеве тож, неподалеку от села Богородского, ему досталось в наследство от отца и прадеда Гордея Гладышева.

Кстати, на 1853 г. ему же принадлежали 80 десятин и 9 ревизских душ в деревне Баланово, ныне Демский район Уфы.

В 1990 г. была возвращена приходу Градо-Уфимская Богородская церковь. При реставрации церкви была обследована вся ее территория, поскольку в свое время в ограде церковью были захоронения служителей церкви и именитых людей. В кирпичном склепе в ограде храма был найден гроб с останками Евграфа Ивановича Гладышева. 2 ноября 1991 г. в Дмитриевскую родительскую субботу он был перезахоронен в церковном некрополе.

После смерти Евграфа Ивановича по разделительному акту от 10 января 1857 г. земли селца и усадьба были разделены между его наследниками — женой Анной Ивановной Гладышевой, дочерью и сыновьями. Оставшееся после умершего генерал-лейтенанта Евграфа Ивановича родовое имение, заключавшееся в крестьянах, 23 мужика и 23 женщины, с землею 440 десятин, разделялось без раздробления семейства.

Вдова, Анна Ивановна, взяла для себя девку Матрену Степанову 43 лет, ее незаконнорожденных сыновей Екима и Ивана и надел земли в 62 десятины, без претензий на усадьбу.

Александре Евграфовне, дочери Евграфа Ивановича, в замужестве Писаревой, штабс-ротмистерше, достался дворовый человек Мартын Ермолаев 50 лет с женой Авдотьей Федоровой и земля в двух участках в 27 и 31 десятину.

Константину Евграфовичу, сыну Евграфа Ивановича, достались в наследство крестьяне:

- Андрей Дмитриев 57 лет, его жена Ирина Осипова;
- дворовый Лаврентий 27 лет, его жена Агафья Иванова, дочери Акулина и Анна;
- дети дворового Павла, урожденные после 10-й народной переписи населения: Екатерина, Степанида, Анна и Евлампия;
- Фрол 22 лет;
- Осип 17 лет;
- Петр Федоров 19 лет, его жена Настасья и сын Яков.

Всего 10 душ мужского пола и 9 душ женского пола и земля в количестве 173,5 десятины, в том числе усадьба, имевшая под собой 5 десятин земли.

Второму сыну, Аркадию Евграфовичу, достались крестьяне:

- Прокофий Дмитриев 43 лет, его жена Мария Степанова, их дочь Степанида и ее незаконнорожденный сын Никанор;
- Степан Кондратьев 28 лет, его жена Ульяна Артемьева, их дети Варвара, Евграф, Федор, Иван;
- девица Прасковья Кондратьева 36 лет и ее дочь Анна;
- Михей Васильев 27 лет, его сыновья Константин и Еким;
- Лев Федоров 19 лет, его жена Аглория, их сын Николай;
- вдова Варвара Сергеева 38 лет, ее дочери Анна и Авдотья;
- Василий Михайлов 54 лет, его жена Ирина Ефимова, их сын Аксентий.

Всего 13 душ мужского и 12 душ женского пола с землей в 175 десятин. Поскольку Аркадий Евграфович на этот период был несовершеннолетним, разделительный акт за него подписал его опекун, штабс-капитан Вячеслав Иванович Фокин. При этом вдова Анна Ивановна оставила за собой сумму податей и повинности в размере 3360 рублей с выплатой долга Евграфа Ивановича в размере 600 рублей, взявшего им на год по заемному письму у прапорщицы Натальи Стрелковой.

На период освобождения крестьян от крепостной зависимости по Положению от 19 февраля 1861 г. картина сельца Шугуровки, Гладышева тож, несколько осложнилась. К этому времени сельцо Шугуровка было в общей собственности дочери Е.И. Гладышева Александры Евграфовны, в замужестве Писаревой, и его сына Константина. По 10-й народной переписи, в сельце числились 2 дворовых, не подлежащих наделению землей, и 24 помещичьих крестьян, трое из которых по существующему положению также не подлежали наделению землей. Всей земли, разбросанной по разным участкам дачи сельца, — 90 десятин, из них под крестьянскими дворами 1 десятина 2120 саженой и 1 десятина 1800 саженой под выгоном. Для наделения крестьян по высшей мере надела — 4 десятины 1200 саженой — должно быть 94 десятины. Поскольку земель на крестьянские наделы не хватало, было достигнуто соглашение с их соседями, прапорщиком Стрелковым и дворянином Алексеем Ивановичем Аничковым, о прирезке шугуровским крестьянам земли — пустоши Аничковых. Вышло так, что всей земли господской и крестьянской помещицы А.Е. Писаревой оказалось 125 десятин, из них в крестьянский надел поступило 96 десятин 1224 сажени. В распоряжении помещицы с братом осталось 28 десятин 1176 саженой. При этом водопой для скота на речке Шугуровке остался исключительно на крестьянских землях, как и место выгона скота. Эти договоренности были заключены в Уставной грамоте от 14 сентября 1862 г. между крестьянами и помещицей Александрой Евграфовной Писаревой, подписавшей все документы самолично. От крестьян Уставную грамоту от сельца Шугуровки подписали: Григорий Иванов, Павел Иванов, Иван Иванов, Павел Андреев, Михаил Семенов, Ион Дорожьев, Ларион Андреев, Иван Исаев.

Поскольку крестьяне были неграмотными, от их имени документы подписал отставной офицер — волостной писарь Василий Корольков.

От сторонних добросовестных крестьян Уставную грамоту подписали крестьяне деревни Степановки: Иван Петров, Яков Филатов, Гурьян Устинов; деревни Тимашевой: Арсений Афонасьев, Петр Ефремов; от господских крестьян — Арсений Васильев, «а вместо них, неграмотных, удельный крестьянин Трофим Старухин руку приложил».

27 мая 1862 г. была подписана Уставная грамота на освобождение крестьян от крепостной зависимости и на наделение их землями, бывшими в собственности мелкопоместного владельца Аркадия Евграфовича Гладышева. На этот период в сельце у Аркадия Евграфовича Гладышева было земли 60 десятин в разных местах и дачах, два дворовых человека и 11 крестьян, подлежащих обязательному наделу земли по 4 десятины 1200 саженой.

На 1870 г. деревня имела уже 17 дворов с населением 66 душ и называлась Гладышевой (Шугуровой тож). В селении было 3 вейлики местного производства. На огородах сеяли капусту, картофель, прочие овощи, которые шли отчасти на продажу. Капусту продавали по 1 руб. 20 коп. за сотню вилок, а картофель по 8–10 коп. за пуд.

Поскольку численность населения деревни росла за счет переселенцев из разных губерний, то в 1895 г. из-под покоса распаханно 8 десятин.

Деревня Гладышева, русская, при колодцах, была расположена в низине при речке Шугуровке, на которой имелась мельница, в 18 верстах от уездного города Уфы и 8 верстах от волостного правления села Богородского. Селение располагалось на юге надела.

К 1902 г. 9 дворов бывших помещичьих крестьян с населением 37 человек мужского пола объединились в Гладышевско-Шугуровское крестьянское общество Богородской волости на 159 десятинах приобретенной ими в собственность земли.

К 1905 г. в деревне насчитывалось 101 человек жителей и 14 хозяйских дворов. В деревне были хлебозапасный магазин и 2 бакалейные лавки.

Фамилия уфимских дворян Гладышевых достаточно известная, а род Гладышевых в среде уфимских дворянских родов был гораздо знатнее Савиных и Лопатиных. Это подтверждается тем, что один из рода Гладышевых служил не только стрелецким головою, но даже воеводой на Кунгуре.

Кроме того, их предок Гордей Гладышев был направлен в уфимскую крепость для «очертания города» и оставил здесь свой след в истории.

В 1735 г. в составе Оренбургской экспедиции по освоению восточных земель и строительству российских крепостей по заданию его императорского величества, описанной П.И. Рычковым в «Истории Оренбургской», в бригаде Кириллова был прапорщик Дмитрий Васильевич Гладышев, который верой и правдой служил его императорскому величеству и к 1744 г. дослужился до должности капитана при Коллегии иностранных дел. Дмитрий Васильевич также имел земли в Уфимском уезде.

А дальше земли Гладышевых продавались со страшной силой. Так, в феврале 1771 г. Федор Дмитриевич Гладышев, отставной прапорщик, «дал купчую брата родного, отставного каптенармуса меньшого Федора Дмитриева сына Гладышева, жене его Федосье Екимовне, детям и наследникам ее часть земли после брата моего двоюродного из дворян недоросля Алексея Никифорова сына Гладышева... по смерти онного» и принадлежавшую ему же часть земли после их покойного родителя, капитана Дмитрия Васильевича Гладышева, в разных местах Уфимского уезда.

По исследованиям историка Б.А. Азнабаева, «внук Д.В. Гладышева — В.А. Гладышев пошел по стопам своего деда. Он дважды возглавлял дипломатические миссии России в Казахстан. В первой дипломатической миссии в 1740 г. им была составлена «Новая ландкарта тракта от Оренбурга до Хивы», в которой впервые были показаны контуры Аральского моря. Этой картой специалисты пользовались на протяжении столетия. Во время второго посольства в Северный Казахстан в августе 1741 г. к нему «явились 10 знатнейших аксакалов, которые от имени 30 тысяч своих соплеменников выразили желание принять подданство России». Он же рекомендовал уфимца, поручика И.В. Уракова, для ведения переговоров с ханом Младшего Жуза Абдулхаиром, поскольку Ураков прекрасно говорил по-татарски, знал восточные обычаи и «право знает и положенного дела без упущения справить может»».

В Списках гражданских чиновников Оренбургской казенной палаты на 1846 г. упоминается Степан Кузьмич Гладышев — писец в Ревизском отделении Оренбургской казенной палаты, бывший старший чертежник. 16 сентября 1844 г. про-

изведен в коллежские регистраторы за выслугу лет. Имения не имеет. 23 марта 1848 г. назначен столоначальником в Уфимский городской магистрат.

На 1883 г. две усадьбы по улице Большой Успенской¹ принадлежали Марии Гладышевой. Скорее всего, это как раз та усадьба по ул. Б. Успенская, 75, где еще в 1912 г. проживал член губернского статистического комитета надворный советник Порфирий Степанович Гладышев, коллежский ассессор, чиновник особых поручений Министерства государственных имуществ.

¹ Ныне ул.
Коммунистическая.

В «Памятной книжке Уфимской губернии» за 1889 г., составленной по поручению Уфимского губернского статистического комитета исполняющим делами секретаря Н.А. Гурвичем, упоминаются фамилии рода Гладышевых, занимавшие, как и их предки, достаточно ответственные посты. Это два брата: Гладышев Степан Александрович, окончивший курс наук в Императорском Казанском университете с правом на степень кандидата, исполняющий должность по линии временных судебных следователей, после 1917 г. — чиновник Министерства юстиции г. Стерлитамака, и Михаил Александрович, отставной подпоручик, нотариус города Златоуста, в 1917 г. дослужился до чиновника прокурорского надзора.

Деревня Гладышева, Шугурова тож, существовала до 1930 г. 20 августа 1930 г. она была объединена с деревней Степановкой.

СЕЛЬЦО СТЕПАНОВКА (ВИШНЕВЫЙ ХОЛМ ТОЖ), ДЕРЕВНЯ СТЕПАНОВКА

В 1890-х гг. из Уфы в Благовещенск и Бирск был проложен земский коммерческий проселочный тракт, который впоследствии получил название Старый Бирский тракт. Вплоть до пуска новой Западной автотрассы в 1960-х гг., этот тракт через Черниковку, уже заасфальтированный, был единственной дорогой между Уфой и Бирском. По пути на Бирск была остановка «Степановский поворот», одна на две деревни — Степановку и Гладышеву — даже в советское время. Расстояние от этих деревень до Уфы также было одинаковым — 18 верст.

Старое селцо Степановка было расположено по правому течению речки Шугуровки через дорогу от деревни Гладышевой. На 1800 г. это были земли под названием Новоселье. Здесь было поселение государственных крестьян. Скорее всего, крестьяне, переселившиеся из центральных областей России на, как им казалось, свободные земли, назвали свое поселение Новосельем. А в целом же это были вотчинные земли башкир, что подтверждает архивный материал, в котором содержатся судебные разбирательства между тептярями деревни Нижний Изяк и турбаслинскими башкирами. Описываемая продажа башкирами части своих земель протоколисту Ивану Степанову вызвала недовольство тептярей деревни Нижний Изяк, поскольку турбаслинские башкиры, продав земли, лишили их лугов для покоса, в связи с чем в 1844–1857 гг. и проходили судебные разбирательства между ними и башкирами деревни Турбаслы. В свое оправдание претензий к турбаслинским башкирам по проданной земле тептяри приводили аргумент: их предки свыше двухсот лет назад поселились на землях турбаслинских «башкирцев из платежа ясака. и по генеральному межеванию 1799 г. их земли замежованы в одну окружность с башкирской общиной». Судебное решение было не в пользу тептярей. Селцо Новоселье получило новое название — Степановка.

На 1838 г. селцо Степановка находилось в собственности госпожи Степановой. Селцо так и называлось «при речке Шугуровке» в равнине. Второе название — Вишневый холм — селцо получило по следующей причине. Барская усадьба дворян, а также дом для прислуги и другие хозяйственные постройки были на достаточно высоком холме относительно деревни, скорее всего засаженном вишней, отчего в сезон ее цветения создавалось впечатление вишневого холма. Речка Шугуровка разделяла барскую усадьбу и само селцо.

В списке помещичьих имений Оренбургской губернии с обозначением крестьян и десятин в каждом на 1853 г. упоминается сельцо Степановка (Вишневый холм тож) на 1770 десятинах земли в собственности поручика Куприянова. На этот период в нем проживали 118 ревизских душ. Затем земли Степановки перешли в собственность коллежского асессора Егора Викторовича Веригина (Виригина).

По 10-й народной переписи (1857–1860 гг.), в сельце проживали 23 дворовых и 106 ревизских душ. У Е.В. Веригина было еще имение и земли в Архангельской волости. Замечу, после покупки земель помещиком Иглиным в Архангельской волости, село Архангельское получило второе название — Иглино, соответственно и волость впоследствии стала называться Иглинской.

К моменту исполнения крестьянской реформы по освобождению крестьян от крепостной зависимости по Положению от 19 февраля 1861 г., Егор Викторович Веригин привез в Степановку из села Архангельского четырех своих дворовых. К этому времени земли этого сельца перешли в собственность его дочерей: жене майора Анне Егоровне, по мужу Дузхотемирской, и дворянке девице Екатерине Егоровне Веригиной. Всей земли, разбросанной по участкам, было порядка 500 десятин. Из них 17 десятин 1388 саженой были под крестьянскими дворами.

Положение по отмене крепостного права в России предусматривало высший надел земли крестьянам на душу в 4 десятины 1200 саженой, что составляло на всех крепостных крестьян Степановки 499 десятин 1200 саженой. Земли были поделены на 5 частей:

- так называемые земли Новоселья с прилегающим к ним участком в 10 десятин, купленные от госпожи Пожидаевой, в коих были посевы ржи как крестьянские, так и господские;
- Гладышевская 1-я гора, находившаяся также под посевами ржи;
- пустошь Максимовская, где была часть господского посева;
- Гладышевская же земля за рекой Белой под сенокос и пойменные луга;
- пустошь Ивановская под господскими и крестьянскими посевами ржи.

Но крестьяне особого интереса к данному процессу передачи земель не проявили и даже отказались подписывать Уставную грамоту, хотя и были согласны с таким решением. Документ есть документ, тем более правительственный указ, требующий определенной подписи. Акт передачи помещиками земли крестьянам подписали посторонние люди из ближайших деревень: д. Курочкиной — Семен Маркелов и Иван Семионов, д. Сергеевки¹ — Василий Гаврилов, д. Дежновой — Василий Петров, д. Сипайловой — Николай Васильев и Ефим Нестеров. Только после этого Уставная грамота была утверждена. По Уставной грамоте от марта 1862 г. крестьяне были наделены землями. За наделенные земли крестьяне должны были платить помещицам оброк, т. е. вносить дважды в год, 15 апреля и 15 октября, деньги на общую сумму 463 руб. 50 коп. При этом помещицы предоставили крестьянам право выкупа их земель. В селе был мельничный пруд, который остался в общем владении крестьян с помещицами, и пойменные луга за рекой Белой.

Сельцо пополнялось переселенцами из разных губерний и получило статус деревни. К 1870 г. в ней было 45 дворов и 233 жителя. Деревня русская. К 1880 г. произошли изменения в угодьях: часть пашни вследствие неудобства обработки была обращена под выгон. В селении имелось 8 веялок. Выращенные овощи из крестьянских огородов возили для продажи в Уфу.

К 1902 г. это была уже деревня, где насчитывалось 56 дворов. Крестьяне объединились в два сельских общества: одно из них — Степановское сельское общество, Вишневый холм, на 435 десятинах наделенной земли от дворянок Дузхотемирской и Веригиной, другое — крестьян-собственников, выкупивших зем-

¹ Тимашевой.

ли, в общей сложности на 515 десятинах 58 саженьях. 0,22 десятины земли было отведено под строительство школы.

Деревня росла за счет переселенцев, и в 1905 г. в ней был уже 71 двор с 267 жителями.

По материалам частновладельческого хозяйства Уфимской губернии на 1915 г., владельцем Степановки упоминается Н.В. Орлова.

К 1920 г. в Степановке насчитывалось 94 двора и 528 жителей. Она стала центром образованной Степановской волости, насчитывающей 82 населенных пункта. В 1925 г. в деревне было 132 хозяйства.

В советское время дорога от остановки на Степановку шла по улице Чекагушевской с постройками 1930-х гг. и упиралась в Шугуровку, вернее, в мостик через Шугуровку и уходила влево на село Черкасы. Справа, почти на мосту, еще в 1960-е гг. стояла маленькая, естественно, уже заколоченная, бывшая продуктовая лавочка, оставшаяся как исторический памятник когда-то большой и богатой деревни. Сама деревня Степановка была по правую сторону от дороги. В ней же была деревенская пожарная часть и своя амбулатория.

После октябрьской революции 1917 г. на холме в барском доме была размещена школа. Во второй половине 1950-х гг. на месте старого дома было построено новое кирпичное здание семилетней школы. Здесь же было построено несколько частных домов, и улица получила название Верхней.

Во время Великой Отечественной войны, с октября 1943 г., в Степановке находился детский дом. Он просуществовал до сентября 1954 г., когда объединился с Уфимским детским домом № 7.

Постановлением Верховного Совета Башкирской АССР от 25 мая 1957 г. Степановка включена в черту города Уфы. На этот период земли деревень Степановки и Тимашевой объединял колхоз имени Ленина Вотикеевского сельсовета. В Степановке был конный двор, караулка, 6 деревянных амбаров для зерна и плодовый сад на трех гектарах, машинно-тракторная станция.

После ввода 2-й очереди завода синтезспирта и Новоуфимского нефтеперерабатывающего завода все это хозяйство с деревней Степановкой оказалось в санитарно-защитной зоне. В связи с этим обстоятельством властями города было принято решение о выселении жителей из опасного для здоровья людей района. Однако расселение деревни началось только во второй половине 1960-х и продолжалось вплоть до середины 1970-х гг. Часть жителей самостоятельно переехала в Тимашево, поскольку там им была предоставлена земля для строительства частных домов. Часть жителей расселили в доме № 44 по ул. Р. Зорге, по улице Борисоглебской, в районе Дворца им. Орджоникидзе в Черниковке. Сегодня деревни Степановки нет, но по Старому Бирскому тракту так и осталась остановка «Степановский поворот».

ДЕРЕВНЯ ТИМАШЕВА (СЕРГЕЕВКА, БЕЛОУСОВА)

От деревни Степановки по речке Шугуровке в сторону Уфы следующая деревня — деревня Тимашева. Ей повезло гораздо больше остальных деревень Богородской волости, хотя в древности ей не откажешь. Она расположена на возвышенном месте по левому берегу Шугуровки, которая была известна по «Отводной книге по Уфе» (1591/92–1629 гг.) как Урюязя, Шугурова, иногда называлась Чугуровой. Эта речка примечательна тем, что земли вдоль нее давались в «оклад», т. е. вместо денежного жалования, за службу защитникам и первопоселенцам Уфимской крепости. Но здесь же были и вотчинные земли башкир.

В 1617–1618 гг. земли по левому и правому берегу Шугуровки были даны в поместный оклад Сергею Аничкову. По левому возвышенному берегу Шугуровки

земли назывались Сергиевым поместьем, позже селцом Сергеевкой, в 18 верстах от города Уфы и 6 верстах от волостного правления села Богородского, по правому берегу Шугуровки было селцо Аничкова.

Какое-то время эти земли были в собственности дворян Белоусовых. Соответственно и селцо имело название — Белоусово. Но это название селца практически не прижилось. Оно по-прежнему называлось Сергеевкой.

По сведениям о землях, купленных у башкир помещиками Оренбургской губернии, сохранилась запись от 19 июня 1817 г., по которой совершена купчая «от башкирцев» Уфимского уезда Минской волости подполковнику Тимашеву на землю «в вечное владение по межам и урочищам за 500 руб. серебром». На период покупки Капитоном Кузьмичом Тимашевым этих земель за прошедшие 200 лет от имени Сергея Аничкова осталось лишь название деревни.

Подполковник Капитон Кузьмич Тимашев был достаточно влиятельным человеком в Уфе, что позволило ему в 1841 г. быть избранным предводителем дворянства Уфимского и Стерлитамакского уездов. Его имя упоминается в списке дворян Богородской волости, встречавших государя императора Александра Павловича, прибывшего в Уфу в 1824 г. Земли деревни Сергеевки, позже названной деревней Тимашевой, и 19 душ крестьян на это время были в собственности жены Капитона Кузьмича Тимашева — Елизаветы Егоровны.

В Центральном государственном архиве Башкортостана, в фонде Г.Ф. и З.И. Гудковых, хранится копия страниц 2 тома «Родословного сборника русских дворянских фамилий», составленного В.В. Руммелем и В.В. Голубцовым, где говорится, что Капитон Кузьмич был представителем пятой ветви старинного рода Тимашевых-Беринг. Его дед Осип Тимашев был оренбургским дворянином, а его отец Кузьма Осипович (1740–30.11.1794) был на воинской службе с 1762 г. в должности секунд-майора.

В семье Капитона Кузьмича была дочь Олимпиада 1828 г. р. и три сына: Михаил — 01.04.1823 г. р., Николай — 1825 г. р. и Аркадий — 1826 г. р. Михаил Капитонович Тимашев сделал прекрасную военную карьеру, в 1877 г. в звании полковника был членом Варшавского военного окружного суда.

На 1853 г. при селце Сергеевке (Тимашеве), кроме помещичьих крестьян, насчитывалась 151 ревизская душа государственных крестьян и 1705 десятин земли. Деревня продолжала носить название Сергеевка. На этот же период часть земли была в собственности наследников подполковника Александра Васильевича Муштафина. Деревня русская. Расположена по скату на запад. В наделе два ручья и одно болото.

После отмены крепостного права к 1866 г. крестьяне-собственники деревни Сергеевки Тимофей Кузьмин и Николай Трофимов с однодворцами приобрели в собственность от дворян Тимашевых и в 1884 г. от Миллера в общей сложности 536 десятин 1667 саженой земли.

К 1870 г. в деревне было 46 дворов и 262 жителя. На Шугуровке стояла водяная мельница. В 1878 г. часть земель селца Сергеевки от дворян Тимашевых перешла в собственность надворного советника Листовского.

Деревня называлась Тимашевкой (Сергеевка). Основное занятие крестьян — земледелие. В связи с увеличением числа жителей за счет переселенцев-крестьян разных губерний, произошли изменения в угодьях: из-под леса распаханно 17 десятин земли. В селении 10 веялок. Часть овощей с крестьянских огородов отвозилась в Уфу и продавалась: картофель по 7–10 коп. за пуд, капуста по 1–2 руб. за сотню вилок. Некоторые крестьяне подрабатывали на железной дороге, получая по 40 коп. в день.

В 1902 г. в деревне Тимашевой было 56 дворов и 330 жителей. В основном это были крестьяне-собственники. В деревне имелся хлебозапасный магазин.

К 1910 г. единого владельца земель деревни Тимашевой уже не было. Часть земли принадлежала дворянам Листовским. По духовному завещанию, утвержденному Уфимским окружным судом 13 сентября 1911 г., дочь действительного статского советника Надежда Петровна Листовская получила в собственность 92 десятины 240 сажень в деревне Тимашевой от ее отца, Петра Степановича Листовского. Далее эти земли ею были распроданы.

По купчей крепости от 2 октября 1915 г. уфимский мещанин Федор Павлович Павлов и бугурусланский мещанин Даниил Григорьевич Яковлев приобрели от дворянки Н.П. Листовской 600 десятин 1309 сажень в равной доли каждому.

По купчей крепости от 22 февраля 1917 г. жена уфимского купца Фасхатбана Абдумадиевна Назирова приобрела в собственность от дворянки Надежды Петровны Листовской 199 десятин 2181 сажень. По купчей крепости от 25 февраля 1917 г. уфимский купец Иван Васильевич Колотов и бугурусланский мещанин Даниил Григорьевич Яковлев приобрели от дворянки Н.П. Листовской еще 16 десятин удобной земли и леса за 4800 руб.

К 1920 г. деревня входила в Степановскую волость. Она находилась в трех верстах от Степановского сельсовета Уфимского района и называлась Тимашевой. В деревне был уже 71 двор с 410 жителями. К 1925 г. в деревне было 83 хозяйства.

Постановлением Верховного Совета Башкирской АССР от 25 мая 1957 г. деревня Тимашева включена в черту города Уфы. На этот период земли деревень Степановки и Тимашевой объединял колхоз имени Ленина Вотикеевского сельсовета. В самой деревне на тот же период было: 105 хозяйских дворов, 2 конюшни, 16 деревянных амбаров для зерна, деревянная пожарка, деревянная мельница, кузница, крытый ток, плодовый сад на 5 гектарах, деревянный клуб, 3 деревянных помещения свинарника, деревянный телятник, кормокухня, овощехранилище и др. хозяйственные постройки колхоза. Для расселения жителей деревни Степановки, попавшей в санитарную зону от близлежащих нефтеперерабатывающих заводов, на Тимашевских землях было выделено 300 га, переданных под индивидуальное строительство.

В настоящее время село Тимашево входит в Орджоникидзевский район города Уфы. Застраивается добротными коттеджами с цветущими палисадниками. Но гораздо большую известность имеет Тимашевское кладбище, которое находится в пределах километра севернее деревни. Решением Уфимского городского Совета народных депутатов от 31 октября 1972 г. за № 39/32, в связи с закрытием для захоронений Сергиевского и Лопатинского кладбищ, с 1 ноября 1972 г. на бывших землях деревни Тимашевой было открыто новое кладбище — Северное.

СЕЛЬЦО ЛОПАТИНО, ДЕРЕВНЯ ЛОПАТИНА

Деревня Лопатина оказалась в центре Черниковских новостроек 1930-х гг. Имя деревни звучало и при строительстве на лопатинских землях нового микрорайона уже с многоэтажными домами. Тогда так и говорили, что «живем на Лопатина» в новых домах. Но не всякий знал, что деревня носит имя достаточно известных в Уфе дворян Лопатиных.

Лопатины, как и «сыны боярские» Аничковы, Гладышевы, Черниковы и др., «по государеву указу» одними из первых были направлены в Уфимскую крепость для ее защиты от набегов воинствующих остатков ханств, обосновавшихся на территории Южного Урала.

Первые земли «уфинскому жильцу» Сидору Лопатину в качестве жалования за воинскую службу были отделены в 1606 г. под пашню по правому берегу речки Шугуровки. Здесь же и было основано вначале сельцо, затем деревня по имени ее землевладельца Лопатина. Позже, в 1612–1613 гг., Сидору Лопатину по его же

¹ Аничкова.

запросу «государь пожаловал... в поместье пустошной земли на диком поле промеж Сергея Оничкова¹ и Фирса и Максима Гладышева... к Минской дороге... к старой его даче... вместо сенных покосов...».

Лопатины были в родстве с князьями Ураковыми. Мать Ивана Ивановича Лопатина, Мария Ивановна, была урожденная Уракова. Их земли были при Сосновом озере за рекой Белой.

Учитывая, что за каждый ратный подвиг служилые люди награждались землями, трудно сказать, сколько было земли у дворян Лопатиных.

По грамоте царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича «дети боярские» Василий Иванович, Никита и Степан Алексеевичи и Федор Евдокимович Лопатины были «верстаны» по городу Уфе. «Поместья их узаконены в 1801 г. за потомками сказанных Лопатиных под названием дачи сельца Лопатина». Верстание — это зачисление дворян, детей боярских, на военную службу с одновременным назначением земельного и денежного жалования. При верстании также проверялась боевая подготовка старых служилых людей и брались на учет недоросли.

Сельцо Лопатина было расположено в равнине речки Шугуровки в 15 верстах от уездного города Уфы и по югу вначале граничило с землями сельца Аничкова и сельца Белоусова, позже с землями и сельцом титулярного советника, кавалера Павла Ивановича Курочкина.

Деревня Лопатина упоминается по сводной ведомости о солдатских детях, в подушный оклад в 1816 г. и в следующем, 1817 г., по 7-й ревизии.

На 1838 г. сельцо Лопатина — в общем владении прапорщиков Федора, Никиты Андреевичей, Афанасия Ивановича, сержанта Федора Петровича Лопатиных.

В списке помещичьих имений Оренбургской губернии с обозначением крестьян на 1853 г. оговорено, что «в селе из бывшего в службе господина Лопатина» была 81 десятина земли и, кроме самих дворян Лопатиных, проживало 6 ревизских душ. По переписи в 1870 г., в нем 8 дворов и 44 жителя. Население русское, кроме хлебопашества занималось пчеловодством. Это была уже деревня Лопатина.

На Шугуровке в межах дач поместной земли Ивана и Алексея Сидоровичей Лопатиных и купца Якова Степановича Кормщикова был пруд, где стояла так называемая Яковлева мельница.

Согласно «Памятной книжке Уфимской губернии» за 1889 г., дворяне Лопатины занимали государственные должности: Александр Васильевич Лопатин — коллежский регистратор (столоничальник) Министерства юстиции, Иван Амфилохиевич Лопатин — уфимский мещанин, мещанский староста, представитель управления мещан, а также член учетного комитета Уфимского городского общественного банка, член Попечительского комитета по заведыванию ночлежным домом, приютом круглых сирот-мальчиков, мужской богадельней и удешевленной столовой в г. Уфе.

По данным Сборника статистических сведений Уфимской губернии за 1898 г., Лопатина — единственная деревня в Богородской волости, кроме деревни Аничковой, население которой составляли одни дворяне, и единственная деревня, где земля не продавалась и не переходила из рук в руки на протяжении долгих лет.

² Ныне ул. Пушкина.

В Уфе Лопатины имели несколько усадеб. Иван Амфилохиевич Лопатин имел две усадьбы по ул. Голубиной². По ул. Большой Усольской³ была усадьба Авдотьи Лопатиной. Степан Лопатин имел усадьбу в Золотухе.

³ Ныне ул. Сочинская.

По переписи 1905 г., в деревне Лопатиной — 8 домов и 40 жителей. Было создано Лопатинское товарищество крестьян из трех домохозяев на 16 десятинах удобной и 0,72 десятины неудобной земли.

К 1920 г. деревня Лопатина относилась к Степановской волости. В деревне насчитывалось 16 дворов с населением 86 человека, в 1925 г. было уже 17 хо-

зайств. Деревня пополнялась за счет переселенцев-крестьян, искавших работы и свободные земли.

20 августа 1930 г. деревня Лопатина с ее землями вошла в Максимовский сельсовет Уфимского района, а в ноябре 1931 г. решением Президиума Всероссийского Центрального исполнительного комитета деревня Лопатина вошла в Черниковский поселковый совет, 5 декабря 1944 г. вошла в границы города Черниковска. Но строительство города Черниковска не задело саму деревню. Ныне район деревни Лопатиной застроен высотными домами, но до сего времени есть район под названием Старое Лопатино по речке Шугуровке — здесь вдоль Шугуровки справа по Бирскому тракту в сторону Благовещенска стоят несколько почерневших от времени старых деревянных построек.

Лопатинские земли с 1930-х гг. были даны под индивидуальные застройки строителям черниковских промышленных предприятий. Улица бывшей старинной деревни Лопатиной вдоль речки Шугуровки с 1 ноября 1949 г. получила название Олега Кошевого, а в бывшем поселке Нефтемаша на лопатинских землях, застроенных индивидуальными домами, появилась улица Ломоносова и переулок Шевченко.

В период застройки многоэтажными домами улицы получили названия Адмирала Ушакова, Вологодская, Богдана Хмельницкого и др.

Жители нынешней Черниковки более знакомы с Лопатинским кладбищем, чем с деревней. История его такова. Черниковские новостройки требовали большого притока населения. Но люди и умирали. Определенного кладбища на черниковских новостройках не было. Хоронили людей где попало. Это обстоятельство вызвало тревогу уфимских и черниковских властей, в связи с чем 16 мая 1936 г. Президиум Черниковского поселкового совета принял решение об открытии кладбища между деревнями Лопатиной и Курочкиной, впоследствии получившего название Лопатинского. Для его благоустройства было решено «исправить дорогу и мост через Шугуровку». На дороге поставить указатели кладбища, а также обнести ровом территорию кладбища и поставить ограду. При въезде на кладбище была сооружена сторожка для постоянного сторожа, который следил бы за процессом захоронения. Были утверждены правила захоронения. Захоронения на Лопатинском кладбище продолжались до ноября 1972 г. Решением Уфимского городского Совета народных депутатов от 31 октября 1972 г. за № 39/32, в связи с открытием в районе поселка Тимашева Северного кладбища, с 1 ноября 1972 г. в Уфе были закрыты для захоронений Сергиевское и Лопатинское кладбища. Сегодня кладбище представляет собой заросший парк с дорожками между могил, в некоторых случаях уже обвалившихся.

ДЕРЕВНЯ КУРОЧКИНА (МИХАЙЛОВКА, ШЕСТАКОВА)

Как любая деревня, Курочкина имеет свою неповторимую историю. Но надо сказать, что до того, как помещик Курочкин стал владельцем этих земель, гора называлась Шугуровой — по названию речки и находившейся здесь деревни Шугуровой.

Обойти историю этой небольшой башкирской деревушки невозможно. До начала «отдела» земель «служилым людям и детям боярским», еще в 1591 г., название этой речки было Урюязя. В этом же году по 4 чети пашни получили вожи Шугур Кокузов и Игиличко Земанов на «Великом поле по Сибирской дороге по речке под высоким бугром... да сенных покосов за Белою Волошкой». «Высокий же бугор» подле Шугуровой и Игиликовой пашни получил название Шугурова гора, соответственно и речка «под высоким бугром» впоследствии названа по имени одного из владельцев здешних земель — Шугура Кокузова¹. Эта гора и Шугурова

¹ Ныне Шугуровка.

деревня, земли которой «пахивал Минской волости башкирец Мангатай», служили ориентиром «дачи в поместный оклад земель на Диком поле Миките Каловскому». По мнению историка Б.А. Азнабаева, деревня Шугурова еще до первых отводов земель, в конце XVI века, существовала под этим же названием. Здесь же было поселение черемис и татар, занимавшихся земледелием. Это была небольшая деревенька. Ее земли были расположены по правому течению Шугуровки. О ней помнили старожилы Черниковска. Некоторые покупали молоко у шугуровских крестьянок, хотя деревни как таковой уже давно не было.

Впоследствии деревня Шугурова растворилась в черниковских застройках.

В «Материалах по истории Башкирской АССР» сохранилась купчая крепость от 3 октября 1796 г., по которой отставной каптенармус Михаил Степанович Шестаков купил землю у отставного ротного квартирмейстера Семена Ивановича Моисеева при речке Шугуровке, ранее принадлежавшую его отцу, отставному вахмистру Ивану Ивановичу Моисееву. Земли граничили с землями Дерюшкиных, Микиты Кишкина, Степана Волкова. Впоследствии здесь и появилась деревня Михайловка, Шестакова тож, в 18 верстах от Уфы. Деревня русская, по правому берегу речки Шугуровки, на которой имелась мельница. Деревня была частично заселена дворцовыми крестьянами, позже была заселена помещичьими крестьянами от дворян Шестаковых-Курочкиных. По северу земли граничили с землями дворян Лопатиных.

На 1800 г. эти земли были в собственности дворян Белоусовых. Было два сельца: Белоусова и Михайловка. В Списках гражданских чиновников Оренбургской казенной палаты за 1846 г. упоминается один из Белоусовых, Михаил, коллежский секретарь, исправляющий должность бухгалтера в Ревизском отделении Оренбургской казенной палаты. Имения не имеет. «Произведен в коллежские регистраторы 31 декабря 1830 г., в коллежские секретари 17 июня 1839 г.»

В 1832 г. титулярный советник Павел Иванович Курочкин был избран уездным предводителем Уфимского, Стерлитамакского, Троицкого и Челябинского уездов.

В 1833 г. 68 десятин 788 сажень принадлежали по духовному завещанию жене Павла Ивановича Курочкина, урожденной Шестаковой, от отца, капитана Якова Шестакова, и ее матери, Ирины Михайловны. Это были земли деревни Михайловки, Шестаковой тож. В результате судебных разбирательств после смерти жены Павла Ивановича Курочкина в 1843 г. земли деревни Михайловки, а это 68 десятин 788 сажень, отошли в собственность Павла Ивановича Курочкина. Совсем недалеко от деревни Михайловки, Шестакова тож, при сельце Атаевском дачи Атаевская и Касимовская¹ принадлежали его второй жене Александре Федоровне.

По Межевой книге за 1838 г., «сочиненной» 11 июня землемером Судоплатовым, титулярный советник, кавалер Павел Иванович Курочкин владел землями еще и так называемой Непейцевой пустоши, в окружной меже которой насчитывалось 171 десятина 460 сажень.

В целом титулярному советнику, кавалеру, впоследствии коллежскому асессору Павлу Ивановичу Курочкину принадлежало свыше 2000 десятин земли и 176 душ. В то время учет крестьян велся по душам.

По 10-й народной переписи населения (1857–1860), деревня называлась Михайловка, Курочкина тож. В ней проживали, кроме дворовых 18 крестьян, 93 ревизских души.

К моменту освобождения крестьян от крепостной зависимости по Положению от 19 февраля 1861 г. Павла Ивановича Курочкина уже не было в живых. «Безотчетной» опекувшей его земель и малолетних детей Ивана и Андрея была его вдова Александра Федоровна, сама подписавшая Уставную грамоту 17 апреля 1862 г. Крестьяне были наделены высшим размером земельного надела — по 4 десятины 1200 сажень, и на все крестьянское общество ушло 396 десятин земли

¹ Ныне район Шакши.

в разных местах. Крестьянам был отдан водопой для скота на речке Шугуровке. Уставную грамоту подписали крестьяне деревни Михайловки, Курочкиной тож: Иван Семенов, Даниил Степанов, Григорий Лукиянов, Трофим Панферов, Григорий Тимофеев, Илья Тимофеев, Василий Гаврилов, Степан Степанов, Тимофей Степанов, Николай Егоров, Степан Павлов, Иван Павлов, Алексей Семенов, Антон Логинов, Егор Федоров, Епифан Андреев, Григорий Иванов, Елистрат Иванов, Фома Яковлев, Владимир Герасимов, Петр Александров, Василий Федоров, Семен Максимов, «а за них неграмотных по их прозьбе и за себя Степан Григорьев руку приложил», т. е. расписался.

По данным на 1870 г., деревня называлась Михайловка (Курочкина, Шестакова), в ней было 30 домов и 194 жителя, находилась в 18 верстах от уездного города Уфы. Но в 1877 г. случилось непредвиденное: в доме сельского старосты Семена Маркелова во время пожара сгорела Уставная грамота. Крестьяне обратились в Уфимское губернское по крестьянским делам присутствие с прошением о восстановлении ее копии. Мы сетуем на теперешнюю бюрократию и волокиту относительно оформления и получения нужных справок и документов, но по тем временам с этим вопросом было гораздо сложнее. Там, где должен был храниться ее второй экземпляр, его не оказалось. Крестьянам был выслан план деревни по отводу земельных наделов для согласования, но он оказался не тем, что в свое время подписали крестьяне. За время тяжбы крестьян по восстановлению Уставной грамоты несовершеннолетние сыновья Павла Ивановича Курочкина, Иван и Андрей, подросли и включились в этот процесс. По архивным документам даже на 1893 г. дело по восстановлению Уставной грамоты не было окончено, но дошло до Межевой канцелярии города Москвы.

Передел земель деревни Курочкиной был в 1880 г. по случаю семейных разделов помещиков. Крестьянские поля расстилались по гребню, имеющему два ската на восток и на запад, находились до 8 верст от селения. В селении имелись 3 веялки. Часть земли отошла под неудобную, непригодную для земледелия вследствие обвалов, часть земли отчуждена под железную дорогу. В середине селения было болото размером с десятину.

К 1902 г. деревня носила название Курочкиной. На этот период крестьяне деревень Курочкиной и Каловки, их земли были через проселочную дорогу, объединились в Михайловское сельское общество. В деревне было 45 дворов и 165 душ мужского населения, имеющих 466 десятин земли.

К 1905 г. в деревне — 44 крестьянских двора и 334 жителя, имелись хлебозапасный магазин и бакалейная лавка.

На 1912 г. у крестьян Михайловского сельского общества было 534 десятины 37 саженьей земли. Было еще Курочкино товарищество крестьян из 30 домохозяев, получивших в свое время от дворянина А.М. Коврайского 247 десятин и от дворянки Сахачевской 99 десятин земли.

В это время частью наследственной земли от Павла Ивановича Курочкина владела его внучка, дворянка, статская советница Добротворская Ольга Андреевна, с мужем и детьми: дочерью Сусанной, сыновьями Борисом и Анатолием в равной доле, как при деревне Курочкиной, так и деревнях Непейцевой и Аничковой.

По переписи 1920 г., в деревне Курочкиной (Шестаково, Михайловке) было 63 дома и 364 жителя. Деревня пополнялась за счет переселенцев, и к 1925 г. в ней было уже 84 хозяйства. Деревня относилась к Степановской волости.

При разделении территории Башкирии на районы 20 августа 1930 г. деревня Курочкина вошла в Максимовский сельсовет Уфимского района, а в ноябре 1931 г. решением Президиума Всероссийского Центрального исполнительного комитета она вошла в Черниковский поселковый совет. Деревня Курочкина оказалась в центре черниковских новостроек. Переселенцам черниковских стро-

ек давались участки для индивидуального строительства. Появились названия первых улиц: Магнитогорская, Бетховена, Балхашская, Литовская и др. В июне 1937 г. было еще одно наименование улиц. Появились также новые улицы: Шугуровская, Подгорная, Парникова.

В феврале 1937 г. на заседании Президиума Сталинского райсовета слушалось заявление Анатолия Сергеевича Добротворского по поводу отобранного у него дома в деревне Курочкиной. Вот так, взяли и отобрали имение у его владельца, аргументировав тем, что Анатолий Сергеевич был сыном помещика. Райсовет пришел к решению: дом был отобран правильно и возврату не подлежит. К тому же он уже является собственностью промартеля имени Молотова. И что оставалось делать Анатолию Сергеевичу Добротворскому?

С образованием города Черниковска 5 декабря 1944 г. деревня Курочкина вошла в городскую черту.

С 1 ноября 1949 г. улицы деревни Курочкиной с началом застройки получили названия: Дизельная, бывшая улица Магнитогорская, переименована в улицу Димитрова; бывшая улица Бетховена — в улицу Хрущева; улица Балхашская — в улицу Бабушкина; бывшая улица Литовская — в улицу Плеханова.

В 1970-х гг. вдоль железной дороги улица Адмирала Ушакова своими многоэтажками соединила земли бывших деревень Курочкиной и Лопатиной. На сегодняшний день разбросанные частные дома на бывших землях деревни Курочкиной можно увидеть, проезжая Курочкину гору.

То, что не хранят архивы, хранится в памяти людей. Для жителей Черниковска было знакомо выражение: «...отвезли на Курочкину гору», т. е. похоронили. На самом деле через речку Шугуровку на склоне горы в сторону Сосновки есть старинное кладбище. Еще совсем недавно там можно было найти старые захоронения. Сегодня от него практически ничего не осталось: все металлические конструкции бомжи снесли на металлолом. Совсем недавно там были обнаружены захоронения солдат Великой Отечественной войны.

СЕЛЬЦО, ДЕРЕВНЯ КАЛÓВКА, КАЛÓВСКАЯ (НИКИТИНА, НИКИТИНСКОЕ)

Отрадно то, что о некоторых деревнях, как, например, о деревне Каловской, Каловке, помнят старожилы, живущие на их землях до сего времени. Как административной единицы деревни Калóвки (ударение на второй слог) нет, но на самом деле, как оказалось, она живет и здравствует по сей день на северной окраине Уфы.

Будучи на улице Дунайской, я спросила ее жителя, что это за район, где мы находимся. Он с гордостью рассказал, что это бывшая деревня Каловка, что ее первые улицы — это улицы Дунайская, Кецховели, Прессовая, Хетагурова. Другие улицы застроены на землях деревни несколько позже.

В контексте истории Уфы Каловка как-то очень незаметно существовала по сравнению с другими деревнями, например Лопатиной или Курочкиной, хотя земли Курочкиной (Михайловки) и Каловки находились практически через проселочную дорогу. И по «возрасту» она не уступает известным деревням Богородской волости. Видимо, это произошло по той причине, что Каловка первая из перечисленных деревень попала под «социалистические преобразования», поскольку была в версте от них, и ее земли пошли под строительство корпусов моторного завода и индивидуальное строительство жилья для рабочих черниковских промышленных гигантов.

В свое время деревня Каловка была при колодцах и речке Шугуровке, в 17 верстах от уездного города Уфы и в двух верстах от волостного правления села Богородского. Свое название она получила от собственника этих земель — Микиты

Барак в Каловке

(Никиты) Каловского. Каловские — первопоселенцы Уфимской крепости, хорошо несли государственную службу, были верстаны по дворянскому списку во второй половине XVI века и уступали по родовитости некоторым «детям боярским», «верстанным» в более ранние сроки. В то же время те, кто получил дворянство раньше, как Голубцовы, Писемские, Черниковы-Онучины, просили не посылать их вместе с Каловскими на службу, поскольку Каловские менее родовитые. Вот такое было соперничество. Служилых людей Каловских было несколько.

Первая запись о Каловских в «Отводной книге по Уфе» (1591/92–1629 гг.) об отводе «земель Осанчуку и Ивану Третьяковым детям Каловского» датируется 17 апреля 1591–1592 гг. Им была отделена «пашня за воинскую службу по 50 четей... государева жалованья на Турове поле не у города...». Позже эта земля была передана «сыну боярскому» Федору Тарбееву, где и был основан хутор Федоровский. При покупке этих земель около 1800 г. надворным советником Василием Филипповичем Глумилиным при хуторе Федоровском была основана деревня Глумилина. А в 1593–1594 гг. Каловским было отведено «по 72 чети...» дополнительно на Великом поле по реке Уфе.

В июне 1603 г. по приказу воеводы Михаила Александровича Нагого был «отдел пашни» сыну Осанчука Каловского, Миките Каловскому, «по речке Урьяде пониже Шугуровой деревни на 30 чети... и пашни в угодье Мельничное озеро с истоком, где были старые мельницы». В июне 1612 г. «стрелецкому голове Миките Осанчукову сыну Каловского» и по его же челобитной к его окладу за сибирскую службу были еще отделы земель «за Уфою рекою пониже старово Мельничного озера Грязное озерко, да подле него маленькое Чабын... по конец Кадомцевы деревни по косу...».

В 1613 г. по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси указу и по приказу стольника и воеводы князя Бориса Андреевича Хилкова командующему отрядом стрельцов (вот уже он как вырос в военной службе!) Миките Каловскому были отведены земли «в его старый поместный оклад 3 чети в поле... А земля эта была смежна с землями едучи к Максимовой деревни... по межам земли самого Микиты Каловского».

Здесь впоследствии и появилось имение Каловских, селцо Никитино (Никитинское), позже деревня Каловка.

Как уже было сказано, деревни появлялись не в один день. До того как появились помещичьи крестьяне дворян Каловских, деревню заселяли дворцовые крестьяне.

В 1853 г. 12 ревизских душ и 180 десятин земли принадлежали губернской секретарше Дарье Ивановне Львовой и детям штабс-капитана Каловского.

На 1870 г. в деревне — 2 дома и 19 жителей.

Деревня Каловка (Никитина тож) расположена в равнине речки Шугуровки, севернее села Богородского. Сама по себе речка Шугуровка очень коварная. Мне приходилось видеть ее во время весеннего разлива именно в этих местах. Шугуровка выходила из берегов настолько, что полностью затоплила все огороды частного сектора, ныне там еще существующего, и даже автомобильную дорогу, ведущую в Шакшу. Старожилы рассказывали, что когда-то в Шугуровке водилась благородная рыба.

Под железную дорогу от земель дворян Каловских было отчуждено 8 десятин 500 саженой земли. Железная дорога прошла по окраине деревни. Мельницы не было, поскольку пруд мог затопить полотно железной дороги.

Деревня росла за счет переселенцев из других губерний. На 1896 г. в деревне — 5 дворов с населением в 45 человек. По данным инвентарно-окладной книги Уфимской уездной земской управы земельных имуществ с указанием владельцев Богородской волости Уфимского уезда, к 1902 г. крестьяне деревень Каловки (Никитина) и Курочкиной (Михайловка) объединились в Михайловское сельское общество на 38,48 десятины земли. Были ли владельцами деревни Каловки наследники Никиты Каловского, сказать трудно, но в списке частных землевладельцев на этот период в Богородской волости дворяне Каловские не значатся.

С образованием Уфимского района к 1920 г. деревня Каловка вошла в Степановскую волость, и в 1925 г. в ней насчитывалось уже 11 хозяйств.

На начало 1930-х гг. деревня пополнилась переселенцами, прибывшими на строительство промышленных производств в районе села Богородского. На этот период в деревне 12 дворов и 56 жителей. В ноябре 1931 г. решением Президиума Всероссийского Центрального исполнительного комитета деревня Каловка вошла в Черниковский поселковый совет. Каловка оказалась в центре великих строек. До сего времени на ее территории, в квартале Уфимского шоссе, улиц Петрозаводской и Дунайской, работает один из цехов УМЗ, если не первый, то один из первых, построенных в 1930-х гг., занимающий целый квартал. Сохранилось здание бывшего заводоуправления. Это нынешний район Гастелло, начало современной Сельской Богородской улицы. Здесь особо заметны первые планировки и застройки кварталов по проектам Ленинградского института научной организации строительства (ЛИНОРС). По улице Сельской Богородской стоят удивительной архитектуры двухэтажные дома — подобных в Уфе нет. Они напоминают старинные усадебные застройки дореволюционного времени. Небольшие скверы и объекты соцкультбыта были обязательным условием застройки жилых кварталов новостроек Черниковска.

К 1935 г. в Каловке насчитывалось 26 дворов и 101 житель. Деревня разрасталась за счет переселенцев, прибывших на черниковские новостройки. В конце 1930-х гг. свободные земли, некогда принадлежавшие жителям деревни, были поделены и отданы под усадебное хозяйство строителям и рабочим моторостроительного завода. Деревня Каловка приобрела второе название — поселок имени Кирова, или Кирпоселок. Но в сентябре 1937 г. поселок получил свое старое название — деревня Каловка, поскольку имя Кирова своей деревне дали сами жители.

В 1937 г. по ходатайству моторного завода Уфимский городской совет дал разрешение на строительство трех двухэтажных деревянных домов и 11 домов двухквартирных. В этих трех деревянных домах до сего времени, к величайшему нашему сожалению, живут люди. Был построен Дом культуры и стадион, получивший в 1949 г. имя героя Великой Отечественной войны, военного летчика, погибшего во время боевого вылета и награжденного посмертно звездой Героя

Советского Союза, — Николая Гастелло. Вокруг небольшого озера был разбит прекрасный сад.

Здесь же был выстроен, один из первых в Черниковке, клуб «Ударник», позже перестроенный в Дом культуры имени Калинина. Ныне в нем размещается филиал Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова.

На землях заселенной переселенцами деревни Каловки появились улицы: со стороны железной дороги — улица Тургенева, 1 ноября 1949 г. переименованная в улицу Фурманова, улица Баумана, переименованная в связи с объединением Уфы и Черниковска в 1956 г. в улицу Мишкинскую, улица Рижская, переименованная 1 ноября 1949 г. в улицу Белинского.

По старой дороге из Черниковки в Шакшу была остановка «Улица Ушакова». Примечательно, что в левой части дороги сохранились небольшие постройки деревни Курочкиной, с правой — деревни Каловки. Но это были постройки 1930-х гг.

СЕЛО БОГОРОДСКОЕ

О селе Богородском в печати было уже несколько публикаций. На этих землях во второй половине XVI века уже были поселения государственных дворцовых крестьян. Вначале крестьяне селились семьями по починкам, затем починки разрастались, образуя небольшие слободы. Слободы, заселенные крестьянами, на новых землях назывались Новыми слободами.

На территории села Богородского было несколько таких слобод. Имея свое хозяйство, эти крестьяне обрабатывали «заднее гумно государевой пашни», находившееся близ Сутолоки в нынешнем районе Старой Уфы. В селе была обустроена речная переправа, соединяющая обе стороны реки Уфы, под названием Волонимеров перевоз¹.

В документах по отводу земель служилым людям 1602–1603 гг. среди жителей Новых слобод упоминаются Иван Кадомец, Богдан Фомин сын Медведь да Иван Кузнец.

Образование новых русских поселений вокруг Уфимской крепости входило в планы уфимских воевод, к тому же они дополнительно наделяли крестьян этих поселений свободными землями, поскольку в необходимых случаях мужское население уфимских окраин вставало под ружье на защиту своих территорий от набегов воинствующих отрядов в крайне беспокойное время.

В 1602–1603 гг. по приказу воеводы Михаила Александровича Нагого этим крестьянам были дополнительно даны новые земли на Великом поле. Среди крестьян, получивших земли, упоминается Иван Кадомец с сыновьями Смирьюкой и Бессоном. Земли были даны для обустройства усадеб, под пашню, гумна, огороды и другие хозяйственные нужды. Земли этих крестьян простирались до Брызгалова озера.

Деревня называлась Кадомцевой. Иван Иванович Кадомцев, родоначальник дворян Кадомцевых, был «новокрещенского списка». Однако историк Б.А. Азнабаев в своей книге «Уфимское дворянство в конце XVI — первой трети XVIII в. (землевладение, состав, служба)» отмечает, что семейная легенда уфимских дворян Кадомцевых об их башкирском предке Кадоме, крестившемся в Уфе в 1603 г., документами не подтверждена. Согласно данным отказных и переписных книг, родоначальник Кадомцевых некто Шувалко. Он же был первым старостой, а по существу — основателем села Богородского. По сути, это было «государево дворцовое село», состоящее из слобод, и имело второе название — Кадомцевы деревни.

К 1622 г. село получило новое название — Богородское. Старостой деревни на это время был дворцовый крестьянин Иванко Лаврентьев. По описанию Ива-

¹ См. Аничковы деревни.

*Крестный ход с
Богородско-Уфимской
иконой Божией
Матери в селе
Богородском.
Фото 1885 г.*

на Златоверховникова, причиной переименования села послужил следующий случай. Неподалеку от села около 1621–1622 гг. забил ключ, который бьет, не переставая, уже около четырех столетий и до сего времени. Здесь крестьянином Стефаном была обретена икона Казанской Божией Матери.

Относительно этого чудесного случая краевед В.Н. Буравцов пишет следующее: «Подлинных исторических документов о явлении иконы нет (или не сохранились, или не найдены до сих пор). Но существует предание, передававшееся из поколения в поколение и зафиксированное в “Истории Казанско-Богородской церкви (1867–1924)”».

В начале XVII века село Богородское состояло из нескольких домов, а на месте святого колодца рос дремучий лес. Один из местных жителей по имени Стефан был незаслуженно приговорен к телесному наказанию. Он не смог перенести такой позор и по этой причине решил покончить жизнь самоубийством. Для исполнения принятого решения пошел в близлежащий лес. Когда крестьянин проходил мимо того места, где находился святой источник, его остановил голос: “Куда ты идешь? Вернись и скажи священнику и народу, чтобы взяли меня отсюда”. Удивленный мужчина, не видя говорящего, принял это за событие, якобы показавшееся ему, и продолжал идти вглубь леса, но вновь услышал тот же окрик: “Иди, Стефан, скажи священнику и народу, что если не возьмут меня сейчас, то село сгорит”. Крестьянин, взглянув вверх, увидел в сиянии святую икону Божией Матери, о чем и поведал священнику и односельчанам. Они не поверили, но, услышав возбужденный рассказ Стефана о происшедшем, из любопытства двинулись за ним. Действительно, подходя к вышеупомянутому месту, увидели повисшую в воздухе икону Божией Матери с младенцем Иисусом Христом на руках. В это же время из-под земли начал выбиваться родник. После усердного моления сельчан икона спустилась на руки Стефана, и тогда все поняли, что их земляк ничего непристойного не совершал. Уфимская икона оказалась точной копией иконы Казанской Божией Матери, которая находилась в Казани с XVI века, вот почему ее стали называть иконой Казанско-Богородской Божией Матери.

Икона, которую местные жители считали подлинной, не была похожа на новгородский, строгановский, афонский и другие виды письма, находилась в бисерной ризе с надписью “Богородская”».

По словам историка П.В. Егорова, явленная на роднике икона была перенесена в сельскую Ильинскую церковь, рядом с которой в селе вскоре была срублена Казанско-Богородская церковь. На месте явления Чудотворной иконы была выстроена деревянная часовня. В 1901 г. вместо деревянной над родником (местом явления иконы) была выстроена кирпичная часовня.

Эта икона одна из четырех чудотворных икон Уфимской земли. Считалось, что явленная на роднике икона Казанской Божией Матери неоднократно спасала и город, и село Богородское от нашествия воинствующих племен, в том числе во время Сеитовского бунта в 1670 г. Почитание Чудотворной иконы среди православных жителей Уфимского края было столь велико, что между 1688 и 1707 гг. икону перенесли в Смоленский собор Уфы для всенародного поклонения. А точный список с иконы Казанской Божией Матери был оставлен в сельской церкви. Из города к месту явления и обретения святыни стали устраиваться ежегодные крестные ходы. В 1820 г. был Высочайше утвержден крестный ход, который происходил 8 июля¹ каждого года из Уфимского кафедрального собора. Крестный ход выходил из Уфы по улице, позже названной Богородской, делал остановку у часовни Казанской Божией матери, находившейся напротив Ново-Ивановского кладбища, где совершался молебен. В церкви села Богородского служилась всенощная, а к вечеру 8 июля крестный ход с иконой возвращался в Уфу. Позже икону перенесли во вновь построенный в Уфе Воскресенский кафедральный собор, и с 1841 г. ежегодно 7–8 июля совершался крестный ход из Воскресенского собора со святою иконою в церковь Казанской Божией Матери села Богородского.

Первоначальная сельская церковь не сохранилась. Строительство ныне существующей церкви шло около 30 лет на средства прихожан и окончено в 1877 г. По словам Ивана Златоверховникова, в 1899 г. каменная церковь имела три престола — в честь Казанской Божией Матери, во имя Святителя и Чудотворца Николая и Святого Пророка Илии.

На этот период в приходе было четыре школы: в селе — смешанная земская и в деревнях Дежневой, Тимашевой, Максимовке — школы грамоты.

Село Богородское было расположено влево по Сибирскому этапному тракту в равнине реки Уфы, по проселочной дороге, при озерах Двойном и Заливном, в 16 верстах от уездного города Уфы и в 35 верстах от станového квартального (Благовещенский медеплавильный завод).

При разделении Уфимского уезда на волости была образована Богородская волость с центром в селе Богородском.

По ведомости, составленной канцелярией Оренбургского горного начальства, о количестве государственных, дворцовых и монастырских крестьян Уфимской провинции от 31 июля 1765 г., в селе Богородском на реке Уфе по течению на правой стороне проживали 168 душ.

По сведениям 1858 г., в селе 76 дворов и 503 жителя крестьянского населения. Село русское. Действуют православная церковь и часовня.

Было 2 хлебозапасных магазина. Ежегодно 7–8 июля, в дни крестного хода из Уфы, в селе Богородском проводились ярмарки. Население, кроме зем-

¹ По старому стилю.

Казанская часовня на Старо-Сибирском тракте. Фото 1885 г.

Часовня на святом
роднике в Инорсе.
Современное фото

лепашества, занималось огородничеством, рыболовством, кустарничеством, разведением скота.

Число жителей села увеличивалось за счет переселенцев из других губерний. В 1898 г. произошли изменения в угодьях: часть пашни, около 84 десятин, вследствие непригодности была запущена под покос, около 8 десятин отчуждено под железную дорогу. В селении работали 6 веялок. Часть домохозяев в свободное от полевых работ время занимались деланием дуг и колес на продажу, женщины сеяли на продажу лук, зарабатывая от 10 до 50 руб. в год.

К 1905 г. в селе Богородском были 2 бакалейные и одна винная лавки, аудит-читальня, земская школа, 102 двора с населением 333 мужчин и 349 женщин.

По данным «Инвентарно-окладной книги Уфимской уездной земской управы Богородской волости», в селе Богородском к 1912 г. было сельское общество под названием «Богородское» из крестьян, получивших от Удельного ведомства 11,69 десятины и от Крестьянского поземельного банка 4,8 десятины земли.

Кроме того, было Богородское сельское общество из бывших удельных крестьян, получивших по Положению об отмене крепостного права от 19 февраля 1861 г. 912,46 десятины наделной земли.

С 1919 г. Богородская волость перестала существовать. Территория Башкирии была поделена на кантоны. По переписи 1920 г. село Богородское вошло в Степановскую волость Уфимского кантона в семи верстах от волостного исполкома (от деревни Степановки). Село русское, в нем было 133 двора и 766 душ населения. Это было уже большое село.

На протяжении всей истории Уфимского края фамилия Кадомцевых была достаточно известна. В 1736 г. в «Истории Оренбургской» П.И. Рычков упоминает «Кадомцова» как «уфинского атамана» при защите Уфы от взбунтовавшихся «башкирцев». Был конный казак Абросий Кадомцов. Фамилия Кадомцовых претерпела со временем изменение и стала писаться Кадомцевы.

В материалах «Уфимских губернских ведомостей» за 1878 г. прослеживается имя Александра Кадомцева: будучи на государственной службе, произведен 22 июня 1877 г. из коллежских регистраторов в губернские секретари.

Одна семья из рода Кадомцевых была хорошо известна не только в уфимском дворянстве. В начале 1900-х гг. их усадьба находилась на Голубиной улице. Все дети главы семьи Самуила Евменьевича, Инна, Иван, Эразм, Михаил, были профессиональными революционерами-большевиками. Сам Самуил Евменьевич находился на службе в должности титулярного советника, был помощником делопроизводителя губернского распорядительного комитета.

После известных событий 1917 г. село Богородское оказалось в немилости у советской власти. В период оголтелого атеизма в 1923 г. Богородская церковь была разграблена. Множество икон и особо ценной утвари было вывезено в Москву. Часовню над святым источником разобрали по кирпичикам. Сам родник залили бетоном.

Лишь в 1990 г. по настоянию жителей села и общественности церковь была возвращена приходу. Восстановили часовню и открыли родник.

Раскулачивание в 1930-х гг. не обошло село. В этот период в селе жили люди с известной фамилией — Кадомцевы. Они были раскулачены и лишены права голоса, как эксплуататоры наемного труда. Это Кадомцев Павел Матвеевич 52 лет, Ка-

домцев Василий П. 23 лет, Кадомцев Василий П. 20 лет, Кадомцева Зоя П. 25 лет, Кадомцева Валентина 18 лет, Кадомцева Дарья 32 лет, Кадомцев Федор 51 года, Кадомцева Елизавета 49 лет, Кадомцев Федор 23 лет, Кадомцева Клавдия 23 лет.

Были лишены права голоса члены семьи церковнослужителя — Вельский Георгий, Бельская Тамара, и еще один Бельский Георгий.

В 1936 г. на заседании Уфимского городского совета были заслушаны заявления Бельского Гаврилы А. и Кадомцева Д.Г. о восстановлении их «в правах голоса». Первому было отказано как бывшему религиозному служителю, второму — «как кулаку, имевшему свой собственный кирпичный сарай, применявшему наемный труд и имевшему бакалейную торговлю». Кадомцеву И.Г. также было «отказано в праве голоса за использование наемного труда во время сезонных работ».

Село Богородское вошло в состав Сипайловского сельского совета.

В июле 1931 г. уфимскими властями было принято решение о строительстве моторного завода на пустыре чуть севернее села Богородского, а для строителей моторного завода было решено строить поселок. Проект застройки поселка разрабатывался Ленинградским институтом научной организации строительства (ЛИНОРС), после чего поселок приобрел название — Инорс. На стройку поселка и завода стекались люди, в основном молодежь, из разных уголков не только Башкирии. Приехали даже казахи-кочевники с семьями на арбах и своими верблюдами. Рядом со стройкой завода ставили юрты. Одновременно с производственными корпусами завода для строителей строились временки — бараки, телеграф, прокладывалась телефонная сеть, шоссе до Уфы, железная дорога от станции Черниковка. К этому времени название села абсолютно не соответствовало размахам социалистического строительства на этих землях, в связи с чем Административная комиссия при Президиуме Башкирского Центрального исполнительного комитета приняла решение от 19 августа 1931 г. о его переименовании в село Моторное. Далее события социалистического строительства развивались более чем стремительно.

Решением Башкирского центрального исполкома в ноябре 1931 г. был организован Черниковский поселковый совет, в который вошло село Моторное. Резиденция поселкового совета размещалась в доме Рындина, купленном в 1932 г. моторостроительным заводом за 900 рублей. Затем к дому были сделаны два пристроя. В 1936 г. дом Рындина был отдан под поликлинику завода, а резиденция поссовета переехала в бывшее здание церкви.

В сентябре 1934 г. состоялся пуск малолитейного цеха, а в 1936 г. моторный завод начал первый выпуск двигателей для комбайнов.

В 1936 г. село Моторное стало центром Черниковского поселкового совета.

В июне 1937 г. произошло первое наименование улиц села Моторного: Клубная, Школьная, Подлесная и Транспортная.

*Поселок Моторный.
1940-е гг.*

С конца 1940 г. с привлечением специалистов из Рыбинска завод начал выпуск авиационных двигателей. Рев авиационных моторов будил ночами жителей окраин Черниковки вплоть до 1960-х гг.

Во времена всероссийских лагерей, в которых содержались заключенные всех видов, на территории Инорса был расположен второй лагерь. Здесь же был ЗАГС комендатуры НКВД. Он регистрировал акты гражданского состояния: браки, рождение, смерть исключительно спецпереселенцев. Переселенцами называли всех высланных в Башкирию раскулаченных и провинившихся перед советской властью, и они были под постоянным контролем НКВД. Сразу после освобождения Крыма от фашистской оккупации в мае 1944 г. на Урал были депортированы крымские татары, греки, армяне. Они работали на всех стройках, в том числе и на строительстве производств моторного завода.

О селе Богородском, казалось, была стерта вся память.

Название района Уфы — Инорс — вновь заявило о себе во время застройки этого района уже современными многоэтажными домами.

Лишь спустя много лет благодаря ходатайствам краеведов и лично Георгия Федоровича и Зинаиды Ивановны Гудковых была сделана попытка поднять из небытия название села Богородского, на землях которого застроен этот район. Решением Президиума Уфимского городского совета 7 октября 1992 г. одна из улиц, прилегающая к бывшему селу, первоначально названная улицей А. Матросова, в 1956 г. получившая название Промышленной, была переименована в Сельскую Богородскую. Это название улицы и церковь Чудотворной иконы Казанской Божией Матери с часовней напоминают нам о селе Богородском. А еще до сих пор, проезжая по его территории, то тут, то там можно встретить ветхие от старости домишки села Богородского.

ДЕРЕВНЯ МАКСИМОВКА

Нынешняя деревня Максимовка при озере Максимовском имеет свою замечательную историю начиная с конца XVI века.

В «Отводной книге по Уфе» (1591/92–1629 гг.): в 1610 г. при отводе земель «боярскому сыну Михаилу Гаврилову сыну Ортемьеву¹» упоминается «рубеш пашни новокрещена Максима подле большого озера». Государев дворцовый крестьянин Савка Новокрещен, а «прозвище мордовское имя Максимко», впоследствии звался Максим Мордвин, житель деревни, получившей название Максимовка. Большое озеро стало называться Максимово или Максимовское. По всей видимости, Максимко Мордвин был смекалистым мужиком, возможно и старостой, имевшим определенное влияние на жителей деревни, потому как упоминается не иначе как Максим Мордвин с крестьянами, с «новиками», «с товарищи», и обживал эти земли незадолго до «верстанья» землями «служилых людей по царскому указу».

В 1613–1614 гг. деревня называлась Максимова. Здесь жили удельные и государственные дворцовые крестьяне. Мужское население этой деревни служило некоторым образом щитом города Уфы, поскольку крестьяне привлекались к отражению бандитских набегов войск сибирских ханов. Поэтому еще в 1606 г. при уфимском воеводе Миките Годунове дополнительно им были даны земли и покосы за рекой Уфой. Там они образовали «Новый Савин починок к Минской деревни подле Долгова озера». В 1619–1620 гг. между крестьянами Нового починка и Михаилом Артемьевым были разногласия: часть земли государственных дворцовых крестьян оказалась в наделе Михаила Артемьева, на что крестьяне подали жалобу. Впоследствии на место выехали Микита Каловский и Василий Ушатый и отвели земли Михаилу Артемьеву «по прежним отдельным книгам Сидора Лопатина».

¹ Артемьеву.

Деревня Максимовка (Максимова) — одна из самых первых заселенных деревень в Богородской волости. На карте Уфимского уезда за 1755 г. отчетливо просматриваются населенные пункты, в том числе деревня Максимова с озером Максимовским. Она же упоминается в сводной ведомости 1816 г. о солдатских детях и в 1817 г. по 7-ой ревизии, составленной канцелярией Оренбургского горного начальства.

Деревня росла по мере поселения «новиков», иначе пришлых крестьян из других губерний.

По переписи 1858 г., это была достаточно большая деревня, в которой проживали 456 жителей удельных крестьян. В период освобождения крестьян от крепостной зависимости бывшие удельные крестьяне по Уставной грамоте от удела получили 596,75 десятины земли и создали Максимовское сельское общество.

Сказать, что земли деревни Максимовки «обошли» в свое время помещики, было бы неправильным. Кроме земель, на которых вели хозяйство бывшие удельные крестьяне, получившие земельные наделы, были и помещичьи земли. Например, 2-е Максимовское сельское товарищество из 15 домохозяев получило 107,71 десятины наделной земли от дворянина Бережковского. 3-е Максимовское товарищество из 72 домохозяев получило 454,5 десятины наделной земли от дворянина Курлина.

В конце 1860-х гг. началось интенсивное заселение Уфимского уезда крестьянами из других губерний. Деревня соответственно росла и на 1870 г. в ней был уже 81 двор с числом жителей 463 человека. Кроме земледелия, население Максимовки занималось пчеловодством, пилкой леса, деланием телег и саней. Было развито печное ремесло.

По словам Ивана Златоверховникова, в 1899 г. в деревне Максимовой была одна из школ грамоты прихода Казанско-Богородской церкви села Богородского.

Деревня русская. Расположена на равнине у одноименного озера. На расстоянии 100 сажень протекает река Уфа, имеется несколько мелких ручьев. В селеении 14 веялок.

Согласно Поземельной книге Богородской волости, к 1900-м гг. дачи деревни Максимовки составляли 1306 десятин 1259 сажень. Земля в количестве 597 десятин принадлежала крестьянам-собственникам, из них 359 десятин составляли пашни, 135 десятин — усадебная и выгонная земля, 50 десятин — сенокос. Итого 544 десятины удобной земли, кроме леса. Максимовские лесные дачи с земельными участками составляли 693 десятины 216 сажень.

В деревне — 2 бакалейные лавки, хлебозапасный магазин, 131 двор и 702 жителя.

К 1913 г. вся помещичья земля по десятинам была распродана, в том числе и от дворян Кирилловых. Землю, кроме крестьян деревни Максимовки, скупали в основном крестьяне деревни Тимашевой, в том числе и при содействии Крестьянского поземельного банка.

В 1920 г. Максимовка вошла в Степановскую волость, имела 131 двор с числом жителей 756 человек. На 1925 г. в Максимовке было 146 хозяйств, и она являлась центром Максимовского сельсовета.

В ноябре 1931 г. решением Президиума Всероссийского Центрального исполнительного комитета Максимовский сельсовет был ликвидирован, а сама деревня Максимовка вошла в Черниковский поселковый совет.

В июне 1937 г. произошло первое наименование улиц деревни Максимовки: Колхозная, Торфяная, Приозерная, Селькоровская.

По постановлению Черниковского исполкома городского совета с 1 ноября 1949 г. улицы Максимовки были переименованы: улица Чехова, бывшая улица Селькоровская, переименована в улицу Якутова; в связи с объединением Уфы

и Черниковска в 1956 г., улица Якутова переименована в улицу Светлую; улица Приозерная переименована в улицу Азовскую.

С образованием города Черниковска 5 декабря 1944 г. деревня вошла в городскую черту.

Максимовка избежала всех городских преобразований и в настоящее время живет и здравствует в черте города Уфы.

ДЕРЕВНИ НОВИКОВКИ

Даже если город основан на чистом пустыре, то всегда найдется то, что называется его историей. Наш город, как многие города России, основанные в давние времена, имеет свою неповторимую историю, богатую на имена первопоселенцев, храмоздателей, благотворителей, на средства которых фактически выстроена Уфа. Городских проблем всегда было много, и в далекие и в нынешние времена. Но особое чувство охватывает, когда соприкасаешься даже с малой частичкой истории города. К великому сожалению, «частичек истории» в Уфе становится все меньше.

Уфимцы нынешнего поколения привыкли видеть проспект Октября с его многоэтажными, в основном безликими домами. Но не все знают, что в пятистах метрах от проспекта Октября — к проспекту Салавата по улице имени округа Галле, в оставшемся частном секторе по обеим берегам Сутолоки были деревни под названием Новиковки.

Прежде чем деревни получили свое название, в 1591–1592 гг. эти земли были даны сотне стрельцов — основателям Уфимской крепости. Их земли простирались на «Турове поляне и за вершиною речки Суколока, и на старом городище, и в большой луке к перевозу к Белой Волошке».

Здесь в 1593–1594 гг. в качестве государева жалованья за службу были даны земли «в поле... ворóтнику Галане Окатаеву, его сыну Пашке, сторожу Иванке Правослову... Кузнецу Степанко Кузмину... за задним гумном за врагом по речке Суколоку» и пятидесяти стрельцам «под городом вверх Суколоки речки за ручьем подле государевы ближние пашни и за государевою пашнею в Турове поляне...». Частично эти земли были уже заселены дворцовыми крестьянами.

Деревня Новиковка возникла в 1857 г., когда часть этих земель была куплена помещиком Новиковым, дедом Валентина Аполлоновича Новикова, и им же первые четыре семьи крепостных крестьян были переселены из селца Новикова (Покровское) Бугурусланского уезда Самарской губернии. Деревня тогда называлась Подгорная Новиковка, находилась в трех верстах от Уфы.

В 1858 г. деревню населяли дворцовые и помещичьи крестьяне с числом жителей 46 душ, и она называлась Валентиновкой (Подгорной Новиковкой тож). Она была в собственности Валентина Аполлоновича Новикова.

На 1870 г. в Валентиновке (Подгорной Новиковке) при ключе — 6 дворов с числом жителей 48 душ. Деревня заселялась и вольными переселенцами.

По мере заселения крестьянами деревня получила название Большой Новиковки, где на 1895 г. уже имела 24 двора с населением 156 душ, причем 10 жителей считались грамотными. В основном деревня заселялась до 1890 г. (20 дворов), в 1891 г. — еще 3 двора, в 1895 г. еще 1 двор. В деревне был один мещанский двор с населением в 6 душ. По состоянию на 1905 г. в Большой Новиковке было уже 26 дворов с 72 жителями.

Была еще небольшая деревушка под названием Малая Новиковка. Она заселялась переселенцами разных губерний на земле, арендованной у наследников Валентина Аполлоновича Новикова после 1890 г., и на 1895 г. имела 7 дворов с населением 39 душ.

По результатам подворной переписи крестьянских хозяйств Уфимской губернии 1914 г., в Большой Новиковке было 22 хозяйства и 159 душ крестьян. Большая Новиковка считалась родовой усадьбой уфимских дворян Новиковых.

К 1914 г., кроме Большой Новиковки, существовали две Малых: Новиковка Малая 1-я — 6 крестьянских хозяйств и 36 жителей; Новиковка Малая 2-я — 5 крестьянских хозяйств и 30 жителей из крестьян, как бывших помещичьих, наделенных землями, так и ведущих свое хозяйство на арендованных у помещика землях. В Уфе деревни славились фруктовыми садами.

С марта 1919 г. Новиковки Большая, Малая 1-я и Малая 2-я практически были переданы в подчинение Уфимского городского совета. Но окончательно ходатайство граждан этих деревень о подчинении городу было удовлетворено на заседании Президиума Уфимского горсовета от 11 ноября 1930 г. с изъятием у них всей пахотной земли за исключением лугов, арендуемых ими у Горкомхоза.

Войдя в состав города, деревни были переименованы в улицы: им. Михаила Калинина, Крестьянскую Малую 1-ю и Крестьянскую Малую 2-ю. Названия не укоренились, и решением Уфимского горисполкома 31 августа 1938 г. было произведено еще одно переименование в улицы: Полярную, Большую Шелководную и Северную. Все три деревни спускались к Сутолоке: Большая Новиковка была на левом берегу, а две другие — на правом.

На землях Большой Новиковки ныне возведен современный микрорайон под названием Новиковка, и нынешняя улица Сагита Агиша проложена как раз по территории Большой Новиковки.

Между тем дворяне Новиковы оставили заметный след в истории Уфы. Один из рода Новиковых — Валентин Аполлонович — был крупным землевладельцем. Кроме наследственной земли возле города, он имел еще и покупную — всего около 15 000 десятин. В.А. Новиков прожил недолгую жизнь — 43 года (1837–1880), но внес значительный вклад в изучение истории нашего края. «Сборник материалов для истории уфимского дворянства» (Уфа, 1879), составленный В.А. Новиковым, оказался востребован историками нынешнего поколения, особенно когда проявился интерес к генеалогии.

Второе издание было дополнено Н.А. Гурвичем, выпустившим эту книгу в Уфе в 1903 г. под названием «Сборник материалов для истории Уфимского дворянства, составленный В.А. Новиковым в 1879 г., продолженный и дополненный до 1902 г. включительно Н.А. Гурвичем». Есть еще несколько менее известных работ В.А. Новикова по земледельческой статистике и о состоянии промышленности Оренбургской губернии, как, например, «Уфимский календарь на 1876 г.» под ред. В.А. Новикова и Н.А. Гурвича (Уфа, 1876) и др. В 1862–1871 гг. В.А. Новиков был избран Уфимским и Златоустовским уездным предводителем дворянства. Следующие девять лет до кончины он был избран Уфимским губернским предводителем дворянства.

В 1872 г. В.А. Новиков «составил на имя царя предложение об открытии в Уфе пансиона благородных девиц». Уфимское дворянство поддержало инициативу В.А. Новикова и благотворительными акциями способствовало открытию пансиона. Пансион предназначался для «бедных девиц дворянок» и круглых сирот и был открыт в 1873 г. в здании на Пушкинской улице рядом с Дворянским собранием, ныне — здание Академии искусств. Воспитанницы были на полном обеспечении на весь период обучения.

13 октября 1880 г. «последовало Высочайшее соизволение Уфимскому пансиону благородных девиц, воспитанниц Мариинской женской гимназии, именовать Новиковским в память учредителя пансиона — губернского предводителя дворянства камергера В.А. Новикова».

¹ Ныне ул. Карла Маркса.

По изысканиям Г.Ф. и З.И. Гудковых, В.А. Новиков рано лишился отца и с 10 лет воспитывался матерью Ираидой Николаевной, в девичестве Угличининой, в деревне Новиковой (Угличининой, Грушино), в 37 верстах от Уфы по Оренбургскому тракту. В чине титулярного советника В.А. Новиков женился на дочери ротмистра Андрея Андреевича Топорнина. Венчание состоялось 7 января 1860 г. в Александровской церкви. Дом на улице Александровской¹, 51, где жила семья В.А. Новикова, принадлежал его матери.

У Новиковых были дети: сыновья Александр, род. 8 января 1862 г., и Аполлон, род. 26 октября 1864 г., а также дочь Ольга, вышедшая замуж за поручика Воскресенского.

Александр Валентинович Новиков окончил Уфимскую мужскую гимназию в 1881 г. Впоследствии — действительный статский советник, мировой судья Уфимского уезда, предводитель дворянства в 1896–1898 гг. Был женат на Марии Поликарповне, проживали на улице Бекетовской, 39.

Аполлон Валентинович Новиков, впоследствии отставной полковник, служил Уфимским и Златоустовским уездным предводителем дворянства в 1899–1901 гг. Был женат на Елене Васильевне, проживали в родительском доме на улице Александровской, 51.

Двухэтажная дача В.А. Новикова под Уфой после революции была превращена в жилой дом, который снесли при строительстве на этом месте ВДНХ по ул. Менделеева.

ДЕРЕВНИ ВОЛКОВЫХ

Служилых людей Волковых, первопоселенцев Уфимской крепости, было несколько. Первопоселенцу «сыну боярскому» Пороше Андреевичу Волкову был отдел земель «в поместный оклад» за воинскую службу по охране Уфимской крепости за Уфой рекою по Сибирской дороге, где перевозился воевода Володимер Володимирович Оничков (Аничков). С Порошей Волковым были его сыновья, Василий и Федор, которым в 1606 г. было «дано в поместье по 20 чети...»: первому на «большом поле», второму — «на диком поле». В 1612–1613 гг. «жильцу уфинскому... сыну боярскому» Пороше Андреевичу Волкову и его сыну Федору государь пожаловал еще в поместный оклад земли к Порошиной деревне за Уфой рекою по Сибирской дороге под пашню, сенные покосы и всякие угодья вверх и вниз около Сибирского перевоза «в угодье Брызгалово озеро от речки Тауша выше Кургурчина, которая... впала в Уфу реку, а вниз по обе стороны Уфы мимо Микитина рубежа Каловского...». Федору Порошину Гордей Гладышев «отвел в поместный оклад на сенные покосы по межам: едучи на большое на дикое поле по Минской дороге на левой стороне в дуброву от Васильевского рубежу Васильчнина да до Белые реки, а по сторон идучи к Белой реке по правую сторону подле Ивановых граней Черникова, а по другую сторону Ивановых граней Васильчнина».

В 1613–1614 гг. Федор Волков поменял эту землю в 20 четей на землю Сергея Аничкова, которая была дана ему за Сибирскую службу. Земля Сергея Аничкова была в межах с его братом Юрием Аничковым. «А для того сменял Сергей Оничков с Федором Волковым, что та земля смежна в его пасынкове земле Петра Васильчнина...»

В результате в Уфимском уезде было несколько деревень под названием Волкова. Волкова, позднее получившая второе название по имени нового владельца — Куровская, деревня при речке Сухой, относящаяся ко 2-му стану, Волкова при речке Киязе, относящаяся к 3-му стану, и сельцо Волкова при озере Волковом, относящееся к 4-му стану. Что такое стан в данном случае? Стан — административно-территориальная единица, на станы делились уезды в России. Во главе каждо-

го стана стоял становой пристав, полицейское должностное лицо, который контролировал внутренний порядок на вверенной ему территории. Уфимский уезд был поделен на четыре стана.

В 1858 г. в деревне Волкова при речке Сухой, в 14 верстах от Уфы по Сибирскому почтовому тракту, позже — Куровская, числилось 55 жителей из числа дворцовых и помещичьих крестьян. В 1870 г. в деревне было уже 11 дворов и 76 жителей. Ныне это известная промзона Уфимского района под названием Курасково.

Деревня Волкова при речке Киязе, в 18 верстах от уездного города Уфы по Сибирскому этапному тракту, на 1858 г. имела 144 жителя из помещичьих и государственных крестьян. На 1870 г. в деревне — 34 двора и 137 жителей. В деревне имелась водяная мельница. Основное занятие населения, кроме земледелия, пчеловодство, делание телег, саней, колес, ободьев.

Был еще Волковский починок в 32 верстах севернее Уфы — родовое имение уфимского городского головы Дмитрия Семеновича Волкова (1837–1900). История этого села, где им была выстроена деревянная церковь в память князя Александра Невского, ныне разрушенная, сохранилась в памяти благодарных потомков.

Остановимся подробнее на сельце, позже деревня, Волкова при озере Волковом, которое впоследствии оказалось в некотором смысле в центре города Черниковска, в 12 верстах от Уфы по Сибирскому этапному тракту. Озеро по его глубине называли бездонным. Эта земля была дана Пороше Волкову, первопоселенцу Уфимской крепости и «служилому человеку», впоследствии получила название Порошинское поместье, находящееся «на диком поле при круглом озере». По смерти Пороши Волкова в 1618–1619 гг. «сын боярский» Григорий Волков¹ обратился к великому князю, царю Михаилу Федоровичу с просьбой о разделе земель бывшего Порошинского поместья между ним и вдовой Пороши Любовью. Что и было сделано. Порошинская земля, состоящая в трех полях, была поделена надвое.

¹ Очевидно, сын Пороши.

В 1730 г. дочери уфимского дворянина Петра Дмитриевича Волкова Марфа и Анастасия продали свою старинную поместную дедовскую и отцовскую землю в деревне Волкова, что у Круглого озера, майору А.Ф. Лихачеву.

Согласно Межевой книге, «сочиненной» 5 августа 1799 г., земля в окружной черте, 91 десятина 180 сажень, была в общем владении отставного вахмистра Якова Ивановича, прапорщика Семена Яковлевича, драгуна Гаврилы Ивановича, прапорщика Данилы, унтер-офицера Александра Гавриловичей Волковых. На этот период все население деревни состояло из дворян Волковых. Земля граничила с левой стороны с землями села Богородского, Кадомцево тож, владения удельных крестьян, далее по берегу озера Круглого — с Савинской пустошью, владения капитана Михаила Степанова, церковными землями села Богородского, направо — стоял дровяной лес. Мимо сельца проходила большая столбовая дорога из Уфы в Челябину. Эта дорога, похоже, сохранилась — здесь проходит трамвайная линия и Индустриальное шоссе. Далее межа с землями дворян Аничковых, майорши Аграфены Васильевны Суворовой, помещицы Анны Степановны Щеголевой (Шиголовой), Катерины Степановны Токаревой, Афимии Степановны Кадырской, Александры Васильевны Грабовской, далее — дровяной лес сельца Волкова, Лихачевская пустошь, земли Авдотьи Яковлевны Колокольцовой, дровяной лес сельца Дежнёва, далее — владения вахмистра Никиты, подпрапорщика Василия Ивановича, унтер-офицера Андрея, неслужащего дворянина Ивана Гавриловичей Черниковых-Анучиных.

В 1853 г. земли под названием Волковская пустошь были в собственности коллежского асессора Павла Ивановича Курочкина. Далее земли дворян Волковых «по любовной сказке» в мае 1862 г. были поделены на три части. По Межевой книге сельца Волкова Уфимского уезда, «сочиненной» бирским землемером

Траппером 29 мая 1862 г., настоящая межа 1-й части сельца Волкова была утверждена уже в октябре 1845 г. уфимским земским землемером Сипайловым. Это были земли во владении малолетних детей коллежского асессора Павла Ивановича Курочкина, Ивана и Андрея, далее майорши Анны Ивановны Мальковской, коллежской асессорши Александры Ивановны Пекер и Матрены Даниловны Лопатиной. Всего в окружной меже 1-й части сельца Волкова было 80 десятин 2248 саженьей.

2-я часть сельца Волкова, под названием Савинская пустошь, делилась на три части.

1-я часть Савинской пустоши была во владении подполковника Капитона Кузьмича Тимашева. Прежняя большая почтовая дорога из Уфы в Челябинск стала проселочной дорогой в село Богородское.

2-я часть Савинской пустоши была во владении Матрены Даниловны Лопатиной.

3-я часть Савинской пустоши была во владении Анны Ивановны Мальковской. Границы ее земель доходили до земель деревни Дежневой.

3-я часть сельца Волкова, 9 десятин 1430 саженьей, на это же время, согласно Межевой книге, «сочиненной» бирским землемером Траппером 29 мая 1862 г., была во владении губернской секретарши Варвары Ивановны Брудинской. Ее земли граничили с землями деревни Михеевой, удельных крестьян села Богородского, землями во владении малолетних детей коллежского асессора Павла Ивановича Курочкина, Ивана и Андрея. Поселений на ее землях не было. Земля находилась «в пуге».

Само сельцо Волково «состояло» за майоршей Анной Ивановной Мальковской, в нем было 3 крестьянские избы. В них, по 10-й ревизии, числилось 4 души мужского и 6 душ женского пола, а на момент переписи 2 крестьянские избы и 1 душа мужского и 3 женского пола. Там же был господский дом коллежской асессорши Александры Ивановны Пекер.

На 1870 г. в сельце Волкова при озере Волковом был всего один двор с пятью жителями. Позже озеро и сельцо получили второе название — Волчок. Сельцо Волчок расположено по равнине, кроме озера, других источников нет. Поля в равнине возле усадьбы.

С пуском Самаро-Златоустовской железной дороги сельцо Волкова оказалось близ железнодорожной станции Черниковка. На 1905 г. в деревне в трех дворах проживали 25 жителей.

В 1920 г. так называемый поселок Волчок имел 2 двора с населением в 11 человек и входил в Степановскую волость.

В ноябре 1931 г. решением Президиума Всероссийского Центрального исполнительного комитета сельцо Волчок при одноименном озере вошло в Черниковский поселковый совет и оказалось почти в самом центре промышленных новостроек, тем более что сельцо Волчок, состоящее из двух дворов, не мешало расселению жителей — оно растворилось в промышленных застройках железнодорожной станции Черниковка. Сегодня о месте сельца Волчок напоминает озеро Волчок, глубокое, на котором всегда было запрещено купание для местных жителей. В настоящее время на нем установлена система забора воды спецмашинами для полива газонов города. На заросшем озере с «небольшим пятачком» темной от глубины воды иногда можно увидеть местных рыбаков.

Но жители Черниковки еще помнят застройку у озера и прогулочные аллеи вокруг него. А когда-то, с зимы 1937 г., на озере Волчок для местных жителей был открыт каток.

С образованием 5 декабря 1944 г. города Черниковска сельцо Волчок вошло в границы города.

ДЕРЕВНЯ ДЕЖНЁВА (ДЕЖНОВА), ДЕЖНЁВКА

В «Сборнике материалов для истории Уфимского дворянства» В.А. Новикова, изданном в 1879 г., есть такие данные: «В 1635 г. по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу» Федору Ивановичу Каловскому велено было организовать из детей боярских и конных стрельцов сторожевые посты по Сибирской дороге и докладывать Федору о всех продвижениях отрядов «царевича Аблая з братью и калмыцким воинскими людьми». В списке конного стрельца Богданова «приказа» Завороткова упоминается имя «конного стрельца пятидесятника Артемия Андреевича Дежнова». Можно предположить, что стрельцу Артемию Андреевичу Дежнову были даны в дачу земли по правому берегу реки Белой. Но скорее всего, это был сторожевой пост, которым руководил конный стрелец пятидесятник Артемий Андреевич Дежнов, поскольку нигде больше эта фамилия как землевладельца не упоминается, а у старожилов Черниковки деревня Дежнова, Дежнёвка, воспринимается еще и как Дежнёвская переправа, по аналогии с Дудкинской.

Земли деревни Дежнёвой «генерально межованы» в 1799 г. Первоначально эти земли были заселены дворцовыми крестьянами. Сохранилась купчая от 3 октября 1768 г., по которой «капитан Михайла Петров сын Колокольцов» без выкупа в вечное владение передает своей родной сестре Афиме Петровне, жене капитана Ивана Васильевича Суровцева, землю 5 четвертей в Уфимском уезде: «едуци от города за засеку по левую сторону близ речки Шугуровки подле Белой реки под горою, которая смежна с помещиками Лопатина и Волкова, подле самой Белой реки от оремы до граней Волкова за 2 рубля». Да, это и есть место деревни Дежновой, Дежнёвки. Впоследствии фамилия Колокольцов претерпела изменения и стала писаться Колокольцев.

Потомственных дворян Колокольцевых (Колокольцовых) в Уфимском уезде было несколько. У Михаила Петровича был брат, Иван Петрович Колокольцев, прапорщик, который в октябре 1769 г. купил землю у отставного капрала Андрея Ивановича Рукавишникова с сыном «от мыса Вавилова черного леса... до Каменки речки».

В марте 1775 г. Иван Петрович Колокольцев купил землю у Сергея Ивановича и Василия Афанасьевича Аничковых по Ногайской дороге по течению р. Чесноковки, доставшуюся Аничковым от предков их Ивана, Григория да Матвея Петровичей, Степана да Тимофея Аничковых, «которая по отказным книгам значилась за Володимером Фирсовичем Аничковым». В 1785 г. Иван Михайлович, сын Михаила Петровича Колокольцева, приобрел земли близ Красного Яра у Александра Ильича Гладышева.

Был еще один Колокольцев — Петр, в 1760 г. был учеником геодезии канцелярии Главного управления Сибирских, Казанских и Оренбургских заводов.

По данным «Большой советской энциклопедии», сын Михаила Петровича, Иван Михайлович Колокольцев, родился в 1755 г., умер после 1806. Поручик Оренбургского полевого батальона. С 29 февраля 1784 г. он уже капитан в отставке. В 1795 г. исполнял должность судьи уездного суда в Уфе. В 1802, 1805, 1806-м он уфимский уездный предводитель дворянства. В 1796-м владел селом Колокольцово. Это село существует поныне и находится в Уфимском районе западнее села Начапкина.

В географическом указателе по ревизским сказкам, отложившимся в фондах Государственного архива Оренбургской области за 1795–1850 гг., есть упоминание на 1817 г. по VII ревизии о деревне Дежнёва.

Деревня находилась в 6 верстах от волостного правления села Богородского и 12 верстах от города Уфы, русская. Расположена по скату к реке Белой на север.

Согласно Поземельной книге Богородской волости, земля сельца, позже деревни, Дежнёва в 633 десятины 2125 саженой числилась за Авдотьей Яковлевной Колокольцевой.

В 1853 г. земли деревни Дежновой (Дежнёвой) достались в собственность коллежскому советнику Ивану Гавриловичу Колокольцеву (Колокольцову) по наследству от его отца, статского советника Гаврилы Ивановича. Им же были вывезены из Владимирской губернии в Дежнёво помещичьи крестьяне, доставшиеся ему также по наследству в числе 16 душ.

Семья Ивана Гавриловича Колокольцева и его жены Олимпиады Николаевны проживала во Владимирской губернии, в г. Александрове.

В 1840-м и 1853-м Иван Гаврилович Колокольцев прикупил еще два земельных участка по «купчим крепостным» у господ Шубинского и Поливанова, которые и оформил в собственность своей жены Олимпиады Николаевны. Местонахождение этих земель не указывается. На покупку этих земель Иван Гаврилович в 1853 г. взял ссуду в Московской сохранной казне в размере 6230 рублей, в 1854 г. — еще 890 рублей. После его смерти (примерно в 1860–1861 гг.) образовались долги, в том числе и от недоимки по выплате процентов кредита, в сумме 8880 рублей, в связи с чем указанная казна предписала Уфимскому полицейскому управлению описать в залог долгов имение при деревне Дежнёвой и сдать его во владение Уфимской дворянской опеки, а получаемые с него доходы отсылать в Сохранную казну.

На 1866 г. Олимпиада Николаевна стала опекуном и наследником всех земель своего мужа Ивана Гавриловича Колокольцева, как во Владимирской губернии, так и деревни Дежнёвой. Вскоре умирает Олимпиада Николаевна. Кроме долгов и заложенных земель, наследницей которых она являлась, Олимпиада Николаевна оставила в наследство золотых вещей с жемчугом и бриллиантами, а также серебра на сумму 897 рублей. Встал вопрос о разделе наследства между детьми Ивана Гавриловича и Олимпиады Николаевны Колокольцевых.

У Колокольцевых было 9 детей. Кроме троих несовершеннолетних — Диодора, Валентина и Веры, были: Сергей Иванович, коллежский секретарь, Вадим Иванович, коллежский регистратор, Владимир Иванович, капитан, Лариса Ивановна, в замужестве Тычино, жена коллежского асессора, опекунша над малолетними Верой и Валентином, Зинаида Ивановна, в замужестве Колосова, и Ани-маиса Ивановна, в замужестве Глоцкая, жена надворного советника.

В 1872 г. начался процесс раздела наследства умерших родителей между их детьми. Процесс осложнялся тем, что были долги в казну на сумму 8880 рублей, доставшиеся детям от Ивана Гавриловича.

В результате полюбовного раздела наследства, кроме земли деревни Дежнёвой в 633 десятины 2125 саженой, малолетним землевладельцам Диодору, Валентину и Вере достались и долги по этому имению.

Павел Николаевич Колосов, подпоручик лейб-гвардии 2-го стрелкового батальона, муж Зинаиды Ивановны, в процессе раздела наследства был доверенным лицом несовершеннолетних землевладельцев Колокольцевых. В земельных делах несовершеннолетних землевладельцев дворян Колокольцевых принимал участие брат Павла Николаевича Колосова, Александр Николаевич, проживавший в С.-Петербурге и служивший в Николаевской инженерной академии.

Чтобы погасить долги, было принято совместное с казной решение о продаже части земель деревни Дежнёвой.

В 1870 г. в деревне было 29 дворов и 178 жителей.

24 июня 1873 г. Павел Николаевич Колосов обратился к посреднику 2-го участка Уфимского уезда Дмитрию Васильевичу Нагаткину с письмом, в котором просил о продаже крестьянам земли деревни Дежнёвой в 300 десятин 2125 саженой с согласия самих крестьян. Кроме того, П.Н. Колосов просил выдать процентные

бумаги, банковские билеты безыменные 100-рублевого достоинства, свидетельства, поделенные на три равные части, его доверителям: Диодору, Валентину и Вере Ивановичам Колокольцевым. Поскольку имение было заложено и долги от имения составляли 5825 рублей, Уфимская палата уголовного и гражданского суда от 31 июля 1873 г. отказала П.Н. Колосову в просьбе. Однако процесс выкупа земель господ Колокольцевых крестьянами деревни Дежнёвой шел мимо самих господ и подходил к концу. Завершился 24 июля 1873 г. договором выкупа. Крестьянам была предоставлена выкупная ссуда в размере $\frac{4}{5}$ от полной выкупной ссуды 11 100, что составляло 8880 рублей.

В ноябре 1874 г. состоялась выкупная сделка на оставшиеся 333 десятины земли. Земля была продана крестьянам по купчей за сумму долга 8880 рублей в рассрочку на 49 лет до 1923 г. с взносом крестьянами в казну ежегодно по 532 рубля 80 копеек.

Что получили господа Колокольцевы от этой сделки, история умалчивает.

Земли господ Колокольцевых в деревне Дежнёвой перешли в собственность ее жителей, крестьян, среди которых: Селиверст Никифоров, Федор Никифоров, Лукьян Ананьев, Роман Иванов, Егор Иванов, Никита Андреев, Сергей Фролов, Иван Фролов, Василий Кириллов, Николай Яковлев, Илья Яковлев, Андрей Михайлов, Егор Потапов, Александр Потапов, Михайла Степанов, Федот Спиридонов, Иван Сергеев, Парамон Сергеев, Архип Сергеев, Сергей Леонтьев, Дмитрий Панферов, Евлантий Иванов, Фиогент Иванов, Демид Николаев, Назар Семенов, Лукьян Сидоров, Никита Сидоров, Михайла Васильев.

633 десятины 2125 сажень бывшей земли господ Колокольцевых занимали практически большую территорию современной Черниковки. Они граничили с пустошью Черникова, санными покосами, принадлежавшими сельцу Михеева, Аничковых, до смежности луга Кишкинского, с санными покосами с левой стороны с. Торбеева (позже Глумилина), пустоши Непейцева, с землей Черникова до сельца Волкова и т. д. Земли господ Колокольцевых были и за рекой Белой.

В деревне образовалось Дежнёвское сельское общество во главе со старостой Егором Ивановым.

Согласно Поземельной книге и Инвентарно-окладной книге Уфимского уезда от 9 декабря 1874 г., из общего размера земли деревни Дежнёвой в 633 десятины 2125 сажень, принадлежавшей господам Колокольцевым, 17 десятин 2200 сажень приходилось на заповедный лес. В собственности дежневских крестьян от господ Колокольцевых было 625 десятин 1734 сажени земли.

По описанию деревни на 1898 г. в наделе встречаются несколько болот, озер и два пересыхающих ручья. Надел в одном участке. Селение в центре участка. Поля по равнине до полутора верст от селения. В полях три оврага. В селении имелись шесть веялок.

29 января 1896 г. совершена запись челябинским нотариусом Ковалевским от общества крестьян-собственников деревни об отводе 8 десятин 391 сажени под полотно железной дороги.

По словам Ивана Златоверховникова, в 1899 г. в деревне Дежнёвой была одна из школ грамоты прихода Казанско-Богородской церкви села Богородского. Эта школа функционировала долгое время. Даже в 1931 г. в школе обучались 96 детей при двух преподавателях. Но это был уже пункт ликвидации неграмотности.

На 1902 г. в деревне 44 двора. Деревня росла по мере ее заселения пришлыми крестьянами из других уездов. Место для жительства было очень заманчиво: рядом река с ее рыбными запасами, хлебородные поля, за рекой — заливные луга, где с ранней весны до сентября паслись многочисленные стада.

На 1905 г. — в деревне уже 47 дворов и 314 жителей. Имелся хлебозапасный магазин и бакалейная лавка.

В 1920 г. деревня Дежнёва имела 60 дворов и 344 жителя. К 1925 г. в деревне было 74 хозяйства, и она входила в Степановскую волость. В ноябре 1931 г. решением Президиума Всероссийского Центрального исполнительного комитета деревня Дежнёва с ее землями вошла в Черниковский поселковый совет, затем 5 декабря 1944 г. с образованием города Черниковска вошла в городскую черту.

Мне рассказал один старожил деревни, как его семья оказалась здесь. Место для жизни в этой деревне самое подходящее: были дрова, была вода, была рыба, даже белорыбца. Ранее с верховья реки Белой и даже в 1950-е гг. сплавляли лес. В основном лес шел скрепленный в плоты. Сплавкой леса занимались многие уфимские купцы, в том числе лесопромышленник Лаптев. Жителями Дежнёвки вылавливались одиночные бревна, высушивались и из них строились небольшие домишки. Это было самое удобное место для поселенцев, «золотуха».

Улица Комарова и Конституции застроены на землях Дежнёвки. На месте нынешнего парка Победы были крестьянские поля зерновых. Сам парк распланирован на посадках деревьев, которые начали засаживать в конце 1940-х гг. Жителям Черниковки места «посадок» навевали страх, особенно молодежи, поскольку все самые невероятные случаи с трагическим исходом происходили именно там.

Трудно сказать, когда появилась Дежнёвская переправа через реку Белую, но в начале 1950-х гг. она была очень востребована. Кроме больших лодок, вмещавших до 20 человек, ходил Дежнёвский паром, перевозивший отдыхающих в летнее время на левый берег реки и скот жителей Дежнёвки на летнее пастбище на заливных лугах за Белую и обратно, да и дежневские лодочники хорошо зарабатывали на перевозе. Излюбленные места отдыха черниковцев были на левом берегу реки Белой, в районе Дежнёвской переправы. В выходные и праздничные дни, особенно на Троицу, было такое впечатление, что все жители Черниковки выезжали за Белую на отдых. Особое очарование придавали курсирующие, особенно по вечерам, по Белой прогулочные пароходы, с палуб которых слышалась музыка Лидии Руслановой, фокстроты Оскара Строка, песни Клавдии Шульженко, частушки Мордасовой. Эта музыка и песни для горожан в летние, солнечные дни создавали особо праздничное настроение. А в теплые вечера легкий северо-западный ветерок доносил до Черниковки чарующий аромат цветущих лугов забелья. В районе Дежнёвской переправы была пристань крупных пассажирских речных судов, катеров, буксиров. Недалеко от переправы долгое время стоял небольшой военный сторожевой катерок «Бравый», окрашенный в серый цвет с несколькими красными звездочками на борту, о котором говорили, что он был участником военных сражений в Великую Отечественную войну. Но в нашу бытность «Бравый» стоял как музейный экспонат.

Сама по себе деревня Дежнёва, Дежнёвка, существует в усеченном виде, без хлебных полей, а только частные владения приусадебного характера, до сего времени. В начале 1960-х началось строительство Западной автодороги, ведущей на нефтеперерабатывающие заводы, которая частично прошла по южной части дежневских усадеб. К середине 1970-х гг. над Дежнёвкой, на горе, был выстроен Северный автовокзал. К Северному вокзалу ведет улица Кемеровская. Именно она в 1949 г. была первоначально названа Первомайской. Ее название связано с находящейся в Дежнёвке промартелью имени 1-го мая. В 1956 г. в Черниковке улицей Первомайской была названа центральная улица (бывший проспект Сталина). Есть еще улица Западная.

Сегодня отдельные частные дома в Дежнёвке сохранили свой патриархальный вид. Но в основном на их месте строятся добротные дома. Примечательно, что школа грамотности, открытая в Дежнёвке силами служителей Казанско-Богородской церкви сто лет назад, дала свои плоды. В 2010 г. в Дежнёвке зазвучала молитва в небольшом, вновь отстроенном храме во имя святого Илии Пророка.

ДЕРЕВНЯ ВОРОБЬЕВКА (БЕРЕЗОВКА)

В 1877 г. крестьяне Вятской губернии купили землю у землевладельца Березовского и основали починок Воробьевский. Свое название он получил от первопоселенцев — семьи Воробьевых. Позже деревня называлась Воробьевка (Березовка — на бывших землях помещика Березовского). Деревня близ реки Белой, в 13 верстах от Уфы, в 6 верстах от волостного центра села Богородского. В 1895 г. крестьяне починка заложили землю в Крестьянский банк и получили по 500 рублей на двор. Сельского общества не создали, жили зажиточно. На этот период в починке 9 домов и 62 жителя.

Деревня была расположена по скату горы на юг, при большом ключе, не пригодном для мельницы. Ключ впадал в реку Белую в районе Боньевского хутора. Были и небольшие роднички. Примечательно, что вся пахотная земля образовалась за счет выкорчевки леса. Угодья делились пропорционально сумме денег, внесенных при ее покупке каждым пайщиком. Поля по склонам на юг и запад перерезаны тремя оврагами, берега которых крутые, обнаженные, а потому размывались водой. Почва — чернозем и суглинок. В селении две веялки, лес на возвышенном месте в одном участке.

К 1902 г. в деревне насчитывалось 9 дворов крестьян-собственников, из которых 37 душ мужского пола приходились на 159 десятин приобретенной в собственность земли.

Население деревни несколько раз пополнялось переселенцами, и на 1905 г. в Воробьевке насчитывалось 10 дворов с числом жителей 63 человека. В деревне имелся хлебозапасный магазин. 0,06 десятины земли жителями деревни было отведено под воробьевскую школу. Была ли эта школа выстроена, установить не удалось. Возможно, она располагалась в обычном деревенском доме.

По подворной переписи 1914 г., в Воробьевке насчитывалось 13 домохозяев и 116 жителей. На 1920 г. деревня Воробьевка (Березовка) — русская, 14 дворов с населением 102 человека — входила в Степановскую волость и находилась в четырех верстах от волостного центра села Степановки.

В ноябре 1931 г. решением Президиума Всероссийского Центрального исполнительного комитета деревня Воробьевка вошла в Черниковский поселковый совет, затем с образованием города Черниковска 5 декабря 1944 г. вошла в границы города.

Особого роста населения в Воробьевке не наблюдалось даже в период новостроек в Черниковке. Несколько домов было выстроено на горе через овраг, где позже улица получила название Нагорной.

Раскулачивание не обошло и эту маленькую деревушку. Среди жителей деревни в 1931 г. были лишены права голоса, как эксплуататоры наемного труда, Воробьев Сергей Степанович 50 лет, Воробьев Федор Иванович 24 лет, Алексеев Осип Васильевич 34 лет, Решетников Владимир Иванович 27 лет, который скрывался от преследований.

В феврале 1937 г. на заседании Президиума и Пленума Сталинского райсовета было заслушано заявление Воробьева Сергея Степановича о возврате ему имущества, отобранного Степановским сельсоветом. Заслушивание было повторным, поскольку решение о правомерности изъятия имущества в августе 1936 г. и об отказе С.С. Воробьеву в иске вынес Черниковский поссовет. Естественно, в возврате С.С. Воробьеву имущества, отобранного в порядке его раскулачивания, было отказано и на этот раз. А в марте 1937 г. обсуждался запрос прокурора Башкирской АССР о законности изымания домов И.Е. Воробьева. Решение было таково: отобранные дома Степановским сельсоветом И.Е. Воробьеву не возвращать, поскольку они являлись кулацким хозяйством.

При разбивке улиц города Черниковска деревня Воробьевка получила название улицы Войкова. По Воробьевке дорога выходила на Соцгород, прямо к хлебному магазину и к бане, построенной к 1942 г. на углу нынешних улиц Горького и Ульяновых. Была еще улица Кислородная. Она же дала название трамвайной остановке — «Кислородная».

Даже в 1950-е гг. деревня представляла собой райский уголок на окраине Черниковска. По обе стороны улицы росли березы. По краям восточной части усадеб — лиственный лес. Там били родники, работали качели, и это было излюбленным местом гуляния молодежи, жителей местных барачников.

В продолжение деревни через небольшой овражек на бывших хлебных полях Воробьевки были самовольно, без всяких на то разрешений, уже в конце 1940-х—начале 1950-х гг. выстроены еще 9 домов, владельцы которых с большим трудом в 1960-х гг. узаконили свое место. В те времена самовольное заселение жилых домов и самовольная застройка были далеко не редким случаем. В июне 1949 г. дело об этих самовольных застройщиках передали в судебные органы. Но поскольку они благополучно дожили до конца 1990-х гг., судебные дела явно выиграли самовольные застройщики.

Среди этих небольших домишек был один пятистенник, как я понимаю, построенный гораздо раньше, чем остальные дома. Он стоял обособленно на пригорке, был украшен резными наличниками и имел вид постройки XIX века.

В начале 1950 гг. наша семья поселилась в одном из этих 9 домов. Дома стояли на высоком берегу крутого оврага. Вдоль улицы по самому краю росли в три обхвата липы и один вяз. Внизу оврага журчал довольно хороший родник — как раз тот ключ, что вытекал из леса, с самого начала Воробьевки, и впадал в реку Белую у Боньевского хутора. Как оказалось, он имел свое название — Чегровский (Чогровский). Кроме этого родника, в Воробьевке было множество маленьких родничков. Особенно заметны они теперь, когда Воробьевка превратилась в заросший пустырь, а роднички свободно пробиваются наружу даже там, где их никогда не было видно.

Мне хорошо запомнилось, как по нашей улице, затем через Воробьевку — с выходом на Соцгород, а там и на базар ходили женщины в расшитых юбках и фартуках, с коромыслами, на которых были ведёрные бидоны со свежим и кислым молоком, катыком, как теперь его называют. Они ходили из деревень при Сосновом озере через Дежнёвскую переправу в Соцгород продавать на базар. Дорога была не легкой, тем более с двумя ведрами на коромысле, и ходили они вплоть до конца 1950-х гг. То, что мы у них покупали, ни с чем не сравнимое лакомство. Это было заквашенное топленое молоко с коричневыми пенками.

Весной и в летнее время, проходя по Воробьевке, невольно многие останавливались, вслушиваясь в пение птиц. В самой деревне стояли добротные, по купеческому типу дома с резными наличниками, создающие праздничное настроение.

Воробьевка просуществовала до конца 1960-х гг. По северному ее краю прошла Западная дорога. Когда по ее границам развернулось производство химзавода, жителей Воробьевки расселили в новостройках Черниковки. Сегодня это заросший пустырь с несколькими полуразрушенными деревянными домами. Дорогу, по которой можно было выйти к Соцгороду, не опознать. Не осталось даже следов от бывшей богатой и красивой деревни Воробьевки.

ДЕРЕВНЯ СИПАЙЛОВО, СЕЛО ЗАГОРНОЕ (ПРИУТ)

Немного информации о роде Сипайловых. Известно, что 28 апреля 1674 г. «по государеву и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя России самодержца указу и по наказу боярина и воеводы князя Юрия

Ивановича Ромадановского... велено наделить мензелинских смоленских казаков вместо государева денежного и хлебного жалованья... пашенной землей, свертывая добрую землю с худыми по рознь и дикия поля...» Здесь же упоминается «Василий Лаврентьев сын Сипайло и Астафий Васильев сын Сипайло». По утверждению В.А. Новикова, от них произошли потомки, внесенные по личным заслугам в дворянскую родословную книгу губернии. Позже фамилия Сипайло претерпела некоторые изменения и стала звучать по русскому образцу — Сипайлов, Сипайловы и т. д.

Род Сипайловых принадлежал к смоленской шляхте — польскому мелкопоместному дворянству. После отвоения в 1654 г. царем Алексеем Михайловичем Смоленска у поляков, служилые люди из шляхты присягнули русскому царю. Далее часть служилых людей была направлена на Закамскую черту, в том числе под Мензелинск, для охраны границ русского государства от набегов остатков войск магометанских ханств. Часть из них из Мензелинска была направлена в Уфимский уезд для этих же целей. В дальнейшем некоторые служилые из мензелинской шляхты были утверждены во дворянстве, но по традиции продолжали именовать себя «смоленскими шляхтичами» разных уездов Уфимской и Самарской губерний. Дворяне рода Сипайловых жили в Бирском, Белебеевском, Уфимском, Мензелинском и других уездах.

Относительно основания деревни Сипайловой есть некоторое противоречие.

В «Материалах по истории Башкирии» сохранилась запись о том, что 13 декабря 1701 г. башкиры Уфимского уезда Нагайской дороги Арасламбек Аднагулов с товарищами продали «Василью Максиму Гладышеву озеро Ашкадар, которое под поместью ево, Васильевую, деревню, что владел прежде сего грамоте великого государя отец его, Максим Дмитриев сын Гладышев, о котором озере у них с ним был спор».

По мнению краеведа З.И. Гудковой, речь идет о землях, якобы принадлежавших Максиму Дмитриевичу Гладышеву, на которых впоследствии заселялась деревня Сипайлова, и о сипайловском озере Кашкадане. Лично я не придерживаюсь этого мнения.

Во-первых, потому, что речь идет об озере и о землях на Нагайской дороге, а к ней, как нам известно, относились территории, расположенные в южном направлении от Уфы. В данном случае эти земли ныне ближе к нынешнему Стерлитамаку, где и находится озеро Ашкадар.

Во-вторых, такое название озера в Сипайлове, как Ашкадар, в справочниках Богородской волости не встречается.

Первоначально эти земли в 1612–1613 гг. были даны «в оклад сыну боярскому Гавриле Ортемьеву (Артемьеву)... по 40 чети... на великом поле... по большой дороге под усад Ивана Васильичина да по Иванову между Каловского и поворотить к Кошкадаму озеру, и промеж Гавриилом и Иваном на Кошкадаме озере на берегу на вязу грань натесана...».

Название озера дошло до нашего времени как Кашкадан и имеет несколько версий происхождения — от птичьего озера до изогнутой брови и звезды на лбу родившегося теленка.

В справочниках же Уфимской губернии в основном это безымянное озеро, а в Полном списке населенных мест Уфимской губернии за 1896 г. есть данные о деревне Сипайлове при Поганом озере. Старожилы Сипайлова озера называли и называют Сипайловским.

Несколько слов о старейшем уфимском роде Артемьевых. «Гаврило Захарьин сын Ортемьев» (Артемьев), казанец, стрелецкий сотник, был первым дворянином, поверстанным по Уфимскому дворянскому списку самим Михаилом Нагим, поскольку был его помощником, и племянником думного дворянина, новгород-

ца, Ивана Васильевича Артемьева, побывавшего в нашем крае в 1560 и 1571 гг. с целью выбора места для строительства города Уфы. Историк Б.А. Азнабаев поясняет: потому казанец, что участвовал во взятии Казани в 1552 г.

Гаврило Захарьин сын Ортемьев (так звучала эта фамилия по отводным записям), стрелецкий сотник, был ответственным за отдел земель «по указу царя всеа Руси Василья Ивановича» и воеводы Никиты Васильевича Годунова. Как ответственному за отдел земель служилым людям, ему одному из первых был отдел земли сразу же за городом в 1591–1592 гг. за его работу в качестве «государева жалованья на Турове поляни...».

Г.З. Артемьев с 1604 по 1616 гг. был уфимским воеводой и в 1613 г. «при царе и великом князе всеа Руси» Михаиле Федоровиче и воеводе князе Борисе Андреевиче Хилкове он совместно с Гордеем Гладышевым отводил земли Аничковым, Волковым, Черниковым-Анучиным, Ивану Каловскому и др.

В 1618–1619 гг. в отделе земель при воеводе князе Борисе Андреевиче Хилкове впервые принимает участие Михаил Ортемьев, сын Гаврилы Ортемьева.

Земли Михаила Артемьева были «за Уфой рекой... на другой стороне Шешмы речки... в его поместный оклад... повыше Константина Голубцова...»

Земли Артемьевых вышли далеко за пределы Богородской волости. Так, 11 мая 1744 г. жена секунд-майора Уфимского гарнизона Татьяна Тимофеевна (дочь Артемьева) Пекарская передает своему зятю, бирскому воеводе Никону Филиппову, и дочери Дарье Николаевне, «детям их и по них наследникам вечно впрок и бесповоротно» старинную землю со всякими угодьями, санными покосами и с лесом отца своего, Тимофея Осиповича Артемьева, которая досталась ей по наследству «за Белою рекою за Вавиловым перевозом в деревне Понкиной...». Деревня Понкина была при озере Понкином. Где была эта деревня — предмет дополнительного исследования.

В феврале 1767 г. в Уфе производились выборы дворянского предводителя. Первым предводителем дворянства был избран коллежский ассессор Селиверст Артемьев, принадлежавший к одному из старейших уфимских родов.

На 1883 г. две усадьбы на углу Малой Ильинской и Большой Успенской принадлежали Екатерине Артемьевой, а угловая усадьба по Посадской принадлежала Антону Артемьеву.

Вернемся к деревне Сипайловой. Деревня не сразу получила это название. По Межевой книге от 2 августа 1799 по 30 ноября 1811 г. на этих землях была небольшая деревня Дурова, единого владельца которой не было. Земля состояла в общем владении секунд-майора Николая и подпоручика Дмитрия Степановичей Аничковых, майорши Аграфены Васильевны, жены адъютанта Афанасия Даниловича Дурова. Земли деревни Дуровой граничили с Матвеевской и Ильинской пустошью, далее с землями сельца Михеева, общего владения секунд-майора Николая Степановича Аничкова, сына подпоручика Ивана, прапорщика Александра, унтер-офицера Никифора, дворянина Григория, прапорщика Андрея Андреевичей Аничковых, секунд-майорши Аграфены Васильевны Суворовой, помещицы Анны Степановой, по мужу Щеголевой, Александры Васильевны Грабовской, дочери Василия Филипповича Глумилина. Далее была Лихачевская пустошь общего владения помещицы Татьяны Васильевны Дориной (Дериной) и подпоручика, унтер-офицера Егора Прокофьевича Дорина (Дерина) до дачи полсельца Борисова (Кособрюхова тож)¹. Направо был дровяной лес деревни Дуровой общего владения секунд-майора Николая и подпоручика Дмитрия Степановичей Аничковых, а «налево — дровяной лес пустоши Лихачевской, общего владения помещицы Елены Васильевны и детей унтер-офицера Егора Прокофьевича Дориных (Дериных)». Я намеренно подробно останавливаюсь на описании данной местности, поскольку не всегда эта земля была безымянной. Понимаю, что утомительно чи-

¹ Земли деревни Непейцевой.

тать перечисление фамилий древних уфимских родов, но они были — и тем украшали уфимские земли.

По землям деревни Дуровой проходила большая дорога из Уфы в Челябину. Ближе к селу Богородскому, Кадомцеву тож, находились сенные покосы деревни Дуровой общего владения секунд-майора Николая, подпоручика Дмитрия Степановичей Аничковых, майорши Аграфены Васильевны Суворовой, адъютанта Афанасия Даниловича Дурова. Далее границы деревни простирались до земель хутора Федорьковского, владения титулярного советника Василия Филипповича Глумилина и по речке Уфе. Естественный вопрос: почему на землях, в основном господ Аничковых, была деревня Дурова. Впервые в «Материалах истории Башкортостана» упоминается имя Даниила Яковлевича Дурова, писаря, канцеляриста, в 1751 г. при оформлении купчих заводчикам Назе-Петровского завода П.И. Осокину и В.М. Мосолову с родственниками. В 1773 г. он уже коллежский регистратор, оформлявший припуск чувашей на башкирские вотчинные земли Кубовской волости Яхьи Кадыргулова. По моему глубокому убеждению, Данила Яковлевич Дуров был родственником Аничковых, возможно, по его жене. Так появилась деревня Дурова, совладельцем которой на описываемый период был адъютант Афанасий Данилович Дуров, сын Данилы Яковлевича.

Здесь же значилась Артемьевская пустошь, находившаяся во владении дочери титулярного советника Василия Филипповича Глумилина, Елизаветы Васильевны Грабовской, и коллежского секретаря Михаила Михайловича Глумилина. Деревня же Дурова к 1840-м годам уже не упоминается. Появилось село Загорное, Приют тож. Можно предположить, что село, поменяв своего владельца, стало носить новое название, вполне объяснимое: село находилось под горой от Уфы.

В 1843 г. заседатель Уфимского земского суда титулярный советник, впоследствии коллежский асессор, Михаил Дмитриевич Сипайлов по «духовному завещанию» от жены Настасьи Трифоновны Сипайловой получил в сельце Загорное (Приют) Уфимского уезда дворовых крестьян:

- Кузьму Яковлевича Суркова 51 года, с семьей, всего 5 мужчин и 5 женщин;
- Николая Васильевича Черняева 45 лет, с семьей, всего 4 мужчины и 5 женщин;
- Игнатия Васильева 45 лет, жену и дочь;
- Семена Семеновича Шаркова 47 лет, с семьей: 2 мужчины и 3 женщины;
- Ивана Петровича Комарова 56 лет, с семьей: 2 мужчины и 2 женщины;
- Емельяна Суркова (отпущен на волю в 1842 г.) с семьей: 2 мужчины и 4 женщины;
- Дмитрия Васильева 33 лет, с семьей: 1 мужчина и 3 женщины;
- Леонтия Федотова 40 лет, с семьей: 1 мужчина и 3 женщины;
- Дмитрия Кирилова (умер в 1838 г.), его брата Порфирия (отдан в рекруты в 1837 г.), его сына 13 лет;
- незаконнорожденного Павла, по отцу Николаева, 20 лет, его мать — девку Анну Аверьяновну 42 лет;
- незаконнорожденную девку Матрену Михайловну 33 лет.

У Михаила Дмитриевича и его жены Настасьи Трифоновны было две дочери. Одна из них — коллежская секретарша Александра Михайловна, в замужестве Калугина, в сельце Загорном (Приют) владела 3 крестьянскими дворами (20 душ) и 2 дворовыми семействами (6 душ).

Вторая дочь — коллежская секретарша Настасья Михайловна, в замужестве Ваткеева, имела там же 3 крестьянских двора (Л.К. Сурков, Н.В. Черняев и С.С. Шарков). Все крестьяне дочерям достались по раздельному акту от 1 августа 1855 г.

С 1844 г. в сельце Загорное (Приют) появляется еще одна владелица, Татьяна Павловна Сипайлова. В 1847 г. она титулярная советница, в 1850 — коллежская асессорша. По ревизской сказке 1850 г., в сельце ей принадлежало 9 дворовых

Таблица 2

СОСТАВ СЕЛЬЦА ЗАГОРНОГО (ПРИЮТА) ПОМЕЩИЦЫ ТАТЬЯНЫ ПАВЛОВНЫ СИПАЙЛОВОЙ
(по данным ревизской сказки от 17 октября 1850 г.)

Мужское население	Год приобретения, имя бывшего владельца	Женское население
ДВОРОВЫЕ ЛЮДИ		
Дементий Дмитриев 46 лет	1844 г., коллежский ассессор Александр Михайлович Языков	
Константин Иванов, сыновья: Федор 18 лет, Гаврило 13 лет, Иван 4 лет	1845 г., надворная советница Юлия Меснер	мать — вдова Авдотья Васильевна 60 лет, жена Катерина Евдокимовна 45 лет, дочери: Александра 9 лет, Федосья 6 лет
Яков Тимофей (умер в 1838 г.), сын Кузьма 43 лет, внук Василий 15 лет	1845 г., коллежский ассессор М.Д. Сипайлов	жена Кузьмы — Зиновья 39 лет
Иван Иванов — 44 лет, сыновья: Варфоломей 10 лет, Борис 7 лет	1845 г., коллежский ассессор М.Д. Сипайлов	вторая жена — Анисья Игнатьевна 34 лет, дочь Ольга от первой жены 14 лет
Парамон Николаев, сын Василий 14 лет	1845 г., коллежский ассессор М.Д. Сипайлов	жена Надежда Алексеевна 38 лет, дочь Анна 7 лет
Павел Андреев 26 лет	1845 г., коллежский ассессор М.Д. Сипайлов	мать — вдова Прасковья Даниловна (умерла в 1840 г.), жена Лукерья Варфоломеевна 25 лет, племянница Устинья 7 лет
Петр Яковлев 33 лет, сын Степан 13 лет	1845 г., коллежский ассессор М.Д. Сипайлов	жена Пелагея Карповна 29 лет, дочь Прасковья 7 лет
Рафаиль Семенов, брат 24 лет (умер)	1847 г., коллежский ассессор Василий Никифорович Марков	мать Матрена 45 лет, теща Федосья Ивановна 45 лет, жена Агафья 25 лет, сестра Домна 22 лет
Степан Петров, сын Андрей, новорожденный	1847 г., штабс-капитанша Анна Чичагина	жена Орина 25 лет
КРЕСТЬЯНЕ		
Дмитрий Иванов 46 лет, сын Дмитрий 14 лет	1845 г., коллежский ассессор М.Д. Сипайлов	жена Матрена Васильевна 36 лет
Семен Леонтьев 46 лет, сыновья: Дмитрий 24 лет, Андрей 15 лет	1845 г., коллежский ассессор М.Д. Сипайлов	жена Авдотья Андреева 46 лет, жена Дмитрия — Марфа Михайловна 21 года
Илья Нестеров 46 лет, братья: Силантий 45 лет, Яков (умер в 1845 г.), Ефим 22 лет, сын Емельян 20 лет	Князь Петр Никитович Чичагов	вторая жена Настасья Михайловна 24 лет, жена Силантия — Акинья Алексеева 39 лет

семей (39 душ) и 3 крестьянских двора (15 душ) (подробнее см. в табл. 2). Все они были куплены Татьяной Павловной Сипайловой в 1844–1847 гг. у различных помещиков, в том числе и у Михаила Дмитриевича. По мнению З.И. и Г.Ф. Гудковых, Татьяна Павловна была второй женой Михаила Дмитриевича. От этого брака у них были дети: Павел Михайлович и Анна Михайловна, в замужестве Комарова, вначале коллежская ассессорша, позднее — титулярная советница.

Село делилось на две части. По Межевой книге 2-й части села Загорного, Приюта тож, Уфимского уезда, «сочиненной» 9 октября 1854 г. поручиком Межевого

корпуса Лебедевым, землевладения Татьяны Павловны с левой стороны граничили с землями коллежской регистраторши Александры Михайловны Курковской и Артемьевской пустошью до середины озера Кашкадана, далее до хутора Федоровского титулярного советника Василия Филипповича Глумилина и за рекой Уфой. По всей окружной меже землевладения Татьяны Павловны Сипайловой составляли 179 десятин 167 сажень. В этой части сельца стоял один господский дом, при нем, по 9-й ревизии, состояло дворовых людей 17 мужского и 20 душ женского пола. Всего крестьянских дворов шесть, в них проживали 15 душ мужского и 20 душ женского пола.

Трудно сказать, сколько на самом деле всего человек проживало в сельце Загорном (Приюте).

Сельцо имело также название Загорный приют. Скорее всего, это более правильное название сельца.

В списке помещичьих имений Оренбургской губернии с обозначением количества крестьян и десятин в каждом за 1853 г. упоминается село Загорное на 760 десятин земли и 55 ревизских душ.

По Межевой книге, «сочиненной» 11 октября 1854 г. поручиком Лебедевым, 1-я часть сельца Загорного в 360 десятин 334 сажени удобной и неудобной земли находилась во владении губернской секретарши Варвары Ивановны Брудинской. Ее земли простирались от левой стороны Лихачевской пустоши до сельца Михеева, далее касались пустоши Матвеевской и Львовской и граничили с землями полсельца Борисова-Кособрюхово владельца прапорщика Семена Тимофеевича Непейцова. Земли В.И. Брудинской простирались до села Богородского, граничили с землями (сенными покосами) пустоши Пекарской, выходили за реку Уфу и доходили до границ сельца Анненского владения титулярного советника В.Ф. Глумилина. На ее землях было два озера — Волосатое и Черное. Трудно сказать, сохранились ли они и под каким названием. Но скорее всего, не сохранились, поскольку в 1930-е гг. здесь началась стройка промышленных предприятий. На землях жены губернского секретаря Варвары Ивановны Брудинской поселений не было. Земля была «в пусте».

В 1858 г. село Загорное уже называлось деревней Сипайловой при безымянном озере. Земли были в собственности наследников заседателя Уфимского земского суда, впоследствии коллежского асессора Михайлы Дмитриевича Сипайлова.

Михаил Дмитриевич Сипайлов умер примерно в 1852 г., Татьяна Павловна Сипайлова умерла примерно в 1858 г. Как я уже говорила, у нее остались малолетние дети Анна и Павел. В ее собственности было 8 душ мужского и 8 душ женского пола дворовых, а также 6 душ мужского и 15 душ женского пола крестьян.

На период отмены крепостного права и наделения крестьян земельным наделом по Положению от 19 февраля 1861 г. 360 десятин 1341 сажень земли были в собственности наследников помещицы, коллежской асессорши Татьяны Павловны Сипайловой. По смерти Татьяны Павловны опекушкой ее земель и малолетних детей была ее сестра, надворная советница Мария Павловна Катанская. Поскольку Мария Павловна жила в Мензелинском уезде, она написала доверенное письмо титулярному советнику Алексею Ивановичу Тетеревникову с просьбой подготовить документы и подписать Уставную грамоту на наделение крестьян земельным наделом. У помещицы Татьяны Павловны в сельце Загорном, по 10-й народной переписи населения, было 18 дворовых и 14 крестьян мужского пола, подлежащих наделению землей. Уставная грамота была благополучно подписана и утверждена. Крестьянам были даны наделы по 4 десятины 1200 сажень. Ежегодная плата крестьян за душевой надел составляла 9 рублей. Всего — 144 рубля в год в два срока: 15 апреля и 15 октября.

¹ Глумилиной.

Из числа крестьян помещицы Т.П. Сипайловой, подписавших Уставную грамоту, были: Силантий и Ефим Нестеровы, Емельян Ильин, Дмитрий Сесенов, Иван Иванов, Михаил Яков(лев), Дмитрий и Иван Радионовы, а вместо них, неграмотных, «по личной прозьбе руку приложил деревни Кулумилиной¹ крестьянин Андрей Максимов». Уставную грамоту утвердил волостной старшина Сергиевского волостного управления Иван Смирнов.

Согласно Уставной грамоте сельца Загорного (Приюта) на январь 1863 г., всей земли у помещицы Александры Михайловны Калугиной, одной из дочерей Михаила Дмитриевича Сипайлова по первому браку, в двух дачах — Дуровской и Артемьевской — 195 десятин 199,5 сажени с десятью душами крестьян и тремя дворовыми. Встал вопрос наделения крестьян землями по закону от 19 февраля 1861 г. Уставная грамота на наделение крестьян землями была благополучно подписана обеими сторонами.

За предоставленную в пользование землю крестьяне должны были выплачивать оброк с каждого душевого надела по 9 рублей в год, а всего 108 рублей в год. Рыбные ловли в озерах остались во владении помещицы, и за истребление рыбы предполагалась ответственность по закону. Правда, помещица предоставляла крестьянам право выкупа усадебной земли.

На 1870 г. в деревне насчитывалось 11 дворов и 77 жителей. В это время среди владельцев земель деревни Сипайловой были уже взрослыми дети Татьяны Павловны — подпоручик Павел Михайлович Сипайлов и титулярная советница Анна Михайловна, по мужу Комарова.

Я долго не могла понять, почему жена Михаила Дмитриевича Сипайлова, Татьяна Павловна, поначалу выкупала у своего мужа крепостных людей по купчей крепости, пока не познакомилась с архивными документами «О лишении прав дворянства помещика Бирского уезда титулярного советника Павла Матвеевича Сипайлова». Материалы охватывают временные рамки с 22 июня 1837 г. по 25 июня 1851 г. — в общей сложности 14 лет.

Началось с того, что в 1827 г. у Павла Матвеевича умирает жена, в девичестве Брудинская. С ним остаются их малолетние дети. Его крепостное владение было невелико: дворовых душ 6 человек мужского и 7 женского пола, доставшихся ему частью по наследству, частью покупные. Встал вопрос оформления наследства. Однако началось самое непредвиденное. При оформлении необходимых документов выяснилось, что он лишен дворянского звания, а поэтому не имеет права иметь своего владения и крепостных крестьян.

Немало удивленный, Павел Матвеевич, уставший «обивать пороги местной власти», пишет государю императору Николаю Павловичу прошение. В нем говорится о том, что его дворянство отсчитывает время с грамоты 1654 г. о дворянстве его предков, которые происходили из польской шляхты. Когда перешли на службу к государю Алексею Михайловичу, их перевели на Закамскую черту пригорода Мензелинска Оренбургской губернии с дачей в потомственное владение земли, с подтверждением шляхетства повторно его императорским величеством Иоанном и Петром Алексеевичами, а также «и с грамотой в 1683 г.». С этого времени его род имел дворянские привилегии. «В сем достоинстве признаны Оренбургским Дворянским Депутатским Собранием при общем рассматривании дворянских прав согласно Грамоты 1785 года апреля 21».

Но в 1837 г. «Правительствующий сенат общего собрания первых трех Департаментов при пересмотре всех документов не признал их за неопровергаемые доказательства из дворянства». В связи с лишением дворянского звания Павел Матвеевич Сипайлов утратил право иметь крепостное владение, дворовые души, и указом от 21 мая 1836 г. его имение и дворовые должны быть отобраны в казну и не могут быть переданы по наследству его детям. Имение его должно было

перейти в дворянскую опеку. Кроме того, по постановлению Оренбургской палаты гражданского суда, над детьми назначили опекуна, прапорщика Осипа Ивановича Лукина, которому было предписано подыскать покупателей на имение.

Но Павел Матвеевич не торопился исполнить данное решение. В апреле 1840 г. из Правительствующего сената в Оренбургское губернское правление направлено постановление «О слушании дела титулярного советника Павла Сипайлова по неутверждению его рода в дворянстве с людьми во владении у него и детей» со следующим приказанием: «...за неутверждением рода Сипайлова во дворянстве продать в 3-годовалый срок его имение Мензелинской Дворянской Опеке... людей от него и детей отобрать, отдать под управление сторонних опекунов, а дворовых людей обложить оброком...».

Однако учитывая, что Сипайлов получил имение по наследству и он мог не предполагать, уверенный в своем дворянском звании, какие могут быть осложнения «за неутверждением дворянского звания», Сенат обязал Сипайлова продать имение и людей в трехлетний срок.

В таком положении оказался не один Павел Матвеевич Сипайлов. Вдруг не признаны Оренбургским дворянским депутатским собранием в дворянском достоинстве из мензелинской шляхты были и уфимские дворяне Максим Уржумцев, Иван Погорский, титулярная советница Сафонова, губернская секретарша Уржумцева, Брудинские, купчиха Афима Попова, в девичестве Уржумцева.

Циркуляры о розыске имений выходцев из польской шляхты были разосланы по всей Оренбургской губернии. В Оренбургскую палату гражданского суда приходили сообщения о положении дел. Так, дворянский заседатель Лаптев рапортовал, что в Бугульминском уезде в деревне Кузьминой канцеляристу Степану Дмитриевичу Сипайлову принадлежали крепостные: 1 человек мужского и 2 женского пола. Дочерям титулярного советника Егора Ивановича Сипайлова Елизавете и Варваре принадлежали 17 душ в деревне Гуляевой. Все они продали своих крестьян по постановлению Оренбургской палаты гражданского суда. В рапорте Белебеевского городничего сообщалось, что никто из рода Сипайловых в Белебее не проживал.

По городу Бирску, по месту рассмотрения дела П.М. Сипайлова опале подверглись выходцы из мензелинской шляхты, неутвержденные в дворянстве: титулярная советница Тихановская, коллежская секретарша Уржумцева, губернский секретарь Демьян Брудинский, священническая жена попадья Константинова, губернский секретарь Алексей Брудинский, губернский секретарь Яков Сипайлов, губернский секретарь Петр Тетеревников, коллежский секретарь Евграф Тетеревников, коллежский регистратор Евлампий Тетеревников, коллежский регистратор Петр Моисеенков, коллежская регистраторша Авдотья Пилецкая.

Стало быть, именно по этой причине Михаил Дмитриевич Сипайлов продал своей жене Татьяне Павловне своих дворовых людей.

Деревня Сипайлова была расположена в равнине реки Уфы в 12 верстах от города Уфы. Место для проживания самое удобное: сплавная река, рыба, лес. Была мельница. Надел в одном участке. Поля по равнине возле селения. Почва плодородная, чернозем. В полях три оврага. Кроме реки Уфы, рыба водилась и в озере, причем самая разнообразная. Мне рассказывал старожил Сипайлова, который живет в доме, конечно, уже перестроенном, на усадьбе его прадеда, принадлежавшей ему уже свыше ста шестидесяти лет назад. По рассказам его деда, деревня Сипайлова была очень богатой. Жители содержали большое поголовье скота, сеяли хлеб, выращивали овощи. Часть этого богатства благополучно продавалась в городе Уфе. Особое внимание уделялось содержанию в надлежащем виде озера. Помещик Сипайлов просил жителей, чтоб озеро не загрязняли, чтоб ухаживали за его берегами. Поэтому рыбы в нем было много и разной. В деревне долгое время была небольшая часовенка.

Там, где выстроен новый жилой район на песчаной насыпи, был лес и ближе к Уфимке — заливные луга, где пасся скот. Красота деревни Сипайловой была неописуемая. По весне Уфимка настолько разливалась, что, бывало, от Нахаловки до Сипайловой плавали на лодках.

В «Памятной книжке Уфимской губернии» за 1889 г. упоминается один представитель рода Сипайловых — Виктор Яковлевич, коллежский ассессор, старший помощник кассира отделения Государственного банка. В Уфе по улице Большой Успенской была усадьба под номером 30, записанная на имя Елизаветы Сипайловой, рядом с Успенской церковью. А усадьба Николая Ваткеева, возможно наследника от второй дочери Михаила Дмитриевича Сипайлова, Анастасии Михайловны, находилась в Уфе в первой части 50-го квартала под номером 8, на углу Средней Успенской улицы.

По данным на 1905 г., число жителей деревни Сипайловой увеличилось за счет новых поселенцев и в 24 дворах проживали 156 душ. Судить о том, сколько было владельцев сипайловской земли, можно по «Инвентарно-окладной книге Уфимской уездной земской управы с указанием владельцев Богородской волости». К 1912 г. в деревне было создано Загорновское сельское общество крестьян, получивших от дворянки Сипайловой 48,8 десятины наделной земли, от дворянки Калугиной — 56,34 десятины наделной земли. Были крестьяне-собственники, которые в свое время приобрели в собственность от дворян Сипайловой и Комаровой 87,76 десятины земли. Крестьяне Федор Константинович Мельников с прочими организовал сельское общество на 116,09 десятины земли от А. Ваткеева. Здесь же от дворянки Анны Комаровой, дочери Татьяны Павловны и Михаила Дмитриевича Сипайловых, по купчей 25 десятин земли приобрел Александр Корнилович Гневышев. 12 десятин от Алексея Гневышева приобрели в собственность крестьяне Мальцевы: Иосиф Панфилович и Анна Леонтьевна. 9 десятин земли приобрел в собственность от Анны Мальцевой крестьянин деревни Дубовки Платон Александрович Куропаткин.

В 1917 г. крестьянин Вятской губернии Илья Дмитриевич Кошкин имел в собственности в Сипайлове от Безсчетного около 80 десятин земли.

К 1920 г. деревня Сипайлова (Загорный приют) была достаточно большой. В ней было 33 двора и 235 жителей, к 1925 г. в деревне насчитывалось уже 40 дворов. Она являлась центром Сипайловского сельсовета и относилась к Степановской волости. С начала 1930-х гг. на ее землях началась великая стройка промышленных предприятий будущего города Черниковска. Началось с того, что в ноябре 1931 г. решением Президиума Всероссийского Центрального исполнительного комитета был ликвидирован Сипайловский сельсовет и деревня Сипайлова вошла в Черниковский поселковый совет.

На этом небольшом как бы перешейке между реками Уфой и Белой в Черниковке на нынешних улицах Новожёнова, Огарёва, Нахальном перекрестке до сего времени сосредоточено множество промышленных предприятий. Застройка промышленными предприятиями района деревни Сипайловой началась одновременно с новостройками села Богородского.

С 1 ноября 1949 г. уже поселок Сипайлово был разбит на улицы: Шаумяна, переименованная в 1956 г. в улицу Курганскую, начинается от железной дороги возле спичечной фабрики и доходит до берега Сипайловского озера; улица им. Осипенко, переименованная в улицу Станиславского; М. Гафури, переименованная в улицу Кисловодскую, Ватутина; Аксакова, переименованная в улицу имени генерала Панфилова. Все переименования улиц связаны с объединением городов Черниковска и Уфы.

В середине 1970-х гг. уфимскими властями было принято решение об экспериментальном крупнопанельном строительстве жилья на затопляемой в полово-

дье низине деревни Сипайловой. В 1978 г. здесь был организован намыв гравийно-песчаной смеси земснарядами и началась застройка жилого массива из 10 микрорайонов с населением до 150 тысяч человек. С 1983 г. началось заселение микрорайона Сипайлова.

Мало кто знает, кроме живущих на горе по улицам Южная, Нагорная, Гайдара и далее к автотрассе, что их земли под усадьбы были отданы в середине 1950-х гг. Лично для меня это было большой неожиданностью, хотя жители этих домов называют себя до сего времени сипайловскими жителями, не глумилинскими, и прекрасно знают, где была деревня Глумилина и речка Сутолока. В это трудно поверить, но они называют граничащий с их поселением лес Кошкиным, по фамилии некогда его владельца, крестьянина Вятской губернии Ильи Дмитриевича Кошкина, который в 1917 г. выкупил около 80 десятин сипайловской земли.

ДЕРЕВНЯ НЕПЕЙЦЕВА

Из всех деревень Богородской волости в небольшом по земельным площадям сельце, позже — деревне Непейцевой, было самое большое число собственников. Деревня была в 10 верстах от уездного города Уфы, при ключе.

Свое название от фамилии собственников земли Непейцевых деревня получила только к 1870 г. До этого деревня носила названия Борисова, Кособрюхова тож, Борисоаничкова, Аничкова (Кособрюхово), хотя Непейцевы частью земель владели несколько ранее. Особого населения на этой территории тоже не было. Были лишь земли, принадлежавшие известным землевладельцам. В основном земля была в «пусте».

Что касается названия деревни Борисово, Борисоаничкова, то, скорее всего, это были земли уфимских дворян Аничковых, которые упоминаются в 1681 г. по именному списку поверстанных поместным по 700 четей и 14 «рублев денег с города», в том числе «Володимер Борисов сын Аничков и Борис Михеев сын Аничков». Известно также, что земли деревни Непейцевой граничили с Михеевой деревней Аничковых.

Единогo хозяина сельца не было. По Межевой книге за 1799 г., полсельца Борисова, Кособрюхова тож, состояло в общем владении прапорщика Семена Тимофеевича Непейцова (Непейцева) с братьями: сержанта Петра, неслужащих дворян Осипа и Ерофея Тимофеевичей Непейцевых, а также прапорщика Федора Андреевича Лопатина, отставного прапорщика Андрея, подпоручика Ивана, унтер-офицера Никифора Андреевичей, прапорщика Якова, «недоросля» Григория Михайловичей, секунд-майора Николая Степановича Аничковых, помещицы Анны Степановой, по мужу Щеголевой. Всего в окружной меже полсельца — 288 десятин 1646 саженьей. Господский двор, по 5-й народной переписи населения (1794–1808 гг.), состоял за дворянином Осипом Тимофеевичем Непейцевым. Крестьянских дворов нет, но была веялка и дворовые люди. По меже земли граничили с землями хутора Федоровского владения провинциального секретаря, позже титулярного советника, Василия Филипповича Глумилина.

Кто были Непейцевы? В списке «служилых людей 1681 г.», составленном при окольничем и воеводе Петре Дмитриевиче Скуратове, в числе «боярских детей» и уфимских дворян, «поверстанных поместным и денежными окладами», а также и в списке 1697 г., написанном при «стольнике» Молоствове, бывшем воеводой в Уфе, упоминаются новые, не вошедшие в предыдущие, старейшие члены Уфимских дворянских фамилий, получившие поместного. Из них 480 четей и денег 26 рублей за военные заслуги получил Василий Васильевич Непейцин. К сожалению, границы земель не указаны.

Кто из Непейциных родоначальник земель деревни Непейцевой, пока установить не удалось. Деревня в своем названии претерпевала изменения вместе с фамилией дворян: Непейцовы, Непейцевы, Непейцины, соответственно и деревня называлась Непейцево, Непейцина, позже Непейцева.

По «Межевой книге Непейцевой пустоши», сочиненной 11 июня 1838 г. землемером Александром Судоплатовым, 174 десятины 1104 сажени «по полюбовному разделу» принадлежали подполковнице Елизавете Егоровне Тимашевой. Земля была «в пусте», селений не было, поэтому и называлась Непейцевой пустошью. С левой стороны земля была смежна с рекой Белой и селцом Дежнёвым, владениями капитанши Авдотьи Яковлевны Колокольцовой, землями П.И. Курочкина и сельца дворян Лопатиных, Евдокимовской пустошью Михаила Степановича Шестакова и корнетши Татьяны Андреевны Сокуровой, межами сельца Черникова-Анучина, пустошью Бреховой владения вахмистрши Натальи Николаевны Черниковой-Анучиной.

До 1853 г. деревни Непейцевой в списке помещичьих имений Оренбургской губернии с обозначением количества крестьян и десятин нет. Есть деревня Борисовка (Кособрюхова тож) титулярного советника Василия Алексеевича Березовского, в которой проживали 4 ревизских души на 29 десятинах земли, и сельцо Аничково, Кособрюхово тож, где 4 ревизских души на 20 десятинах земли были в собственности титулярной советницы Елизаветы Сокуровой. Но были еще земли, принадлежавшие статской советнице Базилевой, заметьте, при сельце Подгорном Борисово, 4-го стана, в 85 десятинах и 8 ревизских душ. Стало быть, часть деревни Непейцевой в 1853 г. носила название Подгорного Борисово при роднике, позже названная хутором Базилевым.

По восточным землям деревня Непейцева граничила с землями Михея Аничкова. У Непейцевых были еще земли, о которых говорят сохранившиеся купчие. По купчей записи от 3 июля 1732 г., сын уфимских дворян Михаил Алексеевич Непейцын продал писарю Ивану Ивановичу Моисееву «поместную» землю своей бабки и прабабки, которая находилась по речке Шугуровке подле земли Ивана и Петра Семеновичей Ураковых и Дерюшкиных в сторону дворцовых крестьян с. Богородского.

В 1846 г. среди гражданских чиновников Оренбургской Казенной палаты упоминается Петр Непейцев, титулярный советник, произведен в коллежские регистраторы 31 декабря 1830 г. Он же исполнял должность помощника Уфимского винного пристава с жалованием в 141 рубль 45 копеек.

В мае 1860 г. 12 дня челябинским уездным землемером Артемьевым произведено еще одно межевание 2-й части полсельца Борисова, Кособрюхово тож, владения Александра Васильевича Непейцева, вызванное смертью штабс-капитана Николая Семеновича Непейцева, которому принадлежала 1-я часть полсельца. По этому межеванию земли к реке Белой отошли во владение титулярного советника капитана Осипа Непейцева. 3-я часть земель отошла в общее владение вдовы дворянки Настасьи Егоровны с сыновьями, неслужащими дворянами Никифором и Демьяном, а также прапорщику Василию Ерофеевичу Непейцеву. Небольшая часть земли была во владении удельной крестьянки Авдотьи Константиновны Ерыкалиной. А всего описываемая земля полсельца Борисова, Кособрюхова тож, состояла из 50 десятинах 1081 сажени.

При межевании присутствовали владельцы земель, граничащих с землями деревни Непейцевой:

- статский советник Иван Васильевич Базилев;
- статская советница Дарья Константиновна Базилева;
- титулярный советник Константин Осипович Непейцев;
- коллежский регистратор Александр Васильевич Непейцев;

- вдова дворянка Настасья Егоровна и ее сыновья Никифор и Демьян Ерофеевичи Непейцевы;
- удельная крестьянка Авдотья Константиновна Ерыкалина;
- крестьяне деревни Дежнёвой помещика Колокольцева: Сергей Никитин, Егор Фролов, Назар Семенов, Иван Алексеев;
- крестьянин Андрей Артемьев сельца Черникова-Анучина помещика Черникова-Анучина;
- помещица Сипайлова;
- крестьянин помещицы Сипайловой Иван Родионов;
- крестьяне села Богородского: Михайла Атаев, Егор Кобелев, Ефим Кобелев, Фрол Савичев, Илья Кобелев, Терентий Медведев;
- опекун над имением умершего штабс-капитана Николая Семеновича Непейцева — неслужащий дворянин Илья Григорьевич Аничков.

По Межевой книге, «сочиненной» 5 сентября 1864 г. землемером Николаем Артемьевым, владельцем 2-го лугового участка полсельца Борисова, Кособрюхова тож, был прапорщик Николай Петрович Брудинский. 3-я часть сенных покосов была в общем владении коллежского асессора Алексея, губернского секретаря Евгения Максимовичей и титулярной советницы Степаниды Ивановны Уржумцевых. В нее же входили земли так называемой Черниковской впадины подпоручика Ефима Ефимовича Торбеева. Эта часть сенных покосов — 15 десятин 904 сажени удобной и неудобной земли — граничила с землями титулярного советника капитана Осипа Непейцева.

К концу 1890-х гг. деревня также делилась надвое: Непейцева (Кособрюхова) и Непейцева (Борисовка, Аничкова, или Борисоаничкова). Деревня Борисоаничкова — при роднике, 2 двора и 22 жителя. По данным за 1912 г., в ней 1,82 десятины земли имел в собственности Илья Григорьевич Аничков.

Появилось сложное название деревни Непейцевой (Березовка, Кособрюхова, Борисовка), в которой насчитывался 1 двор и 11 душ населения из числа бывших дворцовых и помещичьих крестьян.

Деревня русская, в 46 верстах от станowego квартала (Благовещенский завод). Деревня располагалась по скату на восток. К 1898 г. произошли небольшие изменения в угодьях: около 3 десятин леса распахали. Часть площади отчуждена под железную дорогу. Переделов не было. Поля по ровному месту до полутора верст от селения. В селении была веялка. Лес на ровном месте, в одном участке испорчен порубками и скотом. Крестьяне нанимались на сельскохозяйственные работы в соседних имениях, получая: мужчины — от 40 до 50 копеек, женщины — от 35 до 40 копеек в день.

В «Полном списке населенных мест Уфимской губернии за 1896 г. по Богородской волости» упоминается одна деревня Непейцева (Кособрюхова тож), в которой 4 двора и 15 душ населения (6 муж. и 9 жен.).

К 1905 г. число дворов увеличилось за счет переселенцев и составляло 8 единиц с числом жителей 38 душ.

В числе владельцев земли деревни Непейцевой по «Инвентарно-окладной книге Уфимской уездной земской управы» с 1912 г. были:

- Соколов Александр Васильевич, старший советник — 15,39 десятины от Тарасовых;
- Кулин Антон Семенович, крестьянин — 3,71 десятины;
- Пичкановы Николай и Фадей Ивановичи в двух участках — 24,98 десятины;
- Чижова Мария Федоровна, потомственная почетная гражданка — 131,46 десятины от И.А. Чижовой;
- Непейцев Демьян Ерофеевич, дворянин — 17,41 десятины, наследство при д. Непейцевой;

¹ Ныне ул. Энгельса.

² Ныне ул. Кирова.

— Непейцева Мария Николаевна, дворянка — 17,41 десятины, наследство от дворянина Никифора Ерофеевича Непейцева; она имела усадьбу в Уфе в первой части 50-го квартала в районе ул. Малой Успенской¹;

— Непейцев Капитон, имел усадьбу в Уфе по улице Малой Успенской в створе с улицей Приютской²;

— жена венгерского подданного Фюрст Александра Васильевна — 4 десятины 2339 сажень от Василия Кузьмича Майорова, а ему «по данной» от Евдокии Никифоровны Золотаревой.

Примечательно, что эта деревня связана с именем Алексея Ивановича Базилева, имевшего «крепостное свидетельство собственности» при деревне Непейцевой на 143,76 десятины земли.

Его отец Иван Васильевич Базилев в 1831 г. был назначен директором мужской гимназии в Уфе, строительство которой он же и организовал. Это здание по улице Заки Валиди (бывшая ул. Фрунзе) с надстроенным третьим этажом сохранилось и служит одним из корпусов медицинского университета. Усадьба и два дома наследников Ивана Васильевича Базилева находились по улице Приютской между улицами Бекетовской³ и Александровской.

³ Ныне ул. М. Карима.

Алексей Иванович Базилев был ученым-агрономом. На небольшом участке земли деревни Непейцевой при хуторе Базилеве (1 двор с населением в 17 человек) он организовал опытное хозяйство из редких пород деревьев, впоследствии называемое дендропарком. Ныне дендропарк пришел в запустение. Его остатки существуют до сего времени. Надо отметить, что в последнее время городские экологи пытаются сохранить этот дендропарк.

⁴ Внучка
П.И. Курочкина.

В 1912 г. среди владельцев земель деревни Непейцевой и сельца Аничкова была дворянка Ольга Андреевна Добротворская⁴ и ее наследники: муж, статский советник Сергей Степанович (Стефанович) Добротворский, смотритель Уфимского мужского духовного училища, дочь Сусанна Сергеевна, сыновья Борис и Анатолий Сергеевичи Добротворские — в общей сложности 27 десятин 54 сажени.

В августе 1917 г. уфимский купец Мартемьян Степанович Васильев практически скупил все земли Непейцевой пустоши: от Анны Курчеевой и крестьян Краснова и Зайцева, в общей сложности свыше 150 десятин, и от дворянина Непейцева — около 80 десятин.

К 1920 г. в деревне Непейцевой (Кособрюхово) было 13 дворов с числом жителей 70 человек.

К 1925 г. в деревне было 11 хозяйств. Деревня небольшая.

Несколько домов деревни Непейцевой, скорее всего выстроенных уже в советское время, можно было увидеть в конце 1970-х гг., до строительства школы № 64 по ул. Лесной, переименованной в Кубанскую, по западному краю Непейцевского дендропарка на задах проспекта Октября в районе бульвара Славы. В настоящее время на этом месте стоят в два ряда металлические гаражи.

Был еще Непейцевский спуск, о котором нынче уже вряд ли кто помнит. В постановлении исполкома Городского совета и бюро ГК КПСС от 24 января 1957 г. о строительстве дороги между северной и южной частями города Уфы (Уфой и бывшим городом Черниковском) говорится о том, чтобы «осуществить в 1957 г. строительство одной полосы движения (западной) вдоль трамвайных путей и далее от Непейцевского спуска в северном направлении по всей ширине проспекта до соединения с улицей Ульяновых».

Нынешний проспект Октября далек от улицы Ульяновых. Когда не было моста через железнодорожные пути, автобус из Черниковки на проспект Октября шел от улицы Ульяновых, пересекая железную дорогу, с поворотом направо до пересечения с нынешним проспектом Октября. Стало быть, направление проспекта в

сторону Черниковки было изменено со строительством моста через железнодорожные пути. Вот тут вопрос: где этот спуск?

На землях деревни Непейцевой первые масштабные застройки начались с 1930-х гг. на Непейцевом спуске, позже названном Цэсовской горой, ныне улица Ш. Руставели, двухэтажными деревянными бараками. Строительство вела спичечная фабрика.

На самой площадке ЦЭС были выстроены двухэтажные бревенчатые дома. Здесь появились улицы Гоголя, переименованная в улицу Ужгородскую, Радищева, переименованная в улицу Адмирала Макарова. Все переименования улиц здесь и далее связаны с объединением городов Уфы и Черниковска.

К 1949 г. на Цэсовской горе появился Новый городок с улицами: Высоковольная, переименованная в улицу Российскую, Салавата Юлаева, переименованная в улицу Давлекановскую, улица Маяковского на площадке ЦЭС, улица Дарвина, в сторону остановки электричек 1629 км, существующая ныне. И вот теперь — самое интересное. В районе Непейцевского спуска появились улица Пугачева, разделенная на две части в связи с переименованием 1956 г.: восточная ее часть — улица Партизанская, западная часть — Ялтинская; улица Степана Разина, переименованная в улицу Черниговскую; улица Минина и Пожарского, переименованная в Ярославскую, позже в улицу Щепкина. В постановлении о переименовании улиц в связи с объединением городов Уфы и Черниковска в отрезке улицы Маяковского¹ и улицы Щепкина² была улица Керченская. Стало быть, Непейцевский спуск — это восточный склон Цэсовской горы, грубо говоря, территория от остановки «Строительная» («Театр кукол») до улицы Трамвайной в сторону Сипайлова. Сейчас этих улиц нет³.

До этого времени здесь был пустырь. Густой лес от реки Белой перегораживал дорогу, условно говоря, к деревням Дежнёвой и Черниковой. Дорога проложена сквозь вырубленную засеку именно этого леса. Сегодня после остановки «Трамвайная» начинается парк имени Калинина. Это оставшийся лес и «засека», упоминаемая при отделах земель первопоселенцам по «Отводной книге по Уфе» (1591/92-1629 гг.), в 1950-х гг. он назывался Непейцевской лесной дачей Юматовского лесхоза. В августе 1956 г. при объединении городов Уфы и Черниковска вдоль железной дороги она была границей Орджоникидзевского района города Уфы.

Там, где ныне остановка электричек 1629 км в сторону Черниковки и обратно, почти у самой Белой в 1896 г. у железной дороги была небольшая деревенька под названием Таралыкина, возможно, из нескольких крестьянских дворов. Позже она сменила своего хозяина и стала хутором Фалалеевским. Когда-то это были земли деревни Непейцевой, принадлежавшие штабс-капитану Николаю Семеновичу Непейцеву, опекуном которых после его смерти стал неслужащий дворянин Илья Григорьевич Аничков. Сведений о численности крестьянских хозяйств в этой деревне нет ни в одном справочнике. В настоящее время эти места представляют собой райский уголок. Уже в советское время в 1950-е гг. эти земли были даны для индивидуального строительства жилья железнодорожным рабочим, и улица впоследствии была названа 1629-й км. В последние годы на этом пустыре в конце проспекта Октября началось строительство высотных домов, и улица получила название Чудинова. На месте одной высотки в свое время была дубовая рощица с вековыми дубами, восемь из которых спилили для постройки ее фундамента. Остался один дуб в два обхвата на небольшом огороженном участке дома, где на протяжении пятидесяти лет проживает бывший служащий дистанции пути. Он с бо-
лью рассказывает, как пилили эти дубы. Никто из опрошенных нами жителей этой улицы не помнит ни деревню Непейцеву, ни хутор Фалалеевский. Внизу под горой ближе к реке Белой выстроен великолепный спортивный комплекс «Биатлон».

¹ Северная часть проспекта Октября.

² Бывшая ул. Пожарского.

³ Более подробно о застройке непейцевых земель см. в предыдущей статье.

Очень жаль, что от деревни Непейцевой не осталось в памяти горожан даже имени. А можно было бы при ее застройке назвать улицу Непейцевой. Как красиво звучит!

В ноябре 1931 г. решением Президиума Всероссийского Центрального исполнительного комитета деревня Непейцева вошла в Черниковский поселковый совет, а 5 декабря 1944 г. при образовании города Черниковска деревня Непейцева с ее землями вошла в границы города.

ДЕРЕВНЯ ГЛУМИЛИНА

Надо сказать, что настоящая статья о деревне Глумилиной содержит дополнительные факты, связанные с ее историей, и является продолжением исследований, описанных в статье известных краеведов З.И. и Г.Ф. Гудковых, включенной в первый сборник «Уфа: страницы истории», 2006 г. издания.

Начало деревни было положено 18 апреля 1611–1612 гг., когда Федор Каловский «отделил уфимскому жильцу» Федору Тарбееву земли «на Турове поле», немного, порядка 60 десятин, «которые прежде были за Осанчуком и Иваном Каловскими, по левую руку, едучи от города Туровым полем, от ключа...». Упомянутый ключ — это речка Сутолока. Позже здесь обосновался хутор Тарбеева под названием Федоровский. По исследованию З.И. Гудковой, во второй половине XVIII века эти земли приобрел новый владелец — жена статского советника Анна Васильевна Кошева, и хутор стал называться деревней Анненковой при Сутолоке. Фактически до размеров деревни хутор в это время не дотянул и вплоть до 1870-х гг. назывался селцом Анненским (Аннинским), Глумилина тож. Дело в том, что около 1800 г. деревня принадлежит землемеру надворному советнику Василию Филипповичу Глумилину. На 1853 г. при селце Анненском 64 ревизских души и 960 десятин земли были в собственности дочери В.Ф. Глумилина — коллежской советницы Елизаветы Васильевны, в замужестве Грабовской.

В 1855 г. эти земли по наследству достались коллежскому асессору Михаилу Михайловичу Глумилину, внуку Василия Филипповича.

К этому времени селцо Анненское относилось к Сергиевской волости, и по 10-й ревизии в селце числилось 58 душ. По Указу об освобождении крестьян от крепостной зависимости от 19 февраля 1861 г., крестьянам полагался надел усадебной и полевой земли из расчета 4 десятины 1200 саженой на ревизскую душу, что в данном случае составляло 261 десятину земли.

Крестьяне Анненского сельского общества селца составили выкупной договор с помещиком Михаилом Михайловичем Глумилиным и перешли с надельной повинности на оброк, т. е. как бы были освобождены от крепостной зависимости с получением земли, но за землю им надо было выплачивать сумму в 522 рубля в год, о чем и была подписана Уставная грамота по взаимному согласию крестьян и помещика 27 декабря 1861 г.

Однако, как только дело дошло до завершения сделки с помещиком, выяснилось, что по Уставной грамоте крестьянам был предоставлен надел гораздо меньший, в размере 203 десятин, и соответственно оброк должен быть в 438 рублей 35 копеек в год. До подписания выкупного договора, по взаимному согласию помещика Глумилина и крестьян, крестьянский надел был все-таки увеличен и составил 261 десятину удобной земли, соответственно и выкуп был определен в 522 рубля в год. Здесь пошла хитрая бухгалтерия. При капитализации этого оброка из шести процентов и накрутке процентов так, что простому человеку нашего времени не понять, выкупная сумма составила 1740 рублей. Но М.М. Глумилин уступил крестьянам 1160 рублей, а уплату остальных 580 рублей в год рассрочил на 6 лет без процентов. Все это было сделано Глумилиным с большим умыслом, и вот почему.

В сентябре 1861 г. канцелярия Оренбургской палаты гражданского суда уведомила канцелярию Губернского присутствия, что Сенатским «объявлением 1861 г. состоит запрещение на любые сделки с землей в 1130 десятин коллежского асессора М.М. Глумилина, оставшейся свободно за наделом крестьян по закладной, совершенной в Оренбургской палате гражданского суда 9 сентября 1861 г. в 3390 рублей». Это те деньги, которые Глумилин занял сроком на 2 года у опекуниши над имением малолетнего сына коллежского секретаря Евреинова Алексея, вдовы Евреиновой Матильды Петровны. Иначе с какой бы стати М.М. Глумилин уступил крестьянам 1160 рублей при выкупе наделов. Такое положение дел по тем временам послужило бы причиной для долголетней тяжбы крестьян со всеми государственными органами за их земельную собственность. Тем не менее 19 января 1863 г. Главное выкупное учреждение по рассмотрению этого вопроса признало данный договор крестьян о выкупе земель у коллежского асессора М.М. Глумилина правильным и разрешило крестьянам выкупить земли в 261 десятину по выкупной сумме в размере 6960 рублей. Все документы были подписаны крестьянами, в том числе и «добросовестными крестьянами» от помещиц Калугиной и Ваткеевой¹ и от д. Непейцевой. Помещик М.М. Глумилин получил соответствующую сумму от банка. Дело оставалось за малым — планировкой и разбивкой земельных наделов уже после подписания Уставной грамоты. Оказалось, что надел удобной земли на крестьянскую душу составил не 4 десятины 1200 саженой, а 3 десятины 1200 саженой. Четвертую десятину надела составила крайне неудобная для крестьянского хозяйства чащоба, «на что крестьяне дали свое согласие по безграмотности, подписав Уставную грамоту». Тут же крестьяне обратились в Сергиевское волостное правление с жалобой на пересмотр выкупного договора. Первое их слушание проходило 13 февраля 1863 г. в Оренбургском по крестьянским делам присутствии. Постановили: выдать крестьянам документ на приобретаемую ими по выкупной земле согласно заключенному договору. Однако вопрос о размежевании земель по договору выкупа крестьянам по разным причинам откладывался и в 1864 г. К тому же недостающие 14 десятин земли из своего надела М.М. Глумилин отдавать крестьянам не спешил, кроме того, получив выкуп сполна, собирался продать свою оставшуюся землю. Крестьяне вновь обратились с жалобой в Уфимское губернское по крестьянским делам присутствие, чтобы ускорить решение их вопроса. Однако крестьянский вопрос сельца Анненского, Глумилино тож, не был решен и в 1866 г. Оказалось, что для его решения надо было подключить землемера. Поскольку М.М. Глумилин в своем сельце не проживал, а управляющий его имением не имел права допуска землемера на земли г. Глумилина в его отсутствие, межевание земель не было произведено и на ноябрь 1866 г., о чем и доложил в Уфимское губернское по крестьянским делам присутствие землемер, таксатор (оценщик земельных наделов) Агров, что вызвало неудовольствие властей. Тем временем в декабре 1866 г. возмущенные крестьяне наделили своего однодворца Андрея Максимовича Орлова полномочиями подать от их имени жалобу в Уфимское губернское по крестьянским делам присутствие с просьбой о пересмотре Уставной грамоты. В жалобе было указано, что по Уставной грамоте выкупная земля от помещика г. Глумилина находится в двух участках и одна часть — луга за рекою Белой, по весне, в период разлива, Белая «размывала много берега», и вести посев на этих землях не имело смысла. Даже разметку надела смыло весенними водами. Поэтому землемер, таксатор Агров остановил свои действия по размежеванию данного участка, поскольку не знал, как поступить далее. В 1867 г. по доверенности тех же крестьян другой однодворец сельца Иван Алексеев написал повторную жалобу в Уфимское губернское по крестьянским делам присутствие. Крестьяне просили, чтобы недостающую землю по Уставной грамоте г. Глумилин выделил из своего личного надела, поскольку он получил выкуп за земли сполна. Крестьяне жаловались

¹ Крестьяне
д. Сипайлово.

на то, что те земли, которые отделил им г. Глумилин, не были пригодными для ведения хозяйства, и выразили беспокойство о том, что, по слухам, г. Глумилин продал свой личный надел и уже не сможет выделить недостающую крестьянам землю.

После очередной жалобы крестьян тот же однодворец сельца Иван Алексеев в октябре 1871 г. по доверенности вновь обратился в Уфимское губернское по крестьянским делам присутствие о пересмотре Уставной грамоты. Дело приняло новый оборот. Глумилин свой надел земли уже продал. Из губернского по крестьянским делам присутствия пришло указание тому же землемеру, таксатору Агрову незамедлительно окончить размежевание крестьянской земли. Но наступила осень, затем зима, и межевание отложили до весны 1873 г.

В апреле 1873 г. дело 58 крестьян уже деревни Анненковой, Глумилиной тож, по жалобе от крестьян по доверенности тому же Ивану Алексею от января 1873 г. было поручено мировому посреднику 2-го участка Уфимского уезда г. Нагаткину со сроком окончания рассмотрения — весна 1873 г. Прошение было то же: пересмотр Уставной грамоты с разницей количества оспариваемых уже 30 десятин. К этому времени часть покосной земли крестьяне прирезали себе сами. Спорную же помещичью землю М.М. Глумилина купил священник Барсов, не подозревая, какие последствия его ожидали. Поскольку крестьяне требовали возмещения недостающих десятин от личного надела г. Глумилина, то теперь они потребовали возвратить эти десятины от земель, купленных священником Барсовым. Состоявшийся мировой съезд 15 июня 1873 г. поручил новому землемеру, таксатору Нестерову обмерить все крестьянские наделы деревни Анненской, Глумилина тож. По плану землемера Нестерова крестьянам недоставало 16 десятин 1899 саженьей земли. Барсов же совершенно справедливо ответил, что Свидетельство по купле земли от помещика Глумилина от 20 августа 1870 г. выдал ему сам мировой посредник г. Нагаткин, а к 1874 г. он эту землю продал вятским крестьянам, те продали еще кому-то. Назначили нового землемера, таксатора Трофимова, который составил новый план, и результаты распланировки земли были доведены до крестьян на общей сходке. Дело приняло тупиковый оборот.

Скандал по наделу землями крестьян деревни Анненской, Глумилина тож, дошел до Министерства внутренних дел и губернатора, в связи с чем земский отдел доложил губернатору, что подобная ситуация с деревней Анненской, Глумилина тож, не единственная в уезде. Точно такая же ситуация сложилась в деревнях Александровой, Сводовой, Горновой и Голышевой, поскольку в Уставных грамотах этих деревень не были указаны границы наделов.

14 февраля 1877 г. губернатор пишет прошение мировому посреднику 3-го участка Бирского уезда об ускорении исполнения отношений губернского присутствия «по делу о землях крестьян-собственников указанных деревень», в которых указывается необходимость размежевания крестьянских наделов.

Уставшие от тяжб с местными властями и бестолковых пересмотров своих наделов, крестьяне-собственники земли деревни Глумилиной в июне 1878 г. через доверенного от жителей деревни Глумилиной, сельца Анненского тож, однодворца их Ивана Алексея обратились с прошением к государю императору Александру Николаевичу, где содержалась просьба: если невозможно увеличить их наделы, так хотя бы разрешить уменьшить на эту площадь размер выкупных площадей. Недостающей же земли оказалось 12 десятин.

Неизвестно, как окончилось это скандальное дело для крестьян деревни Глумилиной, Анненской тож, но архивное дело на этом окончилось.

В 1870 г. деревня называется Глумилина (Анненкова), при Сутолоке, в четырех верстах от Уфы. Через деревню Глумилина уже в это время проходила из Уфы в сторону села Богородского дорога, называемая Бывшая большая, позже назовется Сибирским трактом.

Из фамилии Глумилиных на 1896 г. упоминается тот же Михаил Михайлович Глумилин, действительный член Губернского статистического комитета по избранию.

В деревне насчитывалось 30 дворов и 111 жителей. Деревня численно росла за счет переселенцев, и к 1905 г. в ней было 146 жителей. На это время в деревне работали хлебозапасный магазин, пивная и бакалейная лавка, чайная. В деревне произошли значительные изменения. Анненское сельское общество крестьян — «Домин Илья Клементьевич с прочими» — имело в собственности 262,7 десятины наделной земли. Было еще Глумилинское сельское общество на 10,71 десятины земли. Жители Глумилиной в основном занимались земледелием и выращивали овощи, которые сбывали в город. Деревня была зажиточной. Среди землевладельцев в Глумилиной по мере продажи земель были: Барсова Елена Алексеевна, жена священника, имевшая от Марии Барсовой 141 десятину 62 сажени; Цветков Василий Алексеевич, артист, имевший от Барсовой 58,5 десятины; Агрова Апполинария Яковлевна, имевшая от дворянки Е. Барсовой 58,5 десятины; Падейская Мария Яковлевна, имевшая от дворянки Барсовой 58,5 десятины земли.

К 1920 г. за счет переселенцев в деревне — 74 двора и 543 жителя. На 1925 г. в деревне было 77 дворов. Деревня относилась уже к Степановской волости.

Поскольку деревня Глумилина находилась в 4 верстах от города, многие ее жители выразили желание территориально войти в городскую черту.

В декабре 1929 г. председатель административной комиссии БашЦИКа Войтекунас вышел с предложением о перечислении деревни Глумилиной из административного подчинения Степановского волостного исполкома в распоряжение Уфимского горсовета. Но тут возникли обстоятельства против этого. Административно-правовая секция Уфимского горсовета обосновала свое возражение следующим аргументом.

На этот период в деревне было 87 домохозяев, из которых 45 вошли в колхоз, а остальные 42 подали заявления о причислении их к городу. Эти 42 хозяйства были самыми зажиточными — кулаки, на которых налагались большие налоги. А заявления их к причислению к городу якобы имели цель избавиться от налогов. Оттого что они были зажиточными, в колхоз их не принимали. Но решением Уфимского горсовета от 11 февраля 1930 г. деревня Глумилина все-таки была причислена к Уфе. Однако, учитывая возмущение административно-правовой секции Уфимского горсовета, решением заседания ЦИКа от 1 марта 1930 г. деревню Глумилину вновь передали в подчинение Степановской волости. И только с образованием Черниковского поселкового совета в ноябре 1931 г. и ликвидацией Сипайловского сельсовета Степановской волости деревни Глумилина и Дубовка переданы в административное подчинение Уфимскому городскому совету, их землепользование включено в состав городской черты. Деревня численно росла за счет переселенцев, прибывших на строительство промышленных гигантов в районе Сипайлова, и на 1931 г. в ней насчитывалось 433 жителя в 88 дворах. На 1939 г. в Глумилине были уже две улицы: Юлая Азналина¹, именованная решением Уфимского горсовета от 23 марта 1937 г., и улица Высоковольтная, будущая Комсомольская. Это были центральные улицы Глумилиной.

Мы настолько привыкли к благоустройству нашего города, что трудно себе представить, что только в 1947 г. предполагалась реконструкция улицы Высоковольтной, проходящей по деревне Глумилиной. Планировалось выделение более 300 участков под частные застройки с их электрификацией на протяжении 4,32 км, с устройством тротуаров и электрическим освещением дороги.

Как мы знаем, деревня Глумилина была при речке Сутолоке. Сутолока состоит из двух родников, и свое начало она берет в Кошкином лесу².

Именно близ этого родника и стояла старая деревня Глумилина. Она находилась как бы между двух родников. О местонахождении старой деревни Глуми-

¹ По имени отца Салавата Юлаева.

² О его названии см. в главе «Деревня Сипайлово, село Загорное (Приют)».

линой до сего времени помнят живущие в этих местах люди. При строительстве гаражей на этом месте после сноса старой деревни Глумилиной жители находили старые сковородки и другие предметы, датированные 1800-ми гг. Места здесь настолько изменены и захламлены, что очень трудно верится в существование на этом месте деревни. Сегодня здесь сплошь гаражные кооперативы. К тому же недавно открыт аквапарк. Овраг, где течет родник, засыпается. Скорее всего, и этот родник, составляющий речку Сутолоку, скоро засыпят строительными отходами.

Несколько слов о речке Сутолоке, о которой жители Уфы даже и не вспоминают. Местность, где находится исток Сутолоки, гористая и имеет несколько глубоких оврагов. На дне глубокого оврага в пределах двух-трех метров друг от друга три родничка соединяются в один крутой родник. На сегодняшний день через несколько метров по течению родник перегороден бетонной стеной с вмонтированной трубой для стока воды. Видимо, когда-то было решено перекрыть родник и сделать запруду, но на то и Сутолока, чтобы пробить себе русло в обход бетонного ограждения. Кстати сказать, при отделе земель «сыну боярскому Костянтину Голубцову» в 1612–1613 гг. упоминаются «тройной ключ» и «двойной ключ», которые служили границами земель Федора Торбеева и Василия Зыкова.

Второй родник, несколько поодаль, берет свое начало с южного направления. Через короткое время родники соединяются. Один из владельцев гаражей нам сказал, что его называют радоновым. Кто-то когда-то нашел в его составе радон. Были еще небольшие роднички, составляющие речку Сутолоку. Ей очень не повезло. Жители Уфы совершенно забыли о ее существовании, хотя первые «отводы земель детям боярским и служилым людям» Уфимской крепости начались именно с речки Сутолоки. Вначале она была взята в трубу при строительстве автодороги на улицу Лесотехникума, и Сутолока выходила из трубы в овраге за заводом «Промсвязь». Все думали, что это ее начало. Затем по Сутолоке построили скоростную дорогу — проспект Салавата Юлаева, и она окончательно оказалась взята в трубу. Ее выход к реке Белой у монумента Дружбы оставляет желать лучшего. В свое время точно так же из труб в Белую вливались городские отходы в районе улицы Пристанской в Черниковке. Я думаю, что речка Сутолока заслуживает большего внимания горожан и городских властей, хотя бы в малом: поставить памятную досочку в месте ее впадения в реку Белую с надписью о том, что именно здесь течет речка Сутолока.

Южнее деревни Глумилиной к концу 1870-х гг. появился новый починок — Дубовка, позже получивший название Новое Глумилино. Между новым и старым Глумилиным, естественно, нет точного разграничения. И понятно почему. Деревня Глумилина могла расширяться лишь в южном направлении, поскольку расширяться в северном направлении ей мешала деревня Непейцева. Так вот, крестьяне, переселенцы Уфимской и Вятской губерний в 1870-х гг. приобрели участки земли от 8 до 25 рублей за десятину.

До 1890 г. в Дубовке было 17 дворов и 132 жителя. К 1897 г. в деревне прибавилось еще 7 дворов и 41 житель. Жили безбедно. Занимались выращиванием овощей. Урожай сбывали в Уфе. Поскольку в Дубовке жили крестьяне-собственники, никаких крестьянских обществ в ней создано не было.

К 1920 г. в деревне насчитывалось 28 дворов и 205 жителей. Дубовка относилась уже к Степановской волости.

Постепенно Дубовка численно росла, и к 1931 г., к моменту ее передачи в административное подчинение Уфимскому городскому совету, включая ее земли в состав городской черты, в Дубовке, или Новом Глумилине, было 86 дворов с населением в 202 человека.

На сегодняшний день остатки деревни Дубовки, или Нового Глумилина, есть в частном секторе в районе улиц Рязанской и Шафиева.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Новиков В.А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Издательство Уфимского статистического комитета. Уфа: Печатня Н. Блохина, 1879.

Ремезов Н.В. На починках // Вестник Уфимского земства. 1881. Выпуск 5 и 6. Т. XVI (от начала издания). Отдел III. Уфа: Печатня Н. Блохина, 1881.

Справочная книжка Уфимской губернии 1882–1883 гг. / Сост. Н.А. Гурвич. Уфа: Печатня Н. Блохина, 1883.

В память Столетия грамоты, пожалованной императрицей Екатериной Великой Российскому дворянству. Юбилейное издание в губернской типографии, 1885.

Памятная книжка Уфимской губернии 1889 г. Уфа: Губернская типография, 1889.

Полный список населенных мест Уфимской губернии. Издательство Уфимского губернского статистического комитета. Уфа: Типография губернского правления, 1896.

Сборник статистических сведений Уфимской губернии. Т. 1: Уфимский уезд. Издательство Уфимской губернской земской управы / Под ред. С.Н. Велецкого. Уфа: Паровая типо-литография А.П. Зайкова. Александровская ул., соб. дом, 1898.

Переселенцы и переселенческое дело в Уфимском уезде Уфимской губернии. Уфа: Типография губернского правления, 1898.

Алфавит волостей и селений Уфимской губернии. Уфа, 1902.

Полный алфавитный список всех населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1906.

Ефремов В.А. Из истории Уфимского края в конце XVI–XVII вв. Уфа, 1913.

Подворная перепись крестьянских хозяйств Уфимской губернии. Уфимский уезд. Уфа: Электрическая типография «Печать», 1914.

Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3: Экономические и социальные отношения в Башкирии в 1-й половине XVIII века. М.-Л.: Изд. Академии наук СССР, 1949.

Башкирская АССР. Административно-территориальное деление на 1 июня 1952 г. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1953.

Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 4: Экономические и социальные отношения в Башкирии и управление Оренбургским краем в 50–70 гг. XVIII века. Часть 1. М.: Изд. Академии наук СССР, 1956.

Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 5. М.: Изд. Академии наук СССР, 1960.

Акманов И.Г. Башкирское восстание 1704–1711 гг. Из истории Башкирии // Ученые записки Башкирского государственного университета им. 40-летия Октября. Выпуск 35. Уфа, 1968.

Асфандияров А.З. Введение кантонной системы управления в Башкирии. Из истории Башкирии // Ученые записки Башкирского государственного университета им. 40-летия Октября. Выпуск 35. Уфа, 1968.

Демидова Н.Ф. Древнейший источник по истории Уфы. Текст «Отводной книги по Уфе» (1591/92–1629 гг.) // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971.

Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Краеведение. Теория и практика. Уфа: Китап, 1995.

Азнабаев Б.А. Уфимское дворянство в конце XVI – первой трети XVIII вв. (землевладение, социальный состав, служба). Уфа, 1999.

Рычков П.И. История Оренбургская. Уфа: Китап, 1999.

Населенные пункты Башкортостана. Ч. 1: Уфимская губерния. 1877 г. Уфа: Китап, 2002.

Населенные пункты Башкортостана. Ч. 3: Башреспублика. 1926 г. Уфа: Китап, 2002.

Уфа: страницы истории: Сборник статей. Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2003.

Уфа: страницы истории. Уфа: Китап, 2006.

Уфимские губернские ведомости. 1878. Февраль–ноябрь.

Вечерняя Уфа. 2006. 12 сентября.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Адрес-календарь Уфимской губернии на 1904 год.

Адрес-календарь Уфимской губернии на 1907 год.

Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1917 год.

Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. И-1. Оп. 1. Ед. хр. 768, 1583, 2191, 2459.

Список помещичьих имений Оренбургской губернии с обозначением количества крестьян и десятин в каждом // ЦГИА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Ед. хр. 2840.

ЦГИА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Ед. хр. 2369, 609, 625, 627, 684, 687, 688, 701, 752, 759, 839.

ЦГИА РБ. Ф. Р-91. Оп. 2. Ед. хр. 383, 594, 1924, 1934, 1935.

ЦГИА РБ. Ф. И-101. Оп. 1. Ед. хр. 699.

ЦГИА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Ед. хр. 553, 531.

Инвентарно-окладная книга Уфимской уездной земской управы земельных имуществ с указанием владельцев Уфимского уезда с 1912 года // ЦГИА РБ. Ф. 132. Оп. 1. Ед. хр. 734.

ЦГИА РБ. Ф. И-132. Оп. 2. Ед. хр. 611, 712, 713, 722.

Оренбургская казенная палата. Списки гражданских чиновников на 1846 год // ЦГИА РБ. Ф. И-138. Оп. 1. Ед. хр. 1111.

ЦГИА РБ. Ф. И-138. Оп. 1. Ед. хр. 1891.

ЦГИА РБ. Ф. И-338. Оп. 1. Ед. хр. 328.

ЦГИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 2. Ед. хр. 1382, 1275, 200, 271, 276, 277, 294, 1527, 1572.

ЦГИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 7. Ед. хр. 90.

ЦГИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 14. Ед. хр. 252, 1252, 371.

ЦГИА РБ. Ф. Р-3013. Оп. 1. Ед. хр. 2.

ЦГИА РБ. Ф. И-351. Оп. 2. Ед. хр. 2812, 2813, 3048, 3051, 3148, 3153, 3159, 3161, 3230, 3282, 3283, 3755.

ЦГИА РБ. Ф. И-1250. Оп. 1. Ед. хр. 105, 276, 955.

ЦГИА РБ. Ф. И-1250. Оп. 3. Ед. хр. 203.

ЦГИА РБ. Ф. И-3093. Оп. 1. Ед. хр. 1, 4, 5, 8.

ЦГИА РБ. Ф. Р-933. Оп. 1. Ед. хр. 7908.

ЦГИА РБ. Ф. Р-1682. Оп. 1. Ед. хр. 217, 220, 222, 593, 562, 878, 887, 745.

ЦГИА РБ. Ф. Р-4921. Оп. 1-л. Ед. хр. 183.

Воспоминания Бакиева Р.С.

Воспоминания Мухортовых М.Р. и О.И.

Воспоминания Штехер-Тромпетт С., предоставленные Егоровым П.В.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

Арх. — архитектор; *бр.* — братья; *вел.* — великий, великая; *ген.-губ.* — генерал-губернатор; *губ.* — губернатор; *имп.* — император, императрица; *проф.* — профессор; *свящ.* — священнослужитель; *худ.* — художник.

- Абдулхаир, хан 318
 Аблай, царевич 343
 Абубакирова М. 141
 Абызгильдин Д. 178
 Абызгильдина Г. 178, 179
 Августин (Сахаров), свящ. 108, 109, 114, 115
 Авдеев 76, 77
 Авдеев М.В. 89
 Авксентьев Н.Д. 234, 243
 Агеева М.В. 248, 297, 379
 Агинозов 229
 Агров 363
 Агрова А.Я. 365
 Агте В.С. 379
 Адашев Д. 59
 Аднагулов А. 315, 349
 Азнабаев Б.А. 10, 13, 318, 326, 331, 367
 Айвазовский 126
 Айгувак, султан 71
 Акманов И.Г. 367
 Акмулла М. 137
 Аксаков Г.С. 75, 103, 104
 Аксаков И.С. 100, 103
 Аксаков К.С. 103
 Аксаков С.М.
 (в книге — Багров С.) 92, 99
 Аксаков С.Т. 29, 49, 71, 89, 91–96, 100–105, 116, 131, 132, 156, 195, 314
 Аксаков Т.С. 89–91
 Аксакова М.Н. (в книге — Софья Николаевна) 89, 93–95
 Аксакова О.Г. 100, 104, 230
 Аксакова С.А. 103, 104, 217
 Аксаковы 89–95
 Акчурин Т. 177
 Акчурин Х.А. 176
 Алека, богатырь 60
 Александр I, имп. 11, 38, 39, 48, 87, 105, 108, 109, 114, 203, 216, 308, 322
 Александр II, имп. 87, 94, 364
 Александр III, имп. 120
 Александров А. 271
 Александров В.И. 235
 Александров П. 271, 327
 Алексеев И. 358, 363, 364
 Алексеев М.А. 224, 272
 Алексеев О.В. 347
 Алексей Михайлович, царь 44, 62, 348, 349, 351
 Алемановы 153
 Алимбеков С. 181
 Алпаров Г. 136
 Алфеев Ф.Я., арх. 198
 Альбаева В.И. 159
 Аманацкий, свящ. 209
 Амвросий I (Келембет), свящ. 56, 108, 109, 115
 Аминев А.М. 141
 Аминова М. 177
 Амири Г. 138, 140
 Амплеев 148
 Англорез, полковник 78
 Андреев Е. 271
 Андреевы 317, 327
 Андрей (Ухтомский), свящ. 171, 235, 240, 243
 Андрисян А., арх. 257
 Андреевская М.И. 187
 Андриянов П.В. 131
 Андроников И.Я. 88
 Анисимов Ф.Я. 193, 194
 Аничков А.И. 317
 Аничков В.А. 343
 Аничков В.В. 308, 340
 Аничков Д.С. 350, 351
 Аничков И.Г. 359, 361
 Аничков И.М. 308
 Аничков М.Н. 298, 309
 Аничков Н.С. 350, 357
 Аничков С. 308, 311, 312, 315, 321, 322, 324
 Аничков С.И. 47
 Аничков С.М. 298
 Аничковы (Оничковы) 63, 268, 279, 308–315, 323, 340, 343, 350, 357, 358
 Анна Иоанновна, имп. 62
 Антокольский М.М. 124, 126
 Антоний (Храповицкий), свящ. 124
 Анучин (Онучин) М.А. 312
 Арагон Л. 137
 Аралбаев И. 136
 Арбузов, купец 222
 Аргентовский В.П. 89
 Аркадий (Фёдоров), свящ. 109, 115
 Арсланова З. 141
 Артемьев Г.З. 350
 Артемьев И.В. 35
 Артемьев М. 336
 Артемьев С. 298
 Артемьев Т.О. 350
 Артемьевы 62, 298, 314, 336, 349, 350, 358
 Архангельский Д.И. 28
 Архипов 176
 Архипов А.Е. 154
 Асс Л.И. 186
 Астлей Ф. 226
 Астров 243
 Асфандияров А.З. 302, 367
 Асякаев Х.С. 176
 Атаев М. 359

- Атаманских С.Н. 176
 Атанова Л.П. 8
 Ауэр 187
 Афанасьев Д.Е. 235
 Афонасьев А. 317
 Ахмадеев Ш. 136
 Ахмаметьев А.И. 270
 Ахмаметьевы (Ахмаметевы) 62, 314
 Ахмерова Ф.Д. 22
 Ахтямов А.А. 175
 Ахтямов Х. 176
 Ахтямова Г. 174
 Ахунзянов Т.И. 6, 140
- Ба**
 Бабич (Бабичев) Ш.М. 136
 Багров С., см. Аксаков С.М.
 Баженов, арх. 82
 Базилев А.И. 360
 Базилев И.В. 358
 Базилев И.И. 360
 Базилева 358
 Базилева Д.К. 358
 Базилевский И.Ф. 111, 114, 115, 272
 Байбеков Х. 176
 Байбурдин Ю.К. 247
 Байряшев Г. 176
 Бак И. 154
 Бакиев Р.С. 368
 Бакулевы 209
 Балакирев М.А. 186
 Балашев М.С. 176
 Балкашин Н.В., губ. 110, 111, 115
 Балкашина В.А. 59
 Балтутутц 15
 Барон (Тромпетт) 306
 Барсов К. 20
 Барсов Н.Н. 19, 20, 24, 26
 Барсов Н.Я. 20
 Барсов Я. 364
 Барсова Е.А. 365
 Барсова М. 365
 Басимова Ф. 177
 Баталов А.И. 296
 Батый, хан 31
 Бауэр Е. 213
 Бахметев 49
 Бахтияр, разбойник 57
 Баязитов М., муфтий 180, 181
 Безносииков К.С. 113–115
 Безсчетов 356
 Бекетова И.И. 39, 65, 203, 209
 Беккаревич 152
 Белелюбский Н.А. 215
 Белорецкий (Ларионов) Г.П. 89
 Белоусовы 322, 326
 Бельская Т. 335
 Бельский Г. 335
 Бельский Г.А. 335
- Беляева М.В.** 8–10, 13
 Беляков С.Н. 128, 129
 Бенуа А. 126
 Беранже П.-Ж. 88
 Бердичевский 235
 Береговский М. 183
 Березин В.И. 215
 Березовские 63
 Березовский В.А. 347, 358
 Беренс Г. 184, 187
 Бигиев М. 174, 181
 Бикташева Т. 226
 Бикчентаева Р.А. 135
 Бикчурин Л. 174
 Бирюков В.И. 23
 Блохин А.К. 130, 131, 224
 Блохин Н.К. 209, 262, 367
 Блохины 116
 Блюменталь Ю.Ю. 126
 Блюмов А.Ф. 176
 Блюхер В.К. 236, 237
 Бобинский Г. 181
 Богданов В.А. 132
 Богданович (Бонье) В.И. 280
 Богданович А.Н. 281
 Богданович Е.М. 280
 Богданович И.М. 176
 Боголюбов 303
 Богомолы 149
 Богуславский 215
 Болдырев В.Г. 234, 242, 243
 Бондаренко И.Е. 123, 126
 Бонье (Боньевы) 280–282
 Бонье Л.С. 280
 Бонье Н.С. 280
 Бордовский А.И. 311
 Борис Годунов, царь 62, 315
 Борисов А.П. 209
 Бородин 221
 Бояр К.Э. 242
 Брамс И. 186
 Браун 211
 Бреев И.А., свящ. 110, 115
 Брешко-Брешковская Е.К. 242
 Брудинская В.И. 342, 353
 Брудинские А. и Д. 355
 Брудинский Н.П. 186, 359
 Брукс, бр. 227
 Брянский В. 213
 Бугушевский С.А. 235
 Буданов, сотник 43
 Буканова Р.Г. 33
 Булашев З.Г. 256
 Булгаков З. 174
 Булгаков С.Н. 171
 Булгаковы 152
 Були 212
 Буравцов В.Н. 332, 379
- Бурлюк Д.Д.** 190, 192, 193
 Бух Л.К. 89
 Бух Н.К. 89
 Бухартовский Г.Г. 202
 Бушмакина К.И. 161
 Быкин Я.Б. 256
 Быховский 72
 Бычков Е.Я. 297
- Вавилов** 46
 Вагин Г.Д., арх. 264
 Вагин Е.Д., арх. 165
 Вагнер Р. 184
 Вадиковский С. 283
 Вайднер В.О., арх. 249, 251
 Валеев М. 266
 Валери 226
 Валиахметовы 146
 Валиди (Валидов) А.-З. 244
 Валитова К.М. 146
 Василенко 149
 Василий IV Шуйский, царь 44, 350
 Васильев 228
 Васильев А. 317
 Васильев И. 351
 Васильев М.С. 360
 Васильев Н. 320
 Васильева Л.А. 146
 Васильевы 147
 Васильчинин П. 340
 Васильчинины 268, 340, 349
 Васнецов В.М. 126, 127
 Ваткеева (Сипайлова) Н.М. 351
 Ваткеевы 356, 363
 Вахмянин Д.Е. 220, 221
 Введенский К.А., арх. 80
 Ведерниковы 149
 Вейтцман 227
 Велецкий С.Н. 311
 Веретенникова А.И. 22
 Вержбилович А.В. 187
 Веригин (Виригин) Е.В. 283, 320
 Веригина Е.Е. 320
 Верниковский А.И. 125
 Верстовский А.Н. 63, 204
 Вертинский А.Н. 211
 Видинеев В.И. 116, 130–132, 186, 209, 211, 225
 Видинеевы 130–132, 225
 Винкины 227
 Виноградов В.А. 234
 Витали В.П. 247
 Власьев А.И. 44, 62, 268
 Войтекунас 365
 Войцеховский С.Н. 238
 Воланж 186
 Волков В. 312
 Волков В.О. 193

- Волков Д.В. 224
Волков Д.С. 5, 10–13, 64, 65, 79, 80, 214, 341
Волков П.А. 315, 340
Волков С. 326
Волкова В.Ф. 152, 307
Волковы 298, 312, 315, 340, 341, 343, 350
Волконский Г.С., ген.-губ. 112, 113, 115
Вологодский П.В. 234, 236, 243
Вольмут А. 208
Вольф М. 259
Вольфрадт 184
Воробьев И.Е. 347
Воробьев С.С. 347
Воробьев Ф.И. 347
Воробьевы 347
Воротилов В.И. 223
Ворошилов К.Е. 168
Воскресенский В. 232
Вощинина А.И. 21
Врубель М.А. 126
Вышенские 9–11
Вышенский Н.А. 89
- Габдрахимов Г., муфтий 173, 175
Габдрахманова Ф.С. 175
Габидов Х. 136
Габитова Л.Р. 379
Габяши С. 136
Гаврилов А.А. 235
Гаврилов В. 327
Гаврилов Вас. 320
Гавриловы 146, 148
Гай Г.Д. 238
Гайда Р. 239
Гайнуллин М. 141
Галанов В.Д. 238
Галанова Л.А. 88
Гали М. 137, 141
Галикеев З. 174
Галимов В. 140
Галимов С. 137
Галкин 242
Галкин Н.А. 113
Ган 111
Ганеев Р.Г. 6, 7
Ганон Ш. 184, 187
Гарин-Михайловский Н.Г. 78, 215
Гарифуллин 154
Гаробинский 228
Гастелло Н.Ф. 331
Гафури (Гафуров) М. 116, 135–142, 177, 178
Гафури З.К. 178
Галин А.Д. 246
Гевлич А.П., губ. 113, 116
Гедронович 186
- Гейне Г. 88
Гензельт А.Л. 184, 187
Герасимов В. 327
Герасимова М.В. 183
Герасимовы 160, 161
Гербст С. 187
Герман О.Ф. 6, 102, 194
Гесте В., арх. 52
Гилёва 214
Гиляровский В.А. 196
Гиневский В.П. 234
Гиппократ 228
Гладышев А.Е. 316, 317
Гладышев А.И. 318
Гладышев В.А. 318
Гладышев В.М. 315, 349
Гладышев Г. 268, 312, 315, 316, 318, 350
Гладышев Д.А. 315
Гладышев Д.В. 318
Гладышев Е.И. 316, 317
Гладышев К.Е. 316
Гладышев М.Д. 315, 349
Гладышев С.К. 318
Гладышев Ф.Д. 298, 318
Гладышева (Писарева) А.Е. 317
Гладышева А.И. 316
Гладышевы 28, 298, 315–319, 323, 324, 340
Глазырин 200
Глинка М.И. 186, 214
Глоцкая (Колокольцева) А.И. 344
Глубоковы 153
Глумилин В.Ф. 329, 350, 351, 353, 357, 362
Глумилин М.М. 351, 362–365
Глушков В.Н. 158, 159
Гневышев А.К. 356
Гоголь Н.В. 100
Годунов Н.В. 268, 280, 290, 336, 350
Голубин 45
Голубкина А.С. 124, 126
Голубцов В.В. 322
Голубцов К. 34, 35, 350, 366
Голубцовы 35, 329
Гольцер Д. 187
Гончарук В. 201
Гопиус А.А., арх. 76
Горбовский Г. 209
Горев Ф.П. 131
Горичева М. 213
Городецкие 193
Горфунко 221
Горький М. 138, 167, 211
Горюхин 221
Гофман И. 188
Грабовская (Глумилина) Е.В. 351, 362
Грабовская А.В. 341
- Грибанова М.Б. 138
Григ Э. 186
Григорьев 221
Григорьев А. 134
Григорьев Е. 283
Григорьев К. 271
Григорьев С. 327
Гришин-Алмазов А.Н. 242
Гросс, арх. 75, 77
Губарев Н. 245
Губейдуллин Х. 176
Губин 221
Гудаевы 159
Гудков В.В. 89
Гудков Г.Ф. 27, 29, 52, 82
Гудкова (Трунина) З.И. 27–29, 104, 349, 362
Гудковы Г.Ф. и З.И. 27–29, 101, 102, 104, 130, 142, 143, 280, 281, 322, 336, 340, 362, 367
Гуляев А.А. 6
Гумеров Х. 136
Гурвич Н.А. 5, 10–12, 17, 18, 24, 36, 37, 39, 64, 85, 87, 246, 272, 367
Гурский Ф. 228
Гурилев А.Л. 185
Гурьев 89
Гутман И.И. 76, 174, 202
- Давлеткильдеев С.С. 175
Давлеткильдеева Б. 177
Давыдова Э.М. 183
Дамм 183
Данилов К. 183
Даргомыжский А.С. 185
Дашков А.Д. 12, 80, 103
Дашкова Е.В. 152, 306
Дворжец Л.Я. 117, 184
Дебу И.Л., губ. 197
Деев Г.А. 209
Дежнов (Дежнёв) А.А. 343
Демидов И.Е. 107, 114, 155
Демидов Н.Н. 142
Демидова Н.Ф. 367
Демидовы 142, 143, 155
Деникин А.И. 239
Дениско А., арх. 250
Державин Г.Р. 100
Дерюшкины 358
Джантюрин С.С. 128, 129, 174, 176
Джантюрина (Тевклева) С.С. 128, 129, 136, 174, 179
Джантюрины 128, 174, 180
Дзержинский Ф.Э. 218
Дикушин 221
Дмитриева (Новоселова) А.Л. 293
Дмитриевы 63
Добротворская О.А. 327, 360

- Добротворский А.С. 328
Добротворский П.И. 17, 379
Добротворский С.С. 360
Долин 221
Долина М.И. 187
Домбровская М.И. 186
Домбровская О.И. 186
Домбровские 65, 66, 75, 76
Домбровский, арх. 75
Домин И.К. 365
Домогацкий В.Н. 246
Дорин Е.П. 350
Дорина (Дерина) Т.В. 350
Дорожьев И. 317
Дрдла Ф. 185, 188
Дубинин, купец 131
Дударь М.С. 89
Дудкин А. 46
Дудочкин Б.И. 14
Дузхотемирская (Веригина) А.Е. 320
Дуров А.В. 350
Дуров А.Д. 350, 351
Дуров Ю.В. 228
Дурылин С.Н. 119
Дутов А.И. 236, 239, 240, 242
Душин Р. 76
Дынькова А. 190
Дьяконов 247
Дюков И.Г. 108, 114
- Еварестов 231
Еварестов Н.Е. 186
Еварестова А.В. 186
Евладов А.В. 185
Евладова В.А. 183–187
Евреинов А. 363
Евреинова М.П. 363
Евсеич, слуга 195
Егоров А.В. 379
Егоров Н. 327
Егоров П.В. 66, 122, 208, 271, 310, 332, 368, 379
Екатерина I, имп. 105
Екатерина II, имп. 47, 63, 66, 76, 82, 94, 95, 209, 313, 314, 367
Елгастина М.Н. 19
Елизавета Федоровна, вел. княгиня 124
Елизавета, имп. 40, 315
Елизарова М.М. 127
Елисеев И.Е. 131
Елисеев С.И. 227
Елпатьевский С.Я. 22, 71, 77, 78
Емельянова, певица 185
Емшанин 151
Енбарисов 236
Еникеев М.Н. 176
Еникеев М.С. 180
- Енукидзе А. 264
Ермолов А.П. 270
Ерохин А.Г., арх. 198
Ерошев Е.Ф. 238
Ерухманова 187
Ерыкалина А.К. 358, 359
Есипова А.Н. 186, 187
Ефремов В.А. 367
Ефремов П. 317
- Жако 240
Жанен М. 239
Жилин А. 298
Жилин М.М. 193
Жулябин Д.С. 115
- Завадовский П.В. 105
Завьялов, учитель 88
Зайков А.П. 367
Зайцев 360
Залежский А.А. 22
Запашный В.М. 228
Зарубин Н.С., арх. 259, 261
Зарубин Чика 58
Засулич В.И. 89
Зверев 221
Зевахины 153, 154
Земанов И. 325
Земерфельд 227
Зензинов В.М. 234
Зенцов П.И. 168
Зернова Е.М. 169
Зефилов В.В. 5, 11, 57
Зилоти 187
Зильберштейн 176
Зиннатуллина Х. 141
Зирах А.А. 24, 36, 117, 142, 190–192, 210, 212, 213, 227, 230, 233
Златоверховников И.Г. (И.Е.) 6, 332, 333, 337, 345
Злоказов 235
Золотарева Е.Н. 360
Зубов Н.С. (Зубин) 298, 313
Зыков В. 366
Зыков И. 298
Зыков С. 298
- Ибрагимов А. 181
Ибрагимов Габд. 176
Ибрагимов Гал. 136–138, 178
Иван Алексеевич, царь 354
Иваницкий А.Б. 17
Иванов А. 271
Иванов Е. 345
Иванов К.И. 173
Иванов Н. 198
Ивановский Н.Н. 215
Ивановы 146, 148, 317, 327, 354
- Иглин 320
Игнатович 186
Игнатъев Р.Г. 5, 8–15, 17, 36–38, 49, 62, 63–65, 67, 114
Игнатъева А.А. 159, 160
Игумнов, проф. 185
Иконниковы 40, 203
Ильин Е. 354
Ильин И.А. 171
Ильин Н. 225
Ильина Е. 266
Иманкулов С. 181
Имашев Т. 266
Инякина (Крюкова) Н.Ф. 168
Иоанн III, царь 55, 111
Иоанн IV (Грозный), царь 5, 34, 46, 47, 49, 52, 62, 297
Иоанн Алексеевич, царь 46, 49
Иосиф (Богословский), свящ. 110, 115
Иоффе Г.З. 240, 241
Исаев Н.П. 380
Исаев И. 317
Исаева Е.И. 109
Исхаков Г. 136
Ищерилов П.Ф. 6, 21, 22, 24, 64, 102
- Кабанов Г.А. 151
Кабанова Е.М. 160
Кадомцев И.И. 331
Кадомцев С.Е. 334
Кадомцевы 28, 331, 334, 335
Кадыргулов Я. 351
Кадырская А.С. 341
Казанцева 186
Казаченко 149
Калимуллин Б.Г., арх. 257, 265
Калмыков М.В. 237
Каловские 298, 301, 314, 329, 330, 349, 350, 362
Каловский Г.Ф. 298
Каловский И. 312
Каловский Н. 326, 329, 336
Каловский Ф.И. 343
Калугина А.М. 351, 354, 363
Камаева Л.М. 380
Камали З. (Камалетдинов П.) 135, 136, 174, 177
Камерон Ч. 52
Каминский 76
Каминский А.М. 170, 171
Камков 12
Капита Е. 216
Карамзин Н.М. 55, 56
Карбышев Д.М. 238
Карим М. 140
Каримов С. 141
Каримов Х. 174

- Каримова Р. 177
 Каримовы, бр. 174, 218
 Кармазины 149
 Карповы 298
 Касымов Г. 138
 Катанская М.П. 353
 Катенёв 221
 Катенин А.А., ген.-губ. 113, 114, 116
 Кацерик Г. 141
 Каширин Н.Д. 236
 Кербель Л.Е. 140
 Керимов Т. 136
 Кинд Ю.А. 184
 Киржацкие 12
 Кириллов И., подрядчик 76
 Кирилловы 337
 Кирилов И.И. 46, 72
 Кирьянов С. 138, 142
 Кишкин Н. 326
 Кларк П.И. (Павел Грей) 20, 26, 89
 Ключов Т., хан 60
 Ключарев А.С. 125
 Клягин А.П. 235
 Князев 147
 Кобелевы Е. и И. 359
 Кобяковы 120
 Ковинев, купец 130
 Коврайский А.М. 327
 Кожинов В. 100
 Кокузов Ш. 325
 Колесников В.П. 52, 53
 Колмацкий П.С. 80
 Колмацкий С.Т. 198
 Колокольцев А.Н. 344
 Колокольцев Г.И. 344
 Колокольцев И.Г. 344
 Колокольцев И.М. 343
 Колокольцева А.Я. 343
 Колокольцева О.Н. 344
 Колокольцевы 343–345, 359
 Колокольцов
 (Колокольцев) М.П. 343
 Колокольцова А.Я. 341, 358
 Колосов П.Н. 344, 345
 Колосова (Колокольцева) З.И. 344
 Колотов И.В. 303, 323
 Колчак А.В. 171, 236, 238, 239
 Колчин И.П. 247
 Комаров И.П. 351
 Комаров Н.А. 88
 Комарова (Сипайлова) А.М. 352, 356
 Коненков С.Т. 124, 126
 Константинова 355
 Константиновский С., свящ. 13
 Контский 187
 Концовы 145
 Коншин Н.В. 200
 Коншины 225
 Копаневы 161
 Копейкин 44
 Кормщиков Я.С. 324
 Коровин К.А. 126
 Королева Г. 266
 Корольков В. 317
 Коропачинский П.Ф. 151
 Коротков И.И. 80
 Коршунов Б.А., арх. 253
 Костерин П.И. 143, 272
 Кошева А.В. 362
 Кошкин И.Д. 82, 198, 295, 356, 357
 Краева З.Н. 307
 Крамской И.Н. 126
 Красильников И. 24
 Краснов 360
 Красносамарские 232, 233
 Кржеминский 212
 Кронбейный Р, см. Игнатьев Р.Г.
 Кропоткин А.А. 235
 Кротовы 149
 Кругловы Г.И. и Е.И. 82, 83
 Крупская Н.К. 20
 Кублицкий И.С. 313
 Кугушева М.В. 187
 Кудаш С. 136, 139
 Кудашев А. 141
 Кудашева С.С. 142
 Кудряшов П.М. 88
 Кудряшovy 149
 Кузеев Р.Г. 101
 Кузет М. 136
 Кузмин С. 338
 Кузнецов А.П. 169
 Кузнецова Т.В. 158
 Кузьмин Т. 322
 Кук В. 226
 Кукольник Н. 214
 Куликов В.И. 24
 Куликов П.Л. 83
 Кулин А.С. 359
 Кунафин Г. 141
 Кунцман М.С. 279
 Куприн А.И. 166
 Куприянов 320
 Куприянова М.Н. 288
 Курбский, воевода 60
 Куретников П.С. 41, 42
 Куретникова М. 40
 Курковская А.М. 353
 Куровские 298
 Куропаткин П.А. 356
 Курочкин О. 19
 Курочкин П.И. 326, 327, 341, 358
 Курочкины 324, 326, 327, 341
 Курчиев П. 298
 Курчиева А. 360
 Курчиевы 28
 Куршевиц А.К., арх. 262
 Кустовский 307
 Кустодиев Б.М. 166
 Кучум, царь Сибири 55
 Лабузов В.А. 13
 Лавренков Ф. 228
 Лаврентий, свящ. 56
 Лаврентьев И. 331
 Ладвез 244, 245
 Лазарев В.Д. 113
 Лазарева А.И. 109
 Лазаревы 112
 Ланевский П.Г., арх. 80, 200
 Лаптев 346, 355
 Лаптев К.А. 198
 Лаптев М.А. 124, 125, 201
 Ларионов А. 280
 Ларионов Д.М., арх. 258
 Ларионов М.С. 199
 Ларионов С. 76
 Ласточкины, свящ. 110, 115
 Латыпов З.Ш. 25, 26
 Латыпова В.В. 18
 Лачинов Т. 34
 Лебедев 243
 Лебедев 353
 Лебедев И.В. 228
 Лебедев П.М. 88
 Лебедянский Л.С. 215
 Левашова Р.М. 280
 Левин Г.В. 235
 Левитан И.И. 126, 127
 Левшин 106
 Левшина (Басина) М.И. 105
 Лежнев А.П. 165
 Лелеевы 146
 Ленин (Ульянов) В.И. 20, 89, 103, 168, 206
 Леницкий 186
 Леонов 176
 Лермонтов М.Ю. 88
 Лермонтов Н.Ю. 6, 254–256, 258, 259–261, 279
 Лесков Н.С. 108
 Листовская (Каменьщикова) 107
 Листовская Н.П. 303
 Листовские 104–107, 322, 323
 Листовский И.С. 104, 105, 114, 116
 Листовский П.С. 303, 311
 Лихачев А.Ф. 341
 Логиновы 153, 154
 Логонов А. 327
 Лод Я.П. 187
 Лодыгин В.Д. 89
 Ломоносов М.В. 5
 Лопатин С. 312, 315, 323, 336
 Лопатин Ф.Е. 324

- Лопатин Ф.П. 324
 Лопатина (Уракова) М.И. 324
 Лопатина М.Д. 342
 Лопатины 298, 299, 311, 312, 314, 318, 323, 324–326, 343, 357, 358
 Лоссиевский В.С. 17
 Лоссиевский М.В. 17
 Лузин В.А. 24, 25
 Лузинова (Рыбченко) М.П. 185, 186
 Лузинова Н.П. 186
 Лукин О.И. 355
 Лукиянов Г. 327
 Лукьянов А.И. 223
 Лукьянова В.А. 150
 Луначарский А.В. 102
 Львов 243
 Львова Д.И. 330
 Любимов, купец 249
 Люмьер, бр. 74, 211, 212
 Лютш 184
 Ляхов В.Э. 145, 148, 149
 Ляхов Н.В. 149
 Ляховы 145, 147, 150
- Маарри** 137
 Магасумова Б. 141
 Магмет-Аминь 55
 Мажитов И. 140
 Майлин Б. 136
 Майоров В.К. 360
 Майский И.М. 240
 Макарова В.Н. 380
 Македонский А.А., губ. 112, 115
 Маклакова Н.В. 151
 Маковский В.Е. 126
 Максимов А. 354
 Максимов В. 266
 Максимов, купец 143, 168–170
 Максютов Б.З. 176
 Максютов М.Н. 176
 Максютова Р. 141
 Малмыгина А.П. 154
 Малышев В.А. 186, 187
 Малышевский, худ. 209
 Мальковская А.И. 342
 Мальцевы И.П. и А.Л. 356
 Маматов В.М. 39
 Мамин А.Ф. 80
 Мамин-Сибиряк Д.Н. 78
 Мамлеев Н.Б. 176
 Мамлеев С.И. 176, 201
 Манаев М. 136
 Манаев С. 201
 Мангатай 326
 Мансырев М.И. 380
 Мансыревы 129
 Маре 237
 Мария Антуанетта 94
- Мария Ильинична, царица 62
 Маркелов С. 320, 336
 Марков В.Н. 352
 Марков Е.А. 235
 Мартынов П.П. 90
 Мартыновская М.И., см. Нестерова М.И.
 Мартыновские 189
 Маршак С.Я. 196
 Маршалов, купец 143
 Масленников Ф.Е. 283
 Маслова А.П. 83, 380
 Матвеев В.Н. 103
 Маторина В.Е. 224
 Махмутов З. 141
 Маяковский В.В. 95
 Медведев Т. 358
 Мекленбургская, герцогиня 62
 Мекушев 169
 Мелковы 149
 Мельников Ф.К. 356
 Мельнова И.В. 147
 Мендельсон Ф. 185
 Меос В.Э. 141
 Мертваго Д.Б. 71
 Мертваго Ф.С. 130
 Меснер Ю. 352
 Миклашевский Г.И. 151
 Микулинский, воевода 59
 Милицын Б. 129
 Миллер 322
 Минафов Г. 176
 Мироненко И.И., арх. 260
 Миронов 245
 Мифтахов К. 136
 Мифтахов С. 259
 Михаил Федорович, царь 268, 329, 341, 343, 350
 Михаил, свящ. 56
 Михайлов М.Д. 187
 Михайлов М.Л. 26, 89
 Михайлов М.С. 131
 Михайлов С.М. 224
 Михайлова Л.К. 147, 153
 Мнишек М. 62
 Могилевский А. 185, 188
 Можарова Е.И. 106
 Можаровы 114
 Мозжухин И. 211
 Моисеев В.Д. 269
 Моисеев Д.И. 269
 Моисеев И.И. 326, 358
 Моисеевы 299
 Моисеенков П. 355
 Молоствов 357
 Мордасова М.Н. 346
 Мордвин М. (Максимко) 336
 Мосолов В.М. 351
- Моттль Ф.Ф. 187
 Мравина 187
 Муллакаев К. 32
 Мулюкин Н. 236
 Муртазин Г. 177
 Муртзин М. 176
 Мустаев Х.Ф. 141
 Мустафин А.В. 322
 Мухаммеджанов М. 136
 Мухортовы М.Р. и О.И. 368
 Мышкин А.М., арх. 246, 247
 Мясоєдов С.С. 209
- Наврозов М.А. (Неврозов), губ. 12, 108, 114, 203
 Навроцкий И. 99
 Нагаткин 364
 Нагаткин Д.В. 344
 Нагие 34
 Нагой И.Г. 31, 34, 35
 Нагой М.А. 268, 315, 329, 331, 349
 Надеждин А.С., свящ. 183
 Надеждины 183, 186
 Назиров Б. 174, 176
 Назиров С. 174, 176
 Назирова Ф.А. 303, 323
 Назирова Ш. 177
 Наполеон 73, 89, 90, 280, 281
 Нарышкин 89
 Неверов И., свящ. 48, 66
 Неклютин К.Н. 235
 Непейцев А.В. 358
 Непейцев В.Н. 315, 316
 Непейцев Д.Е. 358, 359
 Непейцев К.О. 358
 Непейцев Н.Е. 360
 Непейцев Н.С. 358, 359, 361
 Непейцев О.Т. 357
 Непейцева М.Н. 360
 Непейцин В.В. 357
 Непейцов С.Т. 353, 357
 Непейцыны (Непейцовы, Непейцевы) 299, 315, 345, 357–360
 Неплюев И.И., губ. 44
 Нераковы 62
 Несмелов И.Г. 209
 Нестеров В.И. 118, 120, 283
 Нестеров Е. 320
 Нестеров И.А. 111, 115
 Нестеров М.В. 26, 88, 115–127, 188, 189, 193, 209, 226
 Нестеров П.Н. 116
 Нестерова (Мартыновская) М.И. 121, 122, 127, 189
 Нестерова (Шретер) О.М. 117, 121–123, 127
 Нестерова А.В. 117, 123
 Нестерова Н.М. 127

- Нестеровы 189, 198, 354, 364
 Нефедов А.А. 65
 Нефёдова Т.И. 6, 91, 380
 Нигмати Г. 136
 Нигматуллин А. 141
 Нигматуллина И.В. 6, 380
 Низами 137
 Низамутдинов С. 150
 Никитин А. 309
 Никитин С. 359
 Никитины 233
 Николай I, имп. 90, 100, 105, 196, 354
 Николай II, имп. 216
 Никуличева Е.И. 26, 27
 Нимвицкий Б. 26
 Новиков А.В. 340
 Новиков В.А. 5, 16, 17, 297, 308, 338, 339, 340, 343, 349, 367
 Новикова (Угличина) И.Н. 340
 Новикова Е.В. 340
 Новикова М.П. 340
 Нуреев Р. 102
- Облецов М.Н.** 80
 Обручев В.А., ген.-губ. 113, 116
 Овсянников В.В. 66
 Овчинников Г.А. 282
 Огарков Н.В. 306
 Одинцов П.А. 80
 Ожегов С.И. 226
 Окатаев Г. 338
 Ольшевский В.Л. 17
 Опарина Т.Г. 158
 Оппель 187
 Орлов А.М. 363
 Орлова Л.С. 183
 Орлова Н.В. 266, 321
 Оскаленко А.П. 150
 Осокин П.И. 351
 Остахова Л.И. 204–206
 Остроухов И.С. 122
- Павел I, имп.** 48, 95, 105
 Павлов М.Г. 91
 Павлов Н.М. 91
 Павлов П. 232
 Павлов Ф.П. 323
 Павловы 327
 Падейская (Барсова) М.Я. 303, 365
 Палатин, купец 118
 Паллас 70
 Пальчиковы 106, 112, 114, 115
 Панферов Т. 327
 Пархоменко И.И. 6
 Паршин А.М. 70, 185
 Паршина (Савостьянова) В.Д. 185, 186
 Паршины 185
 Паскевич И.Ф. 270
- Пастер Л. 229
 Пачезерцев И.У. 269
 Пашков А.А. 143
 Пашковы 186, 306
 Пекарская (Артемьева) Т.Т. 350
 Пекарские 62, 350
 Пекарский Н.Н. 298, 314
 Пекарский П.П. 5, 24, 26, 89
 Пекер А.А. 17, 73
 Пекер А.И. 342
 Пепеляев А.Н. 239
 Перов В.Г. 126, 188
 Перовский В.А., ген.-губ. 110, 115
 Перро Ш. 94
 Першин А.Н. 143
 Першин Н.А. 144, 155–157
 Першины 144, 145, 154–158
 Петр I, имп. 43, 46, 49, 354
 Петр III, имп. 209
 Петров В. 320
 Петров И. 317
 Петров Т. 283
 Петровы 146, 148
 Петунин В.А. 142, 143, 156, 210
 Пеутлинг 63
 Пикачев Н.Е. 88
 Пилецкая А. 355
 Пирогов Н.И. 78
 Пирожников А.Н. 236
 Писарева А.Е., см. Гладышева А.Е.
 Писемские 329
 Пискунов Н. 171
 Пичкановы Н.И. и Ф.И. 359
 Пичугин 236
 Платонов Н.Р. 208
 Платонов Р.П. 205, 208
 Платонова (Федорова) Е.М. 208
 Плешанов И. 109
 Победоносцев К.П. 124
 Погорельский Г. 72
 Погорский И. 355
 Пожидаева 320
 Поздеев В.В. 33
 Позолотин А.П. 285
 Покровские 147, 158
 Полетаев М.А. 80
 Поливанов 344
 Полторацкий П.А., губ. 216
 Поляков Н.В. 77
 Поносов В.Е. 116, 198
 Попов 225, 231
 Попов Б.Л. 288
 Попов П.В. 119, 120
 Попов С.А. 184, 187
 Попова (Уржумцева) А. 355
 Попова (Ушакова) В.Т. 119, 120, 224
 Попова О.И. 184, 186
 Порошин Ф. 340
- Портнов А.Б. 247
 Посьет К.Н. 214, 216
 Потемкин П.С. 105
 Праколок И. 338
 Пранс Л. 212
 Преображенские 149
 Пресс Л.А. 189
 Приклонские 62
 Приклонский И. 299
 Прозоров, учитель 88
 Прокофьев 221
 Прокудин-Горский С.М. 191, 192, 215–217
 Прохоров С. 157
 Пугачев Е.И. 105, 108, 301
 Пупышев М.В. 131
 Пушкин А.С. 69, 100, 245–248
 Пушковы 271
- Раап (Рааб) В.И., проф.** 186, 188
 Радионовы Д. и И. 354, 359
 Размахнин П.Е. 88
 Разумовский А.Г. 315
 Раимов 228
 Райский И.П. 187
 Рамазанов Г.З. 141
 Рамиев З. (Дэрдменд) 174
 Распопов П.Н. 37
 Распутин В.Г. 103
 Рахимкулов М.Г. 6
 Рахимов Р.Н. 9
 Ребелинские 10
 Ребелинский М.С. 51, 71, 73
 Резанцев Г. 13
 Рейзенауэр А. 187, 188
 Ремезов Н.В. 367
 Репин И.Е. 126
 Рерих Н.К. 126, 127
 Решетников В.И. 347
 Роднов М.И. 13, 49, 55, 380
 Ройтберг Н.Г. 228
 Ромадановский Ю.И. 349
 Россинские 132–135
 Россинский В.П. 132, 133
 Рубинштейн А.Г. 185
 Рубинштейн Н.О. 185
 Рудаков 312
 Рукавишников А.И. 343
 Рummель В.В. 322
 Русланова Л.А. 346
 Руссо 228
 Рыбаков Г.С. 17
 Рыбаков П.Г. 89
 Рыловы 161
 Рындзюньские 151–153
 Рындин 335
 Рычков П.И. 5, 24, 31, 32, 34, 41, 46, 318, 334, 367

- Саади 137
 Савельев 221, 222
 Савинков Б. 20, 244
 Савины 299, 318
 Савиных В.П. 103
 Савичев Ф. 359
 Савостьянов Д. 185
 Сагитов С. 176
 Садилин 233
 Садовский Ф.П. 187
 Садыков К. 176
 Садыков О. 136
 Сазонов (Созонов) Е.С. 89
 Сазоновы (Созоновы) 144
 Салиев Б. 136
 Саям Г. 259
 Самойлов И.В. 151
 Сандорфи 227
 Саневская А.Е. 282
 Сапожников В.В. 234
 Сафонова 355
 Сафронов (Софронов) 310
 Сахаутдинова М.Н. 6
 Свище Я.С. 380
 Сельдимилов И.К. 142
 Сельям Ю. 243
 Семашко Н.А. 258
 Семенов И. 158
 Семенов М. 317
 Семенов Н. 359
 Семеновы 327
 Семионов И. 320
 Серафим, свящ. 56
 Сергеев 76
 Сергеев И.С. 221–223
 Сергеев Т. 271
 Сергейчук 245
 Серебренникова 185, 186
 Серебровский А.П. 26
 Серов В.А. 126, 127, 166
 Сесенов Д. 354
 Сибгатов Ф. 141
 Сигизмунд III, король 62
 Синенко С.Г. 6
 Синицын, учитель 88
 Сипайло (Сипайлов) А.В. 349
 Сипайло (Сипайлов) В.Л. 349
 Сипайлов М.Д. 351, 352, 353, 354, 356
 Сипайлов П.М. 354, 355
 Сипайлов С.Д. 355
 Сипайлов Я. 355
 Сипайлова (Брудинская) 354
 Сипайлова Т.П. 351–354, 356
 Сипайловы 28, 348, 349, 351, 356, 359
 Скачилов В.А. 6, 18, 20, 22, 23
 Складановский М. 212
 Скобелев 113
 Скрипов А.А. 209
 Скуратов П.Д. 357
 Смирнов А. 299
 Смирнов И. 354
 Смитон 143
 Смоленский В. 231
 Соболевский В. 226
 Соколов А.В. 359
 Соколова А.С. 152, 154
 Соколова М. 184
 Соколовы 160, 161, 186
 Сокурова Е. 358
 Сокурова Т.А. 358
 Солодовников 186
 Солоновский 185
 Сомов М. 10, 36, 63–65
 Сорокина В.М. 380
 Сосфенов И.П. 11
 Софронов (Сафронов) Ф.С. 143, 155
 Сошин А. 271
 Спенсер, лорд 96
 Спиридонова М. 20
 Спитта К. 187
 Сталин И.В. 166
 Старухин Т. 271, 317
 Стахеевы 157, 176, 223
 Степанов 12, 13
 Степанов И. 301, 319
 Степанов М. 341
 Степанов Н.Н. 244, 245
 Степанов С. 271
 Степанова 265
 Степанов-Зорин М.А. 162–166
 Степановы 327
 Степановы-Зорины 162–166
 Стефан, крестьянин 332
 Стива (Степанов) С.С. 192
 Стобеус Е.А. 129
 Страдивари 306
 Стракай Э.О. 226
 Стрелков 301
 Стрелкова Н. 317
 Стрепетов 227
 Строк О.Д. 346
 Строковский Е.О. 111
 Струве Н.А. 103
 Стышнев Л.М. 161
 Стэнли 88
 Субеев З. 140, 142
 Суворов А.В. 114
 Суворов Н.С. 298
 Суворова А.В. 341, 350, 351
 Судоплатов 270, 271, 358
 Суйковская 117
 Сулейманов А. 141
 Сулейманов, муфтий 76
 Султанбеков Б. 129
 Султанов А.-А. 177
 Султанов И.Х. 134, 136
 Султанов М., муфтий 174, 177, 178, 180
 Султанова З. 177
 Султанова М.И. 180
 Султанова М.Т. 174, 177–179
 Сурков К.Я. 351
 Сурков Л.К. 351
 Суровцев И.В. 343
 Суханова В.К. 147
 Сухтелен П.П., ген.-губ. 110, 113, 115, 197
 Сыртланов Ш.Ш. 174, 176
 Таган Г. 237
 Таганаев М. 299
 Тагиров А. 264
 Тагиров И. 181
 Тагиров М. 173
 Таич В.Д. 23, 24
 Талызин И.Д., губ. 111, 115
 Тарасова П.М. 306
 Таратунина (Россинская) В.И. 133
 Тарбеевы 28
 Тарджеманов, муфтий 240
 Таржемани (Тарджеманов) К. 181
 Тахаев Х.Я. 6
 Твен М. 229
 Твердышев 45
 Тевкелев К.Б. 174, 175
 Тевкелев С., муфтий 175, 180
 Тевкелев Ш.Ю. 127
 Тевкелева Ф.С. 175
 Тевкелевы 127, 175
 Телятев Т. 299
 Терегулов Г. 235, 242
 Терегулов С. 176
 Тернер 186
 Тетеревников Е. 353, 355
 Тетеревников П. 355
 Тиманова В. 186
 Тимашев И.Л. 314
 Тимашев К.К. 322, 342
 Тимашев М.К. 322
 Тимашева Е.Е. 322, 358
 Тимашевские 119
 Тимашевский М.И. 119
 Тимашевский О.И. 120
 Тимашевы 103, 231, 322
 Тимашевы-Беринг 322
 Тимонов 237
 Тимофеев Т. 271
 Тимофеевы 327
 Тимошевский
 (Тимашевский М.И.?) 183
 Тимченко А.С. 380
 Титов А. 231–233

- Титова М.И. 121
 Тихан 45
 Тихановская 295
 Тихон, свящ. 56
 Тицнер В.З. 235
 Тлепбергенов Ж. 136
 Токарева Е.С. 341
 Толстая Е.А. 183, 187, 230, 380
 Толстой Н.А. 278, 297
 Томин Н.Д. 236
 Топорнин А.А. 340
 Топорнина М.М. 12
 Топуз Г.В., арх. 139
 Торбеев (Тарбеев) Ф. 329, 362, 366
 Торбеев Е.Е. 359
 Травкин В.П. 119
 Траппер 342
 Третьяков П.М. 120, 122
 Третьяковы 299, 329
 Троицкий Ф.М. 121
 Тромпетт В.Г. 151, 152, 306, 307
 Тромпетт В.Ф. 151
 Тромпетт Г.Н. 306, 307
 Тромпетт Н.Г. 307
 Тромпетт Н.Н. 306
 Трофимов 364
 Трофимов Н. 322
 Труцци М. 226
 Тукаев М. 179
 Тукаев Ш. 176, 177, 180
 Тукай Г. 137
 Тукузов Г. 176
 Туровцев М.М. 149, 151
 Турчевы 314
 Турыгин А.А. 122, 123, 125, 126
 Туфан Х. 136
 Тушнов В.Х. 142, 190, 230
 Тырш М. 217
 Тычина П. 141, 256
 Тычино (Колокольцева) Л.И. 344
 Тюлькин А.Э. 116
 Тюрина М. 227

 Уайт 186
 Ульянов А.И. 20
 Уметбаев М. 176
 Ураков И.В. 318
 Ураков И.Г. 298
 Уракова Е.Н. 281
 Ураковы 299, 358
 Уржумцев М. 355
 Уржумцева С.И. 359
 Уржумцевы 355
 Урманова З. 177
 Усманов Х.У. 141, 173, 174, 176
 Успенский Г. 78
 Устинов Г. 317
 Ушатый В. 336

 Фадеев А. 138
 Фазылов Х. 174
 Фатахетдинов А. 181
 Фатихов Г. 141
 Фахретдинов Р., муфтий 178
 Федор Иоаннович, царь 34, 62
 Федоров Г. 268
 Федоров М.Г. 199, 200, 205–207
 Федорова А.П. 146
 Федоровы 146–148
 Федоровы 327
 Фетисов В.А. 154
 Фигнер В.Н. 78
 Филарет (Амфитеатров), свящ. 114
 Филарет (Гумилевский), свящ. 108, 109, 119
 Филатов Я. 264
 Филатов Я. 317
 Филипп IV, король 81
 Филиппов Н. 350
 Филиппова Л.П. 154
 Филоненко В.И. 8, 9, 13, 14
 Филонов А.И., арх. 257, 264
 Фирдоуси 137
 Флоренский П.А. 171
 Фокин В.И. 317
 Фомин 111, 112
 Фомин И., арх. 253
 Фосс Е.Н. 89
 Фострём А. 184
 Фрагранский, свящ. 63
 Фрисати 184
 Фролов Е. 359
 Фрунзе М.В. 239
 Фузеев Б.Д. 261
 Фюрст А.В. 360

 Хабибуллин Х.Г. 159
 Хаев Д. 76
 Хакимов Г.А. 173, 174, 176, 179
 Хакимов К. 136
 Хакимов М.-Н. 176
 Хакимов Н. 136
 Хакимова Б.-А. 179
 Халилов Г. 176, 181
 Халит Г. 140
 Хамитов Г. 176
 Ханжин М.В. 237, 239
 Харисов А. 141
 Харисов Г.Ш. 177
 Хасанжанова Р. 141
 Хатков А. 136
 Хилков Б.А. 268, 313, 329, 350
 Хисматуллин Г. 227
 Хихлуха Л.В. 140
 Холодная В.В. 211
 Хохряков В.Х. 88
 Хрипачев И.Е. 129

 Хруцкие 129
 Хрущева Н.И. 160
 Худайбердин Ш. 131
 Худаяров Г. 136
 Хусаин, имам 177
 Хусаинов Г. 141

 Цветков А.С. 184
 Цветков В.А. 365
 Цветкова (Барсова) Е.Я. 186
 Цветкова Л.А. 184
 Цезарь Г. 143
 Цибульский 221

 Чайковский Н.В. 243
 Чаныш А. 138
 Чапаев В.И. 239
 Чаплиц В.Н. 290
 Чванов М.А. 103
 Чеверева А.М. 24
 Черданцев А.А. 18, 19
 Черданцева М.А. 19
 Черепнины 149
 Черкалов (Черкало) 57
 Черни К. 184, 188
 Черников И. 268, 269, 312, 340
 Черников С.А. 143
 Черникова-Анучина Н.Н. 297
 Черников-Анучин А.Г. 341
 Черников-Анучин И.Г. 341
 Черников-Анучин Н.И. 298
 Черниковы-Анучины (Черниковы-Онучины) 268, 269–272, 299, 313, 314, 323, 329, 341, 345, 350, 358, 359
 Чернов А.А. 187
 Чернов В. 244
 Чернышева И.С. 248
 Черняев Н.В. 351
 Чертков С. 299
 Чертковы 186
 Четвериков Б.Д. 134
 Чехов А.П. 78
 Чечек С. 237
 Чечуха А.Л. 380
 Чижев А.Ф. 157
 Чижев Ф.Е. 116, 157, 209
 Чижева И.А. 359
 Чижева М.Ф. 359
 Чичагина А. 352
 Чичагов П.Н. 352
 Чоглоков (Чёглоков) П.Н. 36
 Чоглокова П.И. 28
 Чулошников А.П. 6

 Шаляпин Ф.И. 28, 104, 166–168, 186, 193, 194, 306
 Шаляпина И.Ф. 166–168

Шаляпина М.Ф. 194
 Шамгулов С.С. 82
 Шамсунов А.З. 176
 Шамсутдинов А. 181
 Шамсутдинов И. 141
 Шапошникова С.А. 187
 Шарков С.С. 351
 Шевелев 187
 Шейх-Али А.А. 128
 Шейх-Али А.Д. 128
 Шейх-Али Давлет М. 180
 Шейх-Али Даут М. 129
 Шейх-Али М. 174
 Шейхали М. 185
 Шепелева 214
 Шереметев, воевода 59
 Шереметев, граф 58
 Шерышевы 160
 Шестаев А.Ф. 380
 Шестаков М.С. 326, 358
 Шестаков Я. 326
 Шестаковы-Куручкины 326
 Шибаев Д. 276
 Шиленкова О.И. 186
 Шишкин И.И. 126
 Шкапские 133
 Шмитц Н.А. 78
 Шретер И.В. 127
 Штегман В.Х. 187

Штейн В.М. 138
 Штейнгель В.И. 52
 Штехер 117
 Штехер С.Г. 306, 368
 Шуберт Ф. 186
 Шубинский 344
 Шувалко (Кадомцев) 331
 Шульженко К.И. 346
 Шумилин В. 64
 Шушпанов Г.П. 380
 Шушпанов С.Г. 380

 Щеголев П.Е. 52
 Щеголева (Аничкова) А.С. 341, 357
 Щекунов 296
 Щелчков Е.М. 283
 Щербачев А. 125
 Щиголев Н. 299
 Щусев 123

 Эверсман 70
 Эгизаров 227
 Эдисон Т. 211, 212, 229
 Эдуард, австриец 171
 Эпштейн Р.Ю. 72
 Эрденко М.Г. 187
 Эрзен 228
 Эристов 270
 Эссен П.К., ген.-губ. 197

Юденич Т.Н. 159
 Юзеев (Юзиев) Н. 141, 142
 Юзеев И. 137
 Юлаев С. 14, 21, 23, 365
 Юматов В.С. 5, 60
 Юматовы 133
 Юрьев А. 26
 Юсов Г.А. 156
 Юсупов-Шарки З. 141

 Яблочкина А.А. 131
 Ягодин 221
 Ягудин Ф. 174
 Языков А.М. 352
 Якобий 48
 Яковлев Г. 303
 Яковлев Д.Г. 323
 Яковлев М. 354
 Яковлев Н. 271
 Яковлев Ф. 327
 Якшин С. 290
 Ямашевы 153
 Янаби Т. 259
 Янгиров Р.М. 380
 Янчевский И.К. 193
 Янчура Измаильтянин, князь
 60
 Янышевский 228
 Ярошевский, проф. 185

1. **Агеева Маргарита Викторовна.** Окончила исторический факультет БГУ. Ею подготовлены три сборника статей по истории Уфы в издательстве РИО РУНМЦ МО, которые в 2006 году составили основу книги «Уфа: страницы истории», вышедшей в издательстве «Китап».
2. **Агте Владимир Сергеевич** — публицист, пишущий на темы истории России, работает в Музее истории развития образования Республики Башкортостан.
3. **Азаматова Гульназ Булатовна** — кандидат исторических наук, заведующий отделом культурологии Института гуманитарных исследований АН РБ. Автор монографий: «Уфимское земство (1874–1917)», «Интеграция национального дворянства в российское общество», «Башкиры в системе земского самоуправления 1870–1917».
4. **Барсов Николай Николаевич** — см. в статье о краоведах (стр. 19).
5. **Буравцов Владимир Николаевич**, инженер, краевед и коллекционер-филокартист. Имеет большое количество публикаций по истории Уфы. В 2013 году им была подготовлена книга «Уфимские гимназии и средние специальные училища (очерки по истории учебных заведений Уфы первой половины XIX – первой четверти XX вв.)».
6. **Габитова Люция Радиковна** — научный сотрудник Национального музея. Область интересов: история, краеведение, музееведение. Автор статей по истории и краеведению, путеводителей.
7. **Григоренко Людмила Федоровна** — историк, заместитель директора Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Имеет ряд публикаций в журналах «Археография Южного Урала».
8. **Гудкова Зинаида Ивановна** — см. в статье о краоведах (стр. 27).
9. **Добровотворский Петр Иванович** (1839–1908). Писатель, публицист. С 1863 года исполнял должность мирового посредника (судьи) в Бирском, Белебеевском, затем в Уфимском уездах. Выйдя в отставку, переехал на постоянное место жительства в Уфу и занимался литературно-журналистской деятельностью. Его книги рассказов, очерков и воспоминаний правдиво отражали различные стороны современной писателю жизни как русских крестьян, заводских рабочих Уфимской губернии, так и коренного населения края — башкир.
10. **Егоров Андрей Витальевич** — историк, автор статей по истории края. Является разработчиком проектов и сценариев к фильмам и передачам телеканала «Культура».
11. **Егоров Павел Владимирович** — старший научный сотрудник, историк ГБУК «Научно-производственный центр по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия» при Министерстве культуры РБ, историк Уфимской митрополии. Автор и соавтор книг по истории Уфы и Уфимской епархии. Имеет множество публикаций по краеведению.
12. **Игнатьев Руф Гаврилович** — см. в статье «Уфимские адреса Руфа Игнатьева» (стр. 8).

13. **Исаев Николай Петрович** — уфимец в третьем поколении, выпускник авиационного института, работал на предприятиях и в конструкторско-технологических бюро, преподавал технические дисциплины — черчение, электротехнику, технологию металлов и проч.
14. **Камаева Люция Музакировна** — кандидат психологических наук. Окончила Башкирский государственный пединститут. Автор более 60 научных статей и тезисов, учебного пособия для студентов и аспирантов. С 2004 года возглавляет в Уфе общественное объединение «Фонд культуры имени Мажита Гафури».
15. **Макарова Вера Николаевна** — кандидат исторических наук, заведующий отделом истории края Национального музея РБ. Автор более 300 статей и 5 книг по истории, краеведению, музееведению.
16. **Мансырев Михаил Ибрагимович** — живет в Москве, работает в области мобильной связи.
17. **Маслова Анна Павловна** — журналист, переводчик, краевед. Окончила факультет иностранных языков Башкирского государственного университета.
18. **Нефёдова (Рыбченко) Тамара Ивановна** (1951–2005) — художник и журналист, автор многочисленных публикаций по истории города Уфы и книг: «Гостиный двор в Уфе», «Мариинская гимназия», «Пляска святого Витта». Заслуженный работник культуры РБ.
19. **Нигматуллина Ирина Владимировна** — кандидат философских наук, доцент региональной кафедры философии, истории и права Уфимского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Автор историко-краеведческого сборника «Старая Уфа», вышедшего в 2004 году.
20. **Роднов Михаил Игоревич** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и истории культуры Башкортостана. Автор и соавтор книг и брошюр по истории края.
21. **Свице Янина Сигизмундовна** — исследователь истории Уфимской епархии, уфимского духовенства, тем, связанных с жизнью, творчеством и пребыванием в нашем крае С.Т. Аксакова, А.П. Чехова, М.А. Осоргина, М.В. Авдеева и др. Около 40 опубликованных работ в различных краеведческих и научных сборниках, периодической печати.
22. **Сорокина Валентина Мефодьевна** — искусствовед, главный хранитель БГХМ имени М. Нестерова, заслуженный работник культуры РБ.
23. **Тимченко Александр Степанович** (1904–1996), родился в Ставрополе, окончил уфимскую гимназию и Учительский институт (ИНО). Преподавал математику в школах и техникумах Уфы, несколько лет работал собкором «Учительской газеты» по Башкирии, был научным сотрудником краеведческого музея.
24. **Толстая Екатерина Александровна** (1882–1968). Окончила Мариинскую гимназию, Московскую консерваторию, училась в Сорбонне. Владела несколькими языками. После революции преподавала в музыкальной школе.
25. **Чечуха Анатолий Львович** — журналист, коллекционер, автор статей и очерков по истории Уфы в периодических изданиях города.
26. **Шестаев Аркадий Фаритович** — краевед, коллекционер, журналист, исследователь быта уфимцев XIX — первой половины XX века.
27. **Шушпанов Георгий Петрович** (1933–2006) — учитель, журналист, первый председатель исполкома Съезда (Канаша) чувашей Башкортостана.
28. **Шушпанов Сергей Георгиевич** — историк, журналист.
29. **Янгиров Радмир Марванович** — кандидат исторических наук, доцент, заслуженный работник культуры БАССР. Преподавал в Башкирском государственном университете, Уфимском государственном авиационном техническом университете. Имеет множество публикаций по истории Уфы.

